Восьмидесятилетнему юбилею

РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА –

крупнейшего ученого и организатора науки, многолетнего руководителя ключевых направлений деятельности российской археологии, активному воспитателю ее кадров, безотказному наставнику и помощнику, обаятельному и душевному человеку посвящают эту книгу его соратники, коллеги, ученики и друзья…

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт археологии

Археология Кавказа и Ближнего Востока

Сборник
к 80-летию члена-корреспондента РАН,
профессора Р.М. Мунчаева

Редакторы-составители
профессор, доктор исторических наук *Н.Я. Мерперт*,
доктор исторических наук *С.Н. Кореневский*

ТАУС
Москва • 2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 63.48(5)-4я434
ББК [902+904](479+5-15)(081)
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

РЕЦЕНЗЕНТЫ
доктор исторических наук *В.И. Гуляев*
доктор исторических наук *А.А. Масленников*

А87 **Археология Кавказа и Ближнего Востока** : сб. к 80-летию члена-корреспондента РАН, профессора Р. М. Мунчаева / отв. ред. Н. Я. Мерперт, С. Н. Кореневский. — М. : ТАУС, 2008. — 416 с. : ил. — ISBN 978-5-903011-37-7.

В сборнике, издаваемом в честь 80-летнего юбилея Р.М. Мунчаева, собраны работы, отражающие широкую тематику исследования древних памятников Кавказа и Ближнего Востока, начиная от нижнего палеолита до эпохи средних веков. Многие его статья вводят в научный оборот новые яркие археологические материалы, публикуют обобщающие обзоры, а также специальные исследования археологических источников. Отдельные работы посвящены изучению майкопской культуры Северного Кавказа и поселения Телль Хазна в Сирии, то есть касаются тех тем, которым уделено особое внимание в трудах Р.М. Мунчаева.

УДК 63.48(5)-4я434
ББК [902+904](479+5-15)(081)

ISBN 978-5-903011-37-7

© Авторы статей, 2008
© ООО «Таус», 2008

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Н.Я. Мерперт.
К восьмидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева 7

Список печатных трудов Рауфа Магомедовича Мунчаева 27

КАВКАЗ В «ЭПОХУ КАМНЯ И БРОНЗЫ»

Х.А. Амирханов.
Хунзахская стоянка — памятник верхнего палеолита в Центральном Дагестане 41

С.М. Осташинский.
Геометрические микролиты поселения Мешоко. 53

С.Н. Кореневский.
Современные проблемы изучения майкопской культуры 71

С.Н. Корневский, Б.Х. Атабиев,
А.Я. Аккизов, А.Х. Хаширокова.
Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии 123

А.Д. Резепкин.
Поселение Новосвободненское 156

А.Н. Гей.
Погребальные памятники майкопской культуры в низовьях Кубани 177

Н.В. Рындина, И.Г. Равич, С.В. Быстров.
О происхождении и свойствах мышьяково-никелевых бронз
майкопской культуры Северного Кавказа (ранний бронзовый век). 196

Г.Н. Поплевко.
Комплексное исследование материалов поселения майкопской культуры Пхагугапе 222

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Ю.Н. Спасовский.
Результаты определения остеологических сборов из поселений майкопской культуры «Новосвободненское» и «Пхагуапе» (Сезон 2006 года) 256

Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская.
Феномен майкопской общности и ее радиоуглеродная хронология 259

М.С. Гаджиев, Р.Г. Магомедов.
Торпах-кала — Куро-аракское поселение и Сасанидское городище в южном Дагестане 276

М.В. Андреева.
Кенотафы восточноманычской катакомбной культуры как погребально-жертвенные комплексы. 298

Древние памятники Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии

Н.О. Бадер.
Разведки Российской археологической экспедиции в Северной Мессопотамии 309

Н.Я. Мерперт.
Обводные оборонительные стены Телль Хазны I 320

Ш.Н. Амиров.
«Парадная» керамика поселения Телль Хазна 1 331

М.В. Добровольская, М.Б. Медникова.
Погребения на Телль Хазне I: данные антропологии 350

Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева.
Продукция земледелия и скотоводства на Телль Хазне I (археобиологическая реконструкция) 374

Г.М. Бонгард-Левин, В.А. Гаибов, Г.А. Кошеленко.
Материалы нумизматики о религиозно-политической реформе в Греко-Бактрии 390

Г.Е. Афанасьев.
К проблеме исторической интерпретации археологических памятников (по поводу книги А.А. Тортики «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы») 402

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Н.Я. Мерперт

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА

80 лет... Возраст весьма почтенный, вызывающий глубокое уважение, знаковый в человеческий жизни. Возраст подведения итогов, особенно когда речь идет о жизни предельно активной, насыщенной постоянным развитием и неизменными свершениями. Возраст, когда человек вправе гордиться этими свершениями, благотворной отдачей своей активности, сил, таланта, отношения к делу и, главное, отношения к людям. Часто в связи со столь почтенным юбилеем можно слышать слова о «праве на заслуженный отдых», о передаче эстафеты новому поколению, о сохранении традиции и т.п. Что же, по отношению ко многим это определенным образом оправданно. Но ни коим образом не касается Рауфа Магомедовича. Нас связывает с ним без малого шестьдесят лет жизни в самых различных ее проявлениях: дружбы, единомыслия, сотрудничества, разработки общих научных проблем, оценки людей, стран и событий. Мы радовались быстро достигаемому согласию, что отнюдь не исключало достаточно острых, но всегда плодотворных дискуссий. И я считаю себя вправе уверенно утверждать, что во всех своих проявлениях — научных, общественных, организаторских, конкретно исследовательских — от интерпретации отдельных, не расшифрованных ранее феноменов до создания широких исторических полотен общеисторического значения, наконец, во взаимоотношениях с людьми, следует говорить о непрестанном подъеме, непрестанном совершенствовании юбиляра. Каждый год ознаменован все новыми его свершениями, все большей перспективой его деятельности. Что же касается «заслуженного отдыха» (пусть стократно заслуженного), то о нем и говорить еще не приходится. И возраст оказывается здесь решительно побежденным. Говорить можно лишь о безусловном творческом прогрессе, все более ярком и охватывающем все более значительные проблемы древнейшей истории человечества.

Не впервые доводится мне отмечать юбилей моего друга и соратника. И я счастлив повторить слова, сказанные десять лет тому назад о том, что Р.М. Мунчаев встречает новое свое десятилетие «не только сохранившим, но и продолжающим наращивать свои трудоспособность, упорство в преодолении трудностей, поразительную научную организованность, умение увидеть главное в каждом начинании и довести его до конца» (Мерперт, 1998. С. 5).

Прошедшие десять лет все эти качества Рауфа Магомедовича проявились еще более ярко и плодотворно, определяя год от года дальнейшие достижения в его многогранной деятельности. И нынешний свой юбилей он встречает одним из лидеров российской науки, членом-корреспондентом заложенной Петром Великим Академии наук России, прославленной общепризнанными и непрестанно возрастающими достижениями во всех областях человеческого знания. Последние в полной мере охватывают и гуманитарные науки — фактически постоянное и всестороннее обогащение познания человека, его развития, совершенствования, достижений, судеб в бесконечном их многообразии

И здесь роль Рауфа Магомедовича в постижении бескрайней проблематики «человековедения», в физиологическом, духовном, материальном, культурном и социальном аспектах трудно переоценить. Достаточно краткого обзора состояния упомянутого комплекса наук во второй половине XX и первом десятилетии XXI века, т.е. в сравнительно короткий срок,

Магомед Гусейнович Мунчаев — отец Р.М. Мунчаева

связанный с деятельностью Р.М. Мунчаева, чтобы убедиться в этом. Археология — основное дело его жизни — одно из стержневых направлений этого комплекса. Ход и направление ее развития — достаточно благодарный материал для такого обзора. И сопоставление всех соответствующих параметров — масштабного, хронологического, проблемного, методического, кооперирования с прочими комплексами наук — как гуманитарных, так и естественных, т.е. соответствия общему уровню современного научного развития, безусловно, свидетельствует о выходе отечественной археологии в указанный период на абсолютно новый качественный уровень.

И фактически все упомянутые основные параметры общего ее прогресса неразрывно связаны с предельно многогранной деятельностью Р.М. Мунчаева — инициатора, исследователя, методиста, координатора. В целом же автора многочисленных открытий принципиального значения, резко обогативших представления о факторах, обусловивших сложение древнейших для всего Старого Света экономических и культурных очагов и их развития вплоть до преддверья первых цивилизаций.

Столь широкий, целенаправленный и плодотворный характер научной деятельности был выработан юбиляром в результате упорного, самоотверженного труда в ходе многих десятилетий, предельного внимания к каждой практической и теоретической инновации как в самой археологии, так и в целом ряде контактирующих с ней наук, критического пересмотра ряда укоренившихся ранее заключений. Корни же специфического «мунчаевского» почерка восходят к самому началу трудового его воспитания, а далее и самостоятельной выработке принципов трудовой деятельности.

Полагаю оправданным обратиться к этим корням.

Специфична уже сама семья юбиляра, ее принципы, ее каноны. Родился Рауф Магомедович в городе Закаталы (Республика Азербайджан) 23 сентября 1928 года в лакской семье Магомеда Гусейновича и Айшат Муртузалиевны Мунчаевых. Отец его был искусным ремесленником-ювелиром, достойно унаследовав традиционную для дагестанцев, и особенно для лакцев, профессию, достигшую у них поразительного развития. Многие годы старший Мунчаев плодотворно трудился в Тбилиси. Перипетии 20-х годов ушедшего века побудили его вернуться в Дагестан, но по дороге в родной аул Кумух он задержался, а далее и обосновался в Закаталах. Мунчаевы снискали в городе известность и уважение. Через много десятилетий мне довелось побывать в родном городе моего друга, попросившего меня поклониться дому, в котором прошли его детство и юность. Я с удовольствием это выполнил, хорошо запомнив и сам дом, и немецкую кирху на углу короткого уютного переулка, и старую русскую крепость, почти отвесно нависшую над домом. Город был интернациональным: в нем в согласии и сотрудничестве жили, трудились и учились азербайджанцы, дагестанцы, русские, армяне, евреи, немцы. И на сей раз: собрались люди, узнав, что спрашивают о доме Мунчаевых, многие помнили эту семью и говорили о ней очень тепло.

А семья и впрямь была уникальной. Было в ней пятеро детей, и все они с самого начала воспитывались в традициях трудолюбия, глубокого уважения к старшим, постоянного совершенствования в любом деле, стремления к знаниям и активному их использованию. Забегая далеко вперед, отмечу плоды такого воспитания: трое братьев из семьи Мунчаевых стали профессорами в различных областях науки (один из них — нынешний юбиляр — чле-

Отряд Куйбышевской экспедиции в Среднем Поволжье. Слева направо: О. Евтюхова, И. Межеричер, Ю. Новиков, Р. Мунчаев, Н. Мерперт, В. Богословский. 1951

ном-корреспондентом Российской Академии наук), сестра — доцентом, специалистом по русской литературе. Много ли можно назвать семей, воспитавших такое потомство?

А время было очень нелегким, что Мунчаевы познали в полной мере. Дважды Магомед Гусейнович подвергался царившему тогда произволу и был незаконно репрессирован (к счастью, явная абсурдность предъявленных ему претензий обусловила относительно скорое освобождение, полную реабилитацию и многолетнюю работу в системе органов заготовок). Но до этого на Рауфа Магомедовича, как на старшего из детей, легла ответственность за семью. Началась активная трудовая жизнь, сочетавшаяся с чрезвычайно успешной учебой в русской школе. Там у него очень рано пробудился интерес к истории и к русской литературе, прежде всего к поэзии, которую он мог часами цитировать. Дар этот не утерян им и поныне: более чем через полвека, в легендарных первичных центрах человеческой цивилизации — Месопотамии и Сирии — в часы дневной сиесты руководимой им экспедиции Рауф Магомедович (в очередь с автором этих строк) с упоением читал гениальные строки Пушкина, Лермонтова, Блока. По сей день с глубокой благодарностью вспоминает он открывшую ему эти сокровища учительницу русского языка и литературы его школы Н.Н. Харикову — выпускницу московской женской гимназии. И наряду с этим — труд, труд и труд. Всегда безотказный, самоотверженный, а то и отважный. Помню его рассказ о том, как отец, прискакав домой глухой ночью, поручал ему — еще подростку — вернуть коня на пастбище, находившееся достаточно далеко от города. В абсолютной тьме, по бездорожью, в полном смысле слова по далеко не безопасным тропам доставлял он коня по назначению. И вспоминал об этом без тени страха или драматизма, как о рядовом бытовом эпизоде, даже несколько романтичном. И такие воспоминания могли бы составить содержательный и многообразный сборник, освещающий становление характера юбиляра.

Далее — учеба в Дагестанском государственном пединституте. И здесь уже студент Мунчаев стремится взять максимум от занятий, с особым вниманием относясь к лекциям и семинарам высококвалифицированных специалистов, как дагестанских, так и представителей русской научной школы. Здесь следует назвать крупнейшего историка Дагестана профессора Расула

Ярымтепе. Лагерь советской экспедиции в Ираке

Иракская экспедиция отмечает 70-летие Н.Я.Мерперта (слева направо: Р.М. Мунчаев, Н.О. Бадер, В.И. Гуляев, В.А. Башилов, Н.Я. Мерперт)

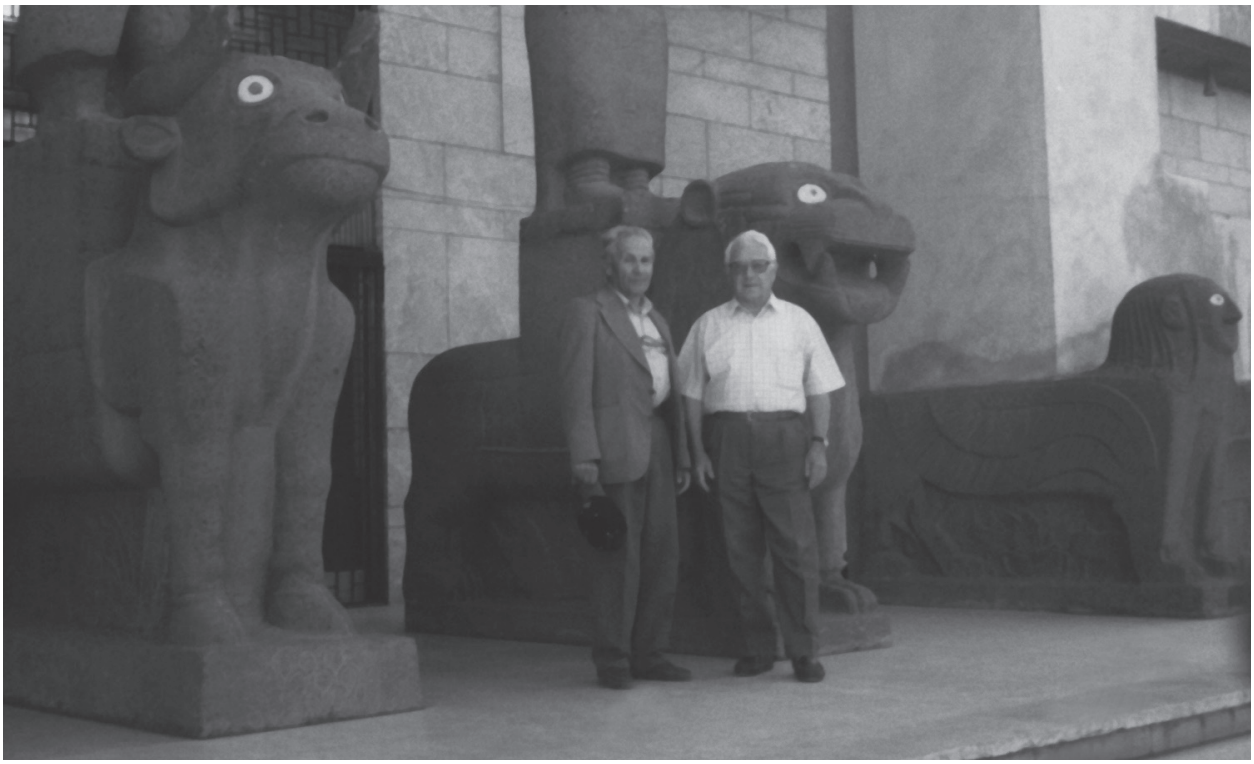
Р.М. Мунчаев с коллегами А.П. Деревянко, В.И. Гуляевым и В.И. Молодиным

Магомедовича Магомедова и преподавателя истории Древнего мира Веру Павловну Дзагурову, ученицу замечательного московского профессора Владимира Николаевича Дьякова, создавшего целую школу преподавателей и исследователей древней истории, оставивших глубокий след как в ней, так и в археологии. В значительной мере влияние именно этих учителей оказало в первую очередь плодотворное воздействие на конкретизацию особой заинтересованности Рауфа Магомедовича указанными дисциплинами, а внутри них – первобытной археологией (энеолитом и бронзовым веком) его родного Кавказа.

Мы проработали совместно с Рауфом Магомедовичем 34 полевых сезона. И я не помню ни одного из них, когда бы не упоминались имена этих людей. А столь прочная память об учителях и их роли в становлении и дальнейших судьбах человека – замечательная черта, вызывающая самое глубокое уважение.

Несколько слов об избранной юбиляром научной проблематике. Безусловная перспективность археологического изучения Северного Кавказа была четко определена уже в XIX веке, на заре отечественной археологии. Замечательные открытия как отдельных феноменов, так и целых ярчайших культур этого удивительного региона привлекали к себе особое внимание российских и зарубежных исследователей, справедливо предвосхищая определение здесь одного из древнейших культурных очагов юга евразийского пограничья. Были охарактеризованы отдельные компоненты этого очага, а некоторые из них подверглись и анализу с определением их специфики и взаимодействия. Но целостная картина энеолита и бронзового века Северного Кавказа (да и Кавказа в целом) с обоснованием роли в ней каждого из компонентов и места их в общем развитии как самого указанного региона, так и обширных сопредельных ему территорий от Восточной Европы до Ближнего Востока создана не была. Эта важнейшая работа выпала на долю Р.М. Мунчаева.

И начало ей положила аспирантура Института археологии АН СССР, в которую он был принят в 1949 году и проходил под руководством Е.И. Крупнова, строгого и требовательного исследователя, вся научная жизнь которого была посвящена изучению археологии и древней истории Северного Кавказа. Его благотворное воздействие сыграло решающую роль в профессиональной подготовке аспиранта Мунчаева. Но Рауф Магомедович стремился к максимальному расширению и углублению пос-

Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев. Сирия, Национальный музей в г. Алеппо

ледней, к полноценному использованию возможностей, которые предоставляли ему московские научные учреждения. Он, аспирант Академического института, два года вместе со студентами занимается на кафедре археологии исторического факультета МГУ, где слушает полные курсы таких выдающихся ученых, как С.В. Киселев и Б.Н. Граков, принимает активное участие в работе сектора неолита и бронзового века нашего института, слушает наиболее важные доклады на заседаниях и других секторов. И кандидатских экзаменов по специальности сдавал он не один, как практикуется ныне, а пять, причем по резко различным темам – от энеолита до Хазарского каганата.

Совершенно закономерно, что его полевая практика началась в Дагестане, в составе экспедиции К.Ф. Смирнова (1950 г.). Но уже в следующем, 1951 году он активно участвует в раскопках в зоне затопления строящейся Куйбышевской ГЭС на Средней Волге, где исследовались классические памятники лесостепного бронзового века – курганы и поселения срубной культуры. Работы эти были весьма напряженными и результативными. И в ходе их прекрасно проявились и оперативность постижения Р.М. Мунчаевым новой проблематики и соответствующей методики, и организационные его способности, и умение быстро адаптироваться среди местного населения, неизменно завоевывая его симпатии. Три сезона проработал он на Волге, совмещая эти работы с раскопками на Кавказе. И помню такой случай. В деревне Русско-татарские Выселки в районе г. Ставрополя (ныне г. Тольятти) Рауф Магомедович сумел заинтересовать раскопками курганов местных крестьянок. Заинтересовались они и его народностью. Спорили-гадали, пока одна из них не резюмировала: «Да что вы, бабоньки! Все они русские! Это только нация у них другая».

Что же касается Кавказа, то с поразительной оперативностью Р.М. Мунчаев умножил число исследованных там памятников, проанализировал материалы всех основных коллекций, добытых ранее, архивные материалы, соответствующую литературу. И уже в 1953 г., т.е. в установленный срок, завершил диссертационное исследование «Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тысячелетия до н. э.)». Защита его собрала значительную аудиторию, прошла очень темпераментно и завершилась единогласным присуждением соискателю искомой научной степени кандидата исторических наук. Глубоко справедливо первый его оппонент Б.Б. Пиотровский, прославленный своими уни-

Р.М. Мунчаев вместе с моей дочерью Надеждой и внучкой Машей

Выступление на Круглом столе в Государственной думе

Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев и В.В. Бобров на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С.В. Киселева. Минусинск

кальными открытиями на Кавказе и не менее значительными синтетическими исследованиями по основным вехам кавказской археологии, в своем отзыве особо подчеркнул, что именно Дагестан являлся подлинной лакуной в этой важнейшей проблематике, исследование же Р.М. Мунчаева положило начало успешному заполнению данного пробела. Это касалось и определения основных этапов культурного развития региона, и документирующих их конкретных культурных общностей, соотношения между ними, их периодизации и хронологии, наконец, общей их роли в древней истории как самого Кавказа, так и обширных смежных областей. Были заметно конкретизированы определения энеолита и бронзового века Дагестана, хотя оба эти понятия, как и отнесение к ним определенных культур, оставались в те годы остро дискуссионными для Кавказа в целом, и предложенные Р.М. Мунчаевым опыты периодизации и хронологии обоих этих периодов Северо-Восточного Кавказа получили в дальнейшем значительное развитие, превратившись в известный эталон для соответствующих разработок в ряде других областей многообразного кавказского региона.

Все это полностью оправдывало определение Б.Б. Пиотровским кандидатской диссертации Рауфа Магомедовича как новаторского исследования. Полностью подтверждалось это и первыми после защиты экспедициями Р.М. Мунчаева (очень краткий период после защиты он проработал в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР) в Горный Дагестан. Они привели к открытию и введению к научный оборот группы памятников III–II тысячелетий до н. э., а некоторых и значительно более раннего времени (начиная с каменного века). Особенно важно, что открытия эти сделаны именно в горных районах, т.е. на территории, где проживает большинство коренных народностей многоязычного Дагестана и которая вместе с тем оставалась белым пятном на археологической карте Кавказа.

Среди важнейших открытых здесь памятников оказалось и получившее мировую известность Чохское поселение, блестяще исследованное позднее Х.А. Амирхановым. Материалы его имеют принципиальное значение для разработки ключевой проблемы появления на Кавказе и — более того — на юге России в целом древнейших земледелия и животноводства (Амирханов, 1987).

Вновь открытые памятники позволили Рауфу Магомедовичу приступить к определе-

В Институте археологии

нию локальных особенностей развития ряда культур и рассмотреть достаточно важные проблемы, включая и проблему самого заселения Горного Дагестана. Таким образом, за предельно короткий срок работы в упомянутом институте Р.М. Мунчаев сумел как заметно умножить число принципиально важных памятников этой территории, так и определить дальнейшие перспективы систематического ее изучения.

Особо отмечу разработку общей проблемы кавказского энеолита и соотношения его со следующим этапом развития — ранним бронзовым веком этого важнейшего культурного очага. (Как известно, до конца 50-х и начала 60-х годов XX в. куро-аракская и майкопская культуры Кавказа относили к энеолиту. Новые открытия заставили, однако, пересмотреть периодизацию культурно-исторического развития древнейшего Кавказа. В частности, в Закавказье был открыт мощный культурный пласт, предшествующий куро-аракской культуре и относящийся к подлинному энеолиту. Куро-аракская и майкопская культуры отнесены к эпохе ранней бронзы. Р.М. Мунчаев внес заметный вклад и в эту важную работу.)

Исследования Каякентского поселения в Дагестане, а далее Лугового поселения в Ингушетии, широко вскрытого за три полевых сезона, позволили Рауфу Магомедовичу убедительно показать определенную преемственность в развитии культуры обоих названных периодов и выявить конкретные формы связи их с синхронными культурами прочих областей Северного, а также Южного Кавказа. Впервые был поставлен вопрос о сочетании в едином слое Лугового поселения элементов классических культур раннего бронзового века: южной — куро-аракской и северной — майкопской, а следовательно, и о взаимодействии их. Являясь как бы северной границей распространения культуры куро-аракского энеолита, пишет Р.М. Мунчаев, Луговое поселение вместе с тем служит связующим звеном между древнейшими культурами Закавказья и Северного Кавказа. Этим определяется значение данного памятника (Мунчаев, 1961. С. 29). Столь же значительны целенаправленные исследования Северо-Западного Прикаспия, документирующие двусторонние контакты с восточноевропейской степной полосой. Новые материалы подтвердили постулированный ранее Р.М. Мунчаевым тезис о проникновении во II тысячелетие до н. э. степных племен — носителей катакомбной культуры вглубь Кавказа (Мунчаев, 1965).

С Г.М. Бонгард-Левиным. 2005. Фанагория

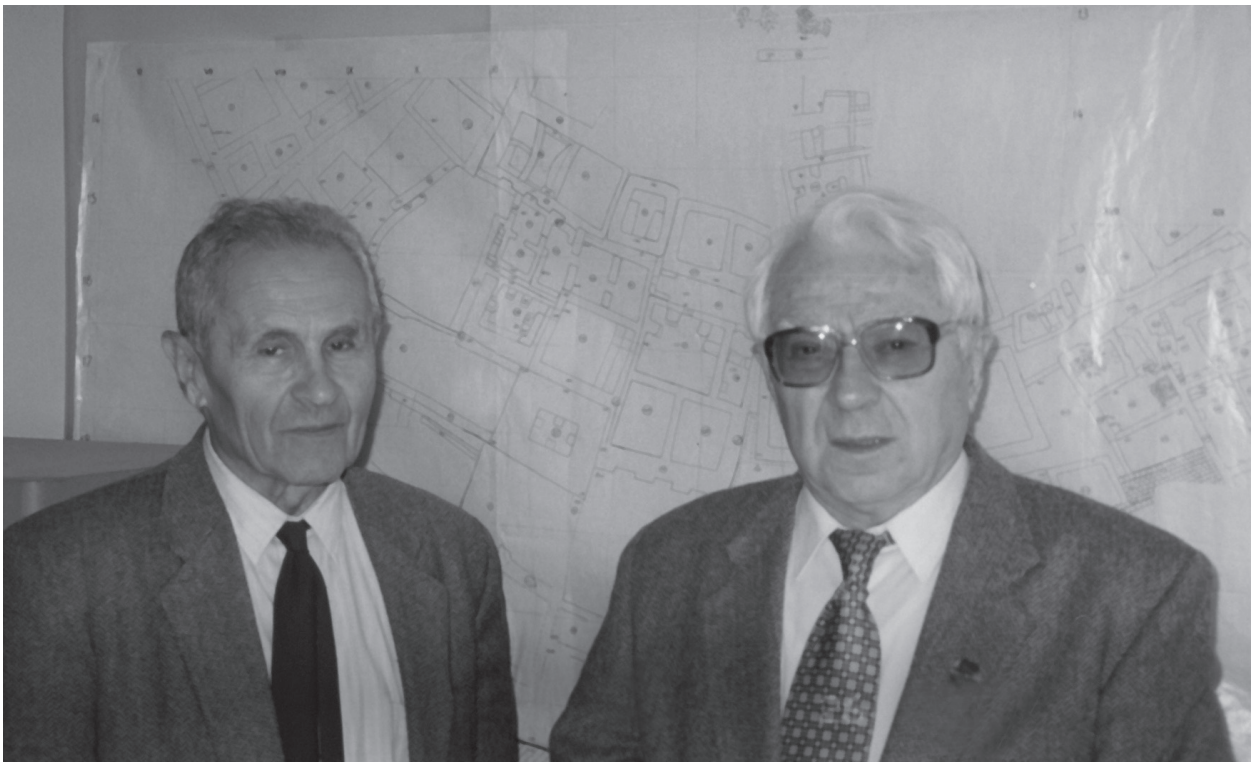
В Таманском музее

С Н.Я.Мерпертом на Салбыкском кургане. Южная Сибирь. 2004

Особо необходимо подчеркнуть роль юбиляра в начале широкого и систематического исследования археологии Чечни, оставав-шейся одной из наименее изученных областей Северного Кавказа. Здесь прежде всего требовались систематические, охватывающие все ландшафтные зоны области, разведки. Они были возложены на специальный отряд, возглавляемый Р.М. Мунчаевым. И за несколько последовательных сезонов такими разведками была охвачена вся Чечня. Их результатом явилось открытие серии весьма информативных памятников различных периодов, вошедших в золотой фонд кавказской первобытной археологии (Мунчаев, 1966; Марковин, Мунчаев, 1967). Особое место среди них принадлежит I и II Сержень-Юртским поселениям и могильнику. Раскопки их были начаты Рауфом Магомедовичем в 1958 году. Он определил огромное значение этих памятников для исследования ярчайшего феномена раннего железного века Северного Кавказа – кобанской культуры (I тысячелетие до н. э.), под предельно насыщенным слоем которой открыт весьма своеобразный комплекс раннего бронзового века (III тысячелетие до н. э.), что резко повысило общую информативность памятника. Дальнейшие раскопки Р.М. Мунчаева (Мунчаев, 1962; 1975), автора этих строк (Мерперт, 1962) и прежде всего многолетние широкомасштабные исследования В.И. Козенковой (Козенкова, 2001) превратили Сержень-Юрт в подлинно эталонный памятник и по ценности полученных материалов, и по исторической их интерпретации. И начало этому положено юбиляром.

В той же Чечне и на смежных территориях Р.М. Мунчаев открыл и провел масштабные раскопки целого ряда курганных могильников, заметно изменивших представления о распространении, уровне развития и взаимодействии с прочими культурными образованиями знаменитой майкопской культуры. Достаточно назвать здесь исследовавшиеся десять лет Бамутские курганы (Мунчаев, 1964, 1965; и др.), Усть-Джегутинский могильник в Карачаево-Черкессии (Нечитайло, Мунчаев, 1966) и многие другие. Все эти важные памятники с завидной оперативностью вводились в научный оборот. Вслед за большой серией статей в 1961 году Рауф Магомедович опубликовал большую монографию «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа» (МИА; № 100), где наряду с уже отмеченными дан-

Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев. 1999

ными Лугового поселения привлечены и систематизированы материалы древнейших (III тысячелетие до н. э.) памятников всего Кавказа, как Северного, так и Южного. В результате были обоснованы не только тесные связи между ними, но и поразительное их единство, особо подчеркнутое приветствовавшим эти исследования Е.И. Крупновым, справедливо предположившим определенную роль его как подосновы кавказского этнического субстрата. Монография конкретизировала характер этого единства и представила определенную систему его доказательств. Заметно были уточнены общие представления о кавказском энеолите и, главное, о месте этого феномена в системе ближневосточного очага складывающихся древнейших цивилизаций, важнейшим форпостом которого на евразийском пограничье по праву может считаться Кавказ. В этом плане Р.М. Мунчаев явился достойным продолжателем исследовательских направлений, заложенных такими крупными представителями отечественного кавказоведения, как Б.А. Куфтин и А.А. Иессен. Именно эти ученые положили начало рассмотрению древнейших культурных феноменов Кавказа в общей системе развития Ближнего и Среднего Востока (Месопотамии, Ирана, Анатолии, Восточного Средиземноморья) и Восточной Европы (балкано-эгейского региона). Р.М. Мунчаев продолжил и развил это направление.

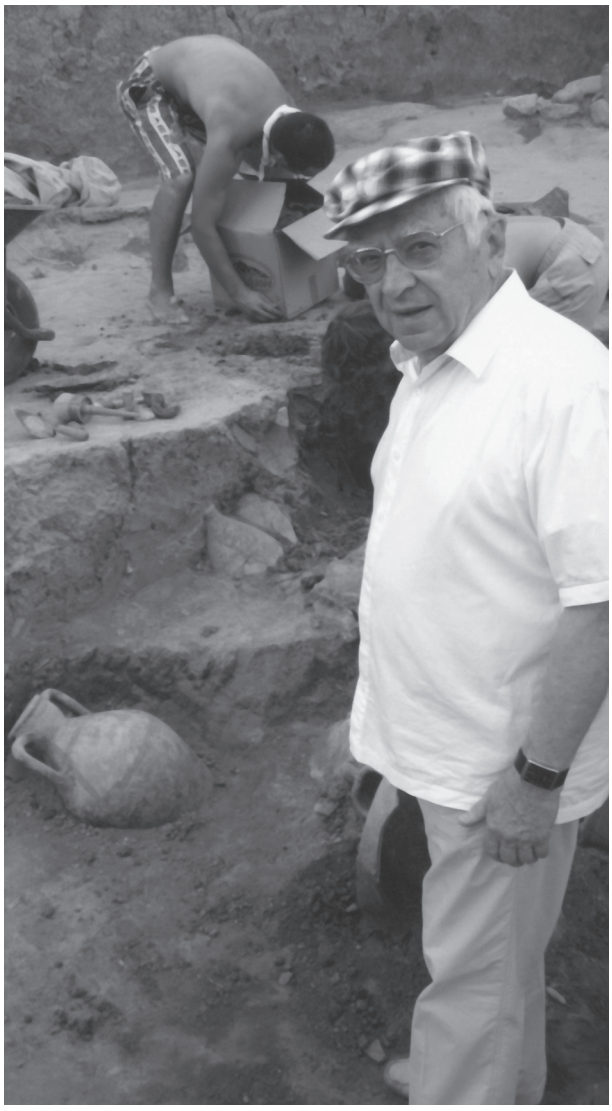
Дальнейшая последовательная и целенаправленная разработка кавказской проблематики юбиляром привела к значительному ее расширению — и территориальному, и хронологическому, и тематическому. Активные полевые исследования резко расширили источниковедческий фонд во всех областях Кавказа, обогащенный также систематизацией многочисленных музейных коллекций, архивных материалов, библиотек.

Это заметно расширило хронологические рамки исследований Рауфа Магомедовича, включавшие теперь не только энеолит, но и наследовавший ему ранний бронзовый век, ярчайшим проявлением которого была на Северном Кавказе знаменитая майкопская культура, соответствовавшая не менее известной куро-аракской культуре Южного Кавказа. Юбиляр поставил перед собой задачу создания исследования, территориально охватывавшего фактически весь Кавказ, а хронологически — огромный период от ранее почти не освещенного неолита до развитого бронзового века. Речь, таким образом, шла о реконструкции исторического процесса, протекавшего в

обширном и многообразном регионе на протяжении трех тысячелетий, т.е. создании древнейшей истории Кавказа. И уже к 1970 году эта далеко не легкая задача была выполнена в полной мере и на неизменном для автора высоком научном уровне. Обширное исследование «Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы» было представлено Р.М. Мунчаевым в качестве докторской диссертации, блестяще защищенной в Тбилисском университете, вызвав значительный резонанс среди археологической общественности. Мне уже приходилось цитировать неофициальный отзыв об этой выдающейся работе, написанный А.В. Арциховским (Мерперт, 1998. С. 10). Повторю лишь одно из его положений, касающееся обоснования Р.М. Мунчаевым происшедших на Кавказе в рассматриваемый период двух важнейших исторических сдвигов, сыгравших огромную роль в исторических судьбах не только его самого, но и обширных территорий Восточной Европы и Передней Азии. «Первый из таких сдвигов, — пишет А.В. Арциховский, — становление производящих форм экономики. Для территории нашей страны Кавказ явился одним из основных очагов этого процесса, что с предельной четкостью доказано в рецензируемой работе. Второй сдвиг — появление и развитие металлургии и формирование мощного кавказского металлургического очага. Роль этого очага в экономике Восточной Европы и Передней Азии в период раннего бронзового века невозможно переоценить. Однако во всех своих исторических проявлениях он впервые представлен лишь в настоящей работе».

В 1975 году это исследование, пополненное новейшими материалами, было опубликовано под названием «Кавказ на заре бронзового века» и с тех пор является настольной книгой всех кавказоведов, да и не только их, но и основной массы специалистов по первобытной археологии Восточной Европы и Передней Азии в целом.

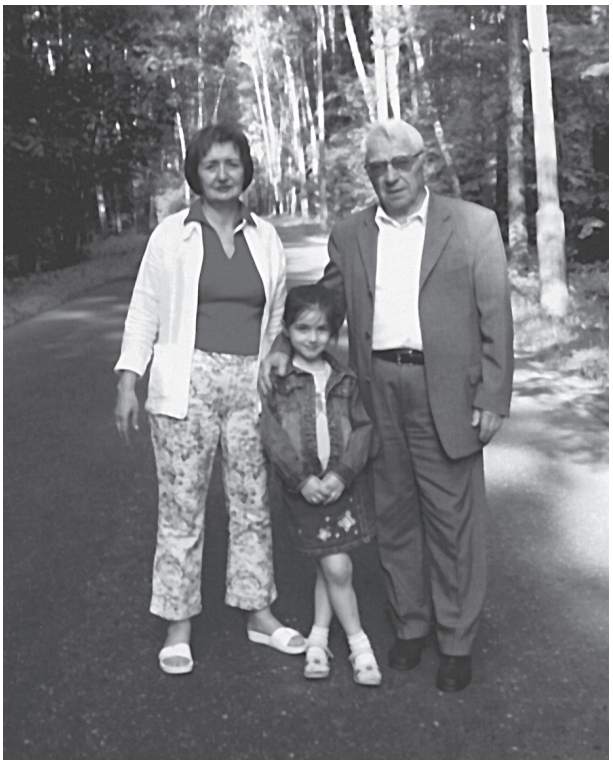
И в дальнейшем кавказская проблематика продолжала оставаться одним из основных направлений в исследовательской деятельности Р.М. Мунчаева. Три новых его монографии — «Энеолит Кавказа» (1981 г.), «Кура-араксская культура» и «Майкопская культура» (обе 1994 г.) опубликованы в соответствующих томах издаваемой Институтом археологии РАН обобщающей серии «Археология». Специальная монография, написанная юбиляром совместно со вторым корифеем российского кавказоведения В.И. Марковиным,

На раскопках в Фанагории

посвящена Северному Кавказу и охватывает основные этапы его развития в древности и средневековье на протяжении сотен тысяч лет начиная с появления здесь древнейших предков человека и вплоть до многообразных культур позднего средневековья (Марковин, Мунчаев, 2003).

Но начиная с 1969 года исследовательская деятельность Рауфа Магомедовича была вновь резко расширена. От кавказского форпоста древневосточного культурного очага она распространилась на основной массив последнего — на легендарные центры древнейших в мире цивилизаций Месопотамии и Сирии. К тому времени уже более 150 лет отделяли российскую полевую археологию от начала исследования этой «археологической Мекки» эк-

С женой и внучкой

С женой Эммой

спедициями западных стран. На Р.М. Мунчаева была возложена труднейшая задача создания первой российской археологической экспедиции на этой священной земле, с которой неразрывно связаны важнейшие переломные моменты в древней истории Старого Света, да и человечества в целом. Такие, как ряд ступеней антропогенеза, а далее и всестороннего развития наших древнейших предков и их деятельности, переход от присваивающей к производящей экономике, становление земледелия и скотоводства, появление керамики и металлопроизводства, резкое усложнение социальных структур, возникновение городов, письменности, государственных структур, высокоразвитого искусства, древнейшей в мире цивилизации. Междуречье Тигра и Евфрата — родина этих судьбоносных свершений. Памятники его предельно информативны, но исследование их предельно сложно. И никогда еще российские археологи не участвовали непосредственно в полевых исследованиях в Месопотамии, во всестороннем изучении ее замечательных памятников на месте. Не было опыта, не было традиции, не было методического задела. И все это — от определения наиболее целесообразной проблематики до выбора конкретных объектов и решения методических и очень нелегких организационных вопросов — легло на плечи Рауфа Магомедовича. Фактически предстояло максимально сократить, а в определенной мере и ликвидировать упомянутый разрыв между освоением специфики месопотамской археологии и разработкой коренных ее проблем западными и российской экспедициями.

Минуло чуть более 30 лет, и за это время 14 напряженных полевых сезонов нашей экспедиции в Северо-Западном Ираке и 20 — в Северо-Восточной Сирии. И сложнейшая задача, сформулированная выше руководимой Р.М. Мунчаевым экспедицией, успешно выполняется, а в ряде аспектов уже выполнена. Деятельность ее четко подчинена разработке двух ключевых проблем древнейшей Месопотамии, определивших возникновение самого ее феномена, переходу к первым фазам производящей экономики и сложению древнейшей в мире цивилизации. Экспедиция с каждым сезоном совершенствовалась, познавая сложную специфику месопотамской полевой археологии, осваивая известные и вырабатывая новые ее приемы и все более решительно включаясь в разработку указанных важнейших проблем. Отсутствовавший ранее опыт накоплен. Традиция российских полевых исследований древнейшей Месопотамии

Сирия. Тель Хазна. 2000

На торжественном собрании, посвященном 90-летию Б.А.Рыбакова. 1998. Москва

Сирия. Тель Хазна. 1998

С братом Камилем

В Институте археологии с друзьями-коллегами

создана. И безусловная заслуга в этом юбиляра совершенно очевидна. Все годы он корректировал выработку основных направлений исследований, непосредственно, не брезгуя самой черновой работой, участвовал в их осуществлении, интерпретации, введении в научный оборот, наконец, единолично нес бремя организационного, административного и «дипломатического» укрепления экспедиции.

Результаты же последней в полном смысле слова получили международное признание. Здесь достаточно привести слова видного английского специалиста по археологии древнейшей Месопотамии Джоан Отс: «Британская археология играла лидирующую роль в исследовании севера (Месопотамии. — *Н.М.*), но она перешла к Советской экспедиции, исследования которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии» (Oates, 1994. P. 1882).

Здесь не место для подробной характеристики этих исследований. Поэтому ограничусь лишь самой краткой конкретизацией приведенной оценки Дж. Отс.

Разработка проблемы освоения и развития производящей экономики в Северо-Западном Ираке (Синджарская долина) основывалась на масштабных и чрезвычайно результативных раскопках нашей экспедицией серии последовательных памятников начиная с докерамического неолита и вплоть до раннеэнеолитической убейдской культуры. Общий хронологический охват этих объектов превышает четыре тысячелетия. Большая их часть относится к керамическому неолиту. В их числе поселения хассунской и халафской культур, известных ранее, но представленных более полными стратиграфическими колонками и более многообразными материалами. Последнее касается развития архитектуры и керамики, зачатков металлообработки, многообразной антропоморфной и зооморфной пластики, украшений, печатей, а также остатков доместицированных растений и животных. Все это позволило рассматривать исследованные российской экспедицией памятники как эталонные для отмеченных культур. Но, кроме того, открыты и более ранние фазы последних, отмеченные определенным своеобразием и заметно пополняющие представления об этапах неолитического развития Северного

С президентом Российской Федерации В.В. Путиным

Двуречья. Ныне можно говорить по меньшей мере о пяти таких этапах, о гомогенности их развития, о корнях таких значительных феноменов, как Хассуна и Халаф.

Таким образом, полевые исследования руководимой Р.М. Мунчаевым российской экспедиции, материалы которой легли в основу разработки первой из названных выше основных ее проблем, были достаточно результативны. И благодаря четкому планированию научной обработки этих материалов они после каждого сезона оперативно вводились в научный оборот, а далее клались в основу многих десятков статей (изданных в ряде стран), а достаточно скоро и обобщающих монографий (Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1989). Большая сводная монография тех же авторов, охватившая всю иракскую часть исследований российской экспедиции, была издана на английском языке в 1993 году университетом штата Аризона под редакцией Н. Йоффе и Дж.Дж. Кларка (Yoffee, Clark, 1993).

Не менее результативной явилась разработка нашей экспедицией второй из поставленных перед ней проблем — проблемы сложения древнейшей в мире месопотамской цивилизации. Базовым памятником явился здесь Телль Хазна I — холм высотой 17 м и диаметром около 200 м в Северо-Восточной Сирии. Нижний — метровый — его слой принадлежит убейдской культуре (конец V тыс. до н. э.), второй — трехметровый — урукской культуре (с появившейся уже фортификацией) IV тысячелетия до н. э. Третий — основной — двенадцатиметровый слой принадлежал первому — началу второго периода раннединастической эпохи (конец IV — первой трети III тыс. до н. э.). И именно последний слой оказался наиболее информативным для разработки проблемы сложения цивилизации. Он содержал необычно хорошо сохранившиеся руины крайне неординарного объекта — культово-административного центра целой округи. Его ограждала мощная система фортификационных сооружений, включавшая две концентрические обводные стены толщиной от 2 до 3,5 м и сохранившейся высотой от 3,25 до 6 м.

Кроме того, особые внутренние укрепления защищали ряд особо важных комплексов сакрально-складского характера. Жилые и

хозяйственные сооружения занимали лишь ограниченные участки, число их возрастает лишь в верхних горизонтах. Основные же постройки, прежде всего храмовые, включавшие культовую башню («протозиггурат»), алтарные помещения, жертвенники и пр., а также достигавшие почти девятиметровой высоты башни-зернохранилища располагались на последовательных платформах-террасах, на каждой из которых определено по несколько строительных уровней, документирующих стратиграфию каждого конкретного участка и эволюцию объекта в целом с возможным изменением функционального его характера на позднем этапе существования и даже частичной смены культовых и жилых участков некрополем. Общая площадь, вскрытая на памятнике, превышает 4000 кв. м.

Еще раз подчеркну поразительную сохранность сооружений памятника: некоторые из массивных башен, стен и контрфорсов сохраняют первоначальную свою высоту. И необходимо особо подчеркнуть, что ни по сложности своей, ни по хронологической принадлежности он не уступает немногочисленным своим аналогам в Южной и Средней Месопотамии начала раннединастической эпохи, а по конструктивной насыщенности и общей информативности даже превосходит их. Это, наряду с прочими показателями, позволяет уравнять роль Сирии с этими регионами в процессе сложения древнейшей месопотамской цивилизации. То же следует сказать и о первой рассмотренной проблеме — раннеземледельческом неолите. Стратиграфический раскоп, заложенный экспедицией на соседнем памятнике Телль Хазна II, показал наличие там тех же слоев и той же их культурной специфики, что и в упомянутых соответствующих памятниках Ирака.

Продолжается с нарастающей результативностью и организационная и общественная деятельность Рауфа Магомедовича, идущая нога в ногу с деятельностью исследовательской. Мне довелось уже писать о ней десять лет тому назад, когда близилось семидесятилетие видного ученого (Мерперт, 1998. С. 13). И последнее десятилетие блестяще подтвердило поразительную многогранность его деятельности. Он с подлинным талантом продолжал руководить Институтом археологии РАН вплоть до 2003 года, несмотря на отнюдь не легкие времена и все возрастные лимиты. И руководил по-молодому, постоянно держа руку на пульсе мировой археологии, тщательно следя за ее методическим совершенствованием, за соответствующими инновациями, тщательно их оценивая и внедряя в практику института. Это решительно способствовало неуклонному повышению результативности деятельности последнего, укреплению престижа российской археологии в целом. Особо хотел бы отметить, что руководство Р.М. Мунчаева в не меньшей мере способствовало здоровой, деловой «бесконфликтной» атмосфере в жизни нашего института.

И глубоко закономерным явилось последовавшее в 2000 году избрание Р.М. Мунчаева членом-корреспондентом Российской Академии наук. Избран он и в целый ряд авторитетных международных археологических организаций, таких, как Центральный германский археологический институт, итальянский Институт Африки и Востока, Постоянный совет международного союза доисторических и протоисторических наук и пр. Деятельность его получила широкое признание международной археологической общественности, а сам он по праву признан одним из наиболее известных российских археологов.

И при всем этом Рауф Магомедович неизменно остается скромным, глубоко благожелательным, заботливым к людям, всегда готовым прийти им на помощь человеком, подлинным интернационалистом. Отсюда и упомянутая выше атмосфера в нашем институте, Рауф Магомедович — гарант ее. Прежде чем пожелать моему другу и юбиляру «долгие лета», я хочу вспомнить то, с чего я начал — о нашей более полувековой дружбе, искренней, плодотворной и никогда ничем не омраченной. Мы работаем вместе и дружим начиная с 1949 года. Если даже примерно посчитать, сколько месяцев мы провели в совместных экспедициях на Кавказе, Месопотамии и на Балканах, то это составит не менее 80 месяцев! Кроме того, мне пришлось совершить с Рауфом, как я обычно всегда его называю, множество научных командировок — от Англии и США, Иордании и Узбекистана до Минусинского края — Южной Сибири. На сопровождаемых фотографиях разных лет запечатлены некоторые из этих поездок и встреч. Они, кроме прочего, демонстрируют исконную близость между нашими семьями, воспринятую и дочерьми и внучками. И эта близость явилась очень значительным фактором фактически на всех этапах нашей жизни. Уверен, что она сохранится «на многая лета», ибо нерушимость ее доказана многими десятилетиями.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение: (человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). М.

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Козенкова В.И., 2001. Поселение-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 1967. Очерки истории Чечено-Ингушетии. Грозный. Т. 1. Гл. I: Население Чечено-Ингушетии при первобытнообщинном строе, [разд. 1]: Древнейшие времена.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. Северный Кавказ: очерки древней и средневековой культуры. М.

Мерперт Н.Я., 1998. К семидесятилетию Р.М. Мунчаева // РА. № 3.

Мунчаев Р.М., 1961. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М. (МИА № 100).

Мунчаев Р.М., 1962. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. № 3.

Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М.

Мунчаев Р.М., Сарианиди В.И., 1964. Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА. Вып. 98.

Мунчаев Р.М., 1965. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М.

Мунчаев Р.М., 1966. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мунчаев Р.М., 1982. Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. (Археология СССР). М.

Мунчаев Р.М., 1994. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мунчаев Р.М., 1994а. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии.

Нечитайло А.Л., Мунчаев Р.М., 1966. Комплексы майкопской культуры в Уст-Джегутинском могильнике // СА. № 3.

Oates J., 1994, Extraordinarity ungrateteful conceit: western publication of important Soviet field-studies // Antiquites. Vol. 68, N 26.

Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in northern Irag / ed. by N. Yoffe, J.J. Clark. Tucson; London. 1993.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ РАУФА МАГОМЕДОВИЧА МУНЧАЕВА*

1953

Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана III–II тыс. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Академия наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. М. 16 с.

1954

Основные итоги и перспективы историко-археологического изучения Дагестана / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Махачкала (Материалы науч. сессии по истории народов Дагестана). 29 с.

К вопросу о времени заселения Нагорного Дагестана // Дагестанская правда. 16 октября.

1955

Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // Советская археология. Вып. XXII. М. С. 6–20.

1956

Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // Советская археология. Вып. XXVI. М. С. 167–203. Соавтор К.Ф. Смирнов.

1957

Неолитическая стоянка близ города Буйнакска (Дагестан) // КСИИМК. Вып. 67. М. С. 78–82. Соавтор В.И. Марковин.

[Сообщение о конференции по археологии древней и средневековой истории Кавказа, Ереван, 22–28 окт. 1956 г.] // СА. № 1. С. 297–300.

1958

Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. М.; Л. С. 147–175. (МИА; № 68). Соавтор К.Ф. Смирнов.

Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. М. С. 41–52.

[О визите делегации ученых Объединенной Арабской Республики в Советский Союз, май–июнь 1958 г.] // Вестник АН СССР. № 8. С. 96–98. (Иностранные ученые в СССР).

Рец.: [Бунятов Т.А. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку: Изд-во АН АзССР, 1957. 137 с.] // СА. № 4. С. 236 –239.

1959

Итоги Кавказской археологической конференции, Ереван, 22–28 окт. 1956 г. // КСИИМК. Вып. 73. М. С. 3–13.

К истории археологического изучения Дагестана // Сборник по археологии Дагестана. Махачкала. С. 9–20.

Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // Тезисы докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала. С. 9–11.

Сессия Отделения исторических наук и Пленум ИИМК АН СССР, [Москва, 6–12 апреля 1959 г.] // СА. № 3. С. 272–276. Соавтор Г.А. Федоров-Давыдов.

Научная сессия [Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала

* В данный список не вошли более 50 статей и заметок, опубликованных в БСЭ, Советской исторической энциклопедии, Азербайджанской энциклопедии и Итальянской археологической энциклопедии.

АН СССР и ИИМК АН СССР] по археологии Дагестана [Махачкала, 11–17 мая 1959 г.] // СА. № 4. С. 334–337.

Рец.: [Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. 176 с.] // СА. № 2. С. 266–270. Соавтор В.И. Марковин.

1960

Институт истории материальной культуры в 1958 году // КСИА АН СССР. Вып. 81. М. С. 121–125. Соавтор Н.Я. Мерперт.

1961

Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 167 + [2] с. + 12 табл. на 23 л. вкладках. (МИА; № 100).

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.: Изд-во АН СССР. Вып. 84. 144 с.
Автор следующих статей: О двух типах каменных орудий Северного Кавказа, с. 19–29. Соавтор В.И. Марковин; Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии: из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 года, с. 56–62.

Археологические раскопки в Ассинском ущелье в 1956 году // Известия / Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Грозный. Вып. 10. С. 73–94.

Материалы по археологии Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат. Т. 2. 302 с.
Автор следующих статей: Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа, с. 57–67; Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана, с. 271–286. Соавторы В.Г. Котович, Н.Д. Путинцева.

1962

Итоги исследований археологов и этнографов // Вестник АН СССР. № 6. С. 115–118. Соавтор В.А. Александров.

Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии: из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции // СА. № 3. С. 176–198.

С.В.Киселев, [1905–1962] // Вопросы истории. № 12. С. 204.

Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР. 280 с.
Автор следующих статей: Луговой могильник: (исследования 1956–1957 гг.), с. 139–211; Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв., с. 217–242. Соавтор Е.И. Крупнов.

Рец.: [Бунятов Т.А. Очерки азербайджанской археологии. Баку: Азернешр, 1960. 237 с.] // СА. № 3. С. 253–256.

Рец.: Выдающийся труд по древней истории Северного Кавказа: [Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. 521 с.] // СА. № 4. С. 271–278.

1964

К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. № 1. С. 3–7.

Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии // СА. № 1. С. 158–164. Соавтор В.И. Марковин.

Бамутские курганы эпохи бронзы // КСИА АН СССР. М. Вып. 98: Памятники Кавказа и Средней Азии. С. 90–99. Соавтор В.И. Сариниди.

Древнейший металлический котел // Неделя: приложение к газ. «Известия». № 10. С. 8.

Золотые лица // Неделя: приложение к газ. «Известия». № 12. С. 7.

Н.Б. Шейхов, [28.3.1927 – 16.2.1964] // СА. № 3. С. 348.

1965

Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // КСИА АН СССР. М. Вып. 100: Важнейшие археологические открытия. С. 40–49. Соавтор В.И. Марковин.

Каякентско-хорочоевская культура // Советская историческая энциклопедия. М. Т. 7. Стб. 143–144.

Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. Т. 8. 992 стр.
Автор следующих статей: Кувшинные погребения, стб. 251–252; Куро-аракский энеолит, стб. 316–317; Кызыл-Ванк, стб. 347–348; Лчашен, стб. 823–824.

Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии // СА. № 2. С. 174–184.

Очерки истории Чечено-Ингушетии: проспект. [Грозный]: Чечено-Ингушское кн. изд-во. Т. 1. Гл. 1: Население Чечено-Ингушетии в период первобытнообщинного строя, § 2: Начало эпохи металла (энеолит) и бронзовый век, с. 6–8.

Материалы Сессии [Отделения истории АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР], посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР: тезисы докладов. Баку.
Автор следующих статей: Северный Кавказ в свете новейших археологических исследований (по материалам СКАЭ за 1956–1964 гг.), с. 10–13. Соавторы Е.И. Крупнов, В.А. Кузнецов, В.И. Марковин; О дрейвнейшем гончарном круге на Северном Кавказе, с. 60–61. Соавтор А.А. Бобринский.

Сессия Отделение истории АН СССР и Отделения общественных наук АН АзССР, [посвященная итогам полевых археологических и этнографическмх исследований за 1964 г., Баку, 8–14 апр. 1965 г.] // СА. № 4. С. 292–297. Соавтор И.Г. Нариманов.

Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии: памяти С.В. Киселева: к 60-летию со дня рождения. М. С. 92 –96. (МИА; № 130).

Рец.: [Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье: (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала, 1963] // СА. № 4. С. 268–271.

1966

Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. // КСИА АН СССР. М. Вып. 106: Археологические памятники эпохи неолита и бронзы. С. 74–80. Соавтор В.И. Сарианиди.

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.: Наука. Вып. 108: Археологические памятники Кавказа и Средней Азии. 140 с.

Автор следующих статей: Александр Алексеевич Иессен, [23.7.1896–31.3.1964], с. 3–5. Соавтор Е.И.Крупнов; Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе, с. 14–22. Соавтор А.А.Бобринский.

Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Грозный. С. 9–28. (Известия / Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР; т. VII, вып. 1: История).

Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. № 3. С. 133–151. Соавтор А.Л. Нечитайло.

Археологическая экспедиция в Афганистане // Вестник АН СССР. № 7. С. 64–68. Соавтор Г.А. Кошеленко.

Мингечаур // Советская историческая энциклопедия. М. Т. 9. С. 460–461.

1967

Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. Т. 10. 1040 стб.

Автор следующих статей: Новосвободненский могильник, стб. 289–290; Одиши, стб. 480. Без подписи

Северо-Кавказская экспедиция // Археологические открытия 1966 года. М. С. 57–64. Соавторы Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.И. Козенкова, В.Б. Виноградов.

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во. Т. 1. Гл. I: Население Чечено-Ингушетии при первобытнообщинном строе, [разд.] 1: Древнейшие времена. С. 6–16. Соавтор В.И. Марковин.

1968

О древнейшей металлургии Кавказа // СА. № 4. С. 16–26. Соавторы Ф.А. Махмудов, И.Г. Нариманов.

Северо-Кавказская экспедиция // Археологические открытия 1967 года. М. С. 65–69. Соавторы В.Б. Виноградов, В.И. Козенкова, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин.

Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // Археолого-этнографический сборник: науч. труды. Т. II. Грозный. С. 131–152.

Рец.: [Сардарян С.А. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967. 416 с. Арм.] // СА. № 3. С. 255–262. Соавтор А.А. Мартиросян.

1969

Находка медного котла майкопской культуры в г. Нальчике // КСИА АН СССР. М. Вып. 115: Археологические памятники эпохи бронзы на территории СССР. С. 54–57. Соавтор И.М. Чеченов.

Советская археологическая экспедиция в Ираке // Вестник АН СССР. № 9. С. 96–104. Соавтор Н.Я. Мерперт.

The investigation of the soviet archeological expedition in Iraq in the spring 1969. Excavations at Yarim Tepe. First Preliminaru Report // Sumer. Baghdad. vol. XXV, N 1–2. P. 125–132. Pl. I–VII. Co-author N.Ya. Merpert.

1970

Археологические исследования в долине Синджара (Ирак) // Археологические открытия 1969 года. М. С. 438–440. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Первая советская археологическая экспедиция в Месопотамии // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. М. С. 26–29.

Дибир Муслимович Атаев, [26.4.1926 — 13.2.1970] // СА. № 3. С. 296–297.

Советские археологические исследования в Северо-Западном Ираке // Вестник АН СССР. № 10. С. 105–114. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Раскопки в Ираке // Аль Мадар. Багдад. № 18. С. 5–8. Араб.

1971

Евгений Игнатьевич Крупнов, [16.3.1904 – 29.9.1970] // СА. № 1. С. 311–314.

Е.И. Крупнов, [16.3.1904 – 29.9.1970] // Вопросы истории. № 1. С. 217.

Исследования раннеземледельческих памятников в Северной Мессопотамии // Археологические открытия 1970 года. М. С. 450–454. Соавторы Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков, Н.О. Бадер и др.

Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: по материалам раскопок Советской экспедиции // СА. № 3. С. 141–169. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Исследования раннеземледельческих поселений в Северной Месопотамии в 1970 г. // Тезисы докладов, посвященных итогам археологических и этнографических исследований. Тбилиси. С. 95–99.

Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V–III тыс. до н. э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Тбил. гос. ун-т. Тбилиси. 61 с.

New studies of early agricultural settlements in the Sinjar valley (VII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques). Moscow. 13 p. Co-author N.Ya. Merpert.

Памяти автора, [Е.И. Крупнов, 16.3.1904 – 29.9.1970] // *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М. С. 5–9.

1972

Работы советских археологов в Ираке // Вестник АН СССР. № 1. С. 72–78. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Раскопки раннеземледельческих памятников на севере Ирака // Археологические открытия 1971 года. М. С. 557–560. Соавторы Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков, Н.О. Бадер и др.

Итоги работ Иракской археологической экспедиции АН СССР в 1971 г. // Успехи среднеазиатской археологии. Л. Вып. 1. С. 64–65.

1973

Первые земледельцы планеты // Наука и жизнь. № 1. С. 89–96 + рис. + 1 л. карта. Соавтор В.И. Гуляев.

Иракская экспедиция [Института археологии АН СССР] // Археологические открытия 1972 года. М. С. 502–506. Соавтор Н.Я. Мерперт, О.Г. Большаков, О.М. Джапаридзе и др.

Тетрамица // Советская историческая энциклопедия. М. Т. 14. Стб. 204.

Excavations at Yarimtepe I1970. Second preliminary report // Sumer. Baghdad. Vol. XXVII, N 1–2: 1971. P. 9–22. Pl. I–XV. Co-author N.Ya. Merpert.

The archeological research in the Sinjar valley (1971) // Ibid. P. 23–32. Pl. I–IX. Co-author N.Ya. Merpert.

Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С. 71–77.

Early agricultural settlements in the Sinjar plain Nortern Iraq // Iraq. Vol. XXXV, pt. 2. London. P. 93–113. Co-author N.Ya. Merpert.

Archeological investigations in Mesopotamia // Social sciences. M. Vol. 4, N 2. Издано также фр., исп., яп.

1974

Исследования Иракской экспедиции [Института археологии АН СССР] // Археологические открытия 1973 года. М. С. 539–544. Соавтор Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов и др.

Новые работы советских археологов // Наука сегодня: справочник лектора. М. Вып. 2. С. 191–195.

1975

Первая встреча советских и английских археологов: [англо-советский симпозиум по археологии, Кембридж, 26–29 нояб.1974 г.] // Вестник АН СССР. № 4. С. 105–112.

Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза / АН СССР. Ин-т археологии. М.: Наука. 415 с.

Раскопки в Месопотамии // Археологические открытия 1974 года. М. С. 563–565. Соавтор Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов и др.

1976

Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия. 1002 стб.

Автор следующих статей: Ялойлутепинскаая культура, стб. 879–880; Ярым-тепе, стб. 990–991.

К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза: [передовая] // СА. № 1. 1976. С. 5–8. Без подписи.

Evidence about ancient farming settlements in North Mesopotamia obtained by the Soviet expedition // IX Международный Конгресс доисторических и протоисторических наук: доклады и сообщения археологов СССР. М. С. 58–67. Coauthor N.Ya. Merpert.

Советская экспедиция в Месопотамии // Археологические открытия 1975 года. М. С. 584–585.

Соавторы Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов и др.

У истоков цивилизации: открытия советских археологов в Ираке // Советский Союз, № 11. С. 29–29. Соавтор В.И. Гуляев.

И мир встает — столетье за столетьем // Наука и жизнь. № 11. С. 33–35 + вкладка IV. Соавтор В.И. Гуляев.

Археологические раскопки в Синджарской долине // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 55–58. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965–1968 гг.: обзор сводной публикации // Бактрийские древности: предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л. С. 118–124. Соавтор Г.А. Кошеленко.

The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1973// Sumer. Baghdad. Vol. XXXII, N 1–2. P. 25–61. Coauthors N. Merpert, N. Bader.

1977

Археология // Большая Советская Энциклопедия. М. Т. 24, кн. 2: СССР. Стб. 1099–1101. (Наука. Исторические науки.)

Тайны Ярым-тепе II: [по материалам археологических исследований в Ираке] // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 46–47. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Древнейшая металлургия Месопотамии // СА. № 3. С. 154–163. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Конгресс Союза доисторических и происторических наук: [IX конгресс Международного союза доисторических и протоисторических наук, Ницца (Франция) 15–18 сентября 1976 г.] // Вестник АН СССР. № 9. С. 110–115. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Исследования Иракской экспедиции 1976 г. // Археологические открытия 1976 года. М. С. 590–592. Соавторы Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов и др.

Энеолит СССР // Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов»: тезисы пленарных докладов. М. С. 10–14. Соавтор В.М. Массон.

The investigations of Soviet expedition in Iraq, 1974 // Sumer. Baghdad. Vol. XXXIII, N 1. P. 65–104. Co-authors N. Merpert, N. Bader.

1978

Исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1977 года. М. С. 577–579. Соавтор Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, О.Г. Большаков и др.

Археологическое исследование поселения халафской культуры Ярым-тепе II в Синджарской долине на северо-западе Ирака // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1975 г.). Баку. С. 10–14. Соавторы В.И. Гуляев, И.Г. Нариманов.

Soviet investigations in the Sinjar plain, 1975 // Sumer. Baghdad. Vol. XXXIV, N1–2. P. 27–70. Co-authors N. Merpert, N. Bader.

1979

Экспедиция в Месопотамии // Археологические открытия 1978 года. М. С. 598–600. Соавторы Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, В.А. Башилов и др.

Раннеземледельческое поселение в Северной Месопотамии // Вестник АН СССР. № 2. С. 107–112. Соавтор Н.О. Бадер.

Проблемы происхождения производящих форм экономики // Вестник АН СССР. № 10. С. 111–115. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Происхождение земледелия и технологии: Западная или Восточная Азия?: [междунар. симпозиум, Моэсгарде (Дания), 21–25 нояб. 1978 г.] // СА. № 3. С. 320–327. Соавтор Н.Я. Мерперт.

1980

Предисловие // Северный Кавказ в древности и в средние века. М. С. 3–6.

Исследования поселений Телль Магзалия и Ярымтепе III в Месопотамии // Археологические открытия 1979 года. М. С. 487–489.

Зарубежные связи Института археологии АН СССР // КСИА АН СССР. М. Вып. 163: Институту археологии 60 лет. С. 36–42.

Совещание руководителей институтов археологии социалистических стран, Будапешт, 9–12 октября 1979 г.] // Общественные науки. № 2. С. 179–181.

1981

Археологические исследования в Месопотамии // Археологические открытия 1980 года. М. С. 489–490.

XXVI съезд КПСС и задачи советской археологической науки // СА. № 4. С. 5–7.

Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: исследования Советской экспедиции в Ираке. М.: Наука. 320 с. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Investigations of the Soviet expedition in Northern Iraq, 1976 // Sumer. Baghdad. Vol. XXXVII, N 1–2. P. 22–54. Co-authors N. Bader, N. Merpert.

Soviet expedition's surveys in the Sinjar valley // Ibid. P. 55–95. Co-authors N. Bader, N. Merpert.

1982

[Первый советско-американский симпозиум археологов, Кембридж (Гарвардский университет), 9–13 ноября 1981 г.] // Вестник АН СССР. № 6. С. 130–131. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Первый советско-индийский семинар по археологии, [Аллахабад, 16–19 февраля 1982 г.] // Вестник АН СССР. № 8. С. 81–83.

Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М. С. 28–49. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Первый советско-американский симпозиум по археологии, [Кембридж (Массачусетс, США), 9–13 нояб. 1981 г.] // СА. № 3. С. 284–288. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Поселение убейдской культуры Ярым-тепе III в Северной Месопотамии: (из итогов работ Советской экспедиции в Ираке) // СА. № 4. С. 133–149. Соавтор Н.Я Мерперт.

Образование Союза Советских Социалистических Республик — торжество ленинской национальной политики КПСС // СА. № 4. С. 5–7.

Энеолит СССР. М.: Наука. Ч. 1: Энеолит Кавказа. С. 93–164. (Археология СССР)

1983

Второе открытие Месопотамии // Наука в СССР. 1983. № 2. С. 56–61. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Peopling of the Sinjar Valley // Paper delivered at the First USA–USSR Archeological Exchange. Cambridge, MA.

1984

Археологическая поездка по Сирии, [4–18 апр. 1983 г.] // СА. № 1. С. 307–317. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Некоторые проблемы археологии Месопотамии в свете новейших исследований: (из итогов работ Советской экспедиции в Ираке) // КСИА АН СССР. М. Вып. 180: Проблемы зарубежной археологии. С. 38–44.

Archeological studies in the Sinjar valley, 1980 // Sumer. Baghdad. Vol. XLIII, N 1–2. P. 32–53. Co-authors N. Merpert, N. Bader.

Soviet expediton research at Iarimtepe III settlement in north-western Iraq, 1978 –1979 // Ibid. P. 54–68. Co-author N. Merpert.

1985

Второй советско-американский симпозиум по археологии Ближнего Востока и Средней Азии (Самарканд, 1983) // СА. № 3. С. 312–315. Соавтор В.И. Гуляев.

1986

Некоторые итоги и перспективы развития советской археологической науки в свете решений XXVII съезда КПСС // СА. № 2. С. 5–9.

Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М. С. 27–39.

Второй советско-французский симпозиум по археологии Средней Азии с древнейших времен до эпохи раннего железа // Информационный бюллетень / Международная ассоциация по изучению Центральной Азии. М. Вып. 11. С. 51–58.

Советско-американское сотрудничество в области археологии // Древние цивилизации Ближнего Востока. Ташкент. Соавтор В.М. Массон.

Новая серия монографий в изданиях Французской археологической делегации в Афганистане // Народы Азии и Африки. № 4. С. 165–173. Соавтор Г.А. Кошеленко.

1987

Искусство Матхуры // 10-я авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». М. С. 52–67. Соавторы Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко.

Искусство Матхуры: некоторые итоги и перспективы изучения // Вестник древней истории. № 3. С. 18–42. Соавторы Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко.

The earliest levels at Iarim-Tepe I and Iarim-tepe II in northern Iraq // Iraq. London. Vol. XLIX. P. 1–36. Pl. I–IX. Co-author N.Ya. Merpert.

1988

Матхура: 150 лет археологических исследований // СА. № 2. С. 5–22. Соавторы Г.М. Бонгард-Левин, Г.А. Кошеленко.

Третий советско-американский археологический симпозиум (Вашингтон, 1986) // СА. № 3. С. 295–299. Соавтор В.И. Гуляев.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука. Гл. II: Древнейшие земледельцы и скотоводы, [разд.] 1: Племена Северного Кавказа в эпоху неолита и энеолита, с. 35–44. Соавторы В.Г. Котович, В.В. Бжания, М.Г. Гаджиев.

Kunst und Kultur in Nordkaukasus. Leipzig. 176 s. Mitautor W.I. Markovin.

L'étude du probleme des rapports culture dans l'archéologie soviétique (Asie Moyenne, Iran, Mésopotamie, Caucase) // L'Asie centrale et ses Rapports avec les civilisations orientales des origines à L'âge du fer, Paris, novembre 1985. Paris. P. 23–28.

1989

Предисловие // Древности Ставрополья. М., 1989. С. 3–5.

Советские археологи в Сирии // Природа. № 2. С. 62–64. Соавторы Н.О. Бадер, Н.Я. Мерперт.

Работы советской археологической экспедиции в Сирии: первые результаты // Вестник древней истории. № 1. С. 181–185. Соавторы Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, О.Г. Большаков.

1990

След минувших тысячелетий: [об археологических исследованиях в Сирии] // Вестник АН СССР. № 11. С. 101–111. Соавторы Н.О. Бадер, Н.Я. Мерперт.

Телль Хазна I: (исследования советской экспедиции в Северо-Восточной Сирии, 1988–1989 гг.) // СА. № 3. С. 5–24. Соавторы Н.Я.Мерперт, Н.О. Бадер.

Исследования Сирийской археологической экспедиции АН СССР в 1989 г. // Вестник древней истории. № 3. С. 113–117. Соавторы Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер.

Tell Hazna // Les Dossiers D'Archéologie. Paris. Décembre. N 155. P. 30–31. Coauteur N. Merpert.

1991

Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов: всесоюзная научная конференция: тезисы докладов и сообщений. Шатой. С. 4–7.

Культуры дописьменной Месопотамии // Наука и человечество, 1991: международный ежегодник. М. С. 55–65.

The Caucasus in the 3rd millennium B.C. // Perspectives in Archeological Research in the USSR. Roma. P. 41–68.

Nordkaukasien in Neolitikum, Chalcolittikum und Fruhbronzezeit // Die kupferzeit als historische epoche. Tl. I. Bonn. S. 47–54.

Soviet investigations in North-East Syria, 1988 // Les Annales archéologiques Arabes Syrinnes. Damas. Vol. XXXVII–XXXVIII: 1987–1988. P. 190–216. Co-authors N.O. Bader, N.Ya. Merpert.

1993

Памяти Валерия Павловича Алексеева // Вестник шелкового пути. Археологические источники. М. Вып. 1. С. 4–11. Соавтор М.Г. Абдушелишвили, С.А. Арутюнов, В.Б. Ковалевская.

Телль Хазна II — раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // Российская археология. № 4. С. 25–42. Соавторы Н.Я. Мерперт, Н.О. Бадер, Ш.Н. Амиров.

Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии: (по материалам исследований экспедиции Российской Академии наук в Сирии) // Вестник древней истории. № 4. С. 127–136.

History and organization of archeological research in the USSR // Theory and Practice of prehistory: views from Edges of Europe. University of Cantabria. P. 83–99. Текст парал. исп.

Archeological expedition of the Institute of Archeology, Academy of sciences of the USSR, Beyond the Soviet State borders // Ibid. P. 77–81. Текст парал. исп.

Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq / ed. by N. Yoffee, J.J. Clark. Tucson; London: The University of Arizona Press. 287 p.

The author of the next articles: Yarim Tepe I, p. 73–114. Co-author N.Ya. Merpert; Yarim Tepe II: The Halaf levels, p. 129–162. Co-author N.Ya. Merpert; Yarim Tepe III: The Halaf levels, p. 163–205. Co-author N.Ya. Merpert; Burial Practices of the Halaf culture, p. 207–223. Co-author N.Ya. Merpert; Yarim Tepe III: The Ubaid levels, p. 225–240. Co-arthor N.Ya. Merpert; The earliest evidence for metallurgy in ancient Mesopotamia, p. 241–248. Co-author N.Ya. Merpert; Some problems in the archeology of Mesopotamia in light of recent research by the soviet expedition to Iraq, p. 249–255.

The excavations at Tell Hazna I, Syria, 1991 // Cahiers de l'Euphrate. Paris. 7. P. 161–189. Coauteurs N. Merpert, N. Bader.

1994

Телль Хазна: открытия и загадки // Наука и человечество, 1992–94: международный ежегодник. М. С. 40–47. Соавтор Н.Я. Мерперт.

К 75-летию Института археологии РАН // Российская археология. № 4. С. 5–8. Соавтор К.А. Смирнов. Без подписи.

Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука. Ч. 1: Эпоха ранней и средней бронзы Южного Кав-

каза, гл. 1: Куро-араксская культура, с. 8–57; Ч. 2: Эпоха бронзы Северного Кавказа, гл. 1: Майкопская культура, с. 158–225. (Археология / под общ ред. Б.А.Рыбакова.)

La Edad Del Bronce Anticuo en el Caucaso // 6 Coloquio Hispano-Ruso De Historia. Madrid. P. 93–121.

Caucaso, Culture del // Enciclopedia Dell Arte Antica. Classicue Orientale. Secondn supplemento 1971–1994. Roma. Vol. II. P. 61–67.

The religious complex at Tell Hazna I settlement in North-East Syria // The International Colloqium "Aleppo and Silk Road". Summaries of papers. Damascus. P. 38–40. Co-author N.Ya. Merpert.

Origine and development of most ancient agricultural cultures of North-East Syria // Ibid. P. 41–43. Co-author N.Ya. Merpert.

Da Hassuna a Accad. Scavi della Missione Rusa Nella Regione di Hassake, Siria di Nord-East, 1988–1992 // Mesopotamia. Firenze. XXIX. P. 5–48. Coautore N.Ya. Merpert.

Soviet investigations in Syria // Ancient civilizations from Scythia to Siberia: An International Journal of Comparative Studies in History and Archeology, September. Vol. I, N. 2. P. 196–201. Co-authors N.Ya. Merpert, N.O. Bader.

Les importations d'obsidienne sur les sites des IX–VII millénaires B.P. du Djebel Sinjar, Iraq // Paleorient. Paris. Vol. 20, N 2. P. 5–8. Co-auteurs N.O. Bader, N.Ya. Merpert.

1995

От редактора // Историко-археологический альманах / Армавирский краеведческий музей. Армавир; Москва. [Вып.] 1. С. 3.

Исследования поселения Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1994 года. М. С. 326–329. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин.

Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток: о роли Е.И. Крупнова в организации археологических исследований на территории Чечни и Месопотамии // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения» (Москва, апрель 1996 г.): тезисы докладов. М. С. 3–4.

Памяти Джаббара Асадулла оглы Халилова // Российская археология. № 2. С. 248–249. Соавторы Т.А. Бунятов, И.Г. Нариманов.

От редактора // Историко-археологический альманах / Армавирский краеведческий музей. Армавир; М. [Вып.] 2. С. 4.

Раскопки поселения Телль Хазна 1 в Сирии // Археологические открытия 1995 года. М. С. 397–399. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Р.Г. Магомедов и др.

Итоги деятельности Института археологии РАН в 1994 году // Бюллетень / Отделение истории РАН. М. № 1. С. 145–152.

Ближний Восток и Кавказ: проблема культурных связей в VI–III тыс. до нашей эры. // Между Азией и Европой: Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения А.А. Иессеена. СПб. С. 35–36.

Halaf culture and Djezireh // The International Colloquim "The Syrian Djezireh. Cultural Heritage and Interrelations". Summaries of papers. Damascus. P. 107–108.

1997

Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия) // Российская археология. № 2. С. 5–28. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тысячелетия до нашей эры // РА. № 3. С. 5–19.

Актуальные проблемы историко-археологического изучения Северного Кавказа: (вместо введения) // Историко-археологический альманах / Армавирский краеведческий музей. [Вып.] 3. Армавир; Москва. С. 3–5.

Раскопки культово-административного центра Телль Хазна I в Сирии // Археологические открытия 1996 года. М. С. 390–393. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин и др.

Предисловие // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М. С. 3. (Материалы и исследования по археологии России; № 1). Соавтор В.С. Ольховский.

The Halaf culture: peculiarities of the V mil. B.C. North Mesopotamian Architecture // Al-Rafidan. Tokyo. Vol. XVIII. P. 69–79.

Recent Discoveries in North-Eastern Syria in the Context of the Archeology of Caucasuc: new discoveries and perspectives // International Scientifical Session. Abstracts of papers. Tbilisi. P. 64–66.

The excavations of settlement Tell Hazna II, 1992 // Chronique Archéologique en Syrie. Damascus. Vol. I: 1992. Damascus. P. 50–52. Co-author N.Ya. Merpert.

1998

Северная Месопотамия в свете новейших археологических исследований // Эрмитаж-

ные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908 — 15.X.1990): к 90-летию со дня рождения: тезисы докладов. СПб. С. 67–69. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Северная Месопотамия: итоги исследований экспедиции Российской Академии наук, 1969–1997 годы // Сибирь в панораме тысячелетий: [материалы международного симпозиума, посвященного 90-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова]. Новосибирск. Т. 1. С. 421–436.

Важное событие в археологическом и историко-культурном изучении Северного Кавказа // Историко-археологический альманах / Армавирский краеведческий музей. [Вып.] 4. Армавир; Москва. С. 3.

1999

Российская археология на международной арене. Археология России в XX веке: итоги и перспективы // Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию РАН и 80-летию Института археологии. М. С. 53–64.

Институт Археологии РАН сегодня // Российская археология. № 2. С. 5–15. (К 80-летию Института археологии РАН).

Памяти Александра Ивановича Джавахишвили (1917–1998) // Там же. С. 253–254. Соавтор О.М. Джапаридзе.

Кавказ и Месопотамия: (из итогов российских археологических исследований на Ближнем Востоке) // Археологическая конференция Кавказа. II: Кавказ и степной мир в древности и средние века: материалы международной научной конференции / Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Ин-т археологии Ран, Ин-т археологии и этнографии СО РАН. Махачкала. С. 3–5.

Новые публикации по археологии и истории Северного Кавказа // Историко-археологический альманах / Армавирский краеведческий музей. [Вып.] 5. Армавир; Москва. С. 3.

Российские археологические исследования в Месопотамии // Исторические записки. М. [Вып.] 2 (120). С. 296–318. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Origin and development of most ancient agricultural cultures of North-East Syrie // Les Annales Archeologique Arabes Syriennes Revue D'Archéologie et d'Histoire. Damascus. Vol. XLIII. P. 93–95. Co-author N.Ya. Merpert.

The Religious Complex at Tell Hazna I in North-East Syria // Ibid. P. 218–219. Co-author N.Ya. Merpert.

2000

Исследования Телль Хазны I в Северо-Восточной Сирии // Археологические открытия 1998 года. М. С. 373–376. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин, Р.Г. Магомедов, С. Элиас.

Северная Месопотамия: новые открытия археологов // Наука в России. № 5. С. 82–90. Соавтор Н.Я. Мерперт. Издано также англ.

Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи: материалы междунар. науч. конф. Воронеж. 204 с.

Автор следующих статей: Археология Северной Месопотамии в свете новейших исследований, с. 25–30; Актуальные вопросы изучения бронзового века Северного Кавказа, с. 31 –33.

Древнейшая Месопотамия: некоторые итоги исследований Российской экспедиции РАН // Кавказ и степной мир в древности и средние века: [материалы Международной научной конференции]. Махачкала. С. 11–22.

Введение // Институт археологии [РАН] сегодня: сборник научных биографий. М. С. 4–11.

Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970) // Институт археологии: история и современность: сборник научных биографий. М. С. 139–143.

2001

Кавказ и Ближний Восток: (из результатов Месопотамской экспедиции РАН // Qafqaz Albaniyasinin Etnomədəni Irsi: Beiyelxalg elmikonffransi, Baki, 21–24 may, 2001. Баку. С. 10–11.

Древняя Месопотамия: итоги археологических исследований Российской академии наук // Восток—Россия—Запад: исторические и культурологические исследования: К 70-летию академика В.С. Мясникова. М. С. 250–272.

Северная Месопотамия в свете исследований Российской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск. № 2 (6). С. 82–96. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Исследования Российской экспедиции в Сирии — 1999 г. // Древний Восток. Общность и своеобразие культурных традиций. М. С. 5–23. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М. С. 33–35.

Герман Алексеевич Федоров-Давыдов — выдающийся ученый и просветитель // Поволжье в

средние века: тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000), Н. Новгород, 17–19 окт. 2001 г. С. 12–13. Н. Новгород. Соавтор К.А. Смирнов.

Телль Хазна I: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.) // Российская археология. № 4. С. 92–113. Соавтор Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров.

Раскопки в долине Хабура // Археологические открытия 1999 года. М. С. 305–307. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин и др.

Раскопки Телль Хазны I в Северной Месопотамии // Археологические открытия 2000 года. М. С. 276–278. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин и др.

Культовая башня III тыс. до н. э. в Телль Хазне 1, Сирия // Dziebani. VI: Caucasus: Essays on the Archeology of the Neolithic – Bronze Age. Tbilisi. P. 51–62. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Caucasus and Near East: (report on the results of Mesopotamian expedition of the Russian Academy of Sciences) // History of Caucasus: The scientific public Almanac. Baku. P. 51–53. Текст парал. рус.: С. 54–56.

2002

Дендрохронологическая шкала Новгорода – самая надежная в мире древностей // Вестник РАН. Т. 72, № 2. С. 141–142. Соавтор Е.Н. Черных.

Новое исследование по древней истории и культуре Северо-Восточного Кавказа: (вместо предисловия) // Марковин В. И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-Су. Северо-Восточный Кавказ. М. С. 5–7.

Научные связи Института археологии РАН и Воронежского Госуниверситета: этапы сотрудничества и взаимодействия // Археология в российских университетах. Воронеж. С. 8–15. (Археология восточноевропейской лесостепи; вып. 16). Соавтор А.Д. Пряхин.

Роль Института археологии РАН в изучении Волжской Болгарии и Волго-Камья // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань. С. 13–20.

Новейшие открытия российских археологов в Северной Месопотамии и проблема возникновения древнейшей цивилизации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 3. С. 137–150. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Телль Хазна I: раскопки 2001 года // Российская археология. № 4. С. 20–39. Соавтор Н.Я. Мерперт.

К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // Там же. С. 176–181.

Новые открытия на Телль Хазне I (Сирия) // Археологические открытия 2001 года. М. С. 518–524. Соавторы Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева, С. Элиас.

Погребальный комплекс III тыс. до н. э. в Телль Хазне I (Северо-Восточная Сирия) // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта. М. С. 314–330.

Н.Я. Мерперт и развитие российской археологии: (вместо предисловия) // Там же. С. 3–10.

К истории археологического изучения Чечни: (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.) // Культура Чечни. История и современные проблемы. М. С. 25–37.

The Halaf Culture and the Jezira // The Syrian Jezira. Cultural Heritage and Interretations. Damascus. P. 307–312.

Twenty five Field Seasons of the Russian Mission in North Mesopotamia // Of Pots and Plans. Nabu Publications. London. P. 240–258. Co–author N.Ya. Merpert.

2003

Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры. М. 340 с. Соавтор В.И. Марковин.

Н.Я. Мерперт и изучение эпохи меди-бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: (к 80-летию ученого) // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж. С. 5–9. (Археология восточноевропейской лесостепи; вып. 17). Соавтор А.Д. Пряхин.

Н.Я. Мерперт и изучение бронзового века Степного Поволжья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы международной конференции, Чебоксары, Россия, 26–30 мая 2003 г. Чебоксары. С. 50–57. Соавтор С.В. Кузьминых.

Северная Месопотамия: некоторые итоги 30-летних исследований российской экспедиции // Scripta Gregoriana: сборник статей в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонгард-Левина. М. С. 107–128.

Памяти Магомеда Гаджиевича Гаджиева (1935–2003) // Российская археология. № 4. С. 181–183. Соавторы О.М. Давудов, Р.Г. Магомедов.

Телль Хазна 1: некоторые итоги работ 2002 г. // Археологические открытия 2002 года. М.

С. 451–455. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин и др.

Доктор от бога: (воспоминание о Н.Ц. Цахаеве) // Махачкалинские известия. 26 сентября (№ 39 (587)).

2004

Евгений Игнатьевич Крупнов: (к столетию со дня рождения) // Российская археология. № 1. С. 5–14.

Об избрании Поля Бернара иностранным членом Российской академии наук // Там же. С. 184. Соавтор Г.А. Кошеленко.

Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.: Палеограф. 488 с. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров.

К истории российских археологических исследований в Месопотамии // Там же. С. 383–395. (Приложения).

Новейшие российские исследования Сирии // ВДИ. № 1. С. 62–75. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Памяти ученого. Магомед Гаджиевич Гаджиев (1935–2003) // Вестник Дагестанского Научного Центра РАН. 14. С. 181–183. Соавторы О.М. Давудов, Р.Г. Магомедов.

Марковин Владимир Иванович. Страницы жизни и творчества // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М. С. 5–20.

Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века. М. С. 126–144.

Культурно-исторический процесс на Кавказе и на Балканском полуострове на стадии формирования цивилизации // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию В.В. Седова. М. С. 33–43. Соавтор Н.Я. Мерперт.

30 лет Отделу охранных раскопок: труды Отдела охранных раскопок. Тула. Т. 2. Автор следующих статей: Институт археологии РАН и развития охранной археологии в России, с. 4–9; Дагестанская экспедиция в России, с. 86–89. Соавтор Г. Пятых.

К изучению археологии Чечни // Академическая и вузовская наука — народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. М. С. 22–23.

Телль Хазна 1: результаты новейших исследований // Археологические открытия 2003 года. М. С. 507–512. Соавторы Н.Я. Мерперт, Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин, Д.В. Рукавишников, Д.Ф. Мадуров.

2005

Претворение идеи С.В. Киселева в жизнь: (некоторые итоги работ российской экспедиции в Месопотамии) // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской академии наук С.В. Киселева, г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г. Красноярск. С. 15–17.

Исторические науки в РГНФ: итоги конкурса 2005 года и обзор проектов, завершенных в минувшем году // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 2 (39). С. 5–11. Соавтор П.Г. Гайдуков.

Телль Хазна 1 (Сирия): итоги исследований 2003 г. // Краткие сообщения Института археологии. М. Вып. 218. С. 114–129. Соавтор Н.Я. Мерперт.

Волжско-балтийские торговые и экономические связи в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Великий Волжский путь: материалы IV этапа международной научно-практической конференции, август 2004. Казань. С. 184–190.

Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // Российская археология. № 4. С. 13–24.

Телль Хазна I: исследование культово-административного центра IV–III тысячелетий до н. э. в Сирии // Археологические открытия 2004 года. М. С. 528–534. Соавторы Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин, Д.В. Рукавишников, Т.В. Корниенко, Д.Ф. Мадуров, С. Элиас.

Дагестан, Кавказ, Месопотамия: из итогов научной деятельности // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала № 4. Махачкала. С. 51–59.

Клад бронзовых орудий III тыс. до н. э. из Телль Хазны 1 в Северной Месопотамии // Древности Кавказа и Ближнего Востока: сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения профессора М.Г. Гаджиева. Махачкала. С. 33–40.

Магомед Гаджиевич Гаджиев (1935–2003) — видный археолог-кавказовед // Там же. С. 9–11. Соавторы О.М. Давыдов, Р. Г. Магомедов.

Член редколлегии: Великий Волжский путь: прошлое, настоящее и будущее: материалы IV этапа международной научно-практической конференции, август 2004. Казань. 640 с.

2006

Предисловие // *Воронин К.В., Малашев В.Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего

железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М. С. 5–6. (Материалы охранных археологических исследований; т. 6).

Исторические науки в РГНФ: результаты конкурса 2006 года // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М. № 2 (43). С. 7–12. Соавтор А.А. Малышев.

Ярымская эпопея: предисловие // *Гуляев В.И.* В стране первых цивилизаций: Ирак. М: Таус, С. 7–14.

Паоло Эмилио Пекорелла, [1.12.1934–20.8.2005] // Российская археология. № 3. С. 190. Соавтор Ш.Н. Амиров.

Новейшие археологические открытия в Месопотамии // Первая Абхазская Международная Археологическая Конференция. Сухум. С. 65–70.

Памяти Владимира Александровича Башилова [8.9.1936 – 25.10.2005] // Российская археология. № 4. С. 188–189. Соавторы М.Г. Мошкова, Н.О. Бадер.

Волжский путь в древности // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.). Казань: Изд-во ИИ АНТ. С. 38–53. Соавтор С.Н. Кузьминых.

2007

Нам 50, или от «Советской археологии» к «Российской археологии» // Российская археология. № 1. С. 5–12. Соавторы Л.А. Беляев, Н.А. Макаров.

Создание журнала «Советская археология». Первые его годы // Там же. С. 13–21.

Телль Хазна 1: итоги исследований Сирийской экспедиции // Археологические открытия 2005 года. М. С. 552–557. Соавторы Ш.Н. Амиров, Ю.Б. Цетлин, Д.В. Рукавишников и др.

Российские археологические исследования в Месопотамии // Достояние поколений. М. № 1(2). С. 14–21.

Перспективы развития исторической науки: по материалам конкурса РГНФ 2007 года // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М. № 2 (47). С. 7–13. Соавтор А.А. Малышев.

О книге и ее авторе // *Дзагурова В.П.* Гераклея Понтийская в период ее автономии (VI–I века до н. э.). М. ТАУС. С. 7–10. Соавтор Г.А. Кошеленко.

Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, Этнография и Фольклористика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе: Материалы Международной научной конференции. Махачкала. С. 8–9.

Доктор от бога // Наби Цахаев – доктор из Хури. Махачкала. С. 27–34.

Северная Месопотамия: из итогов работ российской археологической экспедиции // Человек в культурной и природной среде. М. С. 41–50.

Телль Хазна I в Северо-Восточной Сирии // Институт археологии РАН. М. С. 66–67.

Месопотамия и Кавказ в IV–III тыс. до н. э. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала. С. 59–68. Соавтор Ш.Н. Амиров.

2008

К 70-летию Валерия Ивановича Гуляева // Российская археология. № 1. С. 175–177.

Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток. О роли Е.И. Крупнова в организации археологических исследований на территории Чечни и Месопотамии: Тезисы доклада // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М. С. 538–539.

У истоков месопотамской цивилизации // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 5. М. С. 7–23.

Кавказ в «эпоху камня и бронзы»

Х.А. Амирханов

ХУНЗАХСКАЯ СТОЯНКА — ПАМЯТНИК ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДАГЕСТАНЕ

Полвека прошло с той поры, когда Горная археологическая экспедиция Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР открыла первый не только в Дагестане, но и на территории всего Северного Кавказа стратифицированный многослойный памятник каменного века — Чохскую стоянку[1] (Мунчаев, 1954). Исследование этого незаурядного памятника, осуществлявшееся видным дагестанским археологом В.Г. Котовичем и возобновленное спустя некоторое время автором этих строк, принесло много нового в понимание исторического процесса в первобытном прошлом Северо-Восточного Кавказа. Установление времени окончательного заселения внутригорных областей Дагестана и формирование на этой территории субстратового культурного пласта, в котором вызревали тенденции будущих культурно-хозяйственных и этногенетических процессов неолита и энеолита, было наиболее важной из проблем, решению которых способствовали материалы Чоха.

Первоначально в отложениях Чохской стоянки выделялось шесть культурных слоев, из которых четыре относились к верхнему палеолиту и два датировались соответственно ранним и поздним мезолитом (Котович, 1964). Датировки, предполагающие наличие в культурно-стратиграфической колонке Чоха слоев мезолита и верхнего палеолита, были приняты с различными корректировками всеми исследователями (см., например: Формозов, 1963; Бадер, 1965; Амирханов, 1975).

Коренной пересмотр как стратиграфии памятника в целом, так и датировок его слоев был осуществлен автором по результатам новых раскопок 1980–1982 годов. Общим итогом работ в рассматриваемой части явилось выделение в толще культурных напластований Чоха двух мезолитических и одного неолитического слоев, а также горизонта среднего этапа эпохи бронзы (Амирханов, 1987). С этого времени общепринятым остается заключение о том, что окончательная и не прерывавшаяся позже заселенность Центрального Дагестана (так же, как среднегорий и высокогорий Восточного Кавказа в целом) приходится на рубеж геологических эпох плейстоцена и голоцена (около 10 тысяч лет назад). Автор относит к указанной хронологической границе также начало стабильного поступательного развития культуры и развертывания процессов формирования древнейших этнических групп и сложения местных языковых ареалов (Амирханов, 1987).

С начала 80-х годов до настоящего времени не появлялось источников для возвращения к проблеме заселенности территории Дагестана во время, предшествующее нижним слоям Чохской стоянки, но не в раннем и среднем палеолите, а в верхнепалеолитическом отрезке. Первыми в этом роде данными, которые с типологической и технологической точек зрения достаточно информативны для более или менее определенных заключений, являются материалы, приводимые в данной работе.

Хунзахское плато, на котором находится памятник, представляет собой обособленное

[1] Предложенный автором вариант названия памятника — «Чохское поселение» — относится к археологическим остаткам неолитического слоя. Понятие же «стоянка» применимо к нижележащим — мезолитическим слоям.

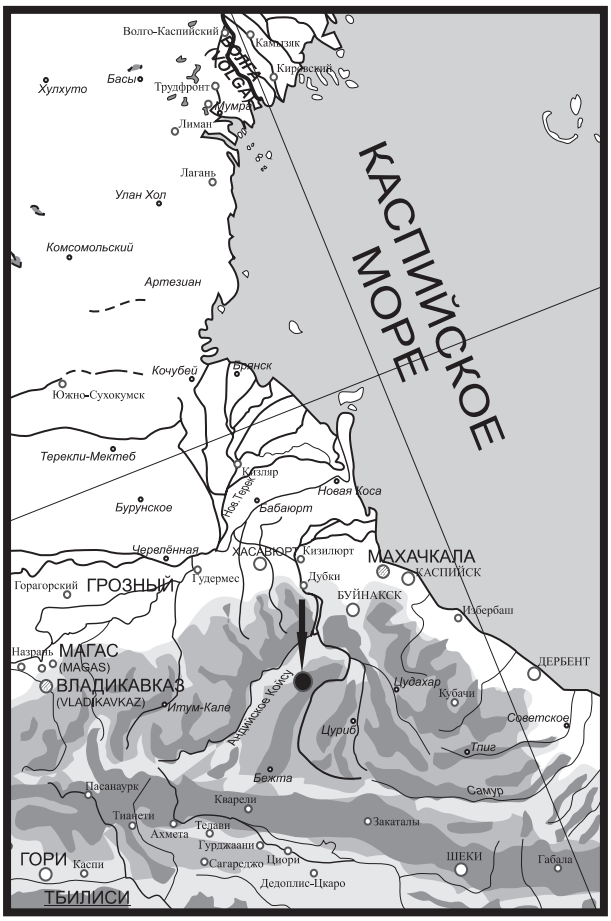

Рис. 1. Местоположение Хунзахской стоянки на карте (показано стрелкой)

столовое возвышение синклинального строения — такое же, как и Кегерское (Турчидагское) плато, с которым связана Чохская стоянка. Плато вытянуто в направлении восток–запад на расстояние около 25 км; ширина его составляет 8–10 км. Оно входит в группу плоскогорий (Хунзахское, Аракмеэр, Кегерское, Гунибское, г. Шундаг), которые образуют в Центральном Дагестане первую (высокогорную) ступень ярусной системы древних поверхностей выравнивания (Физическая география Дагестана, 1996. С. 126–127). Абсолютные отметки высоты этих плато достигают 2500 м. Средняя же высота в центральных — выровненных — частях находится в пределах 1700–1800 м.

Описываемый пункт расположен на северной окраине с. Хунзах Хунзахского района Республики Дагестан в месте, где этот населенный пункт практически смыкается с селением Арани (42°33'26'' с.ш.; 46°43'05'' в.д.) (рис. 1). Находки обнаружены на левом берегу реки Тобот[1], на выровненной поверхности 12–14-метровой структурной террасы, сформированной в известняках. Борт террасы, представляет собой стену «пропиленного» рекой в известняках узкого каньона. К данному участку с севера примыкают строения села Арани, в том числе юго-западная часть Аранинской крепости XIX века (рис. 2). Длина участка с концентрацией кремневых изделий — около 85 м; ширина — около 25 м; высота над уровнем моря — 1650 м. Экспозиция площадки — южная. Исключительной особенностью расположения памятника является то, что он приурочен к месту, где узкая каньонообразная долина срезается вертикальным эскарпом плато и речной поток падает отвесно вниз в виде тридцатиметрового водопада.

Сведения о существовании на описываемом месте скопления предметов расщепленного кремня были получены от жителя Хунзаха Раджабова Магомеда. Участниками совместной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН и Института археологии РАН на этом пункте в 2004 году были осуществлены ограниченные исследования. Было установлено, что тут имеются остатки стоянки каменного века с культурным слоем, который большей частью разрушен в результате плантажных работ (Деревянко и др., 2004). Культурные остатки в виде обработанных кремней залегают в желтовато-серой супеси на глубину не менее 30 см от дневной поверхности. Последняя представляет собой уровень вскрытия слоя при выравнивании данной площадки бульдозером. Раскопки на этой площад-

[1] Применительно к горному Дагестану этот гидроним имеет специальный интерес. На Алтае, например, есть река с тюркизированным монгольским названием Тоботой [Таботой, Тоотой, Тотой, Тетой]. Слово выводится из монгольского *довтой* — холмистый, с буграми, кочками; более древняя монгольская форма этого слова — dobutai (Молчанова, 1979). Интересно, что в хунзахском говоре название реки Тобот преобразуется в *Toot* — по той же модели трансформации, что и в одном из вариантов алтайского наименования р. Тоботой *(Тоотой)*. Эти данные подталкивают к мысли, что возникновение названия реки Тобот на Хунзахском нагорье возникло на ранней — аварской (время аваров) или поздней тюркско-монгольской (время монгольских завоеваний) почве. Более вероятен первый вариант объяснения, и, скорее всего, название возникло как результат «миграции» топонимов, что обычно бывает связано с кочевниками, — можно вспомнить, например, многочисленность названий типа Аксай, Карасу и т.д.

ке, по-видимому, возможны в засушливый год. В момент наших наблюдений место сосредоточения находок было сильно заболочено из-за обильных грунтовых вод.

Материалы стоянки, имеющие стратиграфическую привязку и состоящие из 145 предметов расщепленного кремня, уже получили освещение в предварительной публикации (Деревянко и др., 2004). Коллекция, которая рассматривается в данной работе, ранее не была опубликована. В основном она состоит из кремневых изделий, которые собирались на стоянке упомянутым Раджабовым Магомедом на протяжении нескольких лет и были переданы нам. В значительной степени эта коллекция дополнена сборами с описанной выше площадки, которые были осуществлены автором в 2005 году при повторном посещении памятника.

Итак, коллекция, которой мы располагаем, состоит из 751 кремневого изделия, из которых 55 предметов (7,3%) приходится на законченные орудия. Основным видом для каменных изделий на стоянке служил меловой кремень двух разновидностей – серовато-кремового и от темно-серого до черного оттенков. Единично представлены известняковая галька (два предмета – ретушеры), алевролит (1 предмет – отщеп с частичной ретушью) и кремнистый сланец (1 предмет – скребок концевой с шлифованным лезвием). Обломки исходных форм сырья в коллекции практически отсутствуют. Однако, судя по участкам на расщепленных предметах, не затронутых обработкой, можно судить, что кремень имеет преимущественно желвачное происхождение. Месторождения такого характера должны быть довольно регулярно представлены в Центральном (известняковом) Дагестане. Не исключено, что такой кремень имеется в естественном залегании и на самом Хунзахском плато. Технологические или типологические отличия, связанные с различиями в указанных видах сырья, в коллекции не отмечаются.

Сохранность кремневых изделий внутри двух групп сырья единообразная. Предметы из кремня светлого оттенка подверглись равномерной глубокой сплошной молочно-белой патине. Изделия из темного кремня патинированы в гораздо меньшей степени. Они сохраняют естественный цвет кремня. Имеется немало предметов, испытавших сильное воздействие огня.

Типологический состав инвентаря следующий.

Нуклеусы и заготовки	
Нуклеусы торцевого скалывания косоплощадочные (для пластин и пластинок)	10
Нуклеусы торцевого скалывания косоплощадочные (для микропластинок)	6
Нуклеусы плоские параллельного скалывания	2
Нуклеусы подпризматические	1
Пластины (целые и обломки)	73
Пластинки (целые и обломки)	59
Микропластинки (целые и обломки)	36
Отщепы (целые и обломки)	401
Отходы производства	
Обломки	20
Осколки	40
Чешуйки	84
Краевые сколы подправки нуклеуса	4
Сколы подправки площадки нуклеуса типа «таблетка»	2
Реберчатые сколы	6
Нуклевидные обломки	4
Резцовые отщепки	3
Изделия с вторичной обработкой	
Скребки	
Концевые простые мелкие	7
Концевые простые крупные	2
Концевые с утолщенным лезвием	3
Концевые с широким лезвием	1
Концевые с узким лезвием	5
Концевые со шлифованным лезвием	1
Со скошенным лезвием	1
С вогнутым лезвием	1
Ногтевидные	2
Высокой формы (нуклевидные)	2
Резцы	
Пряморетушные	1
Косоретушные двойные	1
Плоские	2
Многофасеточные	2
Острия	
С притупленным краем	3
Микроострия с притупленным краем	3
С краевой выемкой	1
Скошенные	2
Пластинки с притупленным краем	7
Проколки с удлиненным жалом	2
Орудия с подтеской	1
Отщепы с частичной ретушью	3
Ретушеры	2

Как видно из типологического списка, на стоянке представлены практически все технологические ступени обработки кремня – от нуклеуса до законченных орудий. Не имеется в коллекции лишь пренуклеусов. Отсутствуют естественные желваки или гальки кремня, служившие в качестве запасов сырья. Мало и первичных отщепов; при этом есть незначительное количество реберчатых сколов. По этим признакам можно заключить, что первоначальная оббивка исходных форм сырья в основном осуществлялась непосредственно у мест естественных выходов кремня. На стоянку приносились, судя по всему, нуклеусы в уже готовом для их применения виде.

Первичное раскалывание на стоянке базировалось практически полностью на одно-полюсном нуклеусе торцевого скалывания с сильно скошенной площадкой. К этому типу относится подавляющее большинство представленных в коллекции ядрищ (рис. 3: 1–3, 5–8). На начальной стадии утилизации нуклеусы этой разновидности имеют в среднем следующие габариты: высота 4,5 см; ширина 3,5 см; толщина 2 см. Ширина рабочей части равна толщине изделия. Наиболее крупные ядрища данной группы имеют в высоту 6 см, а самые мелкие – 3,2 см. В соответствии с этими показателями различаются и размеры негативов на рабочих участках нуклеусов. На мелких экземплярах (рис. 3: 1–2) описываемых предметов они соответствуют микропластинкам, а на крупных – пластинкам и пластинам.

Выделяемые по формальному признаку в отдельную группу одноплощадочные нуклеусы параллельного скалывания (рис. 3: 4–5) по сути, не слишком отличаются от вышеописанных. Это тот же тип торцевых ядрищ с сильно скошенной к тыльной стороне площадкой, который в данном случае фиксируется на стадии близкой к остаточной форме. Ширина рабочей части этих изделий 2,5 и 3 см, т.е. не слишком велика. Один из описываемых нуклеусов превращен в массивный скребок высокой формы (рис. 3: 5). Это переоформление лишний раз подчеркивает, что данное изделие и самим мастером рассматривалось как уже почти полностью сработанное в его первоначальном назначении нуклеуса.

Наконец, в коллекции имеется один предмет, относящийся к подпризматическим нуклеусам (рис. 3: 9). У этого экземпляра ударная площадка относительно горизонтальная, а рабочая поверхность имеет форму незамкнутого овала. По размерам он не отличается от крупной разновидности нуклеусов первого типа.

Нерегулярность негативов сколов на нуклеусах, признаки частой подправки нуклеусов, включая снятие сколов типа «таблетка», а также сколов краевой подправки площадки, наряду с отсутствием видимой стандартизации продукции раскалывания свидетельствует о том, что в технический арсенал мастеров Хунзахской стоянки не входил прием получения пластин отжимом; скорее всего, не практиковалось и использование посредника.

Типологические особенности нуклеусов, количественные характеристики разновидностей пластинчатых сколов в категории заготовок, а также направленность предпочтений в подборе заготовок, просматриваемая в составе законченных орудий, приводит к выводу о том, что главной целью первичного раскалывания было получение пластинок и микропластинок.

В целом описанные нуклеусы типичны для верхнего палеолита Кавказа. Общие их признаки – наличие, как правило, одной сильно скошенной к тыльной стороне ударной площадки, торцевое раскалывание, отсутствие приема предварительного оформления ядрищ в технике бифасиальной обивки. Средняя длина описываемых нуклеусов на средней стадии сработанности составляет 5 см.

Если сравнивать ядрища Хунзаха и Чоха, то главный вывод будет заключаться в констатации резких отличий между ними. В рассматриваемой здесь коллекции нет характерных для Чоха призматических, конических и карандашевидных форм. Здесь нет даже намека и на специфичные для Чоха типы нуклеусов, определенные в свое время автором как подлевалуазские.

Выразительным является состав законченных вторичной обработкой орудий. Типологическое разнообразие изделий охватывает более двадцати форм, объединяющихся в восемь категорий. Наиболее многочисленна группа скребков (25 экз.). Основное количество предметов приходится на различные варианты концевых форм (19 экз.). Больше всего скребков концевых мелких простых (рис. 4: 14). Это изделия на некрупных пластинах, у которых ретушь затрагивает лишь рабочее лезвие орудия.

У скребков, относимых к концевым крупным (рис. 4: 16), ширина рабочей части почти вдвое больше, чем у разновидности концевых мелких. На их фоне особенно контрастно выглядят скребки с узким лезвием (рис. 4: 8–9;

12, 13). У этих экземпляров ретушь образует закругленное или прямое скребковое лезвие на одном из концов пластинок. При этом крутая ретушь на остальных элементах заготовки или отсутствует совсем (рис. 4: 8), или помимо скребкового лезвия ею обработаны один (рис. 4: 9) или оба края (рис. 4: 13). Ширина лезвия описываемых орудий во всех случаях меньше 1 см. Из-за хрупкости заготовки среди пяти экземпляров изделий коллекции целым дошел до нас только один предмет. Изделия описываемого типа хорошо представлены в индустриях второй половины и заключительной части верхнего палеолита средиземноморской области, например в ибero-маврусьене (Moser, 2003. Pl. 4: 9). Имеется указание на существование подобной формы («ППК со скребковидным концом») и в коллекции слоя 1А Мезмайской пещеры (Голованова, Дороничев, 2005. С. 71). Эти материалы происходят уже с территории Северного Кавказа и относятся к ранней (по местной шкале) поре верхнего палеолита.

В категории скребков Хунзаха нельзя не обратить внимания также еще на две формы — скребки концевые с утолщенным лезвием (рис. 4: 18–19) и ногтевидные скребки (рис. 4: 17, 20). Для первых специально подбиралась заготовка в виде утолщенной пластины с двускатной спинкой и центральным ребром. Ногтевидные же скребки изготавливались на небольших отщепах. Имеющиеся два экземпляра этой разновидности удивительно похожи друг на друга. Их сближают не только форма заготовки, характер вторичной обработки и общие контуры, но и то, что у них обоих основания левого края имеют очертания в виде широкой выемки. Эти выемки не были получены специально непосредственно при изготовлении скребков. Однако несомненное удобство, которое придает орудиям наличие таких выемок, может говорить о целенаправленном подборе заготовок для описываемого типа скребков. Следовательно, существовала и идея данного типа изделия.

Завершая описание категории скребков, следует отметить невыраженность в коллекции разновидности орудий высоких форм. Имеется всего два предмета, и оба они представляют собой примеры приспособления под скребки массивных заготовок, служивших нуклеусами. В строгих определениях эти орудия следует называть нуклевидными скребками. В том, что это скребки, сомнений нет. Скребковое лезвие этих изделий приурочено не к кромке ударной площадки, как это часто бывает (или принимается исследователем) у подобного рода орудий. Оно оформлено разнофасеточной крупной полукрутой ретушью на истонченном основании нуклеуса (рис. 3: 5).

Наиболее значимым применительно к резцам рассматриваемой коллекции можно признать довольно большое разнообразие данной группы изделий. Имеются экземпляры, у которых одна из граней рабочего элемента оформлена ретушью (пряморетушные и косоретушные) (рис. 5: 12, 16), срединные многофасеточные (рис. 5: 13, 15) и плоские (рис. 5: 14, 17). Несмотря на немногочисленность, каждая из указанных форм представлена очень выразительными экземплярами. Это может свидетельствовать об органичности для описываемой коллекции данной типологической группы. На первый взгляд, выглядит странным отсутствие такой простой формы, как резец угловой. Однако на одном из экземпляров можно видеть сочетание ретушного и углового ударного принципов оформления резцовой кромки (рис. 5: 16). Общим для резцов является то, что за исключением одного случая (косоретушный двойной резец) для всех них подбирались заготовки достаточно массивные относительно средних параметров заготовок данной индустрии.

Острия (9 экз.) — самая специфическая часть инвентаря Хунзахской стоянки. Основную группу данной категории составляют изделия на пластинках (рис. 4: 4–5) и микропластинках (рис. 4: 1–3) с притупленным краем. У острий на пластинках один из краев обработан мелкой крутой ретушью. Очертания краев — прямые или слабовыпуклые. Особенностью изделий, позволяющей относить их к остриям, является дополнительное заострение вершины заготовки с использованием краевой ретуши по концевой части второго края заготовки. Края микроострий оформлены более крупной, агрессивной вертикальной краевой ретушью. Иногда она встречная. У одного из экземпляров (рис. 4:1) отмечается заострение вершинной части плоской ретушью с брюшка. Микроострия имеют примерно одинаковые размеры. В среднем они следующие: длина 17 мм; ширина 4 мм; толщина 2 мм.

Интересной разновидностью является острие с краевой выемкой (рис. 4: 6). Орудие изготовлено на пластинке. Вершина острия сломана. Обработке подверглись один из краев целиком (крутая краевая ретушь) и частично второй у основания орудия. Участок основа-

ния по второму краю обработан ретушью плоской, заходящей далеко на плоскость заготовки и формирующей неглубокую краевую выемку. Изделие описываемой разновидности представлено одним экземпляром, и поэтому трудно судить о том, насколько подобные изделия были типичны для данной индустрии.

Пластинки с притупленным краем, судя по их количественной представленности, являются органической частью описываемого инвентаря. Оформление этих изделий ограничивалось обработкой крутой ретушью одного края микропластинки или пластинки. Ретушь в некоторых случаях выпрямляет край. В целом обработка не видоизменяет заметно первоначальные очертания заготовки. Какая-либо подработка концов изделий не отмечается.

Из законченных форм орудий, помимо описанных выше, коллекция содержит проколки с удлиненным жалом (рис. 4: 10) и одно орудие с подтеской (рис. 4: 22). Наконец, здесь имеется три отщепа с частичной ретушью и два выразительных ретушера на небольших алевролитовых гальках.

Обобщая данные по общей структуре инвентаря, мы должны констатировать наличие в рассматриваемом материале нуклеусов, заготовок, отходов производства и достаточно большое разнообразие категорий орудий. В составе законченных изделий, в свою очередь, имеются такие, которые предназначены для производства самих каменных и костяных орудий (ретушеры, частично резцы), для использования в качестве деталей охотничьего вооружения (острия), а также для домашне-хозяйственной деятельности (скребки, проколки). Отмеченное позволяет уверенно определить функциональный тип памятника как стоянки-мастерской. Причем эта базовая и, возможно, относительно долговременная стоянка была расположена у места, которое по удобству для организации загонной охоты и регулярного забоя объекта охотничьего промысла можно расценить как уникальное. Действительно, неглубокая и достаточно широкая в своих верхней и средней частях долина реки Тобот постепенно превращается в каньонообразное ущелье и почти непосредственно у стоянки резко обрывается вертикальной стеной эскарпа плато. Стоянка существовала, скорее всего, на протяжении не менее одного теплого сезона года, включающего весну, лето и осень. А скорее всего, культурные отложения памятника содержат остатки многочисленных, наслаивающихся друг на друга эпизодов обитания.

Для датировки памятника мы, к сожалению, не располагаем радиоуглеродными определениями или другими конкретными данными естественнонаучных дисциплин. С геоморфологической точки зрения терраса, на которой расположена стоянка, несомненно, относится к плейстоцену. Литологические характеристики культурного слоя (супесь, подстилающая почвенный слой) тоже могут говорить в самом общем виде о плейстоценовом возрасте археологических остатков. Остается опираться главным образом на собственно археологические критерии датировки находок.

Самой существенной типологической характеристикой рассматриваемой коллекции с точки зрения ее археологической датировки является то, что она не содержит каких бы то ни было признаков геометризации. В этом смысле Хунзахская стоянка смыкается с памятниками, которые по традиционной (замятнинской) схеме эволюции верхнего палеолита Кавказа относили ко времени ранее третьей стадии. Другими словами, согласно этой периодизации рассматриваемая коллекция не могла быть моложе средней поры верхнего палеолита Кавказа. В последние десять–пятнадцать лет достаточно было сказано об ущербности материалов, на которой базировалась указанная схема и о необходимости ее пересмотра или существенного совершенствования (Амирханов, 1994; Meshveliani et al., 2004; Nioradze et al., 2000).

При всех отличиях, которые имеются в подходах к решению данной проблемы, у исследователей нет расхождений во мнении, что выраженная геометризация индустрий Кавказа возникает не позднее примерно 15 тыс. лет назад. Примерно в это же время данный процесс отмечается в Южном Средиземноморье (иберо-маврусийская культура) (Camps, 1974), Северном Средиземноморье (эпиграветт Аппенин) (Broglio, 1975), на Ближнем Востоке (геометрический кебарьен, зарзийская культура) (Bar-Yosef, 1988, 1990; Solecky, Ralph, 1983). Эти изменения в культуре, охватывающие примерно в одно и то же время обширные межконтинентальные пространства, на Кавказе убедительно документированы материалами верхней части отложений пещеры Дзудзуана, а также пещерами Гварджилас-клде и Девисхврели.

Если верхняя граница относительной датировки Хунзахской стоянки может считаться более или менее определенной, то вопрос о нижней границе остается неясным. Основываясь на

косвенных данных, относящихся к характеру и последовательности природно-климатических изменений в горных областях на заключительных отрезках позднего плейстоцена, нижний предел датировки стоянки можно отнести предположительно к концу максимальной стадии последнего оледенения. Таким образом, исходя из всего сказанного, вероятный диапазон датировки памятника может быть установлен в пределах 18–15 тыс. лет назад.

Вопрос культурной атрибуции памятника, как и проблема датировки, является не простым. Сравнивать приходится материалы, которые территориально и/или хронологически отстоят друг от друга слишком далеко. На территории Северо-Восточного Кавказа для соответствующих типологических сопоставлений существуют только материалы Чохской стоянки. Сравнение материалов Хунзаха с индустрией нижних — мезолитических — слоев Чоха дает картину чрезвычайно контрастных различий. В коллекции Хунзаха полностью отсутствуют типологические и технологические особенности, которые определяют как общие параметры, так и конкретные археолого-культурные характеристики Чохской стоянки. Мы можем констатировать полное отсутствие в материалах Хунзаха: приема получения заготовок с использованием техники отжима, подлеваллуазских нуклеусов различных модификаций, конических нуклеусов, острий чохского типа (нет даже намека на них), различных геометрических форм орудий (сегменты, высокие симметричные и асимметричные трапеции, удлиненные асимметричные треугольники) и др. Столь резкие отличия говорят или только о слишком большом хронологическом разрыве между Хунзахской и Чохской стоянками, или, в дополнение к этому, об отсутствии между ними также и генетической связи.

Ближайшие к Хунзаху верхнепалеолитические памятники находятся за много сотен километров на Северо-Западном Кавказе — на территории Карачаево-Черкессии, Адыгеи и Краснодарского края (стоянка Явора, Мезмайская пещера, группа памятников Губского ущелья и др.). Сравнение с ними рассматриваемой индустрии затруднено не только отдаленностью территории, но и практическим отсутствием палеолитических объектов, которые можно было бы отнести (пусть даже в рамках только относительного датирования) к аналогичному с Хунзахом времени. К последним, пожалуй, можно отнести лишь коллекцию верхнего слоя Губского навеса № 1. Наиболее важными моментами, сближающими два памятника (Хунзахская стоянка и слой 1 Губского навеса № 1), являются: микропластинчато-пластинчатый характер раскалывания (на базе косоплощадочного нуклеуса торцевого скалывания; без применения отжима), выраженность микроострий с притупленным краем, как и микропластинок и пластинок с притупленным краем, а также отсутствие геометрических форм орудий. По этим показателям можно говорить о принадлежности обоих памятников к граветтоидной (эпиграветтской?) индустрии. Однако этого мало для того, чтобы устанавливать между ними родство на уровне единой археологической культуры. Заключения на этот счет (как положительные, так и отрицательные) пока невозможно обосновать на базе строгого типологического анализа. В индустриях и одной и другой стоянок невозможно выделить типы, которые могли бы служить специфическими индикаторами сходства или различий. Примерно к такому же заключению мы придем, если сравнивать материалы Хунзаха с синхронными коллекциями богатого палеолитическими памятниками Западного Закавказья.

Как уже отмечалось выше, открытие Хунзахской стоянки возвращает нас к одной из главных проблем первобытной истории Кавказа — проблеме окончательного заселения высокогорий человеком современного физического типа. Известно давнее замечание о том, что в Закавказье, на территории Грузии верхнепалеолитические памятники не встречаются выше 800 м над уровнем моря (Каландадзе, 1969). На северном склоне Большого Кавказа на территории современного Краснодарского края памятник с пятью разновременными верхнепалеолитическими слоями (Мезмайская пещера) расположен на высоте 1310 м над уровнем моря (Голованова, Дороничев, 2005). В колонке из имеющихся для этого памятника 14 дат видны разрывы, приходящиеся на промежутки примерно от 28 500 до 21 000 и от 21 000 до — округленно — 14 000 лет назад. Нетрудно заметить, что первый из этих разрывов приходится на прохладный отрезок позднего плейстоцена, а второй — прямо на максимальную стадию последнего оледенения. Мезмайская пещера представляет выразительные свидетельства того, что в холодные отрезки верхнего палеолита население покидало зону высокогорий и среднегорий Кавказа и перемещалось, скорее всего, в низкогорные долины и, возможно, в Предкавказье. В теплые

стадиалы вюрма люди вновь населяли оставленные ранее пространства. Такая «многофазовая» модель заселения и освоения высокогорья, естественно, была характерна не только для Северо-Западного Кавказа. Проявлением этого процесса, имевшего место на Северо-Восточном Кавказе и пришедшегося, по всей вероятности, на время непосредственно после максимума последнего оледенения, и являются материалы Хунзахского поселения.

На данной проблеме внимание акцентируется потому, что вопросы, связанные с динамикой, интенсивностью и продолжительностью освоения горных областей Кавказа, имеют исключительное значение для соответствующих лингвистических, палеоантропологических и этнографических реконструкций. Что касается самой возможности углубления этих реконструкций до рассматриваемого времени, то она признается вполне реальной теми исследователями, которые отвергают безосновательные оценки культуры палеолита и мезолита как аморфной, примитивной и не сопоставимой по содержанию социальных и этнокультурных процессов с культурой последующих археологических эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х.А., 1975. Новые исследования Чохской стоянки // Археологические открытия 1974 года. М.

Амирханов Х.А., 1987. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.

Амирханов Х.А., 1994. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // Российская археология. М. № 1. С. 9–23.

Бадер Н.О., 1965. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита // Советская археология. М. № 4.

Голованова Л.В., 2000. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // Stratum plus: Cultural Anthropology, Archaeology. Sant-Petersburg; Kishinev; Odessa; Bucarest. N 1. S. 158–177.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2005. Новые данные по позднему палеолиту Мезмайской пещеры // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. С. 69–72.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П., 2004. Разведки объектов каменного века в Дагестане в 2004 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Ч. 1. Новосибирск.

Каландадзе А.Н., 1969. Разыскания по археологии доантичной Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси.

Котович В.Г., 1964. Каменный век Дагестана. Махачкала.

Молчанова О.Т., 1979. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Мунчаев Р.М., 1954. Отчет Дагестанской археологической экспедиции 1954 года // Архив Института археологии РАН. Р-1. Д. 1136.

Физическая география Дагестана, 1996. М.

Формозов А.А., 1963. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // Советская археология. М. № 4.

Bar-Yosef O., 1988. Le paléolithique d'Izraël // L'Anthropologie. Paris. T. 92, N 3. P. 769–795.

Bar-Yosef O., 1990. The Last Glacial Maximum in the Mediterranian Levant // The Word at 18000 B.P.C. Gamble, O. Soffer (eds). Vol. 2: Low Latitudes. London. P. 58–77.

Broglio A., 1975. Le passage du Palelithique superieur au Neolithique dans la region Venetie–Trentin–Frioul // Actes Colloque Internationale "L'Epipalèolithique mèditèrranèen". Aix-en-Provence. P. 5–21.

Camps G., 1974. Les civilizations prèhistoriques de l'Afrique du Nord et du Sahara // C.N.R.S. Paris.

Moser J., 2003. La Grotte d'Ifri n'Ammar. T. 1: Lbéromaurusien / Komission für Allgemeine und Vergleichende Archäologie des Deutschen Archäologichen Instituts. 163 p., 32 pl. (AVA-Forschungen; Bd. 8).

Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., 2004. The upper Palaeolithic in western Georgia // The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe / ed. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. Berkely. P. 129–143.

Nioradze M.G., Otte M., 2000. Paléolithique supérieur de Géorgie // L'Anthropologie. Paris. Vol. 104, N 2. P. 265–300.

Solecki R.L., Ralph S., 1983. Late Pleistocene-Early Holocene cultural traditions in the Zagros and the Levant // Studies in Ancient Civilizations. N 32 / ed. T.C. Young, P. Smith. Chicago. P. 123–137.

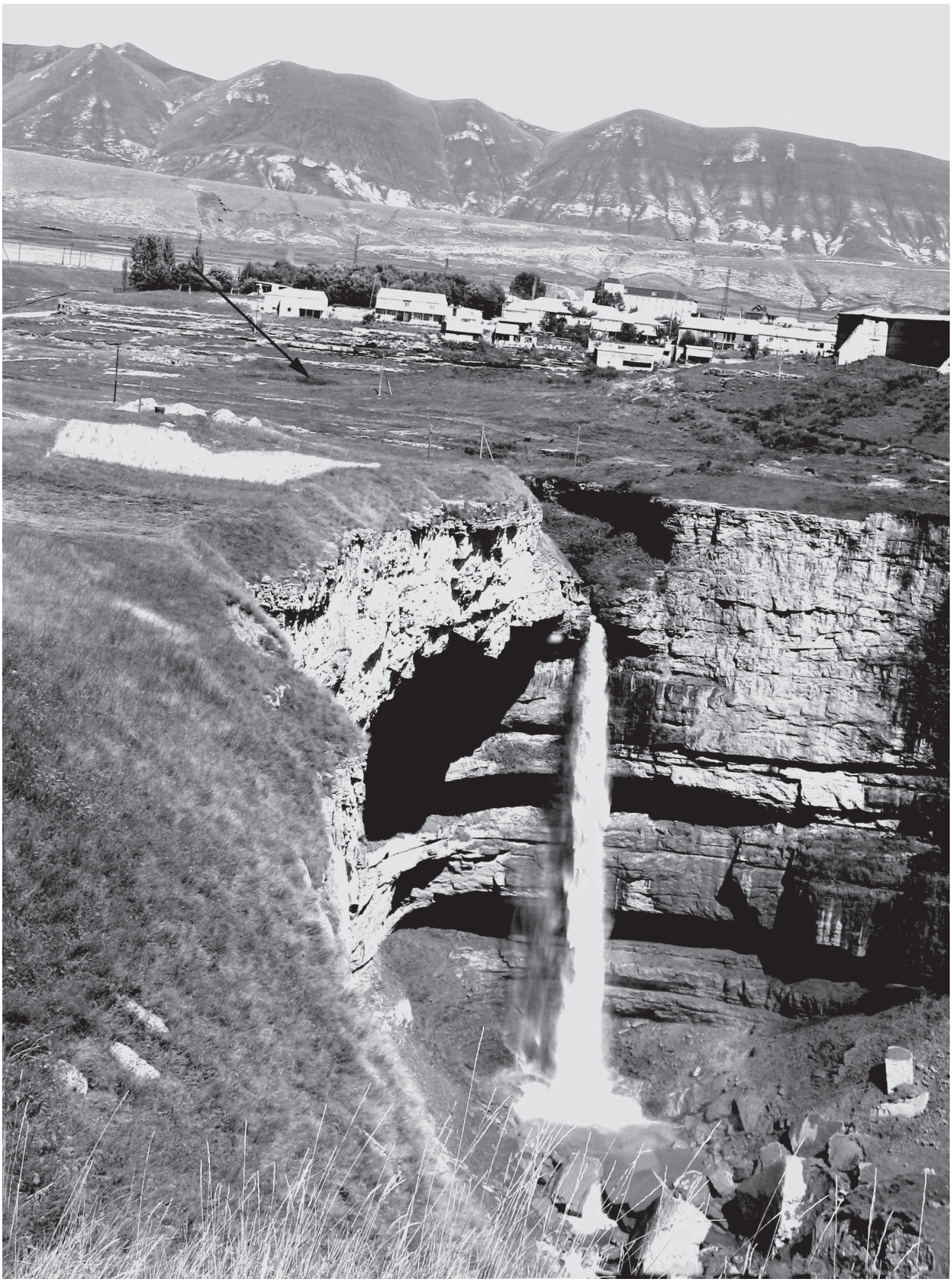

Рис. 2. Расположение Хунзахской стоянки в современном ландшафте (показано стрелкой)

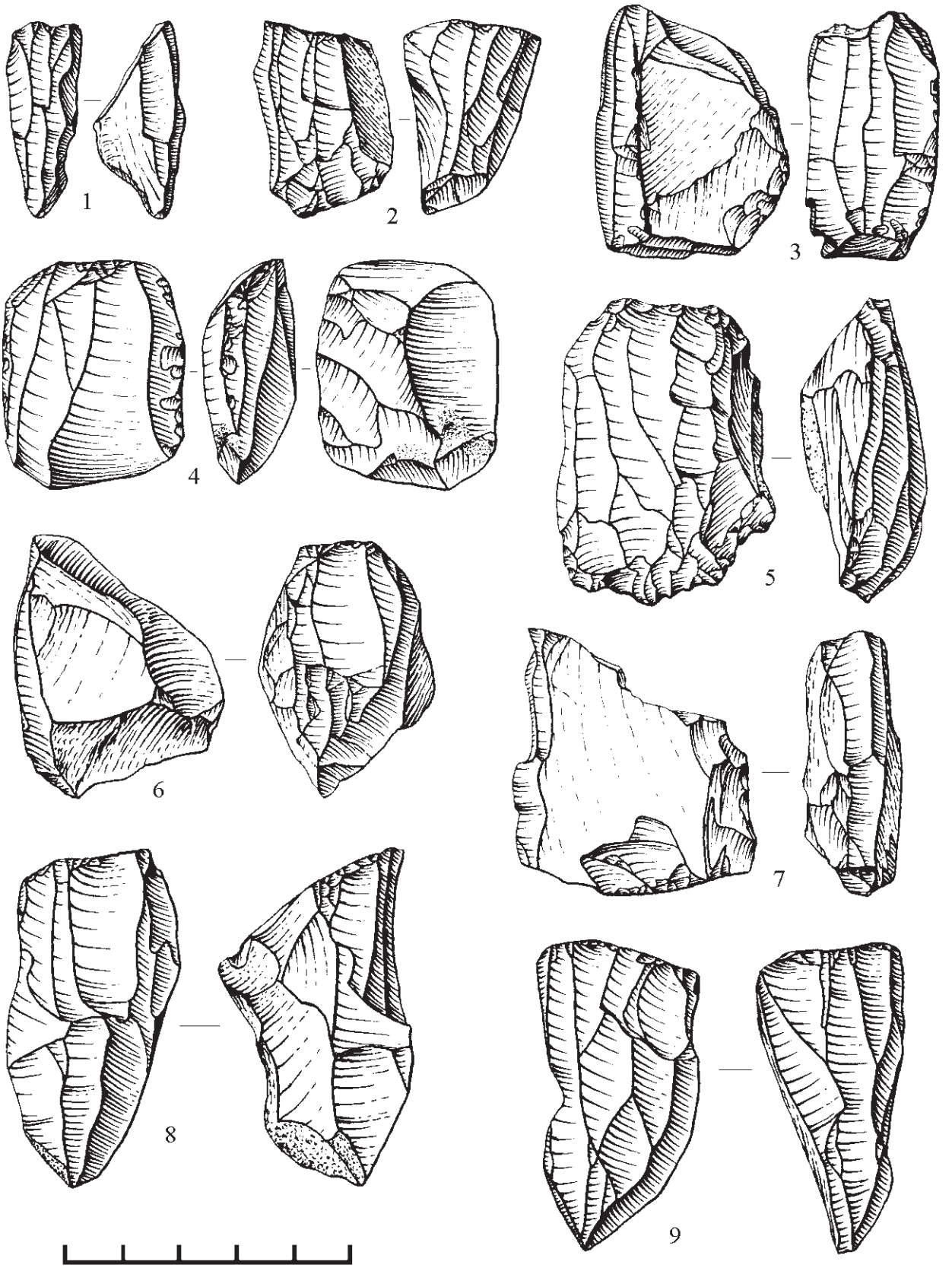

Рис. 3. Хунзахская стоянка. Образцы каменных изделий

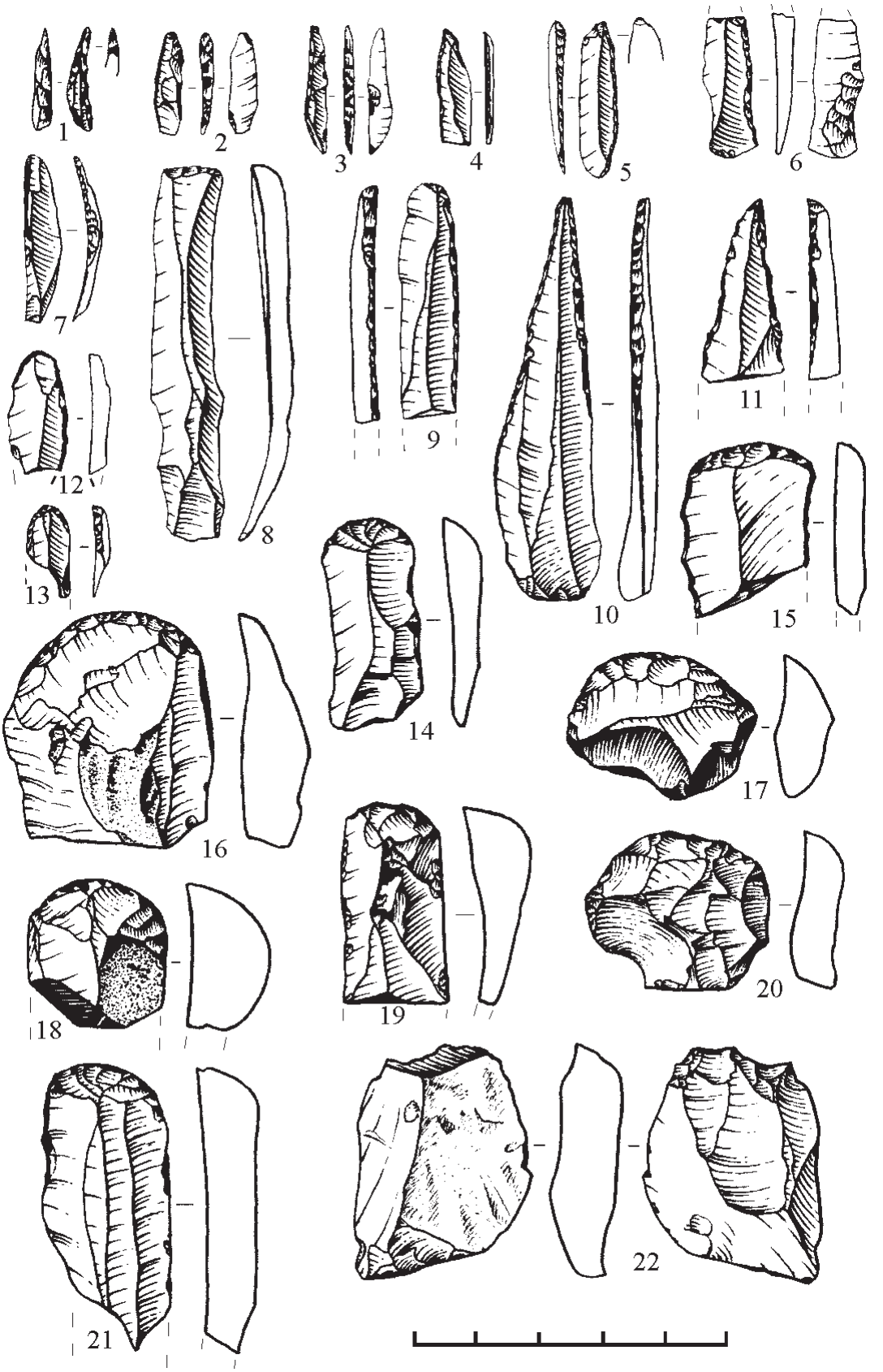

Рис. 4. Хунзахская стоянка. Образцы каменных изделий

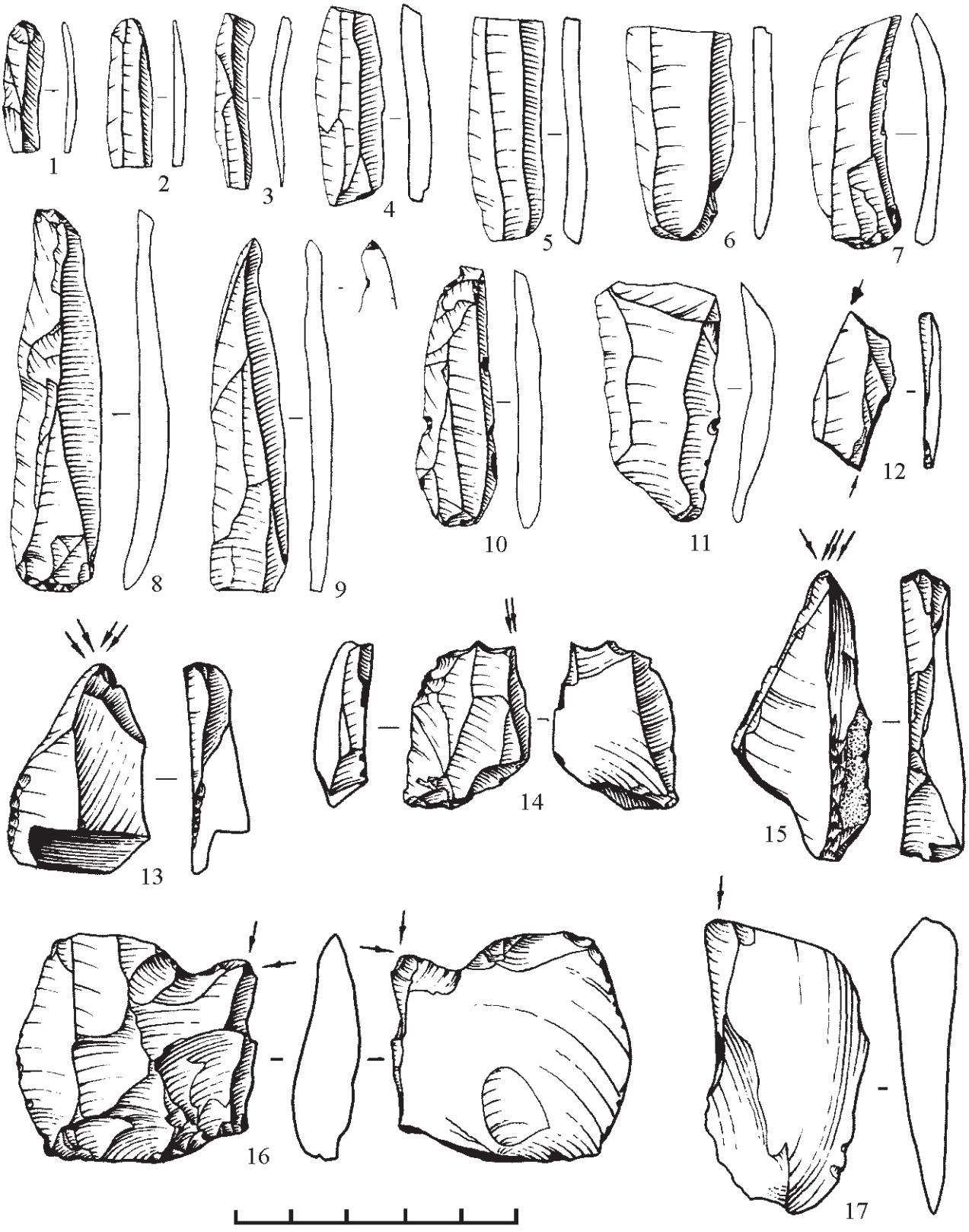

Рис. 5. Хунзахская стоянка. Образцы каменных изделий

С.М. Осташинский

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ ПОСЕЛЕНИЯ МЕШОКО*

Поселение Мешоко, расположенное в предгорьях Северо-Западного Кавказа, на территории современной Республики Адыгея, исследовалось экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством А.Д. Столяра с 1958 по 1965 г. В результате была получена чрезвычайно обширная коллекция предметов материальной культуры, изучение которой, начатое тогда же авторами и участниками раскопок, продолжается и сейчас. Одной из ярких и уникальных особенностей этого памятника является богатая и разнообразная кремневая индустрия, значение которой как исторического источника было сразу оценено его первыми исследователями — А.Д. Столяром и А.А. Формозовым. При обращении к кремневому материалу наибольшее внимание уделялось геометрическим микролитам — сегментам, как одному из специфических культурно определяющих признаков.

В одной из первых статей о поселении Мешоко, посвященной публикации и анализу результатов начального периода исследования памятника (1958–1959), автор раскопок А.Д. Столяр указал на сходство сегментов, найденных на поселении Мешоко, с сегментами Майкопского кургана (Столяр, 1961. С. 95), а одно из орудий, обработанное двусторонней ретушью по дуге, сопоставил с сегментами Нижне-Шиловской стоянки (Столяр, 1961. С. 95). Эти аналогии, наряду с другими, были призваны включить вновь открытый комплекс в общий культурно-хронологический контекст памятников Северо-Западного Кавказа.

Из-за ограниченного числа поселений, известных к тому времени, и как следствие узости сравнительной базы поселение Мешоко было отнесено к майкопской культуре. Причем тонкостенная неорнаментированная керамика из нижних горизонтов Мешоко сопоставлялась с керамикой Майкопского кургана, а более грубая, толстостенная посуда верхних горизонтов, украшенная жемчужным орнаментом, соотносилась с находками из гробниц Новосвободной (Столяр, 1961. С. 88).

Между тем уже в ходе последующих раскопок А.Д. Столяр обратил внимание на то, что микролиты встречаются только в верхних горизонтах памятника, что, однако, не вписывалось в предложенную концепцию его развития, согласно которой они должны были бы быть в самом низу отложений, в «майкопском» слое поселения Мешоко. Таким образом, сегменты стали играть и важную «стратиграфическую» роль, указывая на сложный состав культурного слоя. Несколько позднее А.Д. Столяр, основываясь на различиях в керамике, типах украшений, кремневом инвентаре поселения Мешоко и сопоставлении погребальных комплексов, предложил оценивать Майкоп и Новосвободную как две различные, генетически не связанные культуры (Столяр, 1964).

А.А. Формозов, также принимавший участие в исследованиях памятника, на основании изменений, произошедших в материальной культуре Мешоко за время его существования, выделил в толще культурных отложений два горизонта: ранний — майкопский и поздний — новосвободненский, которые рассматривались как этапы развития единой майкопской культуры. Сегменты, которые были отнесены и к нижнему горизонту Мешоко, также сопоставлялись с сегментами Майкопского кургана (Формозов, 1965. С. 78).

* Работа выполнена при поддержке РФФИ № 06-06-80168-а.

В дальнейшем к исследованию этой проблематики подключился А.А. Нехаев. На основании данных, полученных при раскопках энеолитического поселения Свободное и анализе накопленного к концу 80-х гг. материала о поселенческих памятниках майкопской культуры А.А. Нехаев предложил выделить памятники типа Свободное, нижнего слоя Мешоко, Замок в отдельную закубанскую культуру, предшествующую майкопской. Наличие сегментов только в верхнем слое Мешоко позволило А.А. Нехаеву более не увязывать нижний слой этого поселения с Майкопским курганом, а сопоставить его с поселением Свободное, где также фактически отсутствовали геометрические микролиты. Так же, как и А.Д. Столяр, А.А. Нехаев предположил иную (местную, кавказскую) генетическую подоснову культуры верхних горизонтов Мешоко в отличие от его нижних горизонтов и поселений Замок и Свободное, происхождение которых связывалось с миграцией (Нехаев, 1990. С. 17–20).

В статье, вышедшей в 1994 г., А.А. Формозов, полемизируя с А.А. Нехаевым, предложил собственную периодизацию энеолитических памятников, основанную на учете эволюции керамики, количества каменных браслетов, кремневых сегментов. Согласно этой периодизации, поселение Свободное, в котором присутствует керамика с жемчужным орнаментом, незначительное количество каменных браслетов и всего один сегмент (А.А. Нехаев упоминает об одной микротрапеции в Свободном (Нехаев, 1990. С. 18)), является более поздним памятником, чем поселение Мешоко, в нижних слоях которого найдены неорнаментированная керамика и многочисленные сегменты (по данным А.А. Формозова их более 200 в Мешоко). Таким образом, создается эволюционная схема, в которой наиболее раннюю позицию занимают памятники, содержащие микролиты, наиболее позднюю – не содержащие их (Формозов, 1994. С. 49–51).

Как мы видим, сегментам отводится важная роль при анализе стратиграфии поселения Мешоко, культурной атрибуции поселений Северного Кавказа и создании их периодизации. Однако, несмотря на это, микролиты поселения Мешоко, да и других памятников остаются неопубликованными. Данная статья призвана в какой-то степени восполнить это пробел.

В материалах раскопок 1958–1964 гг. всего нами выделено 175 изделий, которые можно отнести (иногда предположительно) к микролитическим орудиям.

Среди микролитов поселения Мешоко абсолютно преобладают сегменты – 142 экз. (рис. 2–4; табл. 3–5). За единственным исключением (табл. 3, № 1) все они оформлены притупляющей ретушью по дуге. Длина колеблется от 10 до 22 мм. На графике выявлено 2 пика (рис. 1): первый приходится на 11 мм – 9 экз. (укороченные изделия – рис. 3: 1–4), второй – на 16 мм (26 экз.). Высота орудий колеблется от 5 до 13 мм, наибольшее количество (41 экз.) имеет высоту 8 мм (рис. 1). Исходя из отношения длины изделия к его высоте, сегменты можно подразделить на высокие (до 1,5 мм – 20 экз.), средние (до 2,1мм – 77 экз.) и низкие (до 2,6 мм – 27 экз.) (рис. 1).

Микролитов треугольной формы найдено немного – всего 12 экз. (рис. 5: 1–12; табл. 6). Из них 7 орудий имеют скругленную вершину (рис. 5: 1–2; 4–8), как у сегментов (при прямых сторонах), в связи с чем их можно рассматривать как переходный тип.

Микролиты в виде трапеций представлены также в незначительном количестве – всего 8 экз., демонстрируя при этом значительное разнообразие приемов обработки (рис. 5: 13–20; табл. 6). Среди них выделяется единственная на поселении Мешоко трапеция со струганой спинкой (рис. 5: 17), стороны которой обработаны двусторонней ретушью. Вероятно, трапецией является и наиболее крупное изделие, имеющее сходную обработку краев (рис. 5: 20). 4 орудия относятся к высоким формам (рис. 5: 13, 16, 17, 20) – высота их превосходит длину. 6 из 8 трапеций изготовлены на пластинах.

Еще 13 орудий условно названы нами сегментовидными изделиями. Из них 4 экз. имеют действительно форму сегмента, отличаясь от обычных орудий большими размерами (рис. 6: 6–9), два других изделия имеют подромбическую форму (рис. 6: 4, 5). Один «микролит» изготовлен на обломке бифаса с помощью подретушевки на месте слома (рис. 6: 3). Еще у двух, возможно, также вкладышевых орудий есть выделение вершины (может быть, незаконченные сегменты?) (рис. 6: 1–2). Принадлежность остальных 4 изделий (рис. 6: 10–13) к этой категории вызывает сомнения. Неясно, являются ли они вообще орудиями, то есть изделиями с намеренной вторичной обработкой, или сколами подправки; наличие встречной ретуши вроде бы свидетельствует в пользу первого предположения.

Сырье. Большая часть микролитов изготовлена из цветного кремня – 157 экз. (90%) и только 18 экз. (10%) – из серого.

Таблица 1

Распределение сегментов по раскопам и штыкам

Штыки	*Всего*	*Раскоп I S-244 м кв.*	*Раскоп II S-528 м кв.*	*Раскоп III S-48 м кв.*	*Раскоп IV S-48 м кв.*	*Раскоп V S-96 м кв.*	*Иное*
1	50	9	28	6	1	6	
1-2	4	1	3				
2	39	7	21		2	9	
3	25	6	16	1		2	
1-3	2	2					
4	3		2			1	
5	7		2	4		1	
6							
7							
8							
9	1		1				
?	11	3	7				1
Итого	142	28	80	11	3	19	1

Таблица 2

Распределение трапеций и треугольников по штыкам

Штыки	*Всего*	*Треугольники*	*Трапеции*	*«Сегментовидные орудия»*
1	10	3	4	3
2	12	5	1	6
3	4	3	1	1
4	3	1		2
5	1			1
6				
7	1		1	
8				
9	1		1	
Итого	32	12	8	13

Заготовки (учтены сегменты, треугольники и трапеции – 162 экз.). На пластинах изготовлено 64 орудия (40%). На отщепах – 46 экз. (28%). На «сколах без огранки» – 52 экз. (32%). На спинке этих орудий нет следов огранки, поэтому точно установить тип заготовки затруднительно (вероятнее всего, в большинстве случаев это отщеп). Сегменты на «сколах без огранки» иногда называют сегментами типа «апельсиновой дольки» (Цыбрий, 2004. С. 35). Столь высокий процент непластинчатых заготовок отличает геометрические орудия поселения Мешоко от микролитов неолитической эпохи.

Основные типы вторичной обработки (учтены сегменты, треугольники и трапеции):

I – притупляющая ретушь от брюшка к спинке – 73 экз. Ia – притупляющая ретушь от брюшка к спинке с отдельными встречными фасетками – 25 экз. Итого – 98 экз. (62%).

II – притупляющая ретушь от спинки к брюшку – 14 экз. IIa – притупляющая ретушь от спинки к брюшку с отдельными встречными фасетками – 5 экз. Итого – 19 экз. (12%).

III – встречная притупляющая ретушь – 10 экз. (6%).

IV – левая часть обработана притупляющей ретушью от спинки к брюшку, правая – от брюшка к спинке – 15 экз. (9%).

V – левая часть обработана притупляющей ретушью от брюшка к спинке, правая – от спинки к брюшку – 6 экз. (4%).

VI – направление снятий на вершине дуги сегмента противоположно направлению ретуши по краям орудия – 7 экз. (4%).

VII – двусторонняя приостряющая ретушь – 5 экз. (3%).

Какой-либо тенденции в применении того или иного типа ретуши в зависимости от стратиграфического положения орудия выявить не удается, но связь между типом ретуши и заготовкой прослеживается достаточно отчетливо. Ретушь, направленная от брюшка к спинке, чаще коррелирует с пластиной (в 70% случаев), чем с отщепом (в 50%), вторичная обработка которого более разнообразна и зачастую менее качественна.

Распределение микролитов в толще культурного слоя по вертикали и по раскопам поселения Мешоко представлено в табл. 1 и 2.

Как следует из табл. 1, подавляющее большинство сегментов сосредоточено в верхней части слоя – в штыках 1–3 их 120 экз. (85%). В 4-м штыке найдено всего 3 орудия (табл. 3, № 16, 19; табл. 4, № 40). Сегменты № 1 и 5 в табл. 3 отнесены нами к штыку 1-3, исходя из анализа планиграфии (нахождение снаружи, за стеной) и контекста находок. Из 5-го штыка происходит 7 сегментов, но большая их часть (5 экз. – табл. 3, № 45, 55; табл. 4, № 30, 31; табл. 5, № 41) приходится на раскопы 1964 г., где верхний горизонт доходит до 5-го штыка, и только 2 сегмента найдены во II раскопе (табл. 4, № 13, 24). В нижней части слоя (9 штык) найден всего 1 сегмент (табл. 5, № 25). Это последнее орудие, также как и сегмент из 5 штыка раскопа II (табл. 4, № 13), изготовлены в схожей манере: заготовкой является отщеп, ретушь направлена от спинки к брюшку, а вершина дуги сегмента находится на проксимальной части заготовки. Этот прием встречен еще на двух сегментах, происходящих из верхних горизонтов (табл. 5, № 18, 45) поселения Мешоко (но ретушь здесь направлена от брюшка к спинке), так же оформлено и несколько сегментов из Майкопского кургана.

Треугольники и трапеции также сосредоточены в штыках 1–3, исключением является трапеция со струганой спинкой, найденная в 7-м штыке (табл. 6, № 15), и близкое ей по форме изделие, происходящее из 9-го штыка (табл. 6, № 13). Один треугольник, происходящий из 4-го штыка (табл. 6, № 12), относится к раскопкам 1964 г.

Итак, на основе приведенных данных можно считать твердо установленным, что микролиты преимущественно сконцентрированы в верхнем горизонте поселения Мешоко. Более того, среди прочих категорий кремневых орудий только сегменты, треугольники и трапеции демонстрируют столь жесткую стратиграфическую приуроченность. И именно опираясь на этот факт, можно выделять верхние горизонты поселения Мешоко и относить к ним первые 3 штыка. При этом обращает на себя внимание двукратное увеличение количества сегментов от третьего штыка к первому, что может говорить о постепенном росте значения этой категории орудий в культуре населения Мешоко.

В средней части слоя (4-й и 5-й штык) и в нижнем горизонте (6-й штык и ниже) микролиты представлены единичными экземплярами. Пока неясно, объясняется ли это смешанностью, то есть проникновением из верхних горизонтов, или является следствием их действительно редкого употребления. Например, любопытно, что в 9-м штыке на квадрате, соседнем с тем, в котором был найден сегмент, найден и миниатюрный наконечник стрелы с параллельными сторонами, аналогичный наконечникам верхних горизонтов (Осташинский, 2004. С. 337, рис. 2: 1; С. 338); керамика же на этих квадратах не дает оснований для заключения о смешанности комплексов. И наоборот, принадлежность нижним горизонтам (7-й и 9-й штыки) двух высоких трапеций (рис. 5: 17, 20) сомнений не вызывает. Только привлечение новых материалов позволит уверенно разрешить этот вопрос.

Как бы то ни было, столь резкое увеличение количества кремневых микролитов при переходе к 3-му штыку свидетельствует о значительных переменах, произошедших в материальной культуре поселения Мешоко, а также (и в этом можно вполне согласиться с А.Д. Столяром) говорит и о том, что этот процесс не был эволюционным. Обоснованная интерпретация этого явления возможна только на широком сравнительном фоне и только после проработки всего фонда источников и в первую очередь керамики. Пока же в качестве предварительного объяснения произошедшей перемены в культурных традициях можно предположить приток населения извне. Но подтвердить этот тезис, указав на памятники, которые могли бы быть источником инноваций в кремневом комплексе поселения Мешоко, на сегодняшний день не представляется возможным.

В энеолитических памятниках Северо-Западного Кавказа микролиты встречаются редко. Наибольшую близость к мешокским имеют сегменты, найденные на поселении Мысхако (раскопки А.В. Дмитриева, материал хранится в Новороссийском музее-заповедни-

ке). Далее в литературе упоминается один сегмент из Ясеновой поляны (Формозов, Черных, 1964. С. 109) и трапеция, происходящая из поселения Свободное (см. выше). В расположенных в непосредственной близости от Мешоко поселениях Скала и хутор Веселый микролиты не найдены. Памятники раннего энеолита на этой территории пока не открыты. По предположению Л.Г. Мацкевого, концом неолита — началом энеолита могут датироваться материалы стоянки Нововочепший на р. Псекупс, где найдено 3 сегмента, которые имеют сходство с сегментами поселения Мешоко (Мацкевой, 1981. С. 141, рис. 4, 6–8. С. 150).

В Западной Грузии трапеции и несколько сегментов найдены в Самеле-Клде, пещерной стоянке, относимой ко времени, переходному от неолита к энеолиту (Глонти, Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе, Тушабрамишвили, 1968. С. 8–9). Для позднеэнеолитических памятников этого региона микролиты не характерны (Там же. С. 9), хотя и встречаются в единичных случаях, например, 3 трапеции во II и III слоях Даркветского навеса (Небиеридзе, 1978. С. 95), сегмент в Белой пещере (Каландадзе А., Каландадзе К., 1976. Табл. XL: 14).

Таким образом, серия геометрических микролитов, обнаруженная в верхних горизонтах поселения Мешоко, по численности многократно превосходит коллекции этих орудий из других памятников Кавказа энеолитического времени.

Микролиты известны и в памятниках майкопской культуры. По 17 сегментов найдено в Майкопском кургане (Столяр, 1996. С. 62, рис. 3) и в кургане близ аула Уляп (Ескина, 1996. С. 38, рис. 1), еще 2 орудия происходят из Абинского могильника 742 км (раскопки Ю.А. Серикова: Кореневский, 2004. С. 178, рис. 48: 13, 14). К сожалению, прорисовки изделий выполнены несколько схематично, что затрудняет их сопоставление. Сегменты майкопской культуры чаще изготовлялись на пластинах, чем сегменты поселения Мешоко, хотя среди них также есть изделия на отщепах и сегменты в виде «апельсиновой дольки». Сегменты из Майкопского кургана заметно отличаются от мешокских своим внешним обликом, размерами и пропорциями, так что допускать наличие какой-либо непосредственной связи между ними вряд ли оправданно. По сравнению с сегментами неолитической эпохи вкладыши энеолита и ранней бронзы зачастую изготовлены более грубо и небрежно, что производит впечатление некоторой их деградации (Столяр, 1996. С. 62).

В Нижне-Шиловской стоянке (эпоха неолита) было найдена 171 трапеция и 31 сегмент. При этом большая часть сегментов имела обработку двусторонней приостряющей ретушью по дуге. Аналогии им известны на памятниках Черноморского побережья Кавказа, Ставрополья, Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья (Формозов, 1962. С. 134–136). Соотношение сегментов и трапеций в Мешоко прямо противоположное, а сегмент с двусторонней ретушью по дуге встречен в единственном экземпляре. Несколько трапеций из коллекции Нижне-Шиловской стоянки обработаны плоской ретушью со спинки (трапеции со струганной спинкой). Такой прием обработки микролитов А.А. Формозов считает характерным для степной части Украины и Крыма (они также известны в Северном Прикаспии и Нижнем Поволжье), а его южным пределом — Черноморское побережье Кавказа (Формозов, 1962. С. 136). В степи такие трапеции встречены и в памятниках среднестоговского времени (Телегин, 1973. С. 17, 18, рис. 7: 6). На поселении Мешоко найдено только одно (два?) орудие этого типа.

Преобладание сегментов на поселении Мешоко можно в какой-то степени объяснить тем, что сегмент, в отличие от трапеции, не обязательно было изготовлять на пластинчатой заготовке. Так же и приостряющей ретушью, характерной для сегментов эпохи неолита, легче обработать пластинчатую заготовку, чем отщеп.

Бóльшую близость можно увидеть между геометрическими орудиями поселения Мешоко и относящегося ко времени позднего неолита поселения Анасеули II, расположенного в Западной Грузии. Характерным для позднего неолита Западного Закавказья Л.Д. Небиеридзе считает присутствие среди микролитов сегментов с притупленной дугой и низких трапеций с тремя обработанными сторонами (Небиеридзе, 1972. С. 114; табл. X). Трапеция этого типа встречена и в Мешоко (рис. 5, *12*), а все мешокские сегменты, за единственным исключением, обработаны притупляющей ретушью. Отличает же западногрузинские памятники от поселения Мешоко наличие специфической группы вкладышевых орудий: высоких прямоугольников со струганной спинкой (Небиеридзе, 1972. С. 116, табл. X: 36, 40, 41; очень близкие им формы найдены в Поволжье в слое 2а Варфоломеевской стоянки (Юдин, 2004. С. 79,

рис. 53: 10–13). Не находят себе аналогий и равнобедренные треугольники, происходящие из поселения Мешоко.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что, помимо нередких случаев сходства между микролитами неолитических памятников и поселения Мешоко, есть и весьма существенные различия. То есть геометрические орудия Мешоко нельзя напрямую вывести из известных на сегодняшний день на Кавказе памятников предшествующей эпохи. Только накопление новых фактов позволит приблизиться к решению этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Глонти Л., Джавахишвили А., Джавахишвили Г., Киквидзе Я., Тушабрамишвили Д., 1968. Некоторые итоги полевых работ 1964 г. Урбнисской и Квирильской археологических экспедиций // ВМГ. XXV-B. Тбилиси. С. 3–14.

Ескина А.В., 1996. Погребение майкопской культуры в кургане близ аула Уляп // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Ч. I. Донецк. С. 37–40.

Каландадзе А.Н., Каландадзе К.С., 1976. Белая пещера (по раскопкам 1974 г.) // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси. С. 83–90.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Мацкевой Л.Г., 1981. Новые мезолитические и неолитические поселения Краснодарского края // СА. № 1. С. 134–150.

Небиеридзе Л.Д., 1972. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси.

Небиеридзе Л.Д., 1978. Даркветский многослойный навес. Тбилиси.

Нехаев А.А., 1990. Энеолитические поселения Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар. С. 5–22.

Осташинский С.М., 2004. Наконечники стрел и дротиков поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник. СПб. С. 334–356.

Столяр А.Д., 1961. Мешоко – поселение майкопской культуры // СМАА. Т. II. Майкоп. С. 73–98.

Столяр А.Д., 1964. Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1963 г. Л. С. 31–32.

Столяр А.Д., 1996. О реалиях Майкопского кургана как свидетельствах драматургии энеолитической истории Кубани // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб. С. 59–64.

Телегін Д.Я., 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ.

Формозов А.А., 1962. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. Вып. 102.

Формозов А.А., Черных Е.Н., 1964. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье // КСИА. Вып. 101. С. 102–110.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Формозов А.А., 1994. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. № 4. С. 44–53.

Цыбрий А.В., 2004. Предварительные итоги исследования стоянок Рассыпная VI в 2002 г. и Кременная III в 2000 и 2002 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г. Вып. 19. Азов. С. 33–42.

Юдин А.И., 2004. Варфоломеевская стоянка и неолит Степного Поволжья. Саратов.

Таблица 3

Сегменты на пластинах

№	*Год раскопок*	*Раскоп*	*Квадрат*	*Штык*	*Инв. номер*	*Размер: длина / высота, мм*	*Ретушь*	*Рисунок*	*Примечания*
1	1959	I	Г19	4	671	20 × 11	VII	2: 15	В проксимальной части подтесан ударный бугорок, в дистальной — нанесен резцовый скол
2	1959	I	Е18	2	1781	15 × 7	I	2: 16	
3	1959	I	Ж21	2	3526	17 × 8	I	2: 17	
4	1959	I	З21	1	5111	13 × 8	Ia	–	
5	1960	I	*а*17	4	2468	11 × 8	II	2: 3	
6	1960	I	И18	3	718	19 × 9	IIa	2: 18	
7	1960	I	К19	2	1224	19 × 9	I	2: 19	
8	1962	I	Е16–Е18	*	31	16 × 7	I	2: 41	* Подчистка раскопа 1960 г.
9	1962	II	Ж19	*	255	18 × 7	I	2: 51	* 3-й штык под сползшим развалом стены
10	1962	II	З19	*	321	22 × 9	I	2: 43	* 3-й штык под сползшим развалом стены
11	1962	II	М21	1	668	13 × 8	II	2: 4	
12	1962	II	М22	1	748	13 × 8	I	2: 5	
13	1962	II	Н21	3	1030	16 × 8	I	2: 20	
14	1962	II	П18	3–4	2024	15 × 8	Ia	2: 8	
15	1962	II	П21	3	2551	15 × 8	I	2: 9	
16	1962	II	Р21	4	3667	17 × 7	I	2: 44	
17	1962	II	С21	2	4712	15 × 9	IV	2: 10	
18	1962	II	С21	2	4711	15 × 7	VI	2: 42	
19	1962	II	С23	4	7373	19 × 8	I	2: 46	
20	1962	II	Т22	2	–	11 × 8	I	2: 1	
21	1962	II	У20	3	–	13 × 8	I	2: 21	
22	1962	II	У22	1	–	12 × 7	I	2: 22	
23	1963	II	Д20	1	71	16 × 8	I	2: 23	
24	1963	II	Д20	3	145	19 × 10	I	2: 24	
25	1963	II	Д21	2	211	18 × 10	Ia	2: 25	
26	1963	II	Е17	1	345	15 × 6	I	2: 52	
27	1963	II	Е17	1	346	15 × 9	IIa	2: 11	
28	1963	II	Ж16	1	815	15 × 7	I	2: 45	
29	1963	II	Ж16	1	816	–	I	–	
30	1963	II	Ж20	1	1117	14 × 9	I	2: 26	
31	1963	II	З19–И19	6	1871	17 × 7	IV	2: 27	Расчистка между камнями
32	1963	II	И16	2	2162	11 × 9	VI	2: 2	
33	1963	II	И20	2	2454	16 × 9	I	2: 12	

34	1963	II	Т16	3	7638	18 × 8	I	2: 28	
35	1963	II	Т18	1	8154	17 × 10	Ia	2: 13	
36	1963	III	*			15 × 6	I	2: 48	* Заполнение ямы ломщиков камня
37	1963	II	Н23	2	54	17 × 7	I	2: 47	Колонка I
38	1963	II	О24	5	2150	14 × 7	I	2: 29	Колонка I. Ретушь с наклоном на спинку
39	1964	I	Б1	1	–	14 × 12	I	2:7	Колонка II
40	1964	I	Б1	5	48	11 × 6	I	–	Колонка II
41	1964	I	Б1	6	63	17 × 9	I	2: 30	Колонка II
42	1964	I	Б2	1	417	16 × 8	IV	2: 31	Колонка II
43	1964	III	Б18	3	1135	15 × 8	II	2: 14	
44	1964	III	Б19	1	82	20 × 9	V	2: 32	
45	1964	III	Б19	5	2430	20 × 9	III	2: 33	
46	1964	III	Б20	1	248	16 × 7	I	2: 49	Ретушь с наклоном на спинку
47	1964	III	Б20	1	249	16 × 7	II	2: 34	
48	1964	III	В22	1	2532	15 × 7	I	2: 35	
49	1964	IV	Р4	1	46	14 × 7	*	2: 36	* Встречная и продольная ретушь поверх слома
50	1964	V	К12	1	813	17 × 9	I	2: 37	
51	1964	V	К14	2	1372	13 × 6	Ia	2: 38	
52	1964	V	К14	2	1374	12 × 5	I	2: 50	
53	1964	V	Л10	1	1566	13 × 12	IV	2: 6	
54	1964	V	М11	1	1632	16 × 8	I	2: 39	
55	1964	V	Н11	5	2977	19 × 9	I	2: 40	

Таблица 4

Сегменты на отщепах

№	*Год раскопок*	*Раскоп*	*Квадрат*	*Штык*	*Инв. номер*	*Размер: длина / высота, мм*	*Ретушь*	*Рисунок*	*Примечания*
1	1959	I	Е18	2	1780	15 × 8	Ia	3: 16	
2	1959	I	Ж20	1	2687	15 × 8	IIa	3: 17	Использован скол подправки?
3	1959	I	Ж20	1	2688	13 × 7	VI	3: 7	
4	1959	I	И20–21	1–2	6297	15 × 7	I	3: 18	
5	1960	I	В17	1	2006	15 × 10	II	3: 38	
6	1960	I	И19	2	862	11 × 8	II	3: 1	
7	1962	II	М22	2	763	14 × 8	Ia	3: 10	
8	1962	II	Н21	*	1112	16 × 8	IV	3: 19	* Подчистка останца земли с камнями верхней кладки
9	1962	II	О22	3	1744	15 × 7	Ia	3: 20	
10	1962	II	Р17	1	2883	14 × 10	I	3: 36	

11	1962	II	С18	1	5836	18 × 9	VI	3: 21	
12	1962	II	С19	1		16 × 9	I	3: 28	
13	1962	II	С19	5	4345	17 × 7	II	3: 26	Дуга орудия расположена в проксимальной части заготовки
14	1962	II	С20	2	4498	16 × 10	Ia	3: 29	
15	1962	II	У20	1	–	13 × 10	IIa	3: 34	
16	1962	II	У21	1	–	13 × 10	IV	3: 33	
17	1963	II	Д19	1	4	10 × 7	I	3: 2	
18	1963	II	Ж17	1	890	15 × 9	I	3: 23	
19	1963	II	М22	2	3283	15 × 7	I	3: 22	
20	1963	II	Н22	3	3835	16 × 13	IV	3: 40	
21	1963	II	Н22	3	3836	12 × 6	I	3: 5	
22	1963	II	О22	1	4089	13 × 8	III	3: 8	
23	1963	II	Т17	2	7896	14 × 7	Ia	3: 11	Использован скол подправки?
24	1963	II	У17	5	–	12 × 6,5	Ia	3: 6	
25	1963	II	Ц18	2	–	14 × 8	II	3: 12	
26	1963	II	Т16–Т19	–	–	14 × 8	VI	3: 9	
27	1963	II	О24	4	1893	15 × 10	Ia	3: 35	Колонка I
28	1964	I	Б1	7	98	16 × 11	I	3: 37	Колонка II
29	1964	I	Б2	7	554	11 × 9,5	I	3: 4	Колонка II
30	1964	III	Б17	5	2327	13 × 7	I	3: 13	
31	1964	III	Б19	5	2429	17 × 9	I	3: 30	
32	1964	IV	У4	2	338	16 × 9	II	3: 31	
33	1964	V	К14	2	1370	15 × 7	VI	3: 24	
34	1964	V	К14	2	1371	15 × 7,5	IV	3: 25	
35	1964	V	К14	2	1373	11 × 8	II	3: 3	
36	1964	V	Л12	3	732	16 × 10	I	3: 32	
37	1964	V	М14	3	3084	14 × 9	II	3: 14	
38	1964	V	Н12	2	2203	16 × 13	Ia	3: 39	
39	1964	V	Н12	2	2204	14 × 9	I	3: 15	
40	1964	V	Н13	4	2791	17 × 7	III	3: 27	

Таблица 5

Сегменты на «сколах без огранки»

№	*Год раско-пок*	*Раскоп*	*Квадрат*	*Штык*	*Инв. номер*	*Размер: длина/высота, мм*	*Ретушь*	*Рисунок*	*Примечания*
1	1959	I	Ж20	1	2689	10 × 6	I	–	
2	1962*	I	Е16–Е18	–	30	16 × 8	V	4: 26	* Подчистка раскопа 1960 г.
3	1962*	I	Е18–К18	–	12	16 × 6,5	Ia	4: 38	* Подчистка раскопа 1960 г.

4	1962	II	Ж19	*	223	13 × 7	V	4: 5	* 2-й штык под сползшим развалом стены
5	1962	II	О22	2	1720	13 × 9	III	4: 10	
6	1962	II	П18	1–2	1990	8 × 5,5	I	—	
7	1962	II	П21	1–2	2602	15 × 8	*	4: 11	* Ретушь от брюшка к спинке и продольные снятия
8	1962	II	Р17	1	2882	14 × 9	Ia	4: 12	
9	1962	II	Р21	2	3617	16,5 × 8	IV	4: 27	
10	1962	II	Р21	3	3638	17 × 9	I	4: 13	
11	1962	II	Р22	1	3723	13 × 6	II	4: 1	
12	1962	II	С17	2	3973	16 × 10	Ia	4: 28	
13	1962	II	С23	1	6992	12 × 5	I	4: 2	
14	1962	II	Т22	2	–	14 × 8	III	4: 29	
15	1963	II	Е17	3	465	16 × 7	IIa	4: 39	
16	1963	II	Ж16	1	814	14 × 8	Ia	4: 14	
17	1963	II	Ж20–21	3	1199	16 × 7	I	4: 40	
18	1963	II	И16	2	2163	16 × 8	I	4: 31	Дуга орудия находится в проксимальной части заготовки
19	1963	II	К19	3	2901	13 × 8	Ia	4: 15	
20	1963	II	М22	1	3221	16 × 9	Ia	4: 16	
21	1963	II	М22	1	3222	11 × 6	I	4: 3	
22	1963	II	Р25	2	7092	16 × 7	Ia	4: 41	
23	1963	II	Т16	1	7464	17 × 7,5	IV	4: 42	
24	1963	II	Т17	1	7793	18 × 8	III	4: 43	
25	1963	II	Т17	9	–	15 × 11	II	4: 6	Дуга орудия находится в проксимальной части заготовки
26	1963	II	У18	3	–	16 × 9	IV	4: 17	
27	1963	II	Ч16	1–2	–	15 × 8	I	4: 18	
28	1963	II	Т16–Т19	–	–	14,5 × 8	V	4: 19	Переборка осыпи восточной стенки раскопа
29	1963	II	Н24	3	756	13 × 8	IV	4: 32	Колонка I
30	1963	II	Н24	5	929	12,5 × 7,5	Ia	4: 20	Колонка I
31	1963	II	О23	3	1255	16 × 7	I	4: 44	Колонка I
32	1963	II	О23	3	1287	11 × 6	I	4: 4	Колонка I
33	1963	II	О24	2	1662	13 × 7	III	4: 33	Колонка I
34	1964	I	Б1	1	–	12 × 7	III	–	Колонка II
35	1964	I	Б1	4	33	14 × 8	IV	4: 21	Колонка II
36	1964	I	Б2	2	441	15 × 8	I	4: 22	Колонка II
37	1964	I	Б2	8	571	13 × 9	Ia	4: 7	Колонка II
38	1964	I	Б2	9	627	13 × 8	III	4: 23	Колонка II
39	1964	III	В20	1	185	15 × 7	I	4: 34	

40	1964	III	В20	1	186	14 × 11	IV	4: 8	
41	1964	III	В20	5	2405	15 × 8	I	4: 24	
42	1964	IV	У4	2	339	15 × 8	II	4: 30	Использован скол подправки?
43	1964	V	К13	1	886	12 × 10	I	4: 9	
44	1964	V	К14	1	1051	14 × 7	Ia	4: 35	
45	1964	V	Л14	2	450	13 × 7	I	4: 36	Дуга орудия находится в проксимальной части заготовки
46	1964	V	М13	2	1784	14 × 9	I	4: 25	
47	1964	V	Н9	1	2948	17 × 8	Ia	4: 37	

Таблица 6

Треугольники (1–12) и трапеции (13–20)

№	*Год раскопок*	*Раскоп*	*Квадрат*	*Штык*	*Инв. номер*	*Размер: длина/ высота, мм*	*Ретушь*	*Рисунок*	*Примечания*
1	1959	I	Ж21	2	3525	15 × 9	I	5: 1	Вершина скруглена
2	1959	I	З20	1	4522	14 × 10	VI	5: 9	
3	1959	I	И20	3	–	13 × 9	VII	5: 7	Вершина скруглена
4	1960	I	З18	2	308	15 × 18	I	5: 2	Вершина скруглена
5	1962	II	П21	1	2531	13 × 7	V	5: 3	
6	1962	II	П22	3	2746	16 × 7,5	V	5: 4	Вершина скруглена
7	1962	II	С19	2	6788	16,5 × 7	I	5: 10	
8	1962	II	Т21	2	–	15 × 7	IV	5: 11	
9	1963	II	И20	1	2444	19 × 9	I	5: 12	
10	1963	II	У16	2	8708	21,5 × 9	I	5: 8	Вершина скруглена
11	1964	III	В17	3	1215	15,5 × 8	I	5: 5	Вершина скруглена
12	1964	V	Н14	4	2693	14 × 8	Ia	5: 6	Вершина скруглена
13	1960	I	Е17	9	1770	27 × 16	VII	5: 20	
14	1960	I	И18	3	719	17 × 8	III	5: 19	
15	1962	II	П19	7	2293	17 × 20	VII	5: 17	Со струганной спинкой; резцовый скол на краю
16	1963	II	Д19	1	4	12 × 7	I	5: 14	
17	1963	II	Д20	1	72	13 × 7	VII	5: 15	
18	1964	III	В21	1	451	16 × 10	I	5: 18	
19	1964	IV	У4	2	686	12 × 16	I	5: 13	
20	1964	IV	У5	1	–	12 × 19	I	5: 16	

Таблица 7

Сегментовидные орудия, сомнительные формы

№	*Год раскопок*	*Раскоп*	*Квадрат*	*Штык*	*Инв. номер*	*Размер: длина/ высота, мм*	*Ретушь*	*Рисунок*	*Примечания*
1	1962	II	Н22	5	–	18 × 14	I	6: 2	
2	1962	II	П22	4	–	23 × 13	II	6: 8	
3	1963	II	М22	2	3284	17 × 4,5	III	6: 10	Использован скол подправки?
4	1963	II	М22–П22	2	6544	24 × 8	III	6: 11	Использован скол подправки?
5	1963	II	П22	1	6343	11 × 10		6: 3	
6	1963	II	Ф18	2	–	18 × 12	III	6: 13	Использован скол подправки?
7	1963	II	Н24	2	733	16 × 12	IV	6: 1	Колонка I
8	1964	V	Л12	2	232	16 × 11	III	6: 12	
9	1964	V	Н11	1	2096	29 × 17	I	6: 9	
10	1964	V	Н11	2	2339	20 × 14	I	6: 6	
11	1964	V	Н13	2	2264	20 × 11	I	6: 4	
12	1964	V	Н13	3	2512	21 × 14	I	6: 5	
13	1964	V	Н13	4	2792	26 × 17	I	6: 7	

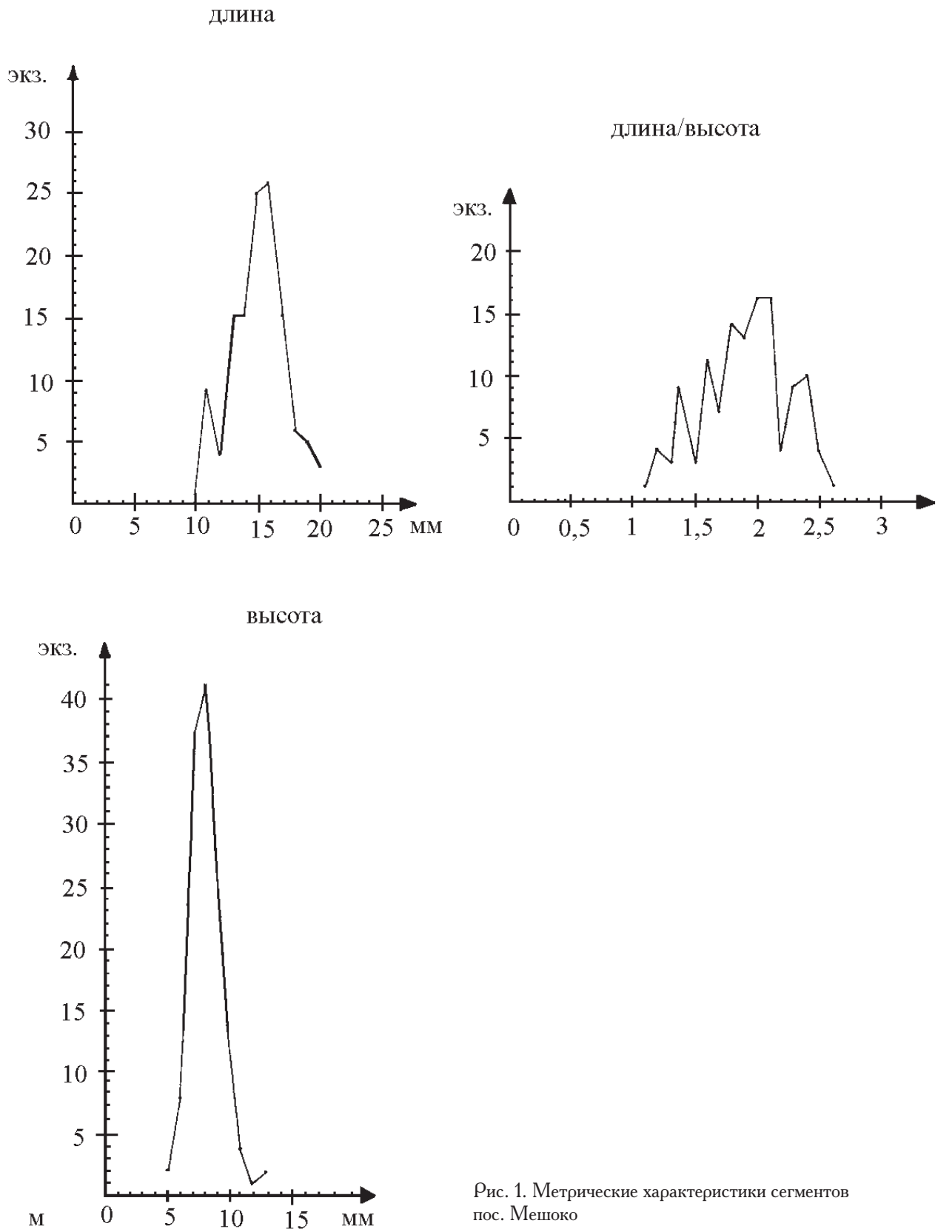

Рис. 1. Метрические характеристики сегментов пос. Мешоко

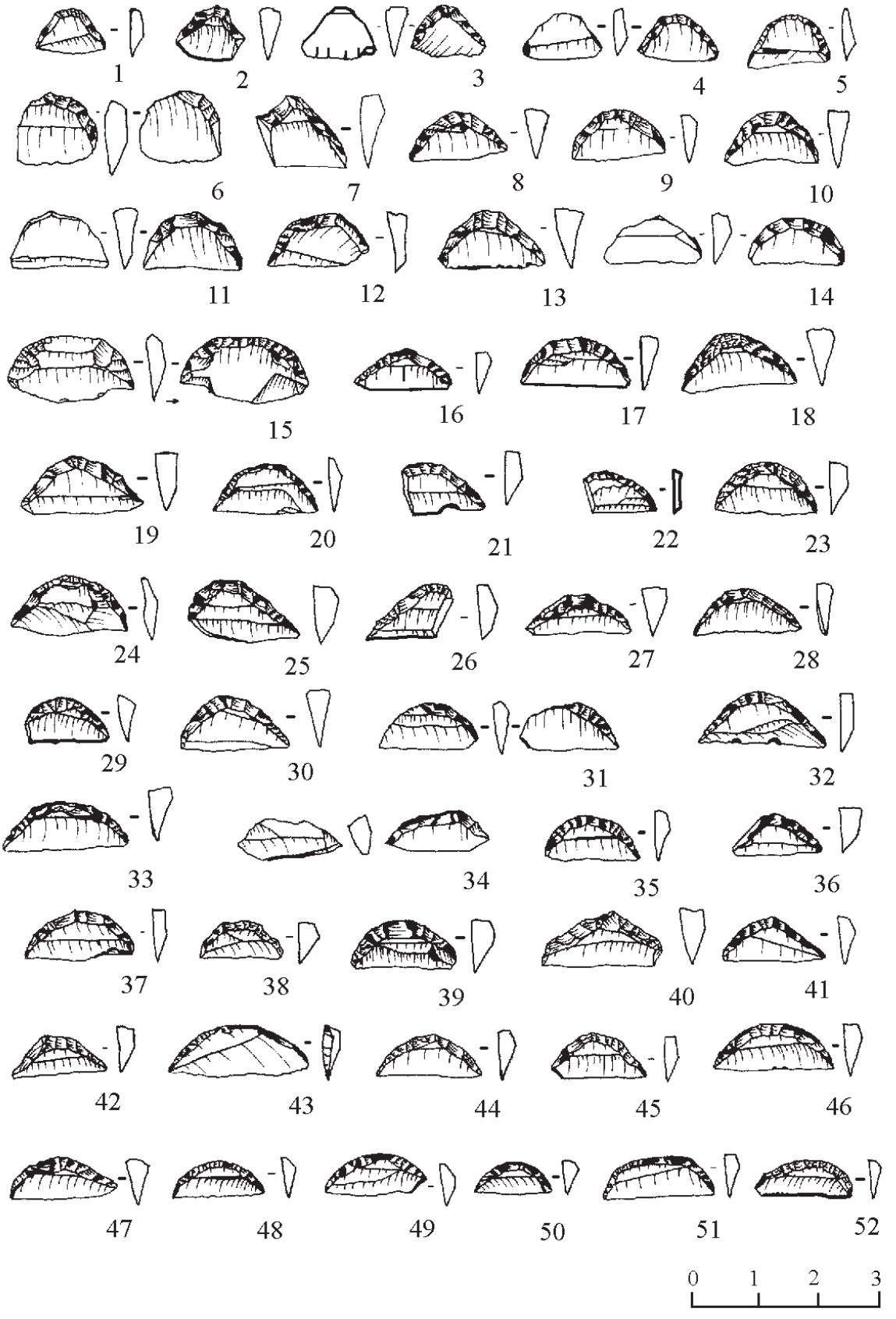

Рис. 2. Сегменты пос. Мешоко на пластинах

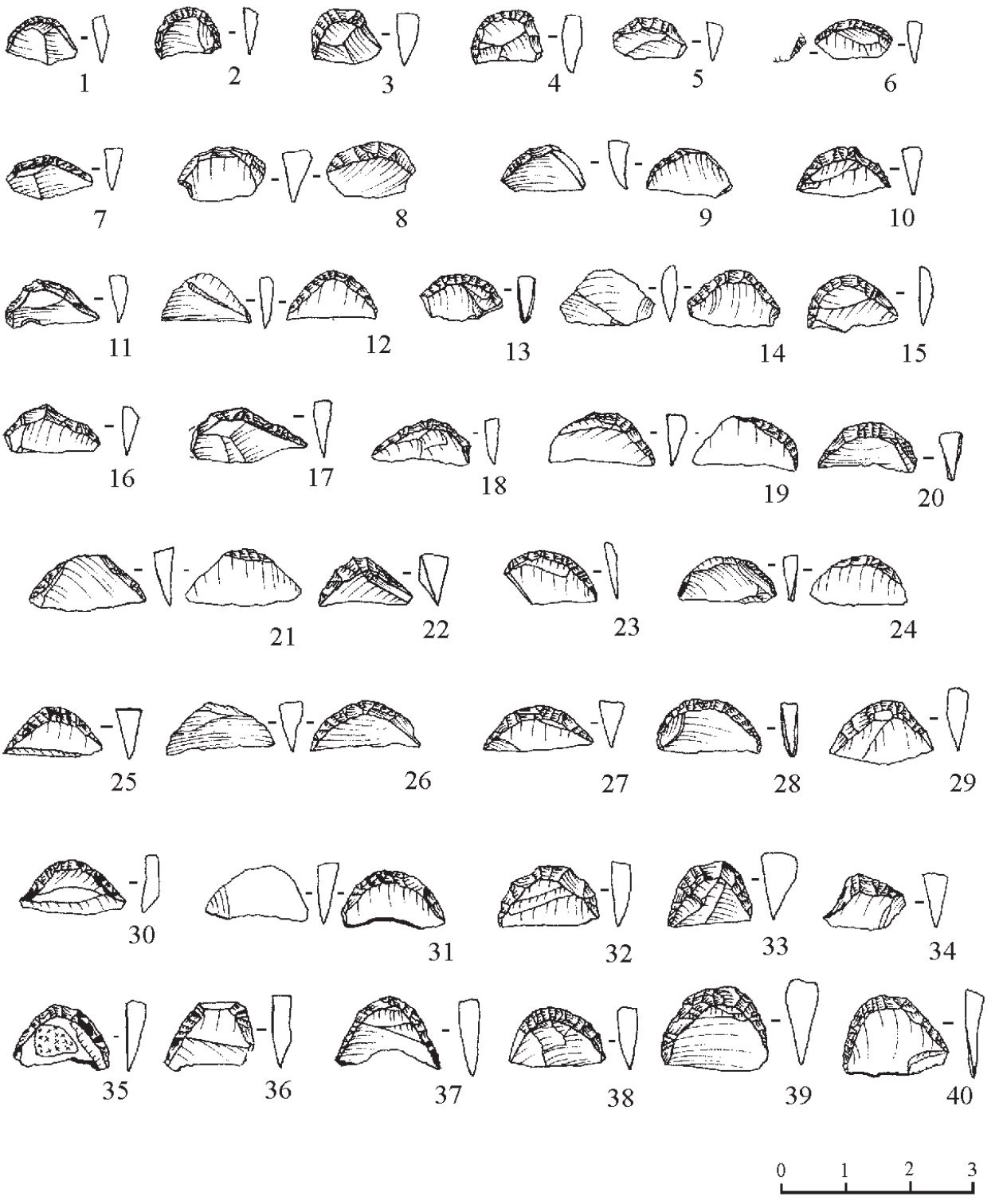

Рис. 3. Сегменты пос. Мешоко на отщепах

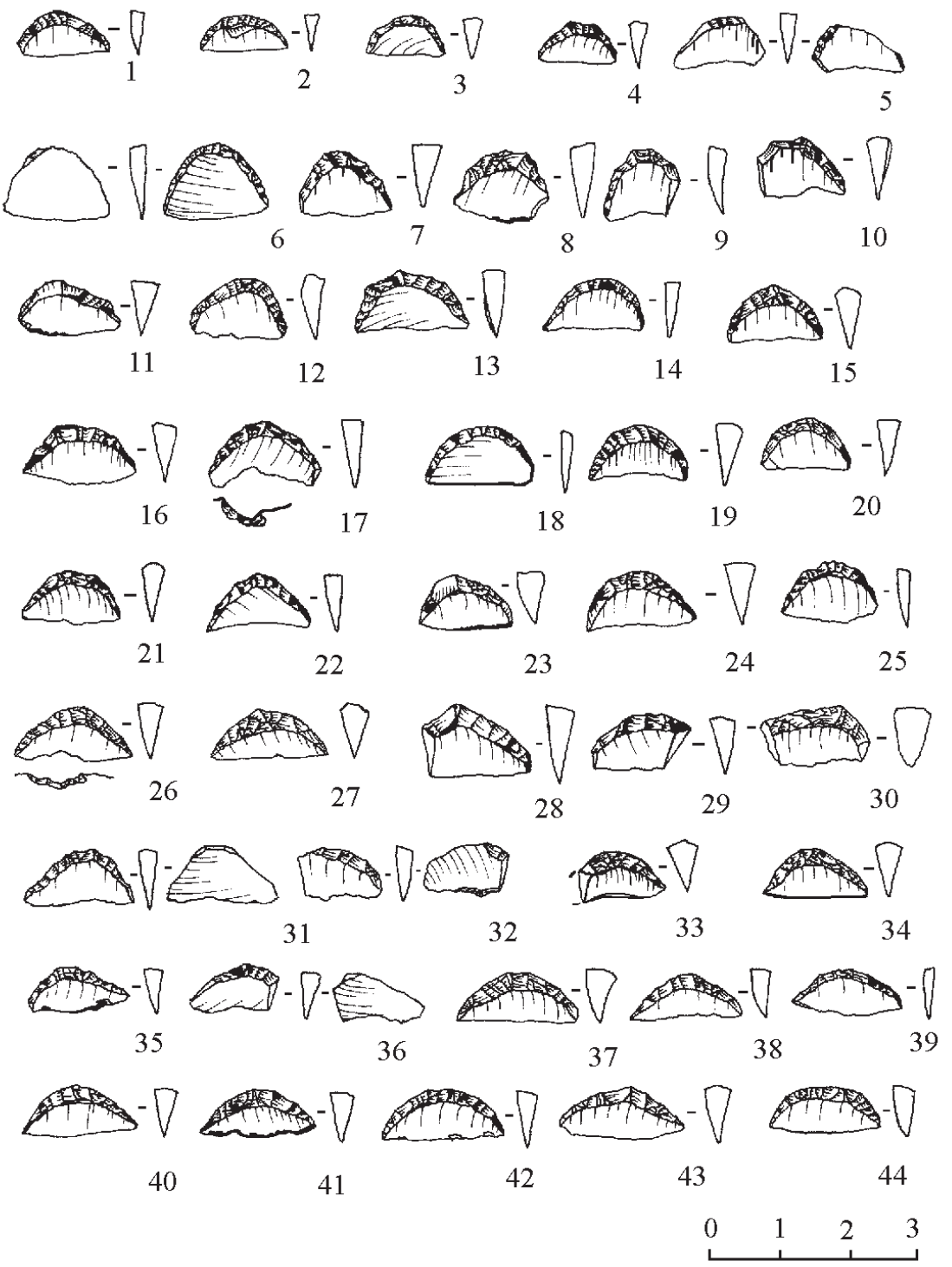

Рис. 4. Сегменты пос. Мешоко на «сколах без огранки»

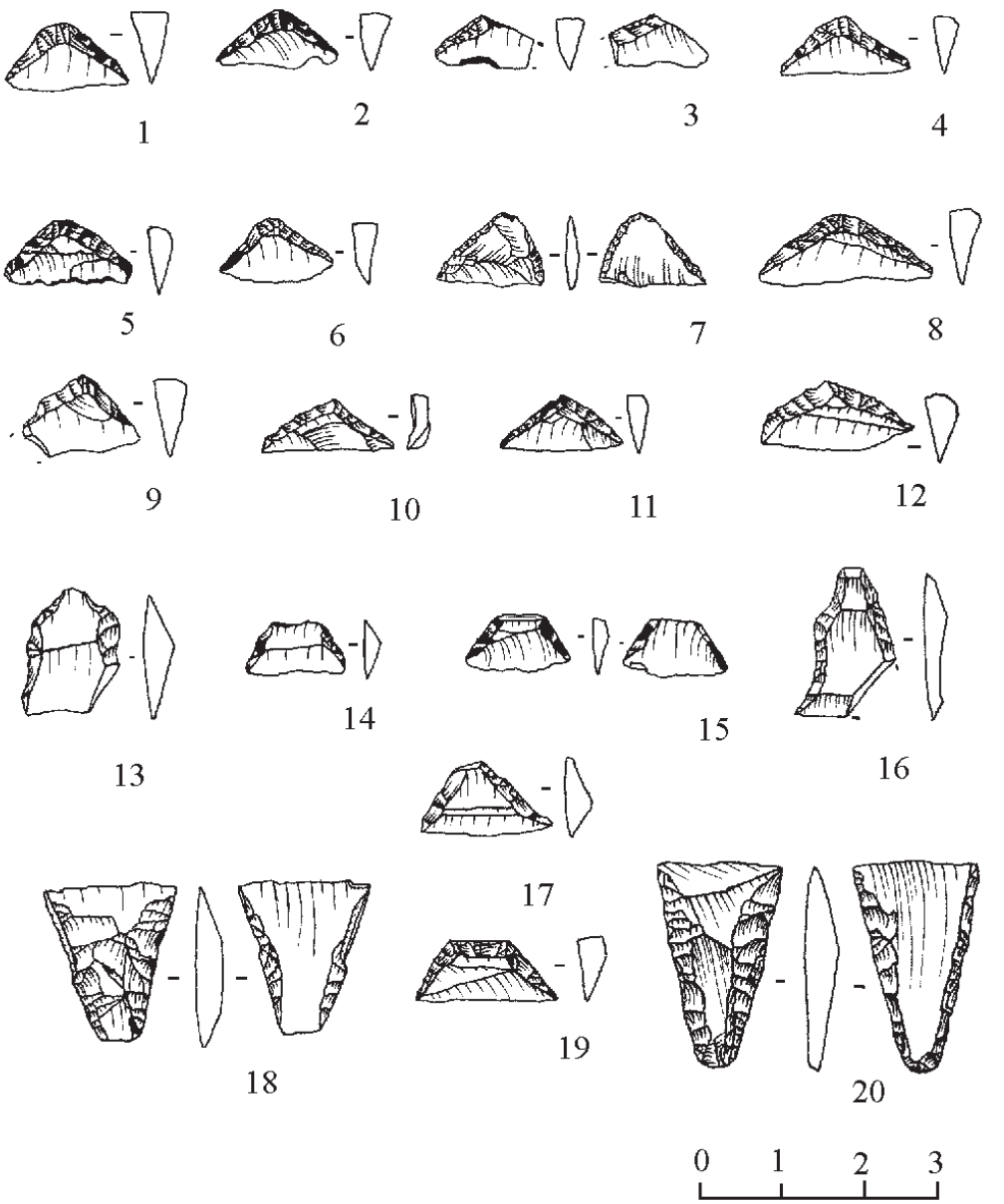

Рис. 5. Треугольники и трапеции пос. Мешоко

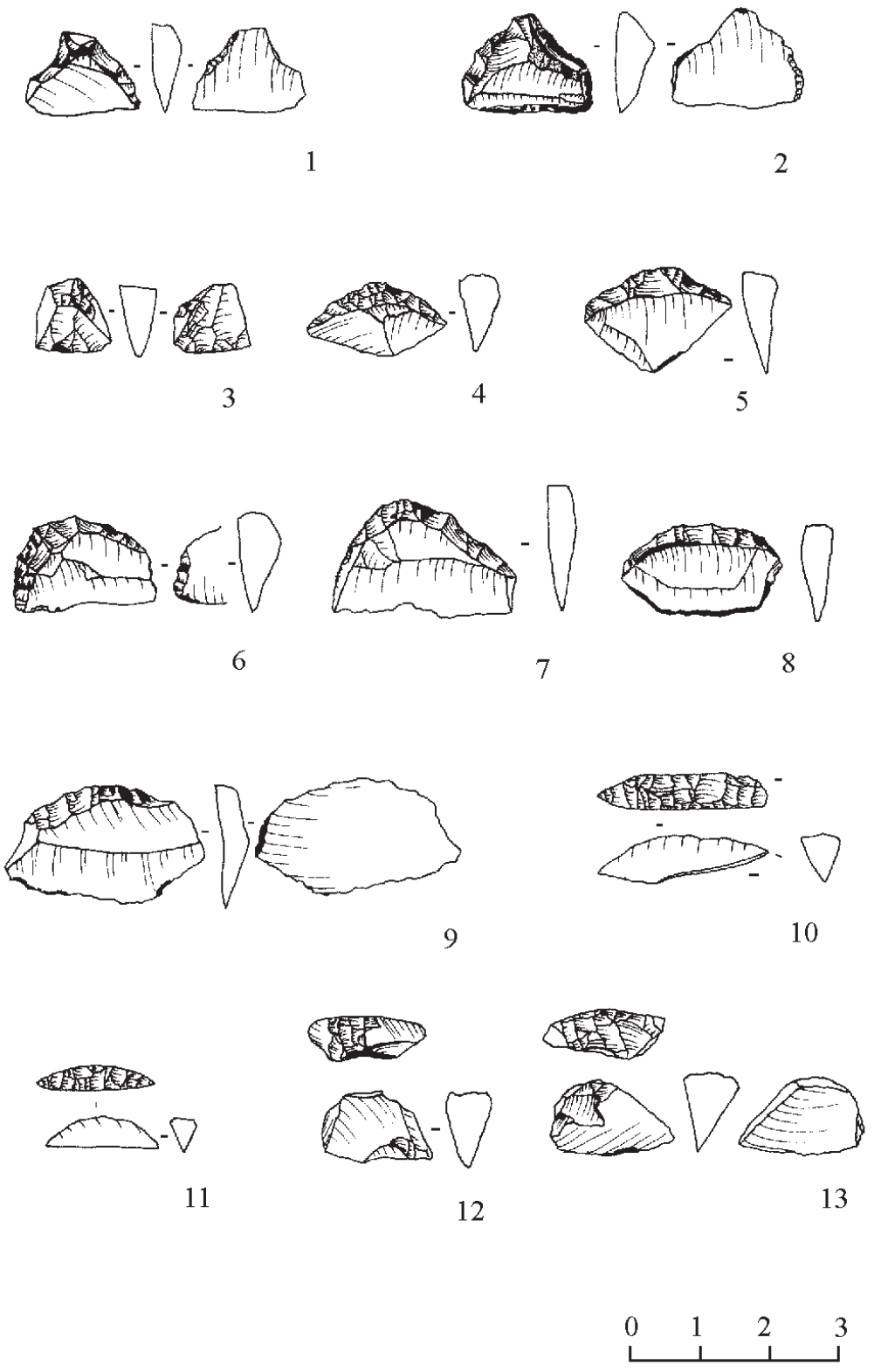

Рис. 6. Сегментированные орудия пос. Мешоко и неявные формы

С.Н. Кореневский

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Настоящая статья начала готовиться к печати на фоне нескольких значимых юбилеев для изучения майкопской культуры. В 2007 году исполнилось 110 лет со дня раскопок Н.И. Веселовским Большого Майкопского кургана в Адыгее, а также 60 лет со дня окончательного выделения Е.И. Крупновым ее, как культуры и наследницы раннекубанской группы памятников А.А. Иессена. Наконец, наступил канун 80-летнего юбилея Рауфа Магомедовича Мунчаева. В целом эти три события как бы очерчивают тематику представляемой работы.

Сегодня, как и много лет назад, мы вновь можем ставить вопросы. Какое значение имеют открытия Н.И. Веселовского? Как складывается судьба изучения майкопской культуры в наши дни? В чем заключаются достоинства метода работы Р.М. Мунчаева в ее изучении, обеспечившего устойчивый авторитет его книгам и статьям? Все эти вопросы задают историографический тон нашему обзору с итоговыми обобщениями, что на самом деле выглядит достаточно актуальной проблемой. Этот жанр освещения исследования майкопской культуры не нов, и его основоположником является также Р.М. Мунчаев (Кореневский, 2004а). В основном в представленном обзоре рассматриваются публикации отечественных исследователей, вышедшие в 2004–2006 годах и частично изданные в 2007 году.

Последний обобщающий очерк Р.М. Мунчаева по теме майкопской культуры помещен в томе сериального издания «Археология». «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза» (Мунчаев, 1994. С. 158–225). В нем Р.М. Мунчаев подвел итоги изучения майкопской культуры в 80-е – начале 90-х годов. К этому времени наметился очевидный прорыв в интерпретации ее источников на фоне новых раскопок майкопских поселений, появления первых радиокарбонных дат, массового изучения керамики майкопской культуры под микроскопом по методу А.А. Бобринского. Уже был сделан шаг в определении климата рассматриваемой эпохи и определено ее место в климатической схеме Блитта-Сернандера, связанное со второй половиной атлантического периода голоцена. Были вынесены за рамки майкопской культуры памятники с накольчатой жемчужной керамикой (Мешоко, Свободное, Замок, Ясенева Поляна и тому подобные) (Кореневский, 1993). Помимо всего прочего появился и синоним понятию майкопская культура – майкопско-новосвободненская общность (МНО) (Кореневский, 1989).

После выхода в свет тома «Археология» в 1994 году тематика майкопской культуры обогатилась публикацией двух монографий. Первая была издана в Германии. Она отражала многолетние раскопки А.Д. Резепкина могильника Клады (Rezepkin, 2000). В журнале «Российская археология» ей была посвящена специальная рецензия (Кореневский, 2002). В 2004 году уже в России была опубликована другая монография «Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья» (Кореневский, 2004), подводящая итоги наметившемуся качественно новому восприятию памятников майкопской культуры, после открытия и раскопок в 1985–1991 гг. Галюгаевского поселения. Что нового сделано с этого времени? Каковы современные текущие проблемы изучения

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 05-01-01032а, 07-01-00066а.

майкопской культуры? Актуальность такого экскурса кажется достаточно необходимой. В целом ряд направлений по теме майкопской культуры можно представить несколькими блоками, не забывая и о тех вопросах, которые были вынесены в первые абзацы нашего обзора.

Первый блок. *Судьба термина «майкопская культура»*. Итак. В 1897 году Н.И. Веселовский еще раз продемонстрировал свое потрясающее везение в связи с раскопками Большого Майкопского кургана. Первые сведения о нем связаны с иллюстрациями этого комплекса в ОАКе за 1897 год (СПб., 1900) и в работе Б.В. Фармаковского (Фармаковский, 1914). Невероятно, но факт, до сих пор этот выдающийся памятник полностью со всеми деталями не издан. Опубликована лишь большая часть его фрагментов. Наиболее полно сейчас это сделано в работах Ю.Ю. Пиотровского (Пиотровский, 1998. С. 82–92, 241–245). Попытки ввести данные Майкопского кургана в научный оборот, как источника, после сообщения Н.И. Веселовского в 1900 г. в ОАКе, конечно, делались. если вспомнить небольшую статью 30-х годов прошлого века Г. Чайлда (Child, 1936). Р.М. Мунчаев первый переиздал данные отчета Н.И. Веселовского, сделав первоначальное трудно доступное издание памятника достоянием широкой научной общественности. Именно большой источниковедческий «заряд», заложенный в монографии Р.М. Мунчаева 1975 года, обеспечивает ей неувядаемое значение в наши дни, несмотря на многократное увеличение материалов (Мунчаев, 1975). По сути дела, то была первая сводка источников по майкопской культуре или, говоря современным языком, — банк данных. В этой книге также было показано, что территория майкопской культуры, воспринимаемой в основном как прикубанское явление, заметно расширилась на восток, вплоть до границы с куро-аракской культурой в бассейнах р. Сунжи и р. Фартанги в Чечне (Мунчаев, 1961, 1975).

Ареал майкопско-новосвободненской общности (рис. 1) по современным представлениям охватывает равнины и предгорья Предкавказья, занимая Закубанье, верхнее Прикубанье, Терские наклонные равнины Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Чечни. В Западном Предкавказье майкопские памятники, как правило, не переходят далеко на правый берег р. Бейсуг. Основная территория памятников майкопско-новосвободненской общности связана с предгорными и степными долинами рек Предкавказья. Их ареал протянулся практически параллельно Главному Кавказскому хребту по диагонали градусной сетки примерно от 43 градуса на Чеченской равнине до 46 градуса в Прикубанье. Протяженность ареала памятников майкопско-новосвободненской общности, примерно, достигает 750 км по линии юго-восток, северо-запад при относительной небольшой ширине в среднем около 150 км. Надо полагать, у майкопских племен были веские причины к такой зональной локализации, связанные с их образом жизни (Кореневский, 2004).

Интенсивные раскопки последних лет в степном Ставрополье позволили объединить отдельные находки майкопских комплексов на возвышенности Ергени и Нижнего Дона в понятие кумо-манычской периферии майкопской культуры. (Кореневский, 2005б. С. 136–140). Майкопские памятники здесь редки, нет больших курганов, обилия погребений с золотом и металлом, наблюдается проникновение майкопских предметов в погребальные обряды степных племен с «ямной традицией» положения покойных на спину скорченно (рис. 1).

Далее, к северу от Кумо-манычской впадины, в степном междуречье Днепра и Дона под влиянием майкопской культуры у племен ямной культурно-исторической общности или ее дериватов возникла обширная зона подражаний майкопским изделиям, которая неплохо улавливается по формам медных втульчатых топоров майкопских типов. В Поволжье также фиксируется производство медных топоров с суженным к лезвию клином, несколько видоизмененных майкопских форм, которые получили название топоров «утевского» типа (Кореневский, 2004. С. 93–96, 119, 236). Но самое удивительное то, что эти формы степного оружия достигли Алтая, как косвенное влияние майкопской культуры и показатель дальних культурных связей, вероятно, через цепь посредников. Здесь найдено уже несколько топоров как утевского типа (с. Курмашово), так и вполне подходящих под определение собственно майкопских топоров группы 2 (с. Шептуново) (Грушин, Тюрина, Хаврин, 2006. С. 29, табл. II: 1, 5, 6).

Открытия Н.И. Веселовского легли в основу выделения Е.И. Крупновым майкопской культуры, когда настал черед широкой «культурологизации» памятников первобытной эпохи Кавказа. Ее суть заключалась в попытке придать археологическим памятникам опреде-

ленный исторический смысл. Исследователь сделал это дважды. Вначале Е.И. Крупнов употребил термин «майкопская культура» в 1951 году в сборнике трудов Кабардинского НИИ (Крупнов, 1951. С. 47). В 1957 году он повторил его в монографии о древностях Кабарды и окончательно связал с ним прикубанские и терские памятники круга Майкопского кургана и новосвободненских гробниц (Крупнов, 1957, С. 56). В 1951 году Е.И. Крупнов писал:

«Таким образом, по материальным источникам и погребальному обряду мы документально проследили ареал распространения древней и яркой культуры Северного Кавказа, впервые открытой в кургане у г. Майкопа. Одновременно мы убедились в том, что памятники этой культуры, обнаруженные на территории Кабарды, пока не давшие столь эффектных находок, как на Кубани, оказались важнейшими звеньями, связавшими ранее не связывавшиеся группы памятников, как Майкопский курган и дольмены Новосвободной – с одной стороны, и подкурганные погребения следующей эпохи – с другой. Такими звеньями оказались Долинское поселение и Соломенский курган. Могильная же стратиграфия Лескенского и Урухского курганов не только определила глубокую дату встреченных здесь основных погребений, но ряд содержащихся в них майкопских признаков, способствовала утверждению глубокой древности майкопского комплекса.

Наконец, установив культурную общность, отраженную в материальной культуре и в погребальных обрядах по древним памятникам Кабарды и Прикубанья, мы вправе объяснить эту общность существованием на этой территории близких родоплеменных групп, объединенных не только синстадиальностью развития и существующими связями. Мы вправе предположить здесь наличие и какого-то этнического родства, поскольку об этом можно судить по однородности погребального обряда» (Крупнов, 1951. С. 49).

Я специально процитировал первое определение майкопской культуры Е.И. Крупнова, чтобы показать близость для него понятий «культуры» и «общности» памятников, объединенных рядом схожих признаков, но не идентичных друг другу. Упомянутое выше понятие общности памятников Майкопа–Новосвободной не исключало различного пути возникновения ее вариантов, поскольку поликомпонентное формирование развитых обществ под влиянием достижений различных культур в первобытности и исторической этнологии вполне допустимо. Оно было широко распространено. Такой подход к интегральному названию прежней «раннекубанской группы» А.А. Иессена сохранял на карте предложенное Е.И. Крупновым название.

Расширенное понятие майкопской культуры как «майкопско-новосвободненской общности памятников» на новом витке накопления источников в определенной степени появилось, как альтернатива ранее декларируемой теоретической установке о том, что если группа памятников в культуре позволяет ставить вопрос об их особом происхождении, то ее необходимо выделить в отдельную культуру[1].

Конечно, то было не единственное теоретическое определение понятия «археологическая культура», поскольку последнее также подразумевает иной подход, определяющий ее как своеобразный тип (группа) памятников. Проблемы происхождения при этом на первый план не ставятся. Для этого есть веские причины, поскольку, с одной стороны, практика показывает, что поликомпонентность формирования материальной основы археологических культур имела самое широкое распространение. А с другой стороны, антропологические и палеогенетические исследования носителей древних культур, например, Кавказа, далеки от полноты изучения предмета, чтобы судить по их данным о реальном происхождении (генетизме) их носителей или антропологическом облике. И, в-третьих, несмотря на многие усилия методические проблемы конкретного происхождения, формирование многих культур Восточной Европы и Кавказа остаются крайне дискуссионной темой и относятся к области гипотетических вопросов, решаемых на базе археологических источников.

Более того, археологическая практика показывает, что нередко своеобразная типологическая группа памятников, воспринимаемая как культура, не одинока в своей оригинальности и тяготеет по ряду элементов погребальной обрядности или материального производства к похожим группам памятников (или культурам), несмотря на очевидную разницу в элементах сложения. Такие группы памятников (культу-

[1] Этот пример наглядно демонстрировали работы Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова (Николаева, Сафронов, 1974).

ры) способны образовывать общности памятников, «мегакультуры» или «мегаобщности». К последним можно отнести не только майкопскую, но и куро-аракскую культуру, фатьяновобалановскую, ямную, катакомбную, срубную общности, культуру воронковидных кубков, линейно-ленточной керамики и так далее. В англо-американской литературе синонимом выражениям «общность» или «культура» является «комплекс», "complex". Например, так обозначаются культуры бассейна рек Миссисипи и Огайо – комплекс Адена, комплекс Хоупвелл и так далее (Сендерс, 2003. С. 549–559). На мой взгляд, это удачный термин.

Второй блок. *Майкопская культура или культуры?* Конечно, майкопская культура довольно разнообразна в своих проявлениях. Открытия 80–90-х годов сильно изменили качество ее источников и превратили МНО из феномена, представления о котором строятся главным образом по погребальным памятникам, в феномен, выделяемый в культурное явление с учетом характеристики погребальных и поселенческих комплексов.

Систематизация элементов быта, керамического комплекса МНО, металлического и каменного инвентаря, погребальной практики позволила выделить в составе рассматриваемого феномена четыре варианта, наиболее определимых по особенностям керамического комплекса и имеющих как хронологические, так и относительно локальные проявления (Кореневский. 2004. С. 49–63).

Так, наиболее ранней формой МНО является ее *галюгаевско-серегинский* вариант, распространенный на Тереке и Кубани (рис. 2). Он наиболее связан с понятием А.А. Иессена о раннемайкопском этапе его раннекубанской группы. Три других варианта: отчасти *псекупский,* известный главным образом в Прикубанье (рис. 3), *долинский* – на Тереке и на Кавминводах (рис. 4), *новосвободненский* – в предгорьях Адыгеи и верховьях Белой (рис. 5). Они более соотносятся с поздним, «новосвободненским» этапом раннекубанской группы, по А.А. Иессену. Таким образом, как показывает практика, в понятие «варианта» могут входить как локальные, так и хронологические показатели. Локальные отличия, например, хорошо заметны по керамике между новосвободненским, долинским и псекупским вариантами. В Центральном Предкавказье территория галюгаевско-серегинского варианта и долинского варианта в целом совпадает. Но долинский вариант менее древний. Оба варианта на Тереке явно сосуществуют в какой-то период.

Галюгаевско-серегинский и псекупский варианты наиболее близки по традиции круговой круглодонной керамики. Они могут рассматриваться как особая галюгаевско-псекупская разновидность (ветвь) МНО. Долинский и новосвободненский варианты сближаются по традиции плоскодонных форм круговой посуды и форм металлического инвентаря. Они образуют другую – долинско-новосвободненскую разновидность (ветвь) МНО. Если мы будем рассматривать майкопскую «мегакультуру» как мегаобщность, то внутри нее возможно выделить галюгаевко-псекупскую общность, с подразделением на упомянутые выше варианты, и долинско-новосвободненскую общность с делением так же на варианты или культуры. Но все вышесказанное это удел филологии и подбора наиболее соответствующих терминов.

Естественно, при конкретном учете данных, не все комплексы МНО можно расписать по вариантам, особенно для Прикубанья. В таком случае они относятся к майкопской традиции погребальной практики в целом, без уточнения (Кореневский, 2004). Каждый из этих вариантов можно было бы рассматривать как отдельные культуры, поскольку пути их сложения кажутся не идентичными, но пока не вполне ясно, какими.

Объединяющими признаками «майкопской мегаобщности» могут рассматриваться особая определенных типов круговая посуда красно-охристых, соломенно-охристых, черных тонов с прекрасно обработанной, лощеной или ангобированной внешней поверхностью; изготовление керамики высокого класса с использованием теста, приготовленного из тщательно отмученной глины без всяких минеральных примесей при употреблении только растительной примеси; употребление для изготовления керамики разного типа круговых устройств (табл. А, табл. Б) (см. комментарии); обитание в предгорьях и на равнине с незначительным по толщине культурным слоем как следствие подвижно-оседлого образа жизни; строительство легких наземных строений с использованием турлучных конструкций; применение в быту глиняных «конусов» – приочажных приставок определенных типов (Кореневский, 2004).

В погребальной практике наиболее показателен курганный обряд захоронения. Реже можно говорить о бескурганных могильниках

или погребениях в сосудах. Особенно типична для МНО галечная выкладка на дне могил при лежащем костяке скорченно на боку с посыпкой последнего охрой.

Погребальная практика МНО активно включала в себя использование золотых и серебряных изделий наряду с полудрагоценными камнями, разнообразных изделий из бронзы, так называемых майкопских типов: кинжалов, топоров, тесел, долот, шильев, дисков и ряда иных вещей. Особенно показательны для МНО металлические сосуды, которые встречаются в памятниках галюгаевско-серегинского варианта, долинского и новосвободненского (Кореневский, 2004. С. 67–70).

Естественно, не все эти группы выглядели как прямое развитие самого раннего галюгаевско-серегинского варианта. На эту роль может претендовать лишь псекупский вариант. Пути формирования новосвободненской группы (варианта) памятников предполагались как заметно отличные от путей сложения долинской и псекупской групп (вариантов) памятников. В их сложении могли иметь место также поликомпонентные процессы. Более подробно об этом уже написано, не буду повторяться

Конечно, в литературе сейчас публикуются и альтернативные точки зрения. Прежде всего, они связаны с выделением позднего этапа майкопской культуры в особую, новосвободненскую культуру. Так, А.Д. Резепкин в работе 2004 года пишет, что «поздний, “новосвободненский этап” майкопской культуры имеет совершенно иную культурную подоснову, чем сама майкопская культура и ни о какой культурной трансформации, вызванной именно внутренней динамикой развития собственно майкопской культуры, говорить не приходится. По сути, “новосвободненский этап” – это вполне самостоятельная культура, отвечающая всем соответствующим параметрам: своя специфика появления и формирования, единство территории, резкое отличие почти всех категорий инвентаря от предыдущих и окружающих культур, весьма существенное отличие в погребальных сооружениях. Думается, пришла пора “новосвободненский этап” считать просто новосвободненской культурой, дабы не усложнять понимания тех процессов, которые шли в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе» (Резепкин, 2004. С. 115). Но, на мой взгляд, и упрощать вопрос о характеристике давно обозначенной отдельно новосвободненской группе памятников тоже не надо. По-прежнему необходимо определить, какие признаки керамического комплекса, погребального обряда и поселенческого быта ее характеризуют. Для этого необходима углубленная работа с поселенческими материалами, керамикой этой групп и выделение диагностических типов посуды из поселений и погребений. Считать, что принадлежность к новосвободненской группе погребения определяется прежде всего самим фактом находки захоронения со скорченным на боку скелетом в могильнике Клады, даже если в погребении нет никаких вещей, вряд ли возможно. Ведь безинвентарные или мало информативные захоронения требуют особого подхода в интерпретации.

Далеко не все погребальные комплексы раннего периода бронзового века Прикубанья и Закубанья мы можем соотнести с вариантами майкопской культуры. Собственно, строго говоря, к новосвободненской группе памятников по особенностям ее керамического комплекса относятся только захоронения в могильнике Клады, ст. Костромской и могильника Погуляево (раскопки В.Р. Эрлиха) и одно поселение у ст. Новосвободной. Всего около 27 комплексов (Кореневский, 2004. С. 57). Сам факт специфики сложения «новосвободненского варианта» МНО или культуры вполне вероятен. Но ясно и другое, ее отличие от памятников долинского варианта МНО в Центральном Предкавказье, несмотря на близость металлокомплекса этих культурных образований. В любом случае, новосвободненская культура Закубанья по-прежнему остается в рамках более широкого явления, которое связывается с понятием майкопско-новосвободненской общности. С ней ее сближают не только традиции охристой керамики специфических форм, но и обряд погребения сородичей скорченно на боку с обилием в могиле охры, галечная вымостка на дне или подстилка из каменных плит в гробнице с галькой или без нее.

В литературе также можно встретить причисление комплексов к новосвободненскому этапу майкопской культуры по признаку их относительно более поздней датировки или по сходству металлических вещей, но такой принцип ориентации комплексов можно рассматривать именно как хронологический, а не культурно-типологический. Так что вопрос «интерпретационной археологии» о «культуро-выделении», как видно из разных публикаций, в настоящее время во многом связан с методиками исследований, теоретическими установками авторов и даже с их психологией.

По поводу превращения раннего и позднего этапов майкопской культуры в две разные культуры или формальный блок[1] не связанных друг с другом памятников еще раз напомню оценку такого явления Р.М. Мунчаевым: «Различия между ранней и поздней группами памятников майкопской культуры действительно имеют место. Необходимо установить, вызваны ли они внутренними причинами, обусловившими общий прогресс развития культуры, или являются результатом каких-то внешних воздействий, или, наконец, порождены совсем иными причинами. Объявлять же эти относительно разновременные группы памятников, характеризующие раннебронзовый век Северного Кавказа на разных этапах его развития, как самостоятельные, не связанные между собой культуры, — это самый легкий и мало убедительный путь решения проблемы» (Мунчаев, 1994. С. 173). В связи с этим тезисом, я бы добавил еще мнение Д.Я. Телегина по этому поводу, что простая замена названия культуры всегда «болезненна», кроме того она имеет этическую сторону (Телегин и др., 2001. С. 142–143). Ведь нельзя забывать и того, что новация с термином, без изменения его сути, способна обескуражить даже подготовленного читателя, который перестает отдавать себе отчет, о чем идет речь, о каком комплексе предметов и иных источников. А что говорить о читателе иностранном или просто любителе исторического прошлого?

В последние годы заметно акцентировалась тема освещения «степной майкопской культуры» (Шишлина, 2007) на территории ее кумо-манычской периферии. Материалов по ней немного. И эта проблема, безусловно, еще ждет своего подробного раскрытия, так как связанные с ней яркие памятники степного Ставрополья в научный оборот полноценно не введены, хотя и обозначены, но все же в тезисном порядке (Кореневский, 2005б. С. 136–140).

Пока удалось сделать немногое. Прежде всего, надо ответить на вопросы, представляют ли собой памятники майкопской культуры в Кумо-манычской впадине нечто особое по своей керамике из погребений? Пока можно придти к выводу, что они ничем не выделяются среди керамики основной зоны майкопской культуры в бассейне Кубани и Терека. Судя по немногим находкам керамики из майкопских могил, здесь имело место распространение посуды галюгаевско-серегинского и псекупского варианта. Нет керамики, характерной для новосвободненской группы или для долинского вариантов. Памятники майкопской культуры в кумо-манычской периферии появляются на раннем этапе и существуют вплоть до финала позднего этапа. Своеобразие региона выразилось в распространении захоронений не только в ямах, но и в неглубоких подбоях и катакомбах, а также в обоюдном смешении черт погребальной обрядности майкопских и степных племен. Собственно, о некой самостоятельной «степной майкопской культуре» говорить еще не приходится. Более того, вся майкопская культура, судя по данным почвоведов и палинологов, была степным явлением равнин и предгорий.

Особая заслуга в накоплении данных по степной периферии майкопской культуры на территории современной Калмыкии связана с работами И.В. Синицына, У.Э. Эрдниева, В.П. Шилова и других исследователей. Н.И. Шишлина также немало сделала для расширения знаний об энеолите и раннем бронзовом веке в Волго-Чограйском междуречье. Обобщение ее взглядов на проблемы на территории современной Калмыкии дано в только что изданной монографии (Шишлина, 2007). Но, на мой взгляд, в этой книге очерк по теме майкопской культуры написан с позиций в какой-то мере избирательного подхода к работам предшественников. Поэтому можно дополнить историографию проблемы. Так, к моменту публикации монографии уже был издана работа, в которой описывались майкопские памятники в зоне кумо-манычской впадины и рассматривалась их радиокарбонная датировка (Кореневский, 2005б. С. 136–140). Были приведены даты раннего и позднего этапов майкопской культуры (3900–5000 и 3500 — 3000/2900 гг. до н. э.) (Кореневский, 2006. С. 42). Н.И. Шишлина в упомянутой книге приводит тоже близкие выводы о хронологии памятников раннего (3800–3500 гг. до н .э.) и позднего (3400–3000 гг. до н. э.) этапов «степной майкопской культуры». Далее, она подтверждает уже известный тезис о том, что начало майкопской миграции в степь на север, к низовьям Дона, Чограю и Манычу было связано с ранним периодом майкопской культуры

[1] Иностранное слово «блок» может быть синонимом слова общность, если ему не придавать иную, специфическую смысловую нагрузку. Но в конкретном случае, на мой взгляд, он более формален, так как не отражает безусловной общности в формах инвентаря, погребальных обрядов разных вариантов майкопской культуры (или мегаобщности).

(Шишлина, 2007. С. 50). Об этом также писалось ранее (Кореневский, 2004. С. 93–96).

Источники по теме кумо-манычской периферии майкопской культуры Н.И. Шишлиной (Шишлина, 2007. С. 382) представлены несколько вольно. Так, она причисляет к ней погребение 6 в кургане 17 могильника Айгурский (Кореневский, Калмыков, 2004. С. 103.) Последнее майкопским захоронением не является, а принадлежит к энеолитическим (протоямным) погребениям в подбоях, поскольку содержит костяк, имитирующий позу на спине скорченно и инвентарь времени Триполья BI (например, костяную пектораль) (Кореневский, Калмыков, 2004. С. 103). Не имеет отношение к майкопской культуре и погребение 8 кургана 1 могильника Вертолетное поле, (Житников, 2000. С. 89) откуда происходит дата 4556 ± 50 BP. Костяк в нем лежал в положении вытянуто на спине. Не связан с майкопской культурой Гуамский грот из Закубанья, в котором нет майкопской керамики, хотя он и упомянут В.А. Трифоновым как майкопский памятник (Трифонов, 1980. С. 23–36).

В монографии Н.И. Шишлиной отражено, кроме того, мягко говоря, несколько странно даже общее представление о майкопской культуре. Так, раннемайкопские памятники основного ареала майкопской культуры характеризуются Н.И. Шишлиной лишь на примере Иноземцевского кургана без ссылки на сам этот комплекс и его первую интерпретацию (Кореневский, Петренко, 1982). Почему именно Иноземцевский курган был выбран для этой цели – трудно понять. Но факт есть факт. На примере Иноземцевского кургана сделано обобщение о погребальной практике всех раннемайкопских памятников. Для них типичны, по Н.И. Шишлиной, небольшие курганы до 1,5 м в высоту при диаметре 15 м, встречаются неглубокие ямы. Инвентарь представлен бронзовыми котлами, кинжалами, топорами, теслами, кремневыми наконечниками стрел, каменными, золотые и серебряными бусами (Шишлина, 2007. С. 51).

Недоразумение с подачей материалов налицо. Поясню. Общая насыпь Иноземцевского кургана состоит из двух насыпей, малого кургана с могилой 5А и перекрывшего ее вторичного, большого кургана с основной могилой, содержащей богатое захоронение. Малый курган над могилой 5А имеет диаметр 15 м и высоту 1,5 м. Погребение 5А полностью разрушено. Относится ли оно к ранним или поздним памятникам майкопской культуры, неизвестно. По находкам обломков керамики у этого погребения В.Г. Петренко сопоставляла его с основным погребением вторичного кургана (Кореневский, Петренко, 1982. С. 96–112). Основное погребение во вторичном кургане под высокой насыпью до 7 м и с огромной могилой ромбической формы с длиной стенок 4,7 м, откуда получена радиокарбонная дата, принадлежит по керамике и находкам металлических вещей к памятникам долинского варианта майкопской культуры. Оно является одним из ранних захоронений позднего этапа майкопской культуры в критериях наборов металлических вещей, давно предложенных А.А. Иессеном.

Именно из него происходят бронзовые котлы и прочие перечисленные Н.И. Шишлиной находки (Кореневский, 2004. С. 55). Таким образом, Иноземцевский курган 1976 года никак не может характеризовать раннемайкопские памятники ни в целом, ни по отдельности своих захоронений. Более того, для раннего этапа майкопской культуры характерны не только малые, но и большие курганы. Например, курганы с керамикой раннего этапа этой культуры и радиокарбонными датами, с высотой от 6 до 8 м, например, курган 1 у с. Заманкул (3640–3500 BC) и курган 3 у с Брут (3906–3776 BC) в Северной Осетии (Кореневский, Ростунов, 2004; Кореневский, 2004. С. 51). В этой связи можно вспомнить и сам десятиметровый Большой Майкопский курган. Он тоже содержит раннемайкопскую керамику урукских типов и металл раннего этапа майкопской культуры. Но его конкретный возраст – несколько дискуссионен, так как лишен радиокарбонного определения .

Следующая досадная ошибка Н.И. Шишлиной – это отнесение топора майкопского типа[1], найденного на дневной поверхности у борта погребения 1, вероятно, майкопской

[1] У.Э. Эрдниев и В.П. Шилов считают, что топор, найденный на уровне дневной поверхности на краю могилы 1, относится к отдаленному от него на 3 м погребению 2 ямной культуры, поскольку погребение 2 рассматривается как основное. На мой взгляд, более вероятно, что топор был намеренно оставлен на краю ямы погребения 1 со скорченным на боку костяком с юго-западной ориентировкой (типичный обряд майкопской культуры). Вероятно, впускная могила 1 могла быть подбоем, о чем пишет У.Э. Эрдниев. Тогда топор лежал просто на ступеньке этого сооружения. Так это или не так, сейчас сказать трудно. Но предположение о связи топора с могилой 2 еще более проблематично.

культуры, в кургане 6 Тачин Царнг (Эрдниев, 1982. С. 214, рис. 2: 4; рис. 1, позиция «б» на плане; Шилов, 1982. С. 215) к комплексу погребения 2 ямной культуры кургана 6 из могильника Бичкин Булук, в котором найден совершенно иной топор. (Шишлина, 2007. С. 107).

Жаль, что возникло такое недоразумение. Ведь тема о топорах ямной культуры из Калмыкии и Ставрополья типа Бичкин–Булук уже имеет свою историю вопроса и свои аналогии (Калмыков, Кореневский, 2001. С. 52–63). Она принципиально важна для характеристики начала среднего периода бронзового века на территории современной Калмыкии.

При изложении общих представлений о майкопской культуре Н.И. Шишлина, на мой взгляд, переоценивает возможности источниковедческой базы по теме хозяйства и способа жизни носителей этой культуры в освещаемом ею регионе. Так, у нас нет данных судить о типе хозяйства местных майкопских племен на территории современной Калмыкии. Немногочисленные находки в майкопских погребениях костей овцы еще никак не ставят акцент на овцеводство. Ведь положение в могилу костей определенного вида животного – это, прежде всего, ритуал. Сведений о поселениях в зоне Верхнего Маныча, Чограя пока тоже нет. Нет и никаких данных и о колесном транспорте майкопцев на севере Ставрополья и в Кумо-манычской впадине для вывода, что местные майкопские племена жили в повозках. Рассуждение Н.И. Шишлиной о сезонных миграциях майкопцев с юга на север, связях с «северокавказской диаспорой». Путешествовали ли они с женщинами или без них, по данным погребальной практики, – все это не имеющие под собой источниковедческой основы умозаключения. Наверное, лучше вообще такие «романтические» версии о «майкопских колонистах» не строить, чтобы не потерять грань, отделяющую науку от популярных «додумываний» (Шишлина, 2007. С. 307, 308).

Третий блок. *Проблема исходного импульса формирования майкопской культуры с юга.* Майкопская культура на Северном Кавказе – явление не местное. Первой про идею миграции майкопской культуры из области Ближнего Востока написала М. Гимбутас (Gimbutas, 1956. P. 59). Р.М. Мунчаев в 1975 году сформулировал тезис, который по сути дела является целым направлением в «майкоповедении». Он подчеркнул, что пришлые в Предкавказье носители майкопской культуры столкнулись с местными племенами, образовав своеобразное сообщество (Мунчаев, 1975. С. 413). Иными словами, им была обозначена актуальная для наших дней проблема многокомпонентности рассматриваемого явления.

Раскопки на поселении Галюгаевское 1 и ему подобных на Тереке, а также появление первых радиокарбонных дат майкопской культуры, позволили не только подтвердить гипотезу М.И. Ростовцева (Rostovzev M., 1920) об отнесении древностей типа Майкопского кургана к протописьменному периоду Месопотамии, но и в целом помогли сопоставить майкопскую культуру с урукским периодом в Двуречье (Кореневский, 1993, 1995; Мунчаев, 1994, 2001). Р.М. Мунчаев вообще предполагает, что истоки майкопской культуры надо искать в районах распространения североурукской культуры (Мунчаев, 2001. С. 34).

Какие же были проявления североурукской культуры на Южном Кавказе? В настоящее время на роль представителей переселившего на Южный Кавказ населения с убейдо-урукскими традициями керамического производства, знаковой системой на керамике, глинобитной архитектурой претендуют племена лейлатепинской культуры, включающей такие известные памятники, как Лейлатепе, Беюк Кесик I и II в Азербайджане (Нариманов, 1991, 1991а; Нариманов, Ахундов, Алиев, 2007) и поселение Бериклдееби в Грузии (Глонти, Джавахишвили, 1987; Djavaxisvili, 1998; Кипиани, 1997). По облику круговой керамики со знаками к ним близко поселение Техут в Армении (Торосян, 1976). Круглодонная керамика и ее знаковая система, наносимая на плечики горшков и мисок, упомянутого выше блока памятников тяготеет к Восточной Анатолии, что было отмечено давно и разными авторами.

Тезис о том, что майкопская культура в Предкавказье могла быть следствием миграции с юга из-за Кавказского хребта племен «лейлатепинского» круга, был сформулирован в 1991 году независимо друг от друга двумя исследователями (Кореневский, 1991; Резепкин, 1991). Сейчас об этом начали много писать (Алиев, Нариманов, 2001; Кореневский, 2004; Akhundov, 2004. P. 429; Ахундов, 2005. С. 51; Ахундов 2007; Ростунов, 2005б; Нариманов, Ахундов, Алиев, 2007, Мусейбли, 2007). Но качественное уточнение ситуации (то есть, когда это было, какова конкретная хронология лейлатепинской культуры) происходит медленно. Ясности в этом вопросе невозможно добиться без радиокарбонных дат южнокавказских памятников, таких как Лейлатепе и Бериклдееби,

а также им подобных. Материал по поселению Лейлатепе сейчас издан. Памятник по находкам печатей относится к урукскому времени Тепе-Гавра XII–X и синхронен майкопской культуре (Нариманов, Ахундов, Алиев, 2007. С. 53). Имеет ли он более древний период, пока вопрос открыт. С керамикой майкопской культуры в нем много общего. Прямая связь с ней майкопско-новосвободненской общности проблематична, так как на майкопских поселениях нет пока следов глинобитной архитектуры и далеко не из всех памятников лейлатепинской культуры известны глиняные конусы или очажные приставки, столь характерные для носителей майкопских племен Предкавказья. Более определенна связь майкопской культуры с поселением Бериклдееби, но о полной идентичности с Бериклдееби тоже говорить нельзя. В первом случае зафиксирована глинобитная архитектура храма (Djavaxisvili, 1998). На майкопских поселениях такой архитектуры нет.

Сейчас можно обсуждать тезис, что вклад носителей культуры Лейлатепе на Южном Кавказе в процессы развития населения в эпоху позднего энеолита, раннего бронзового века мог быть не меньшим, чем куро-аракской культуры. В этом случае нам остается только допустить, что знавшие глинобитную архитектуру, храмовое строительство, металлообработку с использованием медных изделий мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз (Алиев, Нариманов, 2001. С. 135, табл. XL) (см. табл. 4) племена убейдо-урукского облика лейлатепинской культуры перешли через перевалы Главного Кавказского хребта, или использовав Прикаспийский проход (Мунчаев, 2007. С. 8, 9), осели в предгорьях и на равнинах в Предкавказье, но именно они принесли с собой посуду, изготовляемую с помощью ранних форм круга (см. комментарии), и со знаками, а также знание мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз. Такое предположение, конечно, слишком гипотетично. Оно требует проверки и уточнения.

Обсуждение южно-кавказского импульса, принесшего в Предкавказье достижения времени урукской культуры (в широком смысле этого понятия), сейчас нуждается в определенной корректности и сдержанности в выводах. Оговорка на этой счет не беспочвенна. Так, в серии «МИА» армавирских сборников В.Л. Ростуновым и Б.Г. Танаевой была опубликована керамика, сопоставимая с посудой майкопской культуры, из слоя пещеры Мыштулагтылагат. В целом здесь были отмечены черепки трех культурных компонентов: цопи-гинчинского, протомайкопского (лейлатепинского) и куро-аракского (Ростунов, Танаева, 2004. С. 13–28). В статье было указано на совместное залегание в пещерных отложениях черепков «протомайкопской» керамики, ранней куро-аракской, времени Квацхелеби Е, а также керамики сиони-цопи. Радиокарбонных дат этот слой с «протомайкопской посудой» не имеет. Сами по себе сведения о майкопской керамике из пещеры Мыштулагтылагат ценны, но возникает вопрос, почему эта керамика названа «протомайкопской», а не майкопской? Где критерии, отличающие керамику одной упомянутой выше культуры от другой, и радиокарбонные даты, свидетельствующие о «протомайкопском» возрасте слоя ?

Проблема западного импульса. Тема о влиянии культур древних земледельцев и скотоводов Балкано-Подунавья времени Триполья BI или BII на становление майкопской культуры за рассматриваемый период времени не получила особого развития, оставаясь во многом открытым, хотя и не беспочвенным вопросом, чем решенной проблемой.

Но тема западноевропейского воздействия на майкопскую культуру со стороны более поздних обитателей центральной Европы обсуждалась неоднократно. Вначале она предстала как миграция племен шаровидных амфор на Кубань и появления в связи с этим особой новосвободненской культуры с каменными гробницами. (Николаева, Сафронов, 1974). Затем загадочный западный носитель переместился в область культуры воронковидных кубков (Резепкин, 1989, 1991, Rezepkin, 2000). А.Д. Резепкин по этому поводу писал, что новосвободненская группа является юго-восточной частью центральноевропейских мегалитических культур, под влиянием которой находились носители анатолийских и переднеазиатских культурных традиций, что привело к возникновению майкопской культуры (Rezepkin, 2000. S. 32). Обе версии в российской среде археологов — специалистов по бронзовому веку Кавказа — не были приняты по причине недостатка аргументации и подтверждающих фактов (Марковин, 1980, 1990. С. 108, 109; Мунчаев, 1994. С. 163; Кореневский, 2004. С. 97). Р.М. Мунчаев подчеркивает полную несостоятельность какой-то роли европейского фактора в генезисе Майкопа (Мунчаев, 2001. С. 35).

Миграции культуры воронковидных кубков в Европе — вещь известная. Они сопро-

вождались распространением каменных топоров, керамики и поселений этой культуры. Керамический фонд культуры воронковидных кубков богат и содержит разнообразные сосуды. Где их находки на майкопских поселениях? Единственным аргументом в поддержку гипотезы о раннем «новосвободненском» западном импульсе выдвигается форма кубка или просто горшка с полоской или ребром под венчиком, часто с приставным горлом. Цвет таких кубков часто черный или бурый. Но ведь вот в чем дело. В комплексе погребении 1 кургана у с. Кудахурта найден великолепный охристый круговой экземпляр этой формы керамики (см. статью в настоящем сборнике: *Корневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хаширокова А.Х.* Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии). Это доказательство того, что такая форма тоже являлась майкопской. Она ни о каких миграциях с запада сама по себе не говорит.

Проблема появления мегалитов новосвободненской группы как следствие миграции с запада пока не может быть признанной безоговорочно в качестве весомого доказательства в пользу западных пришельцев. С одной стороны, мегалиты по воздуху не летают и западные носители должны бы оставить некие следы своего пребывания на Кавказе, коих пока не обнаружено. С другой стороны, каменный ящик и более крупный мегалит — гробница — явление погребального культа. Конвергентное распространение подобных обрядов не исключено. Что в новосвободненских гробницах является заносным явлением? Сказать трудно. А вот галечная выкладка на дне — типично майкопская черта погребального обряда. В них нет очевидных свидетельств находок керамики культуры воронковидных кубков или боевых топоров центральноевропейских воинственных племен.

Проблема сложения новосвободненского варианта (группы) МНО (или новосвободненской культуры МНО) особая тема в «майкоповедении». По-прежнему критериями для выделения этого явления служат немногие своеобразные и яркие комплексы в урочище Клады, у станиц Костромской и Ярославской, отмечая по типам керамики довольно узкий ареал новосвободненской группы в верховьях р. Белой в Адыгее. (Кореневский, 2004. С. 67, 68). Для нас еще не ясны многие вопросы по характеристике ее материальных источников, и, прежде всего, керамики, технологии производства металлических предметов. Во многом также открыт вопрос о ее поселениях. А без их освещения сама тема о происхождении этой группы не имеет должного обоснования. Единственное из них, Новосвободненское, было зафиксировано А.Д. Резепкиным под насыпями курганов в урочище Клады, но оно еще слабо освещено в литературе, хотя и имеет радиокарбонную дату Le-4510 ± 40 BP 3334–3102 BC. По-прежнему мы лишь по отдельным фактам можем отмечать сходство элементов погребальной практики «новосвободненцев» с майкопской традицией погребения сородича, которая сопровождалась галечной вымосткой и положением скорченного на боку покойного человека, порой со сдвигом его под стенку, наличием на костяке охры. Очевидное сходство ряда типов керамики из погребений урочища Клады с посудой долинского варианта МНО и с ближневосточной формой сдвоенного горшка (не чайника, так как отверстие в носике слишком мало) (см. комментарии) (Кореневский, 2004, С. 57–61). Отдельные формы керамики, на примере «новосвободненской» одноручной кружки, вообще имеют аналогии лишь на поселении Ясенева Поляна. Они позволяют рассматривать вероятность наследия «новосвободненцами» некоторых черт керамического комплекса от местных энеолитических племен культуры накольчатой жемчужной керамики (Кореневский, 2004. С. 93). Но в целом вопрос о формировании носителей новосвободненской группы большей частью отрыт. Не исключено, что их материальная и духовная культура могла питаться истоками, исходящими из разных культур.

Проблема вторичных южных импульсов. В настоящее время А.Д. Резепкиным (Резепкин, 2004) обратил внимание на детализацию южных импульсов, которые, по его мнению, имели место в формировании майкопской культуры. Первый импульс, по его мнению, связан с восточноанатолийским влиянием времени Amuq F (Резепкин, 2004. С. 112). Он исходил из некой «передневосточной цивилизации» и был ее экспансией на Северный Кавказ (Резепкин, 2004. С. 100).

Второй импульс А.Д. Резепкин связывает с «влиянием Урука на средней стадии своего развития на восточноанатолийскую среду» при его продвижении на север (Резепкин, 2004. С. 106, 112). (Более конкретно ничего не сказано. — *С.К.*) Этот импульс вязан с появлением у майкопского населения пролощенного орнамента на керамике, сосудов с одной ручкой — кружек. Это событие произошло, по его мнению, во

время позднего этапа майкопской культуры. Последний импульс был настолько значим, по мнению А.Д. Резепкина, что под его воздействием майкопские племена двинулись на Нижний Дон (Резепкин, 2004. С. 101). Датируются такие явления второй третью IV тысячелетия до н. э. (Резепкин, 2004. С. 112).

В конце позднего этапа майкопскую культуру постигло новое потрясение. Произошел третий «мощный импульс из области Переднего Востока. Источник исходил из принципиально иной культурной среды "урукской цивилизации", находящейся в конце второго – начале третьего этапов своего развития. Тогда и появились новые "новосвободненские формы" орудий труда, украшений, а особенно оружия и керамики» (Резепкин, 2004. С. 108). Это событие привело к окончательному (без раннемайкопских признаков) становлению преимущественно в Центральном Предкавказье и Северо-Восточном Кавказе «новосвободненского этапа майкопской культуры», который заменил раннемайкопские памятники типа Галюгаевского 1.

Само понятие «импульс» А.Д. Резепкин связывает полностью или отчасти с миграцией населения. Но насколько правомерно сейчас выглядит теория о трех импульсах, повлиявших на развитие майкопско-новосвободненской общности?

Проблема первого импульса обсуждалась несколько выше. Большое значение в нем играют носители лейлатепинской культуры. Время ее сейчас ориентируется более в рамках начала урукского периода в Месопотамии (или культуры Северного Убейда), то есть ее появление в Азербайджане и в Грузии также относится к перемещениям населения в этот период (Мунчаев, 2007. С. 8, 9).

В подтверждении фактов второго и третьего импульсов А.Д. Резепкиным приводятся аналоги некоторым из майкопских сосудов. Но они не бесспорны (рис. 6).

Вместе с тем большое внимание в теме воздействий материальной культуры урукского периода на население Северного Кавказа отражает высококачественная керамика со штампованным орнаментом в виде зигзагов и гребенок «типа Великент II», выделенная работами М.Г. Гаджиева и Р.М. Магомедова. Она сейчас встречается на памятниках степного Азербайджана и давно была отмечена на кураоракском поселении Сержень-Юрт в Чечне (Мунчаев, 1975. Рис. 76: 9–11). (Эти данные обобщены Р.М. Магомедовым, см.: Магомедов, 2007. С. 47–55). Для меня в этой связи важно, что среди обломков этой керамики есть плоские донья со знаками, аналогичные знакам на посуде долинского варианта МНО. Но каково хронологическое соотношение памятников типа Великент II (34–30/29 вв. до н. э. по данным Р.Г. Магомедова, познакомившего меня с радиокарбонными датами этого поселения) с памятниками долинского варианта? Без серий дат долинского варианта этот вопрос не решить. Отсюда и некоторая неясность в степени влияния традиции керамики типа Великент II на круговую керамику майкопцев Предкавказья. Зато куро-аракские влияния традиции трехручных сосудов, сосудов с ложными ручками и орнаментами в виде косых налепов на посуде долинского варианта довольно определенны.

Керамика «типа Великент II» рассматривается А.Д. Резепкиным при его описании «ближневосточных импульсов» на Северный Кавказ, вслед за Р.М. Магомедовым, как переднеазиатское влияние. С этим вполне можно согласиться. Но пока распространение этой высококачественной посуды связано на Северном Кавказе лишь с памятниками кураоракской культуры. Она не известна в майкопских комплексах. Более полное осмысление такого явления, как керамика урукских форм «типа Великент II», – это дело будущего.

Иные культурные связи с южными странами к югу Аракса у майкопцев, конечно, были. Их отражают, например, комплексы из курганов Си Гирдан (Sé Girdan), раскопанные О.М. Мускареллой (Muscarella, 1969, 1971). Их отнес к памятникам «майкопского круга» еще Ж. Десай в 1973 г. (Deshayes, 1973. P. 176–178). Позже и, видимо, независимо от последней публикации французского ученого, это отметили А.Д. Резепкиным (Резепкин, 1989) и В.А. Трифонов (Трифонов, 2000). Найденные в них топоры типа Лечинкай, скорее, можно рассматривать как вещи, возникшие в контексте майкопской культуры Предкавказья, чем Ирана.

Находки импортного лазурита в захоронении 1 кургана 1 на р. Кудахурт также отражают дальние контакты майкопского населения. (см. статью С.Н. Корневского, Б.Х. Атабиева, А.Я. Аккизов, А.Х. Хаширокова в настоящем сборнике). Импорт такого полудрагоценного камня, как лазурит, месторождения которого в основном документируются в Афганистане (Бадахшанское) (Herrman, 1968. P. 21–61; Casanova, 1989. P. 49–59), очевиден. На Ближ-

Таблица 1

Даты предмайкопского периода в Предкавказье и даты времени погребений новоданиловского типа

№	*Шифр*	*Дата BP*	*Дата BC cal*	*Памятник*
1	ТБ-315	5515 ± 130	4465–4210	Дзудзуана, пещера
2	Ле-4532	5477 ± 100	4450– 4234	Свободное, пос.
3	Ле-4531	5400 ± 250	4466–3965	Свободное, пос.
4	Ле-6341	5300 ± 60	4240–4040	Мешоко 1964, гор. 18–20
5	Ле-6430	5210 ± 50	4220–3970	Мешоко 1964, гор. 16–17
6	Ле-6342	5170 ± 130	4230–3810	Мешоко 1963, шт. 1, 2
7	Ле-6343	5170 ± 80	4015–3825	Мешоко 1963, шт. 1, 2
8	Ле-6344	5070 ± 80	3970–3780	Мешоко 1963, шт. 4
9	Ле-6356	4770 ± 110	3700–3370	Мешоко 1964, гор. 1, 2
10	Ле-6948	5390 ± 110	4350–4040	Мешоко 1958, шт. 7
11	ГИН-12642	4450 ± 150	3357–2905	Ясенева Поляна, кв. Г 7/3 27, III 1965 г.
12	ГИН-12643	5160 ± 120	4212–3800	Ясенева Поляна, кв. III/2, VIII 1969 г.
13	Ki-12715	5370 ± 70	4130–4040	Ясенева Поляна, кв. 6/12, кость жив.
14	Ki-12718	4770 ± 70	3650–3500	Ясенева Поляна, кв. 7/10, кость жив.
15	Ki-12717	3970 ± 70	2590–2300	Ясенева Поляна, кв. Е-6/8, кости жив.
16	Ki-12712	5540 ± 90	4490–4320	Замок 1989, слой подчистки
17	Ki-12711	5140 ± 90	4040–3790	Замок 1989, слой подчистки
18	Ki-12713	4690 ± 70	3540–3360	Замок 1989, слой подчистки
19	Ki-7037	5560 ± 80	4459–4437	Джурджулешти, погр., п. 3
20	GrA-19260	5430 ± 50	4340–4236	Перегрузное, к. 13/7, кость
21	ИГАН-2516	5180 ±-100	4212–3818	Вертолетное поле к. 1 п. 12
22	Ki-11174	5450 ± 80	4361–4165	Ревова, курган, п. 19, основное
23	GrA-24442	5910 ± 45	4840–4820	Нальчикский мог., п. 86
24	GrA-22172	4740 ± 60	3632–3378	Айгурский мог. 2, к. 17 п. 6
25	KiA-368	5380 ± 40	4324–4114	Деча Мерешелуй, мог., п. 12
26	KiA-369	5580 ± 40	4458–4353	Кайнары, п.

нем Востоке ранние находки лазурита эпохи Убейда связаны со слоем Тепе-Гавра XIII финала убейдского времени. Они становятся массовыми в слоях Тепе-Гавра XI–X и сокращаются в слое Тепе-Гавра IX (Herrman, 1968. P. 21–61). Хронологически комплексы майкопской культуры хорошо синхронизируются с урукскими слоями Тепе-Гавра XII–IX (Herrman, 1968). Поэтому распространение лазурита в Предкавказье совпадает с вспышкой его раннего проникновения в центры дальнего дарообмена (первобытной торговли) в Северной Месопотамии. Иных центров с такой высокой концентрацией находок лазурита в урукское время в IV тысячелетии до н. э. не наблюдается. Они возникнут позже уже в III тысячелетии до н. э. (Von Rossen, 1990; Tosi, 1974. P. 3–22).

В Предкавказье лазурит не мог попасть, минуя Южный Кавказ. В подтверждение такому логическому ходу наших рассуждений стала

находка лазуритовой бусины в комплексе кургана 1 могильника Союгбулаг 2006 года культуры Лейлатепе в Азербайджане. В этом же комплексе найдены и серебряные бусы с вставками из пастовых бус, напоминающими традиции изготовления таких комплексных украшений Кудахурта только в более «простых» материалах. (Благодарю за возможность ссылки на эти материалы Т.И. Ахундова, автора раскопок погребения 1 курган 1 могильника Союгбулаг 2006 года, см.: Ахундов, 2007.)

Какое влияние имел этот контакт на развитие технологий в обществе племен майкопской культуры, нам объяснить трудно без специальных работ на эту тему. Вместе с тем, он показывает, что материальное производство племен ранней майкопской культуры складывалось не только под влиянием восточноанатолийских, южнокавказских центров урукских влияний. Оно так же могло питаться технологиями изготовления металлических вещей, связанных с Ираном и Афганистаном, по территории которых проходил древнейший лазуритовый путь дальнего дарообмена.

Исследователи предполагают, что полудрагоценные камни распространялись в виде необработанного сырья и приобретали форму украшений уже у местных ремесленников. Так ли это было всегда? Вопрос открыт.

Другим примером воздействия южных технологий является очевидный факт занесения с юга в Предкавказье круговых форм охристого цвета круглодонной керамики и технологий изготовления теста высокого класса в ее производстве. Использование ранних форм поворотных устройств майкопцами убедительно иллюстрируют находки на Галюгаевском поселении 1[1] со следами механической обработки внутренней поверхности верхней части сосуда при вращении еще «сырого» образца до обжига (табл. А).

Следы поворотного столика отчетливо видны также на плоских донья керамики долинского варианта МНО, обнаруженные впервые

---

[1] Появившаяся в печати интерпретация данных Галюгаевского поселения (Черных, Орловская, 2007. С. 10, 11) как следов остатков майкопских курганов, разрушенных современной пахотой и разграбленных, мягко говоря, неправомерна. В связи с чем отмечу следующее. До начала раскопок на холме Галюгаевского 1 поселения действительно возвышались курганы. В 1985 году они были раскопаны Ставропольской экспедиций. Их основные захоронения принадлежали отчасти к времени ямной культуры эпохи средней бронзы. Курганы не содержали майкопских погребений. Ни один из них не был разграблен. Мысль о наличии на галюгаевском холме каких-то иных мифических майкопских курганов поэтому не имеет под собой никаких оснований. Никаких следов погребений майкопцев, ни ям могильных сооружений в культурном слое поселения, имеющего площадь около 2 га, обнаружено не было, а также и следов современного грабежа. При распашке поверхности всхолмления Галюгаевского 1 поселения плуг просто не доставал до уровня культурного слоя. Никаких каменных выкладок — колец, напоминающих кромлехи курганов, как пишут Е.Н. Черных и Л.Б. Орловская, на поселении нет. Многочисленные расчищенные развалы керамики, находки турлука со следами жердей и прутьев, ям с костями животных, золой, с обломками каменных орудий, очагов, — все свидетельствует о бытовом памятнике (Кореневский, 1995).

Замечание подобного рода нельзя воспринимать, на мой взгляд, без доли сожаления. Налицо и невнимательное прочтение текста книги или полевых отчетов о раскопках Галюгаевского 1 поселения. Например, даже упоминание Е.Н. Черных и Л.Б. Орловской в таблице названия памятника «Галюгаево» ошибочно. Станица называется Галюгаевская. Сленговое название местных жителей — Галюгай. Столь вольная переделка названия станицы и памятника, мягко говоря, неправомерна.

Еще раз могу добавить, что культурный слой Галюгаевского 1 поселения типичен для майкопских бытовых памятников. Он не имеет особого окраса почвы и фиксируется только по уровню залегания черепков, развалов керамики, турлука и прочих находок. Такая же картина прослеживается, например, для Серегинского, Псекупского, Аликоновского, Большетегинского и иных поселений. А вот поселение Мешоко к майкопской культуре уже относить не стоит. Его керамика, каменный инвентарь, костяные изделия резко отличны от майкопских находок на поселениях.

Находки мотыги и двух целых сосудов на Галюгаевском 1 поселении совсем не говорят, что они связаны с могильными комплексами, как пишут Е.Н. Черных и Л.Б. Орловская. Следов захоронения на месте их находки не зафиксировано. И найдены они были порознь в разные годы на большом удалении друг друга. Более того, недавно такая же бронзовая мотыга найдена на поселении Орджошани куро-аракской культуры в Восточной Грузии. Так что случай на Галюгаевском поселении не уникален. Находка целых сосудов на поселении вещь не частая, но нет оснований связывать галюгаевские горшки с могильным комплексом. Они были раскопаны при скальпельной расчистке слоя рядом с жилищем и на той же самой глубине. Ни следов могильной ямы, ни костей человека рядом не было.

Во время раскопок поселения Галюгевского 1 мне не поступало никаких методических замечаний по их ведению, представленным профилям от Отдела полевых исследований ИА РАН. Сомнения в том, что открыто поселение, а не курганы майкопской культуры, ни у кого из членов ОПИ или археологов-практиков, тех, кто знакомился с его материалами, публикациями, до сих пор не возникало (см.: Мунчаев, 1994).

А.А. Бобринским и Р.М. Мунчаевым на сосудах из Бамутского могильника (Бобринский, Мунчаев, 1966). Есть они и на типично «долинской» керамике из погребения 5 кургана 31 могильника Клады (новосвободненская группа) (табл. Б). Южное происхождение этой технологии производства также вполне вероятно, так как плоскодонная керамика совершенных форм с плоским дном довольно типична для уруксого периода. Но детальных аналогий, говорящих о явном заимствовании этого позднемайкопского способа производства посуды, пока обнаружить не удается, несмотря на общую «похожесть» круговой майкопской керамики долинского варианта образцам протописьменного периода Ирана и Месопотамии.

В целом, не отрицая возможные факты южных связей майкопской культуры, я думаю, что ей нельзя отказать в саморазвитии, которое, прежде всего, выражалось в ее адаптивных способностях приспособления к природным условиям, к сложной социальной жизни, дальним дарообменным операциям с престижными ценностями, и к контактам с местными культурами восточноевропейской ориентации. Но как все это протекало, еще трудно описать в надлежащей конкретике.

Четвертый блок. *Предмайкопский пласт памятников и майкопская культура.* А кто же были местные племена Предкавказья, в среду которых попали пришельцы? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны коснуться сложнейшей и пока слабо разработанной проблемы предмайкопского периода в Предкавказье. В целом к этому времени относятся Нальчикский могильник, поселения культуры накольчатой жемчужной керамики Западного и Центрального Предкавказья (тип памятников Мешоко–Замок–Свободное–Ясенева Поляна), терские поселения и типа Агубеково–Тяллинг с гребешковой керамикой, а также носители древнейших подкурганных обрядов (Кореневский, 1994) – или просто племена протоямной культуры, если использовать терминологию Н.Я. Мерперта (Мерперт, 1974).

За первое пятилетие нового века удалось осуществить новый шаг по пути уточнения хронологии предмайкопского периода с помощью радиокарбонных дат. Он был связан с публикацией долгожданных дат поселения Мешоко (Зайцева и др., 2004), а также с датировками поселения Ясеневой Поляны и нижнего слоя поселения Замок. Теперь весь предмайкопский период сейчас возможно разделить на две фазы: ранний энеолит (Нальчикский могильник) и поздний энеолита (культура накольчатой жемчужной керамики, протоямные племена Предкавказья), который синхронизируется с временем комплексов новоданиловского типа в рамках хвалынско-среднестоговской культурно-исторической общности (Джурджулешти, Кайнары, Кюлевчи, Перегрузное)(табл. 1).

В этой системе понятий Нальчикский могильник датируется первыми веками V тыс. до н. э. GrA-24442 5910 ± 45 BP 4840–4820 BC (Шишлина и др., 2004), также как и Хвалынский могильник в Поволжье (Агапов и др., 1990). Они синхронны Месопотамскому Халафу и времени Триполья А – началу Триполья BI. Второй период позднего энеолита совпадает с появлением древнейших протокурганов и самих курганов на юге Восточной Европы, убейдским периодом в Месопотамии и с временем конца Триполья BI – Трипольем BIBII. Памятники культуры Шулавери-шомутепе к этому времени уже исчезли. И на Южном Кавказе распространяются памятники типа Сиони-Цопи, с которыми пытаются синхронизировать культуру Лейлатепе. Единственная дата для этого времени пока происходит из нижнего слоя пещеры Дзудзуана в Западной Грузии (Кореневский, 2005) (табл.1).

Пересмотр культурной атрибуции поселений Мешоко, Ясеневой Поляны, Замка Свободного начался примерно с 1987 года (Кореневский, Наглер, 1987). Толчком к нему стали раскопки 1985 года поселения Галюгаевское 1 на Тереке, в котором был обнаружен культурный слой, полностью находящий по своим находкам соответствие с комплексом Большого Майкопского кургана в Адыгее, резко отличный по своему содержанию от находок на вышеупомянутых поселениях. В определенной мере именно это обстоятельство позже заставило А.А. Нехаева изменить свою точку зрения на атрибуцию поселения Свободное, которое вначале он рассматривал как памятник майкопской культуры (Нехаев, 1989, 1992). Но многое тогда, в начале 1990-х годов, еще оставалось неясным и прежде всего вопрос о конкретной хронологии памятников с накольчатой жемчужной керамикой. Поэтому в 1994 году Р.М. Мунчаев, учитывая новые тенденции в развитии взглядов на традиционно относимые к майкопской культуре поселения типа Мешоко, Свободное, Хаджох, писал, что развитие археологии само покажет, можно ли эти памятники считать поселениями майкопской культуры или домайкопского времени (Мунчаев, 1994. С. 172).

Таблица 2

Даты майкопских комплексов основного ареала

№	*Памятник*	*Шифр*	*Дата BP*	*Дата BC cal*	*Материал*
Ранний диапазон дат 40/39–37/36 вв. до н. э.					
1	с. Брут 3/3	ГИН-9037	5020 ± 30	3906–3776	Чел.
2	Галюгаевское пос. 3	OxA-3779	4980 ± 120	3950–3650	Жив.
3	Галюгаевское пос. 3	Ki-13021	4920 ± 90	3800–3530	Керамика
4	Кудахурт к. 1 тризна 1	Ki-12733	4980 ± 80	3810–3660	Жив.
5	Кудахурт к. 1 п. 1	Ki-13009	4920 ± 70	3773–3644	Чел.
6	Кудахурт к. 1 п. 1 (повтор)	Ki-13010	4930 ± 60	3773–3650	Чел.
7	Клады 29 /1	Ле-4529	4920 ± 120	3940–3640	Чел.
Средний диапазон дат 37/36–34 вв. до н. э.					
8	Клады к. 11 п. 50*	OxA-5059	4835 ± 60	3696 –3532	Чел.
9	Кашхатау к. 12 п. 7, яма	ГИН-12918	4830 ± 40	3650–3541	Жив.
10	Клады, 31, жертвенник	GrA-21336	4810 ± 70	3657–3518	Жив.
11	с. Заманкул к. 1 п. 70	ГИН-8034	4820 ± 70	3640–3500	Чел.
12	Днепровская 1 к. 2 пп. 5–8–12	OxA-4707	4800 ± 80	3655–3436	Чел.
13	Клады к. 11 п. 55*	OxA-5061	4765 ± 60	3634–3384	Чел.
14	Галюгаевское пос. 1	OxA-3778	4650 ± 80	3610–3354	Жив.
15	Кудахурт к. 1 п. 3	Ki-12741	4610 ± 60	3520–3400	Чел.
16	с. Заманкул к. 2 п. 60	ГИН-8424	4670 ± 35	3500–3340	Чел.
17	Иноземцево 1 к. 1 п. 28	ГИН-11158	4670 ± 40	3626–3359	Чел.
18	Клады к. 11 п. 43*	OxA-5058	4675 ± 70	3614–3362	Чел.
19	Клады к. 11 п. 48*	OxA-5060	4665 ± 60	3610–3358	Чел.
20	Клады к. 30 п. 1*	Ле-4528	4620 ± 40	3500–3342	Чел.
21	Кардоникский курган, о. п.	Ki-13023	4650 ± 100	3540–3330	Керамика
22	Иноземцево, о. п. 1976	GrA-21372	4630 ± 50	3499–3349	Жив.
Поздний диапазон 34/33–30/29 вв. до н. э.					
23	Галюгаевское пос. 1	OxA-3777	4530 ± 70	3355–3100	Жив.
24	Галюгаевское пос. 1	Ki-13022	4580 ± 90	3240–3100	Керамика
25	Горячеводский 1 к. 3 п. 6	ГИН-11151	4420± 40	3329–2917	Чел.
26	Новосвободненское пос.	Le-5032	4510± 40	3334–3102	Жив.
27	Кудахурт к. 1 тризна 2, яма в бровке	Ki-12693	4340± 80	3100–2880	Жив.
28	Кудахурт к. 1 тризна 2, яма в бровке (повтор)	Ki-12692	4170± 80	2880–2620	Жив.
29	Новосвободная к. 2 (1898 г.)	GrA-21334	4200 ± 60	2885–2679	Ткань
30	Новосвободная к. 2 (1898 г.)	GrA-24441	4270 ± 45	2909–2879	Жив.
Крайние значения дат					
31	*Иноземцево 1 3/8*	*ГИН** 10956*	*4150 ± 90*	*2916–2469*	*Чел.*
32	*Клады 11/3*	*Ле**4536*	*5310 ± 160*	*4330–3980*	*Чел.*

* Клады... – комплексы с недостаточной информативностью и неопределенным отношением к варианту. Жив. – животное, чел. – человек.

** *ГИН, Ле – не принятая дата в связи с ее крайне молодым или крайне древним значением.*

Таблица 2а

Даты майкопских комплексов кумо-манычской периферии

№	*Памятник*	*Шифт*	*Дата BP*	*Дата BC cal*	*Материал*
Ранний диапазон дат					
1	*Манджикины к. 14 п. 13*	*ИГАН-2400*	*5100 ± 50*	3966–3803	*Чел.*
2	*Манджикины 14/13*	*GrA-19521*	*4950 ± 45*	3781–3693	*Чел.*
3	Шарахалсун 6 к. 2 п. 17	ИГАН-2517	5190 ± 70	4070–3954	Чел.
4	Шарахалсун 6 к. 2 п. 12	Ki-12709	4980 ± 80	3780–3620	Чел.
Средний диапазон дат					
5	Золотаревка 1 к. 25 п. 11	GrA-22174	4640±60	3504–3349	Чел.
6	Золотаревка 1 к. 25 п. 11	ГИН-11156	4510 ± 80	3499–2919	Чел.
Поздний диапазон дат					
7	Ипатово 3 к. 2 п. 195 скелет 1	ГИН-10298	4610 ± 140	3516–3256	Чел.
8	Ипатово 3 к. 2 п. 195 скелет 2	ГИН-10301	4410 ± 170	3350–2881	Чел.
9	Ипатово 3 к. 2 п. 185	ГИН-10302	4530 ± 100	3367–3039	Чел.
10	Ипатово 3 к. 2 п. 183	ГИН-10307	4280 ±260	3336–2497	Чел.
11	Айгурский 2 к. 22 п. 15	ГИН-11811	4480 ± 50	3341–3032	Чел.
12	Айгурский 2 к. 22 п. 8	ГИН-12405	4460 ± 80	3345–2925	Чел.
13	*Шарахалсун 6 к. 5 п. 7*	*ИГАН-2399*	*5090 ± 110*	3986–3772	*Чел.*
14	Шарахалсун 6 к. 5 п. 7	GrA-19258	4710 ± 100	3634–3360	Чел.
15	Шарахалсун 6 к. 5 п. 7	ГИН-13205	4510 ± 50	3352–3023	Чел.
16	Раздорское, слой майкопской культуры	?	4490 ± 180	3496–2911	Почва

Примечания. ИГАН, GrA – не принятое значение даты, в связи с возможной лабораторной ошибкой.
Чел. – кости человека, жив. – кости животных

В связи с появлением различных списков дат майкопских памятников без ссылок на авторов первых публикаций, отмечу тех археологов, которые действительно вели полевые работы с целью получить даты для майкопских памятников, занимались организацией их датировок, а также первыми вводили эти даты в научный оборот, внося вклад в развитие знаний о хронологии майкопской культуры.

Автор введения в научный оборот новых анализов	*Основной район (Табл. 2, № в таблице)*
Кореневский	2, 3, 8, 14, 17, 21, 23, 24, 29, 31
Кореневский, Ростунов	1, 11, 16
Кореневский, Атабиев, Аккизов, Хашироков	4, 5, 6, 9, 15, 27, 28
Кореневский, Атабиев, Батчаев	25
Резепкин	7, 8, 13, 18, 19, 20, 32
Трифонов	12, 26
Шишлина	10, 22, 29, 30

Автор введения в научный оборот новых анализов	*Кумо-манычская периферия (Табл. 2а, № в таблице)*
Кореневский,	15
Кореневский, Калмыков	5, 6, 11, 12
Кореневский, Белинский, Калмыков	7, 8, 9, 10
Шишлина	1, 2
Яковлев, Самойленко	3, 4, 13, 14

Так что же получилось спустя десять лет? В целом произошли ожидаемые события. Ранний период существования поселений культуры накольчатой жемчужной керамики по данным Ясеневой Поляны, Замка, Свободного теперь датируется в диапазоне 45–41 вв. до н. э. (табл. 1). Поздний период совпадает с сосуществованием майкопской культуры. Этот очередной прорыв в уточнении хронологии предмайкопского периода был сделан благодаря усилиям Лаборатории радиокарбонного датирования ИИМК (Мешоко) и автора настоящей статьи, обеспечившего датировку нижнего слоя Замка и Ясеневой Поляны в лабораториях Геологического института РАН (Л.Д. Сулержицкий) и Лаборатории радиоуглеродного датирования в Киеве (Н.Н. Ковалюха). Результаты этого независимого датирования хорошо согласуются друг с другом. Они позволяют подтвердить ранние предположения о том, что поселения с накольчатой жемчужной керамикой возникают в домайкопский период и заканчивают свое существование во время бытования майкопских памятников.

Явно положительным и долгожданным событием первого пятилетия нового века стало возобновление интереса к систематизации материалов поселений с накольчатой жемчужной керамикой Закубанья и полученные новых материалов из поселения Мешоко и его датировка (Столяр, 2004; Осташинский. 2004; Зайцева, Бурова, Семенцов, 2004; Резепкин, 2005; Поплевко, 2005). В результате этого точка зрения о немайкопском характере слоя поселения Мешоко, о чем ставился вопрос еще в 1987 году (Кореневский, Наглер, 1987), была подтверждена.

Возможно ли включать поселения с накольчатой жемчужной керамикой в майкопско-новосвободненскую общность, если они на позднем этапе сосуществуют с майкопскими памятниками и на некоторых из них встречены майкопские черепки? Думаю, в этом случае возможны два варианта. Если майкопская керамика на них найдена в небольшом количестве по отношению к немайкопской посуде с накольчатым жемчужным орнаментом, то это еще не основание относить комплекс к МНО. Но если вместе с ней обнаружены еще и глиняные конусы — следы быта майкопцев, то тогда такое поселение можно рассматривать как синкретический памятник, с элементами быта майкопского населения, как, например, Хаджохские навесы (Формозов, 1961. С. 50–71; Резепкин, 2000. С. 224–228). Но при работе с такими источниками очень важен тщательный источниковедческий анализ. В связи с чем новая версия о хаджохских находках с большим количеством мисок майкопского типа (Резепкин. 2000. С. 226. Рис. 3) выглядит необычно странно. Видимо, по признанию самого автора, здесь произошла техническая ошибка в отборе материалов.

Майкопская культура является одной из самых ранних культур к северу от Водораздельного хребта, в которой появился курганный обряд захоронения. Более того. Она дает самые древние примеры сооружения «больших курганов» огромных земляных памятников с высотой более 3 м и до 8–10 м в высоту. Даты наиболее ранних из них у с. Брут и Заманкул относятся к времени 40–38 и 37–36 вв. до н. э. (Кореневский, 2004. С. 123). Но все же древнейшие курганы Восточной Европы датируются несколько ранее. Таковы погребения в курганах: у с. Ревова курган 3 погребение 19 — 4355–4231 ВС, Красное 9 и Саратены 1 — 3991–3965, 3978–3838 ВС. Причем дата кургана Саратены 1 уже совпадает с датами МНО в Предкавказье. В Волгоградской области радиокарбонная дата из кургана 13 погребения 7 у с. Перегрузное укладывается в рамки 44–43 вв. до н. э. (GrA-1920 4340–4236 ВС). Она практически соответствует дате погребения кургана Ревова 3/19 (Кореневский, 2006).

В ходе новых раскопок 2005 года в Азербайджане появились данные о находках керамики лейлатепинской культуры в подкурганном погребении у поселения Союгбулаг на левом берегу Куры. В связи этим был поставлен вопрос о том, что майкопская культура заимствовала погребальный обряд с юга от культуры Лейлатепе (Мусейбли, 2006. С. 135–137) Но радиокарбонный возраст лейлатепинской культуры пока известен слабо. Дата из слоя ее поселения Беюк-Кесик I 3970-3780 ВС происходит с глубины 1,5 м при мощности слоя в 1,7 м (Мусейбли, 2007. С. 150). Это пока ничего не говорит о хронологическом приоритете союгбулагского кургана перед майкопскими памятниками. Поэтому вопрос о том, заимствовали майкопцы курганный обряд у местного предкавказского энеолитического населения, принесли ли его с собой с юга, изобрели на месте, — открыт.

Пятый блок. *Хронология майкопской культуры* после выделения упомянутых выше вариантов приобрела новый ракурс. Для ее уточнения назрела необходимость в определении возраста каждого из вариантов, наряду с уточнением

хронологии и общих этапов, намеченных еще А.А. Иессеном, то есть раннемайкопского и позднемайкопского. К первому этапу относятся галюгаевско-серегинский вариант и псекупский вариант в Центральном Предкавказье, включая кумо-манычскую периферию. На втором этапе большее распространение получают псекупский и новосвободненский варианты в Закубанье и Прикубанье, долинский вариант — в Центральном Предкавказье. Открытым попрежнему остается вопрос о наиболее ранних датах последних двух вариантов.

Банк данных по радиокарбонной хронологии майкопской культуры начиная с 2000 года продолжал наращиваться усилиями автора настоящей статьи, А.Д. Резепкина, В.П. Трифонова и Н.И. Шишлиной. Сейчас он насчитывает более 40 дат из основного ареала и 16 дат из комплексов майкопской периферии (Кореневский, 2004) и представлен несколькими списками разных авторов (табл. 2 и 2а). Особую остроту приобрела проблема датировки позднего периода майкопской культуры, который, кажется, обозначился в рамках второй половины lV тысячелетия до н. э. (Кореневский, 2006а). Пока большинство дат связано с галюгаевско-серегинским вариантом. Мало дат по долинскому и новосвободненскому вариантам. Нет дат из памятников псекупского варианта. Поэтому так важны первые и уникальные пока сведения о нем из кургана Кудахурт в Балкарии (см. статью С.Н. Корневского, Б.Х. Атабиева, А.Я. Аккизов, А.Х. Хаширокова в настоящем сборнике). Они отражают совершенно новый поворот проблемы с характеристикой внутренней типологией майкопской культуры. Так, эти материалы показывают, что ранние памятники псекупского варианта есть в Центральном Предкавказье. Комплексы с псекупской керамикой датируется здесь начиная с конца 39/38 в. до н. э. — первой половины 37 в. до н.э., существуют в 36–35 вв. до н. э. и даже позже — до финала всей майкопской культуры 32–29 вв. до н. э. (табл. 2).

Эти находки позволяют рассматривать Центральное Предкавказье как район очень раннего проявления здесь носителей круговой керамики майкопской культуры с пролощенным сетчатым орнаментом, откуда они могли расселяться в разные стороны — на запад в Закубанье и на север вплоть до границы Предкавказья. Более того, пролощенный орнамент на сосудах Кудахурта может рассматриваться как прототип такого стиля орнаментации на более поздних сосудах местного долинского варианта, как факт собственно предкавказского развития населения майкопской культуры.

Синхронизация памятников майкопской культуры в целом с древностями трипольской культуры позволяет рассматривать их начало близким к времени Триполья BII (Кореневский, 2006. С. 141–147). Далее они сосуществуют с памятниками Триполья CI и CII, о чем писалось неоднократно. Майкопские памятники сейчас имеют радиокарбонные даты, несколько более ранние, чем даты восточноанатолийского Арслантепе VII (Кореневский, 1999, 2002; Трифонов, 2001. С. 78; Резепкин, 2003. С. 48). Далее они сосуществуют с временем слоя Арслантепе VIA. Синхронизация памятников майкопской культуры с памятниками Ирана и Месопотамии сейчас возможна на основе радиокарбонных дат, положенных в основу хронологии последних М. Войт (Voit, 1987). Судя по ним, майкопские памятники соответствуют слоям Тепе-Гавра XII–IX и моложе слоя Тепе-Гавра XIII. Они совпадают с временем Гиссара IBC и отчасти со слоем Гиссара II (табл. 3).

Внутренняя периодизация МНО по-прежнему восходит к заложенным в нее принципам разницы раннемайкопского и позднемайкопского комплексов вещей. Ранний этап майкопской культуры в настоящее время датируется со времени 40–37 вв. до н. э. по 37–34 вв. до н. э. Датировка начала позднемайкопского этапа сейчас не выглядит определенной и еще плохо обеспечена радиокарбонными датами (Клады, 31/ жертвенник — 3657–3518 BC; Иноземцево, о. п. 1976 3499–3349 BC; Горячеводский 1 3/6 3329–2917 BC; Новосвободненское пос. — 3334–3102 BC ; Новосвободная, к. 2 2885–2679, 2909–2879 BC). С одной стороны, жертвенник из кургана 31 могильника Клады дал дату 37–36 вв. до н. э. Дата Иноземцевского кургана 1976 года — 35–34 вв. до н. э. Дата Новосвободненского поселения — 34–32 вв. до н.э. И, наконец, дата погребения 3/6 Горячеводского могильника 2 долинского варианта — конец 34 — 30 в. до н. э. Получается в целом вторая половина IV тысячелетия до н. э. с заходом во вторую четверть IV тысячелетия до н. э.: 37/36 — 30/29–28 вв. до н. э. (Кореневский, 2004. С. 123. Табл. XI). Одни из самых поздних дат новосвободненской группы из кургана 2 у ст. Новосвободной привела Н.И. Шишлина (Шишлина, 2007. С. 274). Они относятся к началу III тысячелетия до н. э. и говорят о практическом сосущес-

Таблица 3

Памятники майкопской культуры, Ирана, Месопотамии и периоды схемы Блитта-Сернандера

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*
Индексы периодов	Даты по Войт BC cal	Месопотамия Iraq	Иран Iran	Тепе-Гавра Gawra	Сиалк Sialk	Сузы Susa	Гиссар Hissar	Предкавказье Maikop
Sb2 (3000–2400)	2900/2800 –2400	РД		Гавра VII		Сузы D	Гиссар III Гиссар II	
Sb1 (3300–3000)	3300/2800	Джемдет Наср		Гавра VIII	Сиалк IV	Сузы C b-c	Гиссар II	xxxxxxxxx
Atl 2 A5 (4100–3000) A4 optimum (4400–4100) A3 (4800–4400) A2 (6000–4800) Atl 1 A1 (7200–6000) Br	Халколит 6 3500–3300	Урук поздний	Геой М	Гавра XIA–IX	Сиалк 6, 7	Сузы Ca	Гиссар II Гиссар IC	xxxxxxxx xxxxxxxxx
	3500 Халколит 5 4000/3900?	Урук ранний		Гавра XII–A, XII	Сиалк III 3–5	Сузы B Сузы A	Гиссар Ib	xxxxxxxxx xxxxxxxxx
	Халколит 4 4500	Убейд (поздний)	Писдели	Гавра XVI–XIII	Сиалк III, 1–2	Сузы A	Гиссар Ia	НЖК
	Халколит 3 4800	Убейд ранний	Далма	Гавра XIX–XVII	Сиалк II 1–3			Нальчикский мог.
	Халколит 2 5000	Халаф			Сиалк I (4,5)			
	Неолит 3 5500 6250	Самарра Хассуна			Сиалк I (1–3)			
			Хаджи-Фируз					
	Неолит 2 6500?	Джармо						

Примечания: РД– эпоха ранних династий; 1 – периоды схемы Блитта-Сернандера, 2 – периоды неолита и халколита с учетом коррекции радиокарбонных дат М. Войт, 3 – месопотамская шкала периодизации культур, 4 – Иран, Северо-западный Загрос, 5 – Северная Месопотамии 6 – Центральный Иран, 7 – Элам, 8 – Северо-Западный Иран Br – бореальный период, Atl – атлантический период; Sb – суббореальный период. A1 – фазы атлантического периода голоцена. Atl1– первая половина, Atl2– вторая половина атлантического периода. НЖК – культура с накольчатой жемчужной керамикой Предкавказья (блок памятников – Мешоко, Ясенева Поляна, Замок, Свободное). xxxxx – период майкопско-новосвободненской общности

По схемам Дайсон (Dyson) Порада (Porada) Войт (Voigt).

твовании позднемайкопских (новосвободненских) памятников с нарождающимися явлениями в формировании культур среднего периода бронзового века в Предкавказье.

Особую остроту в интерпретации радиокарбонных дат по майкопской культуре настоящее время принесла в литературу Н.И. Шишлина. Особенностью подхода к хронологии памятников энеолита и бронзового века Предкавказья Н.И. Шишлиной (Шишлина, 2007) стала настойчивая пропаганда необходимости учитывать поправку радиокарбонных дат на основании так называемого резервуарного речного эффекта. Эту настойчивость можно было бы приветствовать, если бы Н.И. Шишлиной были приведены убедительные доводы в ее научной оправданности. Но их нет. Поясняю. Доказательством наличия речного резервуарного эффекта может быть прямое сопоставление дат, полученных по кости животных и кости человека из одних и тех же закрытых комплексов, но не из разных погребений, тем более из погребений, не имеющих стратиграфической связки. При этом все эти анализы должны

быть выполнены в одной лаборатории или в близких по качеству аналитики лабораториях, чтобы снять эффект лабораторной ошибки. В результате такой работы и нескольких повторений анализов полученные даты по кости человека должны выглядеть более древними, чем даты, полученные по кости животного, углю или по дереву. Но таких убедительных примеров по материалам майкопской культуры у Н.И. Шишлиной нет ни одного. По другим культурам немного, и то выборка «за» и «против» далеко не в ее пользу.

Судите сами. Всего в книге ею приводится в таблицах около 130 дат. Из них есть только два случая определения возраста захоронения по кости человека и животного, то есть не более 2%. По всем правилам математической статистики и теории вероятности такая выборка является крайне малой и непоказательной. И то ее данные не свидетельствуют о правоте Н.И. Шишлиной. В одном случае к. 9 п. 1 Зунда-Толга I дата по кости овцы (ИГАН-3117 2569–2212 BC $\sigma^{13}C$ – 17,38 $\sigma^{15}C$ + 9,70) оказалась древнее даты по кости человека (ИГАН-1792 2193–2034 BC $\sigma^{13}C$ – 16,98 $\sigma^{15}C$ + 14,19), а не наоборот. В другом случае к. 10 п. 3 этого же могильника дата по кости овцы ИГАН-3118 2468–2037 BC $\sigma^{13}C$ – 18.83 $\sigma^{15}C$ + 5,13) близка дате по кости человека (ИГАН-Bln-5529 2454–2234 BC $\sigma^{13}C$ – 18,20 $\sigma^{15}C$ + 14.15). Дата п. 1 к. 8 из могильника Зунда-Толга по камышу (GrA-10043 2568–2465 BC) древнее даты по кости человека (ИГАН-1793 215–1984)(Шишлина, 2007. С. 391). В обоих случаях с костями овцы показатель изотопа ^{15}C в костях людей соответствуют выводу о том, что имела место «рыбная диета», как пишет Н.И. Шишлина. Значит содержание изотопа ^{15}C около +14 не доказательство, что дата образца удревнена, даже если человек, возможно, питался рыбой.

Таким образом, налицо два вывода. Первое, статистически обоснованные выводы о необходимости учитывать поправку на рыбную диету по приведенным Н.И. Шишиной материалам отсутствуют. Второе, сама идея заметно искажающего влияния «рыбного речного эффекта» на хронологию памятников рассматриваемого региона может быть поставлена под сомнение и не выглядит убедительной.

Ссылки на зарубежные авторитеты, что где-то кто-то пишет о необходимости подобной процедуры, бессмысленны. Поскольку никто не может доказать наличие «речного эффекта» на календарный возраст дат, не проведя экспертизу такого рода на примере памятников Месопотамии или Египта, где есть письменные источники и реальная связь с исторической хронологией.

Приведенная Н.И. Шишлиной статистика дат позволила затронуть еще один важный для археологов вопрос. Суть его в следующем. Как известно, при оценке работы любой лаборатории важна информации о степени ее лабораторной ошибки, имеет она место или нет. Н.И. Шишлина признает, что некоторые даты лаборатории Института географии РАН (ИГАН) удревнены (Манджикины к. 14 п. 13) по сравнению с датами Гронингенской лаборатории (Шишлина, 2007. С. 273). Но это удревнение произошло, как она пишет, по вине резервуарного эффекта. Но так ли? Ведь даты Гронингенской лаборатории сделаны по образцам одного мужчины из одного захоронения, что даты лаборатории ИГАН. Получается, что «рыбный эффект» сказался на дате ИГАН, а на дате из того же погребения, полученной в Гронингенской лаборатории, нет?

Скорее всего, в результате некой лабораторной специфики производства анализов даты ИГАН иногда получаются ошибочно заниженными. Более того, данные по изотопу ^{15}C вообще разошлись. В одном анализе он есть, в другом нет.

К сожалению, такое явление приходится отмечать, так как дат, выполненных лабораторией ИГАН, Н.И. Шишлина опубликовала много. И среди них есть явно неоправданно древние даты. Например, явно неправомерна дата по кости человека ИГАН раннего катакомбного погребения Зунда-Толга 5 к. 1 п. 7 с костяной булавкой (ИГАН-2495 3708–3538 BC). На ее основании комплекс относится вроде бы к времени майкопской культуры. Но это явно не так. Более соотносится с представлениями о среднем периоде бронзового века дата Гронингенской лаборатории по кости булавки (GrA-29135 2956–2581 BC) (Шишлина, 2007. С. 389). Но сказался ли на такое расхождение «рыбный эффект» или заурядное занижение возраста в лабораторных условиях ИГАН, сейчас трудно сказать.

Следующим тезис Н.И. Шишлиной связан с необходимостью введения особой поправки на влияние резервуарного речного эффекта. Однако доводы Н.И. Шишлиной по этой теме никак нельзя принять за здравые рассуждения. Таков пример с датировкой Хвалынских могильников I и II. Полученная Н.И. Шишлиной дата по кости животного из п. 147 Хвалынского I могильника (GrA-29178 4447–4360 BC) оказалась не столь древней,

чем полученные ранее даты по кости человека в диапазоне 51/50 — 48/47 вв. до н. э. из погребений 127 Хвалынского I могильника и погребений 10, 18, 24, 34, 35 Хвалынского могильника II (Шишлина, 2007. С. 380). Но ведь это только одна дата, а не серия дат. Кроме того, другая дата по кости животного из погребения 127 (GrA-26899 4779–4621BC) с датами по кости человека из погребений 10, 24 Хвалынского II могильника согласуется неплохо. И кто сказал, что датированный комплекс 147— это стратиграфически самое раннее погребение в Хвалынских могильниках?

Но тем не менее, Н.И. Шишлина простым вычитанием из возраста более древних дат Хвалынских могильников даты с наиболее молодым значением выводит поправку в 350–300 лет. На мой взгляд, такие приемы к научной аналитике отношения не имеют. Ведь каждая культура может иметь начало и конец, отраженные в ранних и поздних датах. Зачем же все даты подстраивать под наиболее молодые значения? Ведь тогда произойдет некая подгонка идеи под результат. Совершенно выпущено из виду, что дата Нальчикского могильника, близкого по типам вещей Хвалынскому, хорошо с ним согласуется именно в значениях начала V тысячелетия до н. э. и без всякой поправки.

Датировка памятников майкопской культуры также подверглась «резервуаризации». Ход рассуждений Н.И. Шишлиной в отношении майкопских памятников следующий. Наиболее надежны, по ее мнению, даты на которых «рыбный эффект» сказаться не может (кости животных, уголь и тому подобное). Даты по кости человека нуждаются в проверке. В итоге вся хронология майкопской культуры определяется по значениям дат по костям животных. Они на 300–400 лет моложе дат, полученных по костям человека (могильник Клады, Днепровская и др.) и близки датам Гуамского грота и Новосвободненского поселения, как пишет Н.И. Шишлина. Предположительно поправка дат майкопской культуры должна равняться 300–400 годам, и тогда весь диапазон хронологии ранней майкопской степной культуры охватит время 3800–3500 гг. до н. э. (Шишлина, 2007. С. 274). Датировка поздних памятников майкопской культуры займет время 3400–3000 гг. до н. э. При этом даты Золотаревка к. 22 п. 11 и Айгурский к. 17 п. 6, выполненные в Гронингенской лаборатории, ошибочны, поскольку на них оказал влияние «рыбный эффект». А дата из могильника Вертолетного поле (к. 1 п. 8) правомерна (Шишлина, 2007. С. 274).

Оставить без комментариев такие умозаключения вряд ли возможно. Во-первых, никаких оснований для выведения поправки на майкопские даты, полученные по кости человека, нет. Такая поправка была бы обсуждаема, если бы приводились примеры датировок закрытых майкопских комплексов по взятым из них костям человека и костям животных. Но подобные данные отсутствуют.

Во-вторых, ни погребение 6 кургана 17 Айгурского могильника, ни погребения 8, 12 кургана 1 могильника Вертолетное Поле к майкопской культуре отнести никак нельзя, как отмечалось выше. В погребении 8 костяк лежал в положении вытянуто на спине, а в погребении 12 было захоронение нескольких человеческих черепов, инвентарь отсутствовал. В первой публикации эти комплексы названы майкопскими, на мой взгляд, по недоразумению (Житников, 2000. С. 88–89). Для погребения 11 кургана 22 могильника Золотаревка имеются две даты. Дата Гронингенской лаборатории, которую Н.И. Шишлина призывает считать ошибочной, хорошо подтверждается датой лаборатории Л.Д. Сулержицкого (табл. 2). А показатель изотопа ^{15}C +14, как отмечено выше, может говорить о рыбной пище, но не является свидетельством удревнения значения даты. Поэтому заключение по гронингенской дате Н.И. Шишлиной просто не оправдано.

В-третьих, датировка майкопской культуры (Rezepkin, 2000; Кореневский, 2004) показывает, что ее памятники существовали около 1000 лет. Поэтому, если один из них будет моложе другого лет на 300–500, то это ничего не говорит о правомерности самих этих радиокарбонных датировок. Вопрос только, к какому типу майкопских памятников они относятся.

В-четвертых, предлагаемые Н.И. Шишлиной даты этапов майкопской культуры ничем от прежней датировки ее комплексов и периодов практически не отличаются (Кореневский, 2004, 2006). Что делает некой абстракцией все рассуждения Н.И. Шишлиной о необходимости введения неких поправок на рыбную диету на уровне представленной ей аргументации для майкопцев[1].

[1] Мне уже пришлось выразить в экстренном порядке свое мнение по поводу «речного рыбного эффекта» в степях Предкавказья (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007. С. 117). Сейчас мое негативное отношение к пропагандируемой Н.И. Шишлиной идее введения поправок для майкопской культуры в Предкавказье только укрепилось.

Шестой блок. *Природный фактор.* В начале XXI века продолжает развиваться направление, связанное с ориентацией археологических памятников майкопской культуры в палеоботанической схеме Блитта-Сернандера, обозначенное еще нашими первыми палинологическими шурфами 1988, 1989, 1991 годов на Галюгаевских поселениях. Так, еще в начале 2001 года на основании работ Е.А.Спиридоновой, была отмечена связь динамики памятников энеолита Предкавказья с климатическими переменами глобального порядка (Кореневский, 2001). Было подчеркнуто, что памятники позднего энеолита Предкавказья распространяются на фоне колебаний жары и влажности климатического оптимума атлантического периода голоцена примерно в 45/44–41/40 вв. до н. э.

Спад жары после ее пика во время климатического оптимума атлантического периода голоцена, в начале второй половины атлантического периода голоцена, примерно (40–39 вв. до н. э.) совпадает с началом майкопской миграции, шедшей прежде всего через перевалы Большого Кавказа в долины бассейнов Терека и Кубани. Это явно свидетельствует, что сложение благоприятных природных условий в Предкавказье и привело сюда будущие майкопские племена. По своей хронологии майкопская миграция совпадает с временем ранних урукских переселений и возникновением слоя Арслантепе VII, который датируется 3900–3400 BC (Frangipane, 2000. P. 440, 451). Но была ли она одной из таковых или все же на Северный Кавказ переселялось население, уже адаптированное на Южном Кавказе? Это сложный вопрос, хотя я склоняюсь ко второму варианту, как отмечалось выше.

Климат во время существования майкопских племен в Предкавказье неоднократно колебался. Кроме того, в настоящее время более четко стала прослеживаться картина изменения климата на финальной стадии МНО. Закат майкопской культуры происходил в основном на фоне 1 фазы суббореального периода голоцена (33 — 30/29 вв. до н. э.). Он соотносится с временем слоя Арслантепе VIA (Frangipane, 2000. P. 451) и датой гробницы T1 в слое Арслантепе VIBI (Ua-18081 4355 ± 65 BP 3308–2879 BC) (Frangipane et al., 2001. P. 135)

Направление исследований, ставящих цель выяснить связь динамики древнего климата с процессами становления производящего хозяйства в Предкавказье, совмещающее данные археологии и палеоботаники, делает еще первые шаги. Палинологические шурфы на древних памятниках — его основа пока немногочисленны. Они были сделаны мной на галюгаевских поселениях, отобраны из стен ям майкопских курганов у с. Заманкул. Их данные обработаны Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской. Особенность подхода Е.А. Спиридоновой при их интерпретации выражается в том, что все данные об изменениях состава пыльцы растений в них представлены в количественных показателях и на графиках. Без этих количественных критериев научная составляющая данных о динамике палеоклимата резко снижается. Поэтому работ, которые апеллируют к данным палеоботаники, но построены на других принципах, мы не касаемся (Ростунов, 2004б).

Проблемы палеоклимата майкопской культуры в ее северной, кумо-манычской периферии недавно были затронуты также и в работах почвоведов, изучавших памятники энеолита, бронзового века на возвышенности Ергени в Нижнем Поволжье, а также на левом берегу Кумо-манычской впадины (Борисов, Демкина, Демкин, 2006). Для археологии характеристика древних почв, конечно, очень значима. Но для нашей дисциплины все же более важна информация о том, что на почве росло и составляло базу экономики древних сообществ, чем вопрос, по какой почве ходили люди первобытных эпох. Более того, хорошо известно, что растительность, особенно травы, всегда активно и быстро реагируют на колебания климата, особенно если последние носят глобальный характер. К сожалению, упомянутая выше палеопочвоведческая работа была выполнена без сопровождения данными палинологии, а в коллективе авторов нет специалистов — археологов, которые бы знали различные аспекты интерпретации археологических источников и их оценки значимости или истинности, хотя редакторская археологическая «правка» в их тексте чувствуется. Поэтому многие выводы и заключения авторов трудно применять для реконструкции исторических процессов.

В целом рассмотрение динамики образования культур в Предкавказье и на Ближнем Востоке показывает заметную синхронизацию в распространении таких феноменов, как урукский период и майкопская культура, связанных с глобальными изменениями климата после спада жары климатического оптимума середины атлантического периода голоцена (фаза А4) и фазой А5 второй половины атлантического периода голоцена (табл. 3)

Седьмой блок. *Проблемы исследования металлических вещей.* Не менее тщательного и специального анализа требует изучения майкопской металлообработки. Ее артефакты ранее описывались учеными в основном при помощи типологии изделий (Иессен, 1950; Мунчаев, 1975; Кореневский, 1974, 2004, 2005) и химического состава металла, полученного методом спектрального анализа (Селимханов, 1960; Черных, 1966; Кореневский, 1984) по данным 10–12 элементов. Несмотря на определенные успехи в этом направлении, в истории «майкопского металопроизводства» имеется масса «открытых» проблем. В том числе проблема источников широкого распространения у майкопцев мышьяковых и мышьяково-никелевых бронз. Например, имеют ли последние местный кавказский или привозной характер. А может наоборот, анатолийские изделия Арслантепе изготовлялись из привозного кавказского металла? Связано ли повышение содержания никеля вообще с меднорудным источником или оно возникло в качестве примеси к исходному сырью различных никелесодержащих минералов: никелина и иных арсенатов (Кореневский, 1988. С. 93). Ответы на все эти вопросы затрагивают сложные методические проблемы, которые решить часто невозможно уже в силу их природы, как например конкретная связь конечного продукта (предмета из меди или бронзы) с меднорудным источником, откуда был выплавлен первичный металл. Эта идея сейчас четко формулируется в работах профессора Эрнста Пернички (Германия, Тюбинген, Институт изучения древней металлургии).

Широкое распространение мышьяково-никелевого металла сейчас установлено в большом количестве в Восточной Анатолии среди вещей местного халколита и бронзового века (Caneva, Palmier, 1983; Hauptmann, Palmieri, 2000; Frangipane et al., 2001). Однако, никакие гипотезы о природе и особенностях майкопских бронзовых изделий невозможно решить, не затронув проблемы технологии их изготовления с помощью металлографического анализа. Первые результаты в этой области сейчас получены Н.В. Рындиной и И.Г. Равич, открывших «серебристые» покрытия майкопских желобчатых кинжалов (Рындин, 2005). Более того, в настоящем сборнике публикуется очень интересная статья Н.В.Рындиной, И.Г.Равига и С.В.Быстрова о майкопских бронзовых изделиях с повышенным содержанием мышьяка и никеля, как показателя местной меднорудной базы.

С появлением радиоуглеродных дат майкопской культуры возник еще один любопытный момент в интерпретации данных металлообработки МНО. Прежде всего, она перестала быть запаздывающей периферией переднеазиатской индустрии изделий на медной основе. Так, раннемайкопские комплексы датируются 40/39 – 37 вв. до н. э., то есть от конца убейдского периода – начала урукского периода в Месопотамии, не уступая по времени ни Сузам I, ни Сиалку III_4, когда начали фиксироваться первые находки втульчатых топоров и мотыг. Они сопоставимы по времени со слоем Арслантепе VII (37–34 вв. до н. э.) или несколько древнее его (Alessio et al., 1983).

Даже для среднего периода Урука мы не найдем такого обилия металла в комплексах археологических культур к югу от Аракса. Возникает вопрос, какой ассортимент изделий из цветных металлов майкопское население знало именно в это время. На основе известных вещей ответ на него не полон, так как более 90% раннемайкопских захоронений разграблено еще в древности (Кореневский, 2004. С. 52). Самые ранние находки майкопских бронзовых изделий в комплексах ее основной территории датируются временем второй половины 37 – 35 вв. до н. э. (Кудахурт 1/3 – 3520–3400 ВС; Заманкул 1/70 – 3640–3500 ВС), находки из серебра, золота и сердолика– 38–37 вв. до н.э. (Кудахурт 1/1), из золота и лазурита (Кудахурт 1/3) 36–35 вв. до н. э. (см. статью С.Н. Корневского, Б.Х. Атабиева, А.Я. Аккизов, А.Х. Хаширокова в настоящем сборнике). Бронзовый кинжал из погребения 13 кургана 14 могильника Манджикины I тоже датируется в рамках 38–37 вв. до н.э.

По своему облику майкопская металлообработка является частью переднеазиатской металлообработки с размахом аналогий от Центрального и Западного Ирана (Сиалк III4, Сузы I) до Амука (Amuq F) в Сирии. Она менее всего имеет аналогий в это время в Восточной Анатолии. На ее формирование могли сказываться воздействия, идущие из Ирана или более широкой области Ближнего Востока. Так, на Южном Кавказе древнейшие навыки плавки медносодержащего сырья наиболее четко прослеживаются по данным культуры Лейлатепе (Алиев, Нариманов, 2001. С. 70–73) (табл. 4).

Сейчас уже нельзя отрицать того, что Кавказ и его майкопская культура в эпоху раннего и среднего периода Урука были мощным производственным центром по изготовлению

Таблица 4

Результаты химического состава металла предметов поселения Лейлатепе (по: Алиев, Нариманов, 2001. С. 135, табл. XL)

		Шифр 1	*Cu*	*Sn*	*Pb*	*Zn*	*As*	*Sb*	*Ag*	*Au*	*Bi*	*Ni*	*Co*	*Fe*
1.	Остатки литья	3441	Осн.	0,003	0,07	0,06	0,58	0,005	0,003	0,007	0	0,01	0,001	0,12
2	Остатки металла	3442	Осн.	0,007	0,15	0,04	0,03	0	0,001	0,03	0	0,02	0,01	0,3
3.	Отслоившиеся частицы от шила	3444	Осн.	0,01	0,1	0,013	0,07	0,06	0,14	0,008	0	0,02	0	0,1
4.	Крупинки меди (руда), дважды анализирован	3409	Осн.	0,015 0,08	0,04 0,03	0	1,15 2,01	0,007 0,007	0,001 0,018	0 0	0,009 0,009	0,46 0,67	0,001 0,0015	0,03 0,03
5.	Кончик ножа	Шифр 2	Осн.	0,03	0	0,01	0,01	0	0,005	0	0,00	0,00	0	0
6.	Фрагмент шлака	41228	83,2		4,75		7,27	0,92	0,119			0,21		3,56
7.	Окись от шила	47229	99,3					0,33						0,35
8.	Окись от шила	47230	98,2		0,14		1,30	0,21	0,008	1,48				0,091

Анализ проведен в Испании, в Институте Реставрации и Консервации Культурного наследия: Шифр 1 – ИАИЭ, Шифр 2 – ИАРАН.

оружия, орудий из бронзы, а также высокохудожественных ювелирных изделий. Решать эту проблему раннего формирования майкопской металлообработки поэтому надо, конечно, установив уровень развития металлообработки в урукский период на Кавказе в целом.

Проблема динамики майкопской металлообработки, отраженной в находимых в погребениях вещах, была обозначена еще А.А. Иессеном (Иессен, 1950) как замена изделий круга Майкопского кургана, на вещи круга гробниц ст. Новосвободной. В связи с этим заслуживает внимания обращение к данной проблематике А.Д. Резепкина (Резепкин, 2006. С. 314–318). Его тезис состоит в том, что типы раннемайкопского этапа отличны от типов позднемайкопского этапа. Но эта разница, по его мнению, является следствием различных корней формирования майкопской и новосвободненской культур. Иными словами, майкопской металлообработке как бы было отказано в возможности саморазвития, так как получается, что на позднем этапе она зарождалась заново, не имея местных более древних традиций.

Однако вопрос о генезисе майкопской металлообработки еще плохо обеспечен радиокарбонными датами. Трудно определить, когда же начался так называемый поздний этап и какие формы были все же свойственны «раннему этапу», кроме «бесченковых» кинжалов. Пока как ранние, так и поздние формы майкопских орудий (топоры, тесла, долота, посуда) датируются в комплексах не ранее 37/36 вв. до н.э., учитывая дату жертвенника из кургана 31 с типично «новосвободненскими» изделиями позднего этапа (табл. 2). Более уверенно можно отметить наибольшую близость вещей круга Майкопского кургана и вещей круга новосвободненских гробниц, несмотря на известные отличия, при явно более широком ассортименте бронзовой утвари, обнаруженной в комплексах последнего.

Ниже кратко коснемся поднятой проблемы, не прибегая к детальному рассмотрению типов майкопских изделий, ассортимент которых сейчас достаточно известен (Кореневский, 2004. С. 42–48). Так, комплекс предметов из бронзы «раннего» майкопского этапа (рис. 2: D, рис. 7) и «позднего» этапа (рис. 8–11) сближают близкие типы втульчатых топоров, отливаемых в двусторонние литейные формы со стороны брюшка. Новые находки показывают, что среди топоров раннего майкопского типа (группа 1) (рис. 7: 9–16), появились два предмета (рис. 7: 15, 16), имеющие признаки топоров «новосвободненского» типа групп 2 и 3 (Кореневский, 1974), которые выразились в незначительной горбатости спинки клина и прогибе верхнего края втулки (Заманкул, курган 1 погребение 70) (рис. 7: 15). (с. Безенги, случайная находка) (рис. 7: 16). Они крупнее легких боевых топоров новосвободненской группы 2 (рис. 8: 1). Сближаются по размерам с более крупными топорами группы 3 (ст. Андрюковская, аул Лашкута, ст. Анастсьевская, г. Новороссийск) (Кореневский, 1974) (рис. 8: 2), но отличаются от них меньшей высотой обуха. Это позволяет разделить раннемайкоп-

ский тип 1 втульчатых топоров на два варианта. Вариант 1,1 — топоры с относительно симметричным расширением клина к лезвию (Майкопский курган, ст. Усть-Джегутинская, Сузы, Ирак, с. Хутрах, с. Балаклава, ЗАГЭС) (Кореневский, 1974) и вариант 1,2 — топоры с асимметричным клином и прогибом верхнего края втулки (Заманкул, Безенги) (рис. 7: 15, 16). Последний тип явно может рассматриваться как вариант или даже прямой прототип топоров новосвободненского этапа групп 2 и 3, аналогии которым за пределами Кавказа, к югу от Аракса просто отсутствуют.

Формы тесел раннемайкопского типа (рис. 7: 2, 3) мало чем отличны от тесел позднемайкопского этапа (рис. 9: 1, 2). Так, среди первых отмечены тесла со скругленным обухом, нет пока тесел с прямым обухом. Последние встречены в комплексах позднего этапа, но среди «новосвободненских» тесел есть и тесла явно первого варианта (ст. Воздвиженская, курган, погребение 2) (рис. 9: 2).

Формы желобчатых долот изменились мало. Долота с круглым и квадратным сечением есть среди раннемайкопских и позднемайкопских памятников (рис. 7: 4, 5, рис. 9: 3, 4). Новым и поздним типом является тип долота с длинным желобом (рис. 9: 5). Нет существенных изменений также среди шильев с упором. Данная категория вещей вообще слабо видоизменяется во времени.

К рассматриваемому ассортименту вещей раннего и позднего этапов МНО сейчас добавился бронзовый диск из захоронения 3 в кургане у с. Кудахурт, который ранее представлялся как типично позднемайкопская вещь (рис. 7: 7, рис. 9: 10). (См. статью С.Н. Кореневского, А.Х. Атабиева, А.Я. Аккиева, А.Х. Хаширокова об этом памятнике в настоящем сборнике.)

Но самое главное — это металлическая посуда раннего и позднемайкопского этапов. Она изготовлялась без швов или с точной подгонкой двух-трех деталей котла (Иноземцевский курган, 1976) (рис. 10: 1, 2, 7). В основе ее производства лежит умение майкопских мастеров отливать лист металла толщиной в 1 мм. Это предположение вытекает из анализа формы диска, найденного в погребении 3 кургана 1 на р. Кудахурт. Диск имеет толщину в 1 мм. На одной стороне окружности сохранился литейный бортик.

Формы майкопской металлической посуды различны. Но общим типом для раннего и позднего этапов является круглодонный котел, известный по находке в Майкопском кургане (рис. 2: D7), мало чем отличимый от круглодонных котлов позднего этапа МНО (рис. 10, 3, 4, 6). Древнейшее металлическое ведро из Майкопского кургана (рис. 2, D4) по форме сделано очень похоже на характерный для позднемайкопского периода бронзовый котел (рис. 10: 8–11). А технологическая близость изготовления майкопской посуды видна даже без помощи микроскопа.

Майкопцы мастерски могли изготовить сосуд в виде кубка или крупного котла без единого шва с толщиной листа до 1 мм. Нет никаких данных, что бронзовая металлическая посуда майкопцев — это заимствование откуда-то со стороны, а не местное изготовление. В Передней Азии к югу от Аракса, на территории куро-аракской культуры в это время посуды таких типов просто не зафиксировано. Для протописьменного периода Передней Азии металлическая посуда — вещь редкая. А кубков с закрытым туловом из золота и серебра нет вообще.

Нет также убедительных данных о заимствовании со стороны позднемайкопскими племенами втульчатых вилок, бронзовых колец с расходящимися концами[1]. Эти категории вещей отсутствуют у племен куро-аракской культуры и к югу от Аракса в протописьменный период.

Для понимания места майкопской металлообработки очень важна тема ее близости к ме-

[1] А.Д. Резепкин, вслед за В.А. Трифоновым, считает, что майкопские кольца с разомкнутыми концами — это знаки власти, на основании того, что подобные вещи держит в руках вавилонская богиня — демон Лилит (Резепкин, 2004. С. 105). Вопрос о том, что значат майкопские кольца с расходящимися концами, обсуждается давно (Трифонов, 1987; Кореневский, 1992а; Мунчаев, 1994). На самом деле, как показывают иллюстрации хорошего качества, Лилит изображена с раскрытыми в ритуальном жесте ладонями, вместе с которыми показаны кольцо и отдельно палочка — жезл. (Mootgart, 1967. Fig. 212). То же самое можно увидеть на стеле Хаммуапи в музее Пергамон в Берлине или на такой же стеле из Лувра (Mootgart, 1967. Fig. 210). Как археологические аналогии к майкопским согнутым кольцам эти вещи не имеют отношения. Поэтому, на мой взгляд, майкопские кольца лишь внешне похожи на знаки вавилонского времени демона Лилит из Ближнего Востока. Среди майкопских колец есть вещи с удлиненными выступающими окончаниями и собственно кольца без выступов окончаний. Их значение в свете находок в Предкавказье не вполне ясно и может предполагать разные трактовки, о чем я пишу специально (Кореневский, 2004. С. 46).

таллообработке куро-аракской культуры. Без ее освещения невозможно оценивать сходство или различие майкопских предметов на медной основе с находками из Передней Азии к югу от Аракса. Поэтому кратко коснемся ее основных сюжетов. Например, на Южном Кавказе известны топоры раннемайкопской группы 1,1 (рис. 11: 1), топоры типа Лечинкай (рис. 7: 17 и рис. 11: 2), бронзовая мотыга (рис. 11: 3), бесченковые клинки раннемайкопского типа (рис.11: 4, 5), тесла (рис. 11: 12, 13).

Общими для позднемайкопских типов и форм металла куро-аракских племен являлись топоры типа ст. Псебайской (Кореневский, 1974; 2004. С. 43), локализованные в зоне центра Большого Кавказа (находки у с. Ялбузи, Кульбакеби, в Земо-Сванетии) (музей г. Местия) (рис. 11: 8–11), а также более южные находки (рис. 11: 6, 7) (Ленинакан, Брдадзори).

Местное изготовление очевидно и в древнейшей находке на Кавказе и в Передней Азии — настоящего меча. Он найден в гробнице 5 кургана 31 могильника Клады (рис. 12: 1). Описываемый предмет соответствует общепринятым нормам длины для такого оружия, размер превосходящий 60 см. Меч из новосвободненской гробницы 31/5 — уникальная находка для майкопской культуры. Оружие сделано наподобие длинного ножа с черенковой рукояткой, в которой проделано отверстие, так же как и у некоторых иных кинжалов новосвободненской группы. Способ такого крепления клинка на рукояти для МНО — явление исключительно «новосвободненское», отражающее локальный «новосвободненский» участок металлообработки. Анатолийские аналогии длинных кинжалов из Арслантепе из гробницы Т1 времени VIB1 отверстий в рукоятках не имеют. Наиболее крупный меч-кинжал из них достигает в длину 43 см (рис. 12: 2) (Frangipane et al., 2001. P. 120, fig. 18: 8, 9, 12, 13). Он изготовлен как клинок рубяще-колющего действия и напоминает пламеневидные типы клинков мечей более позднего времени. Очертания же клинка майкопского меча прямые. Нет данных, что анатолийские находки древнее предкавказской. Скорее, наоборот.

Территориально ближайшая аналогия такого способа крепления клинка к рукоятке заклепками происходит из Майкопского кургана. Это знаменитый кинжал-бритва (рис. 7: 1), а по сути крупный клинок рубящего действия, рукоять которого крепилась посредством серебряных заклепок. Поэтому рассматривать его вполне уместно как более ранний прототип новосвободненскому способу крепления черенка к рукоятке через отверстие или вещь, близкую по времени.

Именно с оружием куро-аракских племен Южного Кавказа и Дагестана сближаются формы майкопских наконечников копий с черенковым насадом без шипа или отверстия (рис. 8: 11–15, рис. 11: 14–19). При общей близости к типам этого оружия Восточной Анатолии, появившегося в периоды Арслантепе VIA, VIBI (примерно 3300–2900 ВС), кавказские наконечники отличаются отсутствием четко выраженного стопора на черенке выше граненого штыковидного насада, характерного для находок в Арслантепе (рис. 13). Они отражают скорее всего местную кавказскую металлообработку близкого времени. Но точный хронологический диапазон кавказских наконечников копий все же неизвестен, в силу слабой датировки этого оружия в куро-аракских комплексах. Оттого и вопрос о том, откуда этот тип оружия появился на Кавказе, остается открытым.

В целом можно предполагать, что развитие металлообработки военной отрасли позднего этапа МНО отражало, прежде всего, общую модернизацию оружия в период, соответствующий 3600–3000/2900 ВС, в Передней Азии к югу от Аракса и главным образом у племен горной зоны Большого Кавказа. Последнее явление хорошо прослеживается по работам О.М. Джапаридзе (Джапаридзе, 1992). По всей вероятности оно и было связано со становлением так называемого позднего этапа майкопской культуры. Поэтому и развитие позднемайкопского этапа МНО можно соотнести со становлением куро-аракской культуры и связанными с этим историко-культурными процессами на Кавказе в середине урукского периода (36–33 вв. до н. э.).

При сопоставлении вещей раннего и позднего этапов МНО данные спектрального анализа (на базе 10–12 определяемых микроэлементов) состава металла майкопского инвентаря на медной основе никаких изменений не обнаруживают. Как в раннемайкопском наборе вещей, так и в позднемайкопском, мы видим мышьяковые и мышьяково-никелевые бронзы с довольно однообразным набором микропримесей.

Таким образом, постановка вопроса о том, что формы многих орудий позднего этапа майкопской культуры (топоров, кинжалов, меча, металлической посуды, наконечников копий, тесел, шильев) появились под влиянием юж-

ных импульсов из-за пределов Аракса без какого-либо творческого участия местного наследия, на основании типологического сопоставления представляется недоказанной.

Естественно, не все истоки появления тех или иных типов металлической утвари у майкопцев мы сейчас в состоянии объяснить, но импорты из каких-либо дальних стран среди них уловить также непросто. То же самое можно сказать и о ювелирных изделиях майкопских племен, исключая изделия из полудрагоценных камней, прежде всего лазурита и бирюзы.

Восьмой блок. *Индоевропейская проблематика в свете находок из памятников майкопской культуры и другие вопросы реконструкции художественных образов изобразительного искусства.* Проблема отождествления древностей майкопской культуры с известными сейчас языковыми группами (семитами, индоевропейцами, тюрками) или ее этническая интерпретация активно обсуждались более пятнадцать лет назад. Все три версии были признаны неубедительными (Марковин, 1990; Кореневский, 1990. С. 129; Мунчаев, 1994. С. 166). В ходе этой же дискуссии прозвучал призыв, прежде чем заниматься переводом языка наших археологических источников на язык этно-лингвистических реконструкций, обратить внимание на методику таких операций, дать оценку готовности последних к подобным интерпретациям (Кореневский, 1990. С. 129).

Вместе с тем вряд ли кто будет спорить, что археологические источники порой способны отражать различные мифологические образы (мифологеммы), имеющие аналогии в эпосе древних народов, независимо от их языковых ориентаций. Таковы глобальные идеи о мировом яйце, мировом дереве, мифы о различных зверях-демиургах или геральдические сцены «элитных» хищников, как символов богов высшего ранга или знаков воинской славы и высокого престижа.

Тема реконструкции древних культов, верований, мировоззрения носителей МНО представляет собой крайне сложную методическую задачу с опорой на типологию образов, статистические подсчеты, знание мифологических систем разных народов. Но иногда реконструкции начинают излагаться в печати как сплошные предположения, в которых одно допущение вытекает из другого. При этом поиск аналогий для рассуждений на эту тему концентрируется в рамках индоевропейской религии только потому, что для нее сохранилась письменная традиция. Так, В.Л. Ростунов в работе 2004 года опубликовал свои рассуждения на тему интерпретации символики насыпей кургана 3 у с. Брут. По его мнению, символика овальных насыпей с желтыми прослойками кургана у с. Брут передает «форму яйца со скорлупой, желтком, и пузырьком воздуха, в виде выложенного из земли серпа – лунария». Изображение пузырька воздуха майкопцами и одновременно «лунария» – не доказуемая идея автора. (Ростунов, 2004. С. 34, 35). Воздух как материально выраженный объем в древнем искусстве еще никто не изображал. Кстати, в современном – тоже. Акцент на то, что яйцо – это символ религии именно индоевропейцев, – проблематичен. Ведь яйцо фигурирует в мифологии многих народов, не обязательно индоевропейцев, зафиксировано, например, в мифах тюрок и финно-угров, а овал или эллипс – встречается в орнаментах иных народов прошлого, которые не признаются индоевропейцами, как, например, племена культуры Караново VI (Gimbutas, 1989. P. 218, fig. 338). И является ли овальная форма насыпи именно символом яйца?

Не менее экстравагантны выводы В.Л. Ростунова о том, что скорченное положение покойного на правом боку с различной ориентировкой головой для майкопцев являлось то свидетельством представлений о возведения усопшего в ранг богов без возрождения, то свидетельством путешествия умерших в царство бога Ямы с надеждой на реинкарнацию (Ростунов, 2005а. С. 39–41; Бессонова, Ростунов, 2007. С. 82–92). Все это выглядит малоубедительным. Ведь обряд погребения сородичей скорченно на боку прослеживается со времен верхнего палеолита и бытовал не только у индоевропейцев.

К глубокому сожалению, эти работы «майкопского цикла» безвременно ушедшего В.Л. Ростунова, хорошего специалиста в области эпохи среднего бронзового века Центрального Кавказа, были написаны им в период его тяжелой болезни. Они нередко иллюстрируют своеобразную логику и систему рассуждений, опирающихся на некие недоказуемые истины. Так, вызывает скептическое отношение другие рассуждения В.Л. Ростунова о времени строительства кургана 3 у с. Брут. В основе этих доводов находится допущение, что яма майкопского погребения была ориентирована на восход солнца, которое приходится на 26–27 февраля. Ось третьей насыпи над этим захоронением отклонилась от длинной оси

ямы на 10° и, по расчетам В.Л. Ростунова, соответствует 12–13 марта. Промежуток времени между этими сроками и будет составлять продолжительность строительства трех насыпей кургана. То есть где-то две недели. (Ростунов, 2004. С. 32). Далее вычислено и количество человек, проживавших в районе с. Брут в эпоху майкопской культуры. В расчет В.Л. Ростуновым были взяты только мужчины, прошедшие инициацию. Курган строили 170 человек, при этом все майкопское население составляло 4000–5000 человек (Ростунов, 2004. С. 34).

Некорректность этих расчетов бросается в глаза. Нет никакой уверенности, что яма кургана у с. Брут ориентировалась именно по солнцу. Во-первых, ориентировка юго-восток — северо-запад, отмеченная в брутском кургане, вообще типична для удлиненных ям сунженского типа в Северной Осетии, в Усть-Джегутинском могильнике доминирует иная, юго-запад — северо-восток (Кореневский, 2004. С. 116, 117). На какой репер ориентировались ямы майкопских захоронений, вообще неясно. Им могла быть звезда, вершина горы и так далее. Причем тут отклонение от оси ямы на 10° линии оси реконструируемой насыпи? Какая между ними есть связь? Кто это отклонение и как измерял? Ведь форма насыпи начерчена дома на бумаге, а не зафиксирована во время работ в поле.

Область реконструкции майкопской мифологии и семантики образов майкопского искусства является одной из самых сложных, поскольку требует обширных знаний мировой мифологии и специфики искусства народов Передней Азии урукского и раннединастического периодов. О стиле и семантике майкопских изображений написано немало, достаточно вспомнить работы Б.В. Фармаковского, Р.М. Мунчаева, М.В. Андреевой, Е.В. Антоновой, Д.С. Раевского. Специально этой темы приходилось касаться и мне. Но первым четко определил особенности художественного стиля на майкопских сосудах и произвел их ориентацию во времени М.И. Ростовцев (Rostovchev, 1920. P. 14). Поэтому появление статьи А.Н. Черкасова (Черкасов, 2005) вновь рассматривающей тему о сюжетах на майкопских кубках, может приятно насторожить. Что же нового можно здесь предложить? Но, к сожалению, в ней нет ничего принципиально оригинального, кроме общих малоубедительных рассуждений, в которых ощущается недостаточное знакомство автора с литературой, прежде всего с работами М.И. Ростовцева (Rostovchev, 1920. P. 5–27), умением ею пользоваться, не искажая работ предшественников.

Статья А.Н. Черкасова заканчивается своеобразно. Обсуждая интерпретацию сцены «медведь и дерево», он пересказывает мою точку зрения, согласно которой такая сцена имеет реплики в мифологии хеттов. Но я не считаю майкопцев хеттами, полагая, что такие образы были распространены еще в дохеттское время. Доказательством тому служит печать времени Джемдет-Насра из Хафадже (Khatajeh), на которой изображен медведь, стоящий на задних лапах между двумя деревьями. Зверь протягивает передние лапы вперед к кроне одного, то есть та самая «майкопская» поза (Burren, 1939. P. 20, 21. Pl. V, fig. 23, 24). Это лишь говорит о том, что сюжет «медведь и дерево» в Месопотамии появился в дохеттское время и мог быть заимствован хеттской мифологией из более древних, необязательно индоевропейских сказаний. Но А.Н. Черкасов предлагает связать данную сцену с историческими этносами и пишет о ее связи с хатами. Почему? Потому что хетты заимствовали свои ритуалы от хаттов и потому что «традиция использования и изготовления зооморфных сосудов является хаттской» (Черкасов, 2005. С. 61). Что имеет А.Н. Черкасов в виду под понятием зооморфного сосуда? При чем тут кубки майкопской культуры? Ведь они не зооморфные, а изображение животных на сосудах, это еще не зооморфизм сосуда. Зооморфизм керамики — это уже совсем иная традиция. И причем тут тогда хаты?

Девятый блок. *Публикации новых источников.* Одной из особенностей изучения майкопской культуры является то, что источники по ней накапливаются медленно по сравнению с материалами среднего периода бронзового века. Это объясняется тем, что майкопские захоронения являются редкими сами по себе и по стоимости работ являют наиболее дорогими, не говоря уже о раскопках больших майкопских курганов. Поселения этой культуры находятся в толще земли достаточно глубоко. Плуг при распашке их не всегда достает, так что без специального поиска их обнаружить трудно. За прошедшие три–четыре года в научный оборот было введено не так много новых данных по майкопской культуре. Прежде всего, надо отметить целенаправленную работу по раскопкам поселений майкопской культуры в Прикубанье А.Д. Резепкина. В 2004 году он опубликовал свои раскопки на поселении

Чишхо, размываемом водами Кубанского моря. (Резепкин, 2004а. С. 422–424). Это поселение начало изучаться ранее экспедицией Государственного музея Востока г. Москва, затем исследовалось Ел. Черных. А.Д. Резепкиным на поселении были обнаружены два строения наземного типа с турлучным покрытием. Первое имело округлую площадь развала турлука диаметром примерно 4 м. Второе строение было перекрыто развалом турлука размером около 4 × 2,7 м. Очагов под этими развалами зафиксировано не было. Под развалом строения 2 находились три ямы. Инвентарь состоял из обломков керамики. В строении 1 найдена приочажная приставка с грибовидной шляпкой. Набор посуды включал керамику с круглым и плоским дном, закрытые лепные горшки и миски. А.Д. Резепкин справедливо сближает находки на Чишхо с поселением Уашхиту (Кореневский, Днепровский, 2003). Судя по форме глиняного конуса-приставки с грибовидной шляпкой в поселение Чишхо, как и поселение Уашхиту с одноименным могильником, принадлежит псекупскому варианту МНО, а по времени соответствует позднему этапу майкопской культуры.

В 2006 году А.Д. Резепкин и Г.Н. Поплевко опубликовали небольшую заметку о поселении Пхагуапе из Адыгеи (Резепкин, Поплевко, 2006. С. 114–120). На этом поселении им удалось раскопать остатки турлучного строения, получить серию черепков от круговой и лепной майкопской посуды, найти обломки глиняных приставок с плоской и круглой головками, аналогичных находкам на Галюгаевском и Серегинском поселениях, из которых наиболее достоверно определяются конусы группы 1 с округлой головкой (Резепкин, Поплевко, 2006. С. 118. Рис. 2, 5; Кореневский, 2004. С. 133. Рис. 6).

Находка образца керамики с пролощенным горлом отражает черты «псекупского варианта» МНО. Вместе с тем интересными явлениями стали находки плоского дна сосуда с нанесенным орнаментом косой сеткой (Резепкин, Поплевко, 2006. С. 119). Ранее этот прием был зафиксирован лишь на находках плоскодонных круговых сосудов долинского варианта МНО в Центральном Предкавказье. (Кореневский, 2004. С. 200. Рис. 72). Впервые было обнаружено глиняное колесико с выступающей втулкой. Является ли оно моделью настоящего деревянного колеса для транспортного средства или вотивной моделькой (игрушкой?), сказать трудно. Ведь в археологической практике известны примеры использования сосудов и различных моделей на колесиках, а этнографии — изготовление глиняных колесиков вовсе не означало наличие колесного транспорта, как например, в Мезоамерике.

В этой связи, я бы хотел выразить свое скептическое отношение к попытке представить майкопскую культуру, как древнейшую культуру «южнорусских степей» с колесным транспортом (Trifonov, 2004. S. 167–176). Во-первых, потому что комплексы майкопско-новосвободненской общности, культурная принадлежность которых не вызывает сомнения по находке в них характерной майкопской керамики, не содержат находок деталей повозок или просто колес. Единственным поводом для постановки вопроса о появлении колес в погребальной традиции майкопцев является публикация А.В. Кондрашова и А.Д. Резепкина погребения 18 кургана у ст. Старокорсунской. Остатки плохо сохранившегося колеса (?) были зафиксированы среди следов деревянного перекрытия могилы (Кондрашов, Резепкин, 1988. С. 91–97). Учитывая уникальность подобного захоронения, мы вправе поставить вопрос о том, что принятый за колесо остаток тлена таковым, может быть, и не является. Ведь все достоверные археологические находки деревянных колес имеют выступающую ступицу, а на рисунке захоронения 18 на ее месте показана лишь внушительная дырка, явно больше размеров диаметра оси (Кондрашов, Резепкин, 1988. С. 92, рис. II). Возможно и иное рассуждение. Опубликованное захоронение очень позднее для МНО и относится к времени уже начала формирования культов населения эпохи среднего бронзового века с их традицией использовать детали колесного транспорта в своих погребальных обрядах. В любом случае достоверность вывода о применении колесного транспорта в погребальной практике майкопского населения должна получить дополнительное подтверждение.

Но вернемся к поселению Пхагуапе. Авторы датируют его началом второго (иноземцевско-костромского) этапа майкопской культуры (Резепкин, Поплевко, 2006 С. 114–120), второй третью IV тысячелетия до н. э. На мой взгляд, без радиокарбонного определения возраста такая хронология выглядит чересчур детальной. Более осторожно можно сделать вывод, что памятник имеет черты псекупского варианта МНО (пролощенный венчик) и относится к ее позднему этапу. Большим успехом А.Д. Резепкина и Бертиль Лионе стала обшир-

ная публикация раскопанных ими материалов майкопских поселений Городск, Пшикуйхабль, Чишхо (Резепкин, Лионе, 2007. С. 5–43). Судя по находкам конусов с грибовидной шляпкой, последние относятся к псекупскому варианту МНО.

С 2003 по 2006 год автор этих строк старался приложить максимальные усилия для публикации новых погребальных источников МНО, речь о которых шла в его монографии 2004 года. Он издавал их сам, а также вместе с коллегами. Так, в научный оборот вошли яркие комплексы раннего и позднего этапа МНО (долинского варианта) на Кавминводах (Кореневский, 2003; Кореневский, Атабиев, Батчаев, 2004). Были введены в научный оборот материалы трех больших курганов у с. Заманкул раннего этапа МНО как археологического источника (Кореневский, Ростунов, 2004).

В 2006 году удалось издать оригинальный комплекс ямно-майкопского погребения позднего этапа МНО в катакомбном захоронении 195 Большого Ипатовского кургана (Кореневский, Калмыков, 2006), с редкой находкой антропоморфной стелы, зафиксированной в захоронениях такого типа в степях долины р. Калаус Кумо-манычской впадины в Ставропольском крае. А в 2007 году и все данные о майкопских комплексах этого кургана (Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007).

И наконец, в настоящем сборнике публикуется интереснейший комплекс майкопских погребений псекупского варианта раннего этапа на р. Кудахурт в Центральном Предкавказье, раскопанный коллегами из Кабардино-Балкарии в ходе охранных работ. Это первые данные о фиксации находок захоронений с круговыми круглодонными сосудами с пролощенным орнаментом раннего периода МНО в предгорьях Балкарии (см. статью в С.Н. Кореневского, Б.Х. Атабиева, А.Я. Аккизова, А.Х. Хаширокова настоящем сборнике). Такая находка позволяет существенно дополнить информацию о характеристике раннемайкопского времени, не только для Центрального Предкавказья, но и для всего ареала МНО в целом.

* * *

Естественно, в наши дни мы знаем о майкопской культуре значительно больше, чем в 50–60-е годы. Сейчас она представляется как существовавший почти тысячу лет в Предкавказье своеобразный и не вполне однородный пласт населения. В его материальном производстве хорошо прослеживались следы адаптации в долинах бассейнов Терека и Кубани пришлых с юга носителей высокоразвитой культуры. Этническую и лингвинистическую характеристику этим носителям дать трудно за исключением одного положения. Майкопскую культуру или общность (МНО) можно рассматривать как сложившееся на месте предкавказское население под сильным урукским влиянием, и имеющее свою яркую историю. Она процветала в предгорьях на исторической границе населения Европы и Передней Азии, в зоне состыковки культурного развития северокавказского и восточноевропейского степного населения, как необычный феномен развитых для своего времени технологий, военного снаряжения, земляной культовой архитектуры курганов-колоссов.

Подводя итоги обсуждаемых вопросов в литературе, можно прийти к следующим выводам.

Выделенные в 30–50-х годах прошлого века комплексы памятников типа Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц в отдельный тип памятников Кавказа, Передней Азии и Европы А.А. Иессеном и Е.И. Крупновым, несмотря на существенное накопление нового материала, не утратили своего своеобразия. К ним по-прежнему может быть применен термин археологическая культура (в понимании Е.И. Крупнова) или общность (эквиваленты, комплекс или блок памятников). Внутри этой общности по-прежнему, как предполагал А.А. Иессен, различаются памятники раннего (майкопского) и позднего (новосвободненского) этапов. Накопившаяся база источников дает основания судить, что материальная культура носителей раннего этапа МНО отличалась от материальной культуры позднего этапа главным образом за счет распространения традиции плоскодонных круговых сосудов, заметного обновления и расширения ассортимента типов металлических вещей, а также появления новых типов захоронения элиты (наземные каменные гробницы).

На раннем этапе мы констатируем достаточно однородный облик культуры пришлого с юга населения, начавшего адаптацию в местных условиях Предкавказья. Его типичным проявлением стала круглодонная круговая керамика с ее знаковой традицией, комплекс «раннемайкопского металла», погребаль-

ных обрядов и бытовых памятников типа Галюгаевского поселения в бассейне Терека и Серегинского поселения в бассейне Кубани. На этом же раннем майкопском этапе начинают фиксироваться наиболее древние памятники более поздних вариантов МНО, как, например, псекупского варианта с его круглодонными уплощенными сосудами, имеющими пролощенный орнамент.

На позднем этапе отчетливо поступают три компонента МНО, собственно новосвободненский в верховьях Белой и Фарса в Адыгее, псекупский – в Закубанье, долинский – в Центральном Предкавказье. Эти варианты могут отражать каждый своеобразные пути сложения МНО и происхождения своих носителей как многокомпонентные процессы развития местного кавказского населения и адаптации пришлых элементов. Их можно бы рассматривать как отдельные варианты культуры или культуры, по-прежнему образующие общность памятников, сохраняющую в себе многие черты материального производства более раннего времени, традиций быта и культов. Я не считаю целесообразным называть их отдельными культурами, по двум причинам. Во-первых, ввиду большой близости между ними. Во-вторых, по этическим соображениям в честь заслуг в изучении памятников раннего периода бронзового века А.А. Иессена и Е.И. Крупнова, а также сложившейся традиции с терминологией в литературе.

Погребальная практика племен МНО породила яркий феномен большого кургана со сложной земляной и каменной архитектурой. Какие здесь могут быть еще открытия – трудно предугадать, как и в отношении поселенческих комплексов. Все это призывает к осторожности в исследовании и к строгости в выводах. Наши рассуждения, как мне кажется, должны идти «от материала», быть направленными на систематизацию массовых источников, а также на осмысление редких или уникальных изделий с применением различных методов извлечения информации. Большую роль сейчас приобретает методический аспект исследования разных проблем «майкоповедения».

Главная задача здесь определить грань, отделяющую научное знание от недостаточно аргументированных идей, плохо обоснованных суждений или просто вымысла. Поэтому такое большое внимание уделяется в данной статье критическому обзору публикаций и дискуссиям по разным темам понимания майкопской культуры. При этом совершенно ясно, что развитие научного знания, – это процесс, в котором никто не застрахован от ошибок, описок или оговорок, пересмотра прежних позиций под влиянием новых фактов и методов их анализа[1]. Только в таком случае мы сможем двигаться дальше по обобщению данных по майкопской культуре, увеличивая археологические источники и совершенствуя методы их обработки.

Комментарии

Характеристика круговой керамики МНО. В статье 2004 года А.Д. Резепкин пишет о том, что я неверно трактую наличие следов поворотного столика на майкопских сосудах с круглым дном. По его мнению, только плоскодонная керамика майкопской культуры изготовлялась при помощи механических устройств, а круглодонная нет, так как следы заглаживания поверхности сосуда вручную травой могут иметь тот же вид, что и следы заглаживания и правки формы сосуда, сделанные при помощи механических приспособлений (Резепкин, 2004. С. 102). Я не согласен с этим по следующим причинам. Следы в виде горизонтальных, строго параллельных тонких полосок на венчиках майкопских круглодонных сосудов легко отличимы от ручного заглаживания травой, которое не может дать такой строгой геометрии ровных параллельных линий.

След от вращающейся подставки сохраняется на плоском дне, когда заготовку обрабатывали на поворотном устройстве, ставя ее на дно. А вот форму тулова сосуда с круглым дном без венчиковой части мастера керамисты сначала формировали снизу со дна вручную, потом ставили ее в подставку на вращающемся механическом устройстве. Затем доводили верх сосуда. При этом венчик делали отдельно. Об этом документально свидетельствует этнография гончаров Филиппин (Leeuw, 1993. P. 9: 7). Следы такого прикрепления заметны у многих сосудов, как и следы от механического вращения венчиков. Поэтому наш вывод о том, что раннемайкопская круговая керамика 1 класса

[1] Пользуюсь случаем отметить опечатку в своей работе 2004 года (Кореневский, 2004). В таблице по раннемайкопским кинжалам написано: Сунженский мог., к. 1 п. 13. Следует читать Сунженский мог., к. 3 п. 1 (Кореневский, 2004. С. 127).

без минеральных примесей изготовлялась ленточным способом и потом дорабатывалась при помощи круговых устройств, остается в силе.

Характеристика сосуда с «носиком» из Новосвободной А.Д. Резепкин рассматривает сосуд с «носиком», направленным вниз (рис. 6: 9) из Новосвободненской гробницы, как «чайник» и считает неверной мою версию о том, что это часть сдвоенного сосуда (Резепкин, 2004. С. 102, 103). Уточняю свой тезис. Интересующий нас сосуд (рис. 6: 10) был осмотрен мной в фондах ГИМа (сосуд ГИМ №42405) (рис. 5: 13). Рассматриваемый горшок имеет алый цвет поверхности, вероятно, он натерт охрой. Выступ на боку обломан, сохранившаяся часть позволяет предполагать его направление вниз. Его диаметр 40 мм. Диаметр отверстия в нем 5–6 мм. Это явно не «чайник», поскольку у подлинных чайников носик всегда повернут вверх (рис. 6: 7, 8). Чайников с носиком, направленным вниз, просто не бывает. И с таким узким отверстием в носике чайников просто нет. Следовательно, предположение, что перед нами остаток сдвоенного сосуда майкопской культуры, оправдано. Хотя, как было устроено скрепление его частей, можно лишь гадать. Рассматриваемый сосуд из Новосвободной украшен четырьмя рядами елочек по плечику. Это типичная вещь новосвободненской группы, сделанная на свой лад в ближневосточных традициях майкопской культуры. Такой аргумент лишний раз доказывает, что в формирование поздней «классической новосвободненской группы» внесли свой вклад более ранние ближневосточные традиции майкопской культуры.

Сосуд из впускного погребения в кургане Верхний Акбаш. А.Д. Резепкин считает орнамент на этом сосуде пролощенным, а не прочерченным, как пишем мы с А.О. Наглером (Кореневский, Наглер, 1987). Упоминание «прочерченного» дизайна этого горшочка было связано с интерпретацией его рисунка по публикации В.И. Марковина (Резепкин, 2003. Рис. 2: 3). Сейчас рассматриваемый сосудик выставлен в витрине ГИМа. Орнамент на его охристом тулове со следами эрозии на поверхности вообще незаметен, поэтому я бы не стал обсуждать манеру его нанесения, так как сам факт украшения рассматриваемого горшочка проблематичен. Упоминая рассматриваемый сосуд, М.Б. Рысин пишет (Рысин, 2007. С. 192) о том, что на основании аналогий по сетчатому орнаменту можно датировать поздний этап майкопской культуры по радиокарбонным датам трипольской культуры в период 3500–3000 до н. э. Но сетчатый орнамент — явление широко распространенное на керамике Ближнего Востока разного времени. А поздний этап майкопской культуры, в который входят новосвободненский, долинский и псекупский варианты в Прикубанье, должны определяют радиокарбонные даты из собственно майкопских памятников примерно в рамках 3600/3500 — 3000/2900 гг. до н. э. О чем уже писалось ранее (Кореневский, 2004. С. 67–70).

О стратиграфии Кладов. А.Д.Резепкин — в настоящее время основной и ведущий специалист по майкопской культуре в ИИМКе С.-Петербурга, стремящийся исследовать ее на уровне поселенческих и погребальных источников в поле, а не только на уровне кабинетных схем, абстракций и тезисов докладов. Он внес крупный вклад в развитие знаний о ней своими раскопками и публикациями. Не все где точки зрения у нас совпадают. Поэтому дискуссий между нами избежать нельзя. Иногда они затягиваются. В этой связи отмечу, что, обсуждая стратиграфию могильника клады, А.Д. Резепкин, к моему удивлению, упрекает меня в том, что я ошибочно отнес комплекс погребения 26 к горизонту II Кладов, тогда как он относится к горизонту III по схеме А.Д. Резепкина (Резепкин, 2004. С. 106). Это недоразумение. Я в работе 2004 года вовсе не стремился распределять комплексы Кладов по горизонтам А.Д. Резепкина. А только отобразил наглядно, какой комплекс конкретно какое захоронение перекрывает по так называемым ярусам. Я счел целесообразным это сделать, поскольку читателю надо было показать, о чем может идти речь, когда упоминается стратиграфия могильника Клады (Кореневский, 2004. С. 225–230).

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский могильник. Куйбышев.

Александровский А.Л., Белинский А.Б., Калмыков А.А., Кореневский С.Н., 2001. Первые сведения о палеоклимате эпохи раннего и среднего бронзового века в степном Ставрополье по данным Большого Ипатовского кургана и их значение для реконструкции истории климата и ландшафтов степей в голоцене // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палиоклиматология. М.

Алиев Намик Гасан Оглы, 1991. Позднеэнеолитические памятники Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Алиев Намик, Нариманов Идеал, 2001. Культура северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку.

Ахундов Т.И., 2005. Материалы к изучению Переднеазиатской миграции на Кавказ // Археология, этнология, фольклористика Кавказа: международная научная конференция, посвященная памяти член-корреспондента НАН Азербайджана, д.и.н. профессора А.А. Аббасова. Баку.

Ахундов Т.И., 2007. О связях майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком // Археология, этнография и фольклеристика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала.

Бессонова Е.Б., Ростунов В.Л., 2007. Об индоевропейском компоненте в позднемайкопском погребальном обряде // Вестник Дагестанского научного центра. Вып. 23. Махачкала.

Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108.

Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы IV– II тысячелетия до н. э. М.

Бурков С.Б., Ростунов В.Л., 2004. Погребения эпохи бронзы из кургана № 1 у с. Арчхой Мартан // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир.

Глонти Л.И., Джавахишвили А.И., 1987. Новое данные о многослойном памятнике эпохи энеолита поздней бронзы в Шида Картли – Бериклдееби // КСИА. Вып. 192.

Грушин С.П. Тюрина Е.А., Хаврин С.В., 2006. Древнейший металл Южной Сибири // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул.

Джапаридзе О.М., 1992. Археология Грузии. Т. II: Грузия в эпоху энеолита и ранней бронзы. Тбилиси.

Житников В.Г., 2000. Раскопки курганов могильника «Вертолетное поле» в Ростове-на-Дону // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов.

Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., 2004. Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник. СПб.

Иессен А.А., 1950. К хронологии больших кубанских курганов // СА. XII.

Калмыков А.А., Кореневский С.Н., 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. II. М.

Кипиани Гурам, 1997. Бериклдееби // Вестник Государственного музея Грузии им акад. А.Н. Джавахишвили. Вып. XLIIB. Тбилиси. С. 13–41.

Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193.

Кореневский С.Н., 1974. О металлических топорах майкопской культуры // СА. № 3.

Кореневский С.Н., 1984. Новые данные о металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Кореневский С.Н., 1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Кореневский С.Н., 1989. Некоторые проблемы изучения майкопской культуры // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М.

Кореневский С.Н., 1990. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА. № 4.

Кореневский С.Н., 1991. К вопросу о Майкопе на среднем Тереке // Майкопский феномен в древней истории Северного Кавказа и Восточной Европы. Л.

Кореневский С.Н., 1992а. Был ли у майкопской культуры транспорт // Исследования по археологии на юге Восточной Европы. Элиста.

Кореневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.

Кореневский С.Н., 1994. Общие черты предмайкопского периода в Предкавказье // XVIII Крупновские чтения. Кисловодск.

Кореневский С.Н., 1995. Галюгай 1 – поселение майкопской культуры. М.

Кореневский С.Н., 1999. Знаковая керамика Кавказа эпохи энеолита и ранней бронзы // Древности Северного Кавказа. М.

Кореневский С.Н., 2001. Палеосреда и динамика хозяйственно-культурного типа археологических культур в предгорно-степной зоне Северного Кавказа в эпоху энеолита – раннего бронзового века по материалам западного и центрального Предкавказья: (к постановке проблемы) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.

Кореневский С.Н., 2002. Rec.: [Rezepkin A.D., 2000.] Das frühbronzezeitlicht Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Bd. 10. Rahden/Westf: Veriag Marie Leindorf // Российская археология. № 4.

Кореневский С.Н., 2003. Новые сведения о погребениях майкопской культуры из Кисловодской котловины // Горизонты антропологии. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н., 2004а. Рауф Магомедович Мунчаев – страницы научной биографии. Вклад в археологию энеолита и раннего бронзового века Кавказа // Отечественная археология XX века: (исследователи, история исследований). Воронеж.

Кореневский С.Н., 2005. Ориентация культур древнейших земледельцев и скотоводов эпох энеолита – раннего бронзового века Кавказа и Подунавья в системе схемы Блитта-Сернандера // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала.

Кореневский С.Н., 2005а. Феномен больших майкопских курганов – социально-трудовой и культовый аспекты строительства // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии / ред. В.И. Гуляев. М.

Кореневский С.Н., 2005б. Северная, кумо-манычская периферия майкопско-новосвободненской общности // IV Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Кореневский С.Н., 2006. Радиокарбонные даты древнейших курганов Юга Восточной Европы и энеолитического блока памятников Замок–Мешоко–Свободное // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара.

Кореневский С.Н., 2006а. Динамика культур ранних земледельцев и скотоводов юго-запада Восточной Европы и Кавказа в свете схемы Блитта-Сернандера в середине атлантического периода и в начале суббореального периода голоцена Нальчик // XXIV Крупновские чтения. Ставрополь; Нальчик.

Кореневский С.Н., Петренко В.Г., 1982. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // СА. № 2.

Кореневский С.Н., Наглер А.О., 1987. Некоторые вопросы изучения энеолита центрального Предкавказья и Моздокских степей // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2003. Новые данные о курганах эпохи энеолита и раннего бронзового века севера степного Предкавказья // Чтения, посвященные 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее Василия Алексеевича Городцова: тезисы конференции. М.

Кореневский С.Н., Днепровский К.А., 2003. Погребения эпохи раннего бронзового века кургана 1 могильника Уашхиту 1 в Адыгее // КСИА.

Кореневский, С.Н., Атабиев Б.Х., Батчаев В.М., 2004. Погребения майкопско-новосвободненской общности могильника Горячеводский // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2004. Древнейшие подбои и катакомбы Предкавказья // Древний Кавказ: ретроспекция культур: международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова: (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). М.

Кореневский С.Н., Ростунов В.Л., 2004. Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2006. Погребение № 195 Большого Ипатовского кургана с антропоморфной стелой // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.

Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я, Хаширокова А.Х., 2008. Майкопские погребения кургана 1 на р. Кудахурт в Балкарии // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.

Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Аккизов А.Я., Хаширокова А.Х., 2007. Новые данные о майкопской культуре из Балкарии // Археология, этнография и фольклеристика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала.

Крупнов Е.И., 1951. Древнейший период истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып.1. Нальчик.

Крупнов Е.И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.

Магомедов Р.Г., 2007. Энеолит и ранняя бронза на Северо-Западном Кавказе, проблемы хронологии, преемственности и эволюции археологических культур // Археология, этнография и фольклеристика Кавказа, 2007. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала.

Марковин В.И., 1980. К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Марковин В.И., 1990. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа: (майкопская культура) // СА. № 4.

Мерперт Н.Я., 1974. Древние скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Мунчаев Р.М., 1961. Древнейшая культура племен Северно-Восточного Кавказа. М. (МИА; № 100).

Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л., 1966. Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике // СА. № 3.

Мунчаев Р.М., 1973. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Северном Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа М.

Мунчаев Р.М., 2001. Майкоп и Месопотамия: итоги изучения и перспективы // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.

Мунчаев Р.М., 2007. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнография и фольклёристика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала.

Мусейбли Н., 2005. Позднеэнеолитические курганы Акстафинского района // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклеристика Кавказа». Баку.

Мусейбли Н., 2007. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку.

Нариманов И.Г., 1991. Об энеолите Азербайджана // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.

Нариманов И.Г., 1991а. Раннеземледельческая культура Закавказья // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». Вып. 2. М.

Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г., 2007. Лейлатепе. Баку.

Нехаев А.А., 1989. О соотношении бытовых и погребальных комплексов Закубанья // 1 Кубанская археологическая конференция. Краснодар.

Нехаев А.А., 1992. Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. Вып 1. СПб.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974. Происхождение дольменов Северо-Западного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры. Вып. VII. М.

ОАК за 1897 г. – Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб., 1900.

ОАК за 1898 г – Отчет Императорской археологической комиссии за 1898 г. СПб., 1901.

Осташинский С.М., 2004. Наконечники стрел и дротиков поселения Мешоко: (вопросы классификации и стратиграфии) // Невский археолого-историографический сборник. СПб.

Пиотровский Ю.Ю., 1998. Периодизация ювелирных изделий в циркумпонтийской провинции (энеолит – ранняя бронза) // Шлиман, Петербург, Троя. СПб.

Поплевко Г.Н., 2005. К методике определения орудий из кости и рога (проколки лощила) // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар.

Резепкин А.Д., 1989. Северо-западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Резепкин А.Д., 1991а. Проблема генезиса майкопской культуры // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси.

Резепкин А.Д., 1991б. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Северного Кавказа и Восточной Европы. Л.

Резепкин А.Д., 2000. Керамические комплексы поселений Хаджох, Скала, Ясеновая Поляна // Судьба ученого: к 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб.

Резепкин А.Д., 2001. Майкоп – Новосвободная. Этапы или культуры? // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар; Анапа.

Резепкин А.Д., 2003. Керамика майкопской культуры с лощеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 3.

Резепкин А.Д., 2004. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар.

Резепкин А.Д., 2004а. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель: сборник статей, посвященный 70-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.

Резепкин А.Д., 2005. Энеолитическое поселение Мешоко // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.

Резепкин А.Д., 2006. Металл майкопской культуры // Первая Абхазская археологическая конференция. Сухуми.

Резепкин А.Д., Лионе Бертиль, 2007. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани // Revista Arheologică. Seria noua. Vol. III, N 1–2. Chişinav.

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н., 2006. Поселение Пхагуапе // Liber Archaeologicae. Краснодар.

Ростунов В.Л., 2004. К вопросу о приемах сооружения и семантике «больших майкопских курганов» центрального Кавказа: (по данным кургана № 3 у с. Брут) // Материалы и исследования по Северного Кавказа Вып. 3. Армавир.

Ростунов В.Л., 2004а. Некоторые данные об архитектурных приемах и математических навыках майкопских племен на центральном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир.

Ростунов В.Л., 2004б. Природно-климатические условия и заселение горной зоны центрального Кавказа в эпоху энеолита-средней бронзы // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир.

Ростунов В.Л., Танаева Б.Г., 2004. О промайкопском компоненте в энеолитической керамике из слоя 3 пещернойстоянки Мыштулагты-лагат // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир.

Ростунов В.Л., 2005. К вопросу о семантике «больших майкопских курганов» центрального Кавказа (по данным кургана 3 у с. Брут в Северной Осетии) // Структурно-семиотический сборник исследований в археологии. Донецк.

Ростунов В.Л., 2005а. О культовой и социальной роли интерпретации некоторых сюжетов из новосвободненских гробниц могильника «Клады» //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир.

Ростунов В.Л., 2005б. К вопросу о переходном периоде от энеолита к ранней бронзе в горной и предгорной зонах Центрального Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. Армавир.

Рындина Н.В., 2005. Возможности металлографии в изучении древних изделий из меди и ее сплавов (эпоха раннего металла) //Археология и естественные науки. М.

Рысин М.Б., 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. Вып. 14. СПб.

Селимханов И.Р., 1960. Историко-химическое и аналитическое исследование древних предметов из медных сплавов. Баку.

Сендер У.Т., [2003]. Центральна Америка // История человечества. М. Т. III.: VII век до н. э. — VII век н. э. / под ред. Й. Харманн, Э. Цюхлер. Гл. 29, [§] 1–2.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кореневский С.Н, Ростунов В.Л., 2001. Сравнительный анализ природной среды времени существования майкопской культуры в центральном Предкавказье (Ставропольский край, Северная Осетия — Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 2: Археология, антропология, палиоклиматология. М.

Столяр А.Д., 2004. Исследования энеолитической крепости Мешоко (Краснодарский край) // Невский археолого-историографический сборник. СПб.

Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В., 2001. Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита азово-черноморского региона. Луганск.

Торосян Р.М., 1976. Раннеземледельческое поселение Техута IV тыс. до н. э. // Археологические раскопки в Армении. Ереван.

Трифонов В.А., 1987. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА. Вып. 192.

Трифонов В.А., 1990. Гуамский грот — новый многослойный памятник на северо-западном Кавказе // Древние памятники Кубани. Краснодар.

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.

Трифонов В.А., 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб.

Трифонов В.А., 1998. Переднеазиатские прототипы майкопских изображений львов: стиль и хронология // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.

Трифонов В.А., 2000. Курганы майкопского типа в северо-западном Иране. Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: сборник материалов. СПб.

Фармаковский Б.В., 1914. Архаический период в России // МАР. Вып. 34. СПб.

Формозов А.А., 1961. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой в Краснодарском крае // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Вып. II. Майкоп.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Формозов А.А., 1994. О периодизации энеолитических поселений Прикубанья // РА. № 4.

Черкасов А.Н., 2005. Еще раз об изображениях на металлических сосудах Большого Майкопского кургана // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 3. Армавир.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2007. Радиоуглеродная хронология майкопской археологической общности // Археология, этнография и фольклеристика Кавказа. Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Махачкала.

Шилов В.П., 1982. Топор майкопской культуры в Калмыкии // СА. № 1.

Шишлина Н.И., Плихт Й. ван дер, Зазовская Э.П., Севастьянова В.С., Чичагова О.А., 2006. К вопросу о радиоуглеродном возрасте энеолитических культур Евразийской степи // Вопросы археологии Поволжья Вып. 4. Самара. С. 135–140.

Шишлина Н.И., 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н.э.). М. Труды ГИМ. Вып. 165.

Шлиман, Петербург, Троя. 1998. СПб.

Эрдниев У.Э., 1982. Курган древнеямной культуры в Калмыкии // СА. № 1.

Akhundov T., 2004. Southern Caucasus in the Neolithic and Early Bronze Age. The Question of Epoches and Peroids //A view from the Highland: Archaeological studies in Honor of Charles Burney / ed. by Antonio Sagona. (Ancient Near East Studies. Supplement 12).

Buren, 1939. – Van Buren E. Duoglas, 1939. The Fauna of Ancient Mesopotamia as represented in Art. Roma.

Caneva C., Palmieri A., 1983. Metalwork at Arslantepe in Late Chalcolithic and Early Bronze I: The evidence from Metal Analisis // Origini. Pt. XII. Roma.

Casanova M., 1989. The sources of the Lapis – Lazuli Found in Iran. In: South Asian Archaeology / ed. by Catherine Jarrige. Madison, Wiskonsin. P. 49–59

Child H., 1936. The Axe from Maikop and Caucasian Metallurgy // Annals of Archaeology and Antropology. Vol. 23. Liverpool.

Deshayes J., 1973. La date des tumulus de Sé Girdan // Iran. London. Vol. XI.

Djavaxisvili Aleksandre, 1998. Ausgrabungen in Berikldeebi (Sida Kartli). 1998 // Georgica. Zeitschrift fur Kultur Sprache und Geschicte und Kaukasiens. N 21 Jahrgang. S. 5–20.

Dyson R.H., 1965. Problems in the Relative Chronology of Iran 6000–2000 DC // Chronology in Old World archaeology. London.

Gimbutas M., 1956. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge.

Gimbutas Maria, 1989. The Language of the Goddess. San Francisco. Harper and Row.

Frangipane M., 2000. The Late Chalcolithic. EBI Sequence at Arslantepe. Chronological and Cultural Remarks from a Frontier site // Chronologies des Pays du Caucase et de L'Euphrate Aux IV–III milleinaires. Paris

Frangipane et al., 2001 – Frangipane M., Nocera G.M. di, Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A.,, Sadori L., Schultz M. and Schmidt-Schultz T., 2001. New Symbols of New Power A Royal Tomb from 3 000 BC Arslantepe. Malatya (Turkey) // Paleorient. Vol. 27/2. P. 105–139.

Hauptmann Andreas, Palmieri Alberto, 2000. Metal Production in the Eastern Mediterrane at the transition of the 4th/3rd millennium: Case Studies from Arslantepe //Anatolian Metal I. Bochum.

Herrman G., 1968, Lapis lazuli. The Early Phasis of its trade // Iraq. XXX. P. 21–61.

Leeuw Sander van der, 1993. Giving The Potter a Choice // Technological Choies. Transformation in Material Culture since Neolithic. London; New York.

Von Rossen Lissie, 1990. Lapis Lazuli in archaeological contexts // Studies in Meditterranien archaeology. Pocket-book 93. Paul Âströms förtag Jonsered. Goterna, Kungolv.

Moortgart Anton, 1967. Die Kunst des Alten Mesopotamia. Köln.

Muscarella O.M., 1969. The Tumuli at Sé Girdan // Metropolitan Museum Jornal. Vol. 2.

Muscarella O.M., 1971. The tumuli at Sé Girdan: Second Report // Metropolitan Museum Jornal. Vol. 4.

Porada E., 1965. The Relative Chronology of Mesopotamia // Chronology in Old World archaeology. London.

Ravich I.G., Ryndina N.V., 1995. Early Copper-Arsenic Alloys and the Problems of their Use in the Bronze Age of the North Caucasus // Bulletin of the Metals Museum. Vol. 23. Tokio.

Rezepkin A.D., 2000. Das frühbronzezeitlicht Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Rahden. Westf. (Archäologie in Eurasien; 10).

Rostovzev M., 1920. The Sumerien Treasure of Astrabad // The Journal of Egyptan Archaeology. Vol. VI. London.

Tosi M., 1974. The Lapis Lazuli Trade across Iranian Plateu in the 3rd Millenium B.C. // Gururâjamañjarikâ: Studi in onore Giuseppe Tucci. Vol. I. Napoli.

Trifonov V.A., 2004. Die Maikop–kultur und die ersten Wagen in der südrissishen Steppe // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Orient und Europa. Mainz am Rhein.

Voigt M., 1987. Relative and Absolute Chrologies for Iran between 6500 and 3500 Cal BC // Chronologies du Proche Orient. Chronologies in the Near East. Relative Chronologies and Absolute Chronology 16,000–4,000 B.P. (BAR. Series 379).

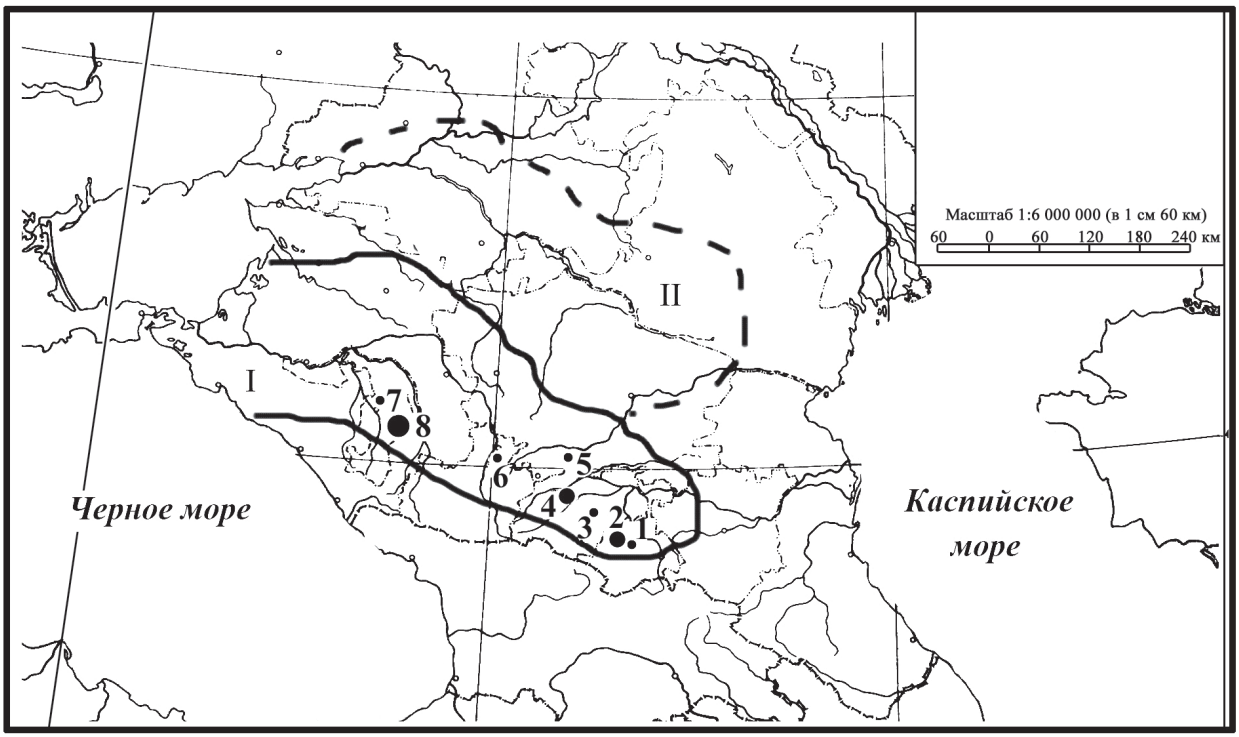

Рис. 1. Ареал майкопско-новосвободненской общности (майкопской культуры):
I — основной кубано-терский ареал, II — кумо-манычская периферия.
Раскопанные «большие» курганы: 1 — один курган, 2 — два и более курганов.
1 — с. Брут; 2 — с. Заманкул; 3 — Нальчик; 4 — Кишпек; 5 — пос. Иноземцево; 6 — аул Кубина;
7 — г. Майкоп; 8 — урочище Клады у ст. Новосвободной

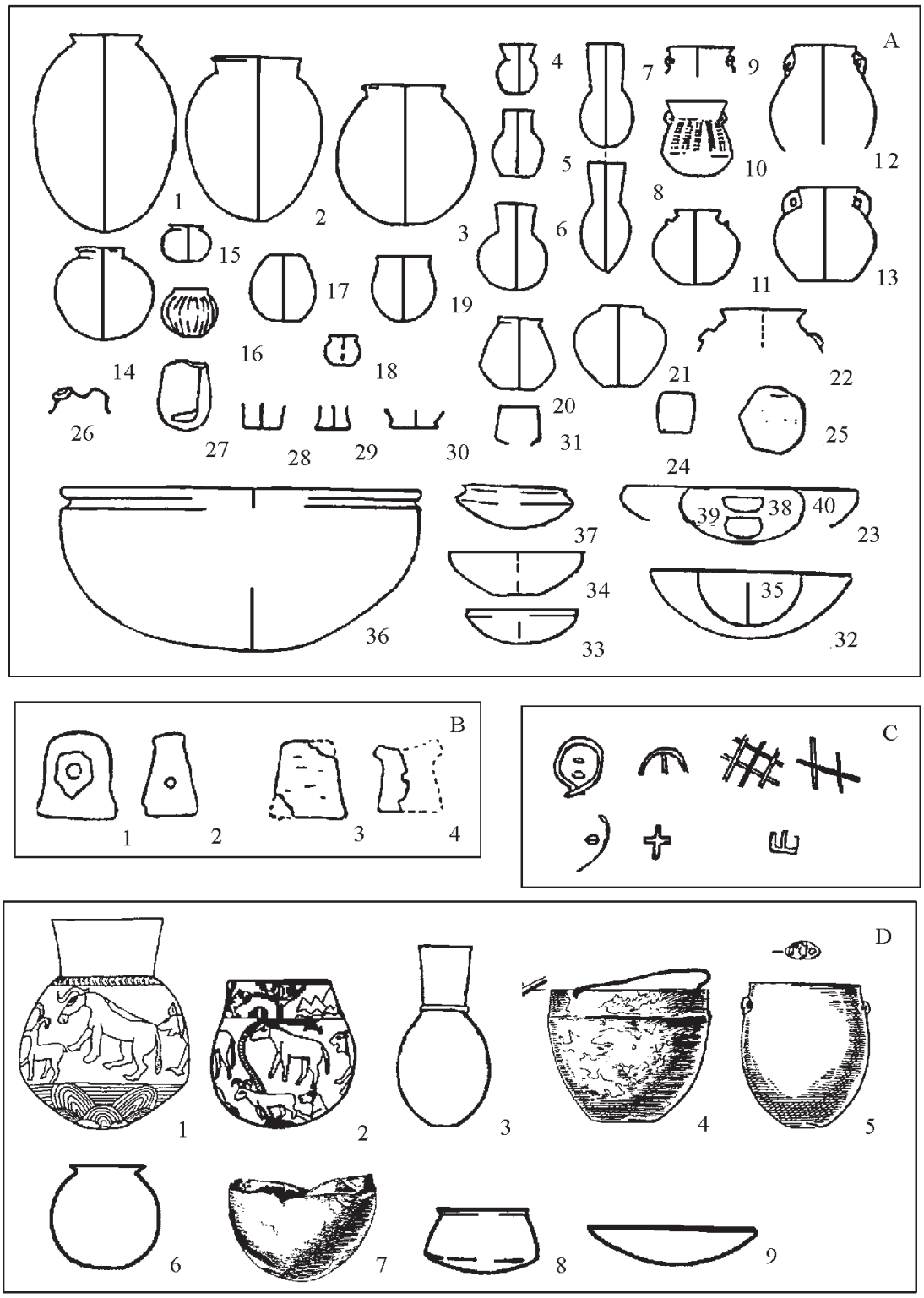

Рис. 2. Характерные предметы раннего галюгаевско-серегинского варианта майкопско-новосвободненской общности:
A — наборы круговой посуды; B — глиняные конусы, приставки к очагам; C — знаки на керамике; D — металлическая посуда Майкопского кургана (рисунки по работам Н.И. Веселовского, С.Н. Кореневского, Ю.Ю. Пиотровского)

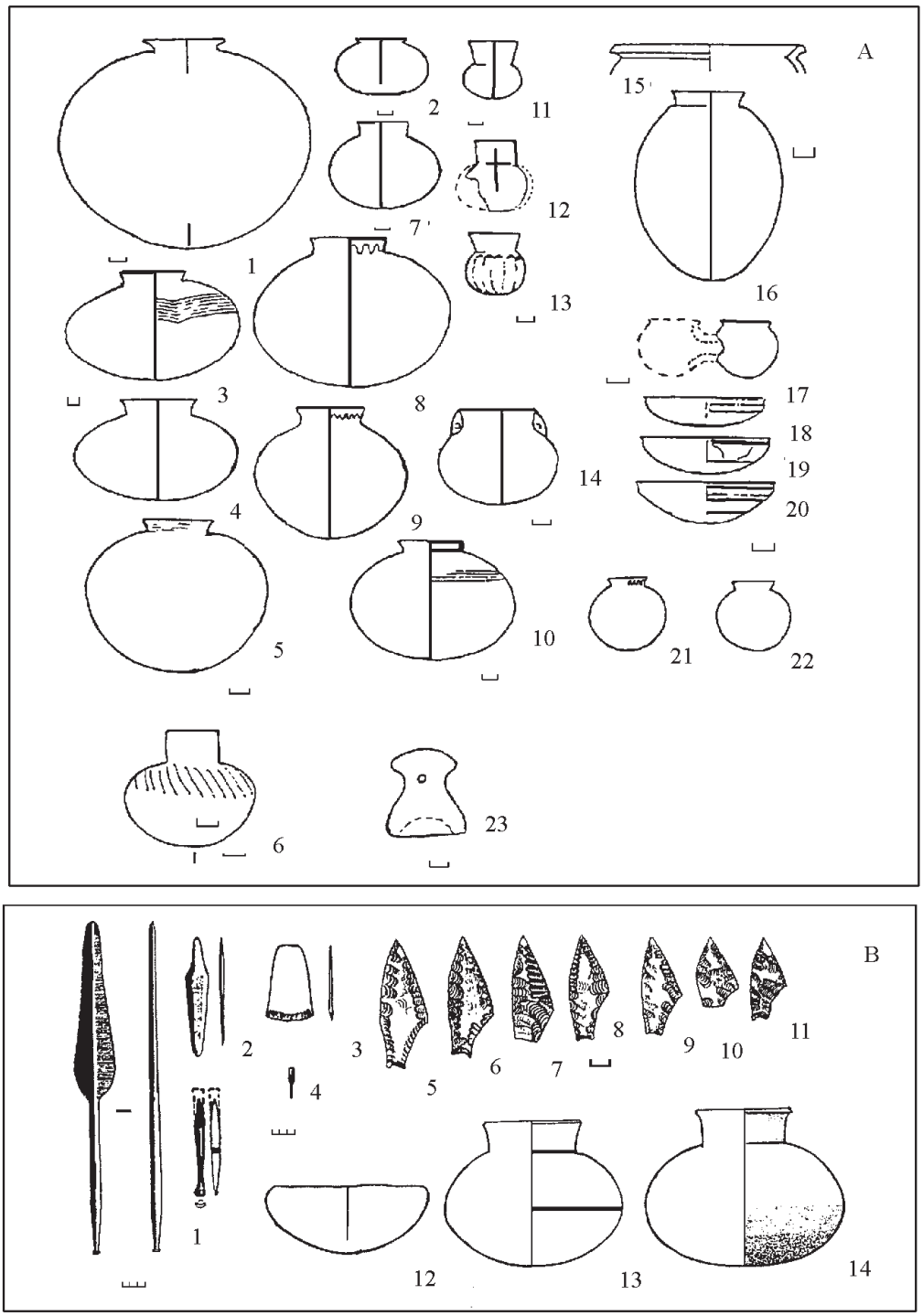

Рис. 3. Характерные предметы позднего псекупского варианта майкопско-новосвободненской общности:
А— типичная для псекупского (в основном позднего) варианта керамика с уплощенным туловом и округлым дном, (1–12, 14), лощением на венчике (21, 21), желобчатым туловом (13), глиняный конус с грибовидной головкой (23) и керамика идентичная раннемайкопской, галюгаевско-серегинской (15–20). (по работе С.Н. Кореневского);
В — комплекс погребения 2 Псекупского могильника с сосудами псекупского варианта (по работе Н.Г. Ловпаче)

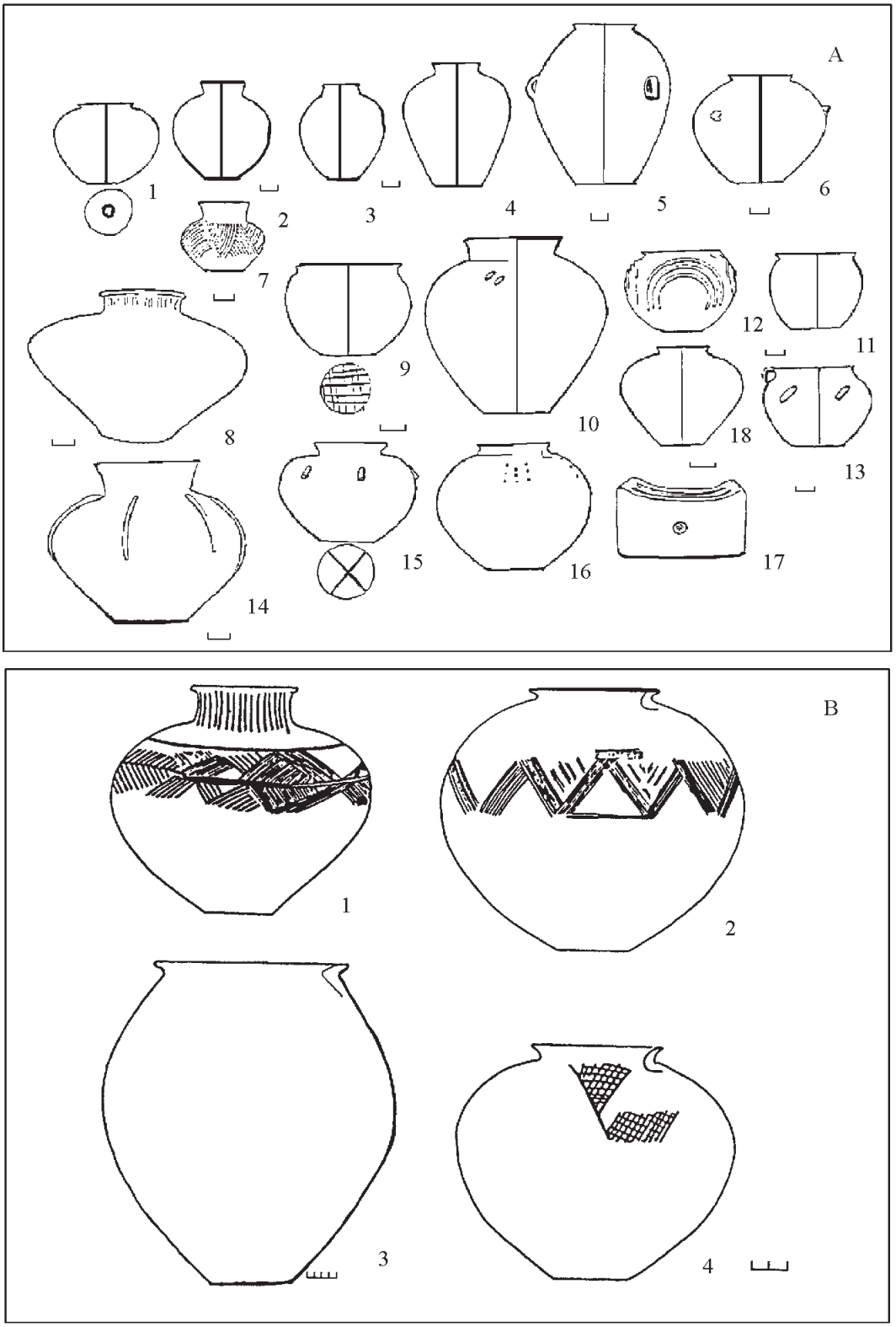

Рис. 4. Характерные предметы долинского (в основном позднего) варианта майкопско-новосвободненской общности:
А— круговые сосуды (1–16, 18), приставка к очагу (17); В — керамика погребения в Иноземцевском кургане 1976 г. (рисунки С.Н. Кореневского)

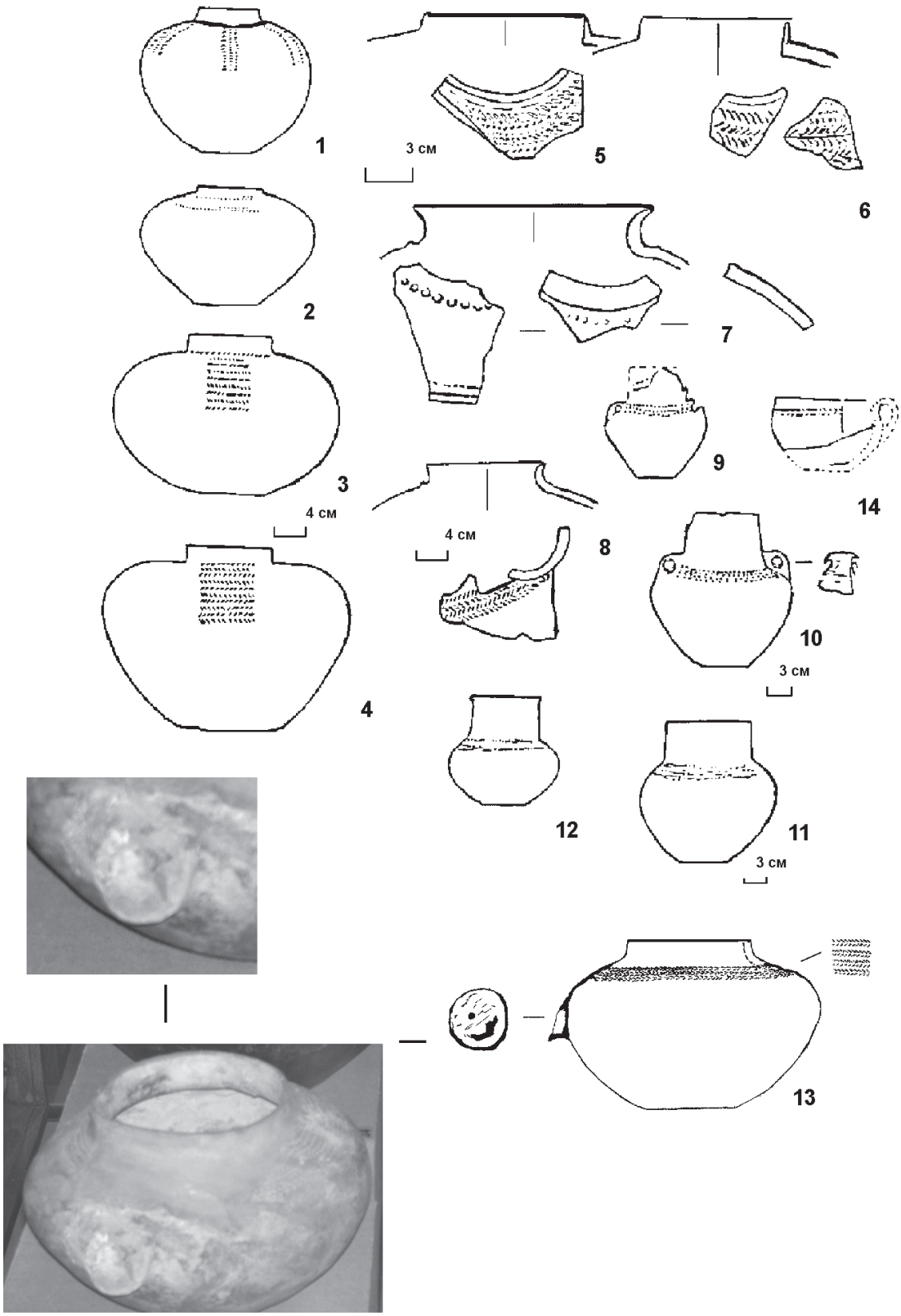

Рис. 5. Характерная керамика новосвободненского позднего варианта майкопско-новосвободненской общности (по работам Н.И. Веселовского, С.Н. Кореневского, А.Д. Резепкина, рисунки и фото С.Н. Кореневского)

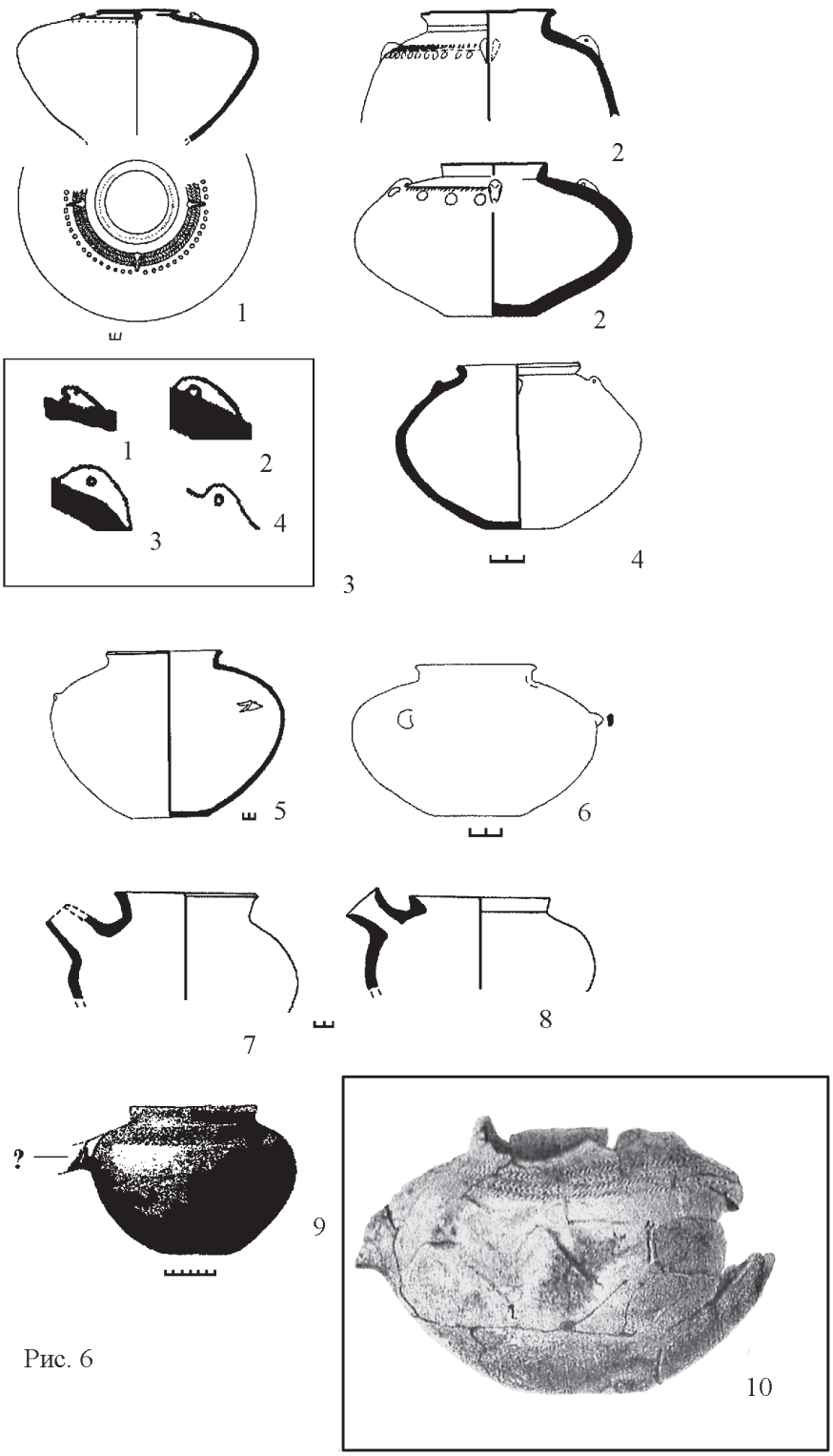

Рис. 6

Рис. 6. Урукские сосуды и керамика майкопской культуры (по А.Д. Резепкину).
Примечание. Отчетливо видна разница в конструкции тулова (угловатость) и ручек (особая форма) на урукской керамике и на майкопских сосудах:
1–3 — Телль Шейх Хасан I; 4, 7, 8 — Телль Рубейдхех; 5 — Клады
6 — с. Кишпек; 9, 10 — Новосвободная (1–9 — по А.Д. Резепкину,
10 — по Н.И. Веселовскому)

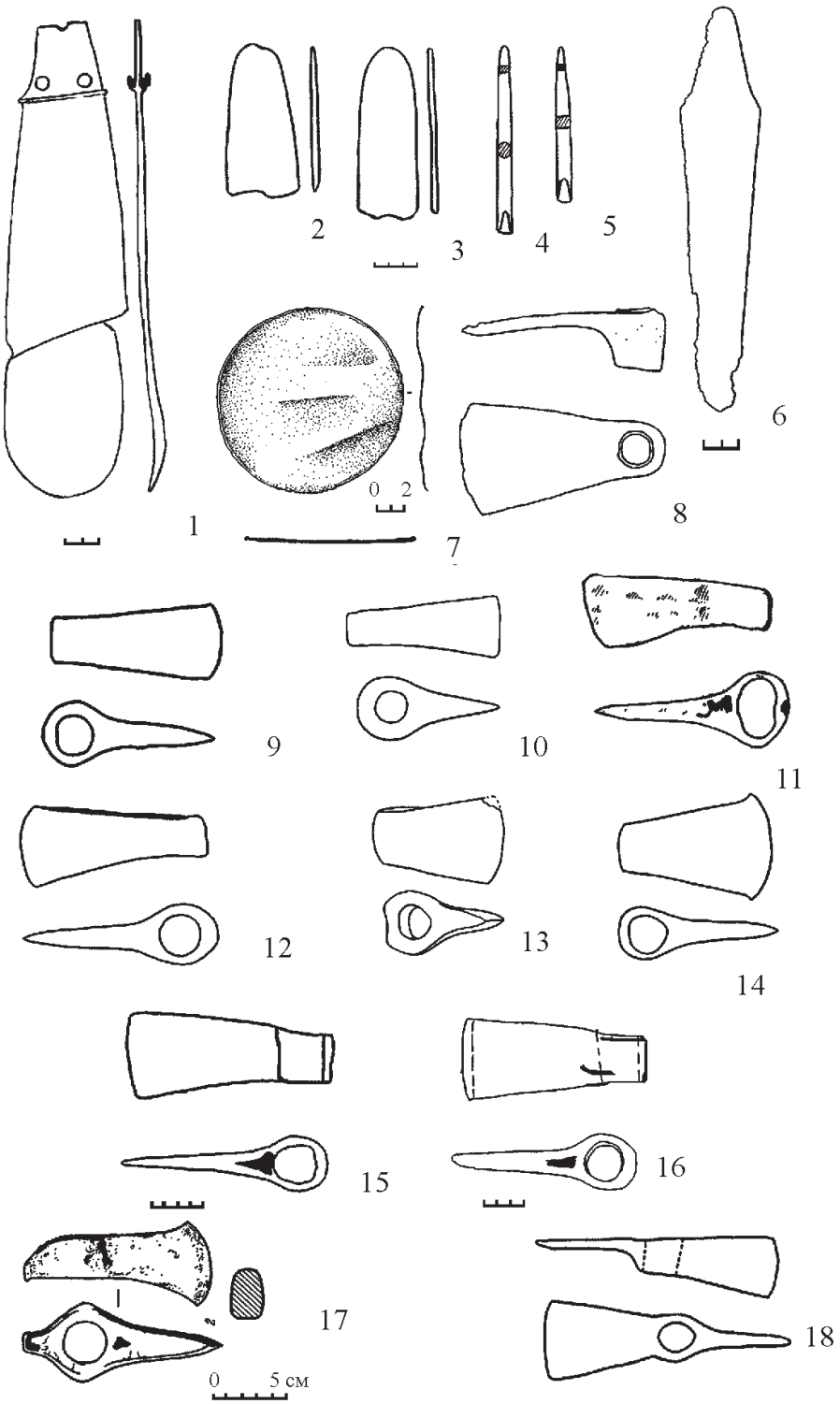

Рис. 7. Предметы раннего этапа майкопской металлообработки:
1–5, 8, 9, 18 — Майкопский курган; 6 — ст. Усть-Джегутинский могильник к. 13 о.п.; 7, — с. Кудахурт, к. 1, п. 3; 10 — Ирак; 11 — с. Хутрах (Дагестан); 12 — ст. Усть-Джегутинская; 13 — Сузы; 14 — с. Балаклава, Крым; 15 — курган 1 у с. Заманкул, п. 70; 16 — с. Безенги; 17 — с. Лечинкай, к. 7 п. 5

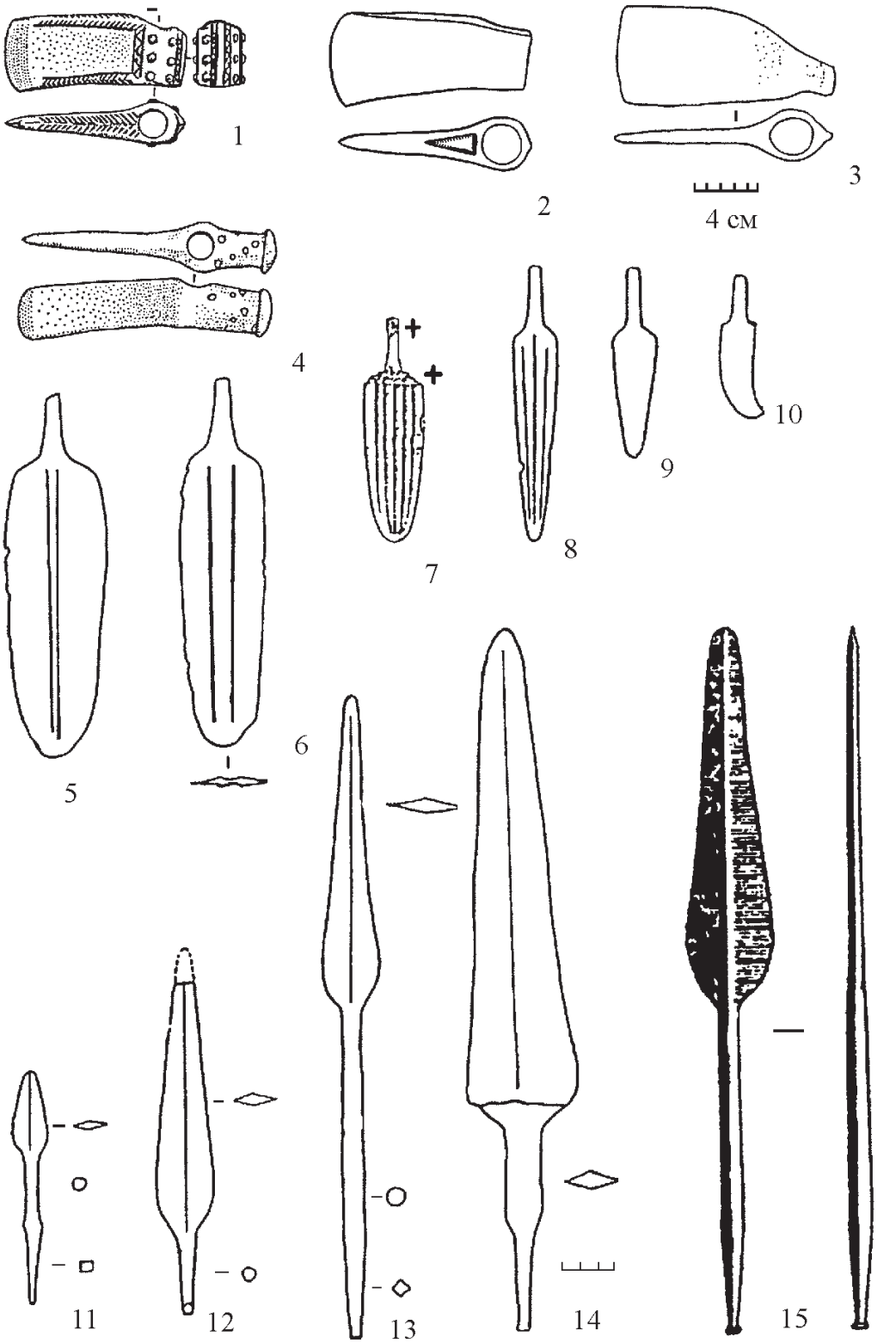

Рис. 8. Предметы позднего этапа майкопской металлообработки:
1, 4, 7 — Клады к. 31 п. 5; 2 — ст Андрюковская к.; 3, 13 — ст. Псебайская к.; 8 — Чегем II к. 5 п. 3; 9 — Костромская к. 3; 10 — ст. Махошевская; 11 — ст. Новосвободная; 12 — Армавир, с.н.; 14 — Баксан; 15 — Псекупский могильник п. 2.

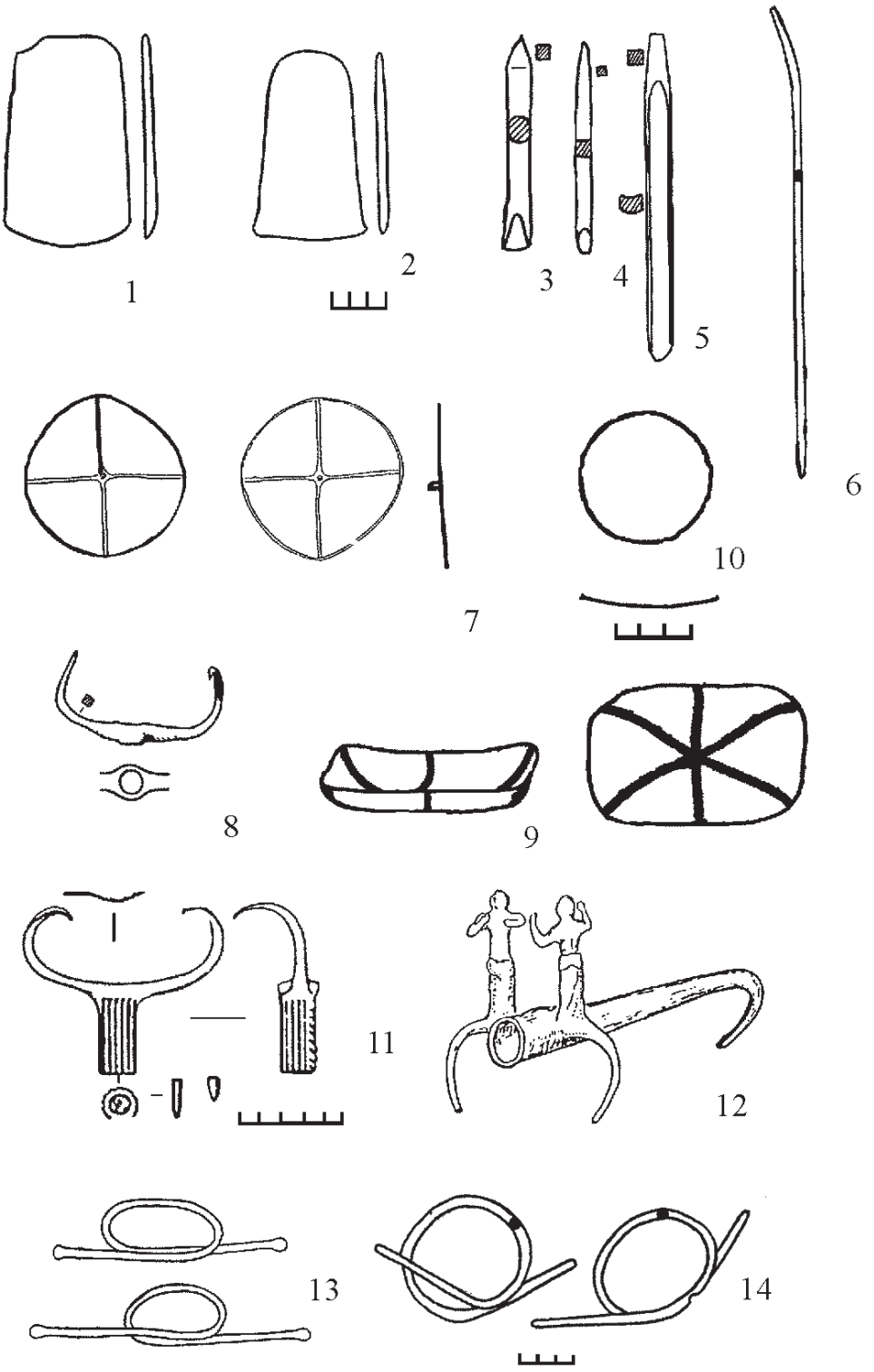

Рис. 9. Предметы позднего этапа майкопской металлообработки:
1 — Нальчикская гробница; 2 — ст. Воздвиженская к. п. 2; 3 — с. Кишпек, 1974, гробница, к. 1 п. 1; 4 — Чегем II к. 21 п. 4; 5 — с. Летницкое; 6 — Бамут к.17 к. 17 п. 6; 7, 11 — Клады к. 31 п. 5; 8 — ст. Псебайская к.; 9 — с. Кишпек, 1972, к. 1 п. 1; 10 — с. Чегем II, к. 5 п. 3; 12 — Новосвободная к. 1; 13 — Бамутский мог к. 15; 14 — Ульский аул к. 5 п. 5

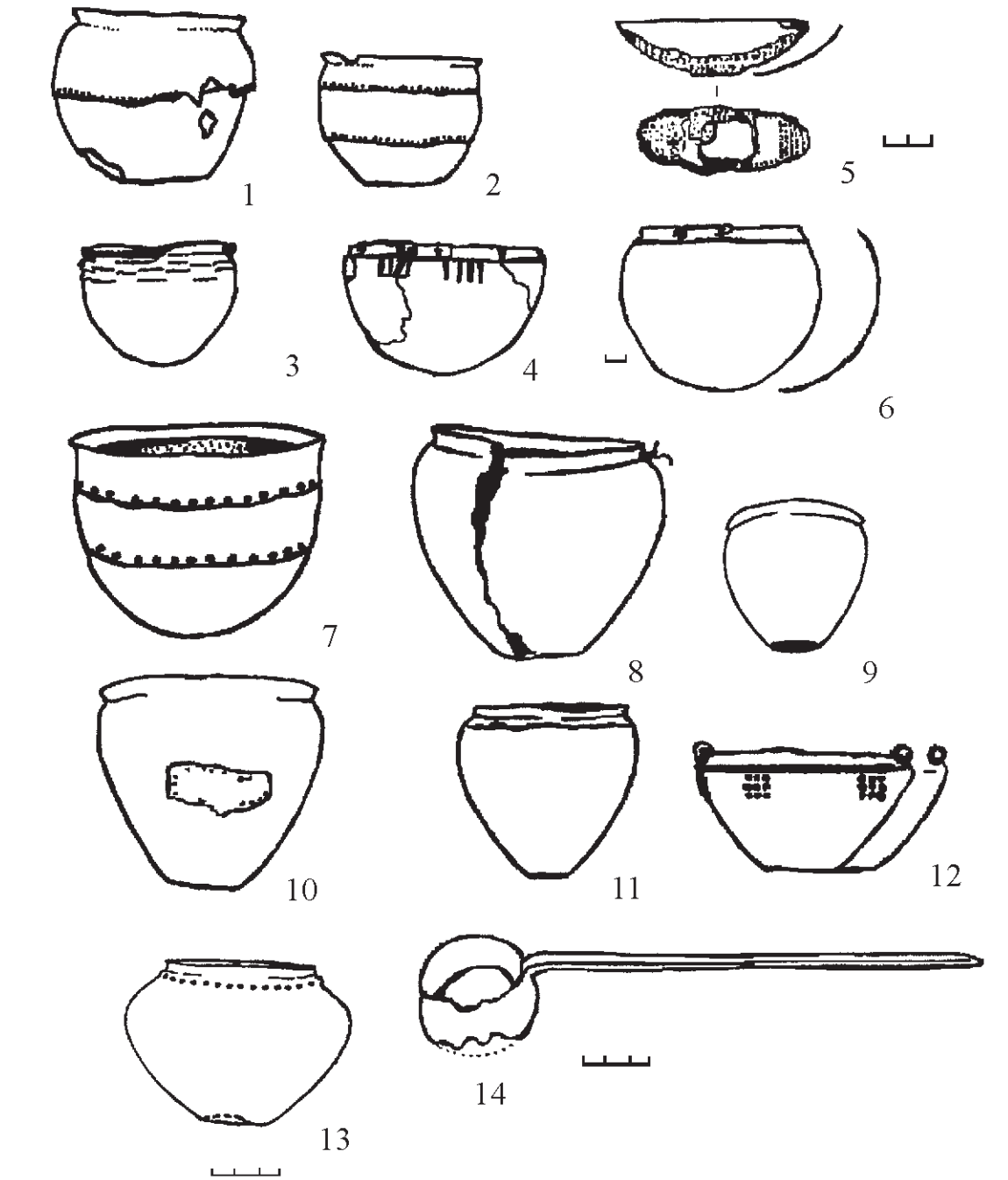

Рис. 10. Предметы позднего этапа майкопской металлообработки:
1, 2, 7 — Иноземцево, курган 1976 г.; 3 — Кубина, курган; 4 — Бамут к. 6 о.п.; 5, 12 — Клады к. 31 п. 5; 6-Клады к. 11, жертвенник; 8 — Нальчик, гробница; 9 — Бамут к. 14 о.п.; 10 — Кисловодск, Автозаправка, курган; 11 — Кишпек к. 1 п. 1; 13, 14 — Новосвободная к. 1

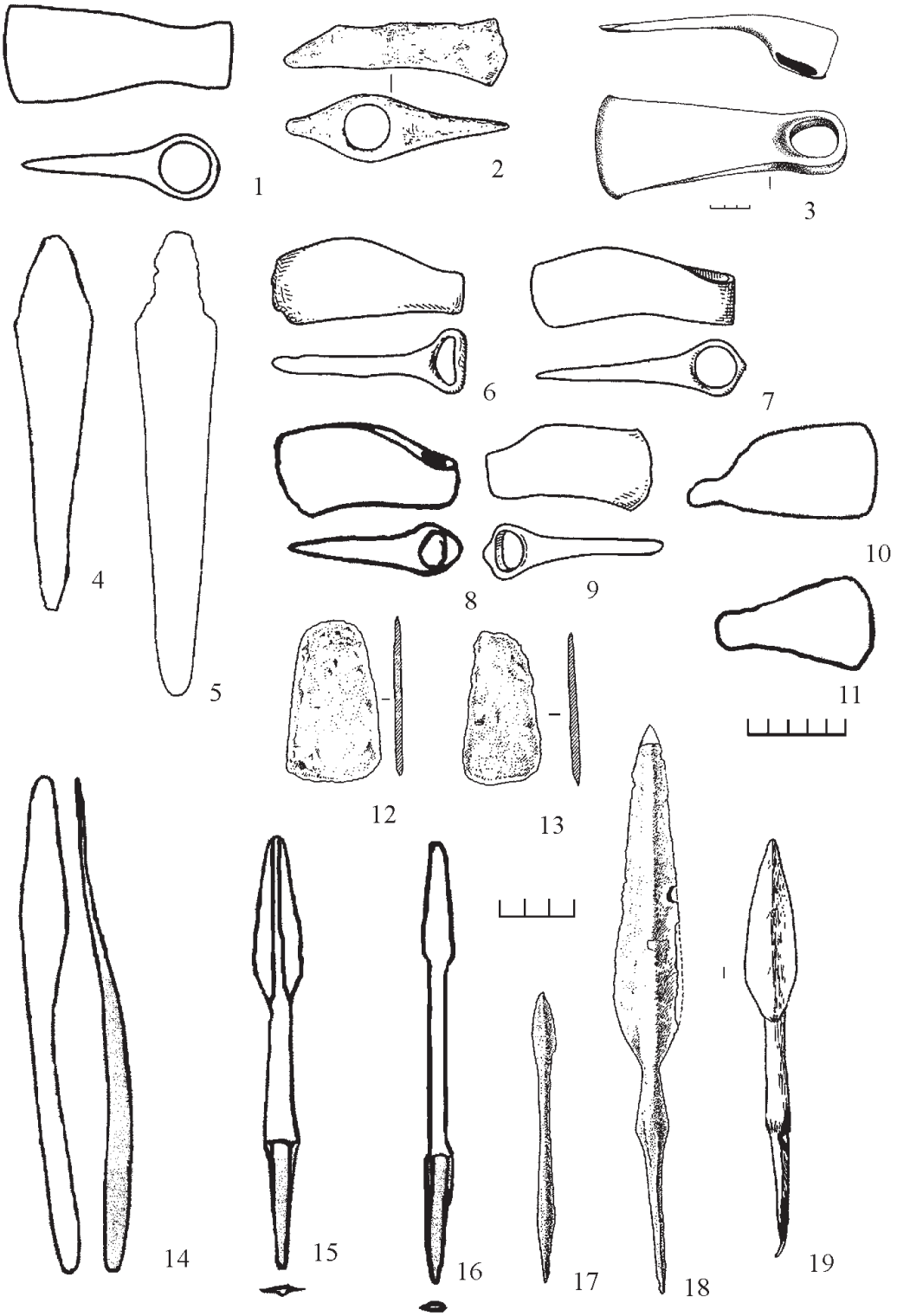

Рис. 11. Оружие и орудия раннего периода бронзового века Южного Кавказа:
1 — ЗАГЭС; 2 — с. Тианети; 3 — с. Орджошани; 4 — с. Корети; 5 — с. Союгбулаг;
6 — г. Ленинакан; 7 — с. Брдадзори; 8 — с. Ялбузи (с. Эльбрус); 9 — с. Кульбакеби;
10, 11 — Земо-Сванетия, (с. Местия); 12, 13, 17, 18 — курган Тельмана; 14 — Сванетия;
15 — Ахалцих, 16 — с. Осприси (окрестности г. Цхинвали); 19 — Чиркейское поселение

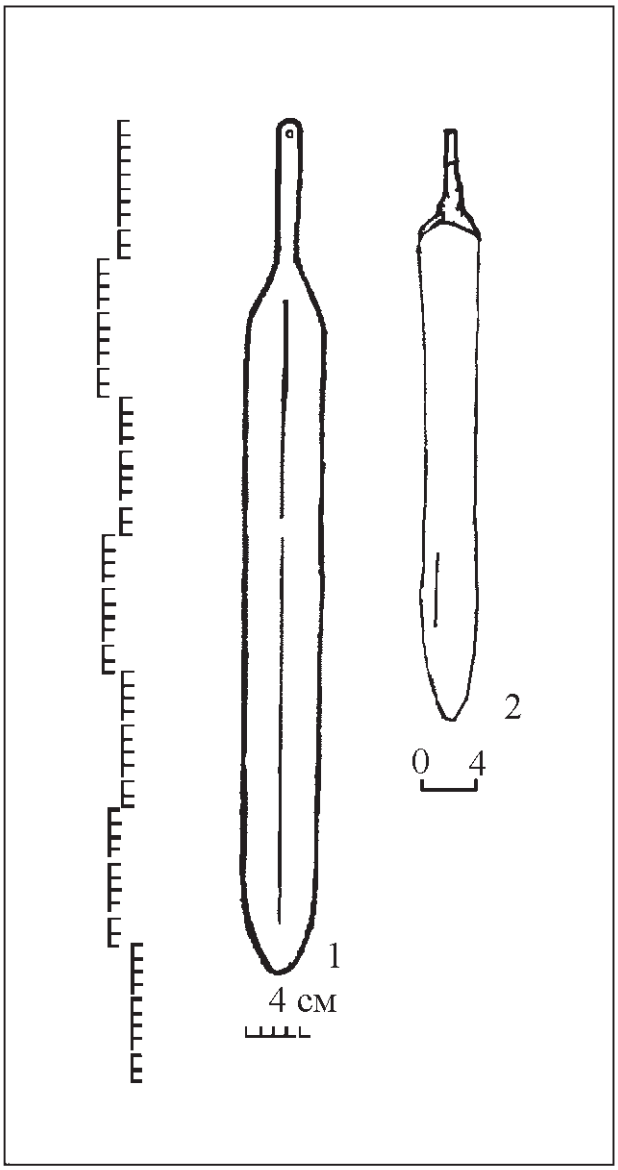

Рис. 12. Древнейшие формы бронзовых мечей:
1 — Клады к. 31 п. 5; 2 — Арслантепе, гробница Т1
(по А.Д. Резепкину и F. Frangipane et al., 2001)

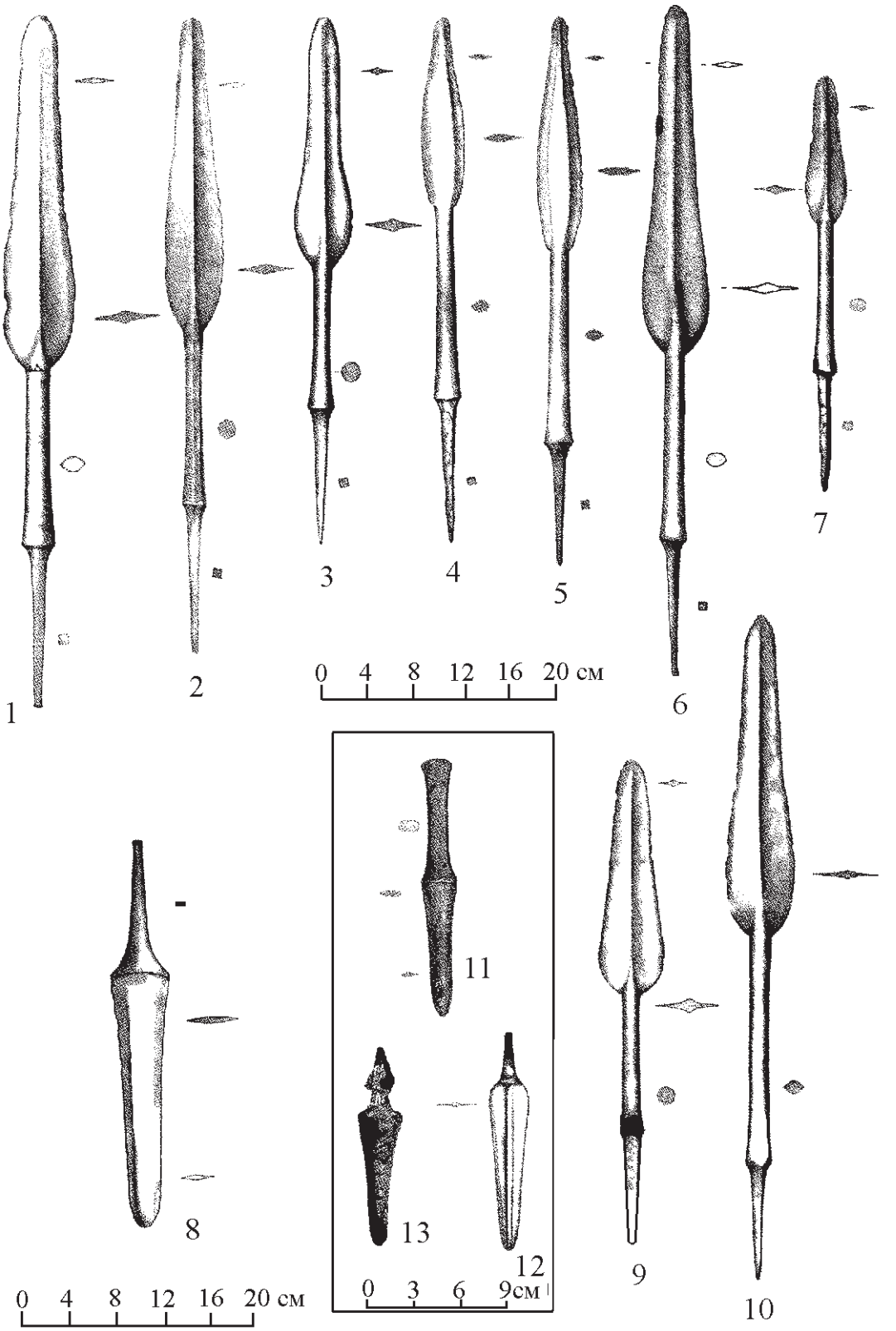
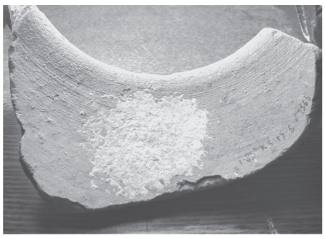
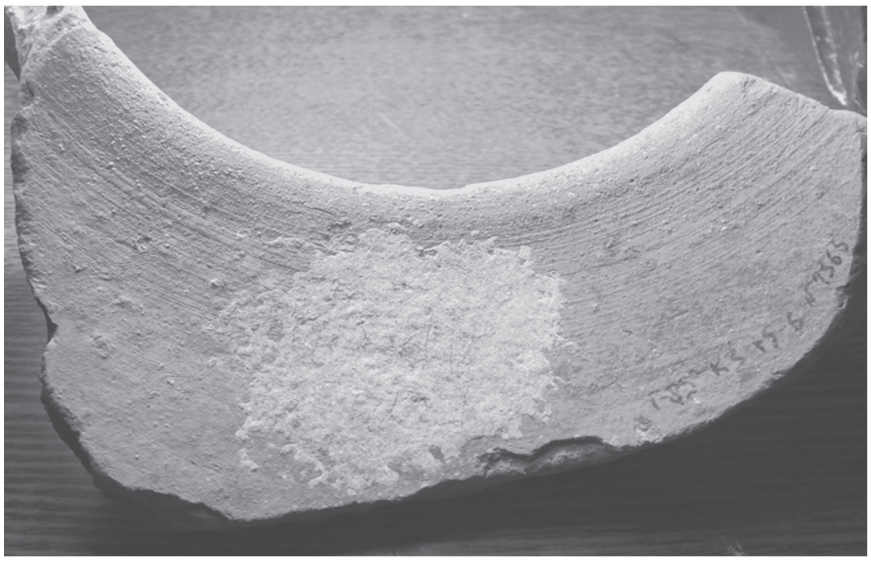

Рис. 13. Оружие из гробницы T1 Арслантепе (по F. Frangipane et al., 2001)

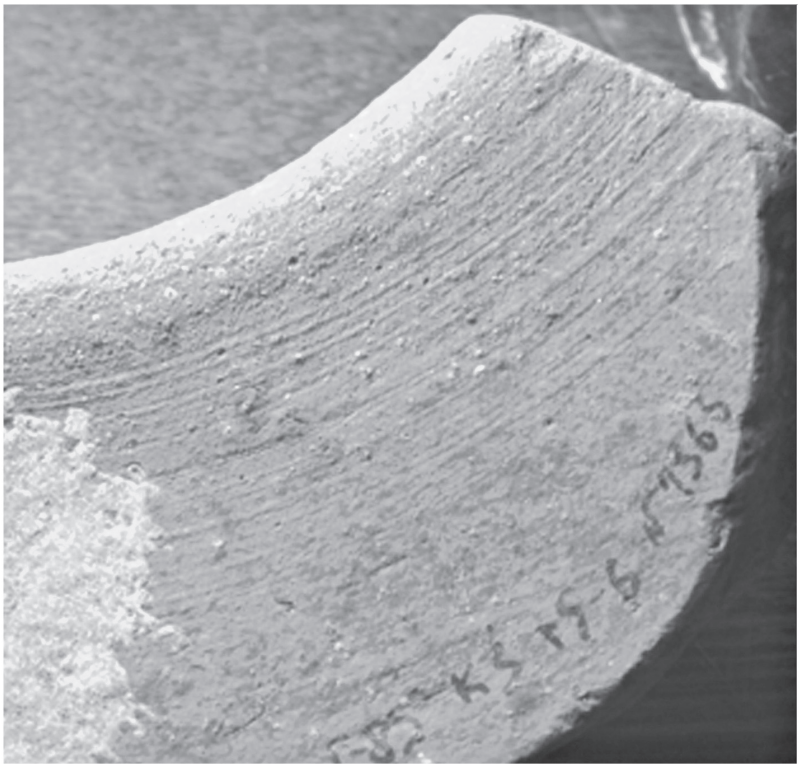
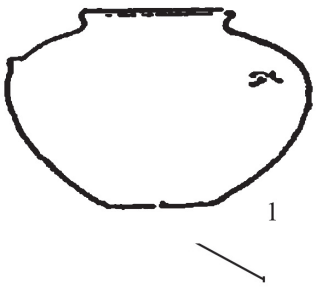
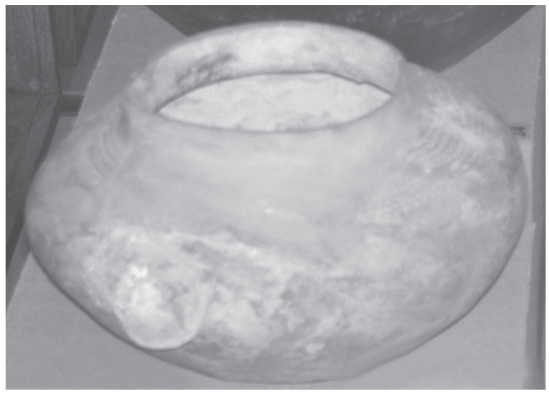

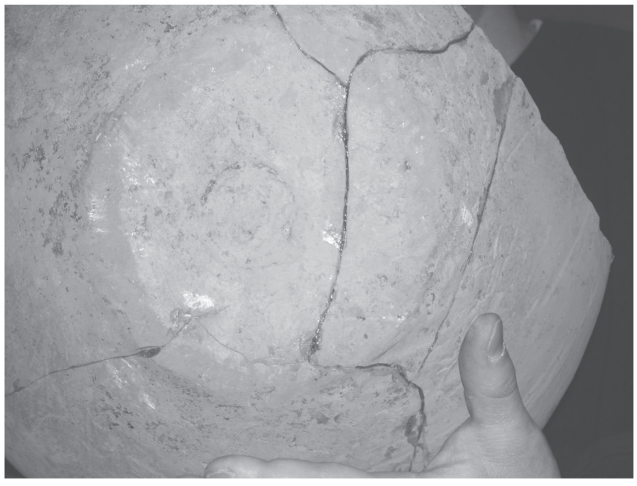
Таблица А. Следы обработки внутренней поверхности верхней части круглодонного сосуда Галюгаевского поселения. Кольцевые параллельные бороздки указывают на использование поворотного столика при доработке этой части сосуда

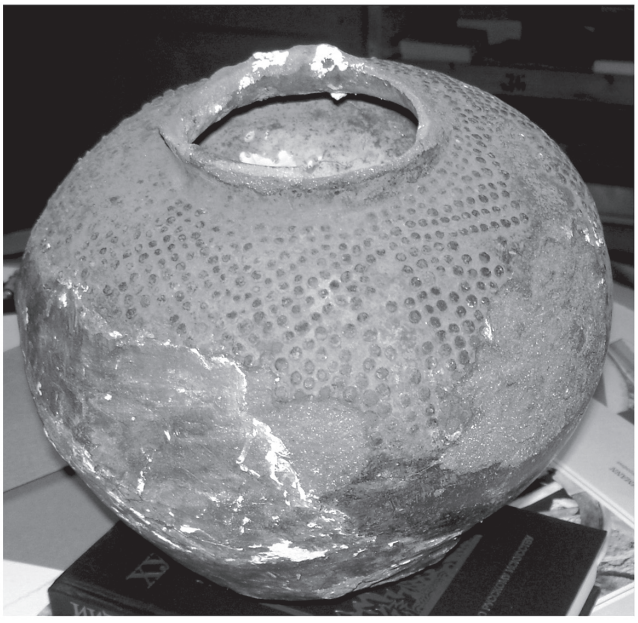
1

4

2

3

Таблица Б. Керамика новосвободненской группы:
1, 2 — следы оси поворотного столика на дне плоскодонного сосуда из к. 31 п. 5 урочище Клады; 3 — лепной типичный сосуд для новосвободненской группы со следами покрытия поверхности охрой как показателя типичной черты керамики майкопско-новосвободненской общности из этого же погребения; 4 — охристый лепной сосуд с «носиком» курган 1 ст. Новосвободная

С.Н. Кореневский, Б.Х. Атабиев, А.Я. Аккизов, А.Х. Хаширокоов

МАЙКОПСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА 1 НА Р. КУДАХУРТ В БАЛКАРИИ*

Памятники майкопской культуры или майкопско-новосвободненской общности (МНО) на территории Кабардино-Балкарии известны давно. Первые из них были опубликованы А.А. Иессеном (Иессен, 1941) и Е.И. Крупновым (Крупнов, 1951, 1957). В конце 50-х годов прошлого века они еще были очень редки (курганы у с. Верхний Акбаш, Старый Урух, Долинское поселение и внекомплексные находки из курганов в «Садках» г. Нальчика). В массовом порядке майкопские курганы, менее поселения, были исследованы археологами КБНИИ И.М. Чеченовым, В.М. Батчаевым, Р.Ж. Бетрозовым, А.Х. Нагоевым, И.М. Мизиевым в 70-х годах прошлого века. В целом они локализовались в районе г. Нальчика, у поселков Чегем 1 и 2, Лечинкай, Кишпек, Кызбурун 3 по долинам рек Нальчика и Чегема (Археологические исследования... 1984) (рис. 1). Окружающий их ландшафт характеризовался открытой местностью с высотой от 300 до 1000 м над уровнем моря. В результате изучения этого нового массива материала был сделан вывод о том, что территория равнины Кабардино-Балкарии являлась не периферией расселения майкопских племен, куда они пришли из Прикубанья, а основной зоной обитания со своими путями формирования культуры (Кореневский, 1991. С. 38–42; Кореневский, 1993).

К настоящему времени древности майкопско-новосвободненской общности на территории Кабардино-Балкарии представлены отдельными редкими находками раннего, галюгаевско-серегинского варианта МНО, чаще памятниками относительно позднего, долинского варианта (Кореневский, 1993, 2004). По имеющимся источникам можно было прийти к выводу о том, что пространство наклонной Кабардинской равнины было местом активного проживания людей раннего периода бронзового века Предкавказья. Их реликты отражали наличие высокой культуры различных производств, быт подвижно-оседлого населения, сложнейшее курганное строительство и каменную архитектуру погребальных сооружений позднего этапа МНО второй половины IV тысячелетия до н. э. Памятников раннего этапа МНО было открыто мало. В связи с этим обстоятельством первостепенное значение приобретает ввод в научный оборот результатов раскопок последних лет. Предлагаемая ниже статья прежде всего является одной из таких работ. В центре внимания находится описание новых комплексов майкопской культуры из кургана 1 на р. Кудахурт, открытых в предгорьях Балкарии, в ранее совершенно не исследованном районе по теме изучения памятников раннего периода бронзового века Предкавказья.

Описание погребений

Курган 1 на р. Кудахурт располагался в предгорной части Балкарии в Черекском районе Кабардино-Балкарской Республики между поселками Жемтала и Кашхатау. Он находился вблизи речки Кудахурт, правого притока р. Черек (рис. 1). Окружающая его местность представляет характерный для предгорий рельеф возвышенностей с участками долины, прилегающей к р. Кудахурт и р. Малая Жемтала, притока более крупной речки

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, 07-01-00066а.

Псыгансу, впадающей в р. Черек. Высота местности около 1120–1024 м над уровнем моря. Памятник исследовался в ходе экстренных охранных раскопок. Работы проводили археологи Кабардино-Балкарского института археологии Кавказа г. Нальчика под общим руководством А.Х. Атабиева. Непосредственно раскопки вели А.Я. Аккизов и А.Х. Хашироков.

До начала работ курган имел вид подпрямоугольной фигуры с заоваленными углами, длинная ось которой лежала в направлении северо-запад–юго-восток (рис. 2). С западной и юго-западной сторон памятник был уже сильно разрушен карьерными работами. Размер оставшейся части кургана по линии север–юг составляет около 14,5 м, по линии восток–запад — около 21 м. Бровка шириной 1,3 м на кургане была отложена поперек наиболее сохранившейся части памятника по линии север–юг. Работы проходили при помощи бульдозера и вручную.

Поверхность кургана была задернована. Всего в кургане было открыто 6 захоронений и две ямы-жертвенника. К эпохе раннего периода бронзового века относятся погребения 1, 3 и ямы 1 и 2. С эпохой среднего периода бронзового века связаны захоронения 2а, б, в и 4. С устройством триангуляционного знака — яма 3. Акцент в настоящей публикации делается именно на раннебронзовые комплексы (рис. 3: 1, рис. 4–13).

Изучение стратиграфии кургана показывает следующую картину. Высота сохранившейся насыпи от уровня погребенной почвы составляет 1,5 м. Курган был насыпан на поверхности немного наклонной от юга к северу (рис. 4, 5). Размер сохранившегося участка погребенной почвы по линии север–юг по восточному профилю составляет около 11,5 м. Толщина погребенной почвы колеблется от 30 до 20 см. Ее слой имеет явное понижение с юга на север по западному фасу бровки. Он явно срезан в южном окончании насыпи и подрезан на угол на северном ее окончании. В восточном профиле бровки заметно, что погребенная почва имеет максимальную толщину до 30 см на точке ЦЮ2м и понижение к югу и северу до полного исчезновения по восточному фасу бровки. Вероятно, такой характер залегания погребенной почвы предполагает ее подрезки в ходе сооружения памятника. Уровень залегания материка — желтого суглинка — находится в центральной части кургана на глубине около 1,8 м.

Восточный профиль (рис. 4) Уровень погребенной почвы в западном профиле немного понижается от юга к северу. На участке ЦЮ2м — ЦЮ0,2м в профиле видна наклонная кладка № 1а из окатанных камней, лежащая на почвенном слое 1 под углом около 30 градусов. Слой грунта № 1, который она перекрывала, имела бурый цвет с осветленными светло-коричневыми пятнами. Южный фланг слоя 1 задернован и имеет вид ската обычной сферы. Его окончание явно срезано, и этот срез очевиден в материковом слое. Следующим элементом профиля является каменная кладка № 2а шириной 2,3 м. Она была выложена на погребенной почве в интервале 0,75 м от окончания кладки 1а. Кладка 2а устроена в виде невысокого навала в один-два ряда окатанных камней высотой 0,3–0,4 м.

Каменная кладка 2а перекрыта наклонным слоем насыпи, имеющим пологий и ровный скат. Угол наклона ската 20 градусов. Вершина ската находится на точке ЦЮ 1 м — окончание на точке ЦС 4,1 м. Подрезка погребенной почвы в этом месте выглядит как продолжение ската насыпи. Цветовой тон слоя 2 близок к цвету слоя 1. Он также насыщен светло-коричневым грунтом.

На скате слоя 2 находится четко отделенный от него слой 3 темного грунта. На участке ЦС 2,8–3 м прослеживается кладка в виде вертикальной стенки 3а. У ее подножья на склоне ската слоя 2 расположена наклонная выкладка из мелкой гальки 4а, которая прикрывает его окончание. Ширина выкладки из мелкой гальки 1,2 м. У северного окончания выкладки 4а на точке ЦС4,5м прослеживается новая вертикальная каменная стенка 5а. В плане она образует пояс-кладку вдоль выкладки 4а.

Выше, непосредственно под дерном, находится кладка 6а. Расположение камней слоя 6а показывает, что они положены на поверхности наподобие скатов двусторонней крыши. Большая часть этой кладки находится на юго-восточной стороне кургана.

Западный профиль (рис. 5). Близкая картина слоев и каменных кладок отражена на восточном профиле бровки. На нем более четко заметно, что слои земли 1, 2 и 3 образуют единую насыпь наподобие «крыши» с пологими достаточно ровными скатами и вершиной, находящейся на точке ЦСЮ-0. Ее более ранней частью может быть такая же «крышеподобная» конструкция из слоев 1 и 2 в западном профиле. Каменные кладки и выкладки в этой системе слоев играют роль дополнительных и самостоятельных элементов.

Общий план. План кургана 1 не менее любопытен (рис. 3: 1). Захоронения 1, 3 и 2а, б, в

образуют линию, ориентированную по оси запад–восток с небольшим отклонением к юго-востоку. Это ряд начинает с запада раннебронзовое погребение 1, которое находится рядом с ямой 1 того же времени, почти соприкасаясь с нею. Погребение 3 эпохи раннего периода бронзового века находится на 2,7 м восточнее погребения 1. Погребения 2а, б, в среднего периода бронзового века сооружены в 5,2 м восточнее погребения 3. Только погребение 4 среднего периода бронзового века расположено в 3 м к северу от погребения 3. Общий план могил, таким образом, совершенно не указывает на основное захоронение, выделяемое в окружающих его могилах своим центральным положением. Более того, в курганном пространстве явно было заметно активное использование именно южной части могильной территории.

Особенности каменных кладок при их рассмотрении в профиль таковы. Длина кладки 1а немного более 10 м при ширине 1 м. Края кладки заужены. Ее верхние камни находятся на глубине 0,47–0,49, нижние на глубине 1,36–1,50 м.

Длина кладки 2а около 13 м и ширина около 1 м. Кладка имеет зауженные окончания и начинает напоминать дугу. Верхние камни находятся на глубине 1,20–1,28 м. Нижние – 1,61 м, то есть они уже заходят на подрезанный участок грунта.

Первая стенка 3а имеет верх на глубине 0,6–0,7 м и низ на глубине 1,4–1,5 м.

Форма кладки из мелкой гальки напоминает охватывающую курган дугу еще более. Ее сохранившаяся длина около 12 м. Восточное окончание отчетливо напоминает конец серповидной фигуры. Глубина залегания кладки 4а – 1,51–1,74 м. Внешний обрамляющий ее ряд камней положен на подрезанный участок почвы с удаленным гумусным слоем. Камни лежат на глубине 2,12–2,19 м.

Кладка 6а (рис. 3: 2) в северо-восточной части кургана сохранилась на длину 12 м. Ее западный конец явно разрушен. Верхняя кладка 6а закрывает в основном северо-восточную полу кургана. Она так же имеет вид слоя, который лег на один из прямых скатов земляного слоя 3, на другой его стороне находится лишь небольшая часть верхней кладки 6а. При этом расположение ее камней зафиксировало подостренную, напоминающую ребро вершину земляной насыпи. Низ камней находится на глубинах 1,47–1,75 м. Кладка 6а связана с финальным этапом сооружения памятника.

В юго-западной части кургана отмечена выкладка-наброска. Она, как и кладка 6а, находится под дерновым слоем. Глубины ее залегания 1,41–46 м (рис. 3: 2; 6).

Впускные захоронения среднебронзовой эпохи перекрыли кладки 1а, 2а, 4а и кладку 6а, что позволяет относить последние к раннему периоду бронзового века.

Пятна погребения 1 и ямы 1 (рис. 7: 1). Пятна обеих конструкций были зачищены в юго-западной части кургана на глубине 2,00–2,19 м в слое материка. Они выделялись более темным цветом от окружающего желтоватого материкового суглинка. Пятно погребения 1 имело вид четкого овала, ориентированного с северо-востока на юго-запад. Длина пятна 1,6 м, ширина 1,3 м (рис. 7: 1). Пятно ямы 1 располагалось непосредственно у северно-западного края пятна могилы 1. Оно также было ориентировано по линии северо-восток–юго-запад. Длина пятна ямы 1–1,2 м, ширина 0,9 м. Тон грунта между пятном ямы 1 и пятном погребения 1 позволяет предположить, что оба этих пятна не смыкались друг с другом, хотя расстояние между ними было крайне мало – до 5 см.

Погребение 1. Скелет в погребении 1 лежал под западной длинной стенкой в сильно скорченном положении на правом боку, ориентирован по линии «таз–череп» на юго-запад. Кости ног предельно согнуты в коленных суставах и пятками прижаты к тазу. Кости рук сильно согнуты в локтевых суставах, и кисти находятся у нижней челюсти. Скелет принадлежал женщине в возрасте 16–20 лет (определение М.Б. Медниковой). Кости скелета несут следы посыпки тела охрой. Охра окрасила кости черепа, таза, позвоночника, коленных суставов и кости стоп (рис. 7: 1).

У противоположной стенки погребения были размещены сосуды (находки 1–4). Один сосуд был поставлен у короткой юго–западной стенки (находка 5).

В области черепа у нижней челюсти были расчищены колечки – три подвески с нанизанными на них камешками (находки 6, 7) и гишеровая бусина (табл. 1: 1–4), за затылочными костями – костяная булавка (находка 8) (табл. 2: 3). Дно захоронения находится на глубинах 2,31, 2,33–2,48. Наклонено от юга к северу.

Находка 1. Сосуд 1 имеет круглодонную форму тулова и высокое горло. Венчик немного отогнут наружу. Высота сосуда 21 см. Высота тулова 15 см. Высота горла 6 см. Диаметр горла 10,4 см. Диаметр тулова 22 см.

По предложенной форме расчета степени уплощенности тулова для керамики майкопской культуры коэффициент уплощенности равен 1,57 (1/2 диаметра тулова: высоту тулова от дна до точки пересечения с линией диаметра тулова, то есть в данном случае 11 : 7 = 1,57) (Кореневский, 2004. С. 24.) Это позволяет отнести сосуд к группе ШУ-3 (Кореневский, 2004. С. 169, рис. 43: 13). Тулово сосуда имеет прекрасно обработанную лощеную поверхность кирпично-коричневого цвета. Излом черепка плотный. По этим косвенным признакам рассматриваемую вещь возможно сопоставить с круговыми сосудами майкопской культуры. На верхней части тулова нанесена зона пролощенного орнамента в виде штрихованной косой сетки (рис. 8: 1)(табл. 2: 5).

Находка 2. Сосуд 2 — круглодонная миска серого цвета. Отличается строгой симметрией и скорее всего сделана с использованием механического устройства. Диаметр ее 25 см, высота 10 см. Миска относится к типу МП-1 майкопской керамики (Кореневский, 2004. С. 73, рис. 43, 69). Искусственных или естественных примесей в тесте не отмечено. Возможно предположение об использовании механического кругового устройства (рис. 8: 2)(табл. 2: 7).

Находка 3. Сосуд 3 — горшок открытой формы с уплощенным округлым дном. Высота горшка 16 см. Диаметр тулова 24 см. Высота венчика 1,4 см. Венчик отделен от тулова уступом и имеет остро рельефный отгиб наружу. Скорее всего, он накладной на тулово. Цвет поверхности кирпично-охристый. Внешняя поверхность прекрасно залощена. Сосуд имеет все признаки круговой керамики майкопской культуры. Венчик изнутри покрыт пролощенным орнаментом в стиле косой сетки, наклонных и прямых параллельных линий. Сосуд 3 — типичный представитель так называемых сосудов-тюльпанчиков, распространенных в Западном Предкавказье. Особенно сосуд 3 сближается с находками тюльпановидных сосудов на поселении Чишхо (Кореневский, 2004. С. 144, рис. 16: 10), кургане Уашхиту 1/10, 13 (Кореневский, 2004. С. 144, рис. 16: 7, 13). В Центральном Предкавказье такая посуда — большая редкость. Известен один, но не совсем похожий экземпляр из коллекции керамики Долинского поселения (Кореневский, 1993. С. 125, рис. 17: 8). Он имеет характерный охристый цвет, изготовлен в той же манере, как и сосуд 3 из погребения 1, но у него более плоское дно (рис. 8: 3) (табл. 2: 6).

При просмотре под микроскопом искусственных или естественных минеральных примесей не отмечено.

Находка 4. Сосуд 4 — одноручный кувшин. Сосуд сохранился в обломках, реконструирован. Высота его по реконструкции 16,4 см. Диаметр тулова 20 см. Ручка сделана как петелька, имеет уплощенное сечение. Ее верхний край отступает вниз от венчика. Цвет сосуда серый. Горшок лепной. Одноручные кувшины подобной формы для памятников майкопской культуры практически неизвестны. Одноручные кувшины — типичная посуда куро-аракской культуры. Например, похожие одноручные кувшины встречены в могильнике Самшвилде (Мирцхулава, 1973. Табл. XXIX: 8, XLI). Но о полном тождестве форм мешает сделать вывод сама фрагментарность находки из погребения 1. В тесте сосуда много естественных примесей остроугольного песка (рис. 8: 4).

Находка 5. Сосуд 5 сохранился в обломках. Вероятно, это круглодонная небольшая миска. Диаметр венчика 9,8 см, высота 5,5 см. Поверхность миски черная, прекрасно залощена. Ее можно сопоставить с мисками группы МП-3 майкопской керамики (Кореневский, 2004. С. 173, рис. 43: 71). Возможно предположение о изготовлении миски с использованием кругового механического устройства (рис. 8: 5).

Находка 6. Три височных колечка с разомкнутыми концами в один оборот и полтора оборота — подвески с нанизанными камешками. Украшения найдены компактной группой ниже левой скуловой кости на верхней части нижней челюсти скелета. Кольца, судя по цвету металла, сделаны из серебра. Размеры колец 10 мм, — кольцо в один оборот 7 мм, 6 мм. Сечение проволоки, из которой свернуты кольца — 1,2–0,5 мм. Нанизанные камешки имеют размер 7 мм на крупном кольце и по 3 мм на меньших кольцах (рис. 8: 6–8).

Находка 7 — маленькая плоская гишеровая бусинка размером 4 × 4 мм черного цвета, найдена вместе с височными подвесками (рис. 8: 10).

Находка 8. Костяная булавка длиной 5,9 мм имеет уплощенную головку в виде подтреугольной лопаточки. Четко намечены фас и анфас. Анфас головки выполнен с небольшим углом скоса. Лицевая сторона более уплощена. Подобный прием использовался в обозначении лицевой и обратной стороны головы антропоморфных каменных стел эпохи позднего степного энеолита. Поэтому возмож-

на интерпретации булавки как абстрактно антропоморфной поделки. В головке булавки сделано отверстие диаметром 1 мм. Предмет был найден в затылочной части черепа. Он был обращен подостренным концом «вниз» к позвоночнику. Это позволяет предположить, что изделие могло крепиться к прическе (головному убору?) умершей женщины как заколка и иметь не только утилитарные, но и сакральные функции. Костяные булавки — редкость в майкопских погребениях. Аналогия булавки имеется среди костяных булавок с такой же головкой «лопаточкой» и отверстием из слоя поселения культуры лейлатепе — Беюк Кесик (Мусейбли, 2007. С. 176, рис. 17: 2).

Яма 1 (рис. 7: 1). Глубина дна ямы 1 зафиксирована на отметке 2,34 м, то есть она примерно на 1 см выше дна ямы погребения 1. На дне ямы были сделаны находки костей животных, фрагментов керамики, предметов быта, камни, два скола из кремня и обсидиана. Встречаются мелкие угольки. В центре ямы на ее дне лежал крупный окатанный камень — галька серого цвета 22 × 12 см. Кроме того, найдено еще несколько меньших камней — галек. Керамика представлена обломками лепных сосудов серого и серо-черного оттенков, с видимыми на глаз минеральными примесями (рис. 9: 1–14). Есть фрагменты округлого дна (рис. 9: 6, 9), прямые венчики сосудов открытых форм (рис 9, 11, 13), фрагмент стенки сосуда, подработанный под круглую крышку (рис. 9: 14), фрагмент керамики со следами ошлаковки от пребывания в огне (рис. 9: 10).

Предметы быта включают обломки глиняных конусов (рис. 10). В основном относятся к конусам группы 1 майкопской культуры, и их аналогии хорошо известны на поселении Галюгаевское 1 (Кореневский, 1995. С. 150–153, рис. 65–68). Они имеют устойчивую базу-опору, сужение кверху. Отверстие в корпусе, желобок. Среди фрагментов есть верхняя часть конуса с прямым корпусом и желобком на его головке (рис. 10: 3). Такая вещь может подразумевать прямую аналогию в Арслан-тепе VIA (Кореневский, 1993. Рис. 24: 4). Два фрагмента показывают, что отверстие внутри них шло под углом и сверху вниз (рис. 10: 5, 7). Аналогии такому устройству конусов есть в Телль Хазне (Munchaev, Merpert, Bader, 1991. Fig. 206: 7).

В целом можно сказать, что в этом изделии прослеживаются как собственно майкопские, так и переднеазиатские черты рассматриваемой формы. По своей сути конусы майкопской культуры загадочны, но они явно связаны с бытом и жилищем майкопцев. По примеру Галюгаевского 1 поселения можно утверждать, что попадание их обломков в «мусорные»[1] ямы — явление типичное для носителей майкопской культуры (Кореневский, 2004. С. 40–41).

Кремневый сколы кремня (рис. 9: 15) и обсидиана (рис. 9: 16) имеет небольшие размеры: 2 × 1 см и 2,2 × 1,7 см.

Погребение 3. Погребение 3 было сильно потревожено бульдозером, сдвинувшим с места кости человека, находки. Часть из них сохранилась в площади могилы, часть собрана в отвале. Форма могилы гипотетична. Скопление находок сконцентрировано на площади, частично напоминающей овал, ориентированный по длинной оси в направлении юго-запад–северовосток. Длина овала 2,3 м, ширина — 1,6 м. Но все же размеры ямы можно предположительно реконструировать по дну. Длина ямы при этом будет 2,4 м, ширина — 1,2 м. Дно находится на глубине 2,86–2,85 м. На дне отмечены камни. Остатки костяка позволяют предположить, что покойный был положен скорченно на правый бок, головой на юг (рис. 7: 2).

Комплекс погребения 3 включает следующие вещи:

— Кинжал бронзовый (рис. 11: 1) бесчеренковый (табл. 2: 2). Длина изделия 18,5 см, в том числе длина рукоятки 6 см. На краях рукоятки заметны зазубрины. На лезвии кинжала прослеживаются два ребра, следствие проковки предмета. Тип кинжала хорошо увязывается с так называемым типом бесчеренковых кинжалов майкопской культуры, характерных для ее раннего этапа (Иессен, 1950; Мунчаев, 1975; Кореневский, 2004. С. 42).

— Диск бронзовый (рис. 11: 2; табл. 2: 1). Диск правильной окружности имеет диаметр 12,8 см, толщину листа 1 мм. В сечении он немного вогнут. Поверхность покрыта благородной патиной. Диск отлит. Сохранился участок с затеком металла, образовавшего едва заметный кант, — бортик шириной 1–1,5 мм на вогнутой стороне. Диск деформирован в результате попадания под гусеницы трактора. Среди комплексов майкопской культуры ему известны две аналогии. Первая найдена в кургане 5 погребении 3 могильника Чегем I. Диск диаметром

[1] «Мусорная яма» — это, конечно, условное название ямы с остатками изделий и костей, обнаруживаемых на майкопских поселениях.

15 см был также немного вогнут. В могиле был похоронен подросток. В комплекс входили: бронзовый желобчатый кинжал, лежащий на диске, золотая игла с ушком, две золотые бусины, граненая и рифленая, фрагмент бронзового котла со следами ремонта, сосуд. Погребение Чегем I 5/3 относится к долинскому варианту майкопской культуры (Кореневский, 1981. С. 274–278). Вторая находка происходит из погребения 3 кургана 1 у пос. Темрюк в Прикубанье (Сафронов, 1978) с характерным набором предметов псекупского варианта МНО на ее позднем этапе.

К югу от Кавказа такие диски найдены в раннеурукском слое Суз А (I) (Tallon, 1987. Fig. 48), а также в более позднее время, соответствующее периоду ранних династий Шумера, то есть в слое Гиссара III, погребении 135 кладбища А в Кише (Кореневский, 1981. С. 176; Schmidt, 1932. Pl. LIV. H. 3192; Mackey, 1929. Pl. XLIII). Функциональное предназначение диска неясно: блюдо, зеркало? Последнее не менее вероятно. В таком случае мы имеем пример древнейшего типа зеркал.

— Височные подвески. В комплекс украшений входят три колечка с разомкнутыми концами из золотой проволоки с нанизанными на них двумя красными сердоликовыми камешками в виде капелек и одним камешком мраморно-серого оттенка. Диаметры золотых колечек 0,6–10 мм (рис. 11: 5–7; табл. 1: 8–10).

— Три тонких золотых колечка с разомкнутыми концами диаметром 13 мм и 9 мм (рис. 11, 8, 9) (табл. 1: 11–13), золотой колпачок с отверстием в центре диаметром 8 мм и высотой 3 мм (рис. 11: 10) (табл. 1: 14).

— Четыре золотых накладки-трубочки из согнутой фольги (рис. 11: 11–14; табл. 1: 5–6). Они крепились на круглой основе диаметром 4–3 мм. Одна накладка имеет штифт-гвоздик. Судя по размерам отверстий в накладках, то могли быть древки стрел. Похожие накладки были найдены в Нальчикской гробнице. Они украшали различные предметы военно-охотничьего снаряжения, в том числе и наконечники стрел, древки которых были диаметром 6–8 мм (Чеченов, 1973, рис. 28: 9–17).

— Каменные трубчатые бусы почти все имеют ярко-синий цвет. Они найдены в количестве 10 штук. Одна бусина имеет подпрямоугольное сечение (рис. 11: 18), остальные — круглое (рис. 11: 18–23). Цвет одной бусины черный и отливает золотистым оттенком (рис. 11: 31). Отверстия в бусах имеют диаметр около 2–3 мм (табл. 1: 15–24).

— Каменные бусы-трубочки были забиты золотыми бусами-шайбами. Бусы-шайбы (рис. 11: 33) имеют внешний диаметр около 2 мм. Отверстие в них равно около 1 мм в диаметре. У одних несколько больше, у других несколько меньше этого размера. Все бусы-шайбы имеют форму правильного круга, и внутреннее отверстие в них сделано четко по центру. При пятикратном увеличении можно разглядеть, что бусы-шайбы не имеют швов спайки. Вокруг внутреннего отверстия проступает валик, а внешний край отделен ободком (табл. 1: 25).

— Бусы из желтоватой пасты — бисер — найдены в количестве 2 шт. (рис. 11: 15, 34; табл. 1, 26). Гишеровые бусы — бисер — найдены в количестве 8 шт. (рис. 11: 16, 17, 35; табл. 1: 27).

Из этого же комплекса происходят находки керамики.

— Сосуд закрытой формы (рис. 11: 3) был разбит и реконструирован. По реконструкции он представляет собой небольшой кубок с высоким горлом и шаровидно-уплощенным туловом с плоским дном. Высота сосуда 9,6 см, высота тулова 5,6 см, высота горла 4 см. Нижний диаметр горла 6 см, верхний — 7,4 см. Диаметр тулова 9,6 см. Коэффициент уплощенности тулова 1,6 (4,8 : 3 = 1,6). На тулове сделаны вертикальные ребра. Все тулово между ними покрыто пролощенным орнаментом в виде косой сетки. Цвет поверхности сосуда кирпично-коричневый. Сосуд отличается симметрией, горло имеет в нижней части острорельефный отгиб, типичный для круговой керамики майкопской культуры. Сосуд принадлежит керамике группы ШУ-1, типичной для псекупского варианта МНО (Кореневский, 2004. С. 169, рис. 43: 11).

— Сосуд открытой формы, миска, реконструирован (рис. 11: 4). Диаметр венчика его равен 22 см, высота — 9 см. Миска имеет черный цвет и прекрасное лощение внешней поверхности. Она относится к типу мисок МП-3 майкопской культуры (Кореневский, 2004. С. 173, рис. 43: 71). Возможно предположение об его изготовлении с помощью круговых устройств.

Яма 2. Яма 2 (рис. 12, 13) обнаружена севернее кладки 3а по находке в профиле фрагментов керамики. Она находилась под камнями кладки 4а. Расчистка ямы произведена на глубине 2,7 м в слое материка. Длина ямы по профилю составляет 1 м, ширина сохранившейся части ямы — 0,4 м (рис. 13: 2). В яме найден камень — галька размером 30 × 25 см. Есть кости животных: нижняя челюсть и лопатка. Далее

следует упомянуть находку глиняного конуса с отверстием (рис. 13: 3, 6, 7) и фрагменты керамики. Среди них представлен фрагмент венчика чана (рис. 13: 11), фрагмент с крупным выпуклым налепом (рис. 13: 8), обломки сосудов с минеральными примесями (рис. 13: 9,10). Венчик чана изготовлен из теста без минеральных примесей. Судя по аналогиям с целыми формами, такие сосуды изготовлялись с помощью механического устройства. Фрагмент с крупным выступом (рис. 13: 8) связан с лепным сосудом, имеющим в тесте минеральные примеси. Но сам фрагмент слишком мал, чтобы подбирать ему аналогии. Интересен сам факт такого типа орнамента.

Яма 3. Яма 3 была обнаружена по ее разрезу, отраженному восточным профилем бровки в его южном окончании. Ее западная часть была разрушена бульдозером. Яма 3 предназначалась для постановки триангуляционного знака. В центре ямы сделано небольшое углубление диаметром 20 см. Дно его находится на глубине 2,2 м (рис. 3: 1).

Специальные анализы предметов из майкопских погребений кургана 1 на р. Кудахурт

Химический и металлографический анализы[1]. Погребение 3. Химические анализы в лаборатории ренгеноскопического анализа при кафедре минералогии геологического факультета МГУ на установке «Comebax», аналитик И.А. Брызгалов. Металлографичесие анализы сделаны проф. Н.В. Рындиной (кафедра археологии исторического факультета МГУ).

Проанализированная бусина синего цвета из погребения 3 по набору окислов представляет из себя лазурит в ассоциации с пироксеном.

Бусина-шайба из золота содержит в основе своей: Au – 92,35%, Ag – 8,987%, Cu – 1,422%, Fe – 0,047%, Te – 0,1, Hg – 0,502%.

Она является естественным сплавом на основе золота с присутствием около 8,9% серебра и меди около 1,4%. Шайбы при их увеличении в 5 раз (рис. 11: 33) и при просмотре под микроскопом отражают одну и ту же технологию изготовления. Они выбивались из тонкого листа золотой фольги специальным пробойником со штырем в центре. Это обеспечило идеальную симметрию диска, имеющего диаметр около 2 мм и отверстие диаметром около 1 мм. При 5-кратном увеличении заметны выступающий валик вокруг отверстия и бортик-кант по внешней окружности – следы выбивания заготовки. В связи с тем, что размеры отверстий и бус не всегда идеально совпадают, можно предполагать использование нескольких штампов для их изготовления.

Бронзовый диск (рис. 11: 2) изготовлен из заготовки тонкого листа бронзы путем обработки его вхолодную при обжатии 80% при промежуточном и заключительном отжиге с нагревом до температуры 400°С. Форма вогнутости придана изделию специально. Диск доведен до формы правильной окружности частичной обрезкой (обрубкой) краев. В одном месте прослеживается незначительный бортик-наплыв размером 1 мм, вероятно, след отливки заготовки. Химический состав изделия: Cu – основа, Sn – 0,03%, Pb – 0,039%, Zn – 0,152%, Bi – 0,02%, Ag – 0,079%, Sb – 0,026%, As – 2,7%, Fe – 0,025%, Ni – 4,1%, S – 0,027%, Co – 0,025%, Au – 0,572%.

Бронзовый кинжал (рис. 11: 1) изготовлен из литой заготовки в виде стержня или прута. Заготовка расковывалась вхолодную и с промежуточным отжигом путем ковки. Степень обжатия оставляет 80%. После заключительной холодной проковки металл не подвергался отжигу. Заключительная операция имела упрочняющие цели. Следствием заключительной проковки стали слабо заметные ребра, идущие вдоль режущих краев клинка. Зазубрины на рукоятке также делались специально. Состав металла: Cu – основа, Sn – 0,038%, Pb – 0,12%, Zn – 0,1%, Bi – 0,03%, Ag – 0,06%, Sb – 0,04%, As – 0,66%, Fe – нет, Ni – 0,31%, S – 0,012%, Co – 0,001%, Au – 0,33%.

Анализы состава керамики лаборатория керамики Института археологии РАН (по заключению доктора исторических наук А.А. Бобринского[2]*).* Всего под микроскопом с 16-кратным увеличением было просмотрено 6 образцов керамики из кургана 1 на р. Кудахурт.

1. Кудахурт к. 1 п. 3 миска чернолощеная (рис. 8: 2; анализ № 63). Состав теста пред-

[1] Выражаем глубокую благодарность профессору Н.В. Рындиной за помощь в организации проведения химического и металлографического анализов.

[2] Выражаем глубокую благодарность доктору исторических наук А.А. Бобринскому за помощь в проведении специальных анализов керамики.

[3] Номер анализа в серии образцов, просмотренных А.А. Бобринским.

ставлен одной обогащенной ожелезненной глиной, которая была тщательно отмучена, пройдя процесс обогащения. В качестве добавки использовался навоз мелкого рогатого скота, а в качестве увлажнителя — пресная вода. Минеральных искусственных примесей нет.

2. Кудахурт к. 1 яма 3, фрагмент венчика чана (рис. 13: 11: анализ 7). Образец представлен в виде обломка верхней части очень большого по емкости сосуда, который, судя по окраске поверхностей и излома, целиком или его обломок «вторично» попал в зону действия высоких температур в результате пожара или иных событий.

Для изготовления данного сосуда использована ожелезненная глина, в которой в качестве естественных мелких примесей присутствуют: пылевидные частицы биотита (слюды), слабо окатанные «пластинки» сланцевой глины красно-коричневого цвета. Более грубые включения, размерами более 1 мм в поперечнике, представлены окатанными и слабо окатанными кварцевыми песчинками. Концентрация их — не более 15%. Каких-либо прямых или косвенных свидетельств высушивания и дробления глины не зафиксировано. Поэтому допустимо предполагать, что при составлении формовочной массы пластичное сырье находилось в естественно влажном состоянии.

При составлении формовочной массы в глину введен один вид искусственной примеси — навоз травоядного животного. Концентрация навоза в общем объеме формовочной массы — более 33%.

Любопытно, что, кроме отпечатков травянистых растений и соломы от злаковых (?) растений, имеющих признаки их долевого расщепления и следы перекусывания, обычные для навоза нежвачных животных, в изломах обломка отмечены отпечатки соломы тех же растений, которые не прошли «обработку», проходя через желудочно-кишечный тракт животного. Иными словами, помимо навоза, в составе введенной примеси присутствует солома, которая, по всей видимости, служила подстилкой при стойловом содержании животных. Вместе с навозом она, скорее всего, и «попала» в состав формовочной массы.

Таким образом, можно заключить, что для изготовления данного сосуда использован рецепт формовочной массы, представленной двумя главными компонентами: ожелезненной глиной + навозом нежвачного животного. В роли увлажнителя, скорее всего, использовалась пресная вода.

3. Кудахурт к. 1 яма 2 (рис. 13: 9, образец № 8) представлен в виде обломка части тулова и плечика среднего по объему сосуда. Судя по резким различиям в окраске поверхностей, внутренняя поверхность обломка испытала «вторичное» воздействие высоких температур (около 850–900°С), обычно возникающих при пожарах. Анализ сырья, которое было использовано для изготовления данного сосуда, затруднен из-за его насыщенности минеральными включениями различного размера и очертаний.

В роли пластичного сырья, скорее всего, был использован один из вариантов «горных илов». В пользу этого свидетельствуют особенности естественных примесей, которые обнаружены в изломах. Они представлены: пылевидными включениями биотита, остроугольными и полуокатанными, прозрачными и дымчатыми частицами кварца (в основном менее 0,5 мм в поперечнике), а также следами от полуразложившихся водных (?) растений без признаков их долевого расщепления и нитчатых водорослей. Судя по не растворившимся до конца комочкам ила, пластичное сырье высушивалось, дробилось в «порошок» и в таком виде использовалось при составлении рецепта формовочной массы. При осмотре изломов и поверхностей обломка, помимо мелких минеральных примесей, зафиксировано присутствие кварцевого песка с диаметром частиц от 1 до 3 мм. Он представлен окатанными и полуокатанными обломками кварца, окрашенного в дымчатый или белый цвет. На поверхности некоторых песчинок отмечены слюдистые чешуйки золотисто-желтого цвета размерами более 1 мм в поперечнике. Такие же слюдистые чешуйки выявлены в иле, куда они «попали», очевидно, вместе с песком. Концентрация этого песка в общем объеме формовочной массы — не менее 33%. На основании высокой концентрации и малой связности с тонкой глинистой фракцией, судя по отсутствию на поверхностях песчинок коричневых пленок, допустимо предполагать, что песок был искусственно добавлен в глину при составлении формовочной массы.

Таким образом, можно заключить, что для изготовления данного сосуда использован рецепт формовочной массы, представленный двумя главными компонентами: «горным илом» + кварцевым песком. В роли увлажнителя формовочной массы, скорее всего, использована пресная вода.

4. Кудахурт к. 1 яма 2 (рис. 13: 10, образец № 9). Образец имеет вид обломка стенки среднего по объему сосуда, имевшего на внешней поверхности сосковидные налепы. Каких-либо следов «вторичного» попадания обломка в зону высоких температур не выявлено. Для изготовления данного сосуда использовано пластичное сырье в виде неожелезненной глины, в которой в качестве естественных примесей присутствовали: окатанный и полуокатанный кварцевый песок белесого цвета (размеры песчинок – около 1–1,5 мм), на стенках некоторых из них замечены чешуйки биотита, отдельные мелкие включения гематита малинового цвета размерами менее 0,5 мм. Концентрация песка – около 20–25%. Данное сырье может быть уверенно квалифицировано как один из вариантов вторичного каолина.

Признаков высушивания и дробления сырья не зафиксировано. По-видимому, при составлении формовочной массы оно использовалось в естественно влажном состоянии.

Однако при составлении формовочной массы сырье дополнительно увлажнялось. Причем для этого использовалась не пресная вода, а органический раствор, следы которого выявлены при осмотре свежего излома. Присутствие такого раствора фиксируется по светло-коричневой окраске стенок многочисленных микротрещин, возникших в ходе конструирования сосуда. В экспериментах подобные следы были отмечены по образцам, в которые в качестве увлажнителя вводилась кровь домашнего животного (коровы). К сожалению, сама тема «Органические растворы в древнем гончарстве» разработана пока очень слабо. По существу мы научились в ряде случаев фиксировать сами факты использования таких растворов, но делать строгие заключения о составе растворов пока проблематично. Поэтому и в данном случае допустимо лишь констатировать использование органического раствора в роли увлажнителя, не настаивая на его связи с фактом применения крови животного.

Какие-либо иные компоненты, преднамеренно вводившиеся в состав формовочной массы, не отмечены. Поэтому можно заключить, что для изготовления данного сосуда использован рецепт формовочной массы, составленный из одного главного компонента, а именно: каолиновой глины, увлажненной органическим раствором.

5. Кудахурт к. 1 п. 1 сосуд 3, открытой формы (рис. 8: 5; образец № 10). В виде обломка самой верхней части («венчика») сосуда, по-видимому, предназначенного для питья. Внешняя и внутренняя поверхности обломка залощены, имеют коричневато-серый цвет. Для изготовления данного сосуда использована ожелезненная глина, в составе которой на правах естественных примесей отмечены: пылевидные частицы биотита (не менее 0,1 мм в поперечнике), частицы остроугольного кварца, а также отдельные включения окатанных и полуокатанных кварцевых песчинок размерами от 0,5 мм до 1 мм, и такие же по размерам единичные включения чешуек биотита (т.е. слюды). Более грубых минеральных примесей не зафиксировано.

В целом использованное пластичное сырье является очень тонким материалом для изготовления керамики. Судя по не растворившимся до конца комочкам глины, зафиксированным в изломе обломка, обогащенное сырье вначале высушивалось, затем дробилось и в виде «порошка» использовалось при составлении рецепта формовочной массы.

Каких-либо искусственно вводившихся минеральных примесей не зафиксировано. Но на поверхности и в изломе обломка присутствуют единичные следы растительных остатков, характерные для навоза мелкого рогатого скота. Концентрация его в общем объеме формовочной массы – менее 15%. Скорее всего, навоз вводился не по технологическим, а каким-то иным соображениям, так как его очень малые концентрации не имеют утилитарного смысла.

Таким образом, для изготовления данного сосуда использован рецепт формовочной массы, составленный из одного главного компонента, а именно: обогащенной ожелезненной глины. В роли увлажнителя формовочной массы, по-видимому, использовалась пресная вода. На венчике видны тонкие полоски, прочерченные механическим путем, вероятно, полученные путем вращения изделия на подставке, то есть при доводке сосуда.

6. Кудахурт к. 1 п. 1 сосуд № 4 (рис. 8: 3, образец № 11). Образец представлен в виде нескольких склеенных между собой обломков стенки небольшого (?) по объему сосуда, поверхности которого залощены и имеют темно-серый цвет. Признаков «вторичного» попадания обломков в зону высоких температур не зафиксировано. Для изготовления данного сосуда была использована ожелезненная глина, насыщенная в основном мелкими обломками твердых и мягких горных пород.

Таблица 1

Радиокарбонные даты из кургана 1 на р. Кудахурт

№№	*Место находки*	*Кости*	*Шифр*	*ВР (время от наших дней)*	*Коррекция с одной сигмой*
1	Кудахурт к. 1 тризна 1 рядом с погребением 1 (РБ)	Животное	Ki–12733	4980 ± 80	3810–3660
2	Кудахурт к. 1 п. 1 (РБ)	Хомо	Ki–13009	4920 ± 70	3773–3644
3	Кудахурт к. 1 п. 1 (РБ) повтор	Хомо	Ki–13010	4930 ± 60	3773–3650
4	Кудахурт к. 1 п. 3 из самого погребения (РБ)	Хомо	Ki–12741	4610 ± 60	3520–3400
5	Кудахурт к. 1 тризна 2 Яма в бровке	Жив. лопатка	Ki–12693	4340 ± 80	3100–2880
6	Повтор	Трубчатая кость жив.	Ki–12692	4170 ± 80	2880–2620
7	Кудахурт к. 1 п. 2 1 нижний костяк (СБ начало)	Хомо	Ki–12710	4070 ± 90	2700–2470

Первые представлены в основном прозрачными, остроугольными или слабо окатанными частицами кварца (размеры частиц от 0,5 мм до 2 мм): на поверхности некоторых из них и в составе тонкой фракции глинистого материала замечены чешуйки биотита. Вторые – обломками каких-то известковых образований молочного цвета, похожими на кальцит. Однако характерная реакция для кальцита, помещенного в 10% раствор соляной кислоты, при испытаниях не выявлена. Размеры этих мягких горных пород – от 0,1 мм до 1,5 мм. Преобладающими являются включения кварцевых песчинок. Суммарная концентрация минеральных примесей в общем объеме формовочной массы – около 25%. Судя по тому, что на поверхностях многих включений отмечены коричневатые пленки или частицы тонкой фракции глины, можно предполагать, что речь идет о примесях естественного происхождения. И хотя все минеральные примеси относятся к числу очень мелких и мелких, их высокая концентрация практически делает невозможным предположение об использовании приема обогащения глины путем отмучивания. Полагаю, что в данном случае пластичное сырье такой обработке не подвергалось.

Каких-либо прямых или косвенных свидетельств того, что глина подвергалась высушиванию и дроблению в «порошок», не выявлено. Это обстоятельство склоняет к мысли, что при составлении формовочной массы глина использовалась в естественно влажном состоянии.

Интересно отметить, что при составлении формовочной массы какие-либо минеральные или органические добавки, которые можно было бы заметить при осмотре, не вводились. Но в долевых и поперечных изломах обломков обнаружены следы органического раствора, использованного при дополнительном увлажнении природного сырья. На многих поверхностях изломов его присутствие отмечено бесструктурными рыхлыми пленками белого цвета. В экспериментах подобные или близкие по внешнему облику пленки возникали при увлажнении глины отходами переработки молока, т.е. сывороткой. Однако настаивать на том, что и в данном случае мы имеем дело с аналогичным раствором, считаю преждевременным в силу незавершенности исследований самих органических растворов.

Таким образом, для изготовления данного сосуда использована формовочная масса, составленная из одного главного компонента – природной по составу ожелезненной глины, увлажненной органическим раствором.

Радиокарбонные определения возраста майкопских погребений и тризн были проведены в лаборатории Института геохимии окружаю-

щей среды НАН Украины под руководством Н.Н. Ковалюха.

Они показывают на следующие обстоятельства. Дата ямы 1 у погребения 1, выполненная по кости животного, и даты из самого погребения 1 по костям человека очень близки. Дата из ямы 1 4980 ± 80 BP (начало 39 — 1-я половина 37 в. до н. э.). Дата погребения 1 делалась дважды в разное время. Результат идентичен 4920 ± 70 BP, 4930 ± 60 BP (38 — 1 половина 37 в. до н. э.). Поэтому можно заключить, что оба эти комплекса относятся к одному раннему периоду майкопской культуры и соответствуют раннему диапазону ее радиокарбонных дат — 3900–3600 до н. э.)(Кореневский, 2004. С. 232, рис. 114).

Дата погребения 3 выполнена по кости человека из самого захоронения 4610 ± 60 BP (начало 36 — 35 в. до н. э.). Она моложе, чем дата погребения 1, но тоже относится к времени раннего периода майкопской культуры, но только к более позднему, среднему диапазону ее радиокарбонных дат (3600–3300 гг. до н. э.).

Дата комплекса находок из ямы 2 выполнена дважды по костям животных 4340 ± 80 BP (3100–2880 BC) и 4170 ± 80 BP (2880–2620 BC). Первая дата соответствует позднему этапу майкопской культуры и позднему диапазону ее радиокарбонных дат (3300–3000 — 2900/2800 BC). Вторая дата выглядит несколько моложе и частично выходит за рамки верхнего диапазона общей хронологии майкопско-новосвободненской общности.

Выводы и темы для обсуждения

Прежде всего следует отметить особую уникальность сделанных открытий майкопских памятников для Кабардино-Балкарии, которая выражается в том, что оба комплекса погребений 1 и 3 кургана 1 на р. Кудахурт относятся к неизвестному ранее здесь псекупскому варианту МНО, судя по сосудам с шаровидно-уплощеным туловом и их орнаментации пролощенной сеткой. Именно с этим вариантом МНО соотносился исследованный мной ранее небольшой кубок с шаровидно-уплощенным туловом, покрытым таким орнаментом из погребения 10 у с. Верхний Акбаш. Е.И. Крупнов изобразил его на рисунке с орнаментом косой сетки (Крупнов, 1950. С. 204, рис. 14). В настоящее время сосуд демонстрируется в витрине ГИМа. Следов лощения на нем незаметно, внешняя поверхность вообще изрядно испорчена. Поэтому был ли на нем прочерченный или пролощенный орнамент или нет, неясно (табл. 2, 8). Еще один комплекс с шаровидно-уплощенным сосудом в Центральном Предкавказье найден в погребении 1/15 кургана Занозина Балка в Кисловодске (Кореневский, 2004. С. 186, рис. 56: 1). Но в основном комплексы псекупского варианта МНО известны из Прикубанья. Здесь они характеризуются как погребальными, так и поселенческими памятниками. Инвентарь комплексов часто включает предметы из металла, наконечники стрел позднего этапа МНО, характерные для долинского и новосвободненского вариантов. Собственных радиокарбонных дат комплексы псекупского варианта в Закубанье не имеют, так что полученные даты пока для этих памятников остаются единственными. А сами комплексы — крайне редкими на территории Центрального Предкавказья (Кореневский, 2004. С. 53–54).

Другое сосредоточение майкопских памятников с круглодонными сосудами, украшенными орнаментацией в виде пролощенной косой сетки, — восточная территория Кумо-Манычской впадины. Здесь они найдены у пос. Шарахалсун к. 2 п. 17 (Яковлев, Самойленко, 2003. С. 81, рис. 4, *5*) и в Большом Ипатовском кургане п. 195 (табл. 2: 9) (Кореневский, Калмыков, 2006. С. 38 рис. 2: 1).

В отличие от закубанских комплексов, погребения псекупского варианта МНО кургана 1 на р. Кудахурт обладают ранними датами, весьма типичными для ранних дат галюгаевско-серегинского варианта и раннего периода МНО в целом. По облику инвентаря — бесчеренковый кинжал — погребение 3 также тяготеет именно к ранним майкопским комплексам. Интересно то, что в число инвентаря этих находок попадает и бронзовый диск. Такие предметы ранее были известны только из поздних комплексов МНО (Чегем I 5/3, Темрюк 1/3).

Радиокарбонные даты погребений могильника Шарахалсун 6 и погребения 195 Ипатовского кургана указывают на ранний и средний диапазоны дат МНО (Кореневский, 2004. С. 232, рис. 113, 114).

Судя по принадлежности находок в кургане на р. Кудахурт к одному и тому же варианту МНО, погребенных людей в могилах 1 и 3 можно рассматривать как захоронения родственников в рамках весьма определенного варианта майкопских древностей, то есть родового могильника.

Набор находок в яме 1 и 2 полностью соответствует содержанию так называемых «мусорных» ям, во множестве открытых на поселении Галюгаевское 1, а также поселении Бериклдееби (Глонти, Джавахишвили, 1987. С. 85; Djavaxisvili, 1998. S. 5–20). Есть они и на других поселениях майкопской культуры. В них типичными находками являются обломки глиняных конусов, костные останки, бой керамики, камни, мелкие каменные поделки или иные отходы. Яма такого рода — характерный атрибут бытового памятника. На поселении Чишхо А.Д. Резепкин раскопал несколько ям, перекрытых развалами турлука — обмазки древних строений (Резепкин, 2004. С. 423, рис. 1; С. 424, рис. 2). Возможно, это позволяет поставить вопрос о том, что яма с отходами порой являлась частью жилищного или околожилищного пространства, что наглядно показывают данные Галюгаевского 1 поселения. Но пока подобную интерпретацию трудно доказать для всех ям такого рода. Ведь не исключена вероятность постройки жилища на участке поселения, в котором уже были выкопаны и засыпаны ямы с отходами. В таком случае площадь жилища просто накрывала такую яму.

Каковы были причины появления ямы с «мусором» на площади раскопанного кургана — вопрос тоже открыт. Обычно археологи, встретив в кургане яму с костями или сосудами, рассматривают ее как тризну. Здесь явно несколько иной случай. Ведь помимо костей животных в яме присутствуют обломки глиняных конусов и типично бытовых предметов, керамический бой, угли, камни. Подобная ситуация позволяет поставить вопрос о необходимости разработки методики интерпретации таких объектов, воспринимаемых нами как ямы с «мусором» или с бытовыми отходами. Нет ли в них намека на «жертвенность» их содержимого, которое подразумевало возрождение объектов или иную магию?

Появление такой ямы в зоне сакрального пространства наводит на мысль об особом культовом значении таких «бытовых тризн». Учитывая достаточно определенную связь майкопских ям с отходами с жилищным или околожилищным пространством, можно допустить предположение, что первое захоронение в кургане Кудахурт могли совершить в слой обитания или в околожилищное пространство. Ведь известные нам примеры из погребальной практики племен МНО не иллюстрируют сведений, чтобы тризна с бытовыми отходами совершалась в подкурганном пространстве рядом с захоронением. В любом случае яма 1 и погребение 1 имеют практически одинаковый возраст: 38–37 вв. до н. э.

Дата ямы 1 соответствует раннему этапу МНО. Она и погребение 1 составляют наиболее древнюю часть находок в кургане 1 на р. Кудахурт, когда конкретный участок территории стал превращаться в кладбище.

Погребение 3, судя по дате, было совершено после появления ямы 1 и погребения 1. Самый поздний майкопский комплекс в кургане — яма 2. Ее появление совпадает с финальным этапом МНО (3300–3000/2900 ВС) (Кореневский, 2004. С. 232).

В целом можно прийти к выводу, что рассматриваемый объект функционировал как место для захоронений и ям с остатками пищи и вещами на протяжении всего бытования ее памятников.

Когда площадка под насыпями искусственного холма стала превращаться в курган и какие идеи были заложены в его форму? Прежде всего, чтобы ответить на этот вопрос, надо оговориться. Была или нет небольшая насыпь над могилой 1 — установить не удалось, но исключать такого факта нельзя. Поэтому сам первый момент в строительстве кургана остается за рамками уточнения. Далее можно судить уже более определенно. Появление относительно более молодой могилы 3 в стороне от могилы 1 могло создать свой ориентир для строительства кургана и новую точку отсчета для планиметрии курганной архитектуры. Ее своеобразие выразилось в том, что слои земли и каменные выкладки сооружались с севера не с целью сохранить места могил 1 и 3 как геометрического центра сферического сооружения, а смещая их геометрическую позицию к юго-западному краю сооружения. Нечто похожее можно наблюдать в планиметрии Большого Кишпекского кургана, в котором основное погребение — гробница и каменная выкладка — расположено ближе к краю возведенной потом насыпи (Чеченов, 1984. С. 166, рис. 3). В связи с этим можно поставить вопрос об особом типе асимметричной планировки курганов МНО. Информации о ней пока у нас немного, кроме того, что такая планировка все же была.

Разрушения на кургане, произведенные до начала раскопок во время строительства, особая сложность внутренних конструкций затрудняют документирование процесса наращивания насыпей и каменных выкладок.

Общее относительное расположение погребения 1 и погребения 3 по линии северо-запад–юго-восток по азимуту 110° выдерживается осями каменных конструкций и общим направлением длинной оси меганасыпи кургана. В связи с этим можно также заметить, что проблема интерпретации символики каменных кладок кургана Кудахурт, вероятно, находятся в связи с проблемой изучения сегментовидных выкладок из грунта и камня для других майкопских курганов, исследованных у с. Брут и Сунжа в Северной Осетии (Кореневский, 2004. С. 15; С. 150, рис. 33: 2) и Кишпек в Кабардино-Балкарии (Чеченов, 1984. С. 166, рис. 13).

Зафиксированный в профиле кургана слой 1 перекрыл погребения 1, 3 вместе с ямой 1. С севера он был прикрыт валом 1а из булыжника. Форма образовавшейся насыпи, скорее всего, была вытянутой с северо-востока на юго-запад и ни в коем случае не представляла из себя округлую сферу. Учитывая последнее обстоятельство, можно думать, что слой 1 сооружался после появления погребения 3, когда уже обозначилась эта направляющая (или длинная ось планиметрии) кургана.

Надо полагать, что курган уже после появления погребения 3 мыслился древними строителями как удлиненная подромбическая фигура с возведением с северной стороны каменных кладок. За кладкой 1а последовала выложенная к северу от нее на поверхности земли кладка 3а. После чего был сооружен новый уплощенный скат насыпи 2. Его окончание пришлось на подрезанный слой почвы, показывая, что все предыдущие операции шли по задуманномву ранее плану сооружения.

Следующий этап развития памятника связан с появлением ямы 2, аналогичной по характеру яме 1. Ее функция, видимо, носила культовый характер, ибо она явно сооружалась майкопцами у подножья своего некрополя. В это время шло уже время финала МНО.

После сооружения ямы 2 над ней была выложена площадка 4а с бортиками 3а и 5а. Над ними был досыпан слой 3. А затем он был перекрыт сверху каменной кладкой 6а из булыжника, продолжившей развитие идеи расширения кургана на север.

Погребения эпохи средней бронзы уже совершались поверх всех этих конструкций. Дата самого молодого из них 4070 ± 90 ВР 2700–2470 ВС.

Анализ инвентаря погребений 1 и 3 кургана Кудахурт весьма интересен. Практически здесь мы столкнулись с редким инвентарным женским захоронением, определение пола которого не вызывает сомнения. Обращает на себя внимание, во-первых, что это была женщина зрелого возраста и что при ней в могиле нет никаких инструментов. Этот факт весьма любопытен, но нуждается в подкреплении новыми данными. Действительно ли женский погребальный обряд избегал положения в могилу инструментов и оружия или отсутствие его связано с иными причинами? Второе, оба погребения (1 и 3) можно отнести к захоронениям элиты майкопских племен, судя по наличию в их костюме украшений из серебра, золота и полудрагоценных камней.

Лазуритовые бусы, наполненные золотыми шайбами погребения 3, — пока уникальные изделия. С одной стороны, они связаны с продуктами дальнего обмена лазуритом, источники которого есть в Афганистане (Herrman, 1968. P. 21–49). Обмен лазуритом или первобытная «торговля» этим полудрагоценным камнем (сырьем, поделками) началась в Месопотамии в период позднего Убейда. На севере Месопотамии древнейшие находки украшений из ляпис-лазурита происходят из слоя Гавры XIII. В слое Гавра X времени позднего Урука находки бус из лазурита и золота приобретают массовый характер. Поэтому, надо полагать, появление украшений из лазурита в Предкавказье имеет прямую связь с распространением этого продукта для высокопрестижных и сакральных украшений к югу от Аракса в рассматриваемый период.

В майкопских памятниках находки лазуритовых украшений редки. В Майкопском кургане, например, известны бусы из зеленоватой бирюзы, не лазурита. Лазуритовые украшения упоминаются в составе драгоценностей Старомышастовского клада и в кургане 1 у ст. Новосвободной из раскопок Н.И. Веселовского (Мунчаев, 1975. С. 225, 243). Находка в кургане на р. Кудахурт лазуритовых бус подчеркивает причастность майкопской элиты к обменным связям этим крайне дефицитным полудрагоценным минером, уже получившим популярность, надо полагать, в качестве магического и престижного камня в Передней Азии к югу от Аракса. Примеры наполнения лазуритовых бус золотыми шайбами из майкопских памятников и иных территорий нам неизвестны, поэтому остается открытым вопрос, приняли ли лазуритовые бусы погребения 3 окончательный вид на месте или были привезены сюда в таком виде.

Бусы-шайбы из золота в кургане 1 на р. Кудахурт имеют ограниченные аналогии в Предкавказье. Например, они хорошо представлены в Майкопском кургане. Но техника изготовления таких бус этого комплекса без специального анализа остается не вполне ясной. Химический анализ бусины из кургана Кудахурт показал, что она сделана из высокопробного золота (около 90,6%) с небольшой добавкой серебра (8%) и еще меньшей добавкой меди (1,4%). Именно такого состава золотые украшения были открыты В.А. Галибиным в серии исследованных предметов из урочища Клады (Галибин, 1991. С. 65). Следовательно, комплекс кургана Кудахурт иллюстрирует традицию такого многокомпонентного естественного сплава, известного в ранний и в поздний период МНО.

Маленький золотой колпачок из погребения 3 может быть сопоставлен с колпачками из состава украшений Майкопского кургана. Но у него есть одно центральное отверстие, а на колпачках Майкопского кургана их два по краям сферы (Анфимов, 1987. С. 36–37). На него похожи золотые и серебряные бляшки из кургана 31 погребения 5 урочища Клады, хотя последние (Резепкин, 1991. С. 183, рис. 10, 12, 13) украшены пунсонным точечным орнаментом. Поэтому полных аналогий эта вещь в Предкавказье не находит. Но в целом бусы-колпачки как категория для памятников урукского периода «не новость» (см., например: Трифонов, 2000).

Золотые колечки в один оборот и серебряные колечки в один оборот с подвесками из сердоликовых камешков довольно типичны для погребений майкопской элиты. Они чаще встречаются в золоте, чем в серебре. Сердоликовые бусы, в том числе и надетые на золотые кольца, известны: Майкопский курган, Старомышастовский клад, ст. Белореченская, Новосвободная (к. 1, к. 2), ст. Андрюковская, ст. Псебайская (цепочка из колечек и кольцо с надетой бусиной) (Мунчаев, 1975. С. 212–222, 226, 242–243, 255, 256), Чегем 1 5/3 (бусина на колечке) (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 46, рис. 12: 5), курган 31 погребение 5 урочище Клады (Резепкин, 1991), ст. Днепровская 2/8 (разрушено) (Кореневский, 2004. С. 168, рис. 40: 2).

В основном они маркируют захоронения лиц высшего ранга или статуса с самым престижным инвентарем из бронзы. На этом фоне комплекс погребения 1 кургана 1 на р. Кудахурт опять же выглядит несколько своеобразным. В нем впервые в неразграбленном захоронении с сердоликовыми бусами не обнаружены бронзовое оружие или инструменты. Зато в погребении 3 с золотыми колечками и сердоликовыми бусами бронзовое оружие есть, как бы подтверждая общую закономерность для майкопской погребальной практики.

Анализы состава металла двух бронзовых предметов из погребения 3, кинжала и диска, показывают использование для их изготовления медносодержащего сырья, насыщенного тысячными и сотыми долями процентов олова, серебра, висмута. Повышено содержание до десятых долей свинца, цинка, сурьмы, золота. Легирующим компонентом выступает мышьяк – 2,7% и 0,66%. Обращает на себя внимание и повышенное содержание никеля. В одном случае 4,15% в другом – 0,313%. В целом перед нами хорошо известные в науке майкопские мышьяково-никелевые бронзы, выделенные уже ранее в трудах И.С. Селимханова и Е.Н. Черных (Селимханов, 1960; Кашкай, Селимханов, 1974; Черных Е.Н., 1966. С. 98–103).

В Центральном Предкавказье, особенно в майкопских памятниках Кабардино-Балкарии, таких бронз много (Кореневский, 1984). Но насколько полученные данные согласуются по остальным микропримесям с изделиями из комплексов МНО – однозначно ответить непросто. По повышенным микропримесям золота, содержащимся в десятых долях процента, они резко отличны от состава металла всех опубликованных ранее анализов, выполненных в лаборатории спектрального анализа Института археологии РАН, но неплохо совпадают с серией анализов из могильника Клады, выполненных В.А. Галибиным в лаборатории спектрального анализа ИИМК (Галибин, 1991. С. 63–64). Повышенное содержание в металле предметов из Кудахурта до десятых долей процента свинца и цинка аналогий среди анализов московской лаборатории также не находит (Черных, 1966). С чем связано такое расхождение, придется выяснять в будущем, так же, как и то, чем вызвано явно не случайное совпадение по повышенному содержанию микропримесей золота между находками в кургане 1 на р. Кудахурт и предметами из погребения 5 кургана 31 могильника Клады.

Доступные нам для анализа образцы состава керамики, найденные в комплексах майкопской культуры кургана на р. Кудахурт, подтверждают тезис о том, что майкопские племена использовали одновременно высококачественную круговую посуду и лепные горшки. Высококачественная посуда могла иметь охристые тона от коричневатых до красноватых от-

тенков, а также черный или темно-серый цвет поверхностей. Внешняя поверхность старательно обрабатывалась (лощилась) до блеска. Такой же тщательной обработке мог подвергаться и венчик. Его формы весьма показательны и связаны с наличием острорельефного отгиба изнутри сосуда. Такой отгиб мог появиться в случае приставного горла. Тулово и горловина при этом изготовлялись отдельно и затем соединялись вместе. Далее сосуд доводился до окончательной кондиции на механическом устройстве типа поворотного столика. Бороздка механического происхождения заметна на краю венчика сосуда 3 из погребения 1.

По полученным анализам заметно, что при выборе сырья майкопские керамисты ориентировались для производства высококачественной посуды на ожелезненные сорта глин. Искусственные минеральные примеси или шамот не использовались (Кореневский, 1995. С. 20–23). Такая особенность керамического производства майкопцев уже была ранее отмечена по данным поселения Галюгаевское 1 (Кореневский, 1995).

Глина перед формовкой для изготовления сосудов высокого класса часто обогащалась и старательно отмучивалась. В качестве искусственных добавок использовалась только органика – навоз животных, жвачных и нежвачных. Если набор видов жвачных животных для домашнего скота майкопцев довольно тривиален: корова, овца, коза, то кто такие нежвачные в составе их стада – вопрос открыт. В первую очередь «кандидатом» на такое нежвачное животное, соседствующее с человеком и навоз которого он мог использовать, претендует лошадь, кости которой регулярно находят практически на многих поселениях майкопкой культуры (Кореневский, 2004. С. 124).

Особого внимания в контексте посуды МНО заслуживает сосуд № 3 из погребения 1. Его форма, напоминающая многочисленные тюльпановидные лепные и круговые сосуды Закубанья, показывает, что она является типично майкопской, а не заимствованной со стороны из круга культур воронковидных кубков.

В итоге можно прийти к выводу, что комплексы кургана 1 на р. Кудахурт вносят важное дополнение в проблематику майкопской культуры в Кабардино-Балкарии. Оно заключается в открытии здесь ярких ранних памятников псекупского варианта, которые ставят на повестку дня необходимость всестороннего анализа этого явления уже в рамках всей МНО. Не менее важен и вопрос о майкопских немогильных комплексах в ямах. В исследуемом районе находки таких ям не одиноки. В 2004 году во время охранных раскопок в зоне строительных работ водохранилища в местности Кашхатау у г. Жемтала был исследован погребальный комплекс, получивший название курган 12 (рис. 14). В нем были зафиксированы две ямы № 3 (рис. 14) и № 7 (рис. 15), напоминающие ямы 1 и 2 кургана 1 на р. Кудахурт с майкопской керамикой, костями животных и каменными орудиями. Дата одной из них (объект 7) по кости животного из заполнения – середина 37 – середина 36 в. до н. э. (ГИН–12918 4830 ± 40 BP 3650–3541 BC). Керамический контекст явно свидетельствует о присутствии здесь носителей ближневосточной ветви развития МНО (ее раннемайкопского галюгаевско-серегинского или псекупского вариантов). Самая любопытная находка из этих ям – практически полный набор кремневых вкладышей серпа (рис. 15: 3). Она дополнительно свидетельствуют о появлении и обитании майкопцев в Балкарии еще в ранний период этой культуры, а также очевидную ориентацию в занятиях майкопского населения на комплексное хозяйство, сочетающее земледелие и скотоводство.

Публикуемые материалы из предгорной части Балкарии относятся к раннему периоду существования майкопско-новосвободненской общности. Их характеристику может дополнить случайная находка втульчатого топора из с. Безенги в предгорьях Балкарии (табл. 2: 4). Топор был слегка деформирован в современности. Его заточили на наждачном круге и несколько срезали лезвие.

Длина топора 137 мм. Высота лезвия 80 мм, высота обуха 30 мм. Ширина втулки 41 мм, диаметр отверстия 30 мм. След усадки металла заметен в брюшке изделия. Это говорит о манере отливки топора в двустворчатую форму с открытым для литья брюшком. След усадочной раковины прослеживается от втулки практически до лезвия. Но на клине он старательно выровнен ковкой. В то же время на внешней стенке нижнего края втулки прослеживается подобие наплыва металла, образующего бортик и вмятину. Это след кузнечной проработки участка втулки для ликвидации наплыва металла при его заливке со стороны брюшка в область втулки, куда вставлялся сердечник. Характерной особенностью топора при рассмотрении его в профиль является небольшой изгиб спинки и слабый прогиб верхнего края втулки. По размерам втулки, клина и пропорциям топор можно отнести к вариациям форм орудий 1-й майкопской группы.

Удивительно близкой аналогией ему является топор из погребения 70 кургана 1 у с. Заманкул (Кореневский, Ростунов, 2004. С. 155, рис. 7: 3; С. 162, рис. 13: 8; Кореневский, 2004. С. 207, рис. 81: 10). На последнем топоре прослеживаются не только такой же выгиб спинки клина, но и кузнечный наплыв металла снизу на внешней стенке втулки с характерной вмятиной. Это явное свидетельство местного и очень близкого производства обоих топоров в Центральном Предкавказье. Судя по дате заманкульского топора – 37–36 вв. до н. э. (Кореневский, Ростунов, 2004. С. 148), орудие из с. Безенги относится к этому же времени раннего этапа МНО (подробнее см. статью С.Н. Кореневского «Современные проблемы изучения майкопской культуры» в настоящем сборнике).

Топор из с. Безенги изготовлен из мышьяково-никелевой бронзы. Спектральный анализ на установке «Comebax» показал следующие данные: Cu – основа (93,5%), Sn – 0,022%, Pb – 0,019%, Zn – 0,048%, Bi – 0,018%, Ag – 0,097%, Sb – 0,029%, As – 4,99%, Fe – 0,017%, Ni – 0,47%, S – 0,026, Co – 0,024%, Au – 0,38%. Топор по химическому составу металла близок изделиям из кургана у с. Кудахурт, особенно по высокому содержанию никеля и золота.

Приведенные выше данные позволяют нам говорить, что предгорья Балкарии были освоены майкопским населением еще в раннем периоде майкопской культуры и их обитание имело некоторую специфику, о которой мы пока лишь начинаем получать информацию из раскопок.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов И.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Археологические исследования... 1984. – Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.

Батчаев В.М., Кореневский С.Н., 1982. Две редкие находки раннего металла из Кабардино-Балкарии // КСИА. Вып. 169.

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.

Галибин В.А., 1991. Изделия из цветного и благородного металла эпохи ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. М.

Глонти Л.И., Джавахишвили А.И., 1987. Новое данные о многослойном памятнике эпохи энеолита поздней бронзы в Шида Картли – Бериклдееби // КСИА. Вып. 192.

Иессен А.А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. Вып. 3.

Иессен А.А., 1950. К хронологии больших кубанских курганов // Советская археология. Т. XII.

Кашкай М.В., Селимханов И.Р., 1974. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку.

Кореневский С.Н., 1981. Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. № 1.

Кореневский С.Н., 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.

Кореневский С.Н., 1991. К вопросу о Майкопе на среднем Тереке // Майкопский феномен в древней истории Северного Кавказа и Восточной Европы. Л.

Кореневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М.

Кореневский С.Н., 1995. Галюгай 1 – поселение майкопской культуры. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н., Ростунов В.Л., 2004. Большие курганы майкопской культуры у с. Заманкул в Северной Осетии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2006. Погребение № 195 Большого Ипатовского кургана с антропоморфной стелой // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: памяти В.Н. Чернецова. М.

Крупнов Е.И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР // Ученые записки / КБНИИ. Вып. VI. Нальчик.

Крупнов Е.И., 1951. Древнейший период истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып. 1. Нальчик.

Крупнов Е.И., 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.

Мирцхулава Г.И., 1973. Самшвилде. Тбилиси.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мусейбли Наджаф, 2007. Энеолитическое поселение Беюк Кесик. Баку.

Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.

Резепкин А.Д. 2004. Поселение эпохи ранней бронзы Чишхо и некоторые аспекты происхождения и хронологии майкопской культуры // Археолог: детектив и мыслитель: сб. статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб.

Сафронов В.А., 1978. Отчет об исследованиях курганов у в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7500.

Селимханов И.Р., 1960, Историко-химические и аналитические исследования древних предметов из медных сплавов. Баку.

Трифонов В.А., 2000. Курганы майкопского типа с северо-западном Иране. Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина // Сборник материалов. СПб.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. С. 98–103.

Чеченов И.М., 1973. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик.

Чеченов И.М., 1984. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.

Яковлев А.В., Самойленко В.Г., 2003. Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополья // КСИА. Вып. 213.

Djavaxisvili Aleksandre, 1998. Ausgrabungen in Berikldeebi (Sida Kartli). 1998 // Georgica: Zeitschrift fur Kultur Sprache und Geschicte und Kaukasiens. № 21 Jahrgang. S. 5–20.

Hermann Georgina, 1968. Lapis Lazuli: The Early Phases of its trade // Iraq. Vol. XXX. P. 21–49.

Mackey Ernest, 1929. A Sumerian Palace and the «A» cemetery at Kish, Mesopotamia. Pt II. Chicago. Pl. XLIII.

Munchaev R.M., Merpert N.Y, Bader N.O., 1991. The excavations at Tell Hazna I, Syria // Cahiers de L'Euphrate. Vol. 7.

Tallon F., 1987. Metallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIII-e avant J.-C. T. 1–2. Paris. Fig. 48.

Schmidt E., 1932. Excavations at Tepe-Hissar. Philadelphia. Pl. LIV, H. 3192.

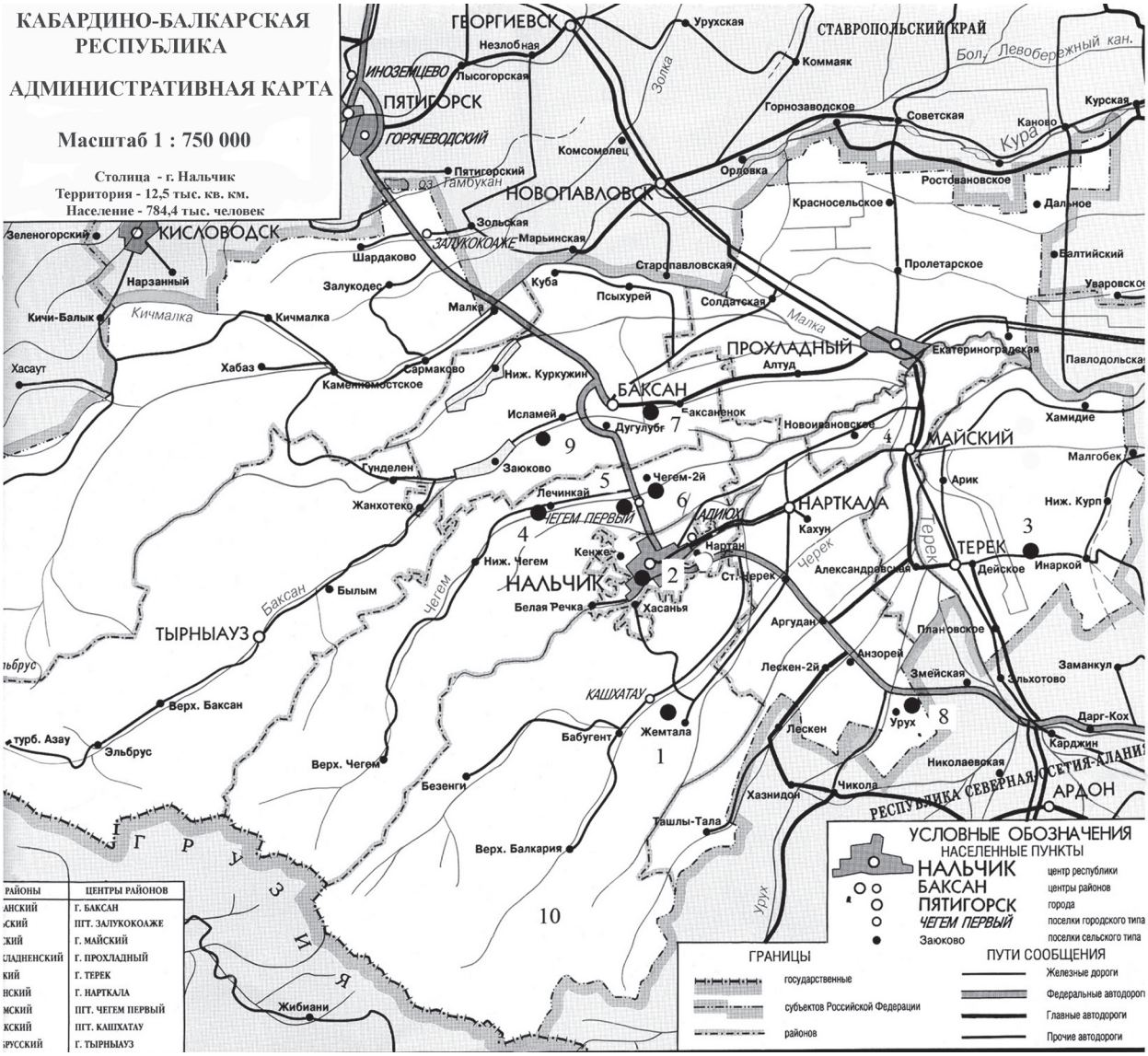

Рис. 1. Месторасположение кургана 1 на р. Кудахурт и карта памятников майкопско-новосвободненской общности в Кабардино-Балкарии: 1 — курган 1 на р. Кудахурт и курган Кашхатау; 2 — памятники г. Нальчика (Долинское поселение, «Садки», Нальчикский курган и другие); 3 — курган Верхний Акбаш; 4 — курганы у с. Лечинкай; 5 — курганы у с. Чегем I; 6 — курганы у с. Чегем II; 7 — курганы у с. Кишпек; 8 — курган у с. Старый Урух; 9 — курган у с. Кызбурун

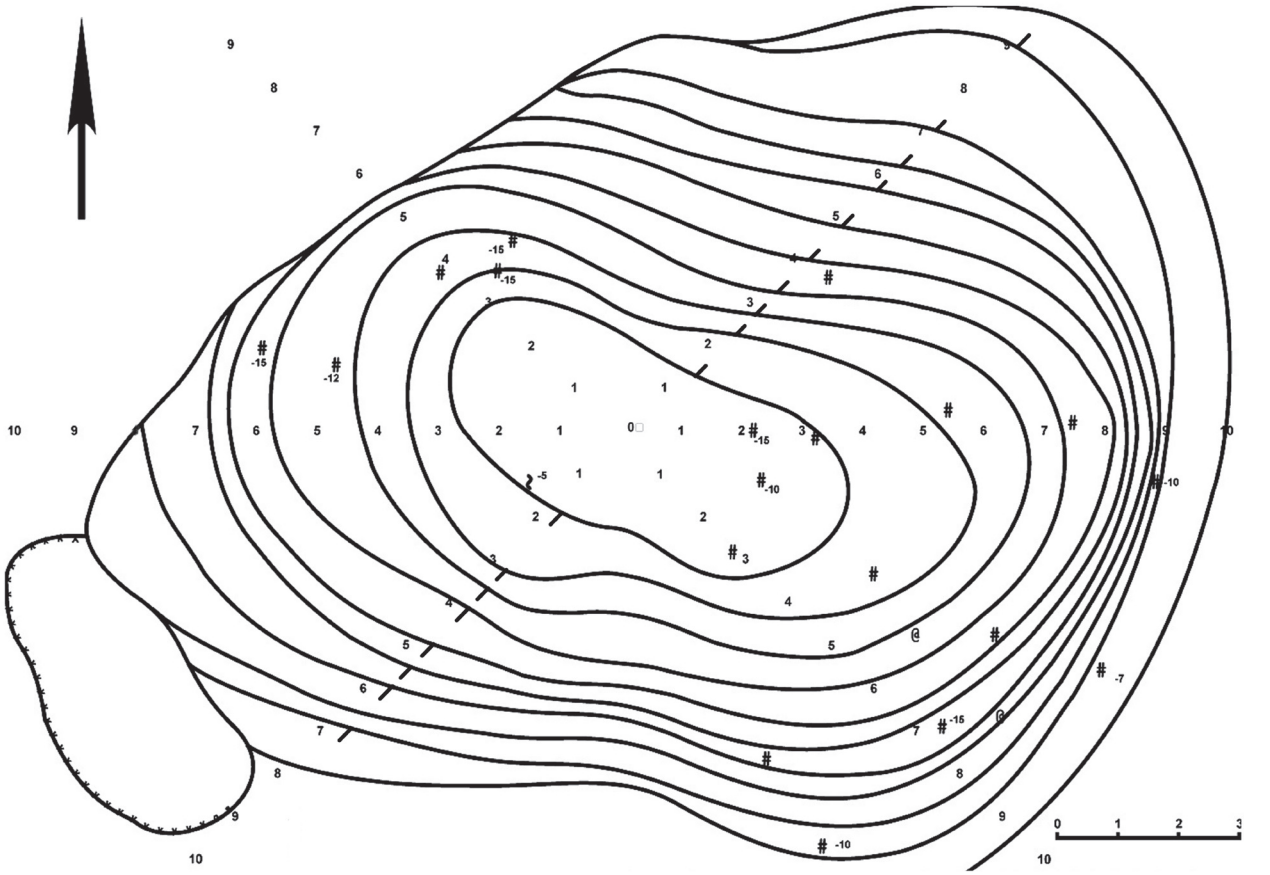

Рис. 2. План кургана 1 на р. Кудахурт до начала раскопок

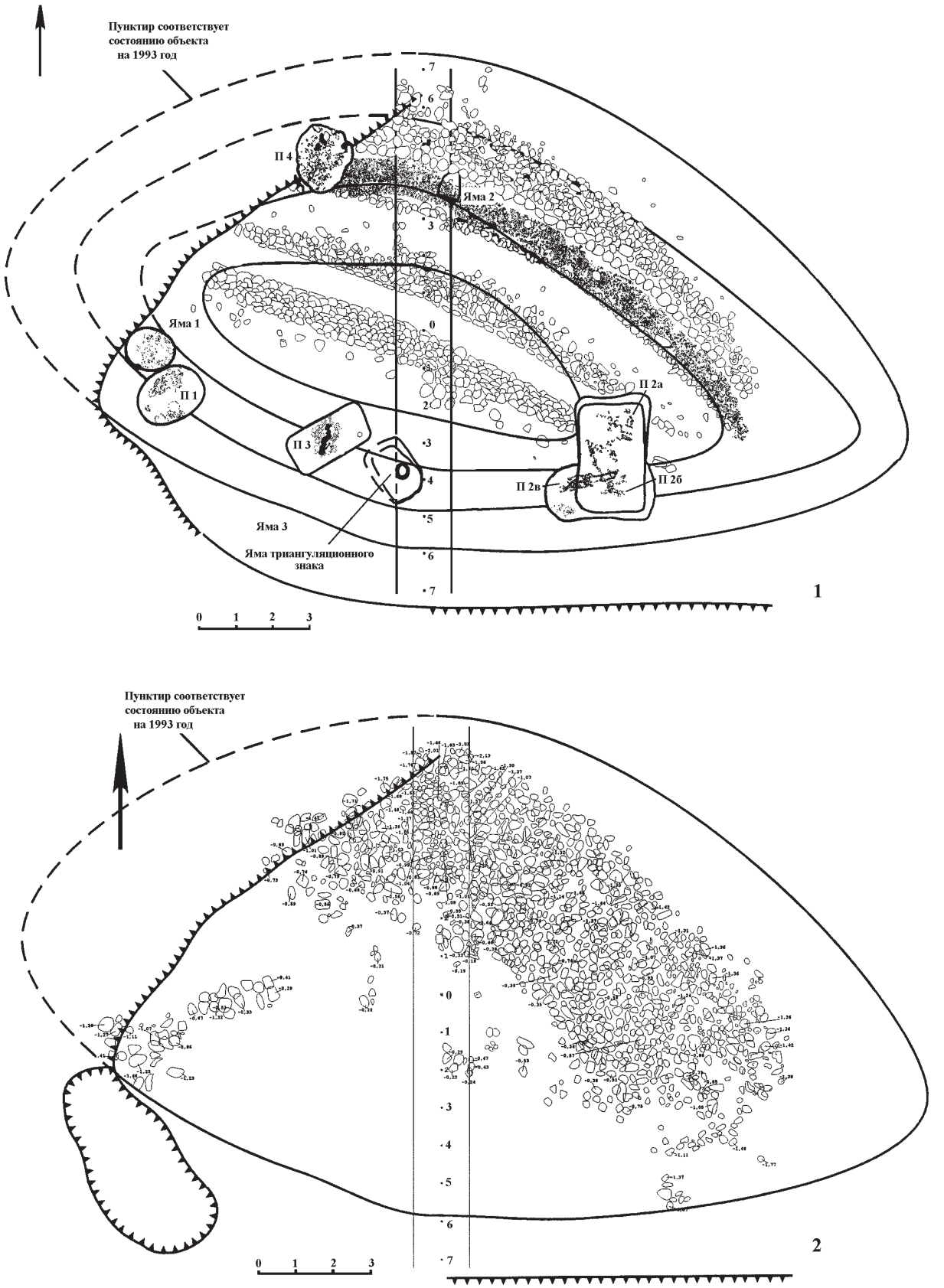

Рис. 3. Общий план кургана 1: 1 — каменные выкладки 1а–5а; 2 — выкладка 6а

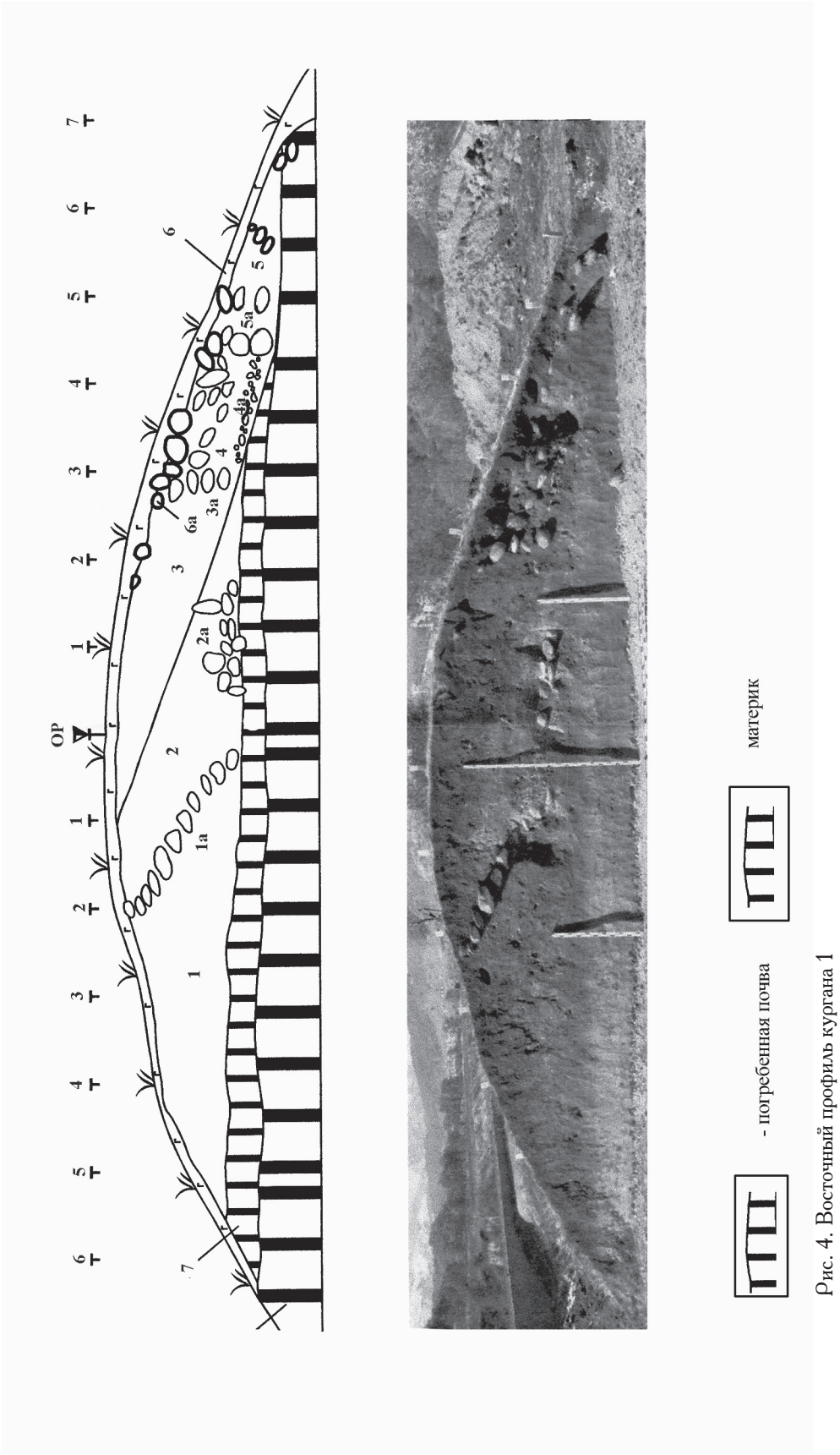

Рис. 4. Восточный профиль кургана 1

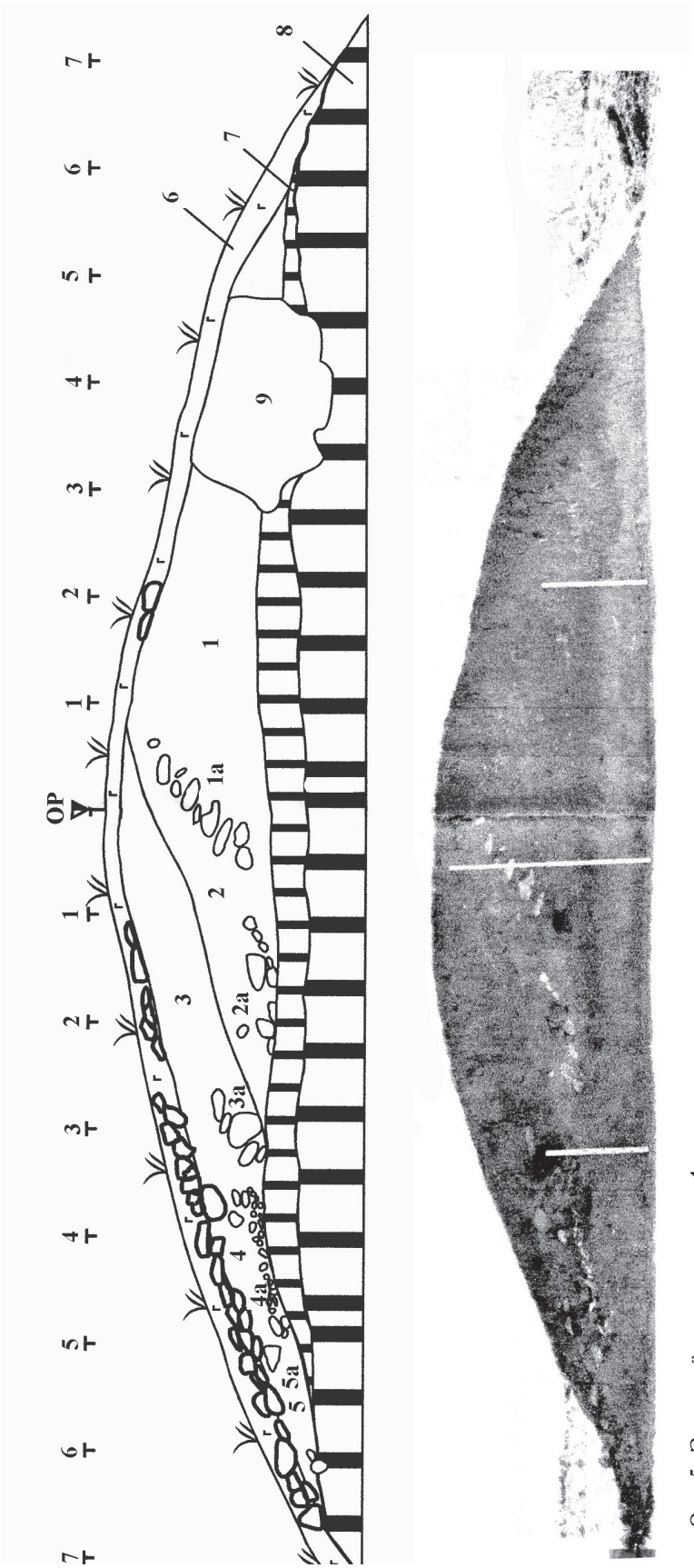

Рис. 5. Западный профиль кургана 1

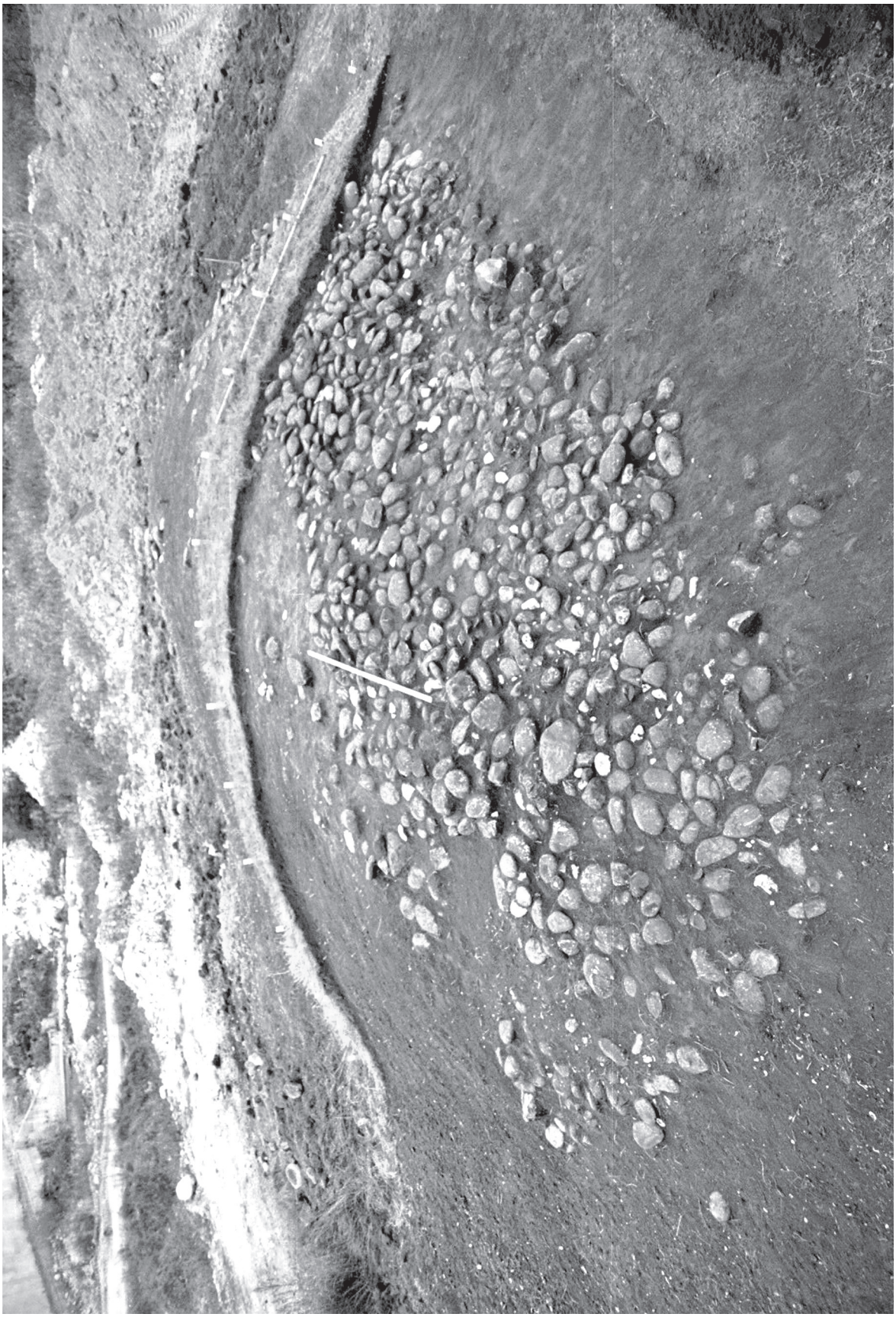
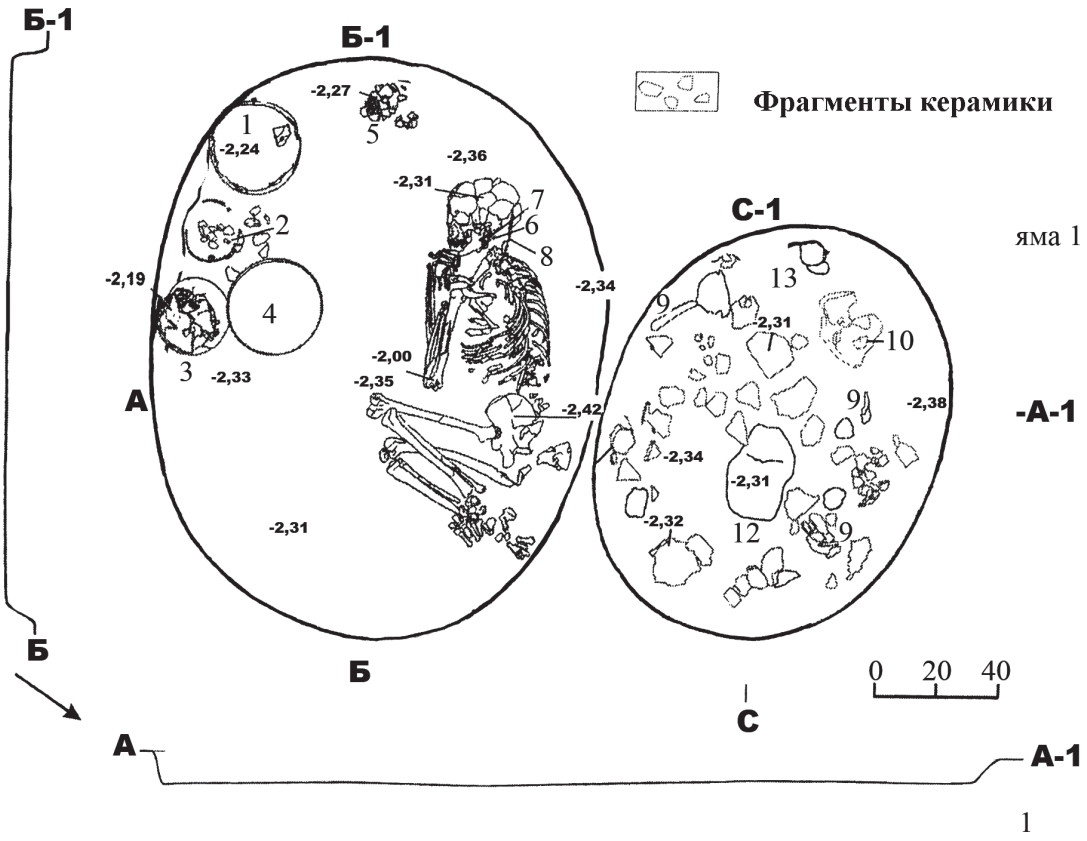

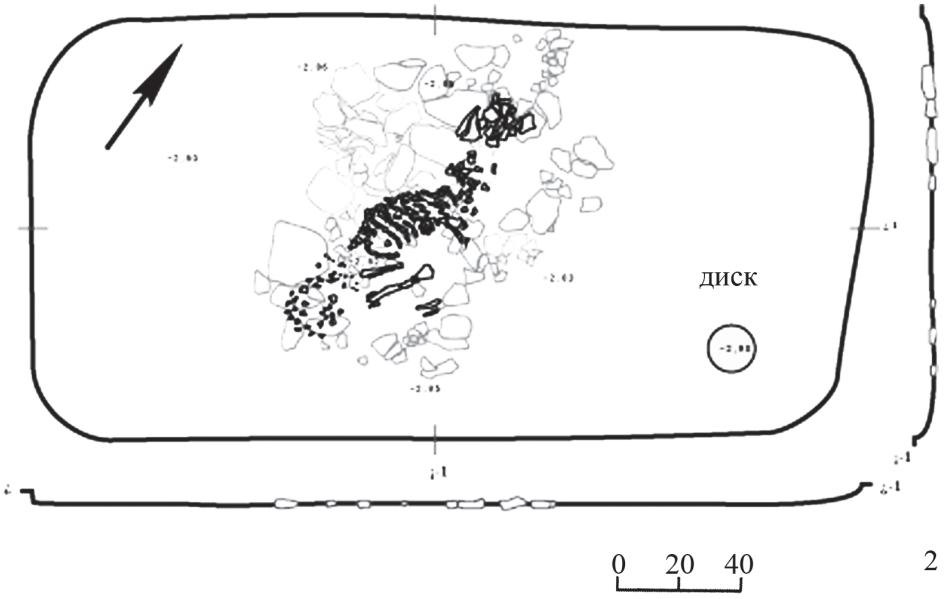
Рис. 6. Кладка 6а

погребение 1

1

погребение 3

2

Рис. 7. Планы погребения 1, ямы 1 и погребения 3:
1 — погребение 1 находки: 1–5 — сосуды; 6 — височные подвески; 7 — гишеровая бусина; 8 — костяная булавка; 9 – кости животных; 10 — фрагменты глиняных конусов; 11 — скол обсидиана; 12 — скол кремня; 2 — погребение 3

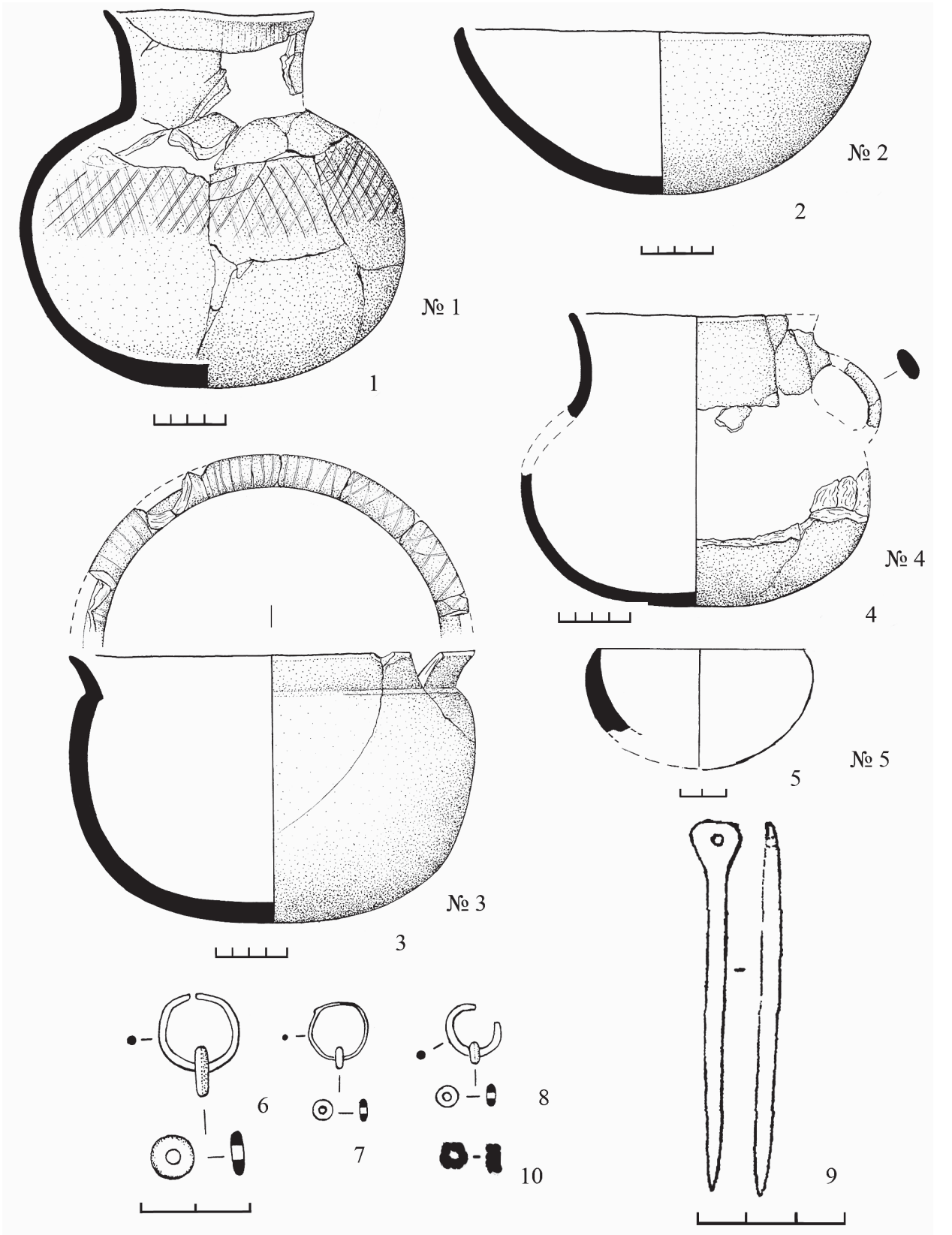

Рис. 8. Находки в погребении 1 кургана 1:
1–5 — керамика; 6–8 — серебряные кольца с сердоликовыми подвесками — бусами; 9 — костяная булавка; 10 — гишеровая бусина

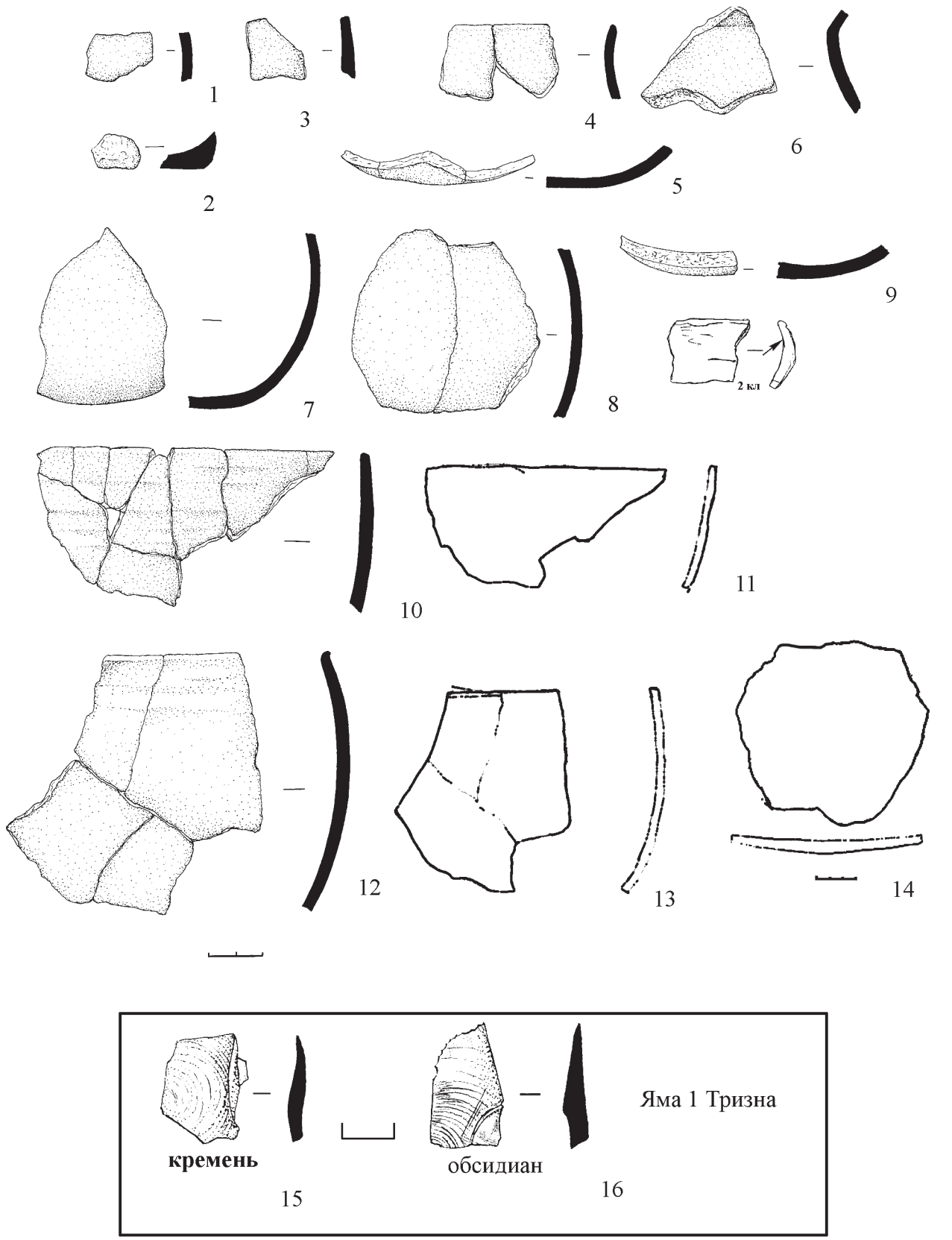

Рис. 9. Находки в яме 1: 1–15 — керамика; 16 — кремень; 17 — обсидиан

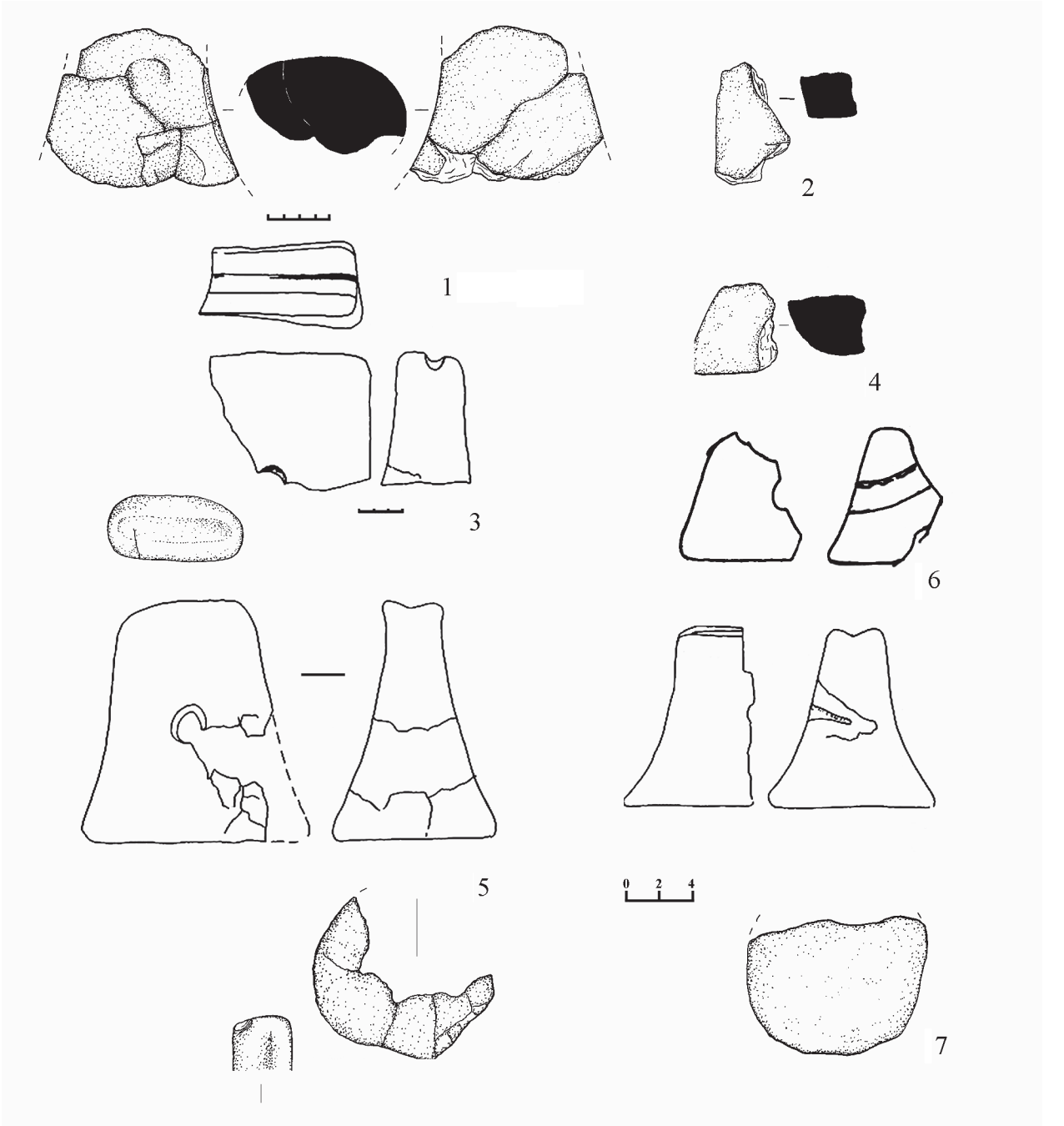

Рис. 10. Находки в яме 1, глиняные конусы, приочажные приставки

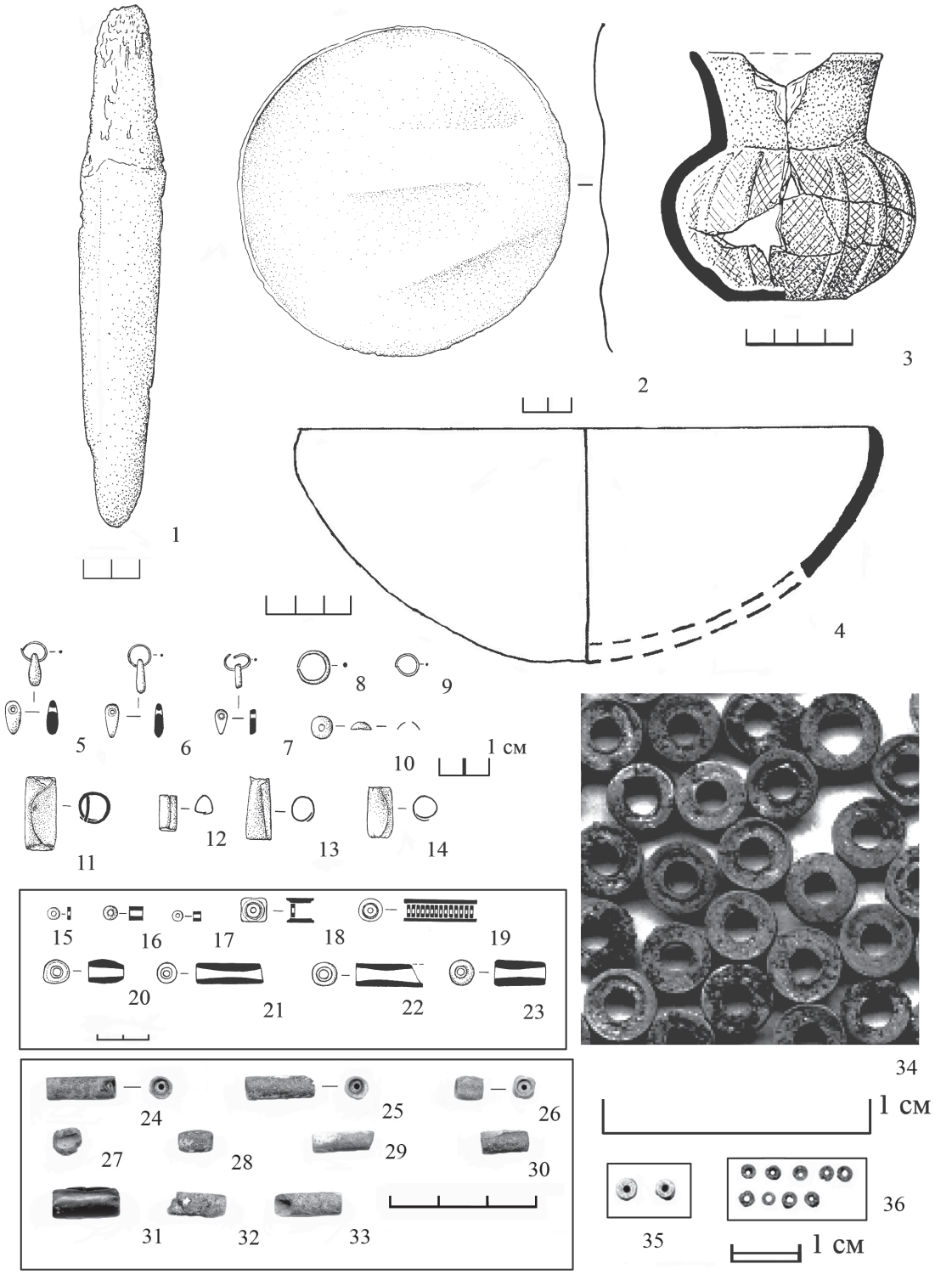
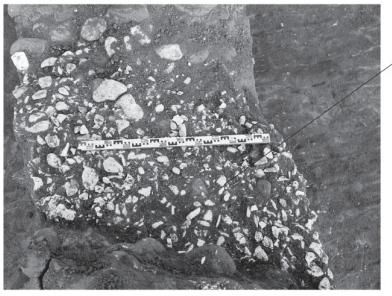

Рис. 11. Находки из погребения 3:
1 — бронзовый кинжал; 2 — бронзовый диск; 3, 4 — сосуды; 5–7 — золотые колечки с сердоликовыми бусами; 8, 9 — золотые кольца; 10 — золотой колпачок; 11–14 золотые накладки; 15 — золотая бусина; 16 — пастовая бусина; 17 — гишеровая бусина; 18–23 — лазуритовые бусы — трубочки; 19 — схема заполнения лазуритовой бусины золотыми шайбами; 24–33 — лезуритовые бусы (фото); 34 — золотые бусы — шайбы с увеличением в 5 раз; 35 — пастовые бусы (фото); 36 — гишеровые бусы (фото)

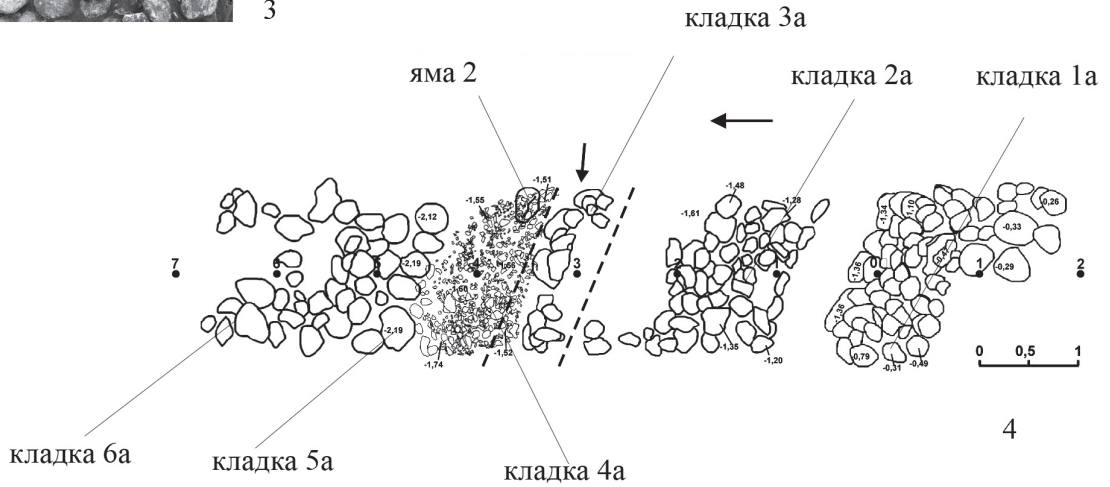
1

2

3

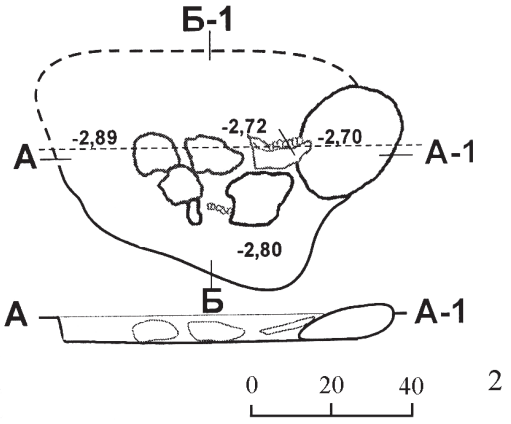

4

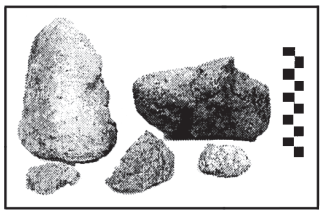
Рис. 12. Кладки кургана 1 и место расположения ямы 2:
1 — вид на зачищенные кладки в бровке кургана 1; 2 — вид на кладку 4а; 3 — кладки 1а и 2а; 4 — схема кладок и место ямы 2

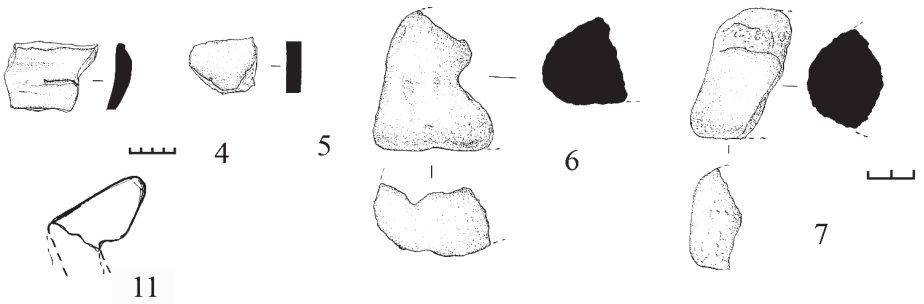
1

2

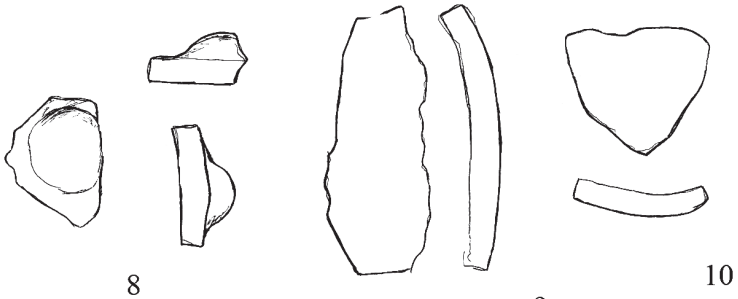

3

4 5 6 7

11

8 9 10

Рис. 13. План ямы 2, ее место в профиле и находки из ямы 2:
1 — место ямы 2 в профиле кургана; 2 — план ямы 2; 3 — глиняный конус; 4, 5, 8–11 — керамика; 6, 7 — обломки глиняного конуса

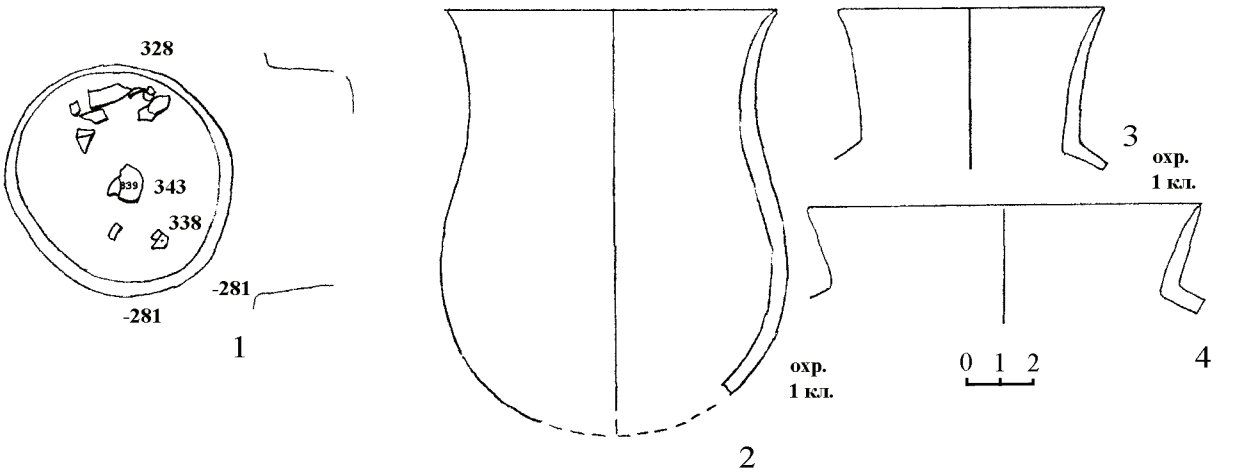

Рис. 14. Яма 3 в кургане 12 у с. Кашхатау:
1 — план ямы; 2–9 — находки (керамика)

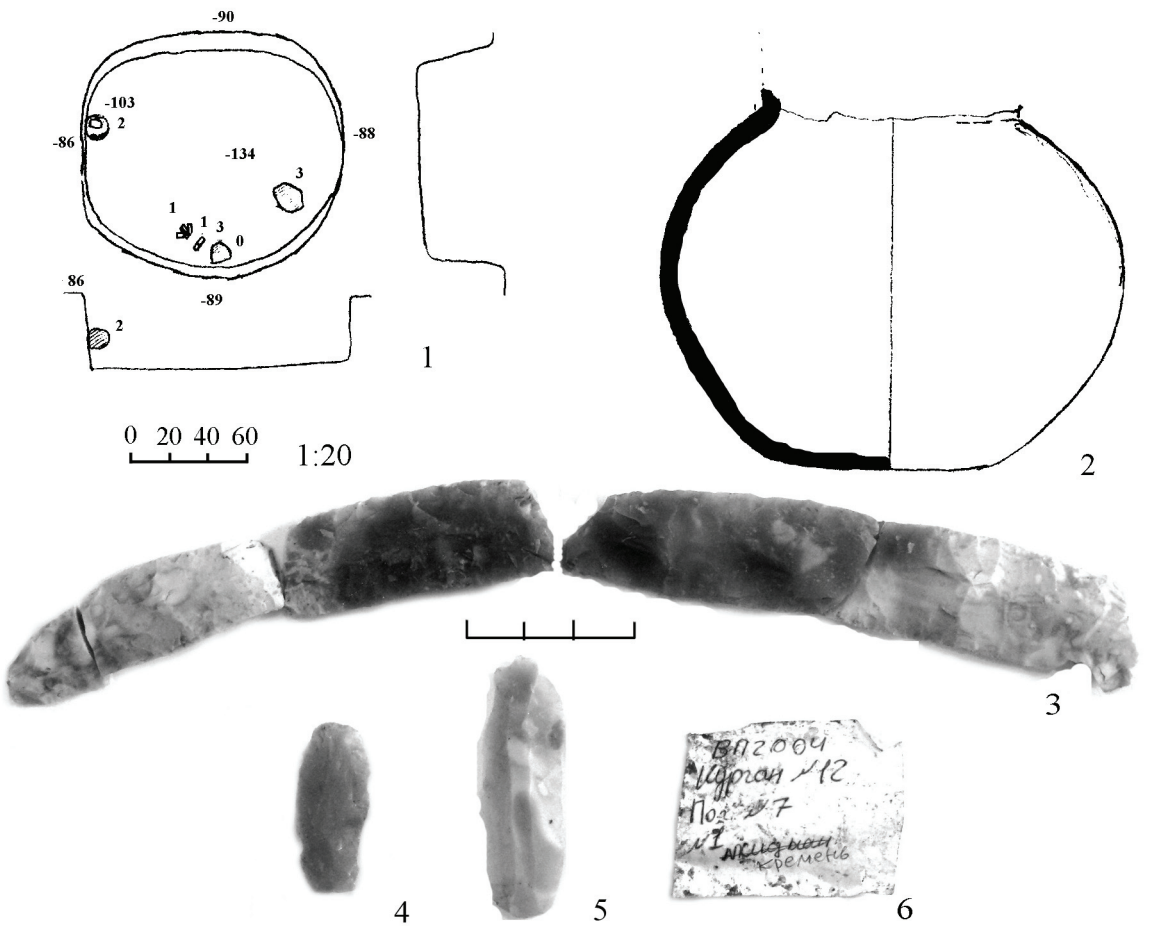

Рис. 15. Яма 7 в кургане 12 у с. Кашхатау:
1 — план ямы; 2 — керамика; 3 — вкладыши серпа; 4–6 — кремень

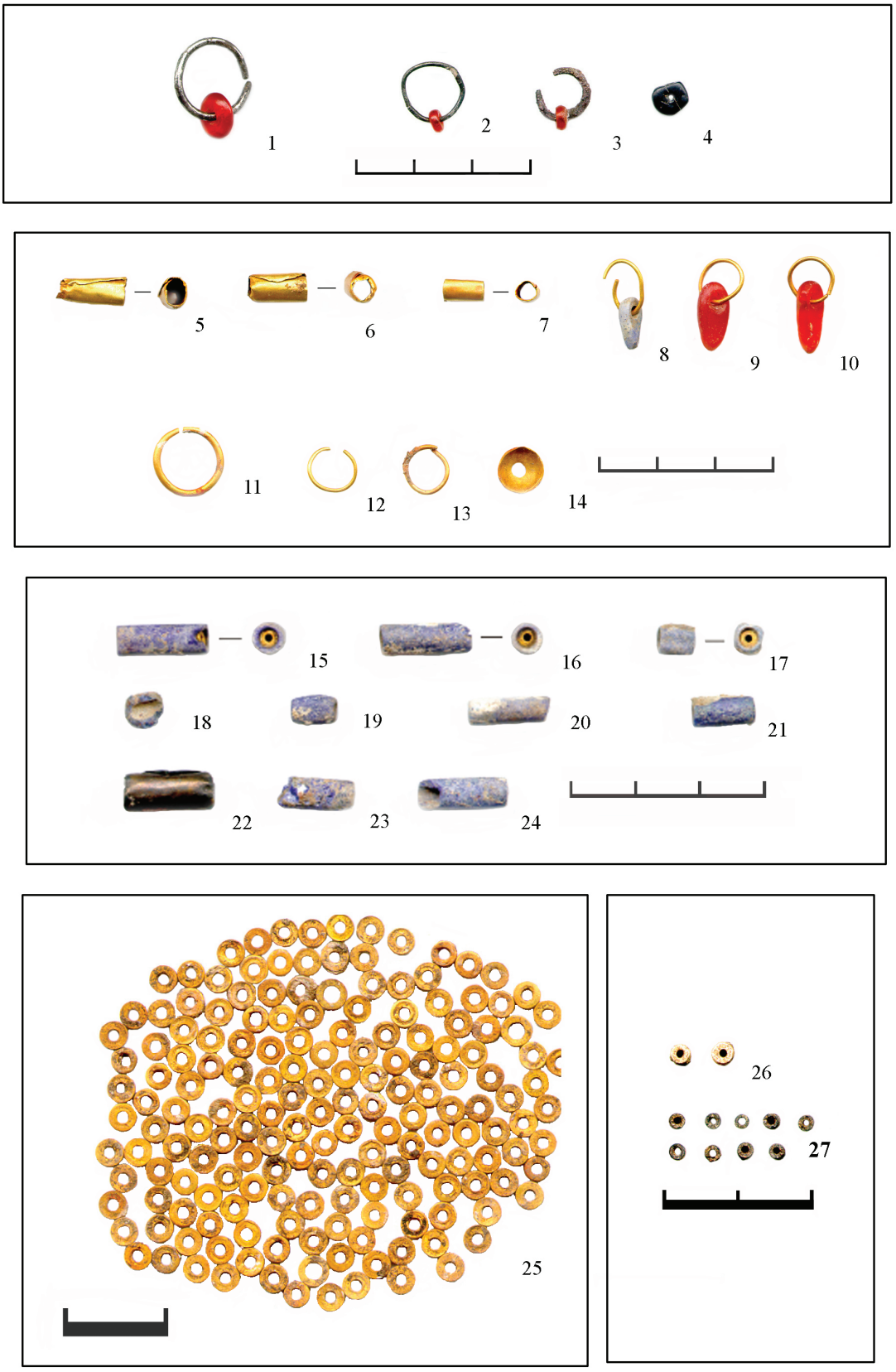

Таблица 1. Украшения из погребений 1 и 3 в кургане 1 у с. Кудахурт:
1–4 — погребение 1; 5–27 — погребение 3

Таблица 2. Находки раннего бронзового века из Кабардино-Балкарии и Ставрополья:
1, 2 — к. 1 п. 3 у с. Кудахурт; 3, 5, 6, 7 — к. 1 п. 1 у с. Кудахурт; 4 — с. Безенги;
8 —к. 1 п. 10 у с. Верхний Акбаш; 9 — Ипатово — 3 к. 2 п. 195

А.Д. Резепкин

ПОСЕЛЕНИЕ НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ*

В 1990–1991 годах при раскопках в урочище «Клады» курганов 39 и 40 под их насыпями было обнаружено поселение. В 1993 году под раскопанной частью кургана 40 был заложен раскоп площадью 40 кв. м (табл. 1). Длинной осью он вытянут по линии запад–восток и разбит на квадраты со стороной 2 м. По центру раскопа, по его длинной оси была оставлена бровка (табл. 2: 1). В бровке и стенках раскопа четко прослеживалась простая стратиграфия поселения. Оно было однослойным, древняя дневная поверхность поселения была устлана белой речной галькой толщиной до 15 см. На гальке изредка встречались обломки костей животных и мелкие невыразительные фрагменты керамики, в подавляющем большинстве своем черного и серого цветов. Вся керамика лощеная, иногда до блеска, обжиг хороший, тесто серого цвета либо без видимых примесей, либо в подавляющем большинстве с примесями известняка и редко толченого кварцита. Встречено несколько невыразительных обломков керамики с «пачкающей» поверхностью, по тесту, цвету и обжигу очень напоминающих новосвободненскую керамику «реповидных» форм из гробниц. Также было найдено несколько отщепов кремня красновато-коричневого цвета, а в юго-западной части квадрата В-1 на гальке лежал обломок зернотерки. Все находки находились непосредственно на слое гальки, которая по всей площади раскопа лежала ровным слоем. Над галькой, то есть над культурным слоем поселения, к моменту сооружения кургана образовался слой гумуса толщиной до 15 см, что означает, что к моменту прекращения жизни на поселении и до начала сооружения кургана прошло много времени (табл. 2: 2). В восточной части раскопа в кв. А-1-2 обнаружены остатки жилища, разрушенного грабительской воронкой. Сохранившаяся часть жилища представляла собой глинобитную площадку с прямой западной стенкой, уцелевшей на высоту до 12 см и длиной до 2,2 м. Стена турлучного типа толщиной до 10 см, была хорошо обожжена до красного цвета. Внутренняя часть стен и пола была покрыта тонким слоем белой глиняной обмазки. На полу, примерно в середине жилища, был расположен очаг – углубление диаметром до 0,7 м. Оно было заполнено фрагментами раздавленных сосудов и обожженными кусками кремня. В другой части жилища находилось несколько плоских, хорошо заполированных камней.

В 1998 году раскоп был продолжен по линии запад–восток к западу. Было раскопано еще 24 кв. м. Культурный слой был аналогичен тому, что был обнаружен в раскопе 1993 года, только слой гальки был не столь однородным и плотным, и находок было существенно меньше. Наибольшая плотность гальки была в северо-западном углу (табл. 3). К моменту возведения насыпи кургана на древней дневной поверхности уже стоял дольмен (табл. 1). В процессе его сооружения в материке было сделано углубление, выкид из которого был зафиксирован в бровках и стенках раскопа поселения. По стратиграфической ситуации видно, что этот выкид лежит на поверхности того слоя гумуса, который образовался после прекращения функционирования поселения (табл. 3). То есть по прямой стратиграфической ситуации хорошо видно, что дольмен был сооружен гораздо позже того времени, когда существовало поселение. В этом же году раскопки поселения были продолжены

* Работа выполнена при поддержке РФФИ № 06-06-80168-а.

уже под насыпью другого раскопанного в 1990 году кургана – № 39. Этот курган располагался в 30 м к югу от кургана № 40, и между ними пролегала неширокая пологая балка. В западной части кургана был заложен раскоп II, длинной осью протянувшийся с юга на север. Общая площадь раскопа составила 40 кв. м. Поскольку культурный слой поселения был тонким и оно здесь не ожидалось, то часть его в центральной траншее была снесена бульдозером при раскопках кургана в 1990 году. Раскоп был заложен с таким расчетом, чтобы по длинной оси он вплотную прилегал к бывшей центральной траншее (табл. 4). Стратиграфическая ситуация на раскопе в этой части поселения была идентична вышеописанной под курганом 40. Только в южной части западной стенки раскопа крепида кургана прорезала культурный слой поселения (табл. 5: 3). На раскопанной части поселения зафиксировано 5 ям разных размеров, заполненных материковой глиной и крупными речными булыжниками (табл. 5: 2–3). Вся раскопанная площадь поселения, как и в раскопе I, была устлана слоем гальки (табл. 5: 1). Керамический и костный материал, обнаруженный в раскопе II, аналогичен тому, что был найден в раскопе I под курганом 40. Поскольку в раскопе II были обнаружены ямы, забутованные глиной и камнем, то с целью более точного выявления их размеров слой гальки с поверхности поселения был снят и проведена расчистка площади раскопа под галькой. В результате помимо ям в южной части раскопа были обнаружены остатки дуги, выложенной мелкой галькой, а в центральной части раскопа – неглубокая канавка шириной до 60 см и длиной до 5 м, заполненная глиной. Ближе к середине раскопа канавка прерывалась, а ее продолжала галечная вымостка такой же ширины (табл. 5: 2). На границе квадратов Б-5-6 на этой вымостке находился развал сосуда (табл. 7: 1). Других находок ни в ямах, ни под слоем гальки практически не было. В 2000 году были продолжены раскопки поселения на раскопе II. Северная часть раскопа была продолжена далее на север на площади 60 кв. м (табл. 4, 6: 1). Общая стратиграфическая ситуация от предыдущей не отличалась, только в вымостке поверхности поселения стали заметны включения более крупных обломков известняка. В южной части раскопа было зафиксировано дно грабительской воронки, которая была образована еще во время ограбления кургана (табл. 6: 2). Обнаруженный археологический материал был таким же однородным, как и в предыдущих раскопках.

Таким образом, на поселении Новосвободненское за три полевых сезона было заложено два раскопа общей площадью 164 кв. м. Выявлены стратиграфия и структура поселения, собран значительный археологический и остеологический материал. Теперь перейдем к анализу самого массового материала – керамики. Предварительно она была разбита на несколько групп.

Группа 1. Включает в себя сосуды с широким устьем и относительно небольшим дном. По форме венчиков можно выделить три варианта.

Вариант А – венчик отогнут настолько, что его край «свисает» вниз. Почти все сосуды этой формы чернолощеные, редко – серолощеные, в тесте – примесь толченого известняка (табл. 7). По основанию плечиков иногда нанесен орнамент. В одном случае «елочка» из оттисков прямоугольного штампа, в другом – небольшие налепы (табл. 7: 4, 5).

Вариант Б – венчик сосуда отогнут столь же сильно, но край не «свисает». Сосуды этой подгруппы цветом, лощением и составом теста аналогичны предыдущим (табл. 8). На плечиках одного, практически целого сосуда из разрушенного жилища (раскоп I) имелся орнамент в виде неглубоких ямок небольшого диаметра, расположенных в пять горизонтальных рядов (табл. 8: 1).

Вариант В – венчик сосуда плавно отогнут. Как и почти вся керамика поселения, сосуды этой подгруппы по цвету, лощению и составу теста аналогичны предыдущим подгруппам (табл. 9). Часть сосудов имеет орнамент в основании плечика. Это горизонтальные ряды из небольших овальных вдавлений (табл. 9: 4), налепной валик с косой насечкой (табл. 9: 5) и более сложный орнамент из ряда налепных жемчужин, ритмично прерываемого широкой полосой, состоящей из семи горизонтальных рядов очень мелких, прямоугольной формы наколов (табл. 9: 6).

Сосуды горшковидных форм украшались в основании шейки сосуда либо по плечикам налепными валиками (табл. 13: 7, 8, 10), иногда с защипами (табл. 9: 5, 13: 9). Встречен орнамент в виде небольших овальных, либо округлых ямочек неправильной формы, расположенных горизонтальными параллельными рядами в основании шейки сосудов (табл. 9: 1, 4).

Группа II. Помимо сосудов с отогнутыми венчиками, форма которых близка к горшковидной, найдено много фрагментов и прямых (вертикальных) венчиков. Эти сосуды с пря-

мыми венчиками также можно разделить на две подгруппы.

Подгруппа А — сосуды с прямым коротким венчиком. Судя по обнаруженному сосуду из разрушенного жилища раскопа I, сосуды, имеющие прямые венчики, имеют более крутые плечики и в целом подреповидную форму (табл. 10: 6). Судя по орнаментированным фрагментам керамики, орнамент чаще всего наносился на керамику реповидных форм, на плечики сосудов. Наиболее часто встречающимся орнаментом на сосудах этой формы являются горизонтальные ряды неглубоких ямочек (табл. 8: 1, 13: 11; 15: 11), елочек (табл. 13: 4–6) и небольших круглых налепов в разных сочетаниях (табл. 13: 1–3). Все они также имеют очень хорошее лощение, в тесте примесь известняка и в большинстве своем черного либо темно-серого цвета (табл. 10). В единичных случаях встречаются сосуды и иного цвета. К примеру, один венчик сосуда имеет светло-розовый цвет (табл. 10: 3).

Подгруппа Б — сосуды с прямым, высоким венчиком (табл. 11). Все чернолощеные, с примесью мелкотолченого известняка, часто в основании венчика расположен орнамент «елочка». В большинстве своем это высокошейные кубки (табл. 11: 1, 2, 4).

Группа III. К сосудам, имеющим прямой венчик, относятся и амфоры. Свое название они получили благодаря имеющимся на плечиках ручкам. Ручки в сечении всегда плоские, иногда имеют сложную профилировку (табл. 12). На одном фрагменте амфоры встречен орнамент в виде налепных шишечек (табл. 12: 1). Почти все они также чернолощеные, в тесте примесь известняка. Исключение составляет амфора, найденная в жилище раскопа I, она светло-коричневого цвета и больших размеров (табл. 12: 5).

Группа IV. Это сосуды небольших размеров с короткими прямыми либо слегка отогнутыми под углом к тулову шейками. Иногда такой сосуд (кубок) имеет плоскую в сечении ручку, часто украшенную орнаментом (табл. 14: 2, 4). Все они чернолощеные, часто до зеркального блеска, с тонкими стенками, в тесте — примесь известняка. Сосуды этой группы часто украшены орнаментом в виде горизонтальных рядов коротких нарезных линий (табл. 14: 1, 2, 4). Встречен фрагмент с орнаментом в виде прочерченных заштрихованных треугольников, свисающих вершинами вниз (табл. 14: 3).

Группа V. Миски. Как правило, чернолощеные до блеска. Характерной чертой является загнутый вовнутрь край (табл. 14: 5–9). Иногда по срезу венчика нанесен орнамент в виде елочки (табл. 14: 6). В одном случае встречен фрагмент миски с двумя параллельными узкими каннелюрами под краем венчика (табл. 14: 5). В тесте, как и во всех предыдущих группах, имеется примесь мелкотолченого известняка.

Вся керамика, обнаруженная на поселении, — плоскодонная (табл. 11: 5–8). В подавляющем большинстве фрагментов днищ сосудов, как и во всей остальной керамике, в тесте в качестве отощителя присутствует толченый известняк. Фрагменты днищ с иными примесями составляют редкие исключения. К ним относится фрагмент днища чернолощеного сосуда с примесью в тесте толченого кварцита (табл. 11: 8) и фрагмент днища сосуда красно-оранжевого цвета с примесью мелкого песка в тесте (табл. 11: 6).

Как видно из вышеизложенного, керамика на поселении представлена разнообразными формами: это горшковидные и реповидные сосуды, кубки, амфоры и миски. Каждая из этих форм сосудов довольно богато украшена орнаментом. Помимо описанных видов орнамента, на фрагменте плечика одного из сосудов встречен вертикальный продолговатый налеп. По аналогии с сосудами реповидной формы из новосвободненских погребений, имеющими аналогичные налепы на плечиках, этот фрагмент с налепом также можно отнести к фрагменту от реповидного сосуда (табл. 15: 4).

На фрагментах сосудов неустановленных форм встречен орнамент, выполненный в технике накола. Это горизонтальные и наклонные ряды из треугольников и прямоугольников (табл. 15: 1, 3, 5), короткие и длинные прочерченные линии (табл. 15: 2, 6). В отличие от других чернолощеных фрагментов, черепок сосуда с косыми рядами наколов прямоугольной формы был бежевого цвета (табл. 15: 3). Также встречены: налепной валик в форме угла вершиной вниз (табл. 14: 8), ряд горизонтальных налепов прямоугольной формы с поперечным защипом, над которыми расположена довольно широкая каннелюра (табл. 13: 9). Имеется несколько фрагментов черно- и серолощеной керамики с горизонтальными выступами-валиками, иногда с вертикальными прорезями (табл. 15: 7, 8). Найдены два кружка из стенки чернолощеного сосуда с просверленным отверстием в центре (табл. 15: 12). В раскопе II в квадрате В-13 (табл. 6) обнаружена костяная стрела. Наконечник вытянуто-конической формы, черешок в сечении круглый (табл. 15: 10). При раскопках кургана 40 в насыпи, наряду с многочисленными фрагментами кера-

мики и остеологического материала из разрушенного слоя поселения, было найдено бронзовое тесло типичной для новосвободненских памятников формы: в виде короткой, слегка расширяющейся к лезвию трапеции и слабо скругленным обушком (табл. 15: 9).

Представленный материал поселения, во-первых, позволяет уверенно связать его с материалом из новосвободненских погребений как по керамике, так и по таким встреченным на поселении предметам, как бронзовое тесло и костяной наконечник стрелы. Аналогичные наконечники встречены еще в двух новосвободненских погребальных комплексах: это в «Кладах» – курган 28 погребение 1 – гробница (Rezepkin, 2000. Taf. 41: 13–14) и в Кабардино-Балкарии у с. Чегем I в кургане 31 в новосвободненском погребении (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 19, 47, рис. 13–14). Очень похожие наконечники обнаружены в Грузии в погребении беденской культуры в Цнорской курганной группе (курган II, группа V) но они относятся уже с эпохе развитой средней бронзы (Дедабришвили, 1979. С. 19, 37, 41, табл. XLII: 1). Бронзовое тесло хотя и найдено в насыпи кургана, но по обилию керамического и костного материала в ней очевидно, что насыпь кургана сооружалась, в частности, из той части культурного слоя поселения, которая не попала под эту насыпь. Да и сам тип тесла – ярко выраженный новосвободненский. Помимо этих соображений, наиболее близким памятником этому поселению является тоже поселение – Долинское (Круглов, Подгаецкий, 1941). Здесь также присутствуют сосуды с плавно отогнутым венчиком (табл. 16: 1) с вертикальным венчиком (табл. 16: 2), миски с загнутым вовнутрь краем (табл. 16: 4). Все сосуды плоскодонные, многие имеют горшковидную форму (табл. 16: 3, 5; 17: 4), встречены амфоры больших размеров (табл. 17: 1), ручки от сосудов (табл. 17: 3). По материалу оно давно отнесено к «новосвободненскому этапу» майкопской культуры (Мунчаев, 1975, 1994). С.Н. Кореневский выделил локальный «долинский вариант» позднего этапа майкопской общности (Кореневский, 1993, 2004). Все выделенные на поселении формы керамики – горшки, сосуды реповидной формы, амфоры, кубки, миски, вместе с большинством описанных видов орнамента, цвета и состава теста, встречены во многих погребальных комплексах, как в «Кладах», так и в других могильниках. Но на поселении, естественно, каждый тип керамики имеет большую вариабельность.

Во вторых, сейчас можно утверждать, что данное поселение вместе с соответствующим (новосвободненским) кругом памятников не может являться поздним, новосвободненским этапом майкопской культуры, а является самостоятельным культурным явлением на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы, имеющим свои, генетически отличные от собственно майкопской культуры корни. Некоторые свои соображения на эту тему я уже излагал (Резепкин, 2004, 2006).

Таким образом, материал поселения, надеюсь, поможет полнее представить культурную неоднородность и всю сложность процессов, происходящих на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II, и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 1. Нальчик.

Дедабришвили Ш.Ш., 1979. Курганы Алазанской долины. (Труды кахетской археологической экспедиции). Тбилиси.

Кореневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Резепкин А.Д., 2004. Некоторые аспекты формирования эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

Резепкин А.Д., 2006. Металл майкопской культуры // Первая абхазская международная археологическая конференция. Сухум.

Rezepkin Alexej D., 2000. Das frühbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. Bd. 10. Rahden/Westf.

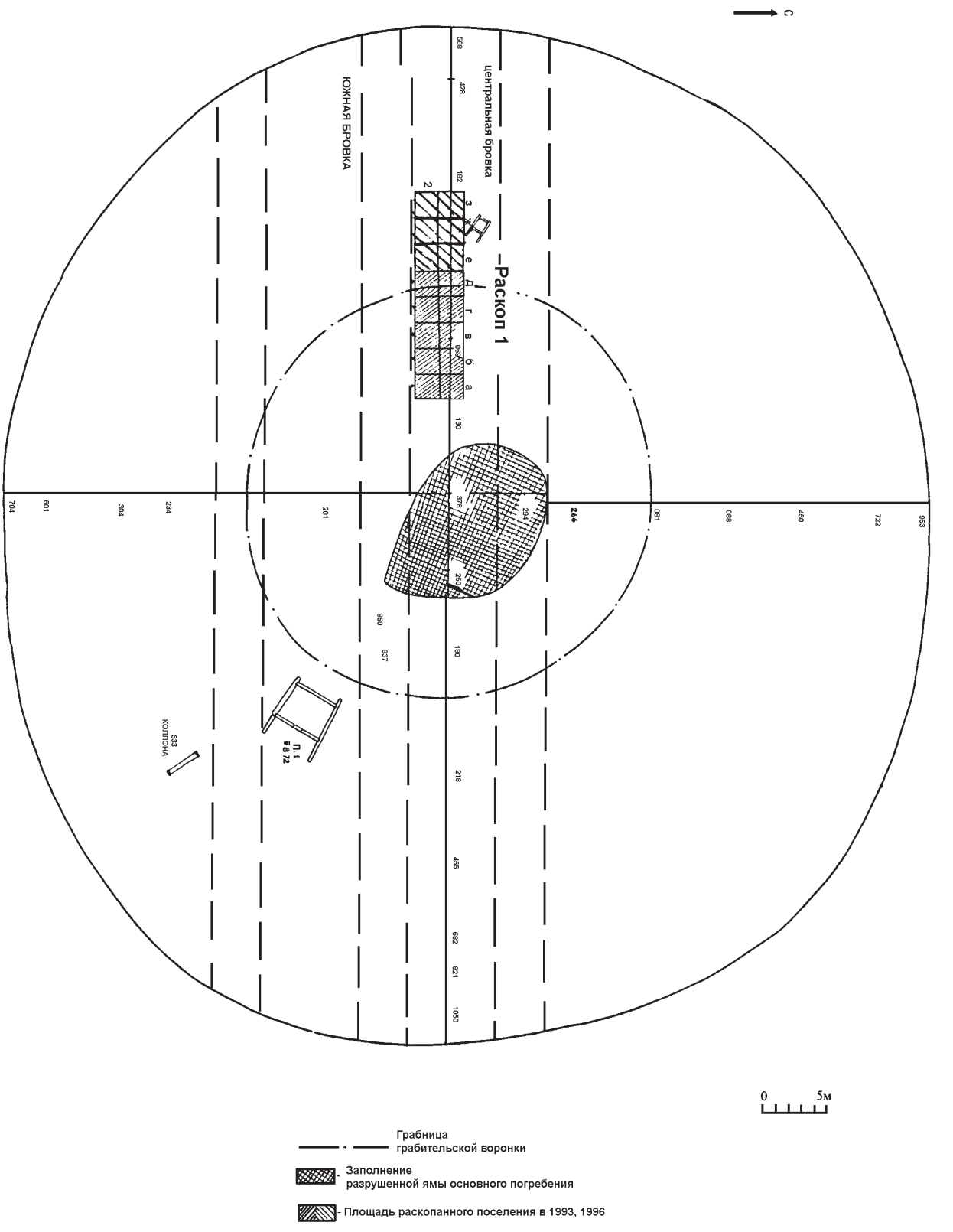

Табл. 1. МО-90. Курган № 40. Общий план

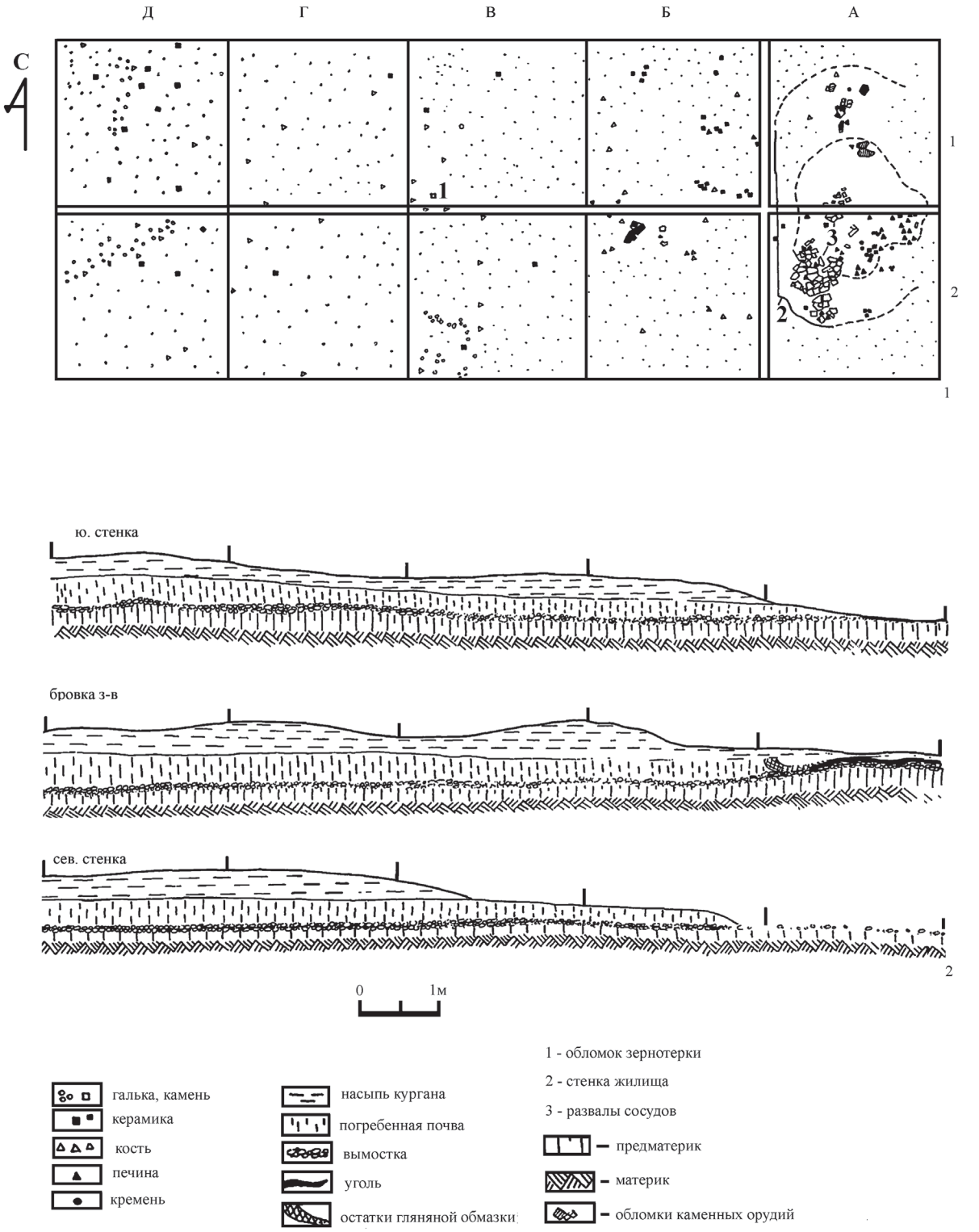

Табл. 2. Поселение Новосвободненское. Раскоп I. План, бровки: 1 — План, 2 — бровки

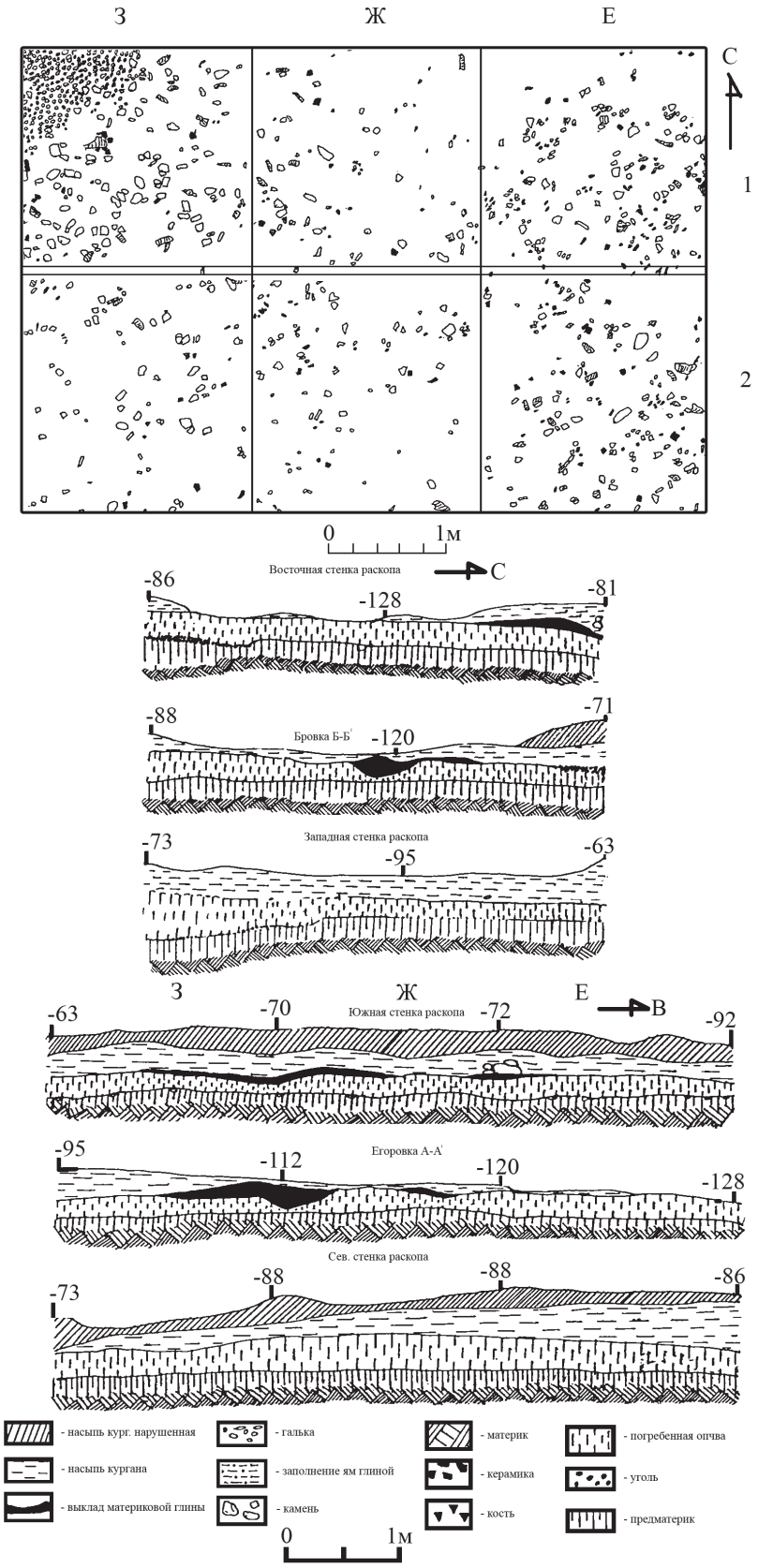

Табл. 3. Поселение Новосвободненское. Раскопки 1998 г. План, бровки

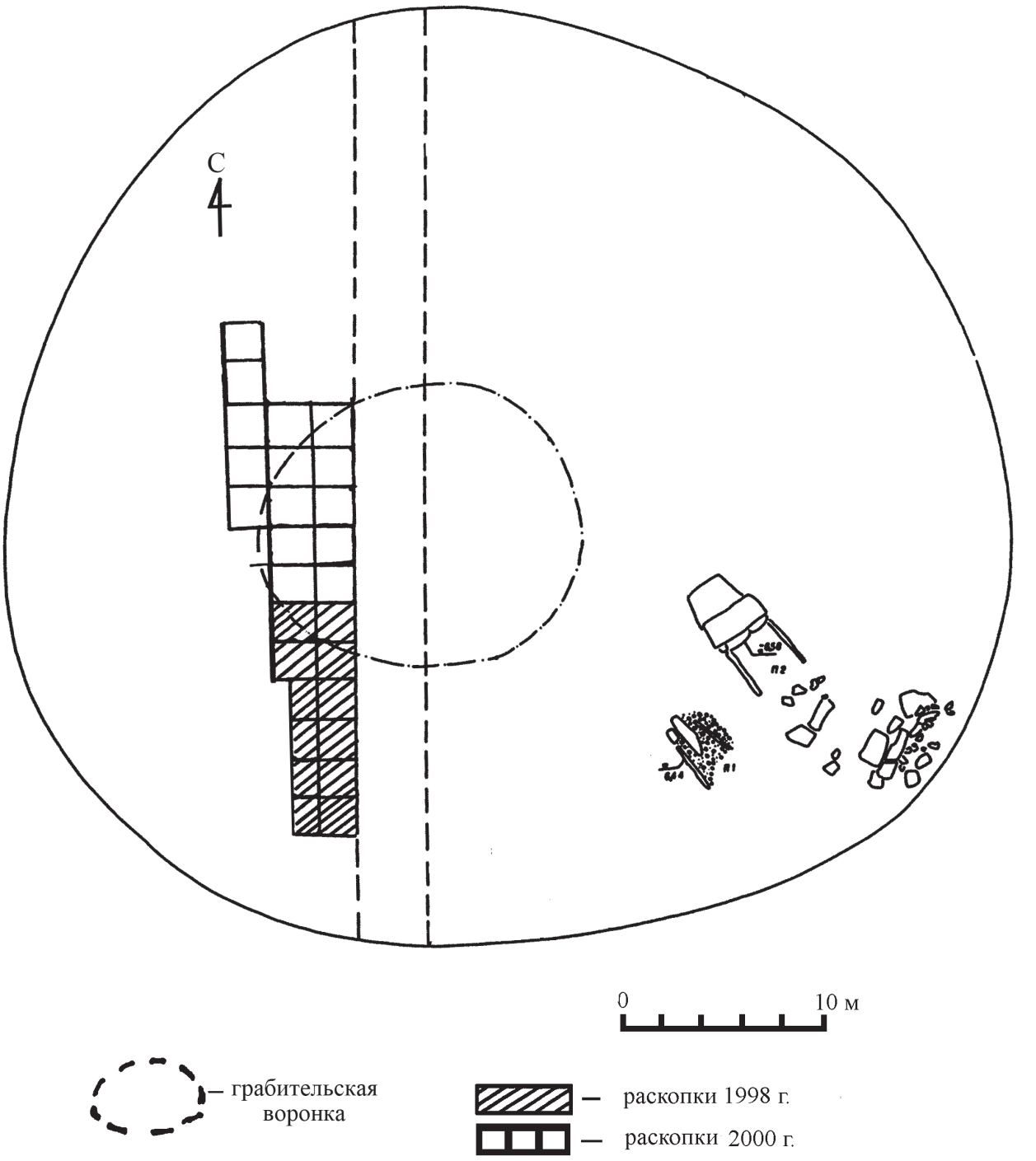

Табл. 4. Курган № 39. План

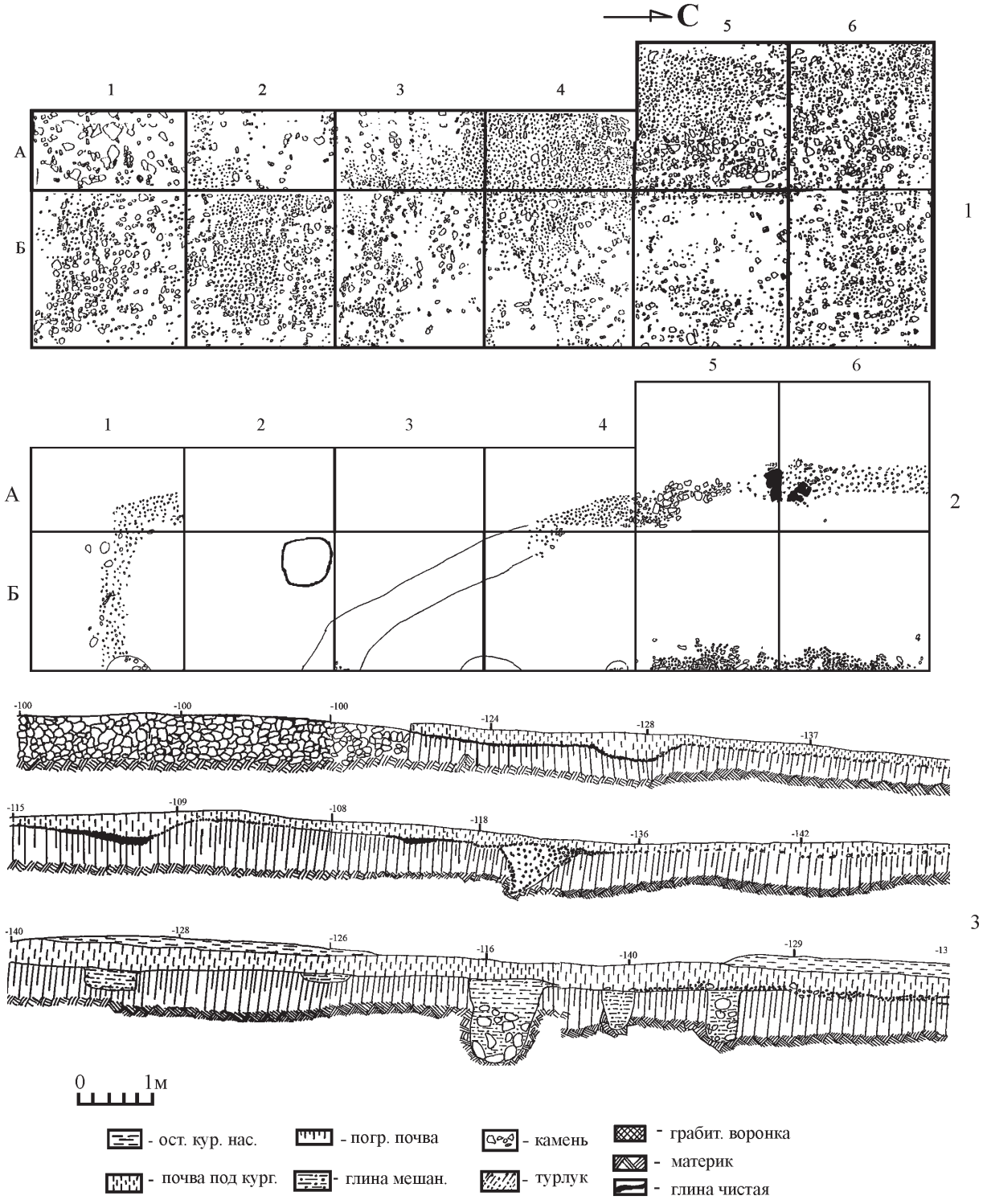
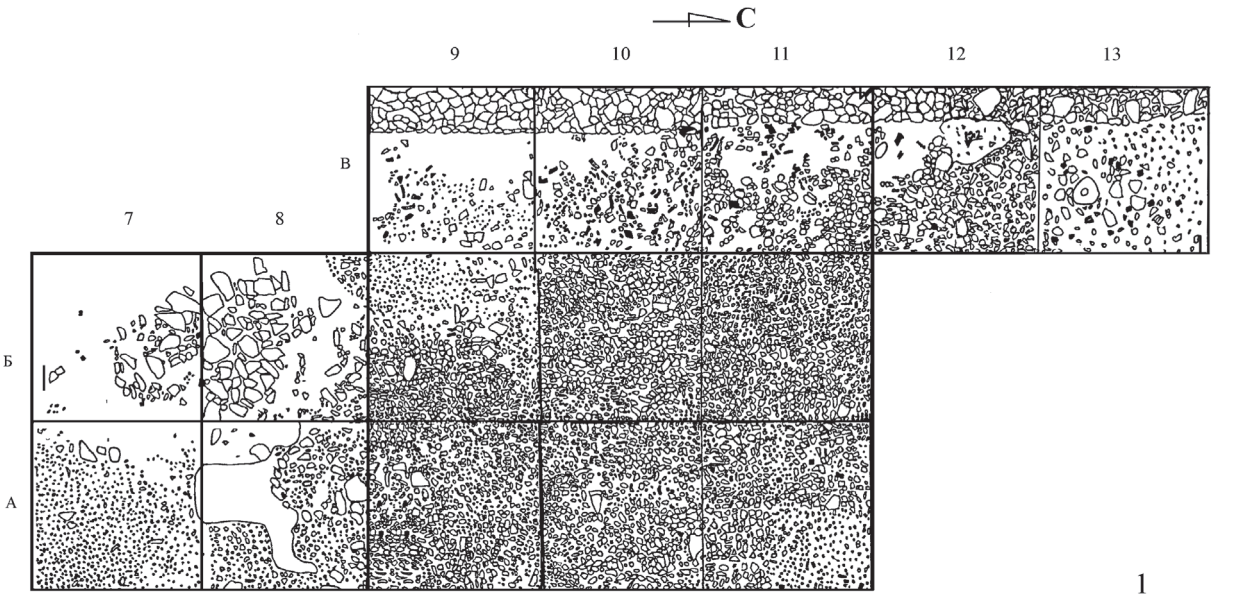
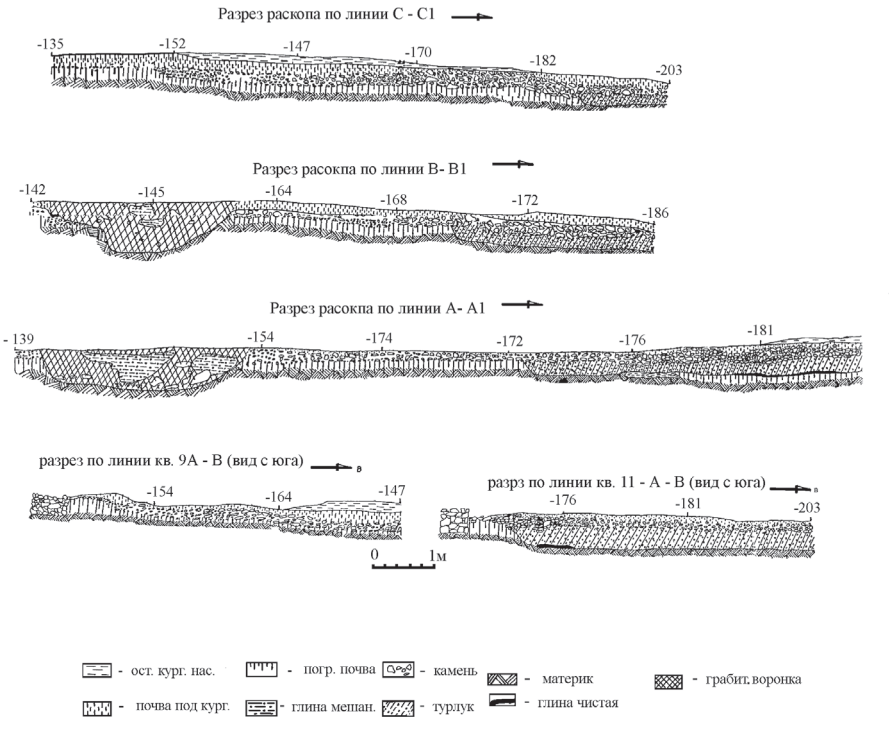

Табл. 5. Поселение Новосвободненское. Раскоп II. Раскопки 2000 г.

1

2

Табл. 6. Поселение Новосвободненское. Раскоп II. План, бровки, кв. 7–12

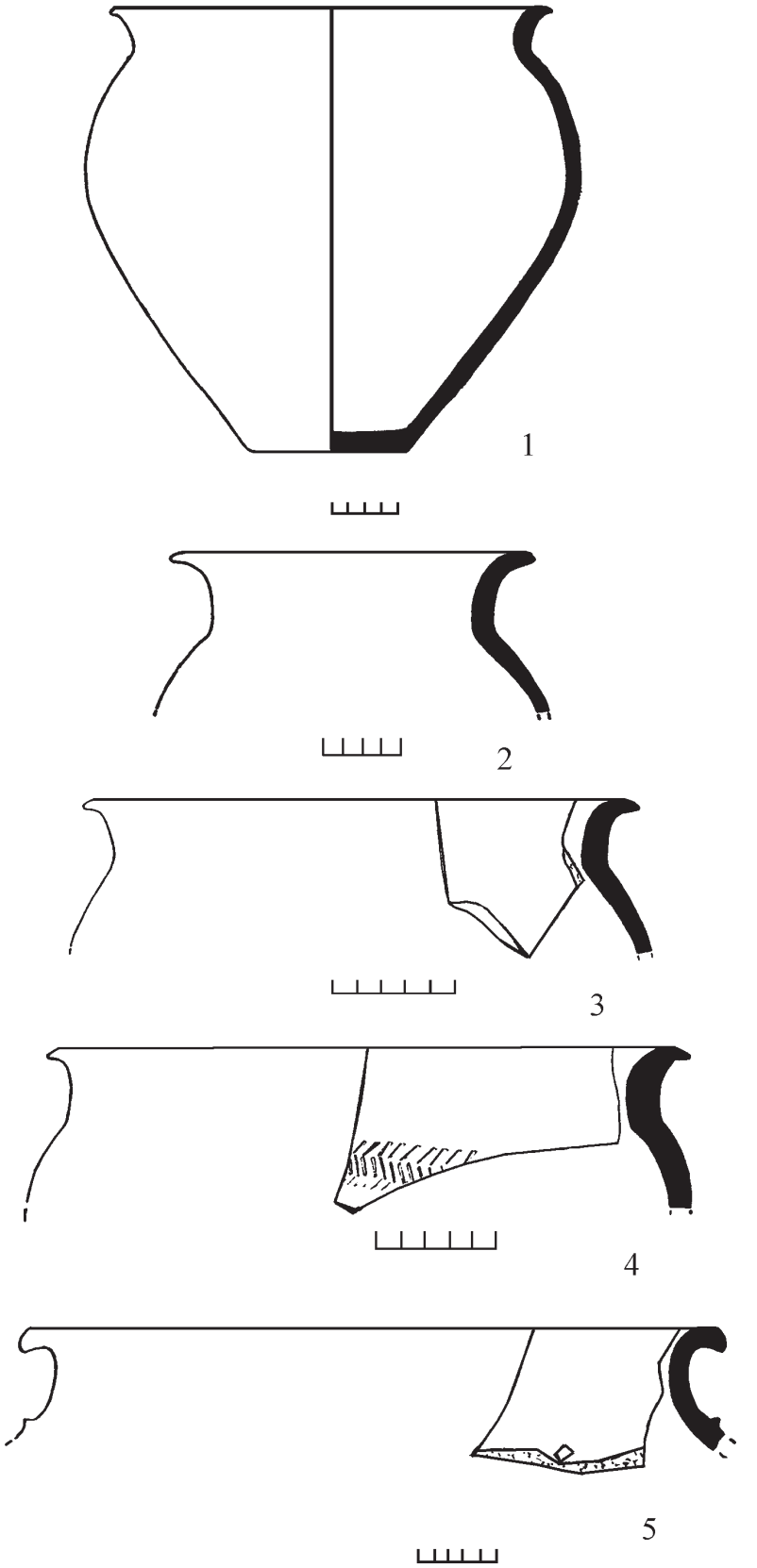

Табл. 7. Сосуды группы I-А

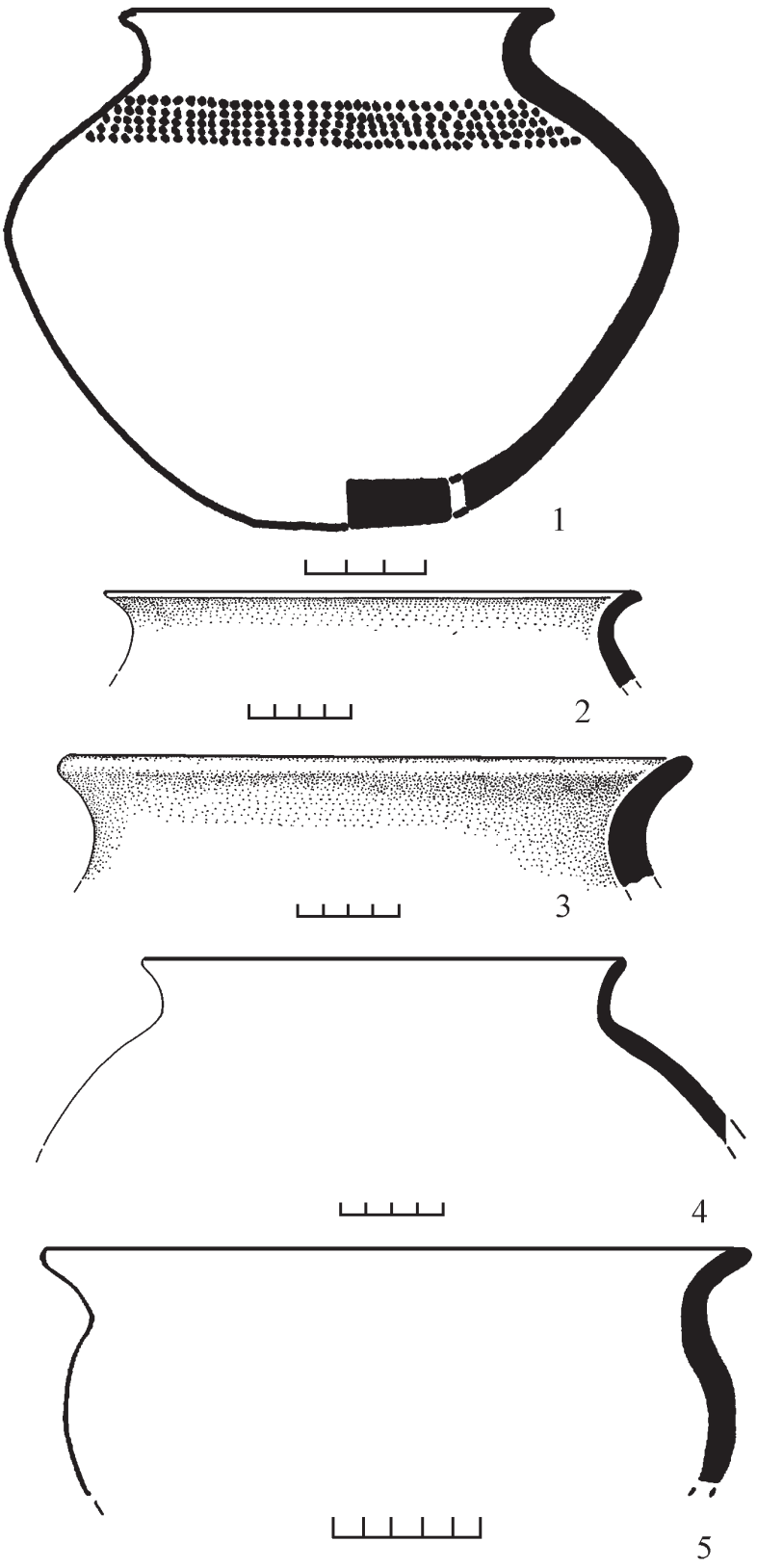

Табл. 8. Сосуд группы 1-Б

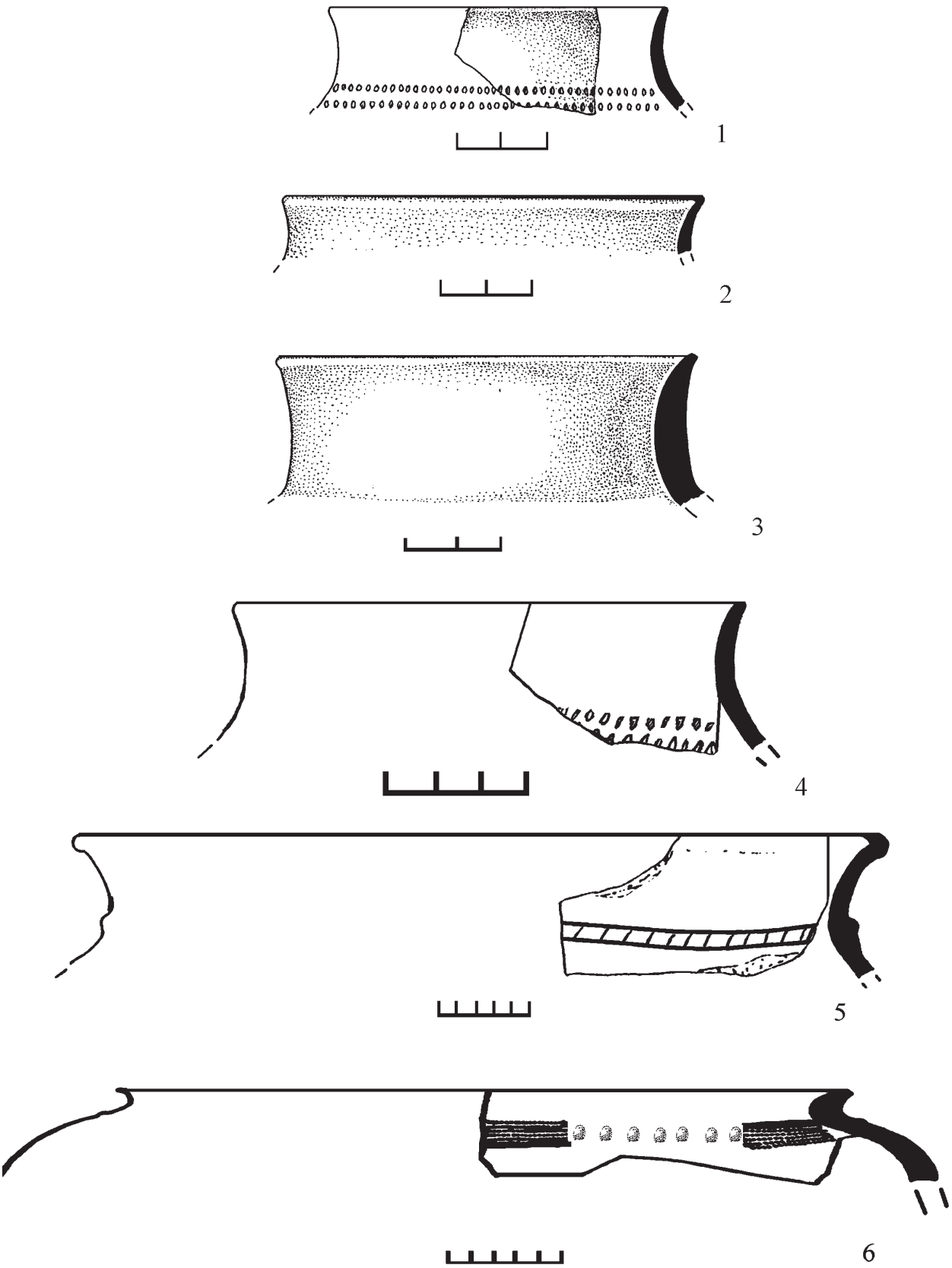

Табл. 9. Венчики сосудов группы I-B

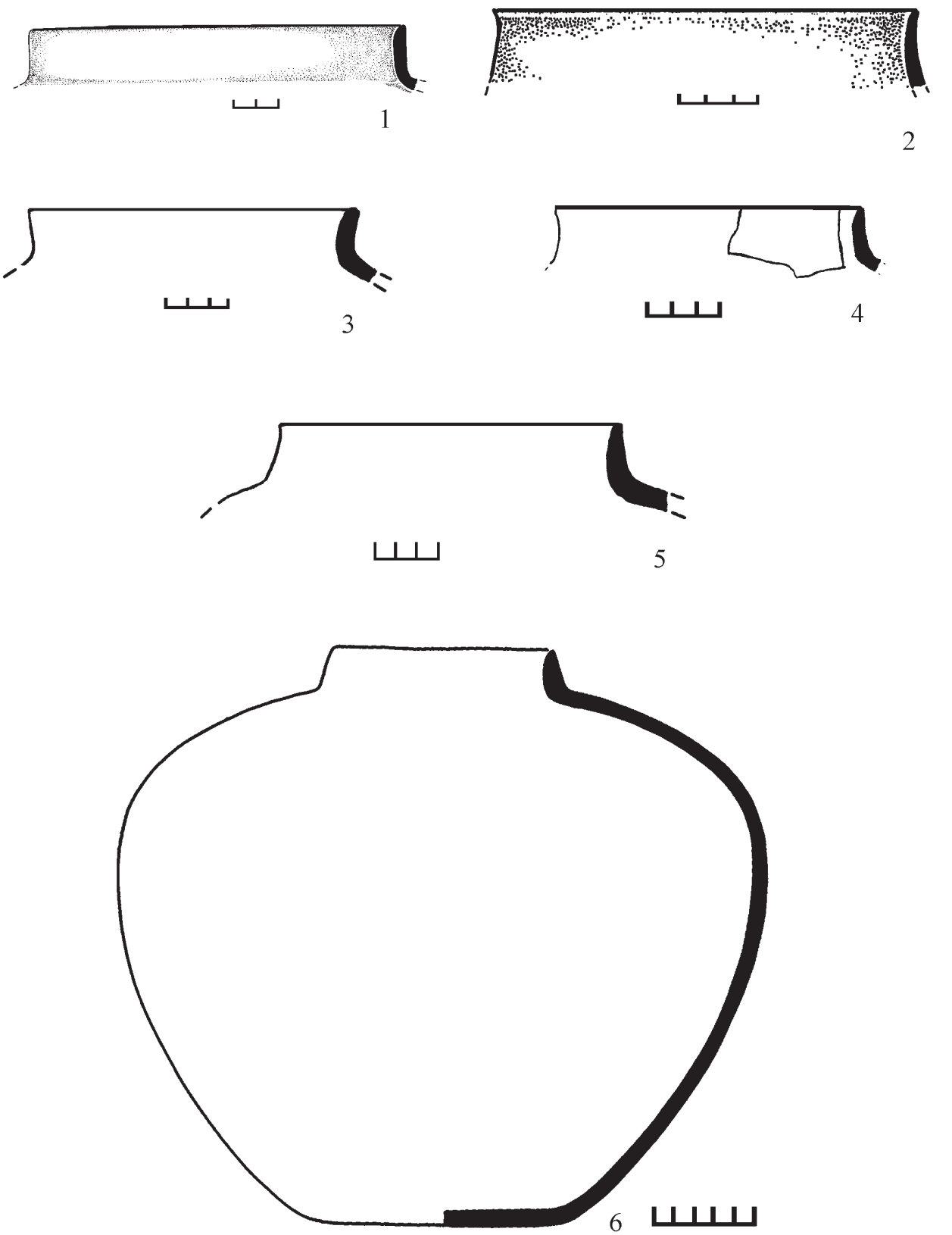

Табл. 10. Группа II-А. Сосуды с коротким венчиком

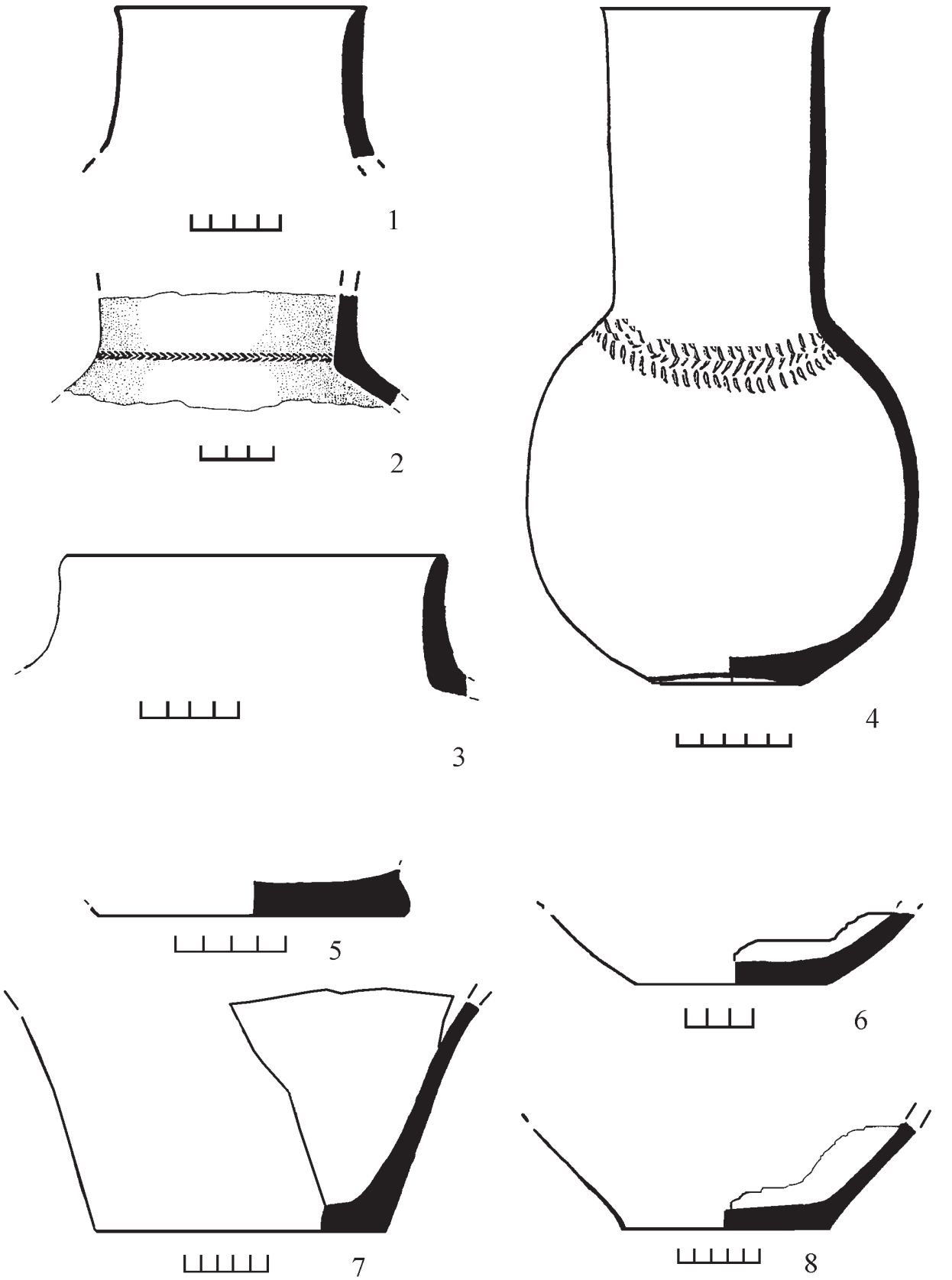

Табл. 11: 1–4 — сосуды группы II; 5–8 — плоские донца сосудов

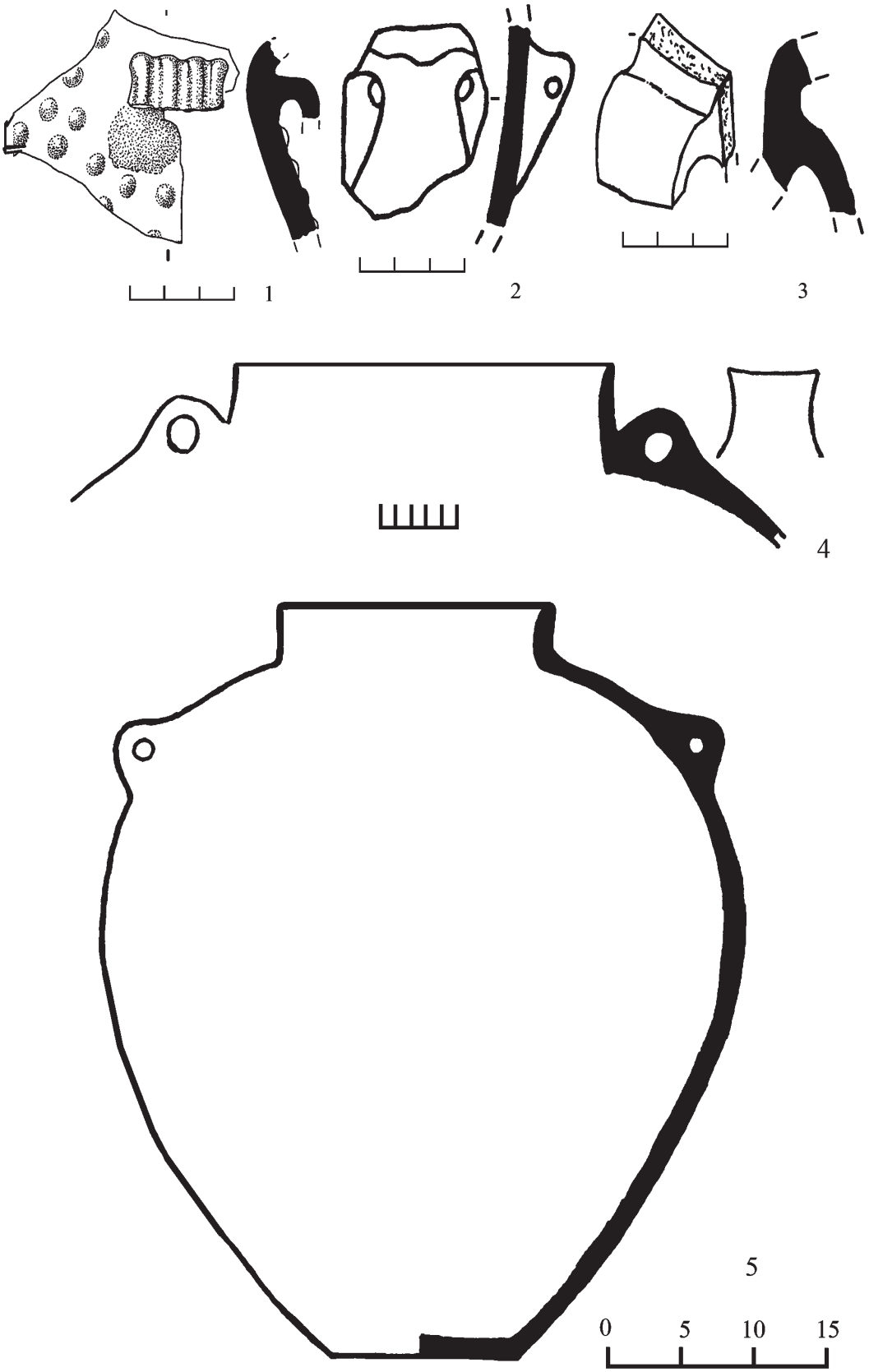

Табл. 12. Сосуды группы III — амфоры

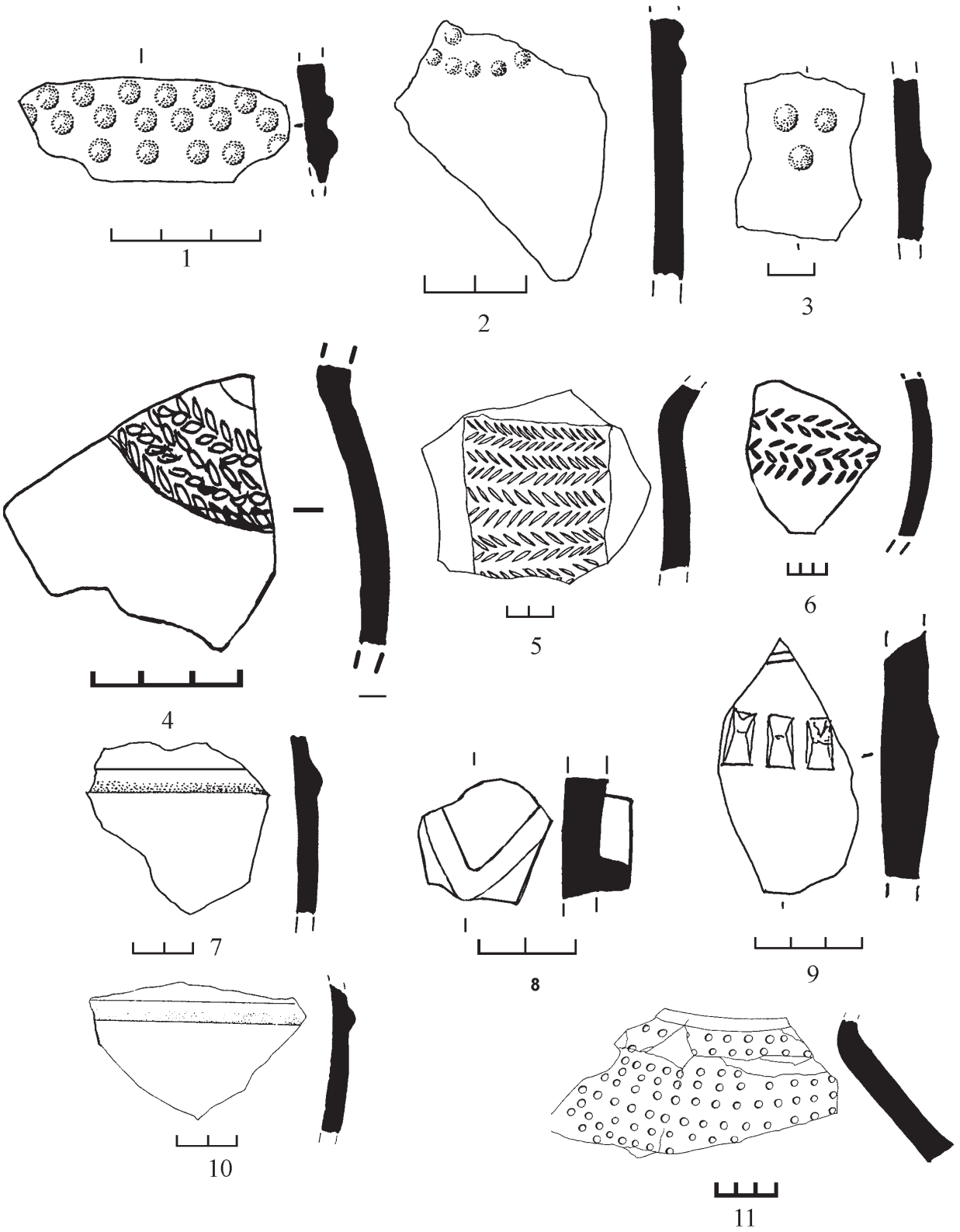

Табл. 13. Виды орнамента на новосвободненской керамике: 1–3 — налепные шишечки; 4–6 — елочный орнамент; 7–10 — налепные валики; 11 — ямочки

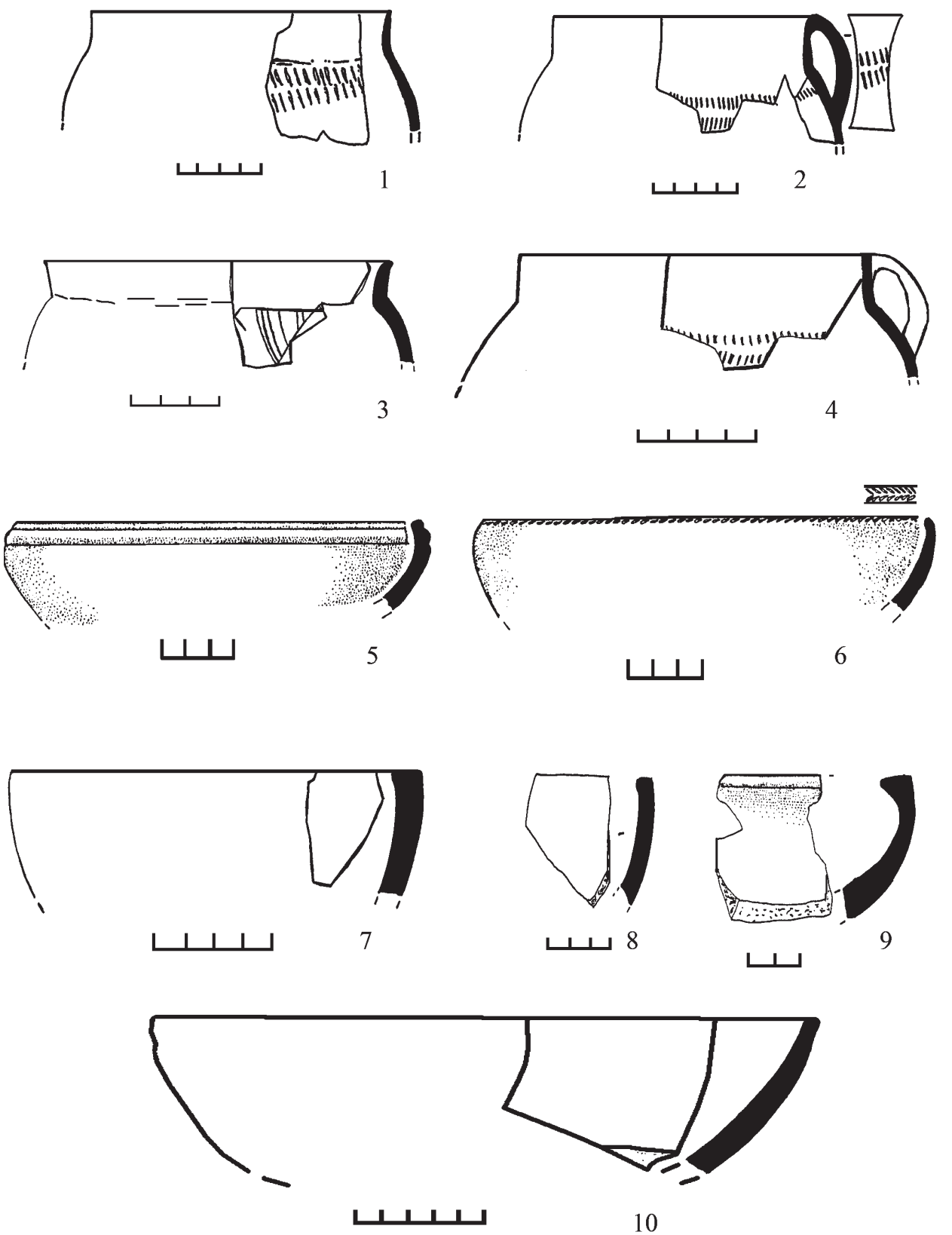

Табл. 14: 1–4 — сосуды группы IV; 5–10 — сосуды группы V (миски)

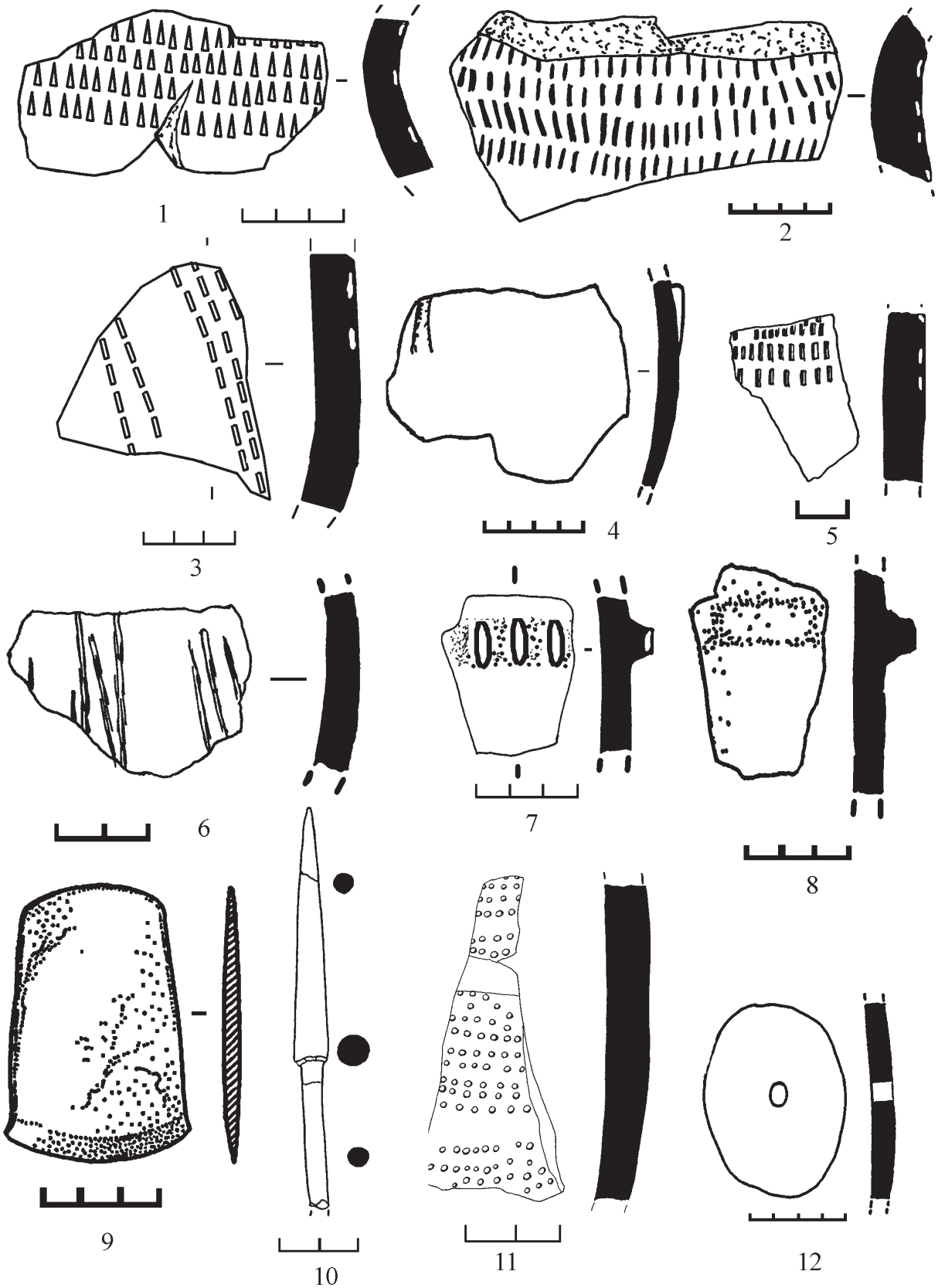

Табл. 15. Виды орнамента: 1-3, 5, 11 — накольчатый; 4, 7, 8 — налепной; 6 — прочерченный; 9 — бронзовое тесло; 10 — наконечник стрелы из кости; 12 — керамический диск с отверстием

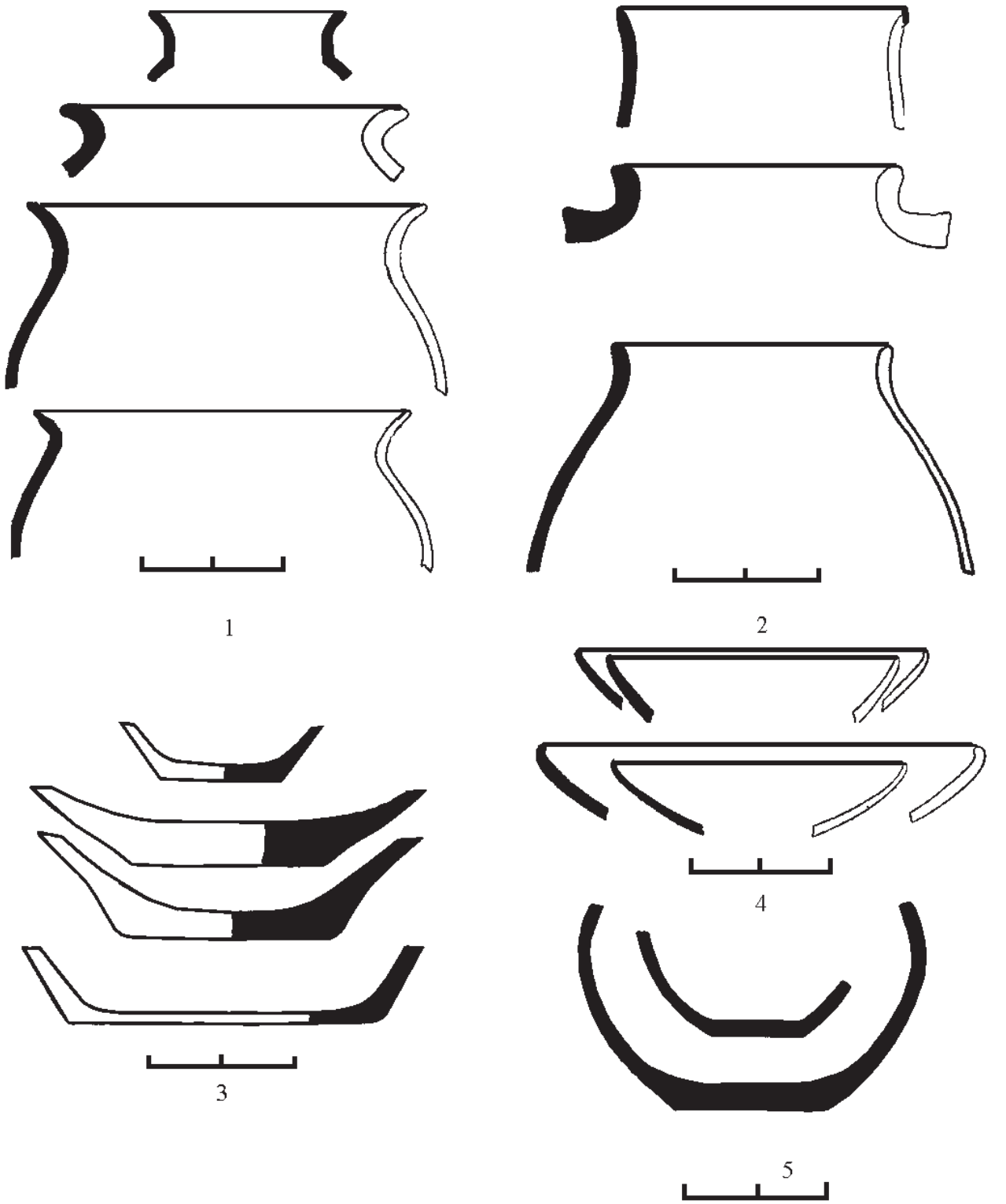

Табл. 16. Керамика поселения Долинское: 1 — сосуды с плавно отогнутым венчиком; 2 — сосуды с прямым (вертикальным) венчиком; 3 — донца сосудов; 4 — миски; 5 — нижние части туловища сосудов с плоскими днищами (по Круглову и Подгаецкому)

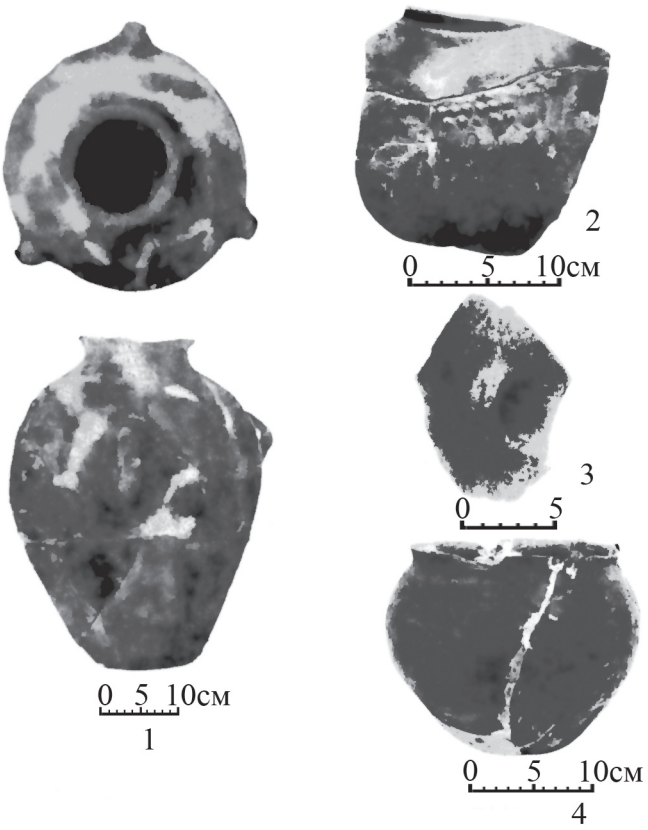

Табл. 17. Керамика Долинского поселения (по Круглову и Подгаецкому): 1 — амфора; 2 —бок сосуда с налепленым орнаментом; 3 — ручка сосуда; 4 — сосуд

А.Н. Гей

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В НИЗОВЬЯХ КУБАНИ

Заметное место в майкопской проблематике занимают вопросы о северной границе майкопской культуры, о так называемой ее северной степной периферии и более широко – о связях и взаимоотношениях со степными скотоводческими группами и культурами. Достаточно давно сформулированный тезис о приблизительном параллелизме майкопских памятников Северного Кавказа и ямных в степной полосе Причерноморья и Предкавказья (Формозов, 1965; Мерперт, 1968, 1974) по мере усложнения и детализации наших знаний об энеолите – раннем бронзовом веке этих двух больших областей – претерпел значительную трансформацию. В настоящее время речь идет уже о соотношении или взаимодействии между собой различных территориальных и хронологических групп майкопско-новосвободненского культурного образования, или блока[1], с одной стороны, и целого ряда степных культур и групп – с другой, причем среди этих последних имеются как причастные к ямной культурно-исторической общности в строгом, этнографическом ее понимании, так и заметно отличающиеся в культурном отношении.

Находки вещей (прежде всего керамики и металлических изделий), аналогичных или сходных с майкопскими, известны в степной полосе от Северо-Западного Причерноморья до Волго-Уралья (Нечитайло, 1984, 1991; Моргунова, 2002). Особая концентрация таких находок в Степном Предкавказье и на Нижнем Дону способствовали формированию такого понятия, как «степной майкоп». Одними исследователями (В.А. Сафронов) такие находки воспринимались как свидетельства расселения групп майкопского населения в приморской полосе степной зоны. Мной был предложен тезис о разноукладности хозяйства майкопской культуры и о преимущественно хозяйственном характере первоначального освоения майкопцами степных районов (при возможном впоследствии обособлении скотоводческих групп от исходных земледельческо-скотоводческих коллективов, населявших предгорные равнины и долины рек (Гей, 1989). Определенное признание своеобразия памятников «северной периферии майкопско-новосвободненской общности» отражено в работах С.Н. Кореневского (не включающего, впрочем, эти памятники в состав «видов», или вариантов, майкопской культуры, а предпочитающего говорить об ее «северной периферии»: Кореневский, 2004. С. 49–63).

Обсуждение проблемы «степного майкопа» оживилось в последнее время в связи с накоплением новых материалов в степном Ставрополье и Калмыкии (Мишина, 1989; Шилов, Багаутдинов, 1998; Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007; и др.). И здесь распространение таких комплексов связывается исследователями прежде всего с расселением майкопских групп с исходных территорий в предгорьях Кавказа (Шишлина, 2002).

Настоящая работа посвящена публикации и обсуждению материалов нескольких памятни-

[1] Используемый С.Н. Кореневским термин «общность» (Кореневский, 2004; и др.). представляется мне недостаточно точным, не учитывающим очевидных культурных и вероятных генетических различий двух основных течений, майкопского и новосвободненского, гармоническая синкретизация которых происходит лишь на позднем этапе развития данного блока (так называемый новосвободненский этап) и наиболее отчетливо прослеживается не на всей его территории, а преимущественно на примере памятников восточной части ареала.

ков, раскопанных в 1980-е гг. в Краснодарском крае и имеющих прямое отношение к данному кругу проблем. К настоящему моменту в западных районах Предкавказья, в нижнем течении Кубани и на ее притоках известно не менее 50 могильников, где были открыты достоверные майкопско-новосвободненские захоронения или даже целые серии их. При этом распределяются по территориям они достаточно равномерно (рис. 1), половина памятников находится на Левобережье Кубани или в Закубанье, там же, где и все известные для этой территории достоверные майкопские поселения. Другая половина – на Правобережье или в Прикубанье, в долинах впадающих в Азовское море степных речек и на сопредельных водораздельных пространствах. Никаких поселений соответствующего времени здесь не известно.

Курганный могильник Ястребовский расположен на Левобережье. Он был выявлен в 1982 г. сотрудником Краснодарского историко-археологического музея В.Н. Каминским и раскопан в 1984 г. Абинским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР. Памятник располагался между хутором Бережным Абинского района и хутором Ястребовским Крымского района Краснодарского края, в 3,5 км к северу от г. Абинска. Курганы находились на правом берегу р. Абин, примерно в 800 м от современного ее русла. Местность здесь представляет собой предгорную равнину высотой 5–8 м над меженным уровнем реки, изрезанную множеством пересыхающих, заросших камышом русел глубиной от 1 до 2 м, изобилующую родниками. Одно из таких русел проходит в 250 м от курганов. При разливах Абина в периоды снеготаяния, а также проливных дождей вся эта равнина может затопляться его водами.

Сложный по структуре памятник к началу наших работ был в значительной степени уничтожен при строительстве оросительной системы. Судя по рассказам строителей, переданным ими вещам и подъемному материалу, планировкой здесь были разрушены поселение II–III вв. н. э. (определения А.В. Сазанова), средневековый курганный или курганно-грунтовый могильник, а также курганы бронзового века. Сохранились лишь два сравнительно крупных кургана. Майкопские материалы обнаружены под насыпью кургана 1[1]. Курган 1 диаметром до 60 м и высотой 2,40–2,60 м над уровнем окружающего поля (примерно 2,30–2,40 м выше уровня древней поверхности) имел полусферическую форму, однако вершина ее была деформирована распашкой. С северо-запада и юго-востока от кургана замечены подковообразные ровики-западины, из которых брался грунт для насыпи. Судя по профилям бровок, курган был сооружен в 3 или 4 приема над единственным майкопским погребением № 1 (рис. 2).

Само могильное сооружение, по-видимому, полностью разрушено грабительской ямой-воронкой, идущей от вершины насыпи и углубленной в материк на 0,60–0,70 м от уровня древней поверхности. Размеры воронки в придонной части доходили до 3,40 × 3,10 м. В слоистом заполнении воронки отмечено три слоя булыжника, аналогичного камням крепиды (первый на глубине 0,30–0,70 м от вершины насыпи, второй на глубине 1,30–1,90 м, третий – 2,50–2,70 м), и несколько слоев желтой материковой глины (верхний примерно на глубине 2,18 м, а в придонной части, на глубине 2,30–2,70 м, скоплениями у южной, западной и северной стенок). Все слои понижались к центру ямы, центральная ее часть была заполнена черноземным затеком.

В среднем слое булыжника был расчищен костяк лошади, лежавший достаточно причудливо (круп просел в яму, шея же была приподнята кверху). По хорошей сохранности самих костей он может быть отнесен к достаточно позднему времени (позднее средневековье или новое время).

В нижней части грабительской воронки основные скопления булыжника отмечены в центре ямы и под северо-восточной ее стенкой (рис. 3). Здесь, среди камней, кроме лопатки лошади (той же самой или другой, осталось невыясненным), обнаружено несколько костей человека, в том числе нижняя челюсть взрослого, отличавшаяся необыкновенной грубостью и массивностью. По определению антрополога[2], кости принадлежали двум субъектам – взрослому, пол и возраст которого не

[1] В основании кургана 2 открыто не поддающееся точной датировке безынвентарное вытянутое захоронение с восточной ориентировкой (по некоторым деталям позы предположительно относящееся к кругу памятников эпохи раннего железа), а вокруг первичной насыпи была сооружена система рвов (имевшая характер своеобразного святилища?), заполненных разнообразной меотской и античной посудой I в. до н. э. (определение И.С. Каменецкого).

[2] Половозрастные определения здесь и далее выполнены Г.П. Романовой.

поддаются уточнению, и ребенку в возрасте 6 лет ± 24 месяца.

Еще ниже, на самом дне воронки, в центре ее были расчищены огромные рога тура, уложенные один на другой остриями в разные стороны и, по определению В.П. Данильченко, принадлежавшие одной особи (рис. 3). Отмечу, что и человеческие кости, и рога тура по цвету, плотности и сохранности резко отличались от костей вышеупомянутой лошади и, безусловно, являлись более древними.

В вогнутом дне большой воронки было выкопано еще две ямы меньших размеров, заполненных слоями и комьями затечного чернозема, материковой глины, а также камнями. В меньшей из них (диаметром всего 0,35 м и глубиной 0,40 м) найдена фаланга лошади. В большей (размером 1,30 × 1,05 м и глубиной до 1,65 м ниже дна воронки, что составляет 4,41 м от вершины насыпи) было довольно много камней. И в основной грабительской воронке, и в обеих малых ямах собраны фрагменты стенок и профильных частей от гладкостенных желтых, розовых и оранжевых сосудов, чья майкопская культурная принадлежность не вызывает ни малейших сомнений.

Дальнейшие раскопки и расчистки, проведенные в центральной части кургана после завершения выборки грабительской воронки и сноса бровок, показали, что вся поверхность древнего горизонта тут была выстлана слоем камыша. Кроме того, с юго-западной стороны от воронки на уровне древней поверхности сохранились остатки деревянных плах, кострище и большое количество фрагментов майкопских сосудов. Причем в ряде случаев черепки из района кострища и черепки из заполнения грабительской ямы принадлежали одним и тем же сосудам.

Таким образом, основное захоронение кургана, относящееся к майкопской культуре, было практически полностью разрушено грабителями. Очевидно, оно находилось в сравнительно небольшой яме, перекрытой сверху деревом и камышом. Похоже, что ряд древних находок из заполнения грабительского хода связан именно с данным захоронением. Таковы рога тура и человеческие останки. Отнесение к данному комплексу майкопской керамики просто бесспорно.

При общей неизбежной в нашем случае скудости сведений о могильном сооружении и погребальном обряде достаточно подробная информация о последующих действиях строителей кургана получена при изучении профилей бровок (рис. 2). Первоначально над перекрытием могилы и остатками материкового выкида из нее была возведена небольшая насыпь 1А из суглинка, имевшего оранжеватый оттенок из-за включений прокаленной глины. Диаметр ее не превышал 5,6 м при высоте 0,30–0,40 м над уровнем древнего горизонта. Вся поверхность ее была застелена тонким слоем камыша (?), от которого осталась тонкая пленка оранжевато-белесого тлена, сохранявшая местами фактуру стеблей растения. В толще этой небольшой конструктивной насыпи и на ее поверхности в изобилии встречались древесные угольки и фрагменты разбитых сосудов.

Затем ее перекрыли земляной насыпью 1Б из серо-коричневого суглинка диаметром до 20 м при высоте до 1,40 м. В ней также отмечены следы прокала, обрывки белесого тлена от камыша, включения углей и мелкие фрагменты пористой и плотной пачкающейся керамики.

Следующая по порядку насыпь 2 состояла из желто-коричневого суглинка, светлеющего в верхней части (к этому моменту в ровиках-западинах докопались до материковой глины?). Диаметр ее 28 м, высота более 2,30 м (вершина разрушена). Граница между насыпями 1Б и 2 недостаточно четкая, как бы размытая, что позволяет считать их конструктивными слоями, насыпавшимися без заметного перерыва.

Склоны насыпи 2 были укреплены крепидой из булыжников и гальки, имевшей вид кольца шириной не менее 4 м при внешнем диаметре в 27,0–27,5 м. Толщина слоя камней в кольце доходит до 0,70 м. Крупные камни представляют собой окатанные булыжники из твердого песчаника желтоватых, розоватых или серовато-зеленоватых оттенков. Из таких пород сложены горы к югу от Абинска, а окатанные куски ее в изобилии встречаются в русле Абина всего в нескольких километрах от нашего кургана. Галька же более мелкая, известняковая. Понять, была ли крепида изначально кольцевой или перекрывала всю поверхность насыпи 2, трудно, т.к. вершина и центр кургана разрушены вспашкой и грабительской воронкой значительных размеров.

Кроме того, поверх камней крепиды на склонах кургана лежал слой чернозема и темного гумусированнного суглинка. В моей трактовке это слой смыва — грунта, оплывшего за тысячелетия с вершины кургана, отличавшегося изначально большей высотой и крутизной.

Керамика, собранная при зачистке нижней части заполнения грабительской воронки, в толще первой насыпи и в районе камышового

настила[1] в основной массе представляет собой фрагменты от целой серии сосудов, вылепленных настолько тщательно, что относительно многих из них можно подозревать изготовление с использованием поворотных устройств. Графически реконструируется несколько разновеликих сосудов со сфероидным или овоидным туловом, средним или высоким отогнутым наружу прямым венчиком. Перегиб профиля при этом оформлен достаточно резко, с образованием ребра на внутренней поверхности (рис. 4: 1–5). Часть венчиков утоньшается к краю, в некоторых случаях край закруглен и несколько утолщен, вплоть до образования небольшого наплыва по внешней его кромке (рис. 4: 4). Одни из сосудов имеют розовато-желтую, оранжевую, реже розовато-коричневую окраску, темно-серый излом черепка, включения (естественные?) мельчайших блесток, песка, иногда белесых (известковистых?) или красноватых частиц в тесте (рис. 4:1, 3–5). На некоторых сохранились следы красноватого лощения (рис. 4: 4).

Выделяется сосуд из отмученной серой глины с черным изломом черепка и незначительной примесью мелкотолченой раковины, органических включений и коричневатых рыхлых частиц в тесте (рис. 4: 2). Он также сформован достаточно тщательно и производит впечатление гончарного.

Вместе с тем некоторые сосуды, более темной окраски (коричневые с черным изломом, тесто отмученное или с кварцевой дресвой), выделяются сравнительно грубой лепкой и производят впечатление лепной посуды (рис. 4: 6,7).

Еще сильнее отличаются от этого «основного» комплекса остатки двух сосудов. Один из них — лепной, сравнительно тонкостенный, представлен двумя неподбирающимися фрагментами, обнаруженными в нижней части насыпи 1 и на уровне древнего горизонта рядом с основной могилой 1. Сосуд был украшен горизонтальными зонами из наклонных оттисков гладкого штампа, чередующимися с полосами зигзага, оттиснутого таким же образом (рис. 4: 8). Внешняя поверхность его была серовато-коричневатой, внутренняя — розовато-желтой. В тесте примесь кварцевой дресвы и песка. Остатки другого сосуда (не менее 3 фрагментов из того же места) принадлежат сравнительно большому лепному горшку, украшенному по плечику горизонтальными (не менее 7) оттисками шнура (рис. 4:9). Глина достаточно рыхлая, серовато-желтая, у поверхности черепка пропеченная до оранжевого цвета. В тесте примесь кварцевой дресвы, песка и небольших рыхлых красноватых частиц.

Кроме керамического боя, возле погребения 1 обнаружен и кусочек обожженой глиняной обмазки (?). В насыпи кургана встречено несколько невыразительных кремневых сколов, а из отвала происходят фрагменты очажной плитки или жаровни, сходной по составу и характеру глиняного теста с прочей майкопской керамикой.

Курганный могильник Олений I был раскопан в 1987 г. Понурским отрядом Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР. Памятник расположен в Калининском районе Краснодарского края, в 14 км к северо-западу от станицы Калининской (Поповичевской), или в междуречье Понурского Лимана и Гречаной балки. Этот район Прикубанья представляет собой низменную равнину, близко подходящую к приазовским плавням. До строительства при Медунове рисовых оросительных систем и поливных полей местность тут изобиловала курганными могильниками, однако большинство из них тяготело к руслам ериков и балок, срединные районы междуречий характеризуются меньшим числом и меньшими размерами курганных групп.

К числу таких удаленных от рек и водотоков памятников относится и **Олений I**, получивший название по обитавшему поблизости стаду этих животных. Он состоял из трех насыпей, сооруженных на одной линии по северному краю обширной болотистой западины. Крайние курганы цепочки (№ 1 и 3) отличались солидными размерами, между ними примостился небольшой, и, скорее всего, полуразрушенный, курган 2. Все курганы сооружены в эпоху ранней бронзы, при этом основное захоронение в кургане 1 относится к майкопской культуре, в кургане 3 — к ямной, в кургане 2 наряду с майкопским захоронением имелось и погребение, совершенное по ямному обряду (скорченно на спине с восточной ориентировкой). Стратиграфическое соотношение их не было определено из-за

[1] Раздельное описание ее не имеет смысла, поскольку фрагменты от одних и тех же сосудов встречались в разных местах. Отмечу только, что один сосуд (рис. 4:3), как кажется, найден исключительно в заполнении воронки.

частичного разрушения центральной части кургана, однако полученные в последующие годы стратиграфические наблюдения (назову здесь курганы 1 и 2 Пластуновского I могильника в Динском районе Краснодарского края, раскопанные Северо-Кавказской экспедицией в 1988 г.) показывают, что аналогичные ямные захоронения являются более поздними по отношению к погребениям степных групп, напрямую перекликающихся именно с майкопской и новосвободненской культурами.

Курган 1, содержавший достоверные майкопские захоронения, имел подконическую форму. Видимый диаметр его доходил до 50 м при высоте до 2,5 м. Истинный же диаметр по профилям бровок не превышал 30–33 м, первоначальная высота не определяется из-за разрушения верхушки при установке геодезического знака. При этом насыпь сформировалась путем неоднократных досыпок, связанных с различными захоронениями бронзового века. Прослежено не менее 4–5 этапов ее возведения. Курган содержал 21 древнее захоронение. Интерес для нашей темы представляют два из них — погребения 16 и 11.

Погребение 16 (рис. 5) было основным и располагалось под самым центром насыпи. Захоронение было совершено в яме, выкид из которой был распределен вокруг могилы, причем большая его часть отброшена к югу и востоку от нее. Над могилой и поверх выкида был устроен обширный (и неровный из-за подстилающего выкида) камышовый настил подквадратно-округленных очертаний размером около 6,45 × 6,10 м. Большая часть настила состояла из охапок или связок камыша, от которых сохранился белесый или светло-сиреневый тлен с характерной волокнистой структурой. Направление волокон в большинстве случаев как бы радиальное по отношению к могиле. Длина этих охапок до 1–1,5 м. В некоторых местах среди этого тлена читались участки с характерным циновочным плетением, причем тут тлен имел темно-сиреневый, фиолетовый, а местами и почти черный цвет. На периферии органический тлен истончался и не имел отчетливой структуры. При расчистке настила в 3–5 см выше основной его поверхности во многих местах были видны тонкие прослойки белесого тлена (следы неравномерной засыпки объемных вязанок камыша?). В двух местах настил был впоследствии прорезан ямой новотиторовского захоронения 19 и входной шахтой позднекатакомбного батуринского захоронения 20.

В непосредственной близости от краев могильной ямы отмечены следы дерева от поперечного перекрытия. Сохранность его плохая (скорее следы, чем тлен). С большой степенью приблизительности можно говорить о 8–10 плахах или досках шириной от 0,15 до 0,25 м и длиной до 3,30 м при общих размерах настила около 3,30 × 2,75 м. Сама яма овальная, размером 2,38 × 1,49 м, ориентирована длинной осью по линии север–юг. Глубина ее — 1,00–1,20 м от уровня настила (и дно вогнуто в центральной части, и настил неровный), подобие ступеньки, зафиксированное вдоль длинной западной стенки, возникло естественным путем из-за проседания грунта.

И яма, и костяк погребенного разрушены грабительским ходом. Грабители проникли в могилу со стороны юго-восточного угла и длинной восточной стенки, разрушили костяк и, судя по всему, унесли наиболее ценный инвентарь. Грабительский ход не попал в профиль бровки, поэтому трудно сказать, с какого уровня он был выкопан (с одной из древних поверхностей подсыпаемого кургана или с современной?). Однако, судя по тому, что многие кости и их отдельные обломки найдены в заполнении грабительской ямы, костяк к моменту ограбления уже полностью разложился. Здесь же, в заполнении, найдены и обломки глиняного сосуда из данной могилы.

Несмотря на разрушение по остаткам костей на дне ямы (ребра правой стороны грудной клетки, фрагменты таза и костей рук и ног), уверенно реконструируются и поза и ориентировка погребенного. Взрослый мужчина (мужчина, adultus) был захоронен в скорченном положении на правом боку и ориентирован головой к югу (рис. 5). На дне ямы отмечены следы органической подстилки, цвет которой не упоминается в полевой документации. В районе костей туловища и поверх них на площади 1,39 × 1,02 м отмечен слой мелкого серовато-зеленоватого песка толщиной до 0,07–0,08 м. Причины его попадания в могилу недостаточно ясны, но при общей необычности его на фоне характерных для данной местности и кургана суглинков, думаю, что первоначально песок использовался в самой погребальной церемонии, а не был занесен при ограблении (сходные случаи отмечены для более поздних новотиторовских погребений). Включения песка обнаружены среди переотложенных костей в грабительском ходе и при зачистке настила с северо-восточной стороны от ямы.

По фрагментам из грабительского хода реконструируется небольшой округлодонный лепной горшок с шаровидным туловом и сравнительно высоким слегка отогнутым венчиком, имевшим округленно-приостренный край (рис. 8: 3). Сравнительно резкий переход от тулова к венчику (это заметно и снаружи и внутри) позволяет говорить о примазывании отдельно сформованного венчика к шаровидной основе тулова. Поверхность сосуда коричневато-красная, излом черный, в тесте примесь песка и отдельных зерен дресвы. Внешняя поверхность тщательно сглажена, сохранила следы горизонтального и наклонного лощения, заметные в тех местах, где верхний слой (ангоба?) не отслоился. Диаметр венчика 9,5 см; максимальный диаметр тулова 14 см; высота около 13–14 см.

Над погребением 16 была возведена первичная насыпь диаметром около 23 м и высотой до 1,40 м, состоявшая из неоднородного чернозема, более светлого в верхних слоях данной насыпи.

Погребение 11 (рис. 6) обнаружено в 14 м к северо-востоку от основного. Первоначально на склоне первичной насыпи и у ее края обнаружено скопление битой посуды. Фрагменты от трех сосудов занимали площадь около 6,5 × 5,5 м и располагались как бы по дуге (рис. 6:А), охватывая с юга пятно желтого суглинка (выкид из могильной ямы погребения 11) и аморфное темное пятно округлых очертаний (осталось не до конца ясным, заполнение это самой ямы или ведущего в нее грабительского хода).

Большинство фрагментов принадлежит крупному толстостенному сосуду типа корчаги с небольшим уплощенным дном, сферическим туловом и достаточно резко отогнутым (через четкий перегиб на внешней и внутренней поверхности) высоким сужающимся венчиком, округленно-приостренная кромка которого отогнута наружу, образуя подобие наплыва по внешнему краю горловины (рис. 8:5). Поверхность его тщательно сглажена снаружи и внутри, а в некоторых местах снаружи сохраняет неотслоившиеся участки темно-вишневого лощения по ангобу (?). Тесто — пачкающееся, плотное, розовато-охристое, с включениями кварцевого песка и множеством пустот от выгоревших органических частиц. Обжиг трехслойный, сердцевина черепка черная. На внешней поверхности тулова видны три горизонтальных оттиска шнура, скорее всего, не имевшие орнаментального характера, протяженность их не определяется из-за фрагментарности сосуда, лучше других просматривается верхний оттиск. Высота сосуда 75–80 см, диаметр по краю венчика 21 см, по горлу — 25 см, максимальный диаметр тулова 65–70 см, диаметр дна 18 см[1].

Второй сосуд меньших размеров и не поддается полной реконструкции. Вероятно, имел сферическое тулово. Дно небольшое, уплощенное. Сравнительно высокий, несколько развернутый наружу венчик резко (через четкие перегибы снаружи и внутри) отделен от тулова. По внешней кромке его проходит округленное валикообразное утолщение (рис. 8: 4). Внешняя поверхность красная, залощенная. Тесто красновато-оранжевое, плотное, пачкающееся, с мельчайшими блестками. Обжиг трехслойный, сердцевина черепка серого цвета. Диаметр по краю венчика 21–22 см.

Есть основания полагать, что сосуды 1 и 2 изготовлены с применением поворотного устройства (заключение И.А. Гей).

Третий сосуд черноглиняный, бесспорно лепной. Не реконструируется. Представлен фрагментами с черным изломом, коричневыми внешними и внутренними поверхностями. Внешняя хорошо сглажена. Черепок рыхлый, непрочный. В тесте — примеси песка и шамота. Край венчика прямой (?), срез его уплощен. Не исключено, что данный сосуд относился к типу темноглиняных кубков.

При дальнейшей прокопке в 0,15–0,20 м ниже керамики прослежены контуры могильной ямы, имевшей неправильные подпрямоугольные очертания и размеры 2,33–1,93 × 1,85–1,70 м. Заполнение могилы состояло из чернозема с включениями комьев желтого материкового суглинка. Еще на 0,15–0,20 м ниже яма образовывала подобие неровных уступов по западной, северной и восточной стенкам (максимальная ширина — 0,35 м). Ниже уступа приобретала достаточно правильную подпрямоугольную форму с округленными углами и размеры 1,45 × 1,20 м. Длинная ось ориентирована по линии север–юг (рис. 6: Б). На стенах сохранились нечеткие следы землекопных орудий в виде вертикальных борозд. Дно могилы углублено в материковую глину на 0,30–0,40 м.

[1] Находки подобных ему крупных корчагообразных сосудов с сужающейся горловиной в майкопской культуре исключительно редки. Подобная форма имеется в погребении кургана 1 группы «КРОС-166 га» (Семенов, б.г.). Не исключено, что здесь мы имеем дело с особой местной прикубанской керамической формой.

По периметру дна проходит канавка шириной от 6 до 18 см и глубиной 6–8 см.

Захоронение, очевидно, подверглось ограблению, в результате которого кости погребенного были выброшены. Только под северной стенкой обнаружено несколько обломков от костей стоп.

Дно ямы было покрыто органическим тленом коричневого цвета от подстилки. Под подстилкой отмечен слой песка (?). Поверх нее в северо-западном углу находилось подпрямоугольное пятно красной охры размером 0,30 х 0,25 м. Более бледные пятна отмечены под северной стенкой и возле юго-западного угла. Других находок не было.

После совершения погребения 11 была произведена досыпка второй насыпи, перекрывшая центральную и северо-восточную части насыпи 1 и придавшая кургану, скорее всего, подовальную форму (размеры ее — около 25 × 33 м, длинная ось ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ, состоит из неоднородного светло-коричневого суглинка).

Дальнейший рост курганной насыпи связан с серией захоронений 2-го и 3-го этапов новотиторовской культуры. В готовый курган были последовательно впущены могилы приазовской и батуринской катакомбных культур, срубные, сарматские и, возможно, раннесредневековое.

Курган 2 имел видимый диаметр до 45 м при высоте 0,80 м. Прослеженная протяженность насыпи в профилях бровок — не более 18 м. Однако эти параметры не соответствуют истинным размерам кургана в древности, поскольку он, бесспорно, был частично разрушен строениями существовавшего тут в XIX — начале XX в. хутора, следы которых обнаружены в разных местах насыпи. Эти же нарушения затрудняют определение стратиграфии, этапов возведения насыпи, основного или основных захоронений.

Погребение 34 (предположительно, основное) находилось в центральной части кургана. Верх могилы не прослежен. В светлом материковом суглинке были видно потемнение, соответствующее придонной части могильной ямы, имевшей округленно-подпрямоугольные очертания и размеры 1,35 × 1,10 м. Длинная ось ориентирована по линии север–юг, дно вогнутое. Глубина — 2,36 м от вершины или около 1,5 м от уровня древнего горизонта.

Захоронение принадлежало взрослому человеку с очень сильно (резцы до канала, маляры до основания и ниже, захватывая корень) стертыми зубами (пол неопределим, maturus). Совершено оно в сильно скорченном положении на левом боку и ориентировано головой к югу (рис. 7: Б). Череп обращен лицом на запад, кисти рук находятся у лица, пальцы их подогнуты. Ноги обращены влево, но стопы (особенно правая) развернуты плашмя, подошвами вниз.

На дне ямы расчищены остатки органической подстилки в виде обрывков черного и желтовато-коричневатого тлена. В заполнении придонной части отмечены следы охры, но ни костяк, ни дно не были окрашены.

Перед лицом и кистями рук погребенного стоял миниатюрный лепной коричневоглиняный сосудик с биконическим туловом (ребро проходит ниже середины высоты) и невысоким, резко отогнутым наружу приостренным венчиком (рис. 8:1). Внешняя поверхность его имела почти черную окраску и, вероятно, была залощена, однако признаки лощения просматриваются слабо из-за отслаивания поверхностного слоя ангоба. В тесте — мельчайшие блестки и белые включения, имеющие, скорее всего, естественное происхождение. Высота 5,8 см, диаметр венчика 5,2 см, наибольший диаметр 7 см, диаметр донца 2,8 см.

Возле колен находился более крупный охристый сосудик с шаровидным туловом, уплощенным дном и резко отогнутым наружу венчиком, реставрировать который не удалось. Поверхности охристые, на внешней сохранились следы качественного коричневого лощения, сошедшего вместе с отслоившимся ангобом. Обжиг трехслойный, сердцевина черепка — черная. В тесте незначительная примесь шамота(?).

В районе шеи и лопаток погребенного расчищено скопление мелких гешировых цилиндрических бусин и бисерин, среди которых 128 были серыми, а 186 — черными (рис. 8:2). Одна гешировая и одна серебряная бисерины найдены возле правой голени (серебряная рассыпалась в порошок).

Погребение 30 — основное (?), майкопское. Находилось в центральной части кургана, в 3,5 м к югу от предыдущего и было частично повреждено при сооружении впускного новотиторовского захоронения 25. Остатки захоронения открыты уже в материковом суглинке, на глубине 2,30 м от вершины насыпи. Контуры могильной ямы не прослежены, о ее вероятных размерах можно судить только по остаткам тлена от подстилки (около 1,40 × 0,80 м).

Костяк взрослого, отличавшегося грацильным сложением и имевшего сильно стертые резцы при несильно стертых малярах (мужчина? adultus), имел хорошую сохранность. Захоронение совершено в сильно скорченном положении на правом боку с завалом туловища на живот и ориентировано головой к востоку (рис. 7: А). Череп на правом виске с разворотом затылком вверх, а лицом вниз. Руки согнуты в локтях и направлены к лицу, кисти с подогнутыми пальцами касаются лицевых костей и закрывают их. Ноги обращены вправо, причем левая согнута сильнее правой. Стопы на боку, а правая даже развернута подошвой вверх.

Костяк окрашен малиновой охрой, ярче всего череп, слабее — кисти рук, плечевые суставы, лопатки, ребра и стопы. Дно под костяком устлано коричневым тленом от плетеной циновки с преобладанием поперечных (север–юг) волокон. Циновка также окрашена малиновой охрой, особенно ярко за затылком и возле стоп. В пятне краски у затылка было вкраплено множество крупинок особенно яркой «флюоресцентной» охры. Под кистями рук, тазом и позвоночником заметен желто-коричневый тлен (кожа?). Само дно неровное, подстилка бугрится, понижаясь к голове погребенного. На ней местами отмечен тонкий слой серовато-зеленоватой глины, представляющей, скорее всего, затечное образование. Инвентаря не было[1].

Между погребениями 30 и 34, но на меньшей глубине и как будто несколько заходя поверх погребения 34, находилось погребение 19, совершенное по ямному обряду. Впоследствии в курган были впущены большие серии новотиторовских, катакомбных и срубных захоронений, погребения раннего железного века и эпохи средневековья.

Публикуемые материалы из Закубанья и Прикубанья позволяют поставить целый ряд вопросов. Ястребовский курган, вне всякого сомнения, относится к числу собственно майкопских, часто обозначаемых как раннемайкопские. Об этом говорит керамический набор, включающий почти исключительно красно-, желто- и оранжевоглиняную посуду очень тщательной формовки, без особых отощителей в тесте и характерных форм (резко отогнутые через ребро венчики). Классическими представителями данного культурного типа в Закубанье являются сам Майкопский курган, курган у с. Красногвардейское, а на верхней Кубани — Усть-Джегутинский могильник (Мунчаев, 1975, 1994; Нехаев, 1986). В непосредственной близости от Ястребовского группа таких же или даже несколько более ранних майкопских захоронений раскопана в могильнике «742-й км» возле восточной окраины Абинска (Сериков, 1988). Характернейший признак данной группы — отсутствие в инвентаре каких-либо признаков, сходных с вещами новосвободненского круга, неважно, идет ли речь о степных памятниках нижнемихайловско-новосвободненского типа (они же на западе Причерноморья именуются либо хаджидер-животиловскими (Яровой, 2000, 2006), либо животиловскими или животиловско-волчанскими (Ковалева, 1978, 1991)) или же о распространенных в предгорьях Северо-Западного Кавказа памятниках типа Новосвободная — Клады (Rezepkin, 2000). Здесь нет ни темнолощеных кубков, ни так называемых «новосвободненских амфор», не найдены пока изогнутые костяные и металлические булавки с крохотным отверстием в средней части стержня и так называемые «флажковидные» наконечники стрел. Такая исключительная «чистота» тем более бросается в глаза, что в непосредственной близости от Ястребовского и «742-го км» в том же Абинском районе раскопаны целые группы курганных памятников, в которых представлены как чистые степные комплексы нижнемихайловско-новосвободненского типа (Общественный I), так и демонстрирующие различные степени смешения собственно майкопской традиции с новосвободненской (Общественный II (Сорокина, Орловская, 1993); Бугундырь VI (Бестужев, 1988)). В традиционном понимании эти последние обычно именуются позднемайкопскими, или новосвободненским этапом майкопской культуры.

На данный момент Ястребовский могильник остается, пожалуй, одним из самых западных памятников майкопско-устьджигутинской традиции, поскольку расположенные еще западнее, уже на Тамани, памятники имеют ряд своеобразных черт и в обряде, и в керамике,

[1] Для погребения 30 кургана 2 имеется радиокарбонная дата, полученная по костям скелета погребенного (ЛЕ–23116; 3790 ± 160 BP), которая не может быть признана корректной, как и две другие даты из этого памятника. Так, ямное погребение 19 из этого же кургана датируется 4020 ± 60 BP (ЛЕ–23117), а новотиторовское погребение 25 даже 445 ± 85 BP (ЛЕ–23115)!

что не позволяет безоговорочно причислять их сюда же.

В связи с разрушением Ястребовского кургана грабителями вопрос о том, что собственно представлял собой данный комплекс, к сожалению, остается открытым. Ряд черт (серия сопровождавших захоронение сосудов, расположение их над могилой, каменная крепида)[1] роднит его с другими майкопскими курганами, другие же достаточно своеобразны и даже уникальны для погребальных комплексов раннего майкопа (массовые признаки горения, камышовый настил на очень небольшой по размерам конструктивной первой насыпи, наличие рогов тура, не до конца понятное устройство могильного сооружения и назначение нижних малых ям). Все это может свидетельствовать о наличии тут не ординарного майкопского захоронения, а может быть, и некоего ритуального или жертвенного комплекса. Рога оленя на Кавказе и в Предкавказье встречаются в курганах достаточно редко и, насколько можно судить, бывают приурочены к неординарным и непонятным в массе своей комплексам (Гуммель, 1992). Неправильные подовальные ямы со встроенными в них малыми ямами для столбов открыты в ряде ранних курганов Причерноморья и трактуются исследователями как своеобразные святилища или их части (Шилов, 1989, 1997). Но в нашем случае это крайне маловероятно, скорее всего, и общую круглую яму, и малые ямы в ее дне следует рассматривать как части грабительского лаза и результаты особой тактики «бугровщиков». Аналогичная картина ограбления зафиксирована в кургане 9 могильника «742-й км» (Сериков, 1988). В любом случае материалы Ястребовского могильника как бы расширяют набор признаков и характеристик, присущих именно раннемайкопским курганным памятникам.

И еще один вопрос может быть поставлен в связи с Ястребовским курганом, правда, без четкого и однозначного ответа на него. Речь идет о находке вместе с майкопской посудой нескольких черепков, для данной культуры совершенно не характерных. Они недостаточно выразительны для однозначного вывода об их культурно-хронологической принадлежности. И узор из горизонтальных оттисков крупного шнура, и орнамент в виде зигзагов и зон из косопоставленных гладких вдавлений (рис. 4: 8, 9) достаточно широко распространены в целом ряде степных культур бронзового века. В стилистическом отношении фрагменты обоих сосудов заметно отличаются от похожих форм, присутствующих в материалах эпохи средней бронзы Северо-Западного и Центрального Предкавказья. Поэтому полностью исключить вероятность того, что в насыпи кургана 1 было захоронение эпохи средней бронзы (той же северокавказской культуры), конечно же, нельзя. Но и данных в пользу такого же решения также недостаточно. Более того, несмотря на ряд разработок, посвященных синхронизации майкопских и степных комплексов и культур между собой, вопрос о вероятных северных соседях майкопа, о вероятных реципиентах майкопских влияний в степи изучен пока крайне неполно. Следует говорить, что обозначены пока только крайние реперы от финальных мариупольских и среднестоговских соответствий для раннего майкопа (Резепкин, 1991) до позднеямных параллелей для майкопа позднего (Мерперт, 1974). То, что было между этими полюсами, известно недостаточно. Все это заставляет со вниманием отнестись к ястребовскому набору, тем более что означенные фрагменты залегали совместно с собственно майкопской красноглиняной керамикой. И, что особенно важно, такое сочетание отнюдь не уникально. Фрагмент красноглиняного сосуда с «елочным» орнаментом, выполненным короткими гладкими вдавлениями, обнаружен и в разрушенном майкопском погребении 8 кургана 1 группы «КРОС-166 га» в верховьях 1-го и 2-го Челбасов (Семенов, б.г.), с той разницей, что и конструкция могилы, и набор собственно майкопской керамики из данного комплекса заставляют относить его скорее к позднему этапу майкопской культуры[2].

[1] Справедливости ради замечу, что и вне границ майкопской культуры встречаются большие по размерам курганы с каменными крепидами, воздвигнутые над энеолитическими или раннебронзовыми могильными комплексами, подвергшимися ограблению еще в глубокой древности, что может служить косвенным подтверждением изначального богатства сопровождающего инвентаря. Сошлюсь тут на курган 15 Кобяковского могильника в г. Ростове-на-Дону (Казакова, 1987).

[2] К сожалению, ситуация с этим комплексом также оставляет некоторую возможность для разных интерпретаций. Дело в том, что тут имелась связка из двух могил, майкопской № 8 и прорезавшей ее ямной № 7, причем в отчете А.И. Семенова оба комплекса разделены неверно (каменная обкладка ямы майкопского захоронения воспринята и описана как каменная наброска над ямной могилой 7). Однако общее сходство с ситуацией в Ястребовском несомненно, а доводов в пользу отнесения орнаментированного черепка к взрослому ямному захоронению 7 также не видно.

Заметно иной характер имеют майкопские материалы из приплавневых районов Восточного Приазовья. В трех из четырех опубликованных погребений могильника Олений I обнаружена керамика, формы которой не оставляют никаких сомнений в ее принадлежности к тому же раннемайкопскому культурному типу. Кроме характерных теста, ангоба, лощения, об этом говорят и особенности форм. Здесь и сильный отгиб венчиков на горшках из погребений 1/11 и 2/34, и смещение в нижнюю часть сосуда ребра на тулове (у того же сосуда из погр. 2/34). И наличие не орнаментальных, а скорее технологических оттисков шнура на корчаге из погребения 1/11, что известно для тарных сосудов Усть-Джигуты (курган 24 (Нечитайло, 1978. С. 15)) и одновременно является яркой особенностью пифосов из раннемайкопских галюгаевских памятников (Кореневский, 1995. С. 31).

Вместе с тем нарочитая миниатюрность остроребериого сосудика из погр. 2/34, равно как и заметная небрежность лепки (ручной) горшка из комплекса 1/16, может свидетельствовать скорее об отступлениях от собственно майкопской технологии, об их изготовлении в не совсем обычных условиях.

Отклонения от майкопских стандартов проявляются и в обрядовой сфере. Это и сравнительно небольшие размеры могильных ям, рассчитанных только-только для помещения одного сильно скорченного покойника без особого сопровождающего инвентаря. Это и присутствие рядом с обычными ямами ямы с уступом (1/11), и случаи восточной ориентировки (2/30). Небольшие овальные или подпрямоугольные ямы с закругленными углами и ориентировки в восточном направлении встречаются в самых разных районах Причерноморья у нижнемихайловско-новосвободненских захоронений. В этой же культурной среде, хотя и сравнительно редко, отмечаются необычные формы погребальных сооружений, например небольших ям с уступами по периметру или атипичных подбоев (Эвдык 4/23 и 5/11 (Шилов, Багаутдинов, 1998)). Именно в этих памятниках обычно использование в небольших количествах яркой, «флюоресцентной», как, может быть, не совсем точно я ее называю, охры (Пластуновский I).

Все эти параллели, как кажется, достаточно определенно указывают на гибридный характер всей небольшой серии ранних погребений Оленьего могильника, причем наиболее выразительные, собственно майкопские черты проявляются скорее в сопровождающем инвентаре, тогда как для погребальной обрядности характерным является смешение признаков собственно майкопских со степными, имеющимися, в частности, в обряде степной нижнемихайловско-новосвободненской группы.

Отмечу, что в степном правобережье Кубани и в Восточном Приазовье находки погребений с типичной собственно майкопской керамикой или иными выразительными вещами достаточно редки (хут. Коржевский, Павлоград-Чапаи (Сафронов, 1979; Марченко, Николаева, Сафронов, 1979), тогда как нижнемихайловско-новосвободненские образуют весьма заметную и выразительную серию начальной поры эпохи ранней бронзы (соотношение тут составляет приблизительно 1 к 10). Небольшая серия из Оленьего стоит как бы посередине между теми и другими. Это, очевидно, может отражать определенные нюансы взаимных ассимилятивных процессов, происходивших при столкновении двух изначально различных этнокультурных массивов в степной полосе. Результатом такого взаимодействия на уровне относительно небольших коллективов могло стать появление широкого спектра смешанных групп, что и предопределило фиксируемую в самых разных районах Причерноморья и Предкавказья дробность самого «степного майкопа». Причем мозаичность тут проявляется, насколько можно судить, не только в сфере культурных традиций, но и на примере антропологических типов (Герасимова, Пежемский, Яблонский, 2002). В этом плане антропологические материалы Оленьего также заслуживают углубленного изучения, поскольку в ходе раскопок привлекали внимание своей ярко выраженной грацильностью.

ЛИТЕРАТУРА

Бестужев Г.Н., 1988. Отчет о работе Абинского отряда Кубанской экспедиции в Абинском районе Краснодарского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 12481.

Гей А.Н., 1989. Хозяйственные структуры и этнические процессы у племен энеолита – бронзового века Северо-Западного Предкавказья: (к постановке проблемы) // 1-я Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т., 2002. Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья: (предварительное сообщение) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Ессентуки; Кисловодск.

Гуммель Я.И., 1992. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. № 4.

Казакова Л.М., 1987. Отчет об исследовании Кобяковского курганного могильника по Проспекту 40-летия Победы в Пролетарском районе г. Ростова-на-Дону в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 11426.

Ковалева И.Ф., 1978. Погребения животиловского типа в Присамарье // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск.

Ковалева И.Ф., 1991. Погребения с майкопским инвентарем в левобережье Днепра: (к выделению животиловского культурного типа) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.

Кореневский С.Н., 1995. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.

Марченко И.И., Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1979. Исследование курганов на хуторах Павлоградском и Чапаевском Калининского района Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 7482.

Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.): Дис. ... д-ра. ист. наук // Архив ИА РАН. Р-II. № 2010.

Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.

Мишина Т.Н., 1989. Курганы эпохи ранней бронзы Центрального Ставрополья // Древности Ставрополья. М.

Моргунова Н.Л., 2002. Металлургия ямной культуры Приуралья и кавказские связи // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Ессентуки; Кисловодск.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Нехаев А.А., 1986. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // СА. № 1.

Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.

Нечитайло А.Л., 1984. О сосудах майкопского типа в степной Украине // СА. № 2.

Нечитайло А.Л., 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.

Резепкин А.Д., 1991. Культурно-хронологические аспекты происхождения и развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и восточной Европы: Тез. докл. конф. Л.

Семенов А.И., б.г. Отчет о работе Темижбекского отряда Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского государственного университета в 1979 г. Раскопки курганов в зоне строительства Краснодарской оросительной системы в Кавказском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-I. № 11279.

Сафронов В.А., 1979. Исследование курганов в Славянском и Темрюкском районах Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-I. № 7500.

Сериков Ю.Б., 1988. Отчет о раскопках курганной группы «742 км» в Абинском р-не Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-I. № 12127.

Сорокина И.А., Орловская Л.Б., 1993. Погребения майкопского времени Общественного II могильника в степном Закубанье // Вестник шелкового пути. Археологические источники. Вып. I. М.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Шилов В.П., Багаутдинов Р.С., 1998. Погребения энеолита – ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.

Шилов Ю.А., 1989. Святилища III–I тыс. до н. э. у Новосельской переправы через Нижний Дунай // История и археология Нижнего Подунавья: Тез. докл. науч.-практ. семинара. Рени.

Шилов Ю.А., 1997. Святилища энеолита – бронзы в устье Псла // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. Київ.

Шишлина Н.И., 2002. К вопросу о начале бронзового века в северо-западном Прикаспии // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.

Яровой Е.В., 2000. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Яровой Е.В., 2006. Памятники доямного времени Северо-Западного Причерноморья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.

Rezepkin A.D., 2000. Das fruhbronzezeitliche Graberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien. AIE. Bd 10. Rahden, Westf.

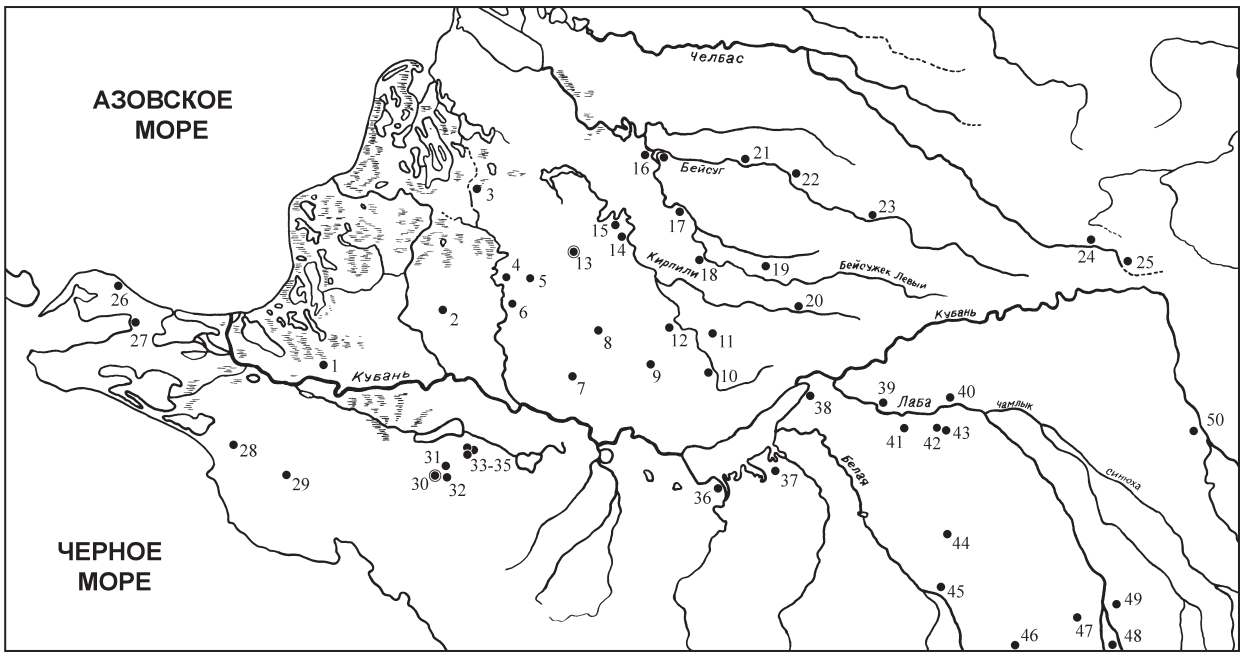

Рис. 1. Погребальные памятники (курганные могильники) майкопско-новосвободненского круга в Прикубанье и Закубанье:
1 — хут. Коржевский; 2 — Красноармейская (Полтавская); 3 — Лебеди IV; 4 — хут. Крупской; 5 — хут. Павлоградский; 6 — Старонижестеблиевская; 7 — Новомышастовская; 8 — Найдорф; 9 — Белевцы II; 10 — Динской курган; 11 — Пластуновский I; 12 — Старомышастовская; 13 — Олений I; 14 — Тимашевский курган; 15 — Днепровская I; 16 — Брюховецкая (несколько групп); 17 — Новокорсунская; 18 — Пролетарский; 19 — Кореновский; 20 — Раздольная; 21 — Батуринская II; 22 — Анапская; 23 — Первомайский; 24 — Заветинская; 25 — Темижбекская (группа «166 га»); 26 — Кучугуры III; 27 — Сенной (Кепы); 28 — хут. Рассвет; 29 — Натухаевская; 30 — Ястребовский; 31 — Бугундырь VI; 32 — «742-й км»; 33, 34 — Общественный I и II; 35 — Мингрельский II; 36 — Псекупский; 37 — Тауйхабль; 38 — Красногвардейский; 39 — Новолабинская; 40 — Воздвиженская; 41 — Уляп; 42 — хут. Веселый; 43 — хут. Чернышев; 44 — Келермесская; 45 — Майкопский курган; 46 — Новосвободная (Царская); 47 — Костромская; 48 — Мостовской; 49 — Владимирская; 50 — Юбилейный (Армавир)

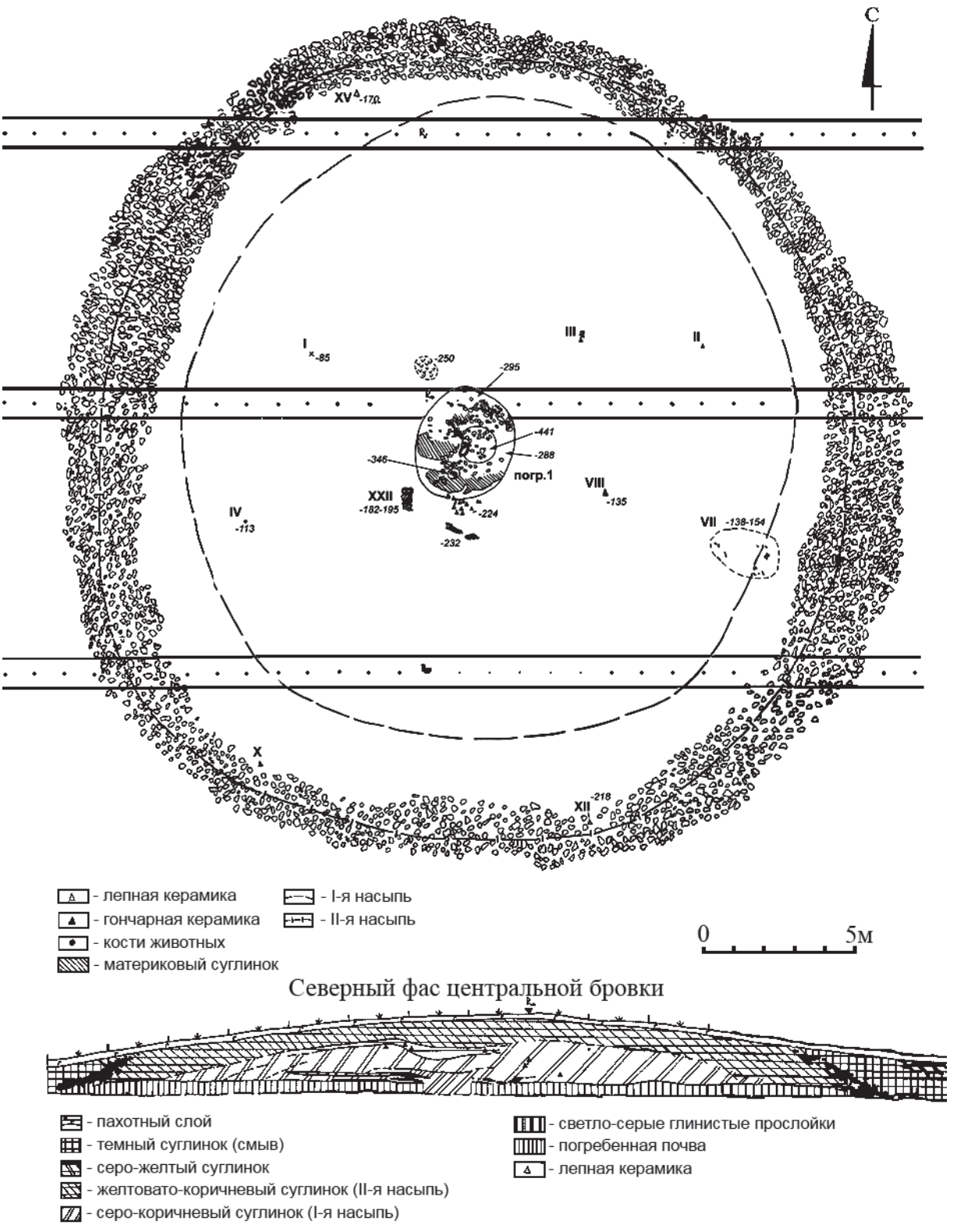

Рис. 2. Ястребовский, курган 1. Общий план центральной части и профиль центральной бровки

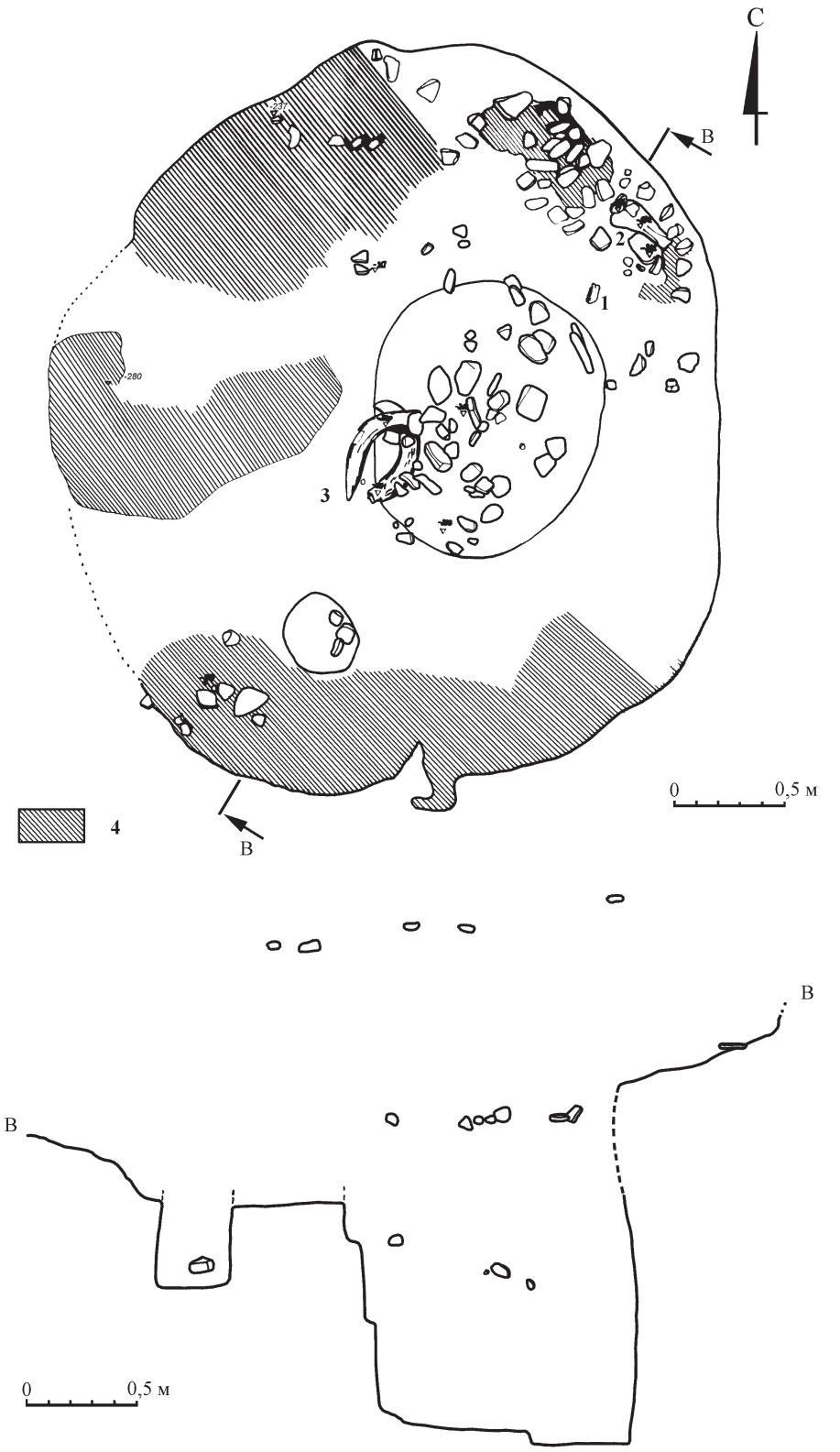

Рис. 3. Ястребовский, курган 1, погр. 1. План и разрез дна грабительской воронки и разрушенной могильной (?) ямы. Условные обозначения: 1 — фрагмент челюсти человека; 2 — лопатка человека; 3 — рога тура; 4 — скопления желтой материковой глины

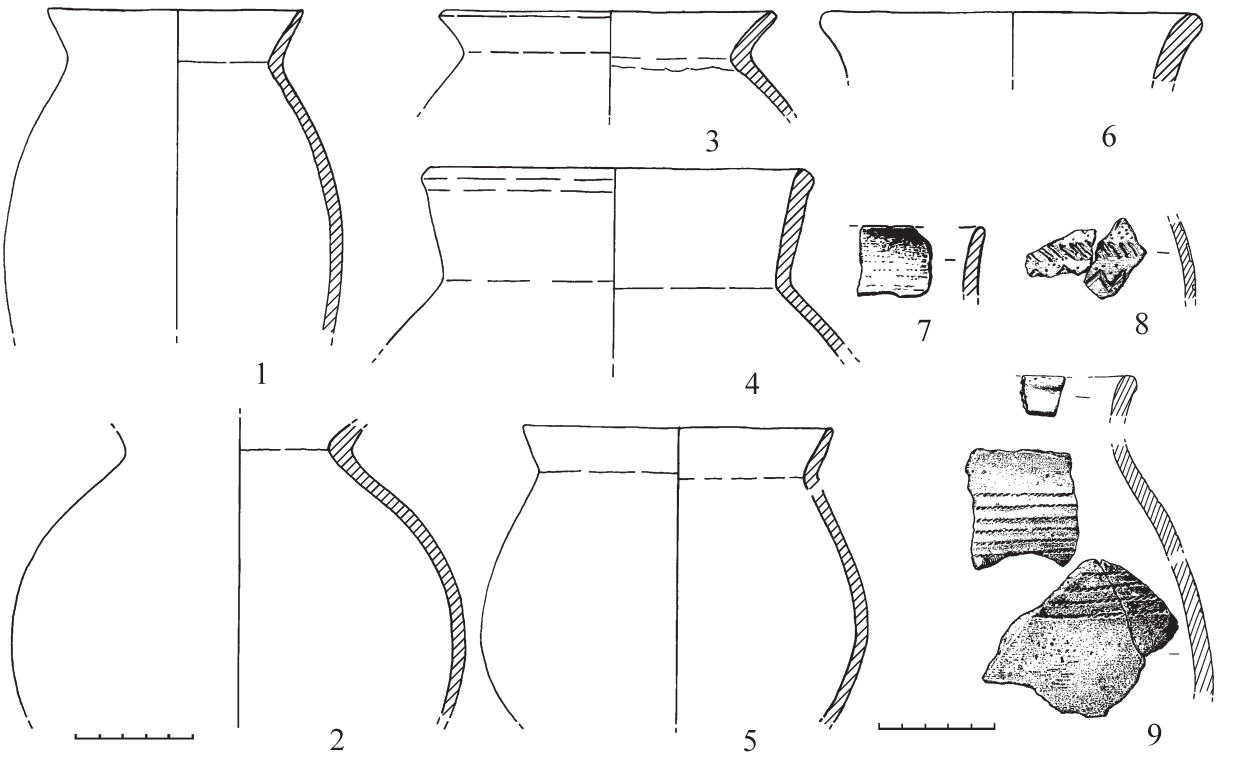

Рис. 4. Ястребовский, курган 1, погр. 1. Фрагментированная керамика из заполнения грабительской воронки и с поверхности древнего горизонта: 1–7 — майкопские сосуды; 8, 9 — сосуды «степного облика»

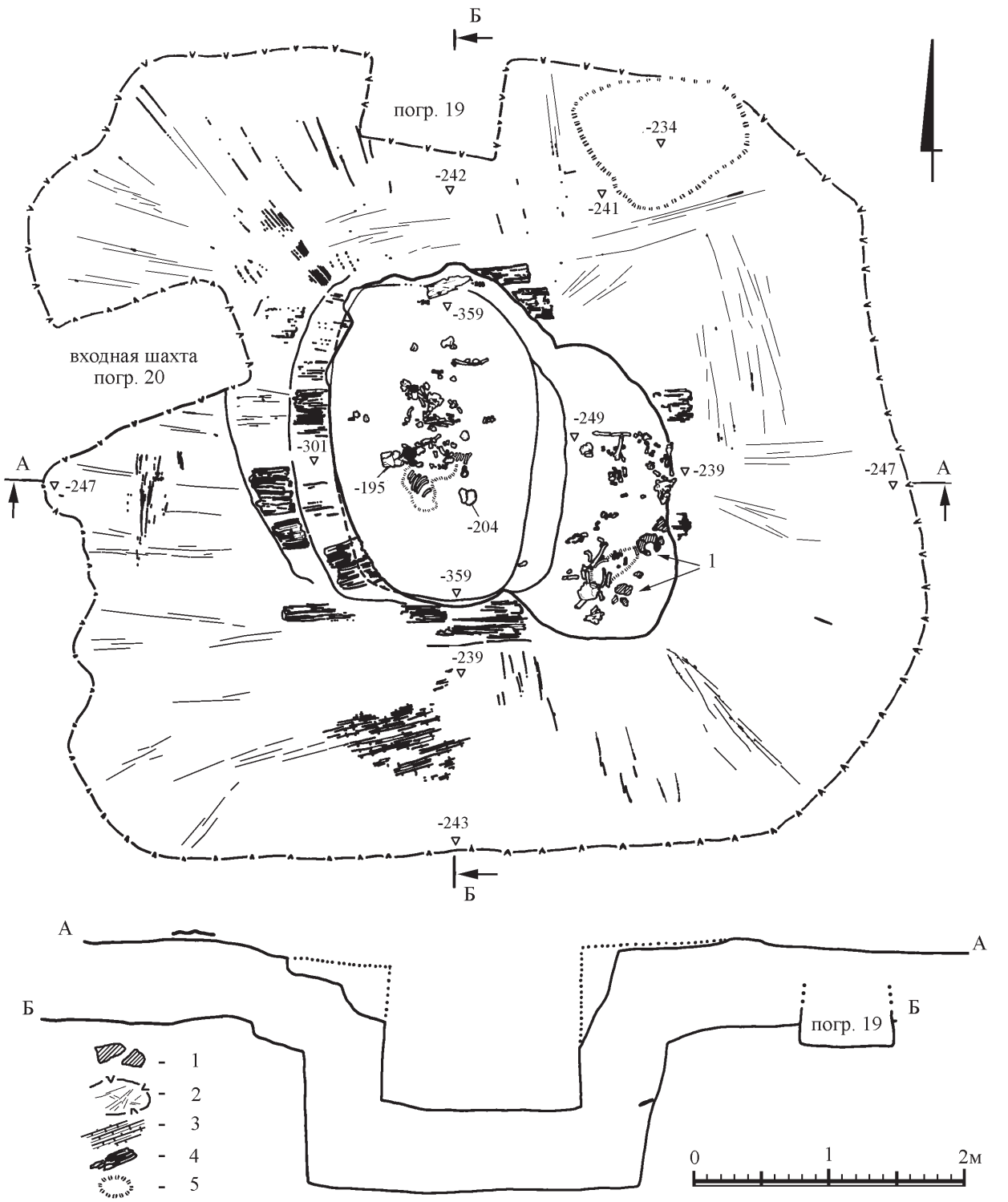

Рис. 5. Олений I, курган 1, погр. 16
Условные обозначения: 1 — фрагменты сосуда; 2 — черный и белесый камышовый тлен; 3 — следы плетеной циновки; 4 — древесный тлен; 5 — скопления речного (?) песка

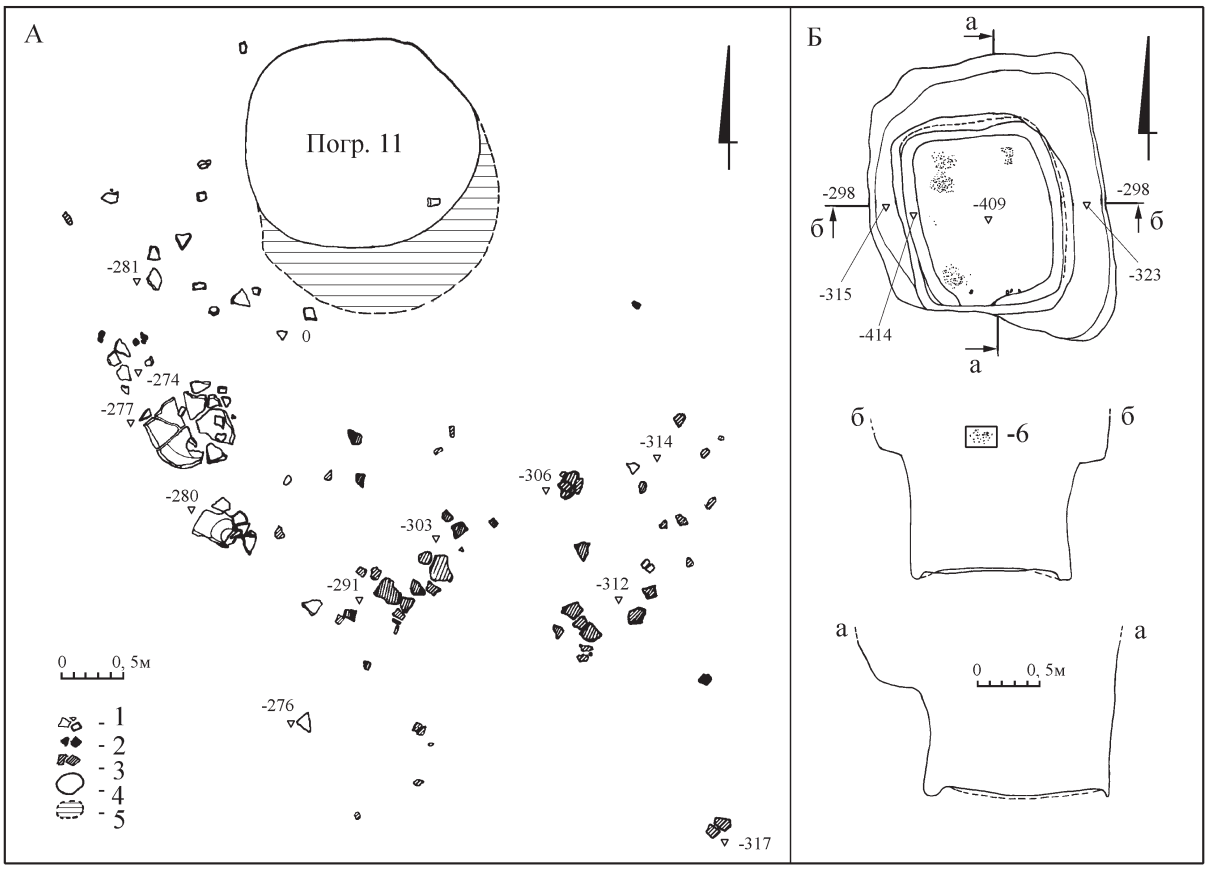

Рис. 6. Олений I, курган 1, погр. 11:
А — 1-й горизонт расчистки (на уровне пятна); Б — 2-й горизонт расчистки (выборка могильной ямы).
Условные обозначения: 1 — сосуд 1; 2 — сосуд 2; 3 — сосуд 3; 4 — темное пятно; 5 — пятно материкового суглинка; 6 — охра

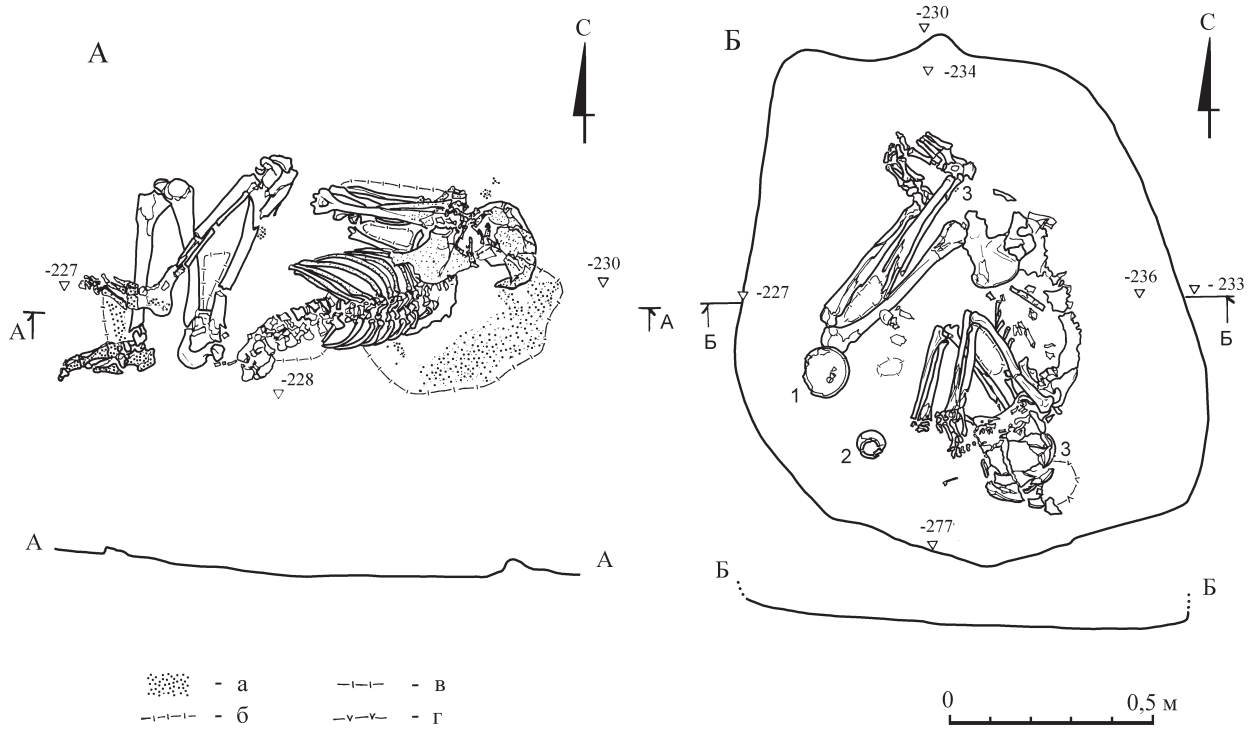

Рис. 7. Олений I, курган 2, погр. 30 (А) и 34 (Б)
Условные обозначения: 1, 2 — сосуды; 3 — бисер; а — охра; б — коричневый тлен (подстилка); в — желто-коричневый тлен (подстилка); г — черный тлен (подстилка)

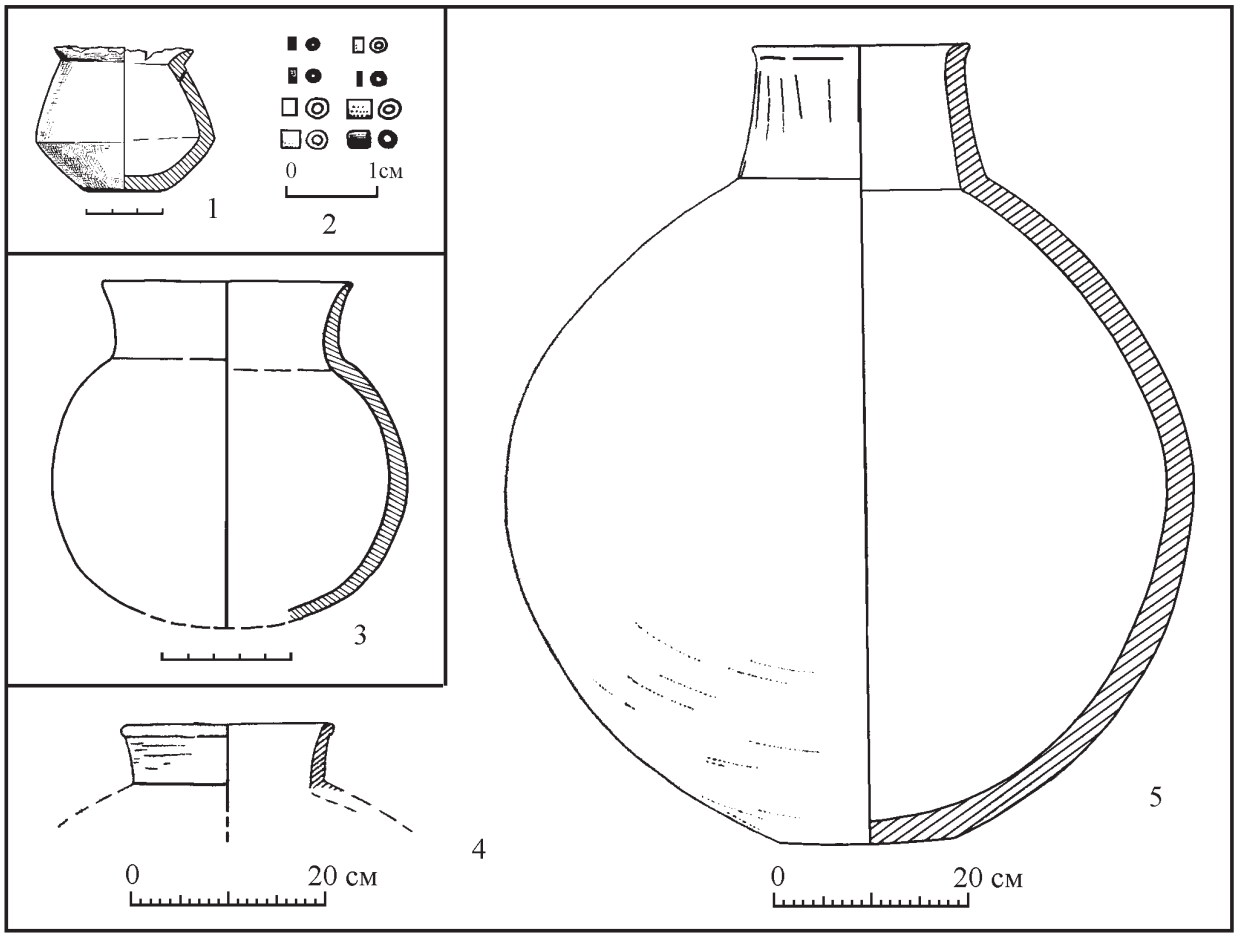

Рис. 8. Олений I, находки из погребений майкопской культуры:
1, 2 — курган 2, погр. 34 (1 — сосуд, 2 — бисер); 3 — курган 1, погр. 16 (сосуд); 4, 5 — курган 1, погр. 11 (сосуды)

Н.В. Рындина, И.Г. Равич, С.В. Быстров

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СВОЙСТВАХ МЫШЬЯКОВО-НИКЕЛЕВЫХ БРОНЗ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК)*

Майкопская культура – ярчайший феномен раннего бронзового века Предкавказья, датируемый ныне в рамках IV тысячелетия до н. э. (или от конца IV до третьей четверти III тысячелетия до н. э. без калибровочной поправки), дает коллекции медно-бронзовых изделий, исчисляемых многими сотнями находок. Столь яркого и многообразного металла население Восточной Европы в эту эпоху не знает. Массовыми сериями представлены орудия, предметы вооружения, бытовые и культовые объекты. Ряд изделий отличается специфическими формами, типичными только для Северного Кавказа (так называемые «псалии», двузубые «вилки», крюки, котлы и пр.).

Несмотря на почти столетний период изучения майкопских изделий из металла (М.И. Ростовцев, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, Р.М. Мунчаев, Е.Н. Черных. С.Н. Кореневский и др.) остаются неясными многие связанные с ними проблемы. Среди них – проблема разграничения импортов и местной металлопродукции, проблема наличия или отсутствия собственной добычи медного сырья и выплавки из него бронз, проблема выяснения местных рудных источников и возможностей освоения их майкопскими племенами. Важный вопрос заключается и в том, насколько осознанно древние мастера выбирали материал для изготовления изделий различного назначения: был ли это результат тщательного поиска и анализа их свойств или случайного использования находившегося поблизости сырья.

Химическая характеристика находок майкопского металла базируется в настоящее время преимущественно на данных спектрального анализа: их насчитывается 218. 87 изделий исследовали И.Р. Селимханов и Е.Н. Черных (Селимханов, 1960. С. 96–98, табл. 6–8; Черных, 1966. С. 98–103, табл. I, II), 77 изделий проанализировал С.Н. Кореневский (Кореневский, 1984. С. 254–258, табл. I), 54 предмета из некрополя урочища Клады изучил и ввел в научный оборот В.А. Галибин (Галибин, 1991. С. 63–64, табл. I). Дополнить этот список в настоящее время позволяют результаты 96 микрорентгеноспектральных анализов, проведенных в лаборатории при кафедре минералогии на геологическом факультете МГУ[1]. Правда, 30 из них связаны с предметами, ранее уже изученными спектрально. Учитывая это, можно констатировать, что общая сумма находок Майкопа, имеющих химические характеристики металла, составляет ныне 284 экз.

Установлено, что майкопские бронзы, более или менее однородные по микропримесям, подразделяются по основным компонентам на две группы, обозначенные еще при первых анализах Е.Н. Черных. Одну группу он называл мышьяковой (2-я майкопская группа, по Е.Н. Черных), вторую – мышьяково-никелевой (1-я майкопская группа). В мышьяково-никелевую группу Е.Н. Черных включает изделия, концентрация никеля в металле которых колеблется в пределах 0,1–4,7%. Мышьяковый сплав практически лишен никеля (0–0,045%), но обогащен мышьяком (Черных, 1966. С. 38,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00066а.

[1] Выражаем огромную благодарность сотрудникам кафедры минералогии геологического факультета МГУ: кандидату геолого-минералогических наук И.А. Брызгалову и профессору, доктору геолого-минералогических наук А.А. Ульянову за комплекс проведенных аналитических работ и научные комментарии при обобщении их результатов.

99, 102–103), содержание которого превышает 0,5%.

По результатам вновь накопленных анализов соотношение между обеими группами почти равное: мышьяково-никелевая группа представлена 53% находок, а мышьяковая — 47%. На карте майкопских памятников и те, и другие находки распределены равномерно и в Прикубанье, и на Центральном Кавказе. При отсутствии особых отличий в хронологическом и географическом их положении обращают на себя внимание некоторые отличия, химические и типологические. Дело в том, что в коллекции находок с никелем особую совокупность составляют изделия, в которых его содержание превышает 1%, а порою достигает 4–5% (90 находок). Замечено, что в таких сплавах и мышьяка всегда больше, даже если сделанные из них вещи типологически однородны с вещами второй группы (Eaton, McKerrell, 1976. P. 170; Tallon, 1987. P. 37; Кореневский, 1984. С. 257).

Вещи, изготовленные из высоконикелевых бронз, объединяют и предметы уникальные по форме и технике изготовления, и предметы обыденно-бытовые, простейшие по набору и массовые по характеру встречаемости. Среди первых могут быть названы многие находки, отсутствующие в наборе мышьяковых сплавов: мотыга, топор-мотыга и нож-бритва большого Майкопского кургана (Черных, 1966. С. 39, 98–99); топор со сложным жемчужным орнаментом на обухе и два кинжальчика с сильно выступающими продольными ребрами из погребения 5 кургана 31 урочища Клады; диски-зеркала (?) с р. Кудахурт (курган 1, погребение 3) и Чегема I (курган 5, погребение 3) и пр. Вещи рядовых категорий представлены формами, известными в массовых примерах и среди мышьяковых бронз (шилья, долота, тесла, топоры, крюки).

Рассматривая находки раннего бронзового века из высоконикелевых бронз, нельзя не заметить, что они распространены на территории, значительно превышающей ареал майкопской культуры. В Закавказье в синхронных коллекциях куро-аракской культуры мышьяково-никелевые бронзы практически отсутствуют (Геворкян, 1980. С. 103–110). Зато широко известны они в памятниках раннего бронзового века Ближнего Востока (периоды Урук — Джемдет Наср — эпоха ранних династий). Основные регионы, для которых они особенно характерны, — это Месопотамия, Иран, Левант, Анатолия. Присутствие сплавов с никелем в ранних месопотамских материалах было установлено еще в 1920–1930 гг. специально созданным «Комитетом по изучению меди шумерской эпохи» (Moorey, 1994. P. 297). Но тогда это были единичные наблюдения. Теперь открыты значительные серии сплавов меди с мышьяком и никелем с высокими концентрациями последнего. Этим мы обязаны прежде всего исследованиям, проведенным в рамках двух металлургических проектов. Первый связан с деятельностью Института им. Макса Планка совместно с Институтом по до- и протоистории в Гейдельберге. Участники этого проекта провели анализ 900 предметов из Ура из коллекции Британского музея и установили, что чаще всего концентрации мышьяка и никеля в сплавах составляли около 3%. Лишь в одном случае никель доходил до 5,9%. Сходные данные получены при исследовании находок Ура, проведенные сотрудниками другого, Пенсильванского проекта (музей и университет Пенсильвании): до 15% анализов дали содержание никеля выше 2% (Tadmor, Kedem, 1995. P. 142)[1]. В последнее время коллекции близких по времени и составу сплавов открыты раскопками в Хассек-Хейюк на среднем Ефрате. В 37 изученных аналитически предметах никель зафиксирован в количестве 2–3% (Schmitt-Strecker et al., 1989. P. 48).

Известны подобные находки в Иране: в Сузах в коллекциях раннего — среднего бронзового века, среди 60 предметов, изготовленных из мышьяково-никелевых бронз, доминирует сплав с никелем выше 1,5% (Tallon, 1987. P. 404–409). В металлургических комплексах Центрального Ирана (Тал-и-Иблис, Тепе Габристан) рядом с металлургическими печами найдены тигли со следами плавки сплавов с никелем (Piggot, 1999. P. 111–112).

В Анатолии изделия из мышьяково-никелевых сплавов обнаружены в Арслантепе VII, VIA, VIB. Наиболее значительной и интересной серией (более 40 находок) представлены изделия из «царской» гробницы, недавно открытой в слое VIB (шилья, долота, наконечники копий, топоры). Содержание никеля достигает в некоторых сплавах Арслантепе 4% (Hauptmann, Palmieri, 2000. P. 79). Единичные предметы из мышьяково-никелевых бронз известны в Алишаре I и II, в Пулуре, Каразе (Авилова и др., 1999. С. 56). Наконец, девять

[1] К сожалению, полные аналитические данные проектов до сих пор не опубликованы.

изделий из высоконикелиевых бронз обнаружены в знаменитом кладе Нахал Мишмар в Палестине. В составе их металла никель представлен в максимально известных ныне концентрациях: 6,9–7,9% (Shalev, 1996. P. 98–99).

Взгляды исследователей на природу никеля в древних сплавах вызывают непрекращающуюся дискуссию; это очевидно и на примере споров о происхождении кавказских мышьяково-никелевых бронз.

Е.Н. Черных, ранее всего обратившийся к этой проблеме, полагал, что никель попадал в майкопские сплавы при плавке полиметаллических руд сложного состава, в которых кроме меди присутствовали минералы и никеля, и мышьяка (Черных, 1966. С. 49). Подобных рудных источников среди месторождений Кавказа нет. Поэтому, по его мнению, их следует искать на территории Передней Азии, включая Иран и Анатолию.

Иной взгляд на природу никеля в майкопских бронзах высказал С.Н. Кореневский. Прежде всего, он предполагал связь майкопских бронз с местной кавказской рудной базой. При этом состав металла с повышенным никелем С.Н. Кореневский объяснял легированием меди минералами, содержащими вместе никель и мышьяк, приводя в пример никелин. Не исключалась вероятность попадания никеля в металл и из его силикатов, распространенных по р. Малке (Кореневский, 1988. С. 93).

Использовали ли майкопские горняки силикаты никеля? Вопрос открыт. В настоящее время силикаты никеля считаются трудновосстановимыми даже в современных условиях, поскольку требуют очень высоких температур нагрева — до 1500°С и выше (Рузинов, Гуляницкий, 1975. С. 197).

Невелика, на наш взгляд, вероятность получения мышьяково-никелевых бронз за счет переработки блеклых руд (Егорьков, 2002. С. 117–120). Блеклые руды, как правило, представляют собой сложные сульфиды, образующие изоморфный ряд теннанит–тетраэдрит ($Cu_{12}As_4S_{13}$ — $Cu_{12}Sb_4S_{13}$). Кроме мышьяка и сурьмы, а также множества сопутствующих элементов, в них действительно иногда встречается никель (Пазухин, 1964. С. 151). Однако блеклых минералов, заметно обогащенных никелем, в природе нет. Кроме того, при работе с этими рудами требуется обжиг, при котором сильно улетучивается мышьяк, а сера, ради которой он проводится, все равно остается в металле в значительном количестве (Пазухин, 1964. С. 151–152, табл. I).

В.А. Галибин (Галибин, 1991. С. 60–61), так же как и С.Н. Кореневский, полагал, что никель попадал в бронзу не с медью, а с мышьяком. В качестве наиболее вероятной мышьяково-никелевой лигатуры он тоже называл никелин (NiAs). Проверить эту гипотезу, по-видимому, можно только с позиций широкого привлечения естественнонаучных методов к исследованию майкопских изделий из высоконикелиевых бронз. Необходимо учесть данные геологии, минералогии, экспериментальной металлургии, электронной микроскопии, F-радиографии и других современных способов анализа древнего металла. В распоряжении лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ находится уникальная коллекция из 150 образцов майкопских бронзовых изделий, собранных в музеях Северного Кавказа. Ее разностороннее исследование и позволило решить многие спорные вопросы в развитии майкопского металлопроизводства, в том числе производства высоконикелевых бронз.

Рассмотрение проблемы начнем с геологии и минералогии. Как выглядит никелин, и мог ли он привлечь внимание древнего рудознатца? Никелин встречается в приповерхностной зоне месторождений полиметаллов и образует ячеистые или древовидные скопления медно-красного цвета. Его визуальное сходство с бронзой, без сомнения, было замечено майкопскими мастерами, которые обитали в непосредственной близости от трех известных и сегодня рудопроявлений никелина: Даховского, Белореченского и Большелабинского (Бетехтин, 1940. С. 589; Кобилев, 1936. С. 14). Даховское и Белореченское расположены у одноименных станиц в нижнем и среднем течении р. Белой (карта 1), в зоне значительной концентрации майкопских курганов. К примеру, Белореченское рудопроявление находится всего в 70 км от Майкопского кургана, а Даховское приближено к курганам у станиц Махошевской и Новосвободной. Оба рудопроявления важны для нас тем, что в них сконцентрированы многообразные по составу минералы никеля и мышьяка (самородный As, раммельсбергит — $NiAs_2$, герсдорфит — NiAsS, хлоантит — $NiAs_3$, анабергит — $Ni_3[AsO_4]\cdot 8H_2O$). Но главное место среди них занимает никелин, который в верхней части рудопроявлений, представленных выходящими на поверхность разломами доломита, образует крупные древовидные скопления (Казанцев, 1977. С. 86–93). Ветви дендритов имеют общее основание и

разрастаются вверх, в сторону открытой части разлома или трещины, подобно ветвистому кусту (рис. 1), размеры которого могут составлять в ширину до 0,8–3 м (Казанцев, 1977. С. 91). В пространственном распространении минералов Даховского и Белореченского месторождений прослеживается четкая вертикальная зональность: на верхних их горизонтах развитие получили жилы с арсенитно-никелевым оруденением, в то время как на нижних горизонтах концентрируются залежи окислов урана (UO_2; UO_3; U_3O_8)[1]. Но даже наверху в расщелинах доломита со скоплениями никелина присутствуют мелкие фрагменты урановых окислов (чаще всего настурана – UO_2).

Более однороден минералогический состав Большелабинского рудопроявления, которое находится на балке Грушевой, впадающей в реку Большая Лаба в районе расположения курганов у станиц Андрюковской, Псебайской. Главным рудным минералом здесь является никелин, но он представлен преимущественно сурьмяной его разновидностью – аритом – Ni (As, Sb). Поверхностные выходы обычно покрыты корками анабергита – $Ni_3[AsO_4]\cdot 8H_2O$ (Кобилев, 1936. С. 14; Бетехтин, 1940. С. 589). Итак, сырьевые запасы никелина не только известны на Северном Кавказе, но все без исключения сосредоточены в районе концентрации Прикубанских памятников майкопской культуры в междуречье рек Белой и Лабы.

Дальнейшие исследования, на наш взгляд, требовали проведения серии лабораторных экспериментов по металлургической плавке никелина с медью и малахитом. Только опытные плавки могли показать, какие предельно высокие температуры должны были сопутствовать металлургическому процессу, шло ли при нагреве шихты улетучивание мышьяка, в какой мере требовалось использование флюсов и специальных раскислителей и т.д.

Металлургические эксперименты были проведены в лаборатории кафедры металлургии цветных, редких и благородных металлов в Институте стали и сплавов[2]. Для опытов мы использовали никелиновую руду, полученную в музее минералогии РАН им. А.Е. Ферсмана, состав которой был изучен с помощью рентгенофлюоресцентного анализа на кафедре геохимии геологического факультета МГУ. Анализ показал присутствие Ni в количестве 43,9% и As в количестве 56,1%.

Расчет шихты производили таким образом, чтобы получить сплавы, близкие по составу к древним. Для получения сплавов с различным содержанием мышьяка и никеля было проведено несколько плавок в восстановительных и окислительных условиях. В восстановительных условиях шихту, состоявшую из смеси меди или малахита с никелином, загружали в графитошамотный тигель с графитовой крошкой и нагревали от 300° до 1150°С в течение двух часов, затем выдерживали при температуре 1150°С в течение 15 мин., извлекали из печи и охлаждали на воздухе. При плавке в окислительных условиях шихта состояла из смеси меди, окиси меди и никелина. Вес шихты в зависимости от расчетного количества исходных минералов меди составлял 30–40 г, состав выплавленной бронзы соответствовал расчету по шихте, потерь мышьяка практически не наблюдали. Были получены сплавы, содержавшие мышьяка (вес. %): 0,95%, 2,4%, 2,98%, 4,28%, 4,5%, 6,42% и соответственно никеля 0,68%, 1,7%, 1,85%, 2,47%, 3%, 3,83%. Шлаков при плавке почти не образовывалось, металл был чистым и плотным и отличался приятным золотистым цветом.

Полученные в итоге опытов слитки исследовались методами металлографии и сканирующей электронной микроскопии на приборе «Camebax». На шлифах отчетливо проявилась типичная для литых бронз структура дендритной ликвации, на фоне которой были видны отдельные включения, чаще всего в виде окислов никеля. Этих включений при плавке меди (особенно в окислительных условиях) было значительно больше, чем при плавке малахита.

Подведем общие итоги металлургической части экспериментов:

1. Плавка никелиновой руды в сочетании с малахитом и медью позволяет при нагреве

[1] На сводной карте размещения урановорудных районов России проявления урана на р. Белой не учтены. Это объясняется тем, что они считаются мелкими, не имеющими промышленного значения (Лавёров и др., 1992. С. 5, рис. 2). Подробные сведения об их размещении и минералогическом строении получены от геолога Г.А. Дымкова, сотрудника ВНИИ химических технологий, который руководил разведками по их обследованию. Он же довел до нашего сведения, что весь район вокруг Белореченского месторождения буквально «утыкан» мелкими рудопроявлениями урана.

[2] Во время проведения металлургических экспериментов мы постоянно прибегали к помощи и научным советам зав. кафедрой металлургии цветных, редких и благородных металлов, доктора технических наук, профессора В.П. Быстрова. Приносим ему благодарность за проявленный интерес и внимание к нашей работе.

1100–1200°С получать высококачественные бронзы желаемого состава и цвета.

2. Плавка не требует использования флюсов. Получаемый металл почти лишен шлаков, пористых дефектов, но насыщен отдельными включениями. Чаще всего это окислы никеля. Идентичные включения встречаются в металле готовых майкопских изделий.

3. Потери мышьяка в процессе плавок меди или малахита с никелином не происходит[1]. Избежать испарения и окисления мышьяка, получить сплав с прогнозируемым составом, по-видимому, позволяло прочное соединение двух образующих никелин металлов. В этом и состояло главное преимущество его использования в металлургическом процессе.

4. В итоге экспериментов установлено, что при получении мышьяково-никелевых сплавов с помощью никелина между никелем и мышьяком возникает линейная зависимость. При обработке составов майкопских предметов, сделанных из бронз с повышенным содержанием никеля, проявляется сходная картина корреляционной связи между основными компонентами сплава (рис. 2). Это служит первым надежным доказательством использования никелиновой руды в майкопском металлопроизводстве.

Другим неоспоримым свидетельством освоения никелиновых плавок служит наличие следов урана в целом ряде майкопских находок из бронзы: ведь окислы урана, как упоминалось выше, были неизменными спутниками никелевых арсенатов Даховского и Белореченского рудопроявлений. Окислы урана – очень прочные соединения (Громов, 1978. С. 25; Емельянов, Евтюхин, 1968. С. 58). В условиях древних плавок они не могли пройти процесса восстановления, поэтому чистого урана в сплавах майкопского времени нет. Но мельчайшие частички ураносодержащих фаз могут проявить себя в порах, а также оксидно-сульфидных включениях металла майкопских изделий. Характер распределения урана был установлен в процессе их исследования с помощью электронномикроскопического метода на установке «Camebax», данные которого были дополнены наблюдениями, полученными с помощью F-радиографии[2].

Несколько слов о том, что представляет собой метод осколковой радиографии (F-радиографии). Этот метод основан на способности атомов урана-235 делиться под воздействием потока тепловых нейтронов. Для облучения тепловыми нейтронами предварительно изготовленные тонкие полированные шлифы майкопских бронз были покрыты пленкой лавсана. Облучение проводилось потоком $8*10^{15}$ нейтр/см^2 в реакторе Московского инженерно-физического института. Осколки атомов урана, образующиеся в результате облучения, разлетаются и пробивают лавсановое покрытие (так называемый лавсановый детектор). После «остывания» (снятия наведенной в реакторе радиоактивности), детектор удаляют со шлифа и протравливают раствором щелочи КОН для того, чтобы стали видны каналы, пробитые осколками деления урана (так называемые «треки»). Затем изображение археологического образца совмещается с изображением снятого с него детектора на микроскопе сравнения, представляющего собой спаренные микроскопы с совмещенными полями зрения. Это и позволяет определять закономерности пространственного распределения урана в образце, приуроченность областей его различной концентрации к различным его включениям и неоднородностям.

С помощью F-радиографии и электронной микроскопии было исследовано 40 майкопских изделий на уран. Присутствие урана зафиксировано в 25 изделиях, среди которых представлен 21 кинжал и 4 тесла-долота (табл. I, рис. 3). Все они изготовлены из мышьяково-никелевых бронз. 12 находок приурочено к погребениям Прикубанья (карта 1: урочище Клады, Новосвободная, Костромская, Тимашевская, Красногвардейская, Псекупский могильник). 10 связаны с курганами Центрального Кавказа (Бамут, Иноземцево, Кишпек, Чегем I, Че-

[1] Как известно, нагревание любых мышьяковых минералов, кроме никелина, сопровождается улетучиванием мышьяка, а точнее его окислов, образующихся за счет реакции с кислородом воздуха. Окисел мышьяка (As_2O_3) возгоняется при 457°С (Charles, 1967. P. 24; Budd et al., 1991. P. 133; Перницка, 1994. С. 33), поэтому нагрев металла выше этой температуры неизбежно ведет к его потере. Это подтвердила попытка использования в опытных плавках и иных минералов никеля, к примеру аннабергита ($Ni[AsO_4]\cdot 8H_2O$). Потери мышьяка при его плавках по схеме, описанной для никелина, составляли 10–13%.

[2] Определение содержаний урана в майкопских бронзовых образцах было выполнено в лаборатории радиогеологии Института геологии рудных месторождений, минералогии, петрографии и геохимии. Приносим благодарность главным исполнителям исследования – ведущему научному сотруднику лаборатории, кандидату геолого-минералогических наук А.П. Алёкшину и инженеру Г.И. Надъярных.

гем II). К прикубанской группе примыкают 3 находки кинжальных клинков майкопского облика, обнаруженных случайно при разведках в Краснодарском крае. Не останавливаясь на анализе типологии кинжалов, в металле которых обнаружен уран, заметим, что в большинстве случаев они дают примеры типичных для Майкопа форм (см. рис. 3), распространенных по всему ареалу культуры (Мунчаев, 1994. С. 203). В рассматриваемой серии предметов вооружения, пожалуй, следует особо отметить два листовидных кинжала с выделенными черенками, на концах которых помещены небольшие квадратные отверстия (рис. 3: 3, 4). Они отличаются миниатюрными размерами (длина 11,9 и 12 см) и наличием посередине клинка сильно выступающего полукруглого ребра (Резепкин, 1991. Рис. 6, 9, 10).

При исследовании урана, как уже отмечалось выше, из изделий вычленялись небольшие кусочки металла, место расположения которых обозначено на рис. 3. Их заливали эпоксидной смолой и полировали с одной стороны. В полученных таким образом образцах (шлифах) выявлены три типа распределения урана (табл. I).

Распределение первого типа представляет собой обогащенные ураном участки, приуроченные к периферийным каймам образцов. Проявление в них урана, как правило, неравномерное. Он может быть зафиксирован только с одной стороны каймы, а может наблюдаться в отдельных, локальных ее участках. Такое распределение урана прослежено в десяти образцах с лабораторными шифрами № 2040, 2066, 2106, 2105, 2109, 2118, 1016, 2139, 2141, 2148 (табл. I). Распределение второго типа имеет более сложный характер, предопределенный присутствием урана и в наружной кайме образцов, и во внутренней их части. Во внутренней зоне металла уран приурочен к включениям окислов никеля, окислов мышьяка, сульфидам меди, шлакам, таких образцов насчитывается шесть (№ 2041, 2049, 2055, 2159, 1032, 1015) (табл. I).

И наконец, третий тип дает картину, при которой уран связан исключительно с внутренними включениями металла, набор которых перечислен выше. Этот тип представлен девятью находками (№ 2046, 2054, 1046, 1048, 2137, 2100, 2107, 2128, 2114). Именно они наиболее четко проявляются благодаря скоплениям «треков», возникших от осколков деления урана.

Внутренние проявления урановых фаз (второй и третий типы) служат еще одним неоспоримым доказательством использования никелина в получении майкопских мышьяково-никелевых бронз. В связи с этим возникает вопрос: где велись плавки этих бронз? В археологии давно укоренилась точка зрения о том, что добыча и плавка руды производилась в непосредственной близости от месторождения (Hauptmann, Palmieri, 2000. P. 75). Это подтверждают многочисленные примеры из истории металлургии бронзового века (Кипр, Лаврион, Рио Тинто, Тимна и др.). Важным доводом в пользу подобной локализации майкопского металлопроизводства могло бы стать детальное рассмотрение вопроса о причинах появления урановой каймы, прослеженное нами выше. Возможны три трактовки ее появления.

1. Неравномерное распределение высоких концентраций урана в наружных зонах образцов, приближенность их к окисленным фазам этой зоны наводит на мысль о том, что этот уран сорбировался из грунтовых вод, контактировавших с металлом во время их пребывания в культурном слое погребений. Но этому противоречат многолетние наблюдения археологов, копающих майкопские памятники. Их главный вывод сводится к тому, что курганы всегда располагались на водоразделах, куда грунтовые воды не поднимались. Затронуть погребенного вместе с его погребальными дарами они не могли.

2. Вторичное обогащение ураном поверхности изделий, на наш взгляд, более обоснованно связывать с производственным циклом их обработки или хранения. Наличие у поверхности ряда предметов кусков кварца, зафиксированного с помощью микрорентгеноспектрального исследования, позволяет предположить отливку их заготовок в песчано-глиняные формы. Опытным путем английский исследователь Б. Оттавей доказала, что успешные отливки в песок можно получить, правильно подготавливая формовочную смесь: она должна кроме песка содержать 3–6% глины, а также до 8% влаги (Ottaway, Wang Quanyu, 2004. P. 9). Большое значение, по ее наблюдениям, имеет плотность песка: не слишком высокая плотность позволяла получать изделия лучшего качества. Если майкопские мастера использовали песчаные формы, изготовленные поблизости от выхода руд, то они неизбежно сталкивались с урановой пылью, которая, по данным геологов, работающих в этой зоне, покрывает всю округу рядом с их выходами. Урановая пыль, замешанная вместе с песком

Таблица I

Список майкопских изделий, в металле которых обнаружен уран

Шифр лабор. МГУ	*Название предмета*	*Происхождение предмета*	*Наличие урана*	*Характер распределения урана на площади шлифа*
2041	Кинжал	Клады 31/5	0,048	Наружная кайма; внутренние включения NiO, Cu_2S
2040	Кинжал	Клады 31/5	+*	Наружная кайма
2046	Кинжал	Клады 30/1	0, 032	Внутренние включения NiO
2049	Кинжал	Клады 31/5	0,09 0,051	Наружная кайма; наружные включения кварца; внутренние включения NiO
2066	Тесло	Клады 4/1	+	Наружная кайма
2054	Тесло	Клады 31/5	0,0038	Внутренние включения NiO
2055	Тесло	Клады 31/5	+	Наружная кайма; внутренние включения сложных сульфидов
1046	Кинжал	Новосвободная	0,01	Внутренние включения NiO
1048	Кинжал	Новосвободная	0,12	Внутренние включения NiO
2159	Тесло	Псекупский мог. погр. 2	0,101	Наружная кайма; внутренние включения шлака и NiO
2137	Кинжал	Тимашевская	0,046	Внутренние включения сложных сульфидов Cu + Ni + As + S
1032	Кинжал	Костромская, к. 3	0,0016	Наружная кайма; внутренние включения Cu_2S
1015	Кинжал	Иноземцево, к. 1	0,005	Наружная кайма; внутренние включения окислов Pb, Ni, Co
2106	Кинжал	Чегем I центр. погр.	+	Наружная кайма
2105	Кинжал	Чегем I центр. погр.	+	Наружная кайма
2109	Кинжал	Чегем I центр. погр.	+	Наружная кайма
2118	Кинжал	Чегем II, 21/4	+	Наружная кайма
2100	Кинжал	Чегем II, 55/1	0,05	Внутренние включения шлака
2107	Кинжал	Кишпек, к. 2, центр. погр.	0,08	Внутренние включения окислов Ni, As
2128	Кинжал	Кишпек, большой кург., п. 8.	0,057	Внутренние включения окислов сложного состава
2114	Кинжал	Чегем, случ. нах.	0,017	Внутренние включения NiO
1016	Кинжал	Бамут 2/15	+	Наружная кайма
2139	Кинжал	Краснодарский край, случ. нах.	0,003	Наружная кайма
2141	Кинжал	Краснодарский край, случ. нах.	+	Наружная кайма
2148	Кинжал	Краснодарский край, случ. нах.	0,002	Наружная кайма

* Значок + обозначает наличие урана, количество которого измерить не удалось.

и глиной, несомненно, оседала на внутренней поверхности литейных матриц. Струя раскаленного металла при заполнении формы могла захватывать и эту пыль, и кусочки кварца.

3. Если производственные площадки располагались рядом с Даховским и Белореченским месторождениями, то обогащение ураном готовых заготовок изделий могло идти и просто за счет их хранения и складирования в зоне работы металлургов. Повышенная концентрация урана в почвах, шлаковых отходах и рудах становилась неизбежным источником насыщения им поверхности всех металлических предметов.

В связи с проблемой выплавки бронз, обогащенных мышьяком и никелем, естественно задаться еще одним вопросом: откуда древние рудознатцы, использовавшие никелин, получали сырьевую медь? Невзирая на обилие медных рудопроявлений, расположенных в верховьях рек Белой, Лабы, Зеленчука, ответить на этот вопрос на сегодняшнем уровне знаний вряд ли возможно. Действительно, утвердившаяся в отечественной археологии методика сравнительной оценки микроэлементов изделий и месторождений не всегда позволяет достоверно указать источники поступления сырья. Серьезные отличия в содержании микроэлементов могут проявить себя даже в пределах одного и того же рудного тела. Эти различия усугубляются в процессе плавки руды в результате добавления в нее флюсов, попадания топлива в металл, различных видов его расслоения со шлаком (Gale, Stos-Gale, 1982. P. 11–19). Достоверная информация об источниках майкопской меди вероятно будет получена только после внедрения в отечественную археологию изотопного анализа, основанного на данных сравнительной оценки содержания изотопов свинца в руде и металле.

Подведем итоги сделанным наблюдениям:

1. Появление высоких концентраций никеля в майкопских бронзах объясняется освоением местными рудознатцами никелина как легирующей добавки к меди.

2. Никелин добывался в Даховском и Белореченском месторождениях Северо-Западного Кавказа, в которых никелевые минералы сопутствуют окислам урана.

3. Можно предположить, что рядом с этими месторождениями находились рабочие площадки майкопских рудознатцев. Они не только добывали и плавили руду, но и отливали заготовки изделий из бронз, обогащенных ураном.

4. Заготовки, отлитые из высоконикелевых бронз, распространялись не только среди майкопского населения прикубанских равнин и предгорий. Судя по наличию в них урана, они перемещались на довольно дальние расстояния, достигая районов Центрального Предкавказья (карта 1), где совместной минерализации урана и никеля не известно.

5. Наиболее вероятным представляется, что производство обогащенного никелем металла происходило на местной рудной базе.

* * *

Существует еще один аспект изучения медно-мышьяково-никелевых сплавов. Он касается анализа их свойств и решения проблемы, почему такого рода сплавы пользовались популярностью у населения бронзового века на обширных просторах Северного Кавказа и Передней Азии. Чтобы прийти к решению проблемы, необходимы основательные знания о физических и механических характеристиках мышьяково-никелевых бронз, а ими, как ни парадоксально, специалисты по истории металлургии почти не занимались. Их более волновала проблема, как и откуда их получали (Перницка, 1994. С. 33). В современных пособиях по технологии металлов и металловедению почерпнуть нужные сведения также не удается, так как ныне такие сплавы не используются в производстве. Это означает, что для выявления интересующих нас данных мы можем опираться только на собственные наблюдения, полученные с помощью лабораторных экспериментов. Эти эксперименты важны также для восстановления технологии получения древних изделий на основе анализа их свойств и микроструктуры.

Чтобы определить, какие именно свойства и признаки микроструктуры важны для технологического изучения древних сплавов, мы проанализировали конкретные химико-технологические показатели находок майкопской культуры (орудий труда, оружия, сосудов), изготовленных из мышьяково-никелевых бронз, которые были исследованы нами ранее. Этот анализ показал, что сплавы содержат чаще всего 2–7% мышьяка в сочетании с 1–4% никеля, а основной операцией изготовления или доработки орудий труда и оружия была ковка, следовавшая за литьем; находок, полученных только с помощью литья, в изученной нами коллекции не оказалось. Следовательно, нам было важно обратить внимание на особен-

ности процесса ковки мышьяково-никелевых бронз и сравнить их с аналогичными показателями двойных мышьяковых бронз, не содержащих никеля.

Возможность осуществления ковки определяется пластичностью металла, которая зависит от состава сплава и степени деформации, поэтому возникала необходимость определить пластичность мышьяково-никелевых бронз различного состава после ковки с разными степенями обжатия, чтобы выяснить имеют ли они преимущества по сравнению с двойными мышьяковыми бронзами.

При холодной ковке происходит увеличение твердости сплава, которая тем выше, чем больше степень его деформации. Это явление называют «наклепом» и используют его для упрочнения рабочей части орудий с помощью холодной ковки. Подобную операцию широко применяли при изготовлении кинжалов и разнообразных орудий майкопской культуры, полученных из мышьяковой и мышьяково-никелевой бронзы. В связи с этим одной из задач нашего исследования было сравнение роста твердости тройных мышьяково-никелевых сплавов и двойных мышьяковых после их «наклепа».

Холодная деформация приводит к падению пластичности металла, и чтобы ее восстановить, т.е. сделать металл «мягким», его необходимо нагреть до определенной температуры. Явление, сопровождающее восстановление пластичности, называют «рекристаллизация», которая происходит в интервале температур, обозначаемых как «температура начала рекристаллизации» и «температура конца рекристаллизации». Эти температуры во многом зависят от состава сплава, а также от степени деформации и времени отжига. Ранее мы изучили рекристаллизацию двойных мышьяковых бронз, поэтому представляло интерес выяснить, какие изменения вносит в этот процесс присутствие никеля.

После завершения рекристаллизации структура сплава состоит из однородных кристаллов различного размера, называемых зернами, или полиэдрами. Их размер во многом зависит от состава сплава, степени деформации и температуры отжига, что позволяет определять на основе величины полиэдров режим отжига–рекристаллизации, если нам известен состав сплава и степень его деформации.

Микроструктуры с полиэдрами различной величины мы обычно наблюдали в изученных нами находках, поэтому при создании модельных образцов одной из наших задач являлось изучение процесса рекристаллизации мышьяково-никелевых сплавов с целью определения температур их отжига.

Для изготовления модельных образцов мы использовали тройные бронзы различного состава, выплавленные в процессе металлургических экспериментов. Обозначим полученные сплавы следующим образом: сплав 1 (0,95% мышьяка и 0,68% никеля), сплав 2 (2,4% мышьяка и 1,7% никеля), сплав 3 (2,98% мышьяка и 1,85% никеля), сплав 4 (4,28% мышьяка и 2,47% никеля), сплав 5 (4,5% мышьяка и 3% никеля), сплав 6 (6,42% мышьяка и 3,83% никеля). Их микроструктура, как было рассмотрено выше, характерна для литых сплавов. В связи с этим для дальнейшего рассмотрения свойств и микроструктуры мышьяково-никелевых бронз, подвергшихся после литья холодной ковке, необходимо вначале более подробно охарактеризовать особенности их исходной микроструктуры в литом состоянии.

Как известно, спецификой литых сплавов является то, что в процессе кристаллизации по мере понижения температуры и охлаждения расплава легирующие элементы не успевают равномерно диффундировать между различными участками образующихся кристаллов, что приводит к неоднородности химического состава и носит название «дендритная ликвация». Иногда после завершения кристаллизации в сплаве появляются новые соединения, которые можно также назвать неравновесными фазами, причем в условиях равномерной диффузии они не образуются.

Появление неравновесной фазы происходит и при кристаллизации тройных мышьяково-никелевых бронз. Исследование их микроструктуры с помощью металлографии и сканирующей электронной микроскопии показало, что в сплавах 2–6 при кристаллизации проявляется дендритная ликвация и образуется неравновесная фаза CuNiAs, заметная в виде областей голубого цвета, расположенных на светлом поле основного сплава (рис. 4: 1). Соотношение концентраций мышьяка, никеля и меди в этой фазе обычно составляет 30:30:40. Количество фазы возрастает с увеличением концентрации мышьяка и никеля. В двойных литых мышьяковых бронзах эта фаза не образуется. Особенности изменения ее морфологии и количества в процессе деформации и отжига тройных мышьяково-никелевых бронз будут рассмотрены нами ниже.

Из полученных слитков мы вырезали образцы в форме кубиков размером 5 × 5 × 5 мм, на которых изучали рост микротвердости после холодной ковки методом осаживания со степенями деформации 20%, 40%, 60%, 80%, а также оценивали пластичность по той степени деформации, при которой появляются первые трещины. Эти данные мы сопоставляли с результатами, полученными нами ранее при аналогичных исследованиях двойных мышьяковых бронз, содержавших сходное количество мышьяка (Ravich, Ryndina, 1995. P. 7, 8, fig. 3, 4).

Сопоставление графиков изменения микротвердости литых тройных и двойных мышьяковых бронз после холодной ковки с различными степенями обжатия показало, что значения микротвердости при сходных концентрациях мышьяка близки и преимуществ в этом показателе у тройных сплавов нет (рис. 5: 1, 2, 3). Так, после холодной ковки со степенями обжатия 60–80% микротвердость бронз, содержащих 2,4% As и 1,7% Ni, составляет 160–200 кг/мм^2, в бронзах с концентрацией мышьяка 4,3–4,5% и 2,47–3% никеля соответственно микротвердость достигает 180–220 кг/мм^2. Близкие значения твердости имеют двойные сплавы. Одинаковы также показатели пластичности двойных и тройных бронз: холодной ковке со степенями обжатия до 80% можно подвергать тройные сплавы 1–5, в сплаве 6 первые трещины появляются после холодной ковки со степенью обжатия 60%.

Как установлено ранее (Budd, Ottaway, 1989. P. 140, fig. 4, 5; Ravich, Ryndina, 1995. P. 7, 8, fig. 3, 4), такая же зависимость проявляется в двойных мышьяковых бронзах, содержащих 2%, 4% и 6% мышьяка.

Наибольшие различия между двойными и тройными сплавами проявляются при сравнении особенностей их рекристаллизации после холодной ковки (рис. 6: 1, 2). При изготовлении модельных образцов для исследования рекристаллизации мы ковали вхолодную литые сплавы со степенью деформации 50%, а затем отжигали их в течение 15 мин. в интервале температур 200–700°С. Высокую степень деформации (50–60%) мы выбрали потому, что фиксировали ее при изучении микроструктуры древних изделий, полученных из тройного сплава медь–мышьяк–никель. Короткие выдержки (15–30 мин.) обычно используют при рекристаллизационном отжиге. На полученных образцах мы изучали изменение микротвердости в зависимости от температуры отжига и фиксировали особенности формирования полиэдрической микроструктуры, а также количество неравновесной фазы CuNiAs и наличие или отсутствие дендритной ликвации. Обратимся к наиболее интересующим нас температурам конца рекристаллизации, т.к. они определяют режим отжига бронз после холодной ковки. Рассмотрим широко распространенные в майкопской культуре бронзы, содержащие от 2% до 4% мышьяка. Они соответствуют нашим сплавам 2–5. В литых и подвергшихся холодной ковке сплавах 2 и 3, содержащих 2,4% и 2,98% мышьяка и 1,8% и 1,7% никеля соответственно, первичная рекристаллизация заканчивается в интервале температур 600–700°С. Значение микротвердости в этом интервале температур составляет 80–95 кг/мм^2.

Отжиг при 600°С приводит к формированию полиэдрической микроструктуры с диаметром зерна 0,045–0,065 мм, при нагреве до 700°С диаметр зерна возрастает до 0,09 мм; небольшое количество неравновесной избыточной фазы CuNiAs и дендритная ликвация сохраняются в обоих случаях, хотя при нагреве до 700°С фазы существенно меньше. После повторной ковки и отжига литых сплавов 2 и 3 при 600°С в течение трех раз показатели микроструктуры не меняются, не приводит к существенному изменению микроструктуры и их повторная ковка и отжиг при 700°С также до трех раз. Лишь нагрев сплава после холодной деформации до 750°С способствует исчезновению фазы CuNiAs и росту зерна до 0,1 мм.

В сплавах 4–5 процесс рекристаллизации проходит несколько иначе, чем в сплавах с меньшим количеством никеля и мышьяка. Так, в отличие от сплавов 2 и 3, в рассматриваемых бронзах при 600°С полной рекристаллизации не происходит, о чем свидетельствует высокое значение микротвердости — 120 кг/мм^2, хотя деформированные участки в микроструктуре почти не различаются, и она состоит из мелких полиэдров диаметром 0,015–0,02 мм. Небольшое количество фазы CuNiAs, а также дендритная ликвация сохраняются.

Полная рекристаллизация сплавов происходит при 700°С, что приводит к значительному росту зерна до 0,09 мм и падению микротвердости до 85 кг/мм^2. Некоторое количество неравновесной фазы, хотя и меньшее, чем после отжига при 600°С, а также дендритная ликвация после отжига при этой температуре сохраняются (рис. 4: 2). Трехкратный цикл ко-

вок с промежуточными отжигами при 600°С или 700°С приводит в первом случае к незначительному изменению микроструктуры, во втором наблюдается уменьшение количества тройной фазы CuNiAs; размеры полиэдров сохраняют такое же значение, как и после единичного цикла ковки и отжига. Отжиг при 750°С рассматриваемых сплавов 4–5 после холодной ковки приводит к полному исчезновению тройной фазы и формированию крупного зерна диаметром 0,1 мм.

Это означает, что древний мастер, используя тройные сплавы, содержащие 2,4–4,5% мышьяка и 1,7–3% никеля соответственно, должен был для устранения упрочнения после холодной ковки и получения «мягких» пластичных сплавов отжигать их в узком интервале температур красного каления металла 600–750°С. Кроме того, присутствие незначительных количеств тройной фазы CuNiAs в сочетании с мелким размером полиэдров свидетельствует об отжиге сплава при температуре 600°С, наличие этой фазы в очень малых количествах в сочетании с крупным зерном — об отжиге при 700°С, а отсутствие фазы и крупные полиэдры дают основание предполагать, что сплав отжигали при 750°С.

Сплав 6 с концентрацией мышьяка 6,42% и никеля 3,83% после холодной ковки и отжига в интервале температур 600–750°С во всех случаях содержал значительное количество неравновесной фазы, т.е. повысить его пластичность по сравнению с литым состоянием (напомним, что уже после ковки с обжатием 50% в этом сплаве возникали трещины) не удалось. Из подобного сплава получать изделия методом свободной ковки или упрочнять их рабочие окончания с высокой степенью деформации затруднительно. Видимо, по этой причине мы редко встречаем мышьяково-никелевые бронзы, содержащие более 5–6% мышьяка.

Полученные закономерности рекристаллизации мы сопоставили с теми, которые были установлены нами ранее на модельных образцах применительно к двойным сплавам медь–мышьяк с близким содержанием мышьяка. Модельные образцы для изучения рекристаллизации двойных мышьяковых бронз и тройных мышьяково-никелевых готовили по одинаковой методике. Исследование показало, что двойные сплавы, содержание мышьяка в которых близко к его концентрации в тройных сплавах, для получения «мягкого» состояния можно было отжигать в интервале температур 400–700°С (рис. 6: 1,2). Использование этих температур мы фиксировали при изучении древних изделий, полученных из двойных мышьяковых сплавов.

На основании полученных данных мы можем сделать вывод, что введение никеля в двойные мышьяковые бронзы тормозит процесс рекристаллизации и повышает температуру завершения рекристаллизации. Следовательно, когда древний мастер получал изделия из мышьяковых сплавов методом ковки с промежуточными отжигами, он должен был заметить явное различие между двойными мышьяковыми бронзами и тройными мышьяково-никелевыми.

В структуре некоторых кинжалов майкопской культуры, содержавших 4,5–5% мышьяка и 4–4,8% никеля соответственно, на фоне мелких полиэдров были заметны небольшие количества тройного соединения CuNiAs, а также выделения очень мелкой (дисперсной) фазы диаметром 1–2 микрона (рис. 8: 6). Мы предположили, что ее присутствие связано с явлением дисперсионного твердения, т.е. с распадом матрицы сплава в процессе отжига–рекристаллизации. Этот распад мог быть вызван тем, что, как отмечено выше, после холодной ковки литых модельных образцов 2–5 и их рекристаллизации при высокой температуре (700–750°С) в бронзовую матрицу перешла почти полностью неравновесная тройная фаза CuNiAs, что привело, вероятно, к пересыщению меди легирующими элементами — мышьяком и никелем, т.е. к образованию пересыщенного твердого раствора этих элементов в меди. Охлаждение сплава после отжига–рекристаллизации, по-видимому, осуществляли достаточно быстро, так что пересыщение сохранилось, т.е. произошла закалка сплава. После повторной холодной ковки и последующего отжига–рекристаллизации при более низкой температуре пересыщение сплава привело к распаду закаленного твердого раствора и образованию дисперсной фазы, т.е. к дисперсионному твердению. Для того чтобы проверить это предположение, определить состав дисперсной фазы и температуру, при которой она образовалась, мы провели дополнительные опыты.

Литой модельный образец, изготовленный из сплава 5, после холодной ковки с обжатием 50% был отожжен при 700°С в течение 15 мин. и охлажден в воде. Затем мы вновь проковали его вхолодную с обжатием 50% и отожгли в интервале температур 200–400°С в течение

15 мин. Изменение микротвердости в процессе отжига показало, что в интервале температур 300–400°С происходит значительное увеличение микротвердости до 240 кг/мм^2, а дальнейший нагрев вызывает ее резкое падение (рис. 6: 2Ц).

Кривая изменения микротвердости характерна для сплавов, в которых происходит дисперсионное твердение, причем в области наивысшей твердости дисперсной фазы обычно не видно, но она становится заметна в период падения твердости, когда происходит ее укрупнение. Действительно, после отжига при 600°С были видны выделения мелкодисперсной фазы, аналогичной той, которую мы наблюдали в древних образцах. (В двойных мышьяковых бронзах после таких же режимов обработки дисперсионное твердение не происходило.) Изучение состава дисперсной фазы с помощью сканирующей электронной микроскопии в сочетании с микрорентгеноспектральным анализом, а также рентгенодифрактометрическим методом, проведенным с.н.с. кафедры полупроводниковых материалов Московского института стали и сплавов Т.Б. Сагаловой, показало, что ее химическая формула соответствует соединению Ni_5As_2. Рекристаллизованные зерна после отжига при 600°С были очень мелкими, их диаметр составлял 0,015–0,02 мм. Ярко выраженный эффект дисперсионного твердения, как показали дальнейшие опыты по моделированию, проявляется в сплавах, содержащих 3–4,5% мышьяка и 1,8–3% никеля, если же количество мышьяка составляет 2,4%, а количество никеля 1,7%, то это явление менее выражено, хотя оно также имеет место (рис. 6: 1Ц).

Далее мы проковали вхолодную с различными степенями обжатия сплав 5 с мелкодисперсными частицами и построили кривую изменения микротвердости в зависимости от степени деформации. Опыт показал, что если изделие, содержащее такую фазу, подвергнуть холодной ковке с высокой степенью обжатия, как это имело место при упрочнении рабочих окончаний древних изделий, то можно получить высокие значения твердости (до 240–260 кг/мм^2). В сплавах, которые деформировали вхолодную после литья или не подвергали закалке и дисперсионному твердению, твердость несколько ниже – 200–220 кг/мм^2.

Приведенные выше особенности рекристаллизации тройных мышьяково-никелевых бронз, такие как узкий диапазон температур конца рекристаллизации (600–700°С), а также дисперсионное твердение в процессе отжига бронз, должны значительно ограничивать возможности горячей ковки этих сплавов. Как известно, температура горячей обработки составляет 0,7 Т плавления сплава, т.е. 750°С (температура начала плавления тройных бронз медь–мышьяк–никель, близких по составу к изученным нами сплавам, составляет 800°С) (Lechtman, 1998. P. 87, fig. 20).

Согласно нашим исследованиям, приведенным выше, нагрев до температуры горячей ковки 750°С и выдержка при этой температуре приводят к растворению неравновесной фазы CuNiAs. В процессе охлаждения после горячей ковки, в особенности при захолаживании сплава до 500–600°С, могут выделяться мелкодисперсные частицы Ni_5As_2, вызывая упрочнение сплава и торможение рекристаллизации, а также, возможно, и его растрескивание. Следовательно, горячая обработка мышьяково-никелевых бронз без опасности образования трещин должна осуществляться в узком интервале температур 750–650°С.

Мы осуществили горячую ковку литого сплава, содержавшего 4,28% мышьяка и 2,47% никеля при 650°С и 750°С, выдержка при нагреве составляла 15 мин., степень деформации при ковке – 50%. Ковка при 650°С привела к формированию мелкого зерна диаметром 0,02–0,04 мм, расположенного на фоне волокнистых дендритов, в структуре осталось небольшое количество фазы CuNiAs. Ковка, которую мы начали при 750°С, а закончили при температуре 600–650°С, привела к формированию полиэдров диаметром 0,03–0,04 мм, расположенных на фоне остаточных дендритных волокон, соединение CuNiAs отсутствовало. В некоторых образцах были заметны трещины.

Опыты по горячей ковке также показали, что в мышьяково-никелевых бронзах при подобной обработке может формироваться характерный тип полиэдрической микроструктуры, который мы не отметили ранее. Он отличается сочетанием мелкого зерна с отсутствием неравновесной фазы CuNiAs.

На основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

Присутствие никеля в количествах 1,7–3,8% (вес.) в мышьяковых бронзах, содержащих 2,4–6,42% мышьяка, не приводит к заметному росту твердости после холодной деформации литых или рекристаллизованных образцов. Эти показатели такие же, как в двойных сплавах, содержащих сходные количества мышьяка. Изменения пластичности (ковкости) трой-

ных мышьяково-никелевых сплавов подчиняется тем же закономерностям, что и в двойных бронзах с близким содержанием мышьяка.

Добавление никеля к двойным мышьяковым бронзам приводит к повышению температуры их разупрочнения после холодной ковки до 600–700°С, в отличие от двойных сплавов, в которых наблюдается широкий температурный интервал разупрочнения в области температур 400–700°С. Присутствие никеля также сужает температурный интервал горячей обработки мышьяково-никелевых сплавов до 650–750°С и исключает возможность их захолаживания до более низких температур, вследствие упрочнения и падения пластичности сплава из-за распада пересыщенного твердого раствора в процессе горячей ковки. Это означает, что при использовании тройных мышьяково-никелевых бронз древние мастера должны были явственно ощущать присутствие никеля.

Отжиг после холодной деформации при 600°С приводит к формированию мелкозернистой структуры с диаметром зерна 0,01–0,03 мм, повышение температуры до 700°С вызывает значительное укрупнение зерна до 0,09–0,1 мм. Это позволяет определять температуру отжига после деформации древних изделий, изготовленных из мышьяково-никелевых бронз.

В литых сплавах, содержащих 2,4–6,42% мышьяка и 1,7–3,8% никеля соответственно, при кристаллизации образуется неравновесная фаза CuNiAs. При ковке и отжиге при 600–700°С эта неравновесная фаза в очень небольших количествах должна сохраняться, ее исчезновение происходит при нагреве до 750°С.

В мышьяково-никелевых сплавах проявляется дисперсионное твердение после их закалки от 700°С и отжига в интервале температур 400–600°С. Выделяется соединение Ni_5As_2. Максимум твердости (240 кг/мм^2) достигается после отжига при 400°С, при 600°С происходит укрупнение частиц соединения Ni_5As_2. Использование древними мастерами упрочняющего отжига при 400°С нами не зафиксировано, лезвия двух кинжалов упрочнены холодным наклепом со степенью деформации 60–80% после отжига при 600°С, что повысило их микротвердость до 190–220 кг/мм^2 (№ 2104, 2110, см. далее).

Необходимы дальнейшие исследования твердости и микроструктуры тройных мышьяково-никелевых бронз, чтобы определить, насколько широко использовали древние мастера технологический прием, связанный с упрочнением с помощью холодной ковки мышьяково-никелевой бронзы, содержащей дисперсные частицы.

* * *

Обратимся к реальным структурам древних изделий майкопской культуры и попытаемся восстановить технологию их изготовления на основе данных, полученных при изучении модельных образцов. Как уже упоминалось, при кузнечной обработке литых мышьяково-никелевых бронз, сопровождаемой отжигами, можно наблюдать различные микроструктуры как с мелкими полиэдрами диаметром 0,015–0,03 мм, так и с очень крупными диаметром 0,09–0,1 мм[1]. В изученных нами майкопских находках позднего новосвободненского этапа культуры мы почти не наблюдали крупнозернистых структур; для большинства из них оказались характерными структуры со средним диаметром полиэдров 0,01–0,03 мм. Так, из 43 исследованных нами изделий диаметр полиэдров 0,09–0,1 мм имели всего четыре предмета: это зеркало, два тесла и проушной топор; в кинжалах, которые составляли наиболее многочисленную группу в нашей коллекции (22 изделия), крупнозернистые структуры никогда не встречались. Полученные данные означают, что древние мастера редко обращались к отжигу тройных мышьяково-никелевых сплавов после их холодной ковки при температурах 700–750°С, а предпочитали отжиг при 600°С. Отличать эти температуры они могли по интенсивности красного каления металла.

Наблюдаемые нами структуры кузнечной обработки, как правило, накладывались на остаточные следы структур первоначального литья. Это означает, что технологические схемы формовки майкопских изделий включали оба эти приема. Нами установлено использование трех технологических схем, которыми пользовались мастера, работающие с медно-мышьяково-никелевыми сплавами: I — литье с ковкой и отжигами при температуре 700–750°С, завершающая стадия обработки — холодная

[1] При обозначении размеров полиэдрических зерен мы обращали особое внимание на микроструктуру рабочих окончаний изделий, которые подвергались ковке с обжатием не менее 50%, так как применительно к этой степени обжатия были изготовлены модельные образцы.

ковка; II – литье с ковкой и отжигами при температуре 600°С, завершающая стадия – холодная ковка; III – литье заготовки и ее горячая ковка в интервале температур 750–650°С, завершающая стадия – холодная ковка. Все три схемы представлены и в Прикубанье, и на Центральном Кавказе.

С первой схемой связано всего 4 крупных изделий (рис. 7: 1–4): диск (Чегем I, к. 5, п. 3, № 2188), топор (Кишпек, большой курган, п. 3, № 2158), тесло (Чегем I, к. 1, центр. погр., № 2161), тесло (Псекупский могильник, п. 2, № 2159). Наиболее выразительно документирует последовательность операций обработки их металла структура тесла из Псекупского могильника. Оно изготовлено из бронзы, содержащей 2,67% As и 1,18% Ni. И на обухе, и на лезвии прослежены крупные полиэдры (0,09–0,12 мм), на фоне которых видны вытянутые остаточные дендриты. На полиэдрах наблюдались полосы скольжения (рис. 8: 1,2). Тройная фаза (CuNiAs) отсутствовала. Структура показывает, что после отливки заготовки изделия оно было проковано вхолодную с обжатием в области лезвия 60%, затем отожжено при температуре 750°С и вновь упрочнено холодной ковкой с обжатием 60%. Особо следует отметить, что среди четырех обозначенных находок три не имеют примеси урана, только рассмотренное тесло Псекупского могильника обогащено ураном.

Рассмотрим далее изделия, исполненные по II и III схемам. Для них характерна мелкозернистая полиэдрическая структура (диаметр зерна 0,01–0,04 мм). Тип схемы зависит от того, содержит их металл фазу CuNiAs (II схема), или это соединение в структуре отсутствует (III схема). В наибольшей степени обе схемы использовались при формовке кинжалов. Кинжалы, изготовленные по II схеме, имеют черенок и сложный по форме клинок, украшенный ребром или желобами (группа 2, по С.Н. Кореневскому, 2004. С. 42–43)[1]. Особой сложностью отличаются кинжалы «кишпекского типа» (группа 2, вариант 2б). В нашей коллекции они представлены двумя находками (Кишпек, к. 5, п. 2, № 2125; Кишпек, к. 2, центр. погр., № 2107, рис. 7: 5, 6).

Прочие десять кинжалов (рис. 3: 3, 4, 5, 6; рис. 7: 7, 8, 9) также отличаются фигурным клинком (Чегем I, к. 5, п. 3, № 2110; Чегем II, к. 36, п. 1, № 2104; Чегем II, к. 55, п. 1, № 2099; Чегем I, к. 1, центр. погр., № 2106; Бамут, к. 2, п. 1, № 1017; Иноземцево, к. 1, № 1015; Клады, к. 31, п. 5, № 2039, 2040, 2058; Тимашевская, № 2137). Кинжалы со сложным строением клинка получали литьем в двусторонних формах, иногда оформленных по восковой модели. Для удаления пороков литья использовали холодную ковку с промежуточными отжигами при 600°С. Лезвие клинков дополнительно упрочняли холодной ковкой. Перечисленные операции нашли отражение в их микроструктуре (рис. 8, *3, 4*), в которой на фоне мелких полиэдров с полосами скольжения заметны дендриты, сильно вытянутые в области лезвия, меньше – в районе черенка.

В группе рассматриваемых кинжалов выделяются по усложненной технологии изготовления два изделия: оба черенковые, с узким желобчатым клинком, слегка заостренным на конце (группа 2, вариант 2в, рис. 7: 9). Оба найдены в курганах Кабардино-Балкарии (Чегем II, к. 36, п. 1, № 2104; Чегем I, к. 5, п. 3, № 2110). В структуре их лезвий видны дисперсные (измельченные) выделения фазы интерметаллидов. Причем в кинжале № 2110 черенок имеет крупнозернистую полиэдрическую структуру без дисперсной фазы. Клинок отличается мелкозернистой структурой с выраженными дисперсными выделениями (рис. 8: 5, 6). Это означает, что кинжал после первоначальной ковки его литой заготовки нагревали до 700°С, выдерживали при этой температуре и быстро охлаждали. Подобная тепловая операция привела к частичному растворению фазы CuNiAs (см. включения на рис. 8: 5). Затем лезвие кинжала отдельно проковывали и отжигали при 600°С, что вызывало появление дисперсной фазы. В заключение лезвие упрочняли холодной ковкой. Сложность технологии обработки металла изделий была оправдана: в отличие от прочих кинжалов, выполненных по II схеме, твердость металла которых колебалась в пределах 140–180 кг/мм^2, кинжалы с дисперсной фазой приобретали твердость 190–240 кг/мм^2. Особо следует отметить, что среди 12 изделий, изготовленных по II схеме, четыре отмечены присутствием урана (№ 1015, 2040, 2106, 2107).

Обратимся к рассмотрению кинжалов, исполненных по III схеме. Все они имеют простейший по форме гладкий клинок линзовидный в сечении. Они могут быть бесче-

[1] Здесь и далее группировка кинжалов по их форме или варианту формы будет дана по типологической схеме С.Н. Кореневского (2004. С. 42–44).

ренковыми (группа 1, вариант 1а, рис. 3: 9, 16), полубесчеренковыми (группа 1, вариант 1б, рис. 3: 1, 8), черенковыми с клинком «листовидного» типа (группа 3, рис. 3: 10, 15, 17). К ним относятся следующие находки: Чегем I, к. 1, центр. погр., № 2105; Чегем I, к. 5, п. 2, № 2109; Кишпек, большой курган, п. 8, № 2128; Чегем II, к. 55, п. 1, № 2099; Чегем II, к. 21, п. 4, № 2118; Бамут, к. 2, п. № 1016; ур. Клады, к. 30, п. 1, № 2046; ур. Клады, к. 23, п. 1, № 2065; случайная находка в Краснодарском крае, № 2141. Характер микроструктуры (сочетание мелкого зерна, расположенного на фоне сильно вытянутых остаточных дендритов, отсутствие фазы CuNiAs, рис. 8: 7, 8) наводит на мысль о том, что эти изделия получены методом горячей ковки из заготовки, отлитой в открытой форме. Причем начальный ее нагрев перед ковкой составлял 750°С, но в ее процессе он снижался до 650–600°С. На рабочих лезвиях часто фиксируется холодный наклеп (рис. 8, 8).

Микротвердость металла на лезвиях кинжалов III схемы составляет 140–160 кг/мм^2. Уран присутствует в металле семи изделий (№ 1016, 2046, 2105, 2109, 2118, 2128, 2141).

Результаты микроструктурного анализа описанных изделий дополнялись данными их поверхностного технологического осмотра с помощью бинокулярного микроскопа. Комплексный подход к изучению методов обработки их металла обнаружил поразительно высокий уровень развития майкопского металлопроизводства, отраженный вещами в основном позднего этапа этой культуры. Оно базировалось на сложном сочетании различных операций ковки и литья бронз. Техническое мастерство местных мастеров с очевидностью вытекает из совершенства получаемых ими отливок, впоследствии подвергавшихся ковке. На поверхности орудий и оружия практически нет литейных дефектов. Усадочные раковины, утяжины, трещины, связанные с короблением металла при его переходе из жидкого состояния в твердое, на изученных изделиях отсутствуют. Очевидно, что майкопские мастера умели правильно регулировать важнейшие параметры литейного процесса: скорость литья, температуру заливаемого в форму расплава, скорость и направление его кристаллизации.

Большого совершенства они достигли и в кузнечной обработке металла. В числе хорошо разработанных и освоенных ими технических приемов можно назвать все операции свободной ковки: вытяжку, осадку, плющение, обрезку, рубку, пробивку отверстий, изгиб. Обработка бронзы с помощью перечисленных операций, как правило, велась вхолодную.

Используя холодную ковку, майкопские кузнецы столкнулись с явлением упрочнения металла, которое затрудняло его дальнейшую деформацию. Для восстановления его снижающихся пластических свойств они умело использовали промежуточные нагревы — отжиги. Как показал микроструктурный анализ, они предпочитали отжигать металл между циклами кузнечной доработки литых заготовок при 600°С. Факт предпочтительного использования такого нагрева наиболее оправдан с технологической точки зрения: во-первых, температуру в 600°С легко контролировать по цвету каления металла; во-вторых, после таких отжигов в бронзе медь–мышьяк–никель формируется достаточно мелкое зерно (0,01–0,03 мм), что обеспечивает им удачное сочетание прочности и пластичности.

Знакомство майкопских кузнецов со свойствами обогащенных никелем бронз проявляется и в том, что при необходимости их высокотемпературного нагрева они никогда не выходили за пределы 750°С. Видимо, эмпирически они освоили возможный интервал их разупрочнения. Совершенно очевидно, что они явственно различали бронзы двойные (медь–мышьяк) от бронз тройных (медь–мышьяк–никель), поскольку нагревы тех и других для получения необходимой при ковке пластичности оказывались совсем разными.

Невзирая на сложности термической обработки сплавов, обогащенных никелем, они пользовались в местном металлопроизводстве явной популярностью. Как мы отмечали выше, никель способствует удержанию мышьяка в сплаве, предотвращая его улетучивание. Это позволяло с его помощью получить сплав прогнозируемого состава и при этом избежать токсичного воздействия на металлурга паров мышьяка.

Осознанное использование мышьяково-никелевых бронз в майкопской производственной практике наиболее очевидно проявляется при исследовании кинжалов, связанных с памятниками позднего этапа майкопской культуры. Если рассматривать их коллекцию в целом, то она демонстрирует значительный разброс в содержании мышьяка в их металле (2–7% As). Но наивысшие его концентрации наблюдаются в клинках, сделанных из тройных сплавов (4–6% As). Кинжалы, изготовленные из двой-

ных медно-мышьяковых сплавов, как правило, отличаются пониженным содержанием лигатуры (3–4%). К этому следует добавить, что клинки из высоконикелевых бронз дают нам наиболее яркие примеры виртуозно исполненного литья, ковки и особой термической обработки металла, повышающей его твердость до 220–240 кг/мм^2. Прочность и твердость таких кинжалов обеспечивали им необходимый колющий и режущий эффект. По-видимому, их боевые качества намного превосходили клинки, отформованные из медно-мышьякового сырья.

Итак, мастерство и тщательность обработки изделий из мышьяково-никелевых бронз поразительны. Это позволяет заключить, что на позднем этапе развития культуры майкопская металлообработка существовала в виде самостоятельной, независимой от горного дела и металлургии ремесленной отрасли. Только профессиональные мастера могли добиться столь высокой технической культуры литейного и кузнечного производства.

Уже не раз отмечалось в литературе, что организация майкопских кузнецов и литейщиков носила клановый, узкокорпоративный характер. Представленные нами материалы и наблюдения дают нам дополнительные доказательства этой точке зрения. Только с позиции такой гипотезы можно объяснить единообразие технологических схем в пределах единых групп изделий (группы 1 и 2 кинжалов, по С.Н. Кореневскому), родственность которых определяется набором типов, близких по конструктивным деталям, но различающихся степенью сложности их оформления. Только клановой организацией труда можно объяснить и факт исполнения вещей одного типа из разного мышьяково-никелевого сырья: обогащенного ураном или лишенного его наличия. По-видимому, мастера единого клана получали мышьяково-никелевые бронзы от рудознатцев, разрабатывавших разные рудные источники. Находки урана в металле кинжалов из памятников в зоне Белореченского и Даховского месторождений и вдали от них, на Центральном Кавказе, показывают сложное взаимодействие мастеров металлургии и металлообработки терских и кубанских равнин на протяжении новосвободненского этапа майкопской культуры.

В заключение хочется выразить надежду, что представленное обсуждение некоторых аспектов использования мышьяково-никелевых сплавов мастерами майкопской культуры послужит убедительной иллюстрацией для важного методического вывода. Он заключается в том, что реальный прогресс в археометаллургических исследованиях возможен только при комплексном подходе к материалу, включающем как минимум археологию, металлургию, геологию, рудную минералогию, металлографию, изучение возможных выработок руды и предполагаемых участков ее плавки. Создание баз данных по древним технологиям металлопроизводства с применением различных естественнонаучных методов предоставит возможность решать на новом уровне многие проблемы, связанные с историей майкопских племен. Среди них проблема выяснения истоков местных металлургических знаний, уточнения зоны их сложения в Передней Азии. Ее решение позволит более определенно локализовать район, откуда шло продвижение пришлого населения на Северный Кавказ. Не менее важна проблема сравнения металлургических традиций раннего (майкопского) и позднего (новосвободненского) этапов культуры. Доказательство их технологической преемственности — ключ к пониманию единой линии развития этой культуры, поражающей великолепием своих памятников и собранных в них коллекций.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О., 1999. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы // РА. № 1.

Бетехтин А.Г., 1940. Никелин // Минералы СССР. Т. II. М.

Галибин В.А., 1991. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа // Древние культуры Прикубанья. Л.

Геворкян А.Ц., 1980. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван.

Громов Б.В., 1978. Введение в химическую технологию урана. М.

Егорьков А.Н., 2002. Взгляд на природу никеля в ранней бронзе Северного Кавказа // Античная цивилизация и варварский мир. Краснодар.

Емельянов Е.С., Евтюхин А.И., 1968. Металлургия ядерного горючего. М.

Казанцев В.В., 1977. Крустификационные жилы с U–Ni Даховского месторождения // Текстуры и структуры урановых руд эндогенных месторождений. М.

Кобилев А.Г., 1936. К минералогии Лабинского мышьяково-сурьмяно-никелевого месторождения // Геология на фронте индустриализации. № 9.

Кореневский С.Н., 1984. Новые данные о металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик. Т. 1.

Кореневский С.Н., 1988. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Лавёров Н.П., Величкин В.И., Шумилин М.В., 1992. Урановые месторождения стран содружества: основные промышленно-генетические типы и их размещение // Геология рудных месторождений. Март–апрель. № 2.

Мунчаев Р.М., 1994. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Пазухин В.А., 1964. О происхождении древней мышьяковистой меди // Известия Академии Наук СССР. Горное дело и металлургия. М.

Перницка Е., 1994. Състояние на природонаучните изследвания върху найдревните метали // Проблеми на най-ранната металургии. София.

Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.

Рузинов Л.П., Гуляницкий Б.С., 1975. Равновесные превращения металлургических реакций. М.

Селимханов И.Р., 1960. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа // СА. № 2.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Budd P., Ottaway B.S., 1989. The Properties of arsenical Copper Alloys: Implications for the Development of Eneolithic Metallurgy // Archaeological Sciences 89: Proceedings of a Conference of the Application of scientific Techniques to Archaeology, Bradford, 20–22 September. Oxford.

Budd P., Pollard A.M., Thomas R.G., Williams P.A., 1991. New Views on the Origin of Copper Metallurgy // Proceedings of the Australian Archaeometallurgy Conference. Canberra.

Charles I.A., 1967. Early arsenical Bronzes — a Metallurgical View // American Journal of Archaeology. Vol. 71, N 1.

Gale N.H., Stos-Gale Z.A., 1982. Bronze Age Copper Sources in the Aegean: a New Approach // Science. N 216.

Eaton E.R., McKerrel H., 1976. Near Eastern Alloying and some Textual Evidence for the early Use of arsenical Copper // World Archaeology. Vol. 8, N 2.

Hauptmann A., Palmieri A., 2000. Metal Production in the Eastern Mediterranean at the Transition of the 4th/3rd Millenium: Case Studies from Arslantepe // Anatolian Metal I. Bochum. (Der Anschnitt; Beiheft 13).

Lechtman H., 1998. Architectural Cramps at Tiwanaku: copper-arsenic-nickel Bronze // Metallurgica Antiqua. Bochum. (Der Anschnitt; Beiheft 8).

Moorey P.R.S., 1994. Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The archaeological Evidence. Oxford.

Ottaway B.S., Wang Quanyu, 2004. Casting Experiments and Microstructure of Archaeologically Relevant Bronzes // BAR. International Series. N 1331. Oxford.

Piggot V.C., 1999. Heartland of Metallurgy. Neolithic-Chalcolithic metallurgical Origins on the Iranian Plateau // The Beginning of Metallurgy. Bochum. (Der Anschnitt; Beiheft 9).

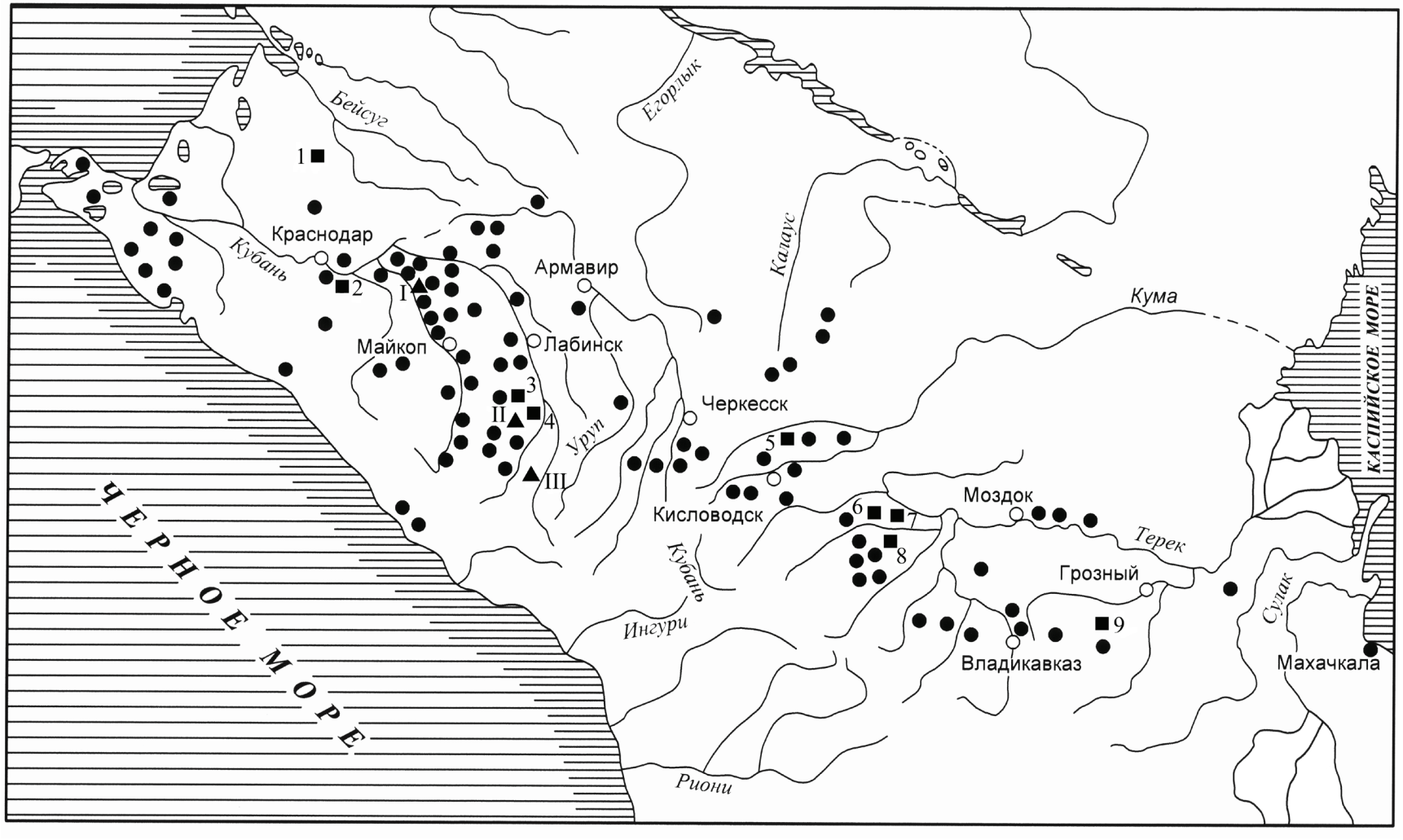
Ravich I.G., Ryndina N.V., 1995. Early copper-arsenic Alloys and the Problem of their Use in the Bronze Age of the North Caucasus // Bulletin of the Metals Museum. Vol. 23. Sendai. Japan.

Shalev S., 1996. The Nahal Mishmar Hoard and Chalcolithic Metallurgy in Israel // Eretz-Israel. Archaeological, Historical and Geographical Studies. Vol. 22. Jerusalem.

Scmitt-Strecker S., Begemann F., Pernicka E., 1989. Chemische Zusammensetzung und Bleiisotopenverhältnisse der Metallfunde vom Hassek Höyük // Kosmophysik. Vol. 47. Heidelberg.

Tadmor M., Kedem D., 1995. The Nahal Mishmar Hoard from the Judean Desert: Technology, Composition and Provenance // Antiqot. Prehistoric, Protohistoric and Bronze Age Studies. Vol. XXVII. Jerusalem.

Tallon F., 1987. Métallurgie Susienne. De la fondation de Suse au XVIIIe siecle avant J.-C. 1–2. Paris.

Карта 1. Рудные выходы никелевых минералов в ареале майкопской культуры:
▲ — рудные месторождения: I — Белореченское; II — Даховское; III — Большелабинское
● — майкопские памятники
■ — майкопские курганы, в которых найдены изделия из мышьяково-никелевых бронз, обогащенных ураном: 1 — курган у ст. Тимашевская; 2 — Псекупский могильник; 3 — курган у ст. Новосвободной (урочище Клады); 4 — курган у ст. Костромской; 5 — курган у пос. Иноземцево; 6 — курганы у сел. Чегем II; 7 — курганы у сел. Кишпек; 8 — курганы у сел. Чегем I; 9 — Бамутский могильник

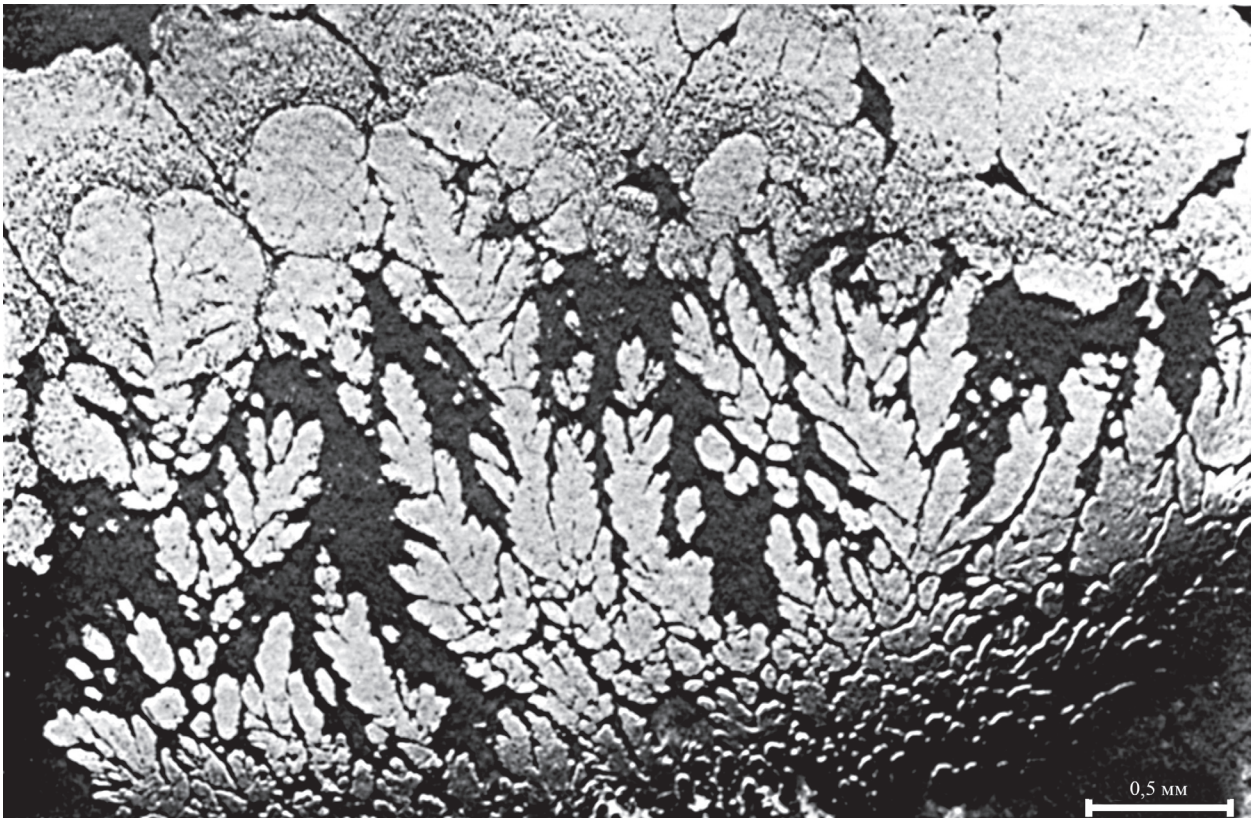

Рис. 1. Дендровидный никелин (NiAs), в верхней части которого видны мелкие, темные сферолиты настурана (U_3O_8). Даховское месторождение

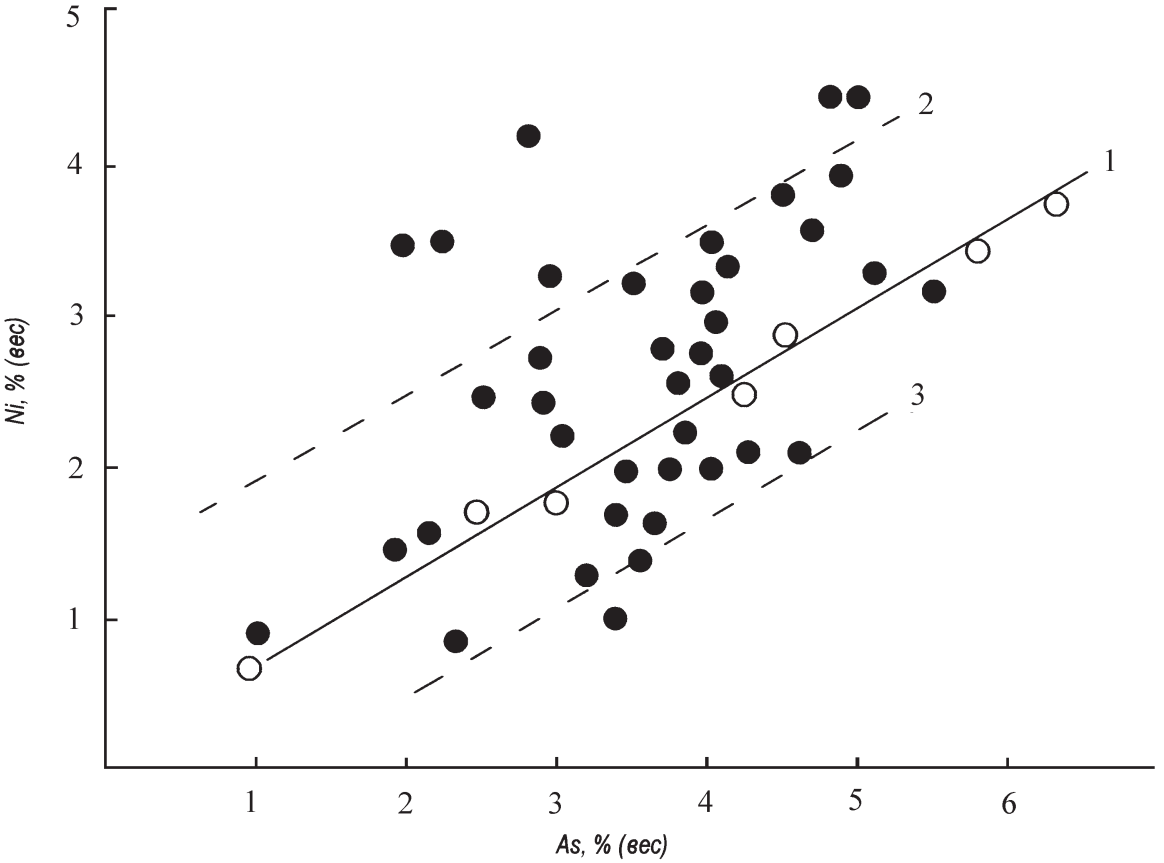

Рис. 2. Корреляционный график зависимости концентраций мышьяка и никеля в сплавах опытных плавок и в металле майкопских изделий. Обозначения: ○ 1 — сплавы модельных плавок; 2, 3 — линии естественного разброса, ± 1%; ● — майкопские сплавы

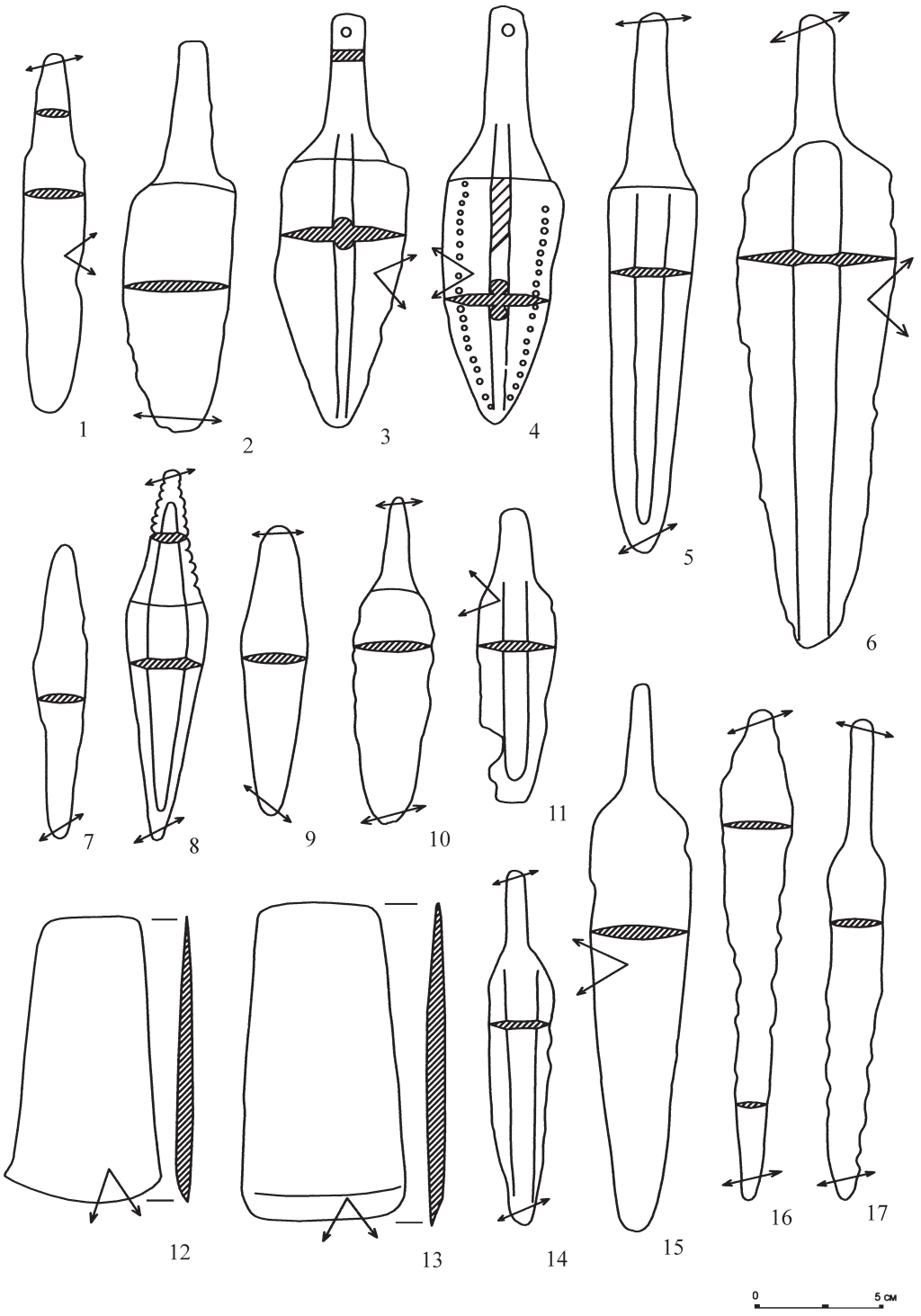
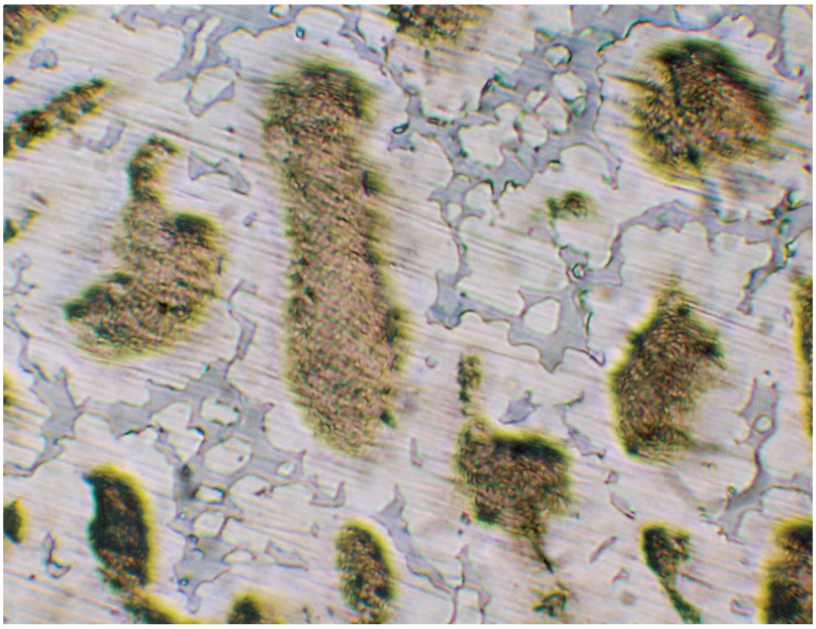
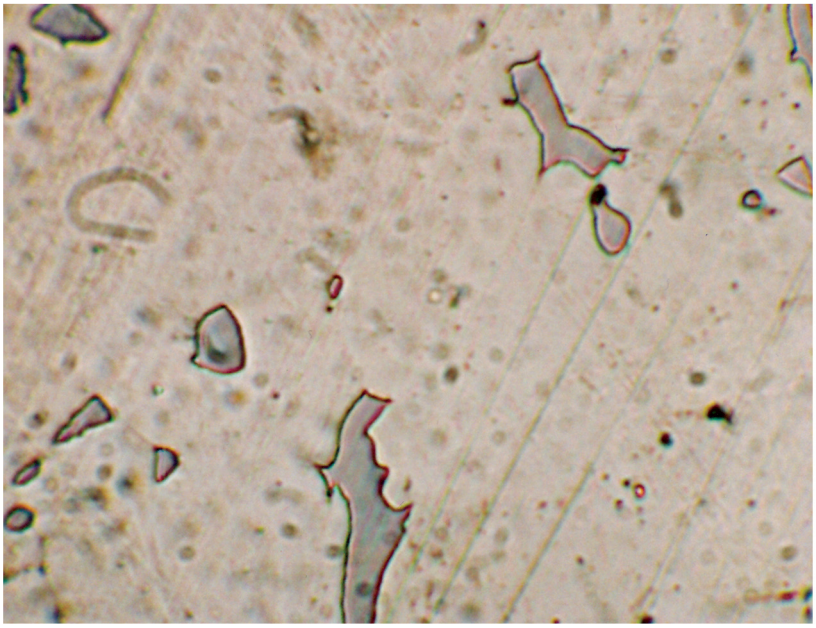

Рис. 3. Майкопские изделия, в металле которых зафиксирован уран (часть изделий прошла металлографическое исследование). Расположение шлифов отмечено секущей:
1–11, 14–17 — кинжалы; 12, 13 — тесла; 1, 5 — Чегем I, 1/центр. погр. (№ 2109, 2106); 2 — ст. Костромская (№ 1032); 3, 4, 12 — ур. Клады, 31/5 (№ 2040, 2041, 2054); 6 — ст. Тимашевская (№ 2137); 7 — Чегем II, 55/1 (№ 2100); 8 — Чегем II, 21/4 (№ 2118); 9 — Чегем I (№ 2105); 10 — Кишпек, большой кург./8 (№ 2128); 11 — Бамут, 2/15 (№ 1016); 13 — ур. Клады, 4/5 (№ 2066); 14, 16 — случайные находки в Краснодарском крае (№ 2139, 2141); 15 — ур. Клады, 30/1 (№ 2046); 17 — ур. Клады, 23/1 (№ 2065)

1

2

Рис. 4. Микроструктуры опытных сплавов:
1 — микроструктура сплава 4, содержащего 4,5% мышьяка и 3% никеля, полученного при плавке меди с никелином (× 200);
2 — включения фазы CuNiAs в сплаве 4 после литья и последующих двух циклов холодной деформации и отжига при 700°С в течение 15 мин. Степень холодной деформации — 50%, время отжига — 15 мин. (× 1000)

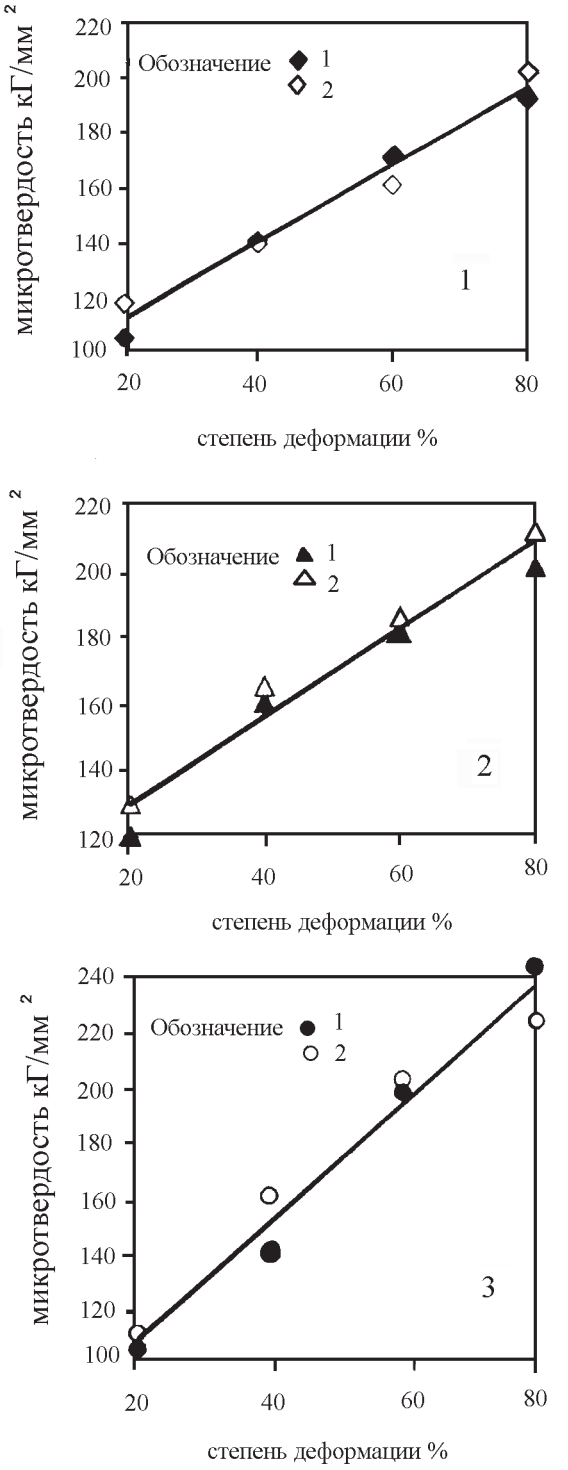
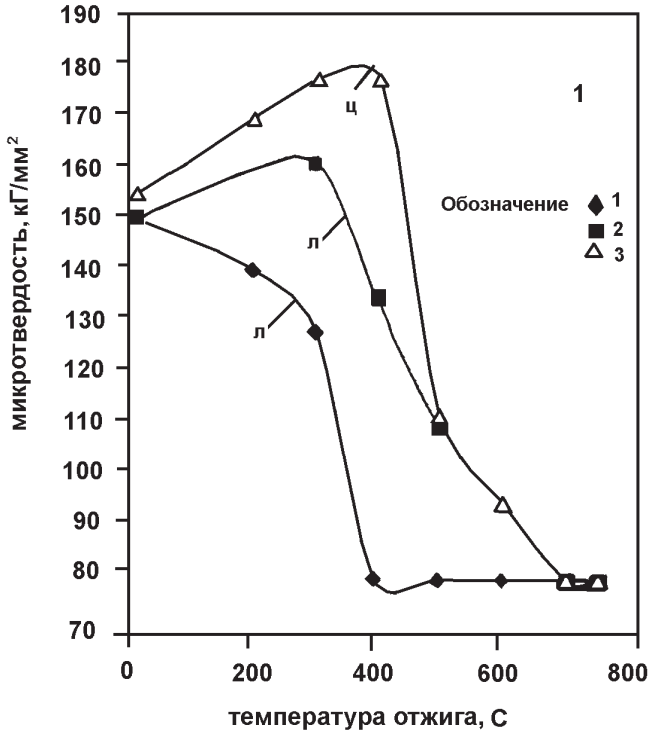

Рис. 5. Зависимость микротвердости литых сплавов медь—мышьяк и медь—мышьяк—никель от состава и степени холодной деформации.
Обозначения:
1–1 — 2% As; 1–2 — 2,4% As, 1,7% Ni;
2–1 — 4% As; 2–2 — 4,28% As; 2,47% Ni;
3–1 — 6% As; 3–2 — 6,42% As, 3,83% Ni

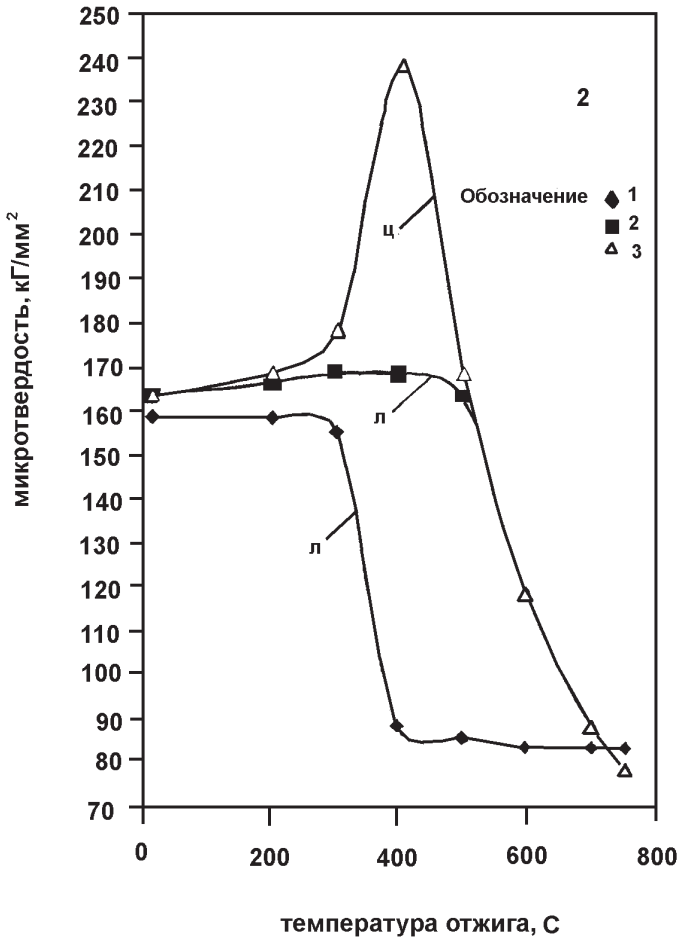

Рис. 6. Влияние температуры отжига после холодной деформации на микротвердость сплавов медь—мышьяк и медь—мышьяк—никель.
Степень деформации при холодной ковке — 50%, время отжига — 15 мин.
Обозначение схемы обработки:
Л — литье + холодная ковка;
Ц — литье + холодная ковка + отжиг-закалка при 700°С + холодная ковка.
1–1 — 2% As; 1–2, 3 — 2,4% As, 1,7% Ni;
2–1 — 4% As; 2–2, 3 — 4,28% As, 2,47% Ni

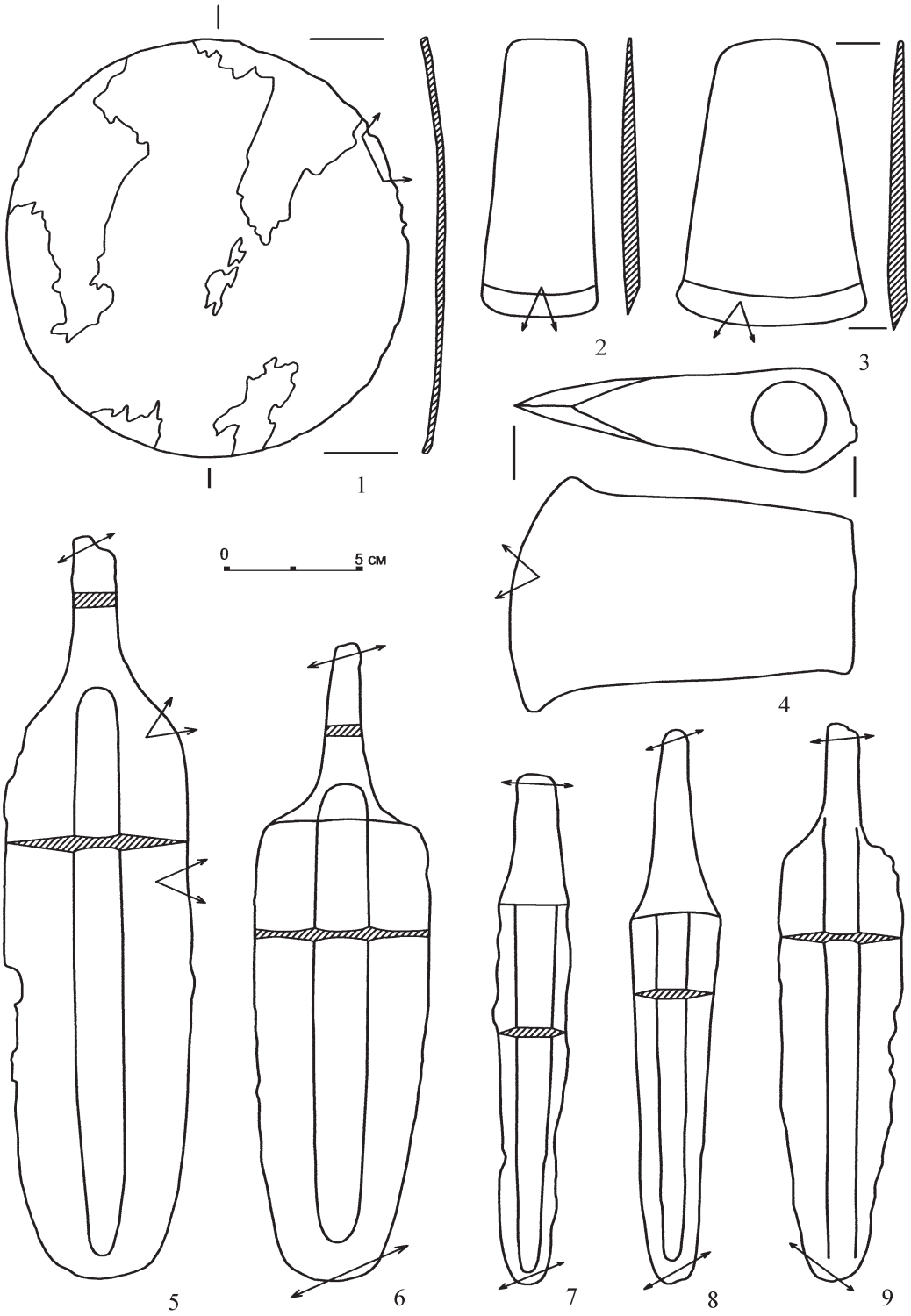

Рис. 7. Майкопские изделия, металл которых подвергнут микроструктурному анализу. Расположение шлифов отмечено секущей:
1 — диск, Чегем I, 5/3 (№ 2188); 2 — тесло, Чегем I, 1/центр. погр. (№ 2161); 3 — тесло, Псекупский могильник (№ 2159); 4 — топор, Кишпек, большой кург./3 (№ 2158); 5 — кинжал, Кишпек, 2/центр. погр. (№ 2107); 6 — кинжал, Кишпек, 5/2 (№ 2125); 7 — кинжал, Чегем II, 55/1 (№ 2099); 8 — кинжал, Чегем I, 1/центр. погр. (№ 2106); 9 — кинжал, Чегем II, 36/1 (№ 2104)

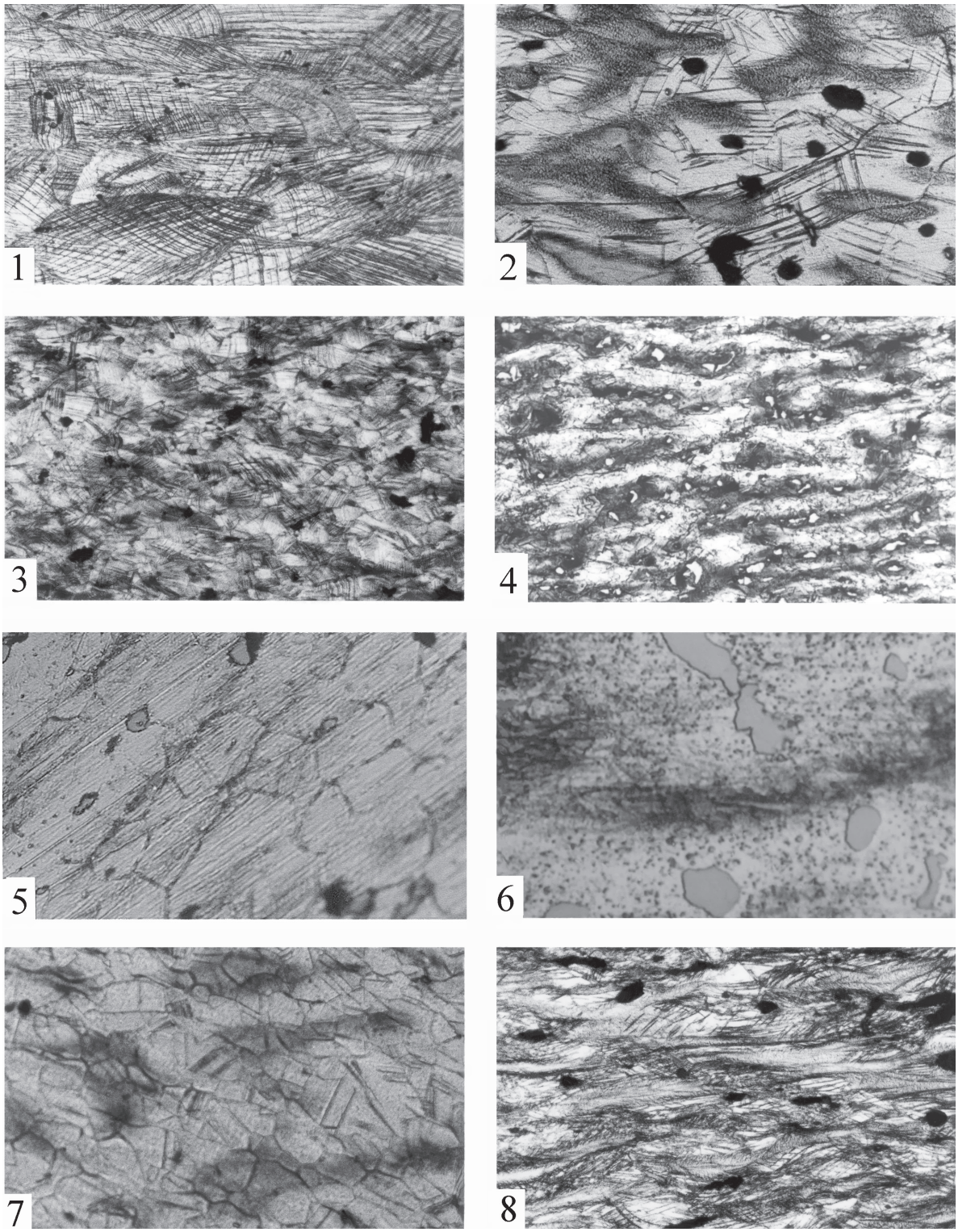

Рис. 8. Микроструктуры майкопских изделий:
1, 2 — тесло, Псекупский могильник, № 2159 (1 — лезвие, × 500; 2 — обух, × 200); 3 — кинжал, Кишпек, 5/2, № 2125 (черенок, × 200); 4 — кинжал, ур. Клады, 31/5, № 2040 (лезвийная часть клинка, × 200); 5, 6 — кинжал, Чегем I, 5/3, № 2110 (5 — черенок, × 500; 6 — лезвийная часть клинка, × 1000); 7 — кинжал, ур. Клады, 30/1, № 2046 (черенок, × 500); 8 — кинжал, Чегем I, 1/центр. погр., № 2105 (лезвийная часть клинка, × 200)

Г.Н. Поплевко

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПХАГУГАПЕ*

Для трасологического исследования были взяты материалы поселения майкопской культуры Пхагугапе из раскопок 2002 г. Поселение расположено на южном берегу Краснодарского водохранилища в Теучежском районе в 1,5 км от аула Тауйхабль и ежегодно затапливается и разрушается прибрежными водами. Раскопки поселения были начаты А.Д. Резепкиным в 2002 г. при участии автора. Площадь раскопа 2002 г. составляет 32 кв. м. В процессе раскопок культурного слоя поселения была обнаружена глиняная гончарная печь (Резепкин, Поплевко, 2006). На площади раскопа перед устьем гончарной печи обнаружено большое количество фрагментов керамики, обломков костей животных и небольшое количество изделий из кремня. Примерно в 80 м к северу от раскопа, на небольшом понижении обнаженной из-под воды поверхности берега, была обнаружена сильно размытая хозяйственная яма с материалами майкопской культуры. В процессе ее доисследования собрана небольшая коллекция фрагментов керамики, костей животных и изделий из кремня. Всего исследовано 118 экз. Из них 17 экз. из кости, 6 экз. из галек разных пород камня, 3 изделия на фрагментах керамики и 9 экз. из микрозернистого кварцита, а остальные 83 экз. изготовлены из кремня разного цвета. Вся коллекция представляет собой совокупность предметов, происходящих из раскопок культурного слоя и изделий, собранных на размываемой водами Краснодарского водохранилища площади поселения (подъемный материал) (табл. I). В культурном слое и в хозяйственной яме было обнаружено 57 экз., и 61 экз. собран на размытой площади поселения.

Трасологическая характеристика

Трасологическое исследование рабочих поверхностей орудий производилось под микроскопом МБС-9 с увеличением 56–100 раз и металлографическим микроскопом ПОЛАМ Р-312 с увеличением 50–1149 раз. Микрофотографии выполнены с помощью металлографического микроскопа Olympus BH2-UMA с увеличением 50–500 раз.

После трасологического исследования определено 70 орудий на фактических заготовках, все они были использованы в разных хозяйственных операциях. Наиболее часто представлены следующие категории орудий: вкладыши серпов (16), вкладыши долот (7), скобели (3), скребки (7), ножи (7) и сверла (2) (табл. II). Описание орудий будет дано по устоявшимся в археологической литературе категориям. Одновременно будет приведена технологическая характеристика материалов.

Изделия из кости

Предварительный анализ обломков костей был сделан еще в ходе раскопок. С помощью лупы с увеличением до 10 раз весь материал был просмотрен на предмет наличия на поверхности костей возможных следов утилизации. Для дальнейших кабинетных исследований было отобрано более 20 экз., из которых только 17 экз. имеют на своей поверхности следы использования. После трасологического исследования всех обломков костей выявлено, что 14 экз. изделий из кости были использованы при изготовлении керамичес-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 06-06-80168а.

В статье сохранена авторская нумерация ссылок на таблицы иллюстраций. — *Прим. редактора.*

Таблица I

Количественное распределение материалов поселения Пхагугапе

Материалы поселения Пхагугапе		*Раскоп I*	*Яма 1*	*Подъемный материал*	*Итого*	*Трасологически выделенные орудия*
Кость		10	3	4	17	17
Керамика		3	—	—	3	3
Галька		—	3	3	6	6
Кварцит		6	1	2	9	3
Кремень	орудия	7	7	27	41	41
	без следов	4	13	25	42	—
Всего		30	27	61	118	70

Таблица II

Количественное распределение трасологически выделенных орудий поселения Пхагугапе из разного сырья

Орудия	*Кость*	*Галька*	*Керамика*	*Кварцит*	*Кремень*	*2-я функция*	*2-е лезвие*	*Всего*
Шпатели	7		3					10
Шпатели-лощила	4							4
Лощила	3	6						9
Игла	1							1
Заготовка рукояти	1							1
Долота	1				6			7
Вкладыши серпов				2	11		3	16
Рало				1				1
Скребки					6			7 (+)
Скобели					3			3
Струги					2			2
Стамески					1			1
Сверла					2			2
Резчик					1			1
Ножи					6	+	1	7
Наконечник дротика					1			1
Ретушеры					2			2
Итого	17	6	3	3	41	+	4	75 (+)

ких сосудов или других изделий из сырой глиняной массы. Только 2 экз. имеют специальное оформление – обломок иглы (табл. 20: 1) и лопаточка-лощило (табл. 20: 2).

Шпатели. Всего трасологически было выделено 7 экз. (табл. II).

Заготовками для орудий служили обломки и фрагменты разных костей животных.

Три шпателя изготовлены на фрагментах трубчатых костей. Два шпателя были обнаружены в яме 1 (табл. 19: 1; табл. 20: 5, 6) и один – в раскопе I кв. Б-2. Один шпатель из выпуклой части трубчатой кости имеет хорошо пришлифованное рабочее лезвие на ширину 0,5 см (табл. 19: 1). Помимо этого, на длину до 1,0 см с этой же стороны идут косые царапины в одном направлении. Длина сохранившейся части орудия составляет 5,9 см. Ширина рабочего лезвия 1,0 см, ширина выступающего кончика – 0,5 см. Второй шпатель (табл. 20: 5, 6) изготовлен на диафизе полой трубчатой кости, у которой поперечными спилами уда-

лен один эпифиз. На противоположном заостренном конце, на месте слома хорошо прослеживается плоскость пришлифовки рабочего конца. Рабочий конец имеет две рабочие поверхности: одна – до 0,9 см в ширину, вторая – 0,5 см. Противоположный конец спилен металлической пилкой и затем пришлифован по периметру до ровной поверхности, не исключена возможность использования данной заготовки и как костяной рукояти для орудия. Шпатели из ямы были использованы для разглаживания поверхности сосудов из влажной глины.

Еще два шпателя на обломках ребер найдены в раскопе I кв. Б-2 и кв. В-3. Шпатели из фрагментов ребер крупного рогатого скота (раскоп I: кв. Б-2 и кв. В-3) использовались без специального оформления. Рабочая поверхность орудий с сильно истертой надкостницей, почти до губчатой массы. Зона контакта у них широкая. Вероятно, орудия использовались для разглаживания поверхности из сырой глины, в частности они могли быть использованы при строительстве и разглаживании стенок гончарной печи, поскольку зона контакта у них широкая по всей поверхности – 1,0 см. В то время как при разглаживании округлых стенок сосудов зона контакта орудия довольно узкая, т.к. соприкосновение на выпуклой поверхности происходит только с наиболее выступающей частью сосуда, далее необходимо его поворачивать. Поскольку сосуды майкопской культуры имеют выраженную шаровидную или близкую к ней форму, то рабочее лезвие шириной 0,7–1,0 см и длиной 3,5 см и более может сформироваться на орудии, которое было использовано для обработки скорее большой уплощенной поверхности, а не округлой поверхности сосудов. Этому подтверждением служит и характер абразивных царапин на рабочем лезвии этих изделий. В глиняную массу гончарной печи были добавлены примеси из крупного песка и мелкой окатанной гальки. Эти шпатели были использованы для более грубой формовочной массы. Вероятно, они были использованы при сооружении гончарной печи для разглаживания и выравнивания ее стенок с обеих сторон.

Один шпатель, изготовленный на обломке лопатки, был найден в раскопе I кв. В-3, там же обнаружен и один шпатель на плоской кости с суставной поверхностью (раскоп I, кв. В-3). *Форма и расположение рабочего лезвия* у данной категории орудий зависит от формы исходной заготовки, операции, в которой было использовано орудие, и характера обрабатываемой поверхности.

Микроследы на поверхности этих орудий выглядят как грубые абразивные царапины и пришлифовки с глубокими бороздками. На хорошо сохранившейся поверхности у орудий из трубчатой кости можно проследить заполированную рабочую поверхность на наиболее выступающих участках микрорельефа между бороздками (табл. 2: 2, 3).

Микроследы на рабочем лезвии шпателя из фрагмента лопатки также хорошо выражены, но они имеют более равномерно сглаженную заполированную поверхность, на которой прослеживаются линейные следы (табл. 4: 1). На фрагменте шпателя из ребра с сильно истертой рабочей поверхностью и надкостницей сохранились микроучастки кромки с заполировкой поверхности и поперечными линейными микроследами (табл. 1: 3).

Лощила. Всего трасологически было выделено 3 экз. из кости + 6 экз. из камня (табл. II).

Заготовками для орудий служили обломки и фрагменты трубчатых костей животных.

В качестве лощила использовался один фрагмент трубчатой кости с двумя оформленными концами (раскоп I, кв. В-2; табл. 19: 3). Длина орудия 7,1 см. Один конец имеет округлое сечение, сглажены грани до гладкой поверхности. Микроследы в виде тонких линий на гранях имеют продольное направление, а не поперечное. На рабочем конце есть поперечная «затертость» без абразивных микроследов. Второй более короткий толстый конец использовался в руке, вероятно, был обмотан тканью или шкурой, т.к. на его поверхности есть гладкая равномерная заполировка. Продольные микроследы образовались от подвижек орудия в руке. В процессе работ по влажной поверхности, вероятно, продольно «скользила» обмотка орудия, сглаживая выступающие части кости.

Второе лощило представляет собой специально оформленную на фрагменте трубчатой кости лопаточку из ямы 1 (табл. 20: 2, 8). Длина выделенной лопасти 2,3 см, ширина – 0,8 см. Толщина сечения лопаточки 0,3 см, выделенной рукояти – 0,45 см. Заполировка яркая, линейные микроследы расположены перпендикулярно продольной оси орудия. Работали именно ребром лопаточки, а не плоской поверхностью и концом. С внутренней стороны кости есть пришлифовка на выступающих участках. Структура кости с обеих сторон имеет естественную поверхность, кроме выступающих участков с пришлифовкой. В профиле

видно, что первоначально толщина лопаточки была больше, но в процессе работы обе боковые грани пришлифовались и выровнялись до гладкой поверхности, но в центральной части с внутренней поверхности еще сохранилась естественная структура кости. Поверхность сосудов обрабатывали ребрами лопаточки, а не широкой ровной плоской лопастью. Края лопасти скруглены, гладкие, заполированы.

Третий экземпляр лощила для обработки поверхности керамики без специального оформления, изготовлен на фрагменте челюстной кости. Имеет также хорошо заполированную поверхность по краям с нитевидными микроследами.

Форма и расположение рабочего лезвия у данной категории орудий также зависит от формы исходной заготовки и операции, в которой было использовано орудие.

Микроследы. Рабочая часть орудий чаще всего заполирована и под микроскопом выглядит как гладкая ровная поверхность с тонкими линейными царапинками, расположенными перпендикулярно продольной оси орудий (табл. 1: 1; 4: 2).

Шпатели-лощила. Трасологически было выделено 4 экз. (табл. II) (табл. 19: 2; 20: 3–4).

Заготовки. Три изделия изготовлены на фрагментах продольно расчлененных трубчатых костей, одно – на эпифизе обломка трубчатой кости.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие расположено на наиболее остром конце изделий, иногда оно скруглено в процессе работы орудием. В работе используется кончик острия и боковое ребро орудия.

Микроследы. Представляет собой совокупность признаков шпателей и лощил в разном их сочетании. Поскольку данные орудия использовались для обработки поверхности керамических сосудов, то на их рабочих лезвиях нет грубых абразивных царапин. Глиняная масса для изготовления сосудов была однородна и не содержала в тесте грубых примесей (табл. 1: 3; табл. 2: 1; табл. 3: 1). Линейные микроследы выглядят в виде неглубоких царапин, расположенных под углом к продольной оси орудия. Рабочая поверхность сглажена, заполирована. Иногда линейные микроследы расположены параллельно продольной оси орудия.

Игла. Трасологически выделен 1 экз. (табл. II). Фрагмент средней части прекрасно изготовленной иглы с круглым сечением (табл. 20: 1) обнаружен на размываемой части поселения. Диаметр сечения 0,25 см и 0,28 см на разных концах. Длина сохранившегося фрагмента – 3,8 см. Поверхность заполирована, ровная, гладкая, без абразивных царапин. На заполировке прослеживаются очень тонкие нитевидные линейные микроследы от мягкого полирующего материала – шкуры (табл. 1: 2).

Долото. Трасологически был обнаружен 1 экз. в раскопе I кв. В–3 (табл. II). В качестве орудия использовался фрагмент массивной продольно расколотой трубчатой кости с эпифизом. Рабочий конец орудия оббит с обеих сторон лезвия. Сколы в виде фасеток и микрозаломов по краю кромки. Единичные верхушки зубчиков заполированы, сглажены от длительного трения о дерево. Линейные микроследы прослеживаются по боковым краям рабочего лезвия (табл. 3: 3).

Заготовка рукояти. Фрагмент трубчатой кости со спилами на концах – 1 экз. (табл. II). Возможно, это была заготовка рукояти (?) или заготовка для получения орудий из трубчатой кости. В более ранних индустриях такого рода заготовки в дальнейшем распиливали по продольной оси на заготовки для игл или наконечников.

Изделия из керамики

Шпатели. После трасологического исследования было выделено 3 экз. (табл. II) (табл. 19: 4–6). Два шпателя были обнаружены в кв. В-3 и одно орудие в кв. Б-3. Все изделия изготовлены на небольших фрагментах керамики. В работе использовалось одно ребро фрагмента керамики. Оно сильно сглажено, иногда слабо пришлифовано, на ощупь гладкое. Под микроскопом на увеличении до 60 раз прослеживаются линейные царапины на поперечном сечении ребра. Поверхность ребра пришлифована от работы. При большом увеличении на микроучастках рабочей поверхности прослеживается сглаженность, затертость и выкрошенность поверхности рабочего лезвия (табл. 3: 2). Гладкую поверхность и заполировку можно наблюдать только на небольшом увеличении. Чем больше увеличение, тем выразительнее видна неоднородность структуры керамической массы орудия.

Изделия из разных пород камня

Лощила для керамики. После трасологического исследования каменных изделий было выделено 6 лощил (табл. II). Из них 3

экз. (табл. 18: 1–3) были обнаружены в яме 1. Одно лощило на известняковой гальке имеет абсолютно ровную гладкую поперечную поверхность (табл. 18: 1). Еще два орудия на небольших окатанных кварцитовых гальках (табл. 18: 2–3). Лощила из подъемного материала имеют вытянуто-овальную форму с округлым рабочим концом (табл. 18: 4–6). По форме они очень напоминают так называемые оселки для заточки металла. А один экземпляр имеет даже просверленное встречным сверлением на одном конце отверстие для подвязывания орудия к ремню. Длина его 4,5 см, ширина 1,6 см, толщина уплощенного сечения 0,9 см. Это изделие изготовлено на сланцевой гальке, а оставшиеся два из песчаника. Размеры двух оставшихся лощил соответственно составляют: длина – 4,3 см и 6,9 см; толщина сечения – 1,2 см и 1,0 см; ширина – 1,0 см и 1,2 см. Ширина рабочего конца у них равна 0,8–0,9 см. Ввиду того, что твердость данных пород камня больше, чем твердость обрабатываемой ими поверхности керамики, то и линейные микроследы в виде ярко выраженных царапин здесь не фиксируются. Можно отметить сглаженность поверхности, слабо выраженную заполировку и пришлифовку рабочей кромки.

Изделия из кварцита

Вкладыши серпов. Было обнаружено всего два экземпляра из серого мелкозернистого кварцита (табл. II) (табл. 14: 9, 11).

Заготовки. В качестве заготовок для данной категории орудий использовались двустороннеобитые крупными фасетками изделия. Негативы крупной плоской ретуши покрывают всю поверхность изделий. У обоих орудий обломаны верхние концы.

Форма и расположение рабочего лезвия. Одно изделие обнаружено в кв. Б-3 (табл. 14: 9). Орудие имеет подпрямоугольную форму, его длина 6,0 см, ширина – 2,7 см, толщина сечения – 0,55–0,68 см. Углы схождения боковых граней составляют 50 и 55 градусов (табл. IV).

Второе орудие из мелкозернистого кварцита обнаружено в подъемном материале (табл. 14: 11). У него скошено основание и обломан острый конец. Вероятно, это был концевой вкладыш серпа изогнутой формы. Длина внешней изогнутой части сохранившегося фрагмента 5,6 см, ширина – 3,5 см, длина внутренней изогнутой части – 4,3 см, толщина сечения – 1,1 см (табл. IV, см. ниже).

Рабочее лезвие обоих орудий расположено на одном боковом ребре.

Ретушь. Оба орудия оформлены плоской пологой ретушью по всей поверхности с обеих сторон. На боковых ребрах ретушь оббивки в 1–2 яруса, иногда с микрозаломами. У второго орудия рабочее лезвие после неоднократной подправки имеет крутую ретушь и многочисленные микрозаломы на кромке.

Микроследы. На рабочем лезвии орудий прослеживается зеркальная заполировка. Заполировка у первого орудия распространяется на 0,5 см с двух сторон рабочего лезвия. Выступающие участки кромки и межфасеточные зубчики сильно заполированы, сглажены (табл. 5: 1, 2; табл. 14: 9). Заполировка рабочего лезвия у второго орудия такая же, как и на первом изделии. Следует отметить, что линейные микроследы у второго орудия располагаются параллельно линии кромки рабочего лезвия. Это может быть связано со срезанием толстых стеблей камыша или тростника. Когда срезание стебля одним жестом (как солому) невозможно, то предпринимается усилие, повторяющее функцию пиления (несколько возвратно-поступательных движений, которые «отражаются» в виде линейных микроследов на кромке рабочего лезвия, параллельных продольной оси орудия, как у пилок). Есть сглаженность и пришлифовка нескольких зубчиков на двух концах.

Оба изделия использовались как вкладышевые орудия для жатвы.

Наконечник для вспашки почвы (рало). Это орудие было выделено трасологически (табл. 15: 5), оно изготовлено из серого мелкозернистого кварцита (табл. II).

Заготовкой для этого орудия послужило двустороннеобитая крупная массивная форма-«вкладыш».

Форма и расположение рабочего лезвия. В целом изделие представляет собой двустороннеобитую форму, похожую на очень крупный концевой вкладыш серпа, вставляемого в рукоять. Кончик острого конца орудия обломан. Данное изделие имеет длину 10,5, ширину основания 4,3 см. Толщина сечения орудия: у основания 1,55 см, в центральной его части 1,85 см, на остром конце 1,15 см. Угол заострения изогнутого бокового ребра орудия 40–45 градусов, а угол заострения рабочего лезвия – 60 градусов (табл. IV, см. ниже).

Ретушь. Негативы сколов оформления крупные, покрывают всю поверхность изделия.

Таблица III

Распределение продуктов расщепления по цвету кремня на поселении Пхагугапе

Цвет кремня	*Отщепы*	*Пластинчатые отщепы*	*Пластины*	*Бифасиальные формы*	*Итого*
Светло-серый	13		3	5	21
Серый	17	2	1		20
Темно-серый	8			2	10
Желто-коричневый	14	3	6	3	26
Черный	1	1			2
Малиновый	4				4
Итого	57	6	10	10	83

Фасетки крутой ретуши располагаются в 1–2, реже более ярусов, есть микрозаломы.

Микроследы. Особенность следов использования данного орудия состоит в том, что линейных микроследов, заполировки и сглаженности выступающих участков на кромке рабочего лезвия здесь нет. Линейные микроследы расположены на наиболее выступающих участках центральной части изделия параллельно продольной оси орудия. Заполировка яркая, видна визуально. Срезать злаковые растения таким орудием с большим углом заострения (60 градусов) и большой толщиной сечения (1,55–1,85 см) весьма затруднительно. Если бы орудие было использовано в качестве серпа, то на кромке рабочего лезвия мы могли бы наблюдать яркую заполировку и сглаженную от срезания злаков кромку лезвия, здесь этих микроследов нет. Вероятно, данное изделие употреблялось в качестве наконечника на деревянное рало при вспашке почвы. Этим же можно объяснить направление линейных микроследов на наиболее массивной части орудия с обеих его сторон и пришлифовку этой поверхности.

Изделия из кремня

Характеристика сырья. Для изготовления орудий на поселении Пхагугапе использовали в основном галечный кремень небольших размеров. Правильные пластины и подготовленные нуклеусы для снятия пластинчатых сколов в данной коллекции изделий отсутствуют. Для орудий использовали отщепы, пластинчатые отщепы, редко пластинки. В основном использовали серый кремень (20), светло-серый (21) и темно-серый (10) (табл. III). Значительно реже встречаются изделия из желто-коричневого кремня (26). В единичных экземплярах жители поселения использовали черный и малиновый кремень (табл. III).

Вкладыши серпов. Всего в рассматриваемой коллекции обнаружено 11 орудий, 3 из них имеют по 2 рабочих лезвия (табл. II) (табл. 14: 1–8, 10; 16: 2–3).

Заготовки. В качестве заготовок для данной категории орудий в основном были использованы двусторонне оформленные изделия (табл. VI, см. ниже). Сохранилась только одна целая форма серпа с обломанным кончиком верхнего конца (табл. 14: 10), все остальные представлены обломками. В табл. IV приведены метрические данные по сохранившимся фрагментам орудий. Почти все вкладыши серпов по длине обломков укладываются в диапазон от 3,0 до 4,0 см. Только один фрагмент из бифасиальных форм и два обломка на пластинах имеют длину 2,3 см. Ширина у всех обломков вкладышей серпов колеблется от 0,9 до 2,3 см, у целого серпа она достигает 3,2 см. Толщина сечения обломков вкладышей серпов составляет в среднем 0,43–0,65 см, с единичными показателями меньшими или большими данного значения. Угол схождения боковых граней колеблется от 40 до 55 градусов, в единичных случаях этот показатель 30–35 градусов. В целом можно предположить, что фрагментация орудий происходила в процессе подправки оббивкой рабочего лезвия орудий после его притупливания от срезания злаковых. В двух случаях вкладышами служили фрагменты пластин (табл. 16: 2–3) (табл. VI, см. ниже).

Форма и расположение рабочего лезвия. Только два изделия были на фрагментах пластин, все остальные представляют собой бифасиальные формы во фрагментах. Рабочее лезвие расположено по одному боковому ребру, реже были использованы оба лезвия орудия.

Ретушь. Все бифасиальные формы вкладышей серпов оббиты крупными негативами на плоской поверхности с обеих сторон и мелкими фасетками по боковым ребрам. На негативах хорошо читаются выемки от ударных бугорков сколов, следовательно, можно предположить по характеру ретуши, что техника оббивки рабочего лезвия осуществлялась ударом. У нескольких экземпляров она выполнена на твердой (деревянной) поверхности, т.к. нет следов контрударов, если бы ретуширование осуществлялось на камне. Ретушь рабочего лезвия у таких орудий крутая, многорусная, с микрозаломами. В одном случае ретуширование рабочего лезвие выполнено отжимом, возможно металлическим ретушером (?). Она ровная, параллельная регулярная пологая.

Микроследы. Заполировку и линейные микроследы на серпах впервые описал С.А. Семенов (косое направление зеркальной заполировки и наличие кометообразных линейных микроследов) (Семенов, 1957). Это классическое описание микроследов остается главным критерием определения серпов. Помимо микроследов, описанных С.А. Семеновым, на орудиях данной коллекции можно отметить два направления линейных микроследов: 1) расположение заполировки и линейных микроследов параллельно длине рабочего лезвия и продольной оси орудия; 2) расположение заполировки и линейных микроследов перпендикулярно кромке рабочего лезвия (табл. 6: 1, 2; 12: 1, 2; 14: 1, 3–4).

Первый тип микроследов может быть связан со срезанием тростника или камыша, когда одним жестом нельзя срезать толстый стебель и приходится выполнять возвратно-поступательные движения, характерные для пилок. При длительном выполнении данной операции формируется ровная отчетливая довольно широкая линия заполировки (до 0,9–1,0 см) с обеих сторон рабочего лезвия. Заполировка ровная яркая зеркальная, равномерно распределена по всему микрорельефу лезвия и межфасеточным ребрам кромки лезвия. Это свидетельствует о том, что срезали влажный материал, содержащий в своей структуре большое количество сока. В свою очередь, это можно связать со срезанием зеленого камыша или тростника. Так как срезание сухой соломы злаковых на зубчатом лезвии не дает столь однородного распространения заполировки по всей поверхности рабочего лезвия да еще с двух его сторон. Всего 4 экземпляра имеют такой тип микроследов.

Второй тип микроследов также связан с работами по влажному материалу, так как у таких орудий заполировка также распространяется равномерно на ширину до 1,0 см с обеих сторон рабочего лезвия. С одной стороны, это повторяет следы первого типа, но, с другой стороны, направление линейных микроследов расположено перпендикулярно линии кромки, что их и отличает. Резко очерченная граница заполировки свидетельствует о креплении изделия в оправе на всю глубину поверхности. В противном случае, заполировка не имела бы резко очерченной границы, и она распространилась бы на большую площадь с характерным «затуханием» зеркальной интенсивности по мере ее удаления от кромки рабочего лезвия. Ширина вкладыша составляет 3,2 см, следовательно, 1,0 см — заполировка, а остальное — 2,2 см было спрятано в оправе. Причем в оправу было «упаковано» более острое лезвие. Вероятно, это можно объяснить использованием данного типа орудия для работ, связанных с большим резким усилием, поэтому было использовано глубокое погружение в оправу. На мой взгляд, это орудие могло быть использовано как вкладыш косы для скашивания травы или зеленого тростника. Именно при такой операции можно получить микроследы, перпендикулярные линии кромки, и равномерно распространенную зеркальную заполировку по всей поверхности шириной в 0,9–1,0 см с обеих сторон рабочего лезвия. Глубокое крепление в оправе обеспечивало устойчивость орудия в процессе работы им. Обнаружено одно орудие с таким типом микроследов.

Скребки. Обнаружено 6 экз. скребков и одно рабочее лезвие скребка на полифункциональном орудии — ноже (табл. II) (табл. 16: 8–10, 11, 14; 17: 1).

Заготовки. В качестве заготовок были использованы один мелкий и пять средних отщепов (табл. VI, см. ниже). В культурном слое был обнаружен один боковой скребок для кости, рога — остальные из подъемного материала.

Форма и расположение рабочего лезвия. Всего выделено четыре концевых и два боковых скребка. Одно рабочее лезвие зафиксировано на полифункциональном орудии — на втором боковом ребре пластины — ножа для мяса.

Ретушь. Оформление рабочего конца осуществлялось оббивкой. Все изделия имеют оббитое крутой выемчатой, реже плоской пологой ретушью рабочее лезвие на дистальн-

Таблица IV

Метрические показатели обломков вкладышей серпов поселения Пхагугапе

	№ п/п	Вкладыши серпов и их местонахождение	Длина, см	Ширина, см	Толщина сечения, см	Угол схождения боковых граней
КРЕМЕНЬ		БИФАСЫ:				
	1	яма 1, дно	2,9 (1 р.л.)*	1,1–2,0	0,35–0,70	40 и 50 р.л.*
	2	яма 1	3,0 (2 р.л.)	1,5–1,8	0,50–0,65	50 и 55–60
	3	кв. Б-2, ретушер металлический	3,9 (1 р.л.)	1,7	0,43–0,45	40 и 40
	4	яма 1, дно	4,0 (2 р.л.)	0,9–1,9	0,48–0,52	50 и 55
	5	подъемный материал коричневый	3,7 (2 р.л.)	2,3	0,55	30 и 35
	6	подъемный материал	3,6 (1 р.л.)	1,8–1,9	0,65	40 р.л. и 65–70
	7	подъемный материал, косая заполировка	3,4 (1 р.л.), скол-обож.	2,3	0,78–1,0	55–60 р.л. и обл.
	8	подъемный материал	2,3, 1,5 (1 р.л.)	2,2	0,50	35 и 55 р.л.
	9	подъемный материал, заполировка — 0,8–0,9, коса (?), коричневый	6,1 (1 р.л.)	1,5–3,2	0,50–0,65	45–55 р.л. и 35
		ПЛАСТИНЫ:				
	10	подъемный материал	2,3 (1 р.л.)	1,5 обл.	0,55	40 р.л. и 55
	11	подъемный материал	2,3 (1 р.л.)	0,9–1,0	0,28	25 р.л. и 40
КВАРЦИТ		БИФАСЫ:				
	12	кв. Б-3	6,0 (1 р.л.)	2,7	0,55–0,68	50 и 55 р.л.
	13	подъемный материал	5,6, 4,3 (1 р.л.)	3,5–3,7	1,1	50 и 55 р.л.
		БИФАСЫ:				
	14	подъемный материал, рало	10,5	1,8–4,3	1,15–1,85–1,55	60 р.л. и 40–45

* р.л. – рабочее лезвие

ном конце и только у бокового скребка оно на скругленном боковом лезвии. В результате неоднократной подправки рабочего лезвия получались микрозаломы в 1 и более ярусов. Ретушь крутая, с выемками от ударных бугорков, что является признаком использования твердых каменных отбойников, но есть и плоская ретушь от роговых или «мягких» каменных отбойников.

Микроследы. Зафиксировано два типа микроследов, связанных с обработкой дерева и кости, рога. Заполировка яркая, имеет линейную направленность, она обволакивает выступы микрорельефа рабочего лезвия. Это так называемая куполообразная заполировка на выступающих зубчиках кромки рабочего лезвия (табл. 13: 1).

Скребок по кости, рогу имеет характерную плоскую заполировку на микрозубчиках кромки, выкрошенность кромки и многочисленные микрозаломы на поверхности рабочего лезвия.

Скобели. Трасологически выделено три орудия (табл. II) (табл. 16: 7, 12, 15).

Заготовки. Для данной категории орудий были использованы один мелкий и два средних отщепа (табл. VI, см. ниже).

Форма и расположение рабочего лезвия. Морфологически изделия выглядят как отщепы с грубооформленным концевым и боковым лезвием.

Ретушь. На рабочем лезвии орудий наблюдаются негативы от крупных и мелких фасеток с выемками от ударных бугорков. Подправка осуществлялась оббивкой каменным отбойником, что отразилось наличием многочисленных микрозаломов фасеток в 1–2 яруса по всей длине лезвия.

Микроследы. Заполировка прослеживается на наиболее выступающих межфасеточных ребрах кромки лезвия в точках наиболее длительного контакта с обрабатываемой поверхностью. Прослеживается линейная направленность заполировки и сглаженность зубчиков кромки. Вероятно, эти орудия были использованы для более грубой обработки деревянных поверхностей, чем собственно скребки, у которых сглаженность кромки и ее оформление более тщательное.

Ножи. Трасологически выделено 7 экз., одно орудие с двумя рабочими лезвиями (табл. II) (табл. 15: 1–2; 16: 13; 17: 2–3, 5).

Заготовки. В качестве заготовок служили пять пластинчатых сколов и один обломок бифаса (табл. VI, см. ниже) (табл. 15: 2). Пять изделий из шести обнаружены в культурном слое и яме 1.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочим лезвием служили наиболее ровные и острые боковые ребра пластинчатых снятий. У одного пластинчатого отщепа были использованы в работе два боковых лезвия (табл. 16: 13).

Ретушь. На рабочих лезвиях у пластинчатых снятий прослеживается ретушь утилизации. Намеренная нерегулярная плоская пологая ретушь есть только у крупного пластинчатого отщепа. Бифасиальная форма обработана с обеих сторон плоской пологой регулярной ретушью, формирующей очень тонкий край рабочего лезвия с углом заострения 30 градусов.

Микроследы. Орудия имеют хорошую сработанность, гладкую ровную поверхность, заполировку по всей длине кромки рабочих лезвий. У некоторых орудий при сильной сработанности рабочего лезвия прослеживается сглаженность ребер фасеток и внутрифасеточной поверхности кромки (табл. 9: 1, 2; 10: 1, 2).

Долота. Трасологически выделено 6 экз. (табл. II) (табл. 15: 3–4; 17: 8–9).

Заготовки. В качестве заготовок для данной категории орудий были использованы средние массивные отщепы (табл. VI). Все изделия были использованы как вкладыши.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие расположено на дистальных концах заготовок. У двух экземпляров оно скошено на один край лезвия. Ширина рабочего лезвия составляет 1,8–2,2 см. Угол его заострения от 35 до 60 градусов.

Ретушь. Возможно, первоначально рабочее лезвие имело специальное оформление. Но после длительного использования и подправок сформировалась кромка с многочисленными микрозаломами, забитостью, выкрошенностью. Ретушь утилизации крутая, имеет выломы, многорусная.

Микроследы. Кромка рабочего лезвия на участках, которые имели длительный контакт с обрабатываемым материалом в процессе работы орудием, сохраняет заполировку и линейные царапины. Все орудия имеют сглаженную кромку, микровыкрошенность на всех выступающих участках лезвия (табл. 11: 1, 2).

Стамески. Трасологически выделено 1 орудие (табл. II) (табл. 17: 10).

Заготовки. В качестве вкладыша для орудия был использован мелкий отщеп (табл. VI, см. ниже).

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие имеет ширину 1,5 см. Угол заострения рабочего лезвия равен 25 градусам.

Ретушь. Прослеживается ретушь утилизации в виде мелких нерегулярных фасеток.

Микроследы. На всей кромке прослеживается микроретушь, сглаженность и заполировка наиболее выступающих зубчиков лезвия.

Вкладыши стругов. Трасологически выделено 2 экз. (табл. II) (табл. 16: 1, 4).

Заготовки. Для орудий были использованы медиальные фрагменты пластин шириной 1,3–1,5 см (табл. VI, см. ниже). Данные изделия использовались как вкладыши.

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочим лезвием служило одно боковое ребро заготовки. Ширина рабочего лезвия одного орудия составляет 3,3 см, у второго – 2,3 см. Угол заострения рабочего лезвия обоих орудий составляет 35 градусов.

Ретушь. Намеренной ретуши оформления нет. На кромке рабочего лезвия есть единичные микрофасетки.

Микроследы. Комплекс микроследов выражается в виде заполировки с линейной направленностью, перпендикулярной линии кромки. Микрофасетки по всей линии кромки, заполировка кромки и общая ее сглаженность

Ретушеры. Трасологически выделено 2 экз. (табл. II) (табл. 17: 6–7).

Заготовки. Для орудий были использованы фрагменты мелкого и среднего отщепов (табл. VI, см. ниже). Размеры мелкого отщепа составляют 2,5 см в длину и 1,1 см в ширину. Это был первичный отщеп светло-серого цвета. Параметры второго орудия составляют 4,0 см в длину, 2,1 см в ширину, 1,2 см толщина сечения и 1,8 см ширина рабочего конца.

Форма и расположение рабочего лезвия. Оба орудия представляют собой подпрямоугольные

стержни, которые использовались как вкладыши в деревянной рукояти. В работе использовали дистальный конец изделия.

Ретушь. Рабочий конец специально оформлен по боковым ребрам и на рабочем лезвии крутой многоярусной ретушью с микрозаломами. От длительного использования произошла нивелировка наиболее выступающих участков кромки лезвия, которая проявляется в виде сглаженности рабочей поверхности.

Микроследы. На кромке рабочего конца сформировались линейные микроследы в виде царапин, микроямок, микровыщербленности и микрозаломов. Наиболее выступающие участки кромки заполированы, сглажены. Кромка скруглена.

Сверла. Трасологически выделено 2 экз. (табл. II) (табл. 16: 5, 16).

Заготовки. Обнаружено всего два орудия. Одно орудие выполнено на мелком отщепе, второе — на среднем (табл. VI, см. ниже).

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочий конец у этих орудий расположен на остром углу дистального конца. Глубина просверливаемого отверстия орудия на среднем отщепе составляет 1,0–1,3 см, диаметр — до 1,5 см. Ширина верхушки рабочего конца равна 0,5 см. Орудие крепилось в рукояти. Возможно, оно было использовано как двуручное или лучковое сверло.

Ретушь. В процессе работы орудиями на их рабочих концах сформировалась ретушь утилизации в виде нерегулярных фасеток по двум боковым ребрам острия. Есть слабая сглаженность кромки и микрозаломы, единичные нерегулярные фасетки в 1–2 яруса.

Микроследы. Следы сработанности представлены в виде слабой сглаженности выступающих зубчиков кромки лезвия и микрозаломов. Заполировка располагается на межфасеточных ребрах кромки рабочего лезвия в зоне длительного контакта с обрабатываемым сырьем (деревом). Плоской сглаженности заполировки нет, есть отдельные яркие участки на кромке.

Резчик. Трасологически выделено 1 орудие (табл. II) (табл. 17: 4). Данный тип орудия с хорошо выраженными микроследами, в археологических коллекциях встречается редко.

Заготовки. Для орудия была использована крупная пластина (табл. VI, см. ниже).

Форма и расположение рабочего лезвия. Рабочее лезвие расположено на правом углу дистального конца. Орудие использовалось без специального оформления рабочего конца.

Ретушь. Намеренной ретуши оформления у данного орудия нет. Есть единичные фасетки по кромке рабочего лезвия, образовавшиеся в процессе работы орудием.

Микроследы. Ввиду того что в археологической литературе отсутствуют сведения о микроследы данного типа орудий из археологических коллекций, считаю необходимым зафиксировать в микрофотографиях на нескольких участках кромки лезвия и ввести в научный оборот (табл. 7: 1, 2; 8: 1, 2). В процессе работы орудием на его рабочем конце сформировалась яркая куполообразная заполировка, формирующаяся при длительной работе по дереву. Эта заполировка равномерно распространяется по линии кромки рабочего лезвия, имеет линейную направленность, микроцарапинки и сглаженные микрофасетки кромки лезвия.

Обломок наконечника дротика. Обнаружен 1 экз. (табл. II) (табл. 16: 6).

Заготовки. Обломок двусторонне оформленной заготовки (табл. VI, см. ниже).

Форма и расположение рабочего лезвия. Обломок основания черешкового наконечника дротика из кремня темно-серого цвета. Длина черешка составляет 1,5 см, ширина основания тела наконечника — 2,5 см.

Ретушь. Обломок наконечника оббит с двух сторон полукрутой ретушью в один, реже два яруса по периметру сохранившейся части тела и черешка.

Микроследы. На основании тела наконечника или на его черешке хорошо выраженных микроследов в виде сглаженности и заполировки от крепления в древке не обнаружено.

По итогам трасологического анализа материалов поселения Пхагугапе можно реконструировать следующие хозяйственные комплексы (табл. V):

1. обработка мяса — 7 экз., или 9,3%;
2. обработка кости, рога — 2 экз., или 2,7%;
3. обработка дерева — 22 экз., или 29,4%;
4. обработка камня — 2 экз., или 2,7%;
5. обработка керамики — 23 экз., или 30,7%;
6. обработка почвы — 1 экз., или 1,3%;
7. срезание злаковых культур — 16 экз., или 21,3%;
8. оружие — 1 экз., или 1,3%
9. изготовление одежды — 1 экз., или 1,3%.

Наиболее представительными являются два комплекса — обработка керамики (30,7%) и обработка дерева (29,4%). На третьем месте находится срезание злаков — 21,3%, далее

Таблица V

Хозяйственные комплексы поселения Пхагугапе

Хозяйственные комплексы	*Орудия*	*Экземпляры*	*%*
Обработка мяса	Ножи	7	9,3
Обработка кости, рога		2	2,7
	Скребки	1	
	Заготовка рукояти	1	
Обработка камня	Ретушеры	2	2,7
Обработка почвы	Рало	1	1,3
Обработка керамики		23	30,7
	Шпатели-лощила	4	
	Лощила	9	
	Шпатели	10	
Обработка дерева		22	29,4
	Скребки	6	
	Скобели	3	
	Струги	2	
	Сверла	2	
	Стамеска	1	
	Долота	7	
	Резчик	1	
Оружие	Наконечник дротика	1	1,3
Срезание злаков	Вкладыши серпов	16	21,3
Изготовление одежды	Игла	1	1,3
Итого		75	100

идет обработка мяса — 9,3%. Все остальные виды деятельности в материалах поселения представлены единичными орудиями.

Технологическая характеристика

В рассматриваемой выборке поселения Пхагугапе весь комплекс изделий из кремня составляет 83 экз. Распределение заготовок показано в табл. VII. Самыми представительными группами изделий являются средние (16) и мелкие (17) отщепы, фрагменты пластин (14) и бифасиальные формы изделий (11). Все остальные группы технологических сколов представлены единичными экземплярами или же вовсе отсутствуют. Так, в коллекции нет нуклеусов и нуклевидных сколов, сколов-подправок поверхности скалывания нуклеусов. Это может свидетельствовать о том, что все исследованные сколы являются своего рода технологическими отходами при получении и изготовлении двусторонних форм наконечников и вкладышей серпов. Процесс расщепления кремня (кварцита) на данном памятнике был направлен на получение вкладышевых орудий для срезания злаков и камыша, а также на изготовление наконечников. Получаемые в ходе расщепления кремня и изготовления вкладышей сколы были использованы для других орудий. При расщеплении кремня использовали каменные и роговые отбойники. Подправку карниза ударной площадки сколов осуществляли пришлифовкой (табл. VII).

Поскольку остальные орудия, кроме скребков, не имеют намеренной ретуши оформления, то можно предположить, что это было скорее использование кремня «по инерции» в хозяйственных операциях, наряду с широко распространенными орудиями из бронзы. В основном кремневые орудия были нужны при изготовлении деревянной утвари, обработке мяса, срезании злаковых культур и камыша (табл. V).

Распределение трасологически выделенных орудий по технологическим заготовкам показывает, что для орудий были использова-

Таблица VI

Распределение трасологически выделенных орудий поселения Пхагугапе по технологическим заготовкам*

Категории орудий	*Нож*	*Наконечник стрелы*	*Серпы*	*Лощила для керамики*	*Скребки*		*Сверла*	*Струги*	*Скобели*	*Ретушеры*	*Резчик*	*Долото*	*Стамеска*	*Итого*	*Серпы/рало*
					дерево	*рог*	*дерево*	*дерево*	*дерево*		*дерево*	*дерево*	*дерево*		*кварцит*
Заготовки:															
нуклеус															
нуклевидные осколки															
средние массивные сколы			1									2		3	
крупные отщепы															
средние отщепы	1				3	1	1		2			3		11	
мелкие отщепы					2								1	3	
фрагменты отщепов										2		1		3	
чешуйки															
пластинчатые:															
крупные отщепы	1													1	
средние отщепы									1					1	
мелкие отщепы							1							1	
их фрагменты															
крупные пластины	1				+						1			2+	
средние пластины															
мелкие пластины															
микропластинки															
фрагменты пластин	2		2					2						6	
бифасиальные формы	1	1	8											10	2/1
гальки				6										6	
Всего	6	1	11	6	5+	1	2	2	3	2	1	6	1	47+	2/1

* Всего исследовано 118 экз., из них – 47+ орудия из кремня и 3 из кварцита

Таблица VII

Соотношение данных технологического и трасологического анализа и распределение их по заготовкам (продукты расщепления) поселения Пхагугапе

Продукты расщепления	*Технологические приемы ударной техники скола*				*Общее количество изученной выборки в экз.*	*Технологические приемы оформления края ударной площадки нуклеусов при расщеплении (анализ проксимальных частей)*					
	каменный отбойник		*роговой отбойник*			*горизонтальная подправка*		*пришлифовка*		*кварцит*	
	отходы	*орудия*	*отходы*	*орудия*		*отходы*	*орудия*	*отходы*	*орудия*	*отходы*	*орудия*
нуклеус											
нуклевидный массивный кусок											
нуклевидные осколки											
средние массивные сколы					3					1	
крупные отщепы	2				2					1	
средние отщепы	4				16						
мелкие отщепы	1		1		17	1		3		3	
фрагменты отщепов					8					1	
чешуйки					2						
пластинчатые:											
крупные отщепы					1						
средние отщепы		1			3			1			
мелкие отщепы					1			1			
их фрагменты											
крупные пластины	1				5			1			
средние пластины											
мелкие пластины											
микропластинки											
фрагменты пластин			3		14			3			
бифасиальные формы					11						3
сколы-подправки											
песчаниковая галька											
Всего	8	1	4		83	1		9		6	3

ны средние (11), мелкие (3) и фрагменты отщепов (3). Только три пластинчатых отщепа разных размеров и три массивных скола средних размеров были использованы в качестве орудий, а также две крупные пластины и шесть фрагментов. Бифасиальные формы орудий объединяют десять экземпляров из кремня и три из кварцита (табл. VI).

Технологический анализ коллекции показывает, что жители поселения не стремились получить длинное режущее кремневое лезвие, а довольствовались теми сколами, которые получались при расщеплении небольших галек для изготовления вкладышевых бифасиальных форм. Следовательно, технологически значимыми сколами были отщепы средних размеров и двусторонние формы вкладышей.

Стратегия расщепления была направлена на получение этих двух типов основных технологически значимых кремневых заготовок.

Соотношение данных типологического и трасологического анализа показывает, что две трети всех трасологически учтенных орудий выпадает из контекста исследования, ввиду

Таблица VIII

Соотношение данных типологического и трасологического анализа материалов поселения Пхагупе

Орудия	*Данные типологического анализа*	*Данные трасологического анализа*
Шпатели	3	10
Шпатели-лощила		4
Лощила	1	9
Игла	1	1
Заготовка рукояти	1	1
Долота	2	7
Серпы	8	16
Рало		1
Скребки	5	7
Скобели		3
Струги		2
Стамески		1
Сверла	1	2
Резчик		1
Ножи	2	7
Наконечник дротика	1	1
Ретушеры		2
Всего	25	75

невыразительного их оформления или его отсутствия. Чаще использовали сколы без какой-либо подправки ретушью (табл. VII).

Таким образом, можно констатировать, что при использовании комплексного подхода к анализу всей коллекции можно получить значительно больший объем информации о технологии расщепления, об использованных отбойниках и технологических приемах подправки карниза, об основных технологически значимых заготовках для орудий. Анализируя характер сколов, можно установить стратегию расщепления кремня и ее направление. Соотношение данных технологического и трасологического анализа показывает основные предпочтения в выборе заготовок для орудий. Соотношение данных типологии и трасологии показывает, насколько важно трасологическое исследование всего комплекса изделий. По итогам трасологического анализа всех изделий из разных материалов было установлено, что эти орудия были использованы при изготовлении керамики, изделий из дерева, срезании злаков и камыша и обработке мяса (рыбы?). Все остальные хозяйственные комплексы представлены орудиями в единичных экземплярах.

Удивительным является то, что несмотря на довольно широкое распространение бронзовых вещей в майкопской культуре жители поселения продолжают широко использовать изделия из кремня не только для изготовления вкладышей серпов по срезанию злаков и наконечников стрел, но и для других видов орудий.

ЛИТЕРАТУРА

Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н., 2006. Поселение Пхагупе // Liber Archaeologicae. Краснодар.
Семенов С.А., 1957. Первобытная техника. (МИА; Вып. 54).

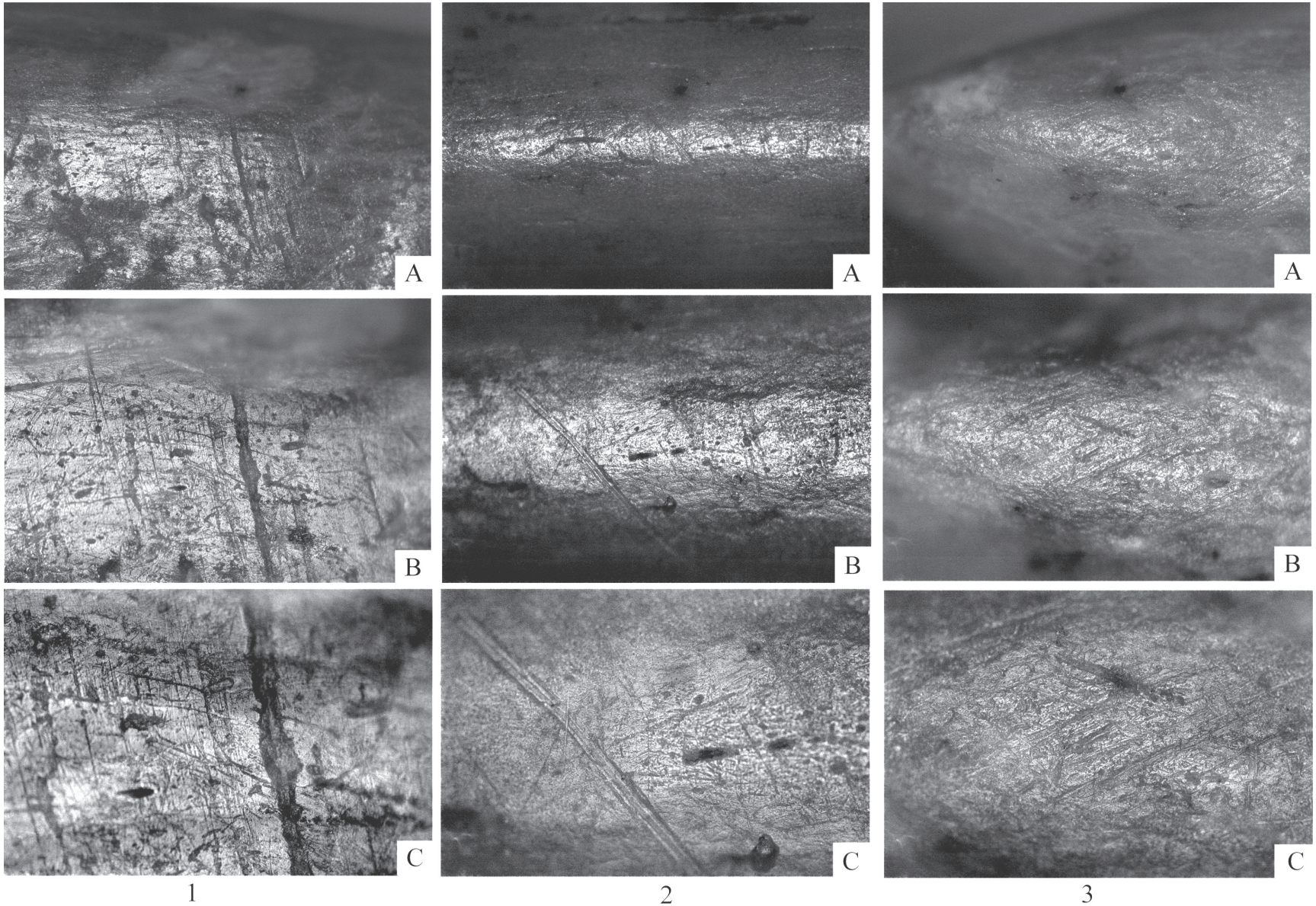

Табл. 1. Поселение Пхагугапе. Кость: 1 — лощило для керамики, яма 1; 2 — игла, П.М.; 3 — шпатель-лощило для керамики, Р 1 кв. В-3. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200

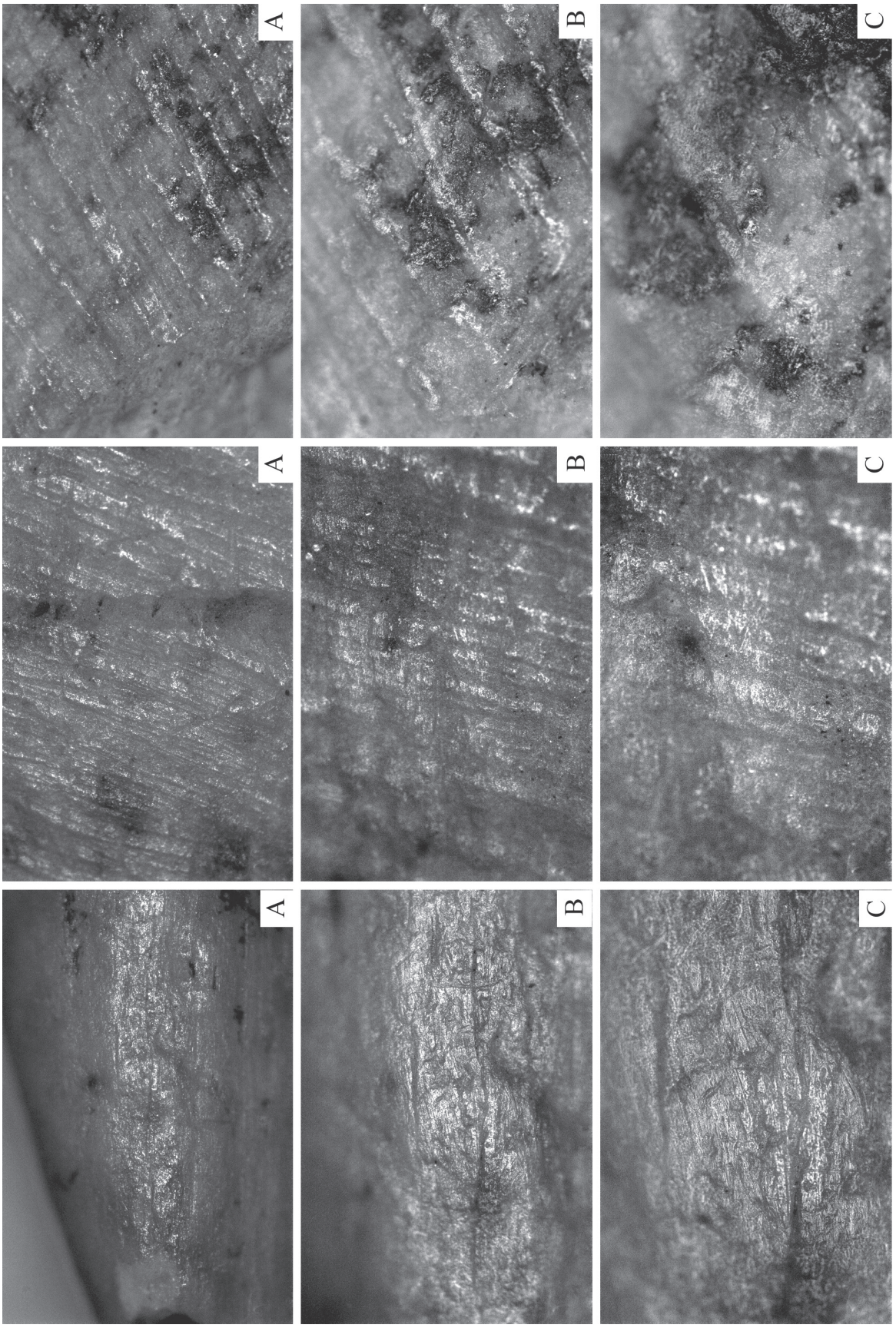

Табл. 2. Поселение Пхагугапе. Кость: 1 — шпатель-лощило Р 1 кв. В-2; 2–3 — шпатели для керамики, яма 1. Увеличение: А × 50; В × 100; С × 200

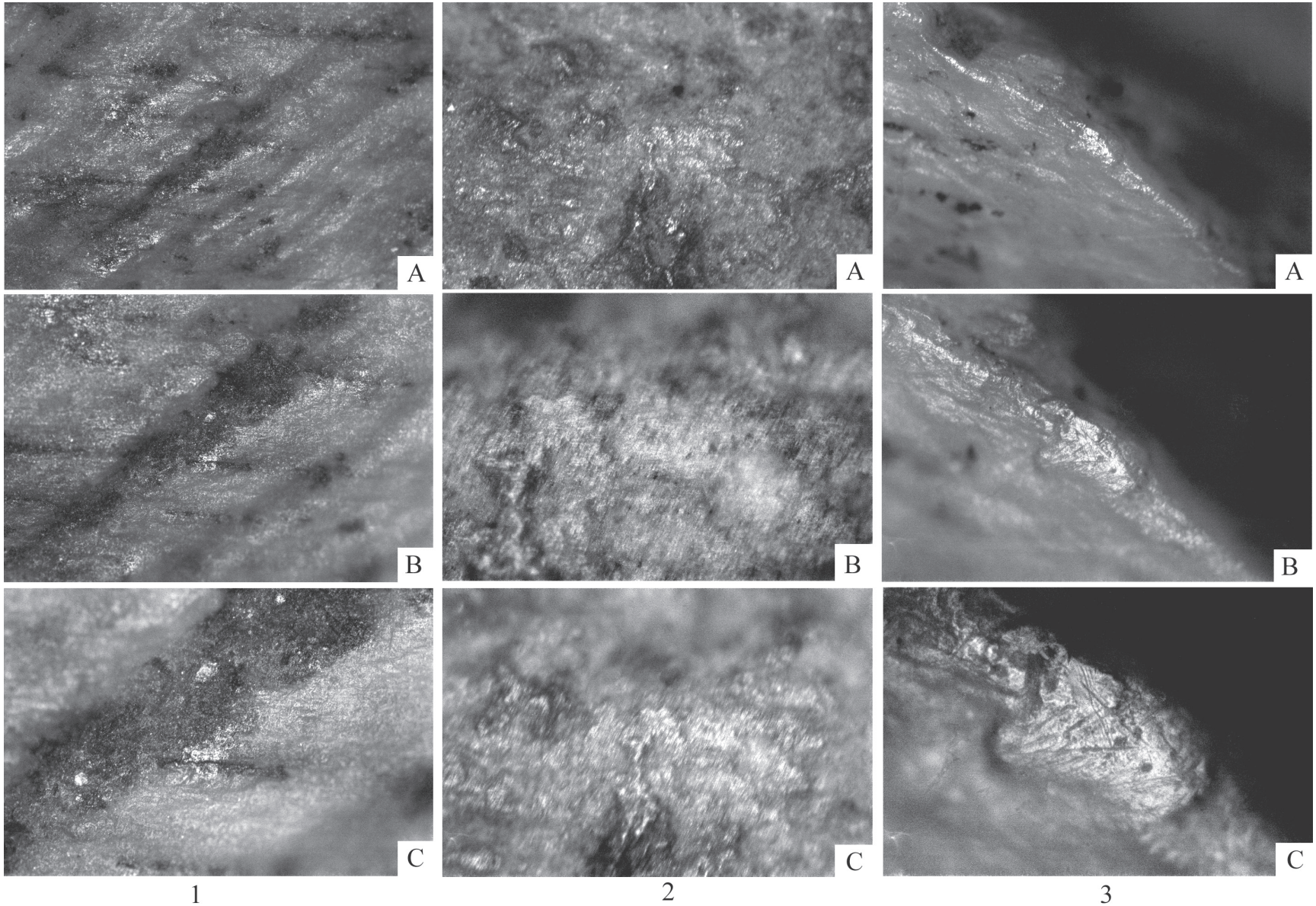

Табл. 3. Поселение Пхагугапе: 1 — шпатель-лощило, кость, П.М.; 2 — шпатель на фрагменте керамики; 3 — долото для дерева на фрагменте трубчатой кости, 2–3 Р 1 кв. В-3. Увеличение: А × 50; В × 100; С × 200

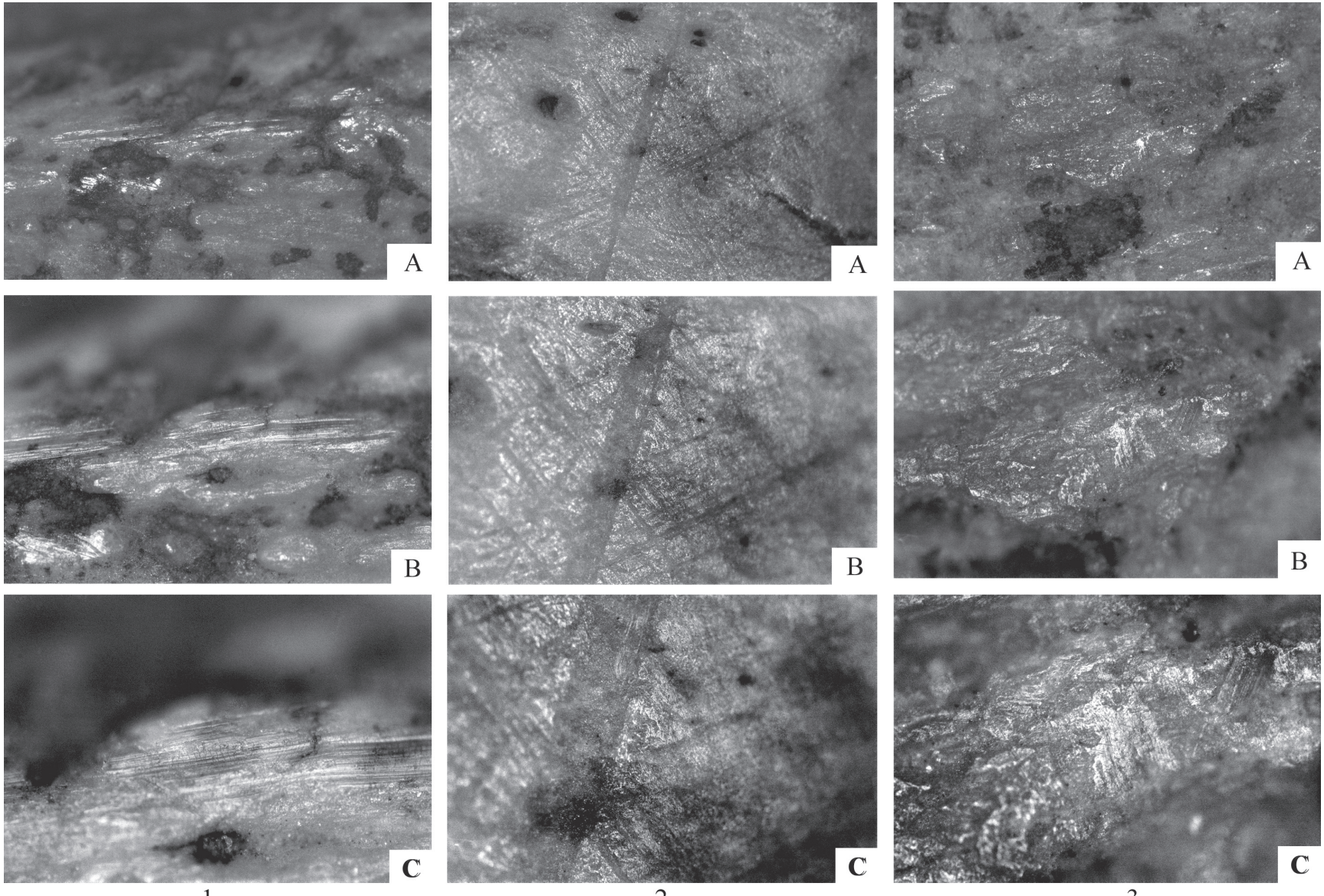

Табл. 4. Поселение Пхагугапе. Кость: 1 — шпатель для керамики, Р 1 кв. В-3; 2 — лощило для керамики, Р 1 кв. В-2; 3 — шпатель по сырой глине, Р 1 кв. В-3. Увеличение: А × 50; В × 100; С × 200

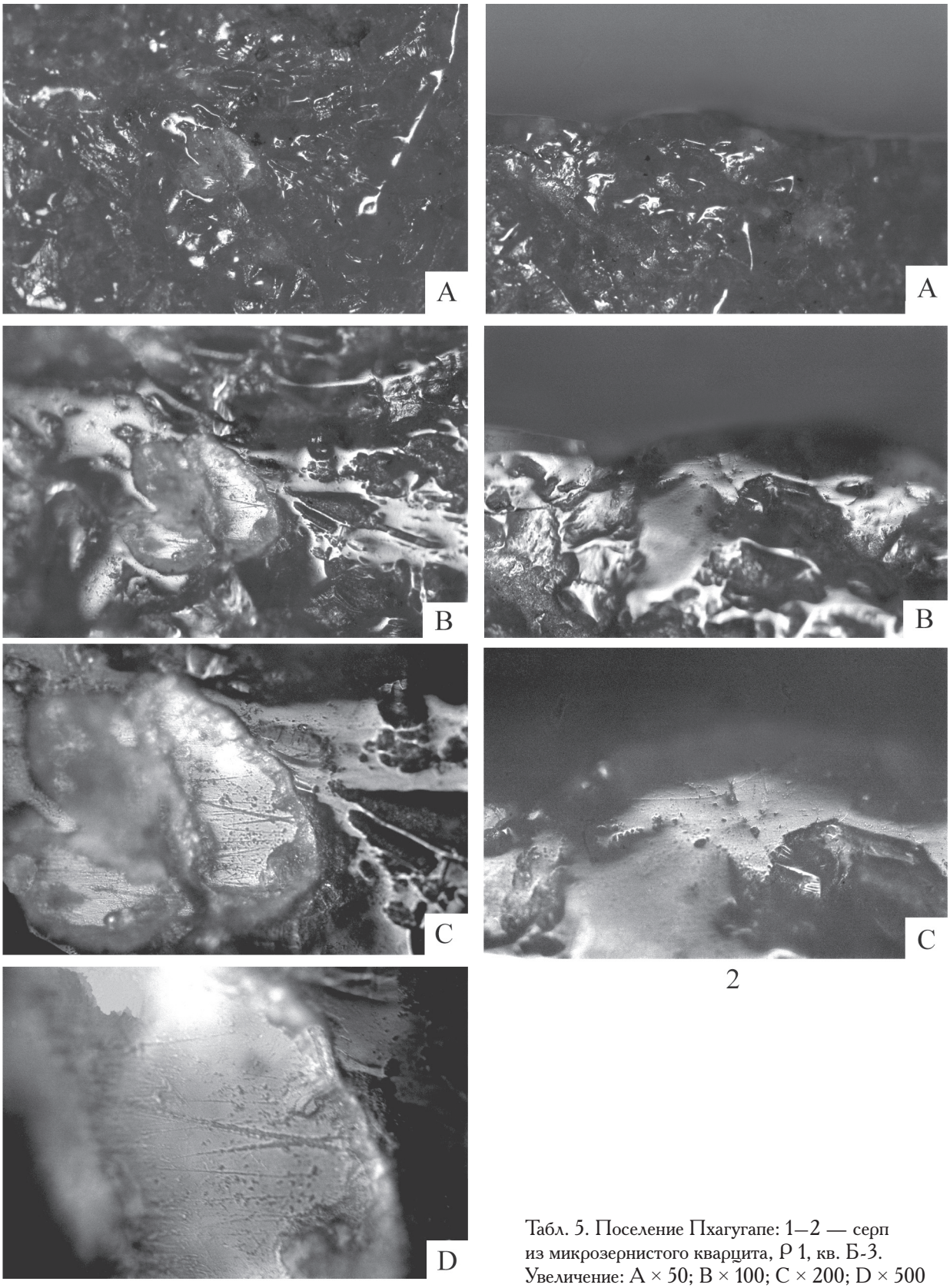
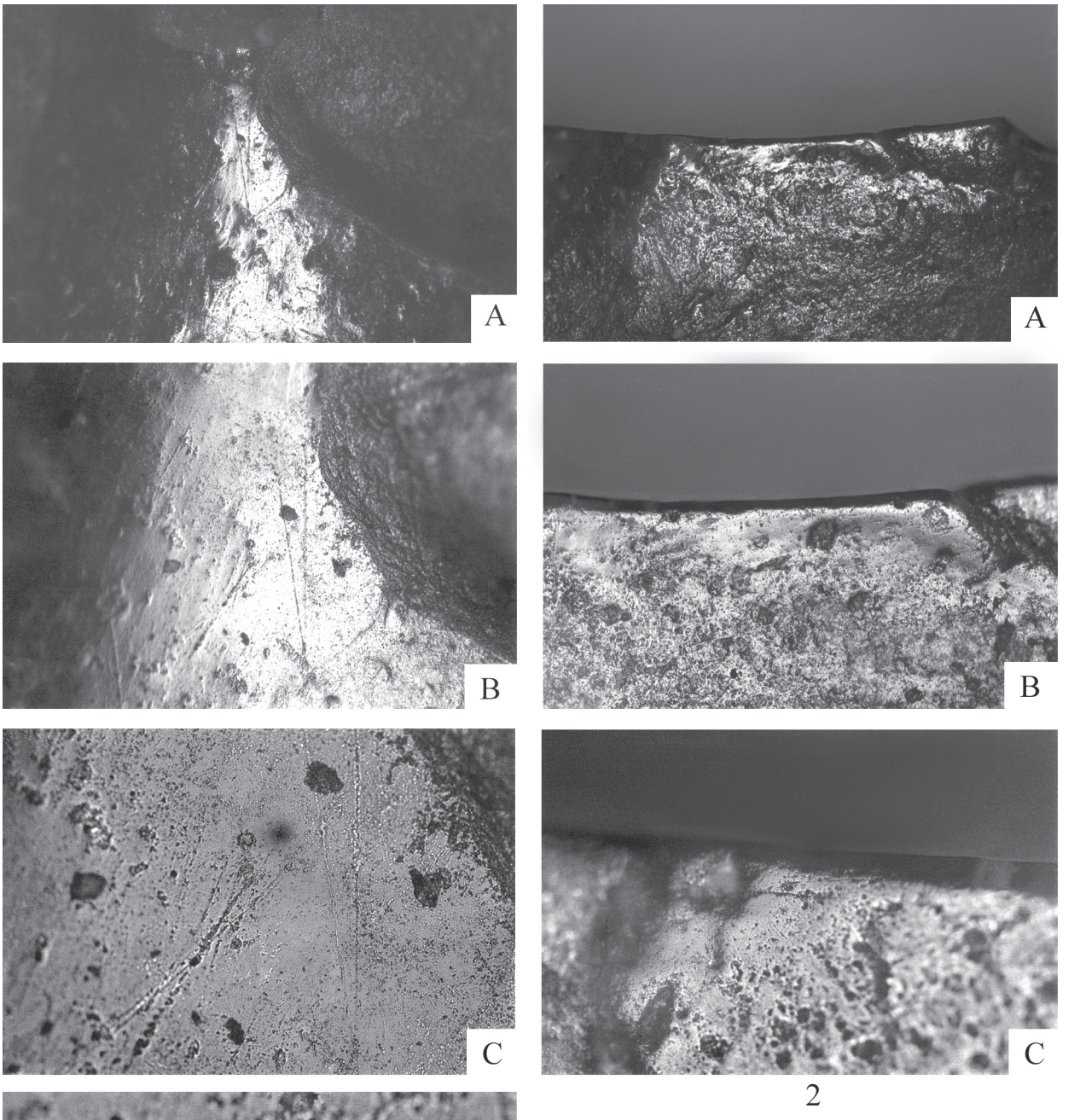

Табл. 5. Поселение Пхагугапе: 1–2 — серп из микрозернистого кварцита, Р 1, кв. Б-3. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

1 2

Табл. 6. Поселение Пхагугапе, яма 1, дно.
Кремень: 1–2 — серп с 2-мя рабочими лезвиями.
Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

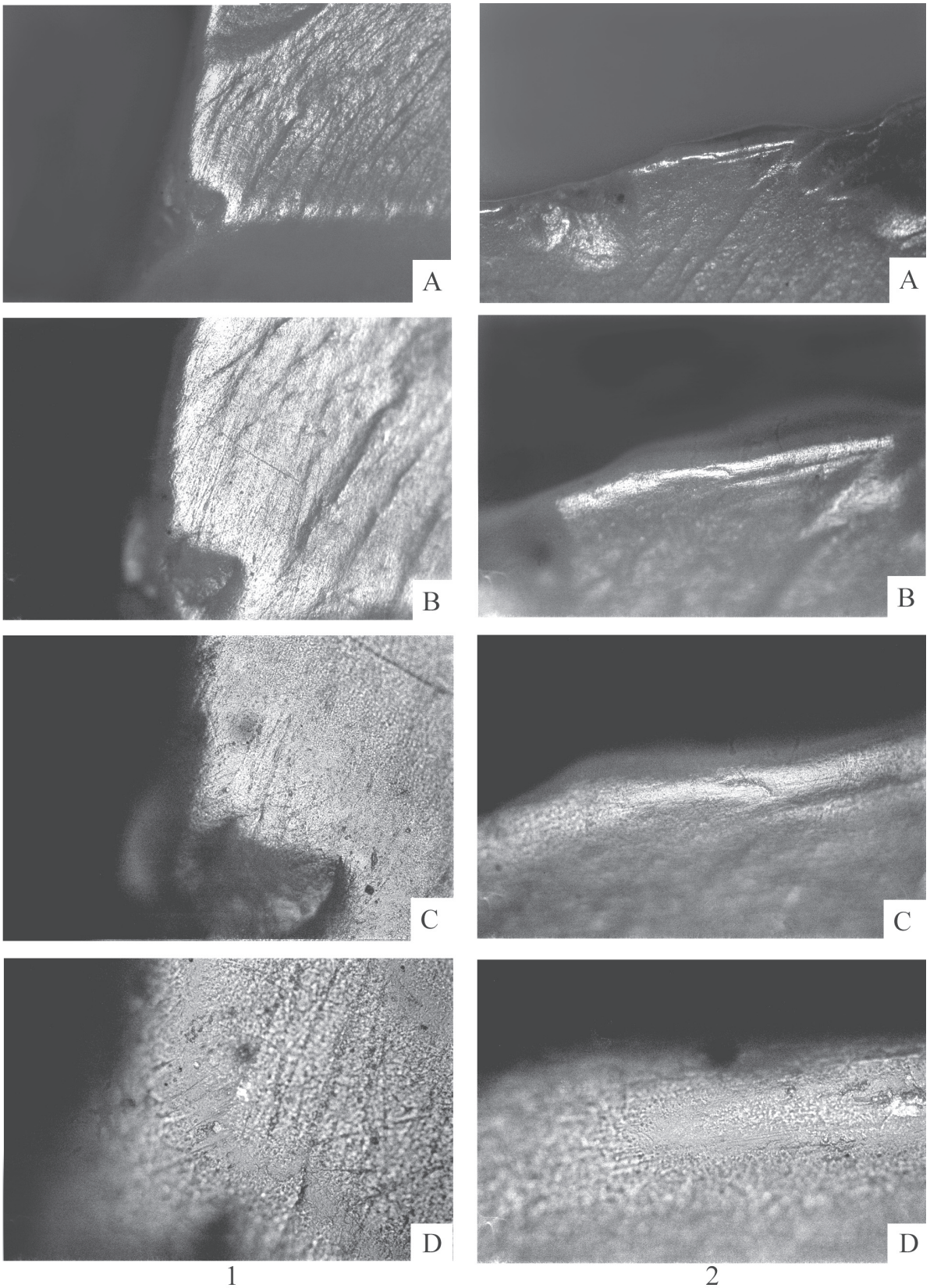

Табл. 7. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–2 — резчик для дерева. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

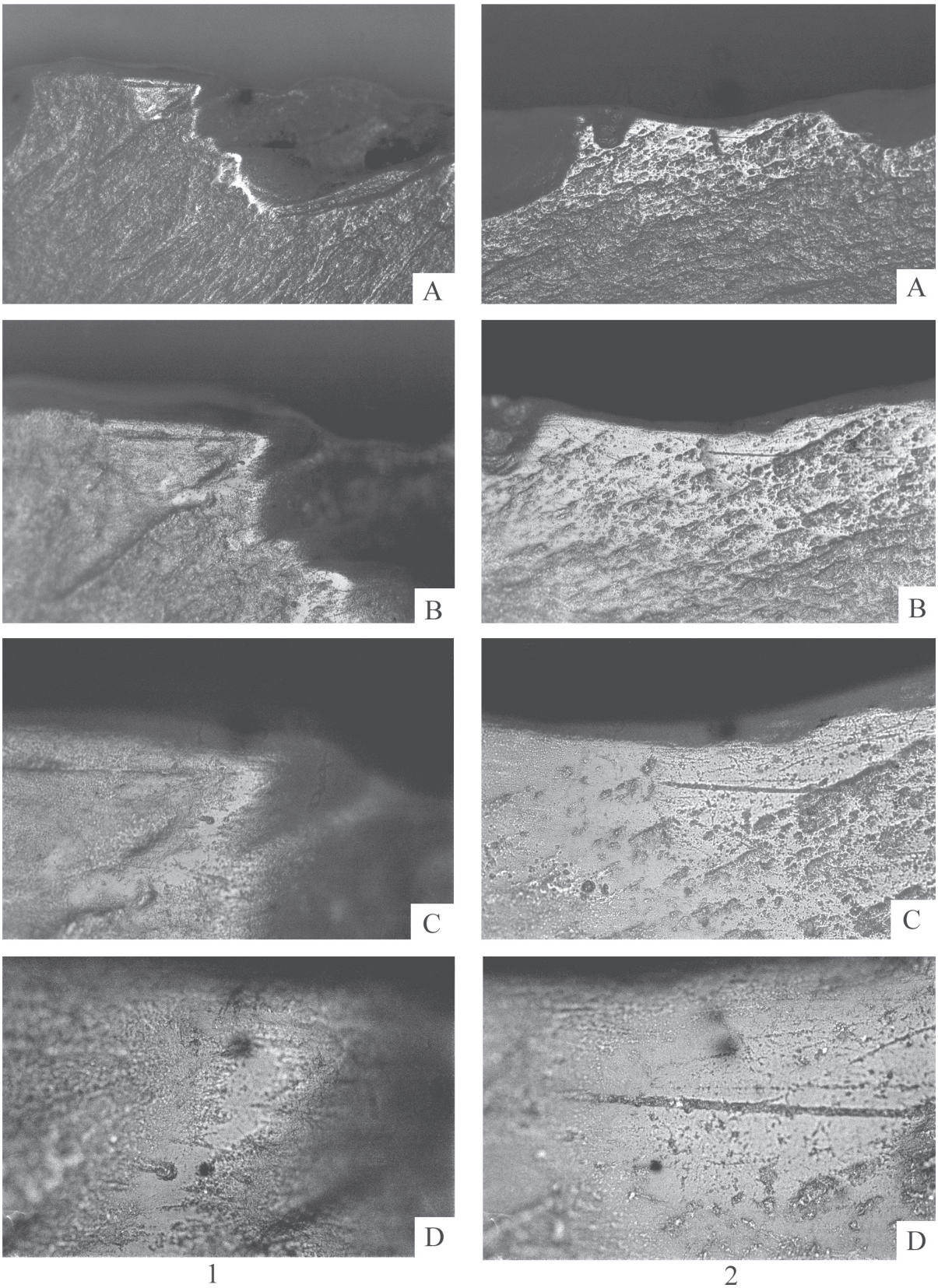

Табл. 8. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–2 — резчик для дерева. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

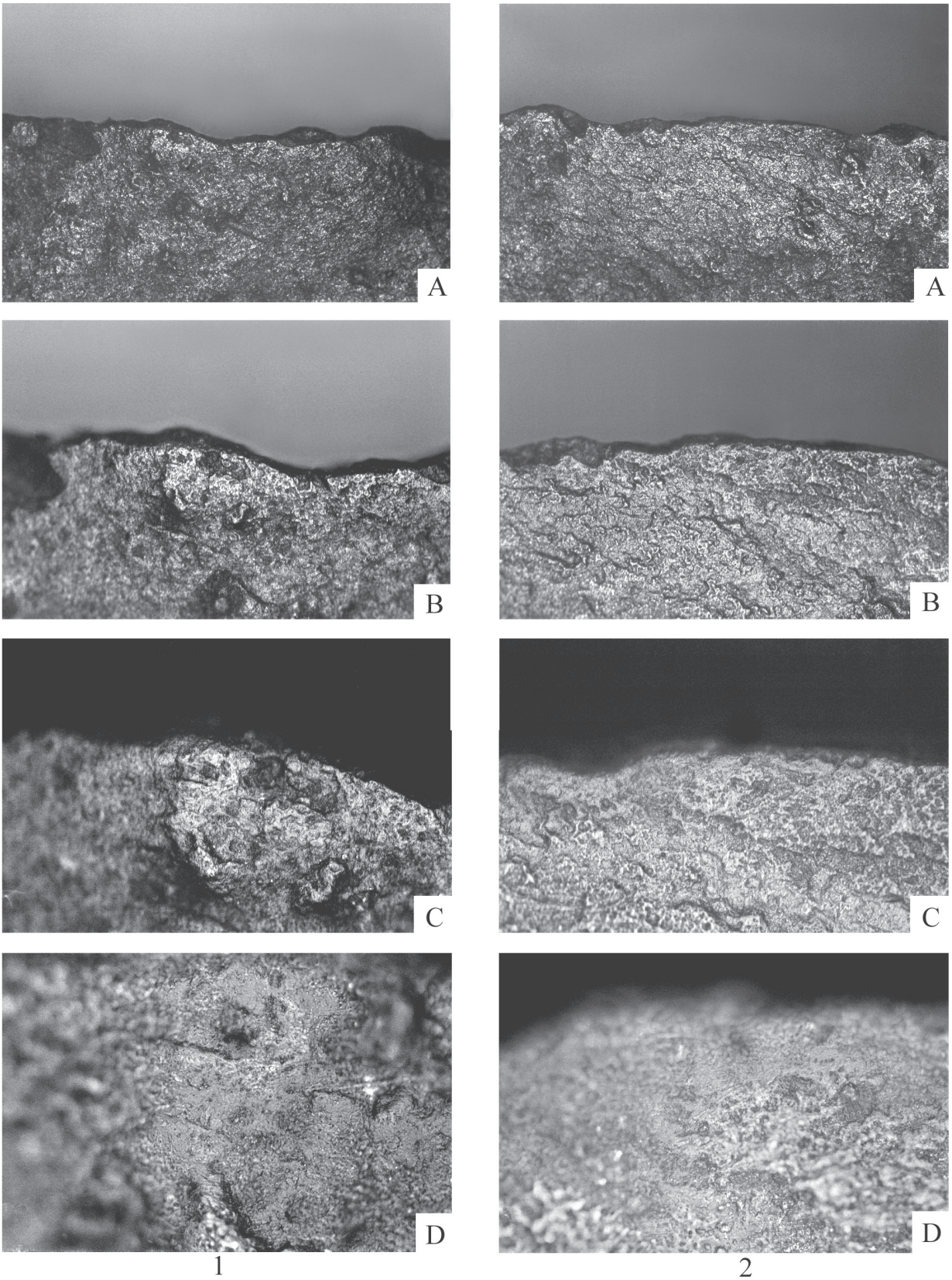

Табл. 9. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–2 — нож для мяса. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

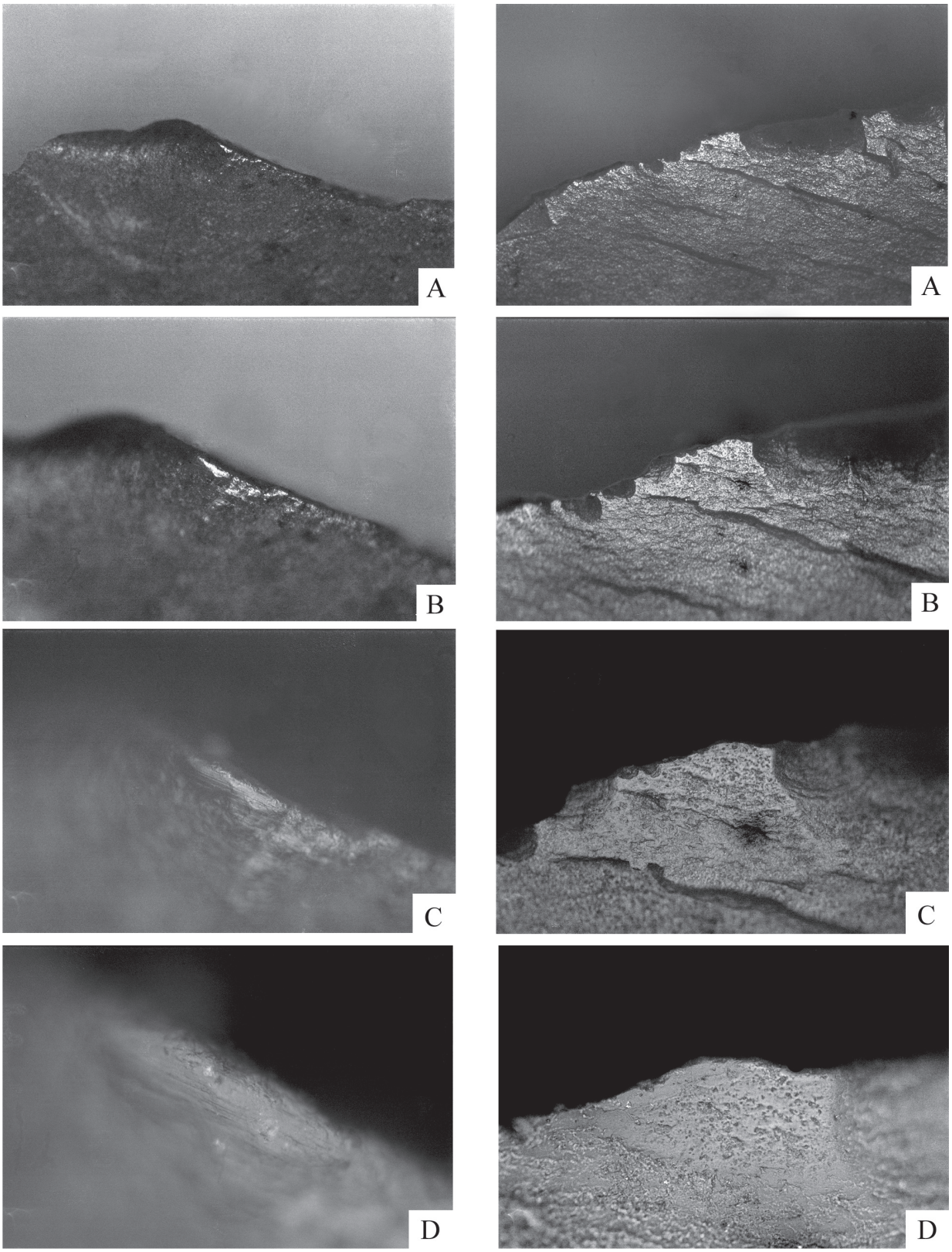

Табл. 10. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–2 — ножи для мяса. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

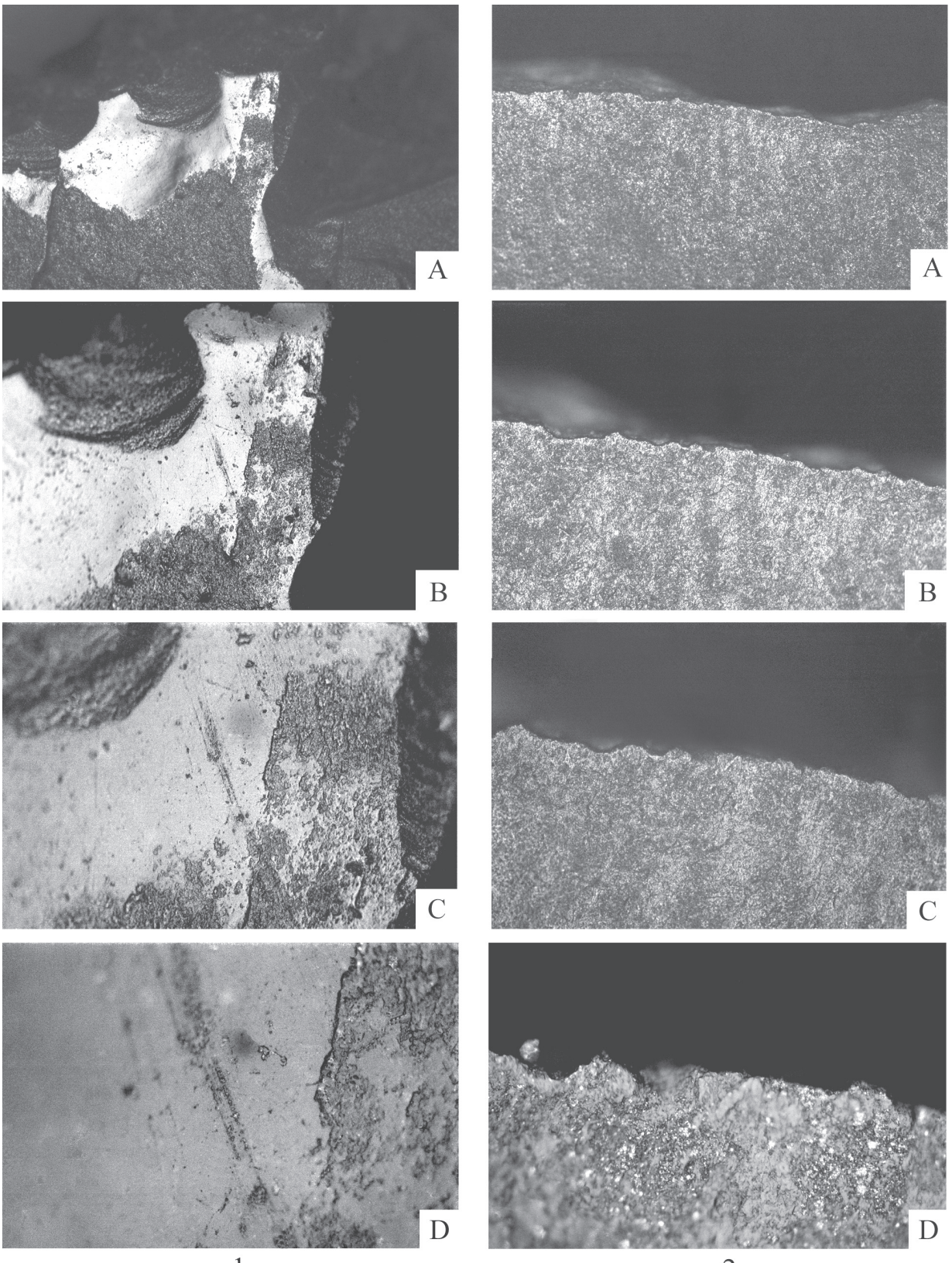

Табл. 11. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–2 — долота для дерева. 1 — яма 1, дно; 2 — Р 1 кв. В-3. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

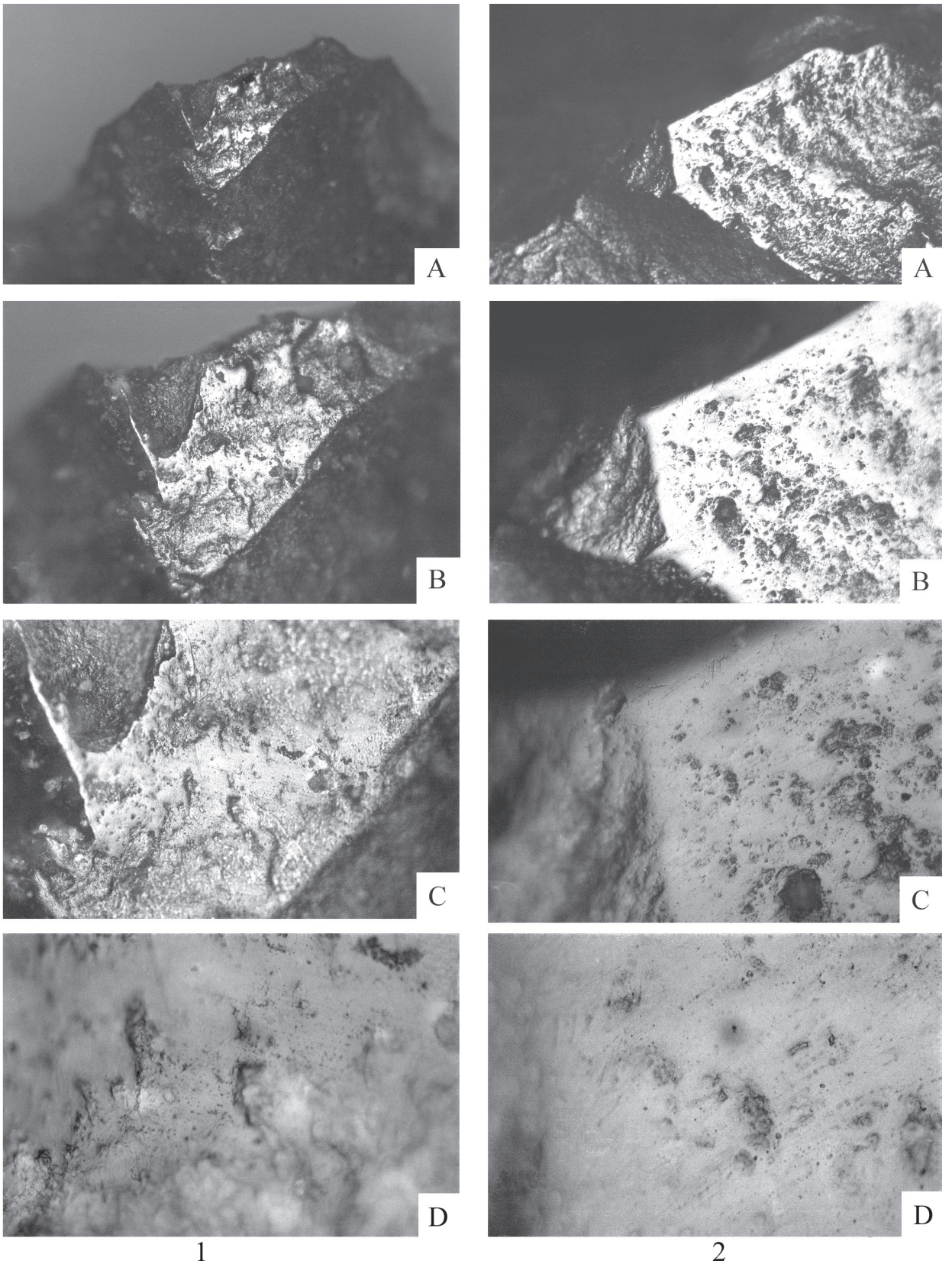
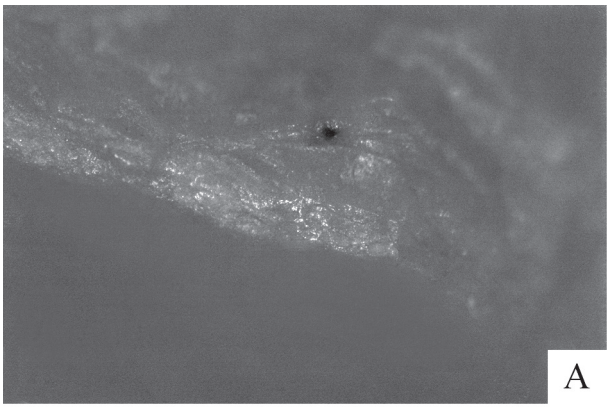
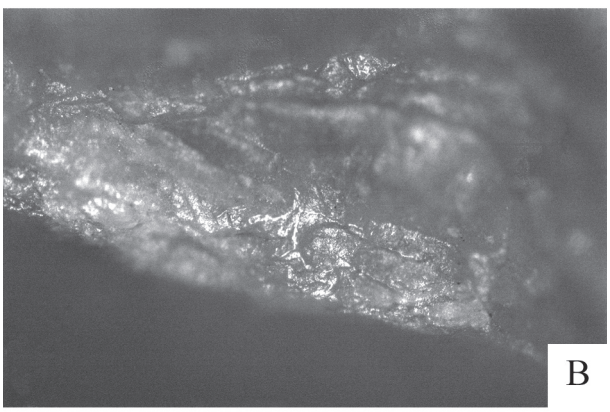
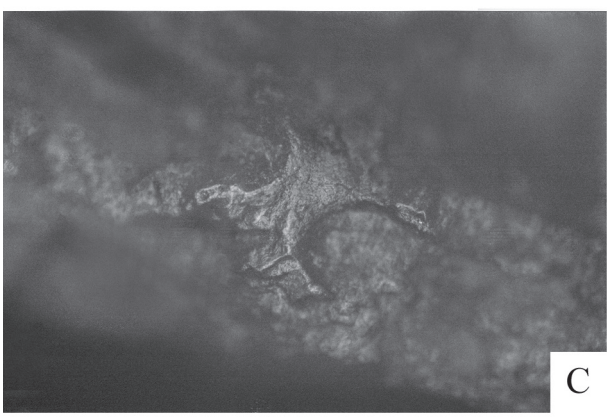
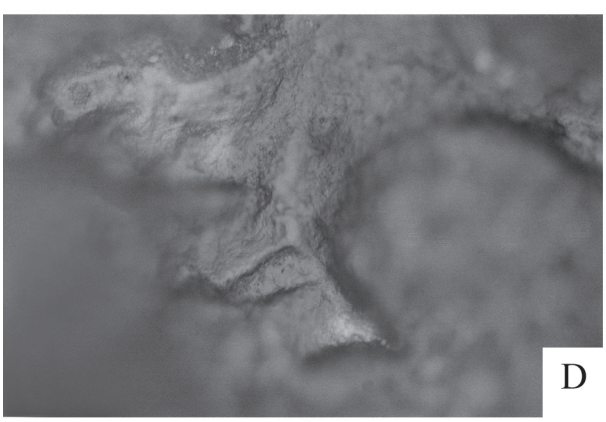

Табл. 12. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–2 — вкладыши серпов. 1 — кв. Б-2; 2 — яма 1.
Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

1

Табл. 13. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1 — скребок для дерева. Увеличение: A × 50; B × 100; C × 200; D × 500

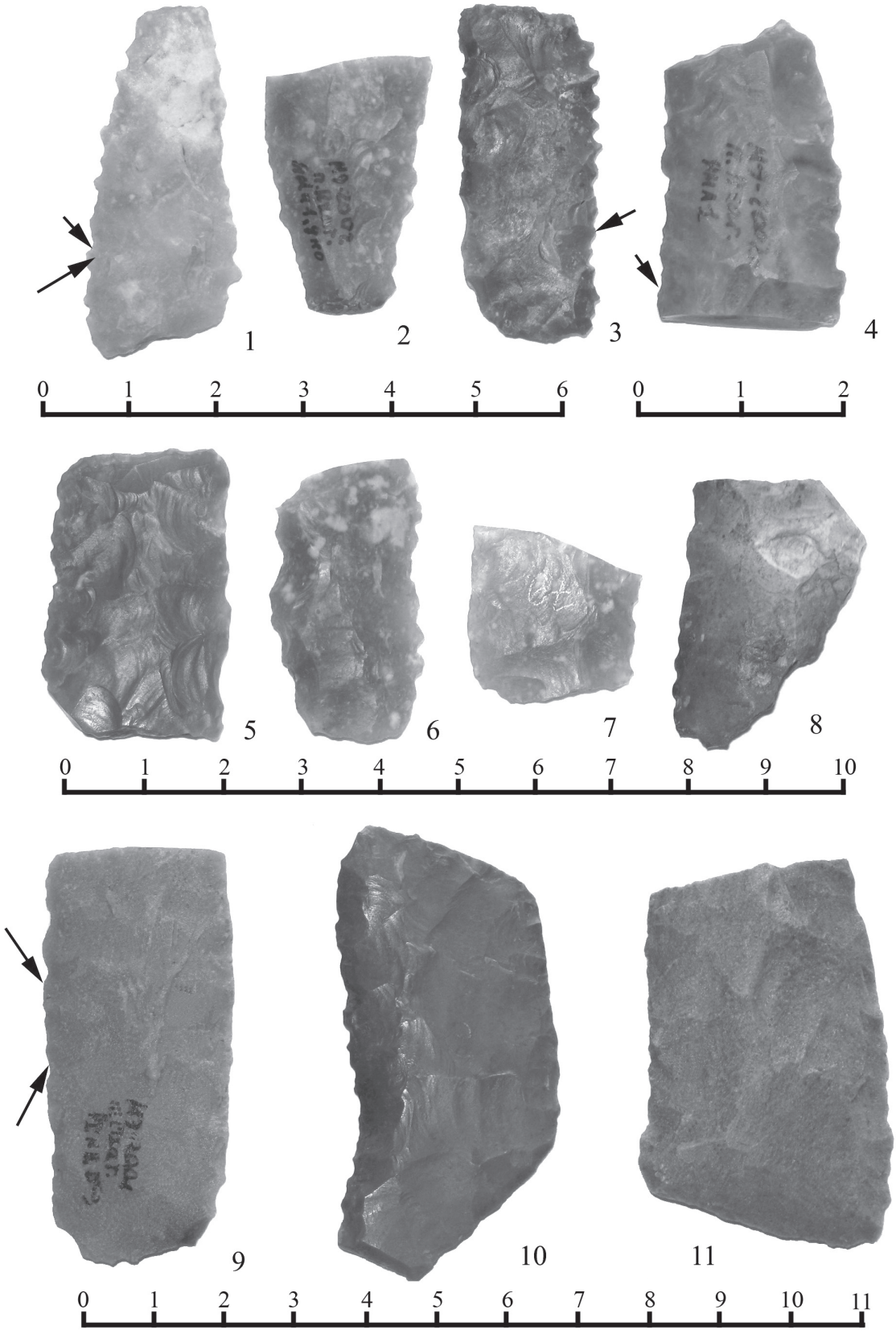

Табл. 14. Поселение Пхагугапе: 1–8 — вкладыши кремневых серпов; 9, 11 — вкладыши серпов из мелкозернистого кварцита; 10 — кремневый нож для срезания травы, использовался в деревянной рукояти

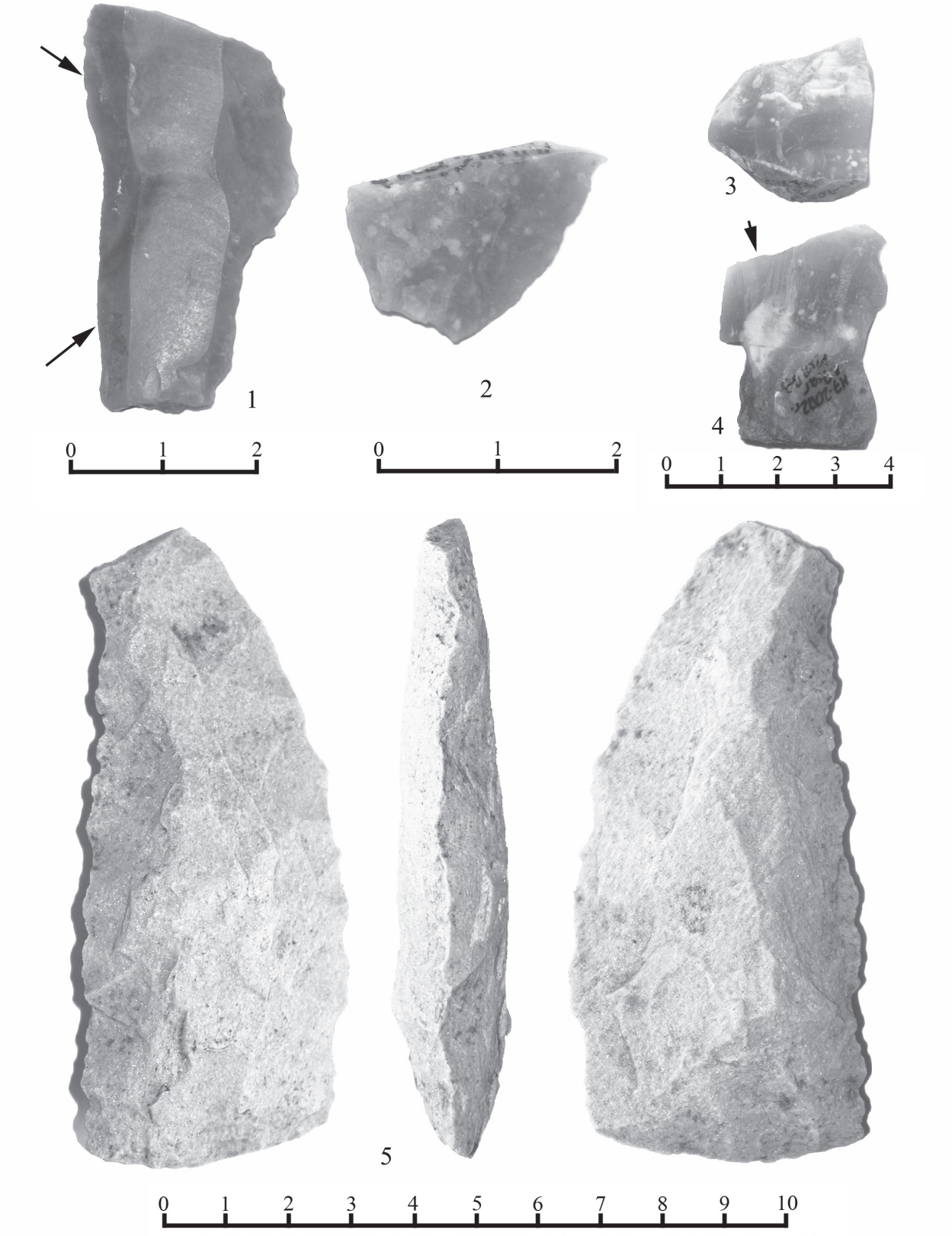

Табл. 15. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1–4. 1–2 — ножи для мяса; 3–4 — кремневые вкладыши долот для работы по дереву; 5 — вкладыш-наконечник на деревянное рало для обработки почвы, изготовлен из мекозернистого кварцита

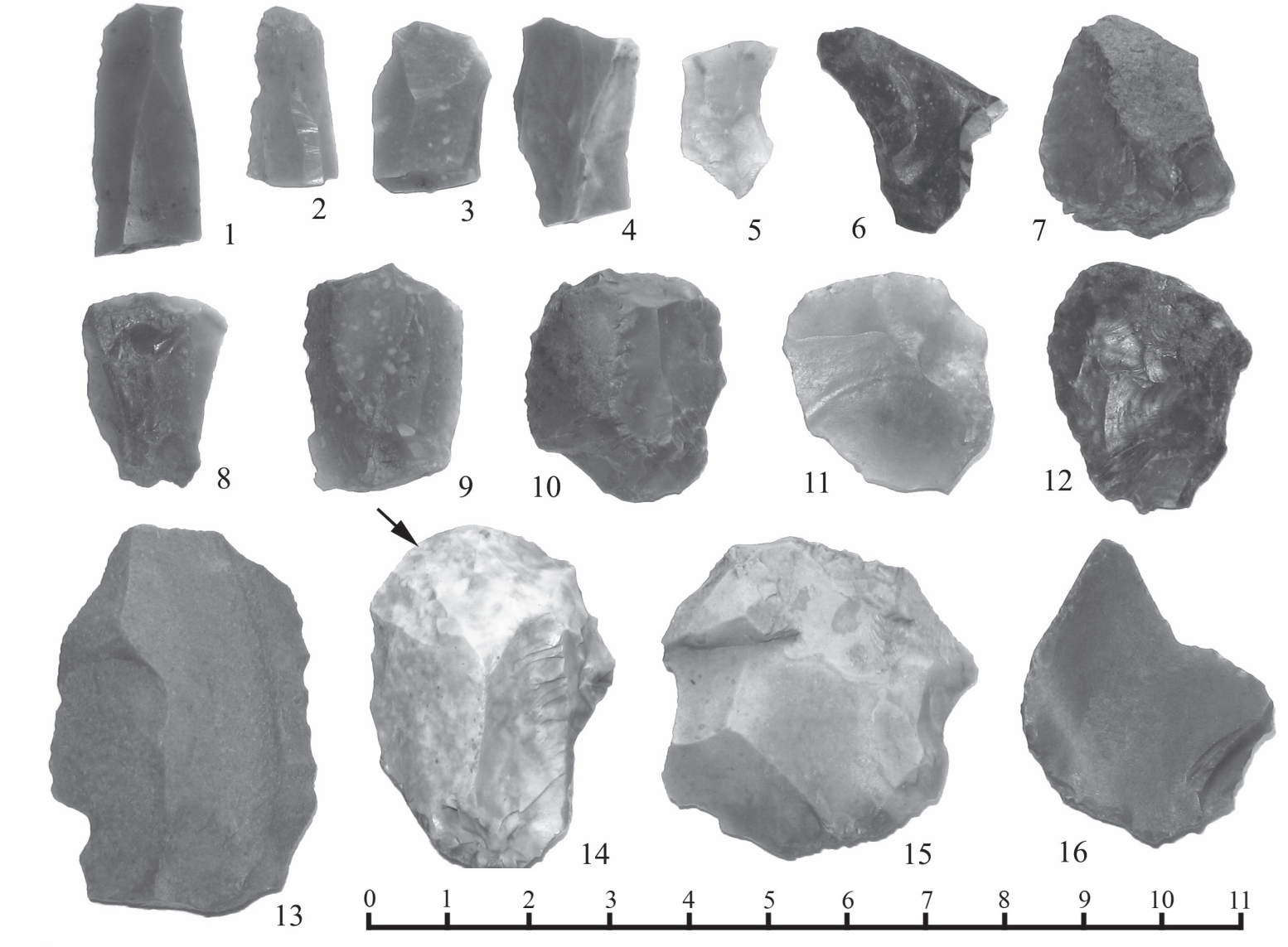

Табл. 16. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1, 4 — вкладыши для стругов для дерева; 2–3 — вкладыши серпов; 5, 16 — сверла для дерева; 6 — обломок основания черешкового наконечника дротика; 7, 12, 15 — скобели для дерева; 8–10, 14 — концевые скребки для дерева; 11 — боковой скребок для дерева; 13 — нож для мяса

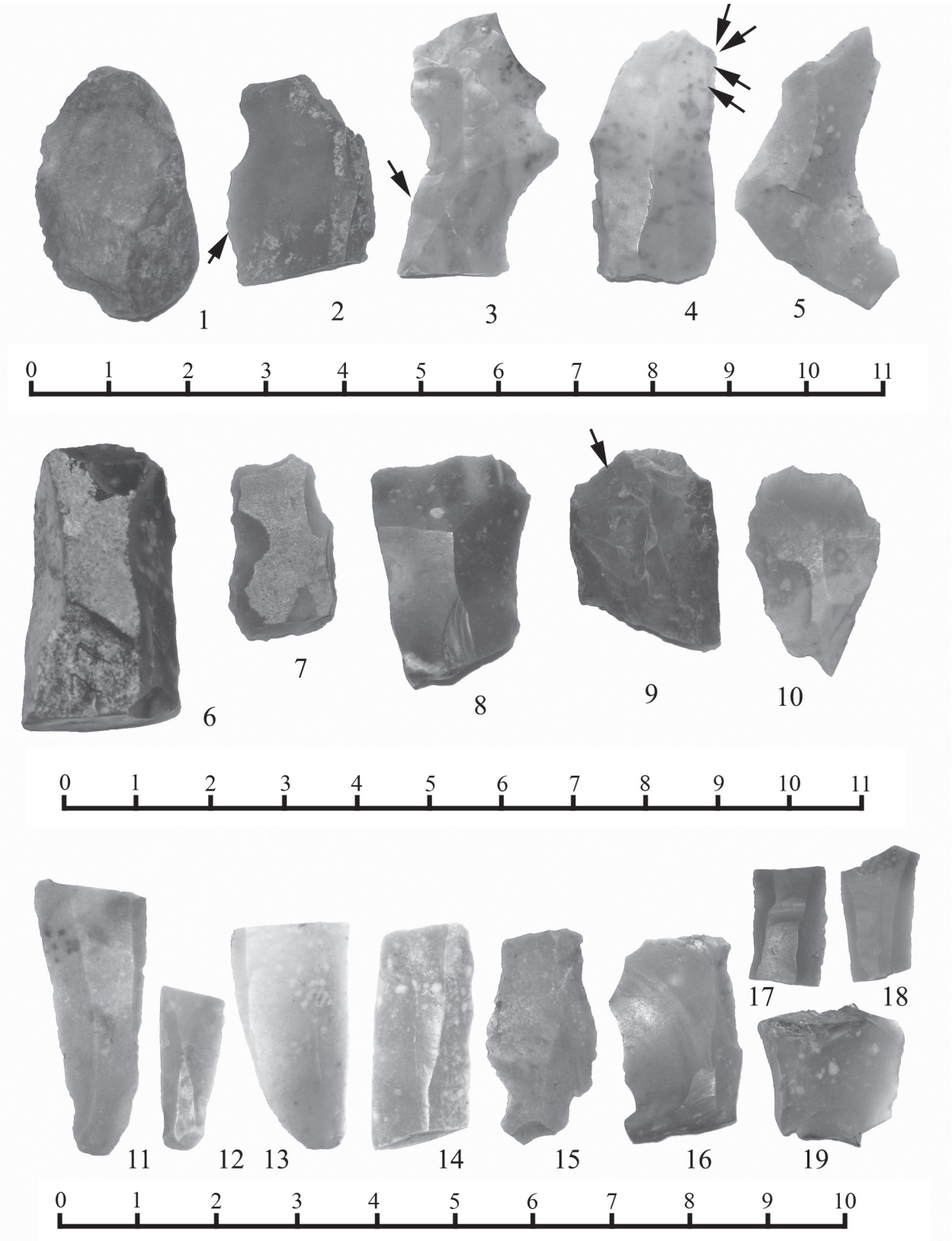

Табл. 17. Поселение Пхагугапе. Кремень: 1 — боковой скребок для кости, рога; 2–3, 5 — ножи для мяса (рыбы); 4 — резчик для дерева; 6–7 — ретушеры; 8–9 — вкладыши долот для дерева; 10 — вкладыш стамески для дерева; 11–19 — фрагменты пластинок без следов использования

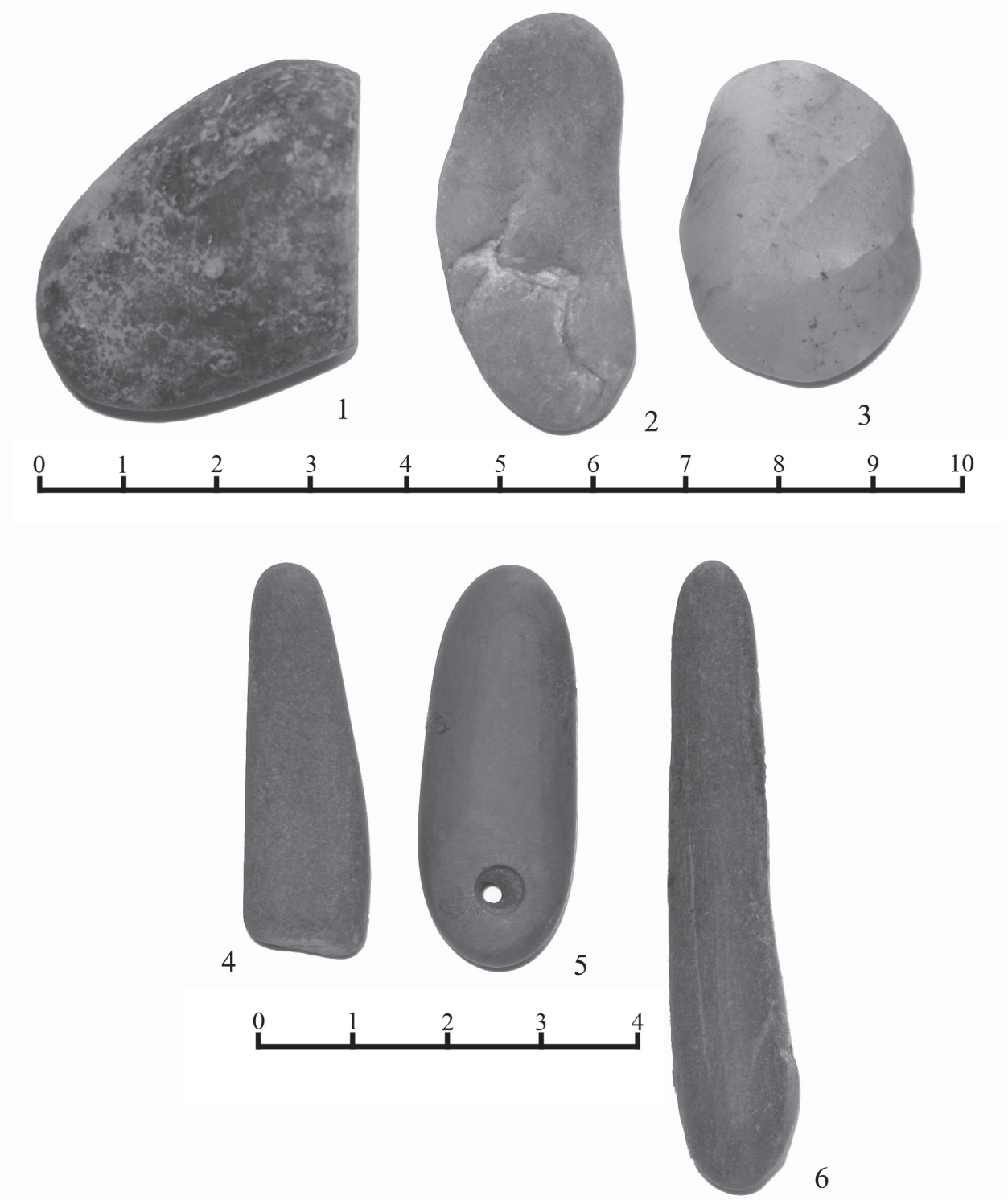

Табл. 18. Поселение Пхагугапе. Орудия для для лощения поверхности сосудов: 1 — известняковая галька; 2–3 — кварцитовые гальки; 4 — мелкозернистый песчаник; 5 — сланцевая галька с просверленным отверстием; 6 — мелкозернистый сланцевый песчаник

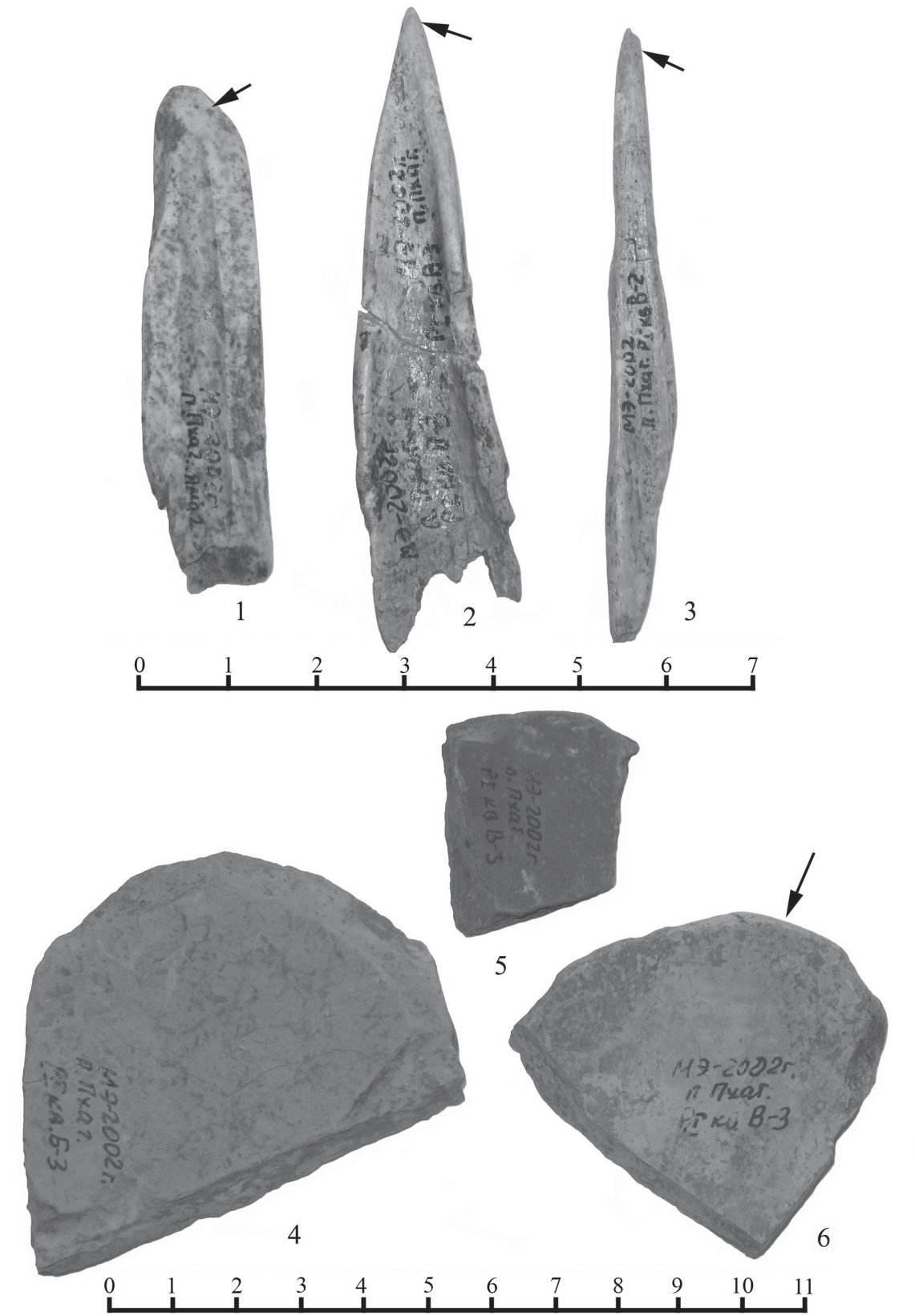

Табл. 19. Поселение Пхагугапе. Орудия для обработки поверхности сосудов: 1–3 — изделия из кости. 1 — шпатель; 2 — шпатель-лощило; 3 — лощило; 4–6 — шпатели на фрагментах керамики

Табл. 20. Поселение Пхагугапе. Кость: 1 — фрагмент иглы; 2 — лощило для керамики (8 — макрофото рабочего лезвия орудия № 2); 3–4 — шпатели лощила для керамики (7 — макрофото рабочего лезвия орудия № 4); 5 — шпатель для керамики (6 — макрофото рабочего лезвия орудия № 5)

Ю.Н. Спасовский

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКИХ СБОРОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ «НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ» И «ПХАГУАПЕ»*

(Сезон 2006 года)

В данной статье представлены результаты инвентаризации, определения и сравнительного анализа остеологического материала, который был собран археологической экспедицией А.Д. Резепкина (МАЭ-2006, Санкт-Петербург) в течение полевого сезона 2006 года при раскопках двух поселений майкопской культуры – «Новосвободненское» и «Пхагуапе».

Исследованием поселения «Новосвободненское» экспедиция А.Д. Резепкина занимается уже более 10 лет. В этом плане нами уже ранее публиковались некоторые результаты изучения остеологических сборов из этого поселения (Спасовский, 1996). Поселение располагается на территории Республики Адыгея, в окрестностях станицы Новосвободная, в долине реки Фарс, в зоне предгорных широколиственных лесов.

Поселение «Пхагуапе» было впервые обследовано экспедицией А.Д. Резепкина в сезоне 2002 года. Поселение находится на территории Адыгеи, на южном берегу Краснодарского водохранилища, в зоне подтопления, в окрестностях аула Тауйхабль.

Исходя из того, что поселения принадлежат к одной эпохе, но располагаются в относительной удаленности друг от друга, было предложено сравнить и попытаться проанализировать остеологические сборы из этих поселений. Результаты сравнения представлены в табл. 1.

Материал из Новосвободненского поселения достаточно многочисленный. Всего просмотрен 2351 костный фрагмент, из которых удалось определить 575, остальная часть, к сожалению, представляет собой мелкие, сильно раздробленные костные фрагменты, что явно указывает на «кухонный» характер этих останков. Определимая часть материала представлена фрагментами костей осевого скелета (позвонков, ребер, костей плечевого и тазового поясов) и трубчатых костей конечностей. Целыми в основном сохранились лишь некоторые метаподии, фаланги пальцев и разрозненные зубы.

В качественном и количественном отношении большая часть определимого остеологического материала представлена останками домашних животных. Наибольшее количество в нем занимают кости (их фрагменты) крупного рогатого скота (*Bos taurus domesticus*), доля которого в материале составила 40% от общего количества определимых костей (табл. 1). Всего определено более 230 костей и их фрагментов крупного рогатого скота, минимум от 36 особей.

Кости мелкого рогатого скота (*Capra hircus et Ovis aries*) составили почти 33% – 189 фрагментов от 27 особей, далее по количеству фрагментов идет свинья (*Sus scrofa domestica*) – 22% (129 фрагментов от 22 особей). Интересна единичная находка фрагмента нижней челюсти собаки (*Canis sp.*), к сожалению, в челюсти не сохранились зубы, поэтому можно только констатировать, что челюсть принадлежала собаке средних размеров.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 06-06-80168а.

В подготовке работы принимали активное участие члены археологической экспедиции МАЭ-2006, за что им всем автор приносит свою сердечную благодарность. Особенно хотелось бы выделить роль руководителя экспедиции А.Д. Резепкина, который любезно предоставил собранный остеологический материал и существенно помог на разных этапах оформления рукописи и подготовки ее к публикации.

Таблица 1

Сравнительная характеристика остеологического материала из поселений «Новосвободненское» и «Пхагуапе» (сезон 2006 г.)

Таксономическая принадлежность	*«Новосвободненское»*			*«Пхагуапе»*		
	Количество костей		*Мин. число особей*	*Количество костей*		*Мин. число особей*
	штук	*%*		*штук*	*%*	
Всего костей	2351			108		
Из них определенных:	575			31		
Домашние животные:						
Крупный рогатый скот	231	40,2	36	26	83,8	5
Мелкий рогатый скот	189	32,9	27	—	—	—
Свинья	129	22,4	22	—	—	—
Собака	1	0,2	1	—	—	—
Дикие животные:						
Лошадь	15	2,6	5	5	16,1	1
Олень	2	0,3	2	—	—	—
Зубр	1	0,2	1	—	—	—
Bison sp.	1	0,2	1	—	—	—

Несомненный интерес в материале представляют собой идентифицированные фрагменты костей диких животных, что говорит о занятии поселенцев охотой, поскольку фрагменты костей принадлежали к представителям местной фауны. Наибольший процент здесь составили костные фрагменты лошади (*Equus caballus*) – 2,6% (15 фрагментов от 5 особей), далее были определены фрагменты рогового ствола, дистальный конец плюсневой кости благородного оленя (*Cervus elaphus sp.*) и фрагмент проксимального конца плюсневой кости зубра (*Bison bonasus sp.*).

Несколько необычна находка в материале окаменелого фрагмента правой таранной кости (*os astragalus*) древнего бизона – *Bison sp.* (рис. 1, 2). Костный фрагмент практически полностью минерализирован (органика замещена кристаллической породой), что позволяет отнести его к эпохе палеолита.

К сожалению, фрагментированный характер сохранности кости (сохранилась лишь медиальная половина дистального суставного блока) не позволяет сопоставить необходимые пропорции ее размеров для видовой идентификации. Использовалась ли эта кость в хозяйстве поселенцев или она попала в материал случайно – ответить на этот вопрос сложно.

Материал из поселения «Пхагуапе» сезона 2006 года, к сожалению, не столь многочисленный, как из «Новосвободненского». Всего просмотрено 108 костей (фрагментов), из которых удалось идентифицировать 31 костный фрагмент (табл. 1), остальная часть представляла собой мелкие, расколотые фрагменты трубчатых костей конечностей, осевого скелета и черепов домашних животных, скорее всего, крупного рогатого скота.

Большая часть из определимых костей (фрагментов) – 83% – принадлежала крупному рогатому скоту – определено 26 костей (фрагментов) от 5 особей. Материал в основном представлен фрагментами дистальных

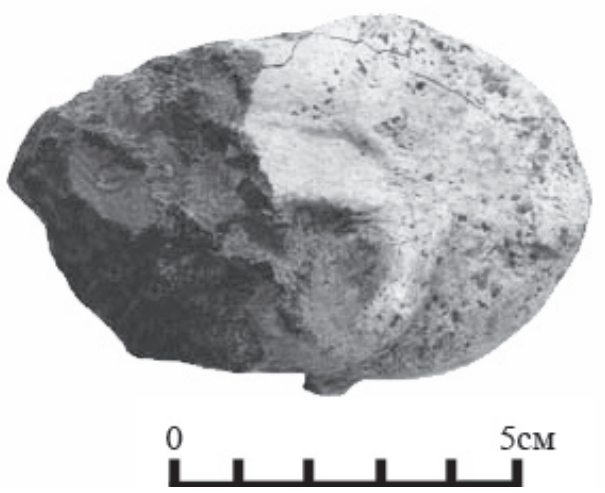

Рис. 1. Фрагмент правого астрагала древнего бизона, вид с медиальной стороны

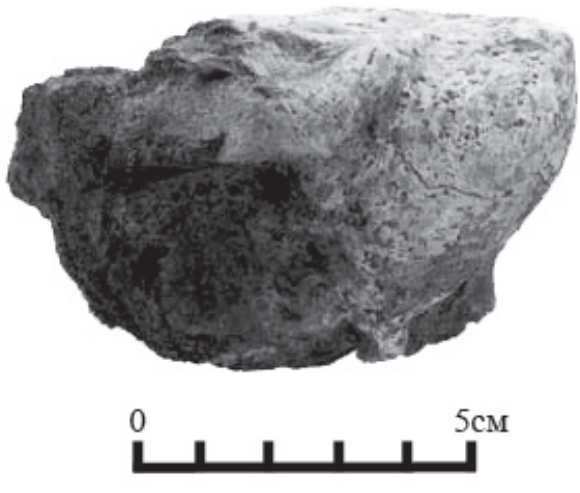

Рис. 2. Фрагмент правого астрагала древнего бизона, вид с передней стороны

и проксимальных концов трубчатых костей конечностей, метаподий и разрозненными зубами, что вполне указывает на «кухонный» характер этих костных останков. Остальная часть определимого материала – 5 костей (фрагментов) – принадлежала одной особи лошади. К сожалению, других домашних или диких животных в материале определить не удалось, возможно, из-за относительной малочисленности выборки.

Таким образом, сравнение качественного состава остеологического материала из поселений «Новосвободненское» и «Пхагуапе» по итогам сезона 2006 года позволяет сделать некоторые выводы. Разведение крупного рогатого скота в жизни обоих поселений имело приоритетное значение. Далее у жителей Новосвободненского поселения, соответственно, шло разведение коз, овец и свиней, что нами подтверждалось и ранее (Спасовский, 1996). В материале охотничьих трофеев, к которому принадлежат фрагменты диких животных, наиболее значительная доля принадлежит останкам лошадей, что, возможно, говорит об относительной многочисленности этих животных и доступности в качестве охотничьих объектов, остальные представители «охотничьей фауны», присутствующие в материале, имели более случайный характер.

Аналогичное сравнение остальных отраслей животноводства и роли охоты в жизни поселения Пхагуапе на данном этапе весьма затруднительно, ввиду незначительности выборки материала. Возможно, что дальнейшее исследование этого поселения позволит ответить на эти вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

Спасовский Ю.Н., 1996. Предварительный анализ фаунистических остатков из энеолитического поселения «Новосвободное» // XIX «Крупновские чтения»: Сб. тезисов. М. С. 141–142.

Е.Н. Черных, Л.Б. Орловская

ФЕНОМЕН МАЙКОПСКОЙ ОБЩНОСТИ И ЕЕ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ*

Феноменальные, а кое в чем и парадоксальные черты майкопской культуры ярко проявляются по ряду аспектов. Их первым и важнейшим признаком является, безусловно, металл из ее уже почти столетие хрестоматийно известных подкурганных погребений. По качественному и количественному набору бронзовых, золотых и серебряных изделий майкопским «царским» комплексам, как представляется, мы не найдем равных во всем весьма протяженном ряду относительно синхронных раннебронзовых (РБВ) культур и отдельных памятников Переднего Востока в рамках Циркумпонтийской металлургической провинции (Черных и др., 2002. С. 5–15, рис. 3). Все попытки увидеть в великолепии майкопских металлических комплексов своеобразный местный отклик на решающий ближневосточный импульс упираются во внушительный барьер отсутствия в южной зоне провинции не только превосходящего, но даже, пожалуй, равноценного майкопскому металла. Поэтому неудивительно, что вслед за А.А. Иессеном (1950) и другими исследователями майкопской культуре посвятил свои, может быть, наиболее значительные и важные изыскания Р.М. Мунчаев (1975. С. 197–335; Марковин, Мунчаев, 2003. С. 41–81).

Относясь к кругу скотоводческих курганных культур северной зоны Циркумпонтийской провинции (ЦМП), майкопские надмогильные сооружения по своей сложности и масштабам выглядят, без сомнения, наиболее впечатляющими на фоне всех иных степных курганных общностей Восточной Европы. Их, несомненно, следует считать также одной из самых ярких и примечательных сторон при оценке майкопского феномена. Ведь в обширной череде курганных культур майкопская общность занимала весьма своеобразный, как бы «упиравшийся» в Большой Кавказ пограничный подгорный ареал. За южным склоном Кавказа в период РБВ располагались сообщества иной зоны ЦМП, столь несходные с курганными культурами.

Однако при дальнейшем анализе данной общности мы начинаем погружаться уже в сферу парадоксальных аспектов майкопского феномена. Так, совершенно невозможно пройти, к примеру, мимо резкого контраста между великолепием курганных захоронений и весьма скромным (если не сказать — порой убогим) характером поселений, связываемых с этой общностью. Даже самый примечательный из серии известных нам памятников этой категории — поселок Мешоко[1] в Закубанье с его каменной оборонительной стеной — вряд ли может быть поставлен в один знаковый ряд со знаменитыми курганами. Другие селища гораздо менее выразительны[2].

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 08-06-00075а.

[1] К глубокому сожалению, столь необходимые для правильного понимания майкопской общности материалы восьмилетних раскопок этого поселения (1958–1965 гг.), которыми по преимуществу руководил А.Д. Столяр (1961), остаются и поныне фактически неопубликованными. Несистематизированные данные о раскопках в Мешоко можно найти в общей работе А.А. Формозова (1965. С. 70–105) или в своеобразной и специфичной статье-воспоминании самого автора раскопок (Столяр, 2004). Весьма краткая и обрывочная информация последних лет о некоторых материалах из Мешоко (Осташинский, 2001, 2006) нас, естественно, удовлетворить пока что не в состоянии.

[2] В целом следует сказать, что майкопским поселениям, равно как и публикации их материалов, определенно «не везет». Информация о них в печати, как правило, весьма скупа; см., например: Формозов, Черных,

Обратимся еще к одному достойному особого внимания сюжету подобного рода. Нигде и никогда, ни в погребальных, ни в бытовых комплексах майкопской общности исследователи не обнаружили ни одного безупречного свидетельства занятия ее носителями ни горнометаллургическим производством, ни металлургией, ни хотя бы металлообработкой[1]. Парадокс здесь предстает перед нами особенно впечатляющим на фоне блистательных коллекций разнохарактерного металла из подкурганных захоронений.

Нас, однако, в данной статье будет интересовать еще одна удивляющая многих характеристика майкопских комплексов. Речь пойдет о существенно более древнем хронологическом диапазоне существования майкопской культуры — в сравнении с тем, что предполагался ранее при рутинных сопоставлениях категорий и типов археологического материала. Такого рода заключения оказались возможными в результате полученной ныне достаточно представительной серии радиоуглеродных датировок различных органических остатков как из погребальных, так и бытовых комплексов. Напомним, что эту тему авторы поднимали уже ранее, когда проводили анализ радиокарбоновой хронологии ямной и катакомбной археологических общностей (Черных, Орловская, 2004а. С. 95–97, табл. 3 и 4, рис. 4; 2004б. С. 26–28, рис. 6). Тогда же вставал вполне естественный и кардинальный вопрос об истоках курганного погребального ритуала в Евразии. Наблюдавшееся за это время накопление материала не только не изменило предложенных ранее выводов, но позволило в существенной мере подкрепить и детализировать их. Предваряя основные разделы данного исследования, укажем, что далее мы будем оперировать весьма значительной базой данных по радиоуглеродным определениям материалов из различных археологических общностей, культур и памятников: всего 679 дат.

Датировки майкопской общности

Первоначально обратимся к известной авторам на настоящий момент базе данных датировок по ^{14}C для майкопских памятников и комплексов (табл. 1). Приводимые в данной работе датировки извлечены из нашей генеральной базы данных. Большинство датировок было систематизировано в нашей сводке «Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология» (Черных и др., 2000).

Как майкопские, так и связанные с ними датированные по ^{14}C комплексы подразделяются на две неравнозначные группы. Первая из них включает собственно майкопские памятники, сосредоточенные по преимуществу на левобережных кубанских предгорьях Северного Кавказа. Данная совокупность представлена 37 радиоуглеродными определениями возраста. Из погребальных комплексов удалось установить дату 25 образцов; прочие 12 определений относятся к селищным памятникам. Весьма существенно, что большинство датировок (7) связано с органикой из наиболее выразительного в данной серии поселения Мешоко.

Вторая группа радиокарбоновых анализов связана с памятниками так называемого «степного майкопа». К данной совокупности хронологических определений относятся те подкурганные комплексы правобережного Прикубанья и Кумо-Манычской впадины, которые не могут быть причислены к собствен-

1964. Правда, скажем, относительно подробная публикация так называемого Галюгаевского I поселения (Кореневский, 1993. С. 15–24; 1995. С. 12–20; 2004. С. 12–13, 136–137, рис. 9, 10, цветная вклейка — лист 1) позволяет решительно отнести эти комплексы к разрушенным курганам, но не к селищам. Курганы были разорены пахотой, а обнаруженные тогда основные материалы, по-видимому, оказались в руках случайных находчиков. «Селище» располагалось на площади курганного некрополя, и здесь сохранилась кольцевидная каменная обкладка, столь характерная для большинства майкопских или даже закавказских курганов (см., например: Rezepkin, 2000. Taf. 26, 27, 32, 38, 49, 63; Джапаридзе, 1998. Табл. IX–XIII). Культурного слоя, присущего большинству поселений, здесь не выявлено. При этом отсутствуют даже сколько-нибудь удовлетворительные чертежи профилей этих «поселений» (см.: Кореневский, 1995. С. 93, рис. 6). Ни на одном из известных нам поселков (кстати, множества культур) невозможно было встретить лежащими рядом совершенно нетронутый сосуд и бронзовое тесло-мотыгу, каковую обнаруживали лишь в богатых захоронениях. Практически отсутствуют здесь кремневые изделия и кости животных, что совершенно невероятно представить для известных ныне майкопских поселений. Попытка интерпретировать кольцевидную форму каменной обкладки с расположением керамических сосудов вдоль стенок как основу «жилища» на базе весьма странных и невообразимо удаленных параллелей в Тропической Африке или в Северной Америке может только лишний раз убедить в правоте критики.

[1] Фрагмент «ошлакированной» (так в статье!) льячки на селище у хутора Веселый (Формозов, Черных, 1964. С. 104) так и остался не исследованным соответствующими методами, а это автоматически должно исключить данную находку из ряда необходимых доказательств наличия местной металлообработки.

но майкопской общности, но содержат, по заключениям исследователей, достаточно отчетливо выраженные майкопские материалы (прежде всего – керамику). С этой категорией комплексов удалось связать 20 дат (табл. 1). Далее, для более удобного и краткого определения, мы будем далее именовать эту группу памятников «степным майкопом».

О базах данных датировок северного и южного блоков культур

Обе группы, представленные как собственно майкопскими памятниками, так и «степными майкопскими», мы будем сопоставлять с двумя крупными блоками культур, включенных в границы Циркумпонтийской металлургической провинции времени РБВ. Первый из блоков – северный. Он охватывает материалы степных курганных культур, формировавших по преимуществу систему древнеямной археологической общности. В данном блоке для сравнений мы привлекли данные по четырем территориальным группам погребальных памятников. Все эти группы в той или иной мере привязаны к бассейнам крупных рек: 1) Днепра и Южного Буга, 2) Дона и Северского Донца, а также к равнинам Кумо-Манычской впадины (Калмыкии), 3) собственно ямные курганные погребальные комплексы Волго-Уралья, а также примыкающие к ним 4) полтавкинские захоронения из того же региона. Всего в базе данных северного блока периода РБВ было обработано 214 датировок (табл. 2), а с учетом обеих входящих в тот же северный блок майкопских групп общая сумма хронологических определений курганных культур равна 271.

Южный блок оседлых земледельческих культур в рамках ЦМП, относящийся к тому же периоду РБВ, представлен чрезвычайно близким к предыдущему числом определений возраста – 265 дат (табл. 2). Эти культуры, общности и памятники, как хорошо известно, резко контрастны всем своим обликом и характером северным скотоводческим сообществам. В данном блоке мы предпочли обратить внимание на три культурно-территориальные группы памятников. Первая из них – куро-араксинские поселения Закавказья, а также Северо-Восточного Кавказа[1]. Всего здесь учтено 44 датировки, причем наиболее представительное число анализов (11) в этой совокупности связано с культурными слоями Великентского II поселения.

Если куро-араксинские памятники являли собой территориально ближайшую к майкопским группу, то малоазийские и балканские телли с культурными слоями времени РБВ были отделены от майкопских более заметной дистанцией. Речь идет о трех знаменитых малоазийских поселениях – Арслан-тепе (напластования *VIA* и *B*)[2], Демирджи-хейюк (слои от *E* до *P*), Троя I, а также «селищна могила» Эзеро из Южной Болгарии. Напластования времени РБВ каждого из этих памятников характеризуются весьма значительной серией датировок: 47, 66, 30 и 50 определений возраста соответственно (табл. 2).

Наконец, последняя культурная группа, с которой мы намерены сопоставить майкопский хронологический диапазон, – это урукская общность (Nissen, 1993). Для нас оказались доступными 28 дат, связанных преимущественно с поздними слоями ряда поселений этого типа. Бóльшая часть датировок – 17 (Rupley, 2003) – происходит, однако, из широко известного северо-сирийского селища Телль-Брак (Oates, 1992; Matthews, 1995; Emberling, McDonald, 2003).

Территориальное распространение всех привлекаемых в настоящей работе комплексов, как северного, так и южного блоков, представлено на карте (рис. 1).

Хронологические диапазоны майкопской культуры и северного блока культур

В качестве изначальной задачи данного исследования явилось сопоставление хронологических диапазонов основного блока собственно майкопских комплексов и его степных

[1] С культурным определением дагестанских памятников великентской группы (Великент I и II) далеко не все ясно. Мы присоединяем эти селища к куро-араксинской культуре условно, в ожидании более подробной публикации всех материалов, не только из культурных слоев поселений, но также из некоторых ранних погребальных катакомб. Предварительные публикации вместе с данными о датировках см., например: Kohl, 2002. P. 161–169; Kohl et al., 2002; Kohl, 2007. P. 102–106.

[2] Марчела Франжипане полагала, что эти напластования Арслан-тепе синхронны позднеурукской общности (Frangipane, 1993. P. 137, 158, table 1; Burney, 1993). Однако радиоуглеродный анализ этого не подтвердил: слои Арслан-тепе VIA и VIB предстают заметно более поздними (см. рис. 3).

адептов с северными курганными культурами, принадлежащими по преимуществу к обширной ямной (древнеямной) археологической общности. Мы сочли целесообразным подвергнуть статистической обработке материалы трех основных территориальных групп курганных могильников: 1) ямная и полтавкинская Волго-Уральского региона (по 20 образцов в каждой совокупности); 2) группа ямных погребений бассейнов Дона и Донца, а также степной Калмыкии (43 образца) и, наконец, 3) количественно самая представительная группа ямных памятников, связанных с бассейнами Днепра и Южного Буга (131 дата).

Наиболее вероятный хронологический диапазон (в одну σ, или 68,2% вероятности) собственно майкопских памятников укладывается в тысячелетний отрезок времени между 4050 и 3050 г. до н. э. (рис. 2). Чрезвычайно близкий, а в сущности, как прояснил статистический анализ, аналогичный период бытования оказался характерным также и для «степного майкопа» (4000–3000 гг. до н. э.). Последнее, по всей вероятности, может служить существенным подтверждением правомерности в верификации майкопских материалов в степных памятниках между Доном и Кубанью.

Хронологические диапазоны всех сопоставляемых с ними древнеямных групп весьма заметно либо даже очень существенно отличаются от майкопских. Наиболее древними в данном ряду оказываются собственно «ямные» комплексы из Волго-Уральского региона (3350–2450 гг. до н. э.). За ними по своему возрасту следуют погребения полтавкинского типа (3050–2350 гг. до н. э.), чей ареал полностью совпадает с предшествующей группой «собственно ямных» комплексов (рис. 1).

Заметно более поздними в построенном здесь ряду сопоставлений предстают остальные из названных выше групп, то есть материалы из бассейнов Дона и Донца, а также Калмыкии, равно как и совокупность бугоднепровских комплексов. К тому же обе эти группы характеризуются весьма сходными диапазонами своего существования (рис. 2). Крайне любопытно также, что последние совокупности, во-первых, несколько уступают по своей древности даже полтавкинским памятникам, а во-вторых, тем, что их календарные периоды полностью выходят за те рамки, которые оказались наиболее вероятными (в одну σ) для обоих майкопских блоков. Таким образом, перед нами предстают контуры весьма впечатляющего различия в календарных диапазонах майкопской и древнеямной общностей.

Примечательно также и то, что наибольшую древность в ряду древнеямных культур радиоуглеродный анализ выявил у крайней северо-восточной, периферийной группы курганных скотоводческих культур, втянутых в систему металлургических и металлообрабатывающих очагов Циркумпонтийской металлургической провинции. В то же время территориально ближайшие к майкопским группы древнеямных курганных некрополей оказывались существенно позднее не только майкопских комплексов, но даже отдаленных от них — волго-уральских (рис. 1 и 2). Увеличение числа привлекаемых для нашего исследования датировок не только не изменило, но получило дополнительное подтверждение глубокой древности майкопского курганного обряда в рамках ЦМП (Черных, Орловская, 2004а, 2004б).

Хронологические диапазоны майкопской культуры и южного блока культур

Другим важнейшим вектором сопоставлений послужила в данном исследовании южная линия (рис. 3). Большинство из датированных по ^{14}C и привлеченных для настоящего исследования комплексов южной зоны ЦМП оказалось связанным с многослойными поселениями типа теллей. При этом учитывались и подвергались обработке хронологические определения, сопряженные исключительно со слоями РБВ (табл. 2).

Куро-араксинская культура лишь своей «ранней половиной» соответствует хронологическому диапазону майкопской культуры; ее более «молодая половина» выходит за эти пределы (рис. 3). В целом же ее временно́й диапазон в рамках одной сигмы очень широк: от 3700 до 2500 г. до н. э. По всей вероятности, это может косвенно свидетельствовать о смешении в изученной коллекции весьма разнообразных в смысле их культурной принадлежности материалов. При этом отметим, что наиболее значительная коллекция определений из пос. Великент-II (11 дат) укладывается по преимуществу в среднюю полосу общего куро-араксинского хронологического поля: между 3360 и 2870 г. до н. э.

В большей степени майкопской хронологии соответствует календарный период урукских памятников. Однако и здесь выявленный

в результате статистической обработки период бытования последних соответствует лишь поздней части майкопского временно́го отрезка: между 3650 и 3100 г. до н. э. Основная коллекция датировок этой общности, связанная со слоями Телль-Брака, также полностью укладывается в названный выше отрезок времени (она же ее в основном и определяет).

Существенно более поздними в сравнении с майкопской хронологией предстают анатолийские телли (рис. 3). Все три поселка, подобно степным древнеямным памятникам азово-черноморского бассейна (рис. 2), характеризуются более молодым возрастом, выходящим за пределы майкопского хронологического диапазона. Лишь южноболгарский жилой холм Эзеро обнаруживает несколько более ранний возраст, синхронный, к примеру, древнеямным курганным памятникам Волго-Уралья (ср. рис. 2 и 3).

Хронологические диапазоны майкопской культуры и соседних общностей среднего бронзового века

Кроме того, мы провели сопоставления майкопской хронологии с кавказскими культурами и общностями, традиционно считающимися более поздними в сравнении с «майкопом», то есть относящихся уже к среднебронзовому периоду. Прежде всего имеется в виду обширная так называемая северо-кавказская общность, охватывающая памятники центрального (кумско-терского) и западного (кубанского) регионов кавказских предгорий. Отметим, что территория названной общности принципиально совпадает с ареалом майкопской культуры. Хронологических определений здесь удалось выявить немного: всего 29.

Другой — привлеченной нами для сопоставлений — совокупностью явилась уже закавказская группа, часто именуемая как Марткопи-Бедени (Джапаридзе, 1998). Ее формирование к югу от Главного Кавказского хребта многие справедливо связывают с энергичным северным воздействием курганных скотоводческих культур и прежде всего майкопской общности. Коллекция датированных образцов здесь еще скромнее: всего 11.

Эти, к сожалению, немногочисленные изученные коллекции тем не менее обнаруживают достаточно четкое соответствие прежним представлениям о месте указанных культурных групп на генеральной хронологической шкале ЦМП (рис. 4). Диапазоны в пределах 68,2% обеих совокупностей выстраиваются вслед за майкопским. Существенно больший и менее определенный период бытования курганной культуры Закавказья возможно хотя бы отчасти объяснить малым числом датировок. Более компактным выглядит диапазон северокавказской общности. Однако в целом обе эти совокупности определений весьма близки по хронологическому диапазону.

Пожалуй, существенно более примечательной в этой связи выглядит их чрезвычайная близость — хочется даже говорит о синхронности — с основными курганными культурами азово-черноморского региона (сравните рис. 2 и 4). Это должно заставить специалистов по эпохе бронзы обратить пристальное внимание на генеральную картину временно́го соотношения различных культур в пределах ЦМП.

Хронологические диапазоны майкопской культуры и трипольской общности медного века

Наконец, в данном разделе мы намерены выйти за пределы Циркумпонтийской провинции и обратиться к сравнению майкопской хронологии с более ранней, сопряженной с активностью Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) медного века. Для этого мы провели сопоставление возрастных диапазонов майкопской культуры и трех последовательных этапов трипольской археологической общности (рис. 5). Хронология трипольской АО уже была довольно подробно рассмотрена авторами (Черных, Орловская, 2004в). Отметим, что в системе ярких металлургических центров Балкано-Карпатской провинции памятники этапа триполья-В занимали периферийное и зависимое положение. При этом они отвечали пику максимальной активности данной провинции, в которой гнездились реальные истоки евразийской металлургии. Невзрачный металл этапа триполья-СI отражал уже его маргинальный статус не только по отношению к центральным производственным очагам провинции, но даже и в оппозиции к более ранней коллекции триполья-В. Время культуры триполья-СI, по всей вероятности, совпадает с финальным коллапсом яркой системы производящих центров (Тодорова, Димитров, 2005. С. 10–11), что и отразилось на всем ее облике и, в первую

очередь, на угасающем характере ее металлообработки.

Сопоставление майкопской хронологии с трипольской (рис. 5) показывает, что нижняя грань майкопского диапазона граничит с периодом максимальной активности БКМП, но практически не переслаивается с последним. Зато синхронность «Майкопа» с трипольем-С предстает поразительно отчетливо. Вместе с тем не вызывает сомнения, что никаких связей у финальных памятников трипольской общности с майкопской курганной культурой выявить мы не в состоянии: это две резко контрастные культурные группы. И это еще более справедливо по отношению к металлу обеих сопоставляемых общностей. Корни майкопского металла лежали, без всякого сомнения, за пределами мощных горнометаллургических центров Балкано-Карпатской провинции.

Несколько заключительных слов

Радиоуглеродные датировки и процессы их подробной систематизации позволили создавать широкие культурно-исторические полотна, на которых проступают многие неожиданные векторы далеких и близких взаимосвязей разнообразных археологических сообществ. Эти исследования продолжают решительную, а порой даже жесткую (если не сказать жестокую) ломку традиционных взглядов на динамику и характер развития различных социумов и производственных центров эпохи раннего металла в Евразии. Вслед за резким сдвигом вниз по календарной шкале культур медного века Балкано-Карпатья, наступила пора перемен и в отношении блистательных по своим проявлениям древностей майкопского типа, весьма несходных с тем, что мы отмечали в Подунавье и на Северных Балканах в предшествующий период развития. Представленные в данной статье заключения о календарном возрасте целых блоков культур, безусловно, требуют своего глубокого осмысления и, пожалуй, новых теоретических разработок в оценке такого рода «взрывных» моделей развития культур. Старая модель понимания динамики предпочитала черпать свои генеральные объяснения в аксиоме плавного, постепенного развития культур, едва ли не повсеместного диффузионизма, когда все должно было иметь своим источником в «Свете с Востока» (Ex Oriente Lux). Кажется, однако, что реальная жизнь в глубокой древности строилась по несколько иным законам, но обсуждение этих проблем, безусловно, выходит за допустимые рамки нашей краткой статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Бідзіля В.І., Бунятян К.Н., Ніколова А.В., 2005. Кургани доби бронзи біля с. Кочубеївка на Уманщині // На пошану Софії Станіславівни Березанської. Київ.

Джапаридзе О.М., 1998. К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н. э. (Раннекурганская культура). Тбилиси. (На грузинском языке.)

Зайцева Г.И., Бурова Н.Д., Семенцов А.А., 2004. Первые радиоуглеродные даты поселения Мешоко // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию канд. ист. наук А.Д. Формозова. СПб.

Иванова С.В., 2004. О формировании ямной культурно-исторической области // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 3.

Иессен А.А., 1950. К хронологии «больших кубанских курганов» // Советская археология. Т. XII.

Кореневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.

Кореневский С.Н., 1995. Галюгай I – поселение майкопской культуры. М.

Кореневский С.Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.

Кореневский С.Н., 2005. Северная кумо-манычская периферия майкопско-новосвободненской общности // Четвертая Кубанская конференция: Тезисы и доклады. Краснодар,

Кореневский С.Н., Калмыков А.А., 2004. Древнейшие подбои и катакомбы Предкавказья // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. М.

Кореневский С.Н., Атабиев Б.Х., Батчаев В.М., 2004. Погребения майкопско-новосвободненской общности могильника Горячеводский // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.

Кореневский С.Н., Белинский А.Б., Калмыков А.А., 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.

Котова Н.С., 2004. Бассейн Северского Донца в эпоху энеолита // Матеріали та дослідження з археології Східної України. № 3.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Гольева А.А., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., 2006. Результаты радиоуглеродного датирования курганного могильника Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VII.

Мунчаев Р.М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Осташинский С.М., 2001. К характеристике кремневого комплекса поселения Мешоко: (по материалам раскопок 1959 г.) // Археология в пути или путь археолога: к 80-летию профессора Абрама Давидовича Столяра. Ч. 2. СПб.

Осташинский С.М., 2006. К вопросу о культурных связях энеолитического населения Закубанья (по материалам поселения Мешоко) // In Situ: к 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб.

Столяр А.Д., 1961. Мешоко – поселение майкопской культуры // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп.

Столяр А.Д., 2004. Мешоко – древнейшая энеолитическая крепость Предкавказья // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию канд. ист. наук А.Д. Формозова. СПб.

Тодорова Х., Димитров К., 2005. Современные исследования археометаллургии в Болгарии // РА. № 4.

Трифонов В.А., 2001. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены – современники древних цивилизаций. Краснодар.

Формозов А.А., 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.

Формозов А.А., Черных Е.Н., 1964. Новые поселения майкопской культуры в Прикубанье // КСИА. Вып. 101.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В., 2002. Металлургия в циркумпонтийском ареале: от единства к распаду // РА. № 1.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., 2000. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004а. Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур // РА. № 1.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности // РА. № 2.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004в. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследований // РА. № 4.

Шишлина Н.И., 2002. Майкопские погребения Южный Ергеней // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград.

Шишлина Н.И., Плихт Й. ван дер,Севастьянов В.С., Зазовская Э.П., Чичагова О.А., 2006. К вопросу о поправке на резервуарный эффект и радиоуглеродной хронологии ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической общности. Оренбург.

Antony D.V. et al., 2005. The Samara Valley Project. Late Bronze Age Economy in the Russian Steppes // Eurasia antiqua. Bd. 11.

Badaljan R.A., Kohl P., Stronach D., Tonikjan A.V., 1994. Preliminary Report on the 1993 Excavations at Horom, Armenia // Iran. Vol. XXXII.

Burney Ch., 1993. Arslantepe as a Gateway to the Highlands: a Note on Periods VIA–VID // Between the Rivers and Over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata / Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M. (eds.); Universiteta di Roma. Roma.

Emberling G., McDonald H., 2003. Excavation at Tell Brak 2001–2002. Preliminary report // Iraq. Vol. LXV.

Frangipane M., 1993. Local Components in the Development of Centralized Societies in Syro-Anatolian Regions // Between the Rivers and Over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata / Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M. (eds.); Universiteta di Roma. Roma.

Hole F. 2001. A Radiocarbon Chronology for the Middle Khabur, Syria // Iraq. Vol. LXIII.

Görsdorf J., 2004. Datierungsergebnisse des Berliner ^{14}C-Labors 2003 // Eurasia Antiqua. Bd. 10.

Görsdorf J., 2005. Datierungsergebnisse des Berliner ^{14}C-Labors 2004 // Eurasia Antiqua. Bd. 11.

Isaak B., Kikodze Z., Kohl P.,Ordzhonikidze A.,White G., 1994. Archaeological Investigations in Southern Georgia 1993 // Iran. Vol. XXXII (Badaljan R.A., Kohl P., Stronach D., Tonikjan A.V. Preliminary Report on The 1993 Excavations at Horom, Armenia. Appendix A).

Kohl Ph., 2002. Bronze Production and Utilization in Southeastern Daghestan, Russia: c. 3600–1900 BC // Die Anfange der Metallurgie in der Alten Welt / M. Bartelheim, E. Pernicka, R. Krause (Hrsg.). Rahden/Westfal.: Verlag Marie Leidorf Gmbh.

Kohl Ph., 2007. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge University Press.

Kohl Ph. L., Gadzhiev M.G., Magomedov R.G., 2002. Between the Steppe and the Sown: Cultural Developments on the Caspian Littoral Plain of Southern Daghestan, Russia, c. 3600–1900 BC // Ancient Interactions: East and West in Eurasia / Boyle K., Renfrew C., Levine M. (eds.). Cambridge.

Matthews R.J., 1995. Excavation at Tell Brak, 1995 // Iraq. Vol. LVII.

Nissen H.J., 1993. The Early Uruk Period — A Sketch // Between the Rivers and Over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri dedicata / Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M. (eds.); Universiteta di Roma. Roma.

Oates D., 1992. Excavation at Tell Brak, 1983–84 // Iraq. Vol. XLIV.

Pollock S., Steele C., Pope M., 1991. Investigation on the Uruk Mound, Abu Salabikh, 1990 // Iraq. Vol. LIII.

Rezepkin A., 2000. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nord westkaukasien // Archäeologie in Eurasien. Bd. 10. Rahden/Westfab.: Verlag Marie Leidorf Gmbh.

Rupley E., 2003. ^{14}C AMS determinations of the fourth millennium BC from Tell Brak // Iraq. Vol. LXV. P. 33–37.

Таблица 1

Конвенционные и калиброванные даты из комплексов майкопской (1–37) и майкопской степной (38–57) культур

№ п/п	*Памятник*	*Комплекс*	*Шифр лаборат.*	*Материал*	*Конвенц. дата*	*Калибров. дата до н. э. (вероятность)*	
						68,2%	*95,4%*
1	Брут	К. 3, п. 3	GIN-9037	Кость	5020 ± 30	3940–3870 (37,5%) 3810–3760 (28,5%) 3730–3710 (2,2%)	3950–3700
2	Галюгаево I	Тр. 1, разруш. яма	OxA-3777	Кость	4530 ± 70	3360–3260 (26,1%) 3240–3100 (42,1%)	3500–2900
3	— " —	Кв. В. 1–2	OxA-3778	Кость	4650 ± 80	3630– 3590 (6,8%) 3530–3350 (61,4%)	3650–3100
4	Галюгаево III	Яма	OxA-3779	Кость	4980 ± 120	3940–3850 (21,4%) 3820–3650 (46,8%)	4050–3500
5	Горячеводский 2	К. 3, п. 3	GIN-11150	Кость чел.	3830 ± 140	2480–2120 (62,6%) 2090–2040 (5,6%)	2700–1850
6	— " —	К. 3, п. 6	GIN-11151	Кость чел.?	4420 ± 40	3270–3240 (5,2%) 3100–3000 (43,6%) 2990–2920 (19,3%)	3330–3210 (19,6%) 3180–3150 (2,3%) 3130–2910 (73,5%)
7	— " —	К. 3, п. 7	GIN-11152	Кость чел.?	4210 ± 100	2910–2830 (20,3%) 2820–2630 (47,9%)	3100–2450
8	Гуамский грот, пос.	Сл. 11	OxA-4471	Уголь	4905 ± 65	3770–3630	3940–3870 (4,6%) 3810–3620 (83,9%) 3590–3520 (6,9%)
9	— " —	Сл. 12, кв. 187	Le-4226	Уголь	4570 ± 200	3650–3600 (2,0%) 3550–3000 (66,2%)	3800–2700
10	— " —	Сл. 12	Le-4237	Кость	4495 ± 80	3350–3090	3400–2900
11	Днепровская I	К. 2, п. 5-8-12	OxA-4707	Кость	4800 ± 80	3660–3510 (61,9%) 3430–3380 (6,3%)	3720–3370
12	Заманкул	К. 1, п. 70	GIN-8034	Дерево	4820 ± 70	3700–3520	3760–3490 (84,7%) 3460–3370 (10,7%)
13	— " —	К. 2, п. 60	GIN-8424	Кость	4670 ± 35	3520–3370	3630–3600 (4,0%) 3530–3360 (91,4%)

Таблица 1
(продолжение)

№ п/п	*Памятник*	*Комплекс*	*Шифр лаборат.*	*Материал*	*Конвенц. дата*	*Калибров. дата до н. э. (вероятность)*	
						68,2%	*95,4%*
14	Иноземцево	К., осн. п.	GrA-21372	Кость	4630 ± 50	3510–3420 (52,1%) 3390–3350 (16,1%)	3650–3300 (90,6%) 3250–3100 (4,8%)
15	Иноземцево 1	К. 1, п. 28	GIN-11158	Кость чел.	4670 ± 40	3520–3370	3630–3590 (6,9%) 3530–3360 (88,5%)
16	— “ —	К. 3, п. 8	GIN-10956	Кость чел.?	4150 ± 90	2880–2620	2910–2480
17	Клады	К. 11, п. 43	OxA-5058	Кость	4675 ± 70	3620–3600 (4,2%) 3530–3360 (64,0%)	3640–3330
18	— “ —	К. 11, п. 50	OxA-5059	Кость	4835 ± 60	3700–3620 (35,3%) 3590–3520 (32,9%)	3770–3510 (91,5%) 3430–3380 (3,9%)
19	— “ —	К. 11, п. 48	OxA-5060	Кость	4665 ± 60	3520–3360	3640–3340
20	— “ —	К. 11, п. 55	OxA-5061	Кость	4765 ± 65	3640–3510 (62,0%) 3430–3380(6,2%)	3660–3480 (70,2%) 3470–3370 (25,2%)
21	— “ —	К. 40, п. 1	OxA-5063	Кость	4500 ± 60	3340–3260 (24,0%) 3250–3100 (44,2%)	3370–3010
22	— “ —	К. 31, жертвенник	GrA-21336	Кость	4810 ± 70	3660–3510	3710–3490 (81,7%) 3470–3370 (13,7%)
23	— “ —	К. 30, п. 1	Le-4528	Дерево	4620 ± 40	3500–3430 (49,4%) 3380–3350 (18,8%)	3520–3330 (92,5%) 3210–3190 (1,7%) 3160–3130 (1,2%)
24	— “ —	К. 29, п. 1	Le-4529	Дерево	4960 ± 120	3940–3850 (18,5%) 3820–3640 (49,7%)	4050–3500
25	— “ —	К. 11, п. 3	Le-4536	Дерево	5310 ± 160	4330–4280 (7,8%) 4270–3980 (60,4%)	4500–3750
26	— “ —	К., дольм. 1, камера	Le-5033	Кость	4260 ± 60	3000–2990 (1,0%) 2930–2850 (40,6%) 2810–2750 (20,8%) 2730–2700 (5,7%)	3030–2830 (58,7%) 2820–2660 (36,7%)

Таблица 1
(продолжение)

№ п/п	*Памятник*	*Комплекс*	*Шифр лаборат.*	*Материал*	*Конвенц. дата*	*Калибров. дата до н. э. (вероятность)*	
						68,2%	*95,4%*
27	— " —	К. 39, дольмен 2, камера	Le-3583	Дерево	3650 ± 40	2130–2090 (16,1%) 2050–1950 (52,1%)	2140–1910
28	— " —	К. 40, дольмен 1, камера	OxA-5062	Кость	4425 ± 60	3320–3230 (14,6%) 3110–2920 (53,6%)	3340–3150 (34,3%) 3140–2910 (61,1%)
29	Мешоко-1958, пос.	Р. I, кв. 2, штык 7	Le-6948	Кость	5390 ± 140	4350–4040	4550–3900
30	Мешоко-1963, пос.	Р. II, кв. Ч-Щ 16, штык 1–2	Le-6342	Кость	5170 ± 130	4230–4200 (3,6%) 4170–4100 (7,8%) 4080–3790 (56,9%)	4350–3700
31	— " —	Р. II, кв. Ч-Щ 17, штык 1–2	Le-6343	Кость	5170 ± 80	4150–4130 (1,7%) 4060–3910 (47,8%) 3880–3800 (18,7%)	4230–4190 (4,7%) 4180–3780 (90,7%)
32	— " —	Р. II, кв. Е-Ж 19–20, штык 4	Le-6344	Кость	5070 ± 70	3960–3790	3990–3700
33	Мешоко-1964, пос.	Кол. II, кв. Б1–2, гт. 16–12	Le-6340	Кость	5210 ± 50	4150–4130 (1,5%) 4060–3960 (66,7%)	4230–4190 (6,2%) 4180–3940 (89,2%)
34	— " —	Колонка II, кв. Б1–2, гор-т 18–19–20	Le-6341	Кость	5300 ± 60	4240–4190 (15,3%) 4180–4040 (52,9%)	4320–4290 (2,5%) 4270–3980 (92,9%)
35	— " —	Колонка II, кв. Б1–2, гор-т 1–2	Le-6356	Кость	4770 ± 110	3650–3490 (47,8%) 3460–3370 (20,4%)	3800–3300 (94,0%) 3250–3100 (1,4%)
36	Новосвободненское пос.	Культурный слой	Le-3645	Уголь	3930 ± 150	2650–2150	2900–2000

Таблица 1
(продолжение)

№ п/п	Памятник	Комплекс	Шифр лаборат.	Материал	Конвенц. дата	Калибров. дата до н. э. (вероятность)	
						68,2%	95,4%
37	— " —	Культурный слой	Le-5032	Уголь	4510 ± 40	3350–3310 (11,8%) 3300–3260 (6,1%) 3240–3100 (50,4%)	3370–3090
38	Айгурский 2	К. 22, п. 8	GIN-12405	Кость чел.	4460 ± 80	3340–3210 (31,4%) 3190–3150 (9,1%) 3140–3020 (27,7%)	3360–2920
39	— " —	К. 22, п. 15	GIN-11811	Кость чел.	4480 ± 50	3340–3210 (41,8%) 3200–3150 (12,4%) 3140–3090 (14,0%)	3360–3010
40	— " —	К. 17, п. 6	GrA-22172	Кость чел.	4740 ± 60	3640–3550 (36,8%) 3540–3500 (13,2%) 3430–3380 (18,3%)	3640–3370
41	Большой Ипатовский к-н	П. 195, скелет 1	GIN-10298	Кость чел.	4610 ± 140	3650–3600 (3,2%) 3550–3100 (65,0%)	3650–2900
42	— " —	П. 195, скелет 2	GIN-10301	Кость чел.	4410 ± 170	3340–2900	3700–2600
43	— " —	П. 182	GIN-10300	Кость чел.?	4780 ± 110	3660–3490 (49,0%) 3460–3370 (19,2%)	3800–3300
44	— " —	П. 182	GIN-10952	Кость чел.?	4390 ± 70	3270–3240 (3,1%) 3100–2900 (65,1%)	3340–3210 (19,0%) 3200–3150 (4,5%)
45	— " —	П. 183	GIN-10307	Кость чел.?	4280 ± 260	3350–2550	3700–2200
46	— " —	П. 185	GIN-10302	Кость чел.?	4530 ± 100	3370–3080 (65,5%) 3050–3030 (2,7%)	3550–2900
47*	Восточный Маныч-66-III	К. 17, п. 11	GrA-24434	Кост. бусина	5095 ± 95	3990–3770	4250–3650
48	Вертолетное поле	К. 1, п. 8	Bln-5530	Кость чел.	4556 ± 50	3370–3320 (22,2%) 3280–3260 (1,2%) 3240–3110 (44,8%)	3500–3450 (5,7%) 3380–3090 (89,7%)
49	Золотаревка 1	К. 25, п. 11	GrA-22174	Кость чел.?	4640 ± 60	3520–3350	3650–3300 (89,3%) 3250–3100 (6,1%)

Таблица 1
(окончание)

№ п/п	*Памятник*	*Комплекс*	*Шифр лаборат.*	*Материал*	*Конвенц. дата*	*Калибров. дата до н. э. (вероятность)*	
						68,2%	*95,4%*
50	— " —	К. 25, п. 11	GIN-11156	Кость чел.?	4510 ± 80	3360–3090	3500–3450 (2,3%) 3400–2900 (93,1%)
51	Зунда-Толга	К. 1, п. 15	IGAN-1528	Кость чел.	4586 ± 77	3500–3420 (18,5%)	3650–3000
						3380–3310 (18,7%) 3300–3260 (1,7%) 3240–3100 (29,3%)	
52	Манджикины-1	К. 14, п. 13	IGAN-2400	Кость чел.	5100 ± 50	3970–3910 (24,8%) 3880–3800 (43,4%)	3990–3770
53	— " —	К. 14, п. 13	GrA-19521	Кость чел.	4940 ± 45	3770–3650	3900–3880 (1,7%) 3800–3640 (93,7%)
54	Олений I	К. 2, п. 30	Le-23116	Кость	3790 ± 160	2470–2020	2700–1700
55	Шарахалсун I	К. 2, п. 17	IGAN-2517	Кость чел.	5190 ± 70	4230–4200 (3,2%) 4160–4130 (5,5%) 4070–3940 (54,5%) 3860–3820 (5,0%)	4240–4190 (6,3%) 4180–3890 (76,5%) 3880–3790 (12,6%)
56	— " —	К. 5, п. 7	IGAN-2399	Кость чел.	5090 ± 110	3990–3760 (66,1%) 3740–3710 (2,1%)	4250–3600
57	— " —	К. 5, п. 7	GrA-19252	Кость чел.	4710 ± 100	3640–3550 (22,5%) 3540–3490 (14,6%) 3470–3370 (31,2%)	3750–3100

Примечание. Номера 1–37 составляют группу памятников и комплексов «собственно майкопской» культуры; номера 38–57 отражают погребальные комплексы с наличием в их инвентаре майкопских материалов (т. н. «степной майкоп»)

Литературные источники: 1, 15–16 – Кореневский, 2004. С. 123, табл. XI; 2–4, 8–14, 17–25, 52–57 – Черных, Орловская, 2004а. С. 94–96; 5–7 – Кореневский и др., 2004. С. 66, 71; 26–28, 36, 37 – Трифонов, 2001. С. 41; 29–35 – Зайцева и др., 2004. С. 366; 38–40, 49 – Кореневский, Калмыков, 2004. С. 102,103; 41–42, 44–46 – Кореневский и др., 2007. С. 91, табл. 2; 43, 50 – Кореневский, 2005. С. 138; 48 – Görsdorf, 2004. S. 406; 51 – Шишлина, 2002. С. 167. (Информация о дате 47* получена от Н.И. Шишлиной, за что авторы выражают ей благодарность.)

Таблица 2

Археологические общности, культуры и памятники, сопоставляемые по их хронологии с общностью майкопского типа

Общность/ культура/ памятник	*Географический ареал*	*Кол-во памятников/ комплексов*	*Кол-во дат*	*Основные литературные источники*
Древнеямная	Волго-Уралье	9/13	20	Черных, Орловская, 2004а. С. 86–92; Моргунова и др., 2006. С. 101
Древнеямная	Дон–Донец–Калмыкия	24/34	43	Черных, Орловская, 2004а. С. 86–92; Шишлина и др., 2006. С. 112–113
Древнеямная	Днепр–Буг	37/96	131	Черных, Орловская, 2004а. С. 86–92; Иванова, 2004. С.87, табл. 1; Котова, 2004. С. 24, табл. 5; Бідзіля і др., 2005. С. 128, табл. 1
Полтавкинская	Волго-Уралье	13/19	20	Черных, Орловская, 2004б. С. 22–23; Antony et al., 2005. P. 401
Куро-араксинская	Южный Кавказ	18/2	44	Черных и др., 2000, табл. 8-А, 8-В; Görsdorf, 2005. S. 463; Isaak et al., 1994. P. 28, 29
Позднеурукская	Месопотамия, Северная Сирия	8	28	Черных и др., 2000, табл. 4-А, 4-В; Rupley, 2003. P. 34; Hole, 2001. P. 76; Pollock et al., 1991. P. 67
Эзеро	Южная Болгария	1	50	Черных и др., 2000. Табл. 5-А, 5-В
Троя I	Запад Малой Азии	1	30	Черных и др., 2000. Табл. 7-А, 7-В
Демирджи-хейюк	Запад Малой Азии	1	66	Черных и др., 2000. Табл. 7-А, 7-В
Арслан-тепе	Восток Малой Азии	1	47	Черных и др., 2000. Табл. 7-А, 7-В
Всего		113/164	479	

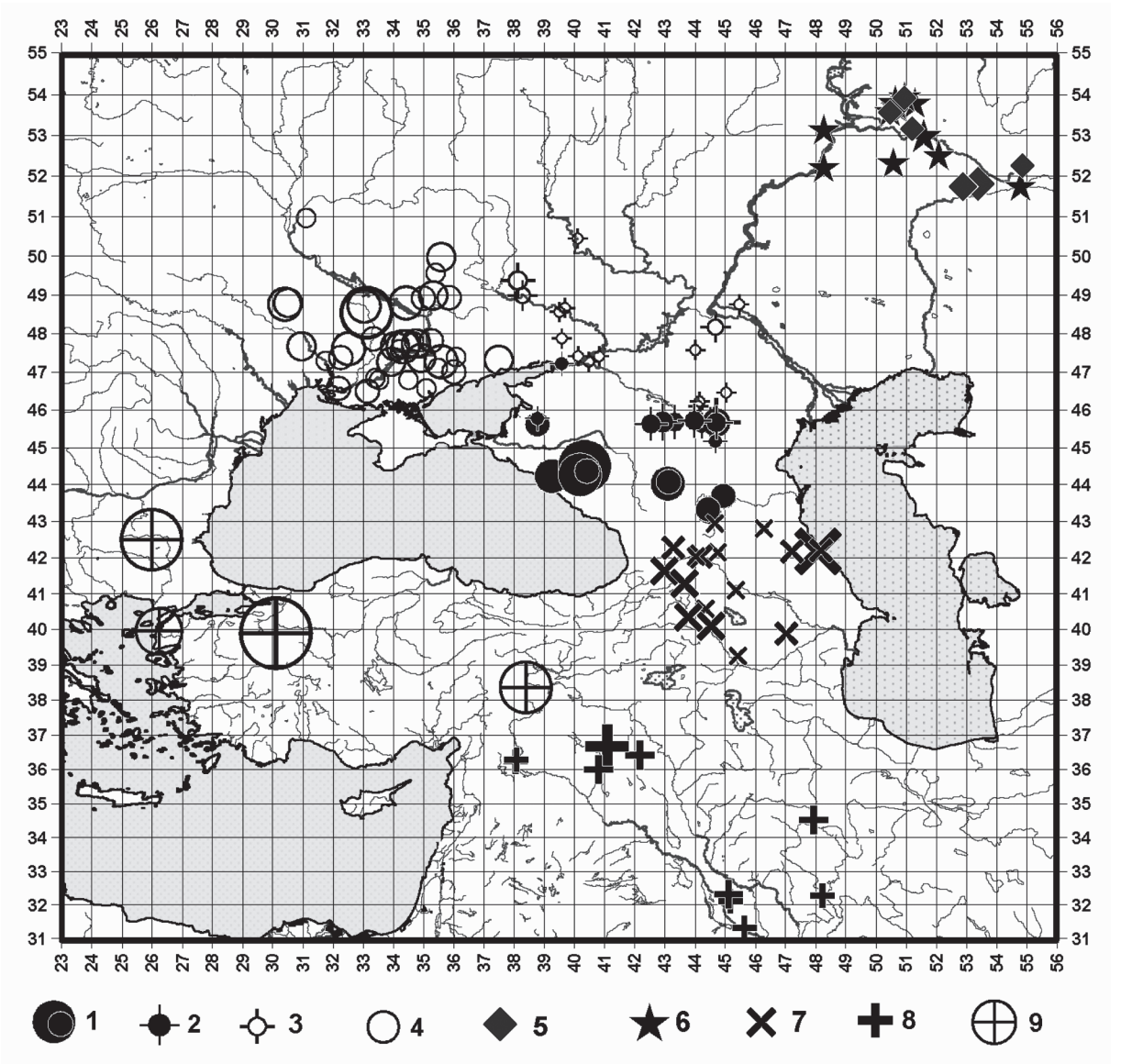

Рис. 1. Распространение основных совокупностей датированных материалов. Условные обозначения памятников различных археологических общностей и культур: 1 — поселения и могильники собственно майкопской культуры; 2 — степные подкурганные захоронения с наличием майкопских материалов; 3 — курганные погребения древнеямной общности в бассейнах Северского Донца, Дона, а также Калмыкии; 4 — курганные погребения древнеямной общности в бассейнах Днепра и Южного Буга; 5 — курганные погребения в могильниках древнеямной общности Волго-Уралья; 6 — курганные погребения в могильниках полтавкинской культуры; 7 — материалы из поселений и могильников куро-араксинской культуры; 8 — материалы из поселений урукского типа; 9 — анатолийско-балканского региона (Эзеро, Троя, Демирджи-хейюк и Арслан-тепе)

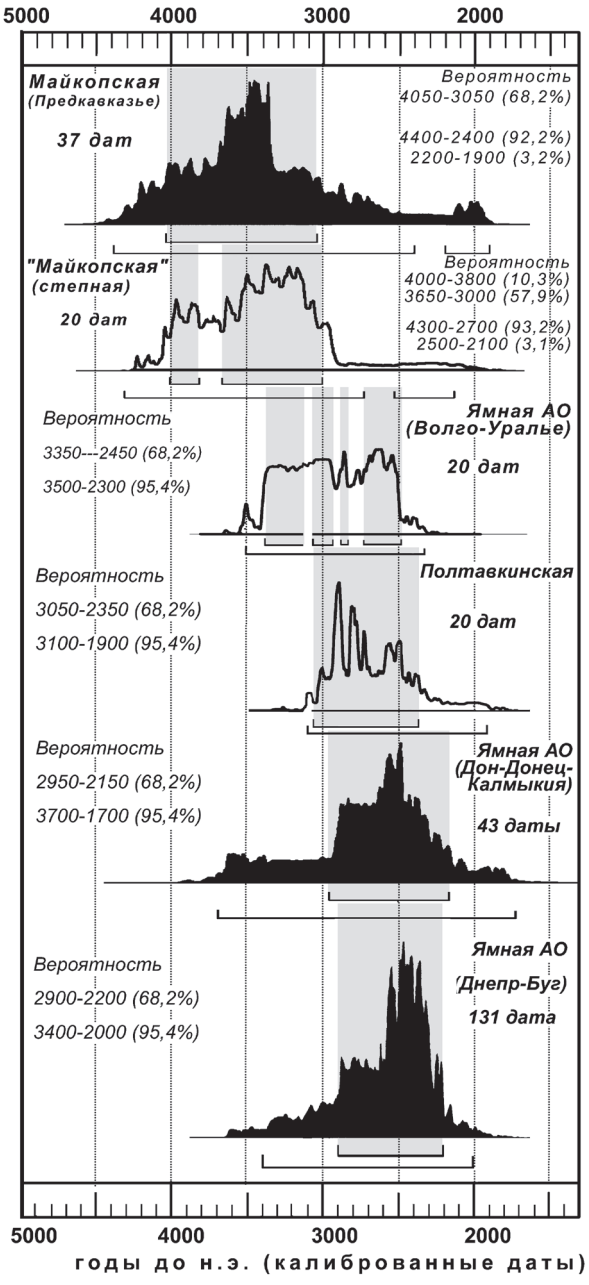

Рис. 2. Суммы вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок для различных культур и общностей блока курганных скотоводческих культур раннего бронзового века в границах Циркумпонтийской металлургической провинции. *Примечание для рис. 2–5:* 1) на графиках каждой из совокупностей затенены участки, соответствующие вероятности в одну сигму; 2) контуром обозначены графики, характер распределения в которых представлен на базе анализа менее 25 датировок

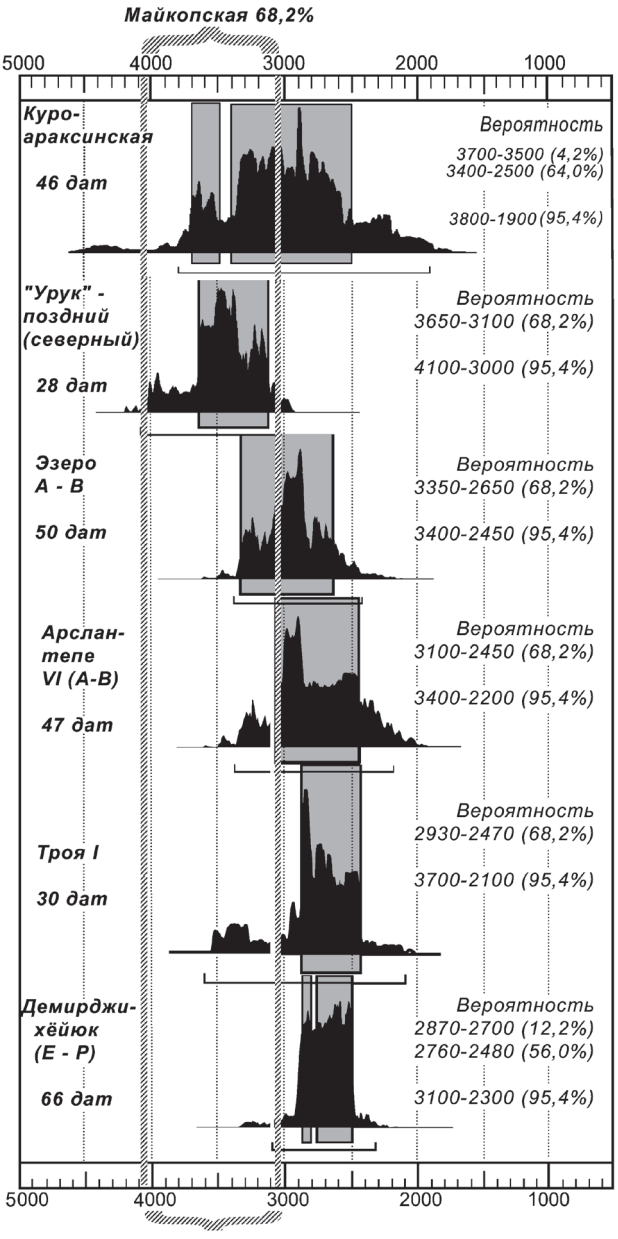

Рис. 3. Суммы вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок для различных культур и общностей южного блока эпохи ранней бронзы в границах Циркумпонтийской металлургической провинции. Особой штриховкой помечен диапазон вероятности майкопской культуры (в одну сигму)

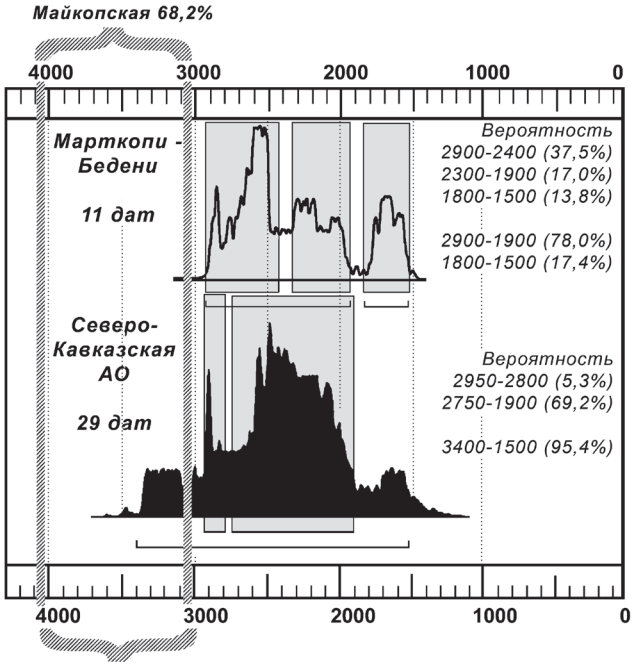

Рис. 4. Суммы вероятностей калиброванных радиоуглеродных датировок для культур и общностей среднего бронзового века в границах Циркумпонтийской металлургической провинции. Особой штриховкой помечен диапазон вероятности майкопской культуры (в одну сигму)

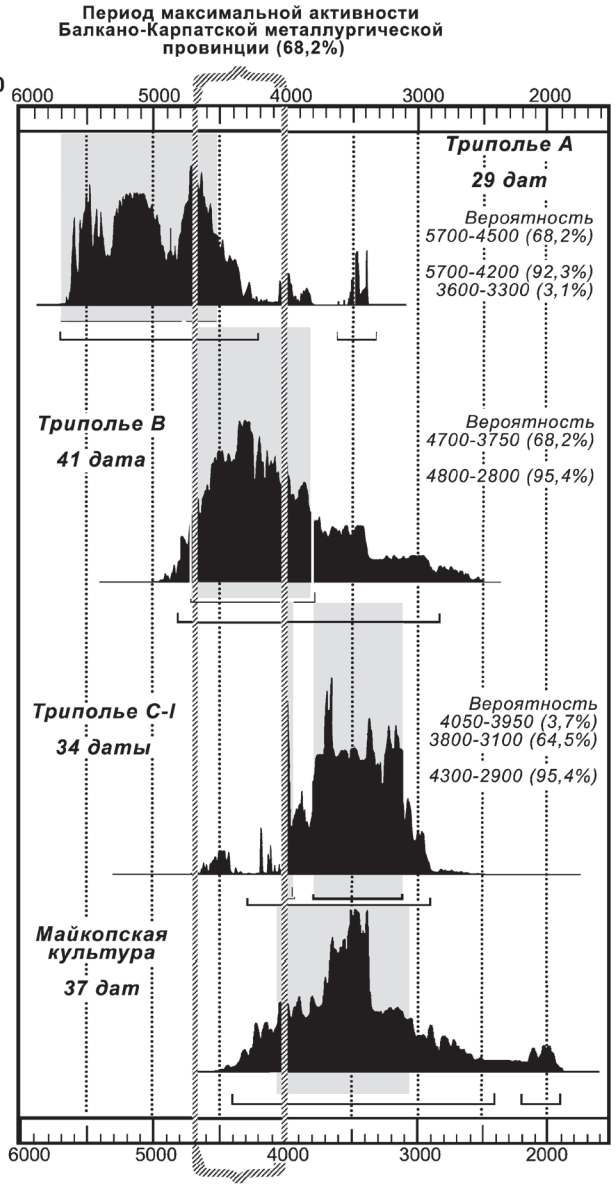

Рис. 5. Суммы вероятностей для различных хронологических фаз трипольской археологической общности в сопоставлении с майкопской хронологией. Особой штриховкой помечен диапазон вероятности максимальной активности горнометаллургических центров Балкано-Карпатской металлургической провинции (в одну сигму)

М.С. Гаджиев, Р.Г. Магомедов

ТОРПАХ-КАЛА — КУРО-АРАКСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И САСАНИДСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ

Городище Торпах-кала расположено в 20 км к югу от Дербента, у северной окраины пос. Белиджи, в междуречье Рубаса и Гюльгерычая (р. Гюрген) и представляет собой один из крупнейших археологических объектов Восточного Кавказа. Первое упоминание об этом памятнике встречается у Джона Кука (Cook, 1770. Vol. I. P. 375; Vol. II. P. 363–364) и Иоганна Лерха (Lerche, 1791. S. 304–305), которые пересекли Приморский Дагестан в 1747 г. в составе посольства князя Голицына в Персию. Д. Кук именует городище *Turpocala* (тюрк.-араб. *Торпах-кала* «Глиняная (земляная) крепость»), а И. Лерх — *Toprak Kale* и *Scheherge* (перс. *Шехер-гях* «Место города»). Оба автора приводят сходные предания, по которым городище предстает «царской резиденцией». Очевидно, именно этот памятник фигурирует в «Истории албан» Мовсеса Каланкатваци (VII в.): в главе II, 39 он сообщает, в частности, о том, что посольство епископа Исраела, направленное зимой 681–682 гг. князем Албании Вараз-Трдатом к предводителю гуннов Алп-Илитверу, не доходя Дербента, прибыло в «древнюю царскую резиденцию, в то место, где Григорис, католикос Албании, был удостоен венца мученика» (Dasxuranci, 1961. P. 154–155). Именно рядом с городищем Торпах-кала, в 4,5 км к юго-востоку от него, возле сел. Нюгди, была построена, по преданию, на месте гибели св. Григориса, и ныне возвышается часовня, которая еще в конце XIX — начале XX в. являлась христианской святыней Восточного Кавказа (Комаров, 1882. С. 438–439). Имя погибшего здесь миссионера, проповедовавшего в 330-х гг. среди ираноязычных маскутов, отложилось и в ином названии рядом расположенной р. Гюльгеры-чай (Гюрген), которую раньше жители Нюгди именовали также Григоринчой — «река Григора».

Городище Торпах-кала неоднократно привлекало внимание специалистов. В 1923 г. оно было осмотрено А.С. Башкировым, который отметил его сходство в планировке с североперсидскими и юго-западными туркменистанскими укреплениями (Башкиров, 1927. С. 235–236). В 1937 г. городище посетил Е.А. Пахомов (Пахомов, 1938. С. 34), а в 1941 г. — М.И. Исаков (Исаков М.И., 1941. С. 156–157), в публикациях которых была приведена самая общая, очень краткая характеристика этого неординарного памятника. М.И. Исаков сначала датировал городище последними веками до н. э. — первыми веками н. э. и отнес его гибель к IV–V вв. н. э. (Исаков, 1941. С. 156–157), затем ограничил время его существования первыми веками н.э. (Исаков, 1959. С. 204), а позже — второй половиной I тысячелетия н. э. (Исаков., 1966. С. 15). Он также полагал, что здесь находился город Албана, упомянутый Клавдием Птолемеем в списке населенных пунктов Кавказской Албании (Исаков, 1941. С. 156–157).

В начале 1950-х гг. территория городища была передана в ведомство Министерства обороны СССР и закрыта для посещения. В 1957 г. В.Г. Котович смог осмотреть лишь небольшой участок западных окраин древнего городища, датированного им V–VIII вв. (Котович, 1957. С. 97–101). В местном самодеятельном музее, организованном членами краеведческого кружка во главе с преподавателем литературы Клеопатрой Марковной Берестовой, среди большой подборки раннесредневекового подъемного материала он выделил «лепную керамику архаического облика, которая сближается с керамикой поселений конца энеоли-

та — начала ранней бронзы» (*Котович*, 1957. С. 97–99). Точное местонахождение поселения эпохи бронзы так и осталось невыясненным.

С.Т. Еремян идентифицировал городище с раннесредневековым городом Чор, который, по его мнению, являлся столицей царства Маскутских Аршакидов (Очерки истории СССР, 1958. С. 304, 316). В.Г. Котович локализовал на месте Торпах-калы город Беленджер, который, как и С.Т. Еремян, отождествлял с городом Чор (Котович, 1974. С. 199). Позднее М.С. Гаджиевым была предложена идентификация городища с сасанидским городом Шахристан-и Йездигерд (Гаджиев, 1980), возведенным, согласно сирийской хронике города Карка де бет Селох (конец V — VI в.), шаханшахом Йездигердом (438–457) в области Чол (Hoffmann, 1880. S. 50). Такой разброс мнений в датировке и интерпретации городища Торпах-кала был обусловлен как археологической неизученностью объекта, так и, если рассматривать шире, слабой разработкой многих вопросов исторической географии Восточного Кавказа I тысячелетия н. э.

В настоящее время памятник расположен на территории Учебного центра Дербентского погранотряда УФПС ФСБ РФ и доступ на него ограничен. Городище имеет трапециевидную форму и занимает площадь свыше 100 га (рис. 1). Длина его валов — от 950 до 1150 м, высота — 7–8 м, ширина — 30–39 м. Общая протяженность валов составляет 4400 м. С внешней стороны они имеют 144 полукруглых выступа, расположенных через каждые 28–30 м и фиксирующих местонахождение башен. В каждом валу имеются разрывы, указывающие в ряде случаев на расположение в этих местах городских ворот, фланкированных башнями. Городище по периметру было защищено ныне заплывшим рвом шириной 20–25 м. На сооружение городских стен шла глина, добываемая непосредственно на месте — из создаваемого рва, и очевидно, что первоначальный объем рва был близок объему стен.

В 1999 г. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с разрешения командования Особого Кавказского пограничного округа (ныне УФПС ФСБ РФ) провела рекогносцировочные работы на городище Торпах-кала, а в 2000 г. — начала на нем раскопки[1]. В результате проведенных работ на памятнике были исследованы его стратиграфия, оборонительные сооружения, позволившие датировать городище V–VI вв. н. э. (Гаджиев М.С., 2001. С. 32–40; Гаджиев М.С., Бакушев, 2005. С. 66–67).

Куро-аракское поселение. Большое значение имело обнаружение на территории городища поселения эпохи ранней бронзы (Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г., 2002. С. 31–33), откуда находки, очевидно, ранее и попали в поле зрения В.Г. Котовича. Поселение занимает холм овальной формы размерами около 80 × 100 м и высотой до 6 м, расположенный в восточном углу городища (рис. 1). С северо-восточной и юго-восточной сторон он ограничен оборонительной стеной городища и, по всей видимости, холм был эскарпирован при строительстве этой оборонительной стены городища. С северо-западной и юго-западной сторон холм ограничен болотистым озером с зарослями камыша, занимающим подошву холма (рис. 2). Происхождение болота не ясно, но не исключено, что здесь располагался ров, защищавший эту часть городища с открытой стороны. Первоначально была высказана идея, что здесь, на холме, в углу городища располагалась цитадель (Гаджиев М.С., Магомедов А.Р., 2001. С. 145), что характерно для многих памятников Ирана и Средней Азии античного и раннесредневекового времени с правильной геометрической планировкой. Вместе с тем было отмечено, что предполагаемая цитадель была размещена не на специальной искусственной платформе, что также нередко наблюдается, а под нее был использован существовавший здесь холм, «вписанный» в угол городища. В ходе последующих полевых работ было окончательно установлено отсутствие здесь цитадели городища, а холм представляет собой своеобразный тип зольных поселений куро-аракской культурно-исторической общности — *mene*.

Работы 2000–2001, 2003 и 2006 гг. на раскопе I (рис. 3), заложенном на северном, относительно крутом склоне холма, выявили стратиграфию и общую мощность культурного слоя памятника (около 6 м), вскрыли остатки не менее 6 строительных горизонтов, некоторые из которых (особенно верхние) были чрезвычайно насыщены археологическими находками. Никаких следов от оборонительных сооружений для эпохи ранней бронзы на холме пока

[1] Исследования на городище проводились по грантам РГНФ (проекты № 99-01-18080, 00-01-18084е, 01-01-18023е, 03-01-18030е, 04-01-18067е, 05-01-18035е, 06-18072е).

не обнаружено. Многочисленные бугры и ямы на поверхности холма объясняются наличием здесь постоянной мусорной свалки, рытьем учебных окопов и взятием грунта на изготовление саманного кирпича.

Самый верхний *1-й строительный горизонт*, представленный остатками утрамбованного глинобитного пола и двумя стационарными очагами в виде врытых в грунт крупных сосудов, был перекрыт балластным слоем со смешанными материалами раннебронзового и позднесасанидского времени. Ниже данного глинобитного пола зафиксирован следующий *(2-й) строительный горизонт* — он представлял собой мощный глинобитный пол, устланный большим количеством раздавленных сосудов (отмечено 2 крупных скопления керамики), каменными зернотерками и перекрытый отложениями (свыше 0,5 м) сильного пожара и рухнувшей вниз плоской кровлей двора (?). С уровня 2-го строительного горизонта в культурный слой предшествующего времени была впущена небольшая овальная в плане землянка — помещение № 1 (1,6 × 2,1 м; высота стенок — 2,8 м). Внутренние стенки землянки частично сложены из сырцового кирпича и имеют штукатурку, а местами представляют глинобитный массив или срез культурного слоя.

С уровня *3-го строительного горизонта* (–0,6 м от ± 0 и ниже) зафиксирована еще одна глубокая землянка (помещение № 2) овальной в плане формы (1,76 × 2,1 м; максимальная высота землянки — 2,8 м, но отчетливо ее стены выявлены на высоту всего до 2,3 м), также впущенная в культурный слой и частично разрушившая стенку вышеописанной землянки (помещения № 2). Следует отметить, что часть стенки поздней землянки, попавшей на дуговидный контур более ранней аналогичной землянки, была выложена сырцовыми кирпичами с внутренней штукатуркой (всего зафиксировано 32 яруса однорядной кладки кирпичей; размеры кирпичей: 36–43 × 19–20 × 6–7 см; общая высота стенки 2,1 м). Глинобитный пол помещения № 1 находился на 0,24 м ниже пола помещения № 2. В помещении № 2 выявлены многочисленные артефакты, свидетельствующие о предназначении подобных построек в качестве своеобразных хозяйственных амбаров-погребов.

Раскопки, произведенные в северной части раскопа вблизи с описанными землянками и внутри землянок, показали, что днища землянок покоятся на уровне толстого глинобитного пола от очень большого круглопланового помещения, возможно жилища со стенками из сырцового кирпича. Можно предположить, что при рытье котлованов под погреба древние поселенцы наткнулись на очень твердую поверхность нижележащего глинобитного пола и остановились. Пока трудно сказать, сколько строительных горизонтов отделяют указанные землянки и глинобитный пол, но минимум один строительный горизонт, правда, не связанный с конкретными строительными остатками, следует все же иметь в виду.

Наиболее интересным строительным объектом, выявленным в нижних культурных напластованиях раскопа I, является крупное наземное круглоплановое помещение № 3. Судя по кривизне участка глинобитной стены, расчищенной вдоль северной и восточной стенок раскопа, диаметр данного помещения составляет около 7 м. Ширина стены колеблется в пределах 0,6–0,8 м; максимально сохранившаяся высота ее — 0,6–0,7 м. У восточной стенки раскопа (кв. в-3) помещение № 3 оказалось частично прорезанным более поздним помещением № 1. Таким образом, была зафиксирована стратиграфически последовательная связка трех строительных построек разного времени, которые позволяют судить об уровне строительного дела, характере и эволюции архитектурной традиции на памятниках эпохи ранней бронзы Приморского Дагестана.

Круглоплановые жилища наземного характера, сооруженные с применением сырцовых кирпичей, широко известны на памятниках всего ареала куро-аракской культурно-исторической общности (Кушнарева, Чубинишвили, 1970. С. 70, 87, 91, 98 и др., рис. 25, 32Б, 34–37; Мунчаев, 1975. С. 155; Гаджиев М.Г., 1991. С. 171–176; Кушнарева, 1993. С. 75–76), в том числе и на Северо-Восточном Кавказе (Великент II).

Ниже уровня пола круглопланового помещение № 3 выявлена серия очажных конструкций (очаги № 1–6), некоторые из которых стратиграфически перекрывают друг друга. Помимо традиционных куро-аракских очагов округлой формы, здесь найдены также очаги неопределенной формы; они, скорее всего, представляют собой остатки сильноразрушенных обжигательных устройств типа двухчастного «кора», доживающих в последующем вплоть до этнографической действительности (Котович, 1965. С. 76–78). Примечательно, что при расчистке данных очагов в заполнении и окружающем их грунте были найдены обломки плавильных чаш (?), двух тиглей с ос-

татками бронзовых выплесков-«корольков», мелкие кусочки бронзы, что, очевидно, свидетельствует об использовании некоторых очагов в бронзолитейном деле.

Раскопки показали, что в архитектуре поселения господствовал круглый план; имелись различного типа очаги, в том числе в виде зарытых в пол глиняных толстостенных сосудов. Широко использовались в строительном деле глинобит, сырцовые кирпичи и турлук (обломки турлучной обмазки с отпечатками прутьев часто находили в слоях).

Из-за малой площади раскопа и фрагментарности полученных результатов трудно пока судить об общей планировке строительных остатков поселения, об эволюции архитектурной традиции на памятнике и особенностях жилищ и хозяйственных построек.

В ходе раскопок поселения Торпах-кала обнаружен типичный комплекс археологических находок, характеризующих локальный вариант великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности.

Основная часть инвентаря представляет собой керамику (рис. 4). Распределена она была стратиграфически крайне неравномерно. Если на уровне верхних двух горизонтов и в особенности на уровне сохранившегося мощного глинобитного пола, а также в заполнении выявленных строительных построек типа землянок-«погребов», керамика, а заодно и находки других категорий (изделия из кости, камня, глины и т.д) встречались в значительном количестве, то за пределами землянок, в слоях, стратиграфически нижележащих по сравнению с землянками, найдено удивительно мало находок, в том числе и обломков керамики. Очень мало в раскопе обнаружено и остеологического материала. По-видимому, это объясняется спецификой изучаемого участка культурного слоя.

К группе керамических изделий относятся сосуды, жаровни и сковороды, подставки под сосуды, поделка — «столик» с ножками в виде сосудиков, очажные подставки, модели колес и пластика.

Отметим, что большая часть типологического разнообразия керамических изделий пока представлена немногочисленными образцами. Подавляющая часть керамики поселения Торпах-кала, относимая, как обычно, к посуде, чрезвычайно колоритна, разнообразна и характеризуется большим своеобразием на сравнительном фоне куро-аракских памятников. Следует отметить еще тот факт, что, несмотря на небольшую вскрытую площадь культурного слоя, данное поселение дало значительное количество археологически целых образцов глиняной посуды. Это, конечно, позволяет проводить более детальную классификацию глиняной посуды и тем самым более четко представить место поселения в кругу одновременных и однокультурных памятников региона.

Значительная часть глиняной посуды изготовлена по традиционной куро-аракской технологии: она вылеплена вручную из глины, с преимущественными добавками в виде частиц шамота, характеризуется неоднородной цветовой гаммой, в которой превалируют черно-серый, коричневый и реже розовато-охристые оттенки. В значительно меньшем количестве представлены сосуды, также ручной выделки, у которых тулова обмазаны жидкой глиной.

Большое значение имеет обнаружение в нижних слоях раскопа наряду с обычной куро-аракской глиняной посудой небольшой серии обломков высококачественной керамики типа Великент II. Тем самым поселение Торпах-кала, наряду с такими памятниками, как Сержень-юрт I–II, Великент II, Кабаз-кутан, Сюгут, Серкер-тепе, Дашлы-тепе (Мунчаев, 1975. С. 359, рис. 76: 9–11; Gadzhiev M.G. et al., 1997. P. 198–199, fig. 16; Gadzhiev M.G. et al., 2002. P. 51, 65, 67–68, fig. 7a: 1, 7a: 10, 21; Магомедов Р.Г., 2002. С. 286–287; Magomedov R.G., 2006. P. 147–148, fig. 2, 7–8 и др.), включается в пласт наиболее ранних куро-аракских комплексов на Северо-Восточном Кавказе. О раннем характере нижних горизонтов культурных напластований Торпах-калы говорит также факт обнаружения фрагмента керамики с четкими следами от рогожи или циновки, возможно использовавшейся при формовке сосуда. Такой технологический прием наиболее характерен для энеолитических памятников Дагестана (Гинчи, Чинна) (Гаджиев, 1991. С. 66, 77, рис. 12: 7, 9; 15: 3–4).

Торпахкалинская посуда в значительной степени орнаментирована, что не очень характерно для куро-аракских памятников Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1991. С. 223). По характеру нанесения различаются гравированный, рельефный, рельефно-гравированный, вдавленный и рельефно-вдавленный орнамент (рис. 4: 4–6). К декору с оговорками могут быть отнесены также сквозные отверстия на некоторых сосудах, имеющих поддоны. На нескольких фрагментах сосудов были замечены случаи украшения горловин при помощи ангоба.

Типологическая классификация керамических сосудов хорошо выстраивается наличием большой серии целых и археологически целых образцов посуды.

I. *Миски.* Как обычно для куро-аракских памятников Северо-Восточного Кавказа, миски представлены большим количеством и разнообразием. Среди них имеются безручные и миски, снабженные ручками. Последние, как правило, прикреплены к закраине сосудов. По характеру оформления венчика различаются миски с прямыми заостренными венчиками и миски с венчиками, имеющими внутренние утолщения. Такие миски типичны для куро-аракских памятников, расположенных на территории Приморского Дагестана (Гаджиев М.Г., 1991. С. 207–208; Магомедов Р.Г., 2000. С. 62).

II. Сосуды в виде *кружек и банок.* В отличие от других куро-аракских памятников Приморского Дагестана (Гаджиев М.Г., 1991. С. 209) на поселении Торпах-кала пока эти сосуды малочисленны и невыразительны.

III. *Чаши* — наиболее интересный тип посуды данного памятника. Почти все они снабжены ленточными ручками и обычно украшены (рис. 4: 1–6). Если чаши с резко отогнутым венчиком и высоко расположенным ребром на тулове находят близкие аналогии на других куро-аракских памятниках региона (Гаджиев М.Г., 1991. С. 209), то торпахкалинские одноручные чаши с резкоотогнутым венчиком и граненым туловом очень специфичны. Отличительными особенностями подобных чаш являются также наличие на внешней поверхности ручек одинарной или двойной желобчатой линии и украшение тулов гравированным (врезным) узором (впрочем, такой узор присутствует не на всех сосудах). В какой-то мере с подобными чашами могут быть типологически сближены чаши, происходящие из куро-аракских памятников Армянского нагорья (Мунчаев, 1975. Рис. 25; 1994. Табл. 4). Следует отметить, что среди керамических материалов с поселения Серкертепе имеются обломки чаш, снабженных аналогичными ручками с несколькими желобчатыми линиями по спинке (Мусаев, 2006. Табл. XVIII: 3–4).

IV. *Горшки* различных форм и размеров. Они типичны для большого числа куро-аракских памятников Закавказья и Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1991. С. 209). Торпахкалинские образцы отличаются от остальных наличием реберчатого перегиба, оформленного рельефно-вдавленным узором.

V. Сосуды *типа кубков на высоких гофрированных поддонах* (рис. 4: 7–8). Совершенно уникальные для Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа сосуды. Имеют черно-серое блестящее лощение, каждая секция гофрированной ножки-поддона оформлена одинарными круглыми вдавлениями на стенках.

VI. Сосуды на *высоких гладких и гофрированных поддонах типа салатниц.* Также уникальны и редки для дагестанских памятников этого времени, но близкие аналогии имеются на некоторых северовосточноазербайджанских памятниках (например, на поселении Серкер-тепе) (Мусаев, 2006. С. 39–43. Табл. XXVII–XXIX). Один из плохо сохранившихся сосудов этого типа имел поддон-«погремушку», такие сосуды близкой формы нам известны из Великентского комплекса памятников (Magomedov R.G., 2006. Fig. 2: 9).

VII. К керамике *специального назначения* можно отнести:

– *жаровни, сковороды* (обращает на себя внимание отсутствие на памятнике сковород с высоким вертикальным бортиком, украшенным сквозными отверстиями вдоль верхнего края) — типичны для всего ареала куро-аракской культурно-исторической общности; близкие формы такой керамики имеются на памятниках эпохи ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа (Гаджиев М.Г., 1991. С. 206; Мусаев, 2006. С. 47).

– *подставки под сосуды.* Различаются двух видов: а) *подставки биконической формы*; б) *подставки в виде колец.* Если первые подставки имеют приближенные прототипы на куро-аракских памятниках Закавказья (Sagona, 1984. P. 540–547, fig. 96–99) и Дагестана (Карабудахкент, Великент) (Мунчаев, Смирнов, 1958. С. 166, рис. 5: 3–4; Магомедов Р.Г., 2000. С. 66–67, рис. 11: 1), то вторые до недавнего времени были совершенно уникальны для Северо-Восточного Кавказа и находили близкие аналогии только на ближневосточных памятниках (например, таковые известны на урукских памятниках Северо-Восточной Сирии). В 2003 г. подставки обоих типов найдены при раскопках остатков гончарной печи на Останце 1 Великентского поселения I.

Единичными находками на поселении представлены также следующие керамические изделия:

– *Очажные подставки.* Пока встречены обломки подставок двух типов: а) подставка в виде *усеченного конуса*, снабженная ручкой (рис. 5: 2). Нередко встречается на куро-арак-

ских памятниках Северо-Восточного Кавказа (на Мекегинском поселении имеется близкая одноручная аналогия – см.: Гаджиев М.Г., 1991. Рис. 30: 1); б) подставка в виде *плоского кирпича* с различными отверстиями. Подобные подставки, имеющие роговидные выступы и отверстия на торцах и широких плоскостях, встречены многократно на памятниках эпохи ранней бронзы региона (Тад-шоб, Каякент, Великент, Кабаз-кутан и др.: Гаджиев М.Г., 1991. С. 207, рис. 27: 24, 27; 34: 28), но торпах-калинская находка уникальна среди них своей оригинальной конструкцией.

– *Модель колеса* сохранилась наполовину. Диск колеса имеет выступающую ступицу. Такие модели типичны для куро-аракских памятников на всех территориях ее распространения. Очень близкие образцы по размерам и формам были найдены на великентских памятниках, а также на поселении Кабаз-кутан.

– *Зооморфная статуэтка* (рис. 5: 3). Глиняная пластика аналогичного типа широко известна на раннеземледельческих памятниках Кавказа, в том числе относящихся к куро-аракской культурно-исторической общности (Мунчаев, 1994. С. 55).

Значительно в меньшем количестве по сравнению с керамикой на поселении встречены орудия труда, предметы вооружения, а также изделия неясного назначения, сделанные из других материалов.

Орудия труда:

– *из камня* (наковаленка (?), зернотерки, песты, топоры-тесла с желобчатым перехватом, мотыжки с двумя перехватами, грузила (?), кремневые вкладыши серпов и т.д.);

– *из кости* (проколки и шилья, в том числе с боковыми вырезами (рис. 6: 4–6); рог-кочедык (рис. 6: 12); пряслица из эпифиза костей (рис. 6: 17–18) и т.д.).

К *предметам вооружения* однозначно можно отнести обломки двух шаровидных наверший булав из мраморовидного камня (рис. 5: 1).

Все вышеуказанные предметы, за исключением, пожалуй, каменных мотыжек с двумя перехватами, сравнительно широко известны на памятниках широкого круга, относящихся не только к куро-аракской культурно-исторической общности.

Предметы неясного назначения представлены продырявленными фалангами животных (рис. 6: 16), каменными маленькими шариками (рис. 6: 1).

Наконец, заметим, что среди находок имеются довольно крупный кусок необработанного *гешира* и остатки толстого *каната*, обугленного в пожаре.

Среди костяных изделий можно отметить наконечник стрелы пулевидной формы, серию проколок (рис. 6: 7, 13–15), тупики (один из которых, сделанный из лопатки КРС, особо выделяется большими размерами и великолепной сохранностью).

По характеру и особенностям топографии, стратиграфии, архитектуры, а также инвентаря поселение Торпах-кала находит параллели среди памятников куро-аракского времени Приморского Дагестана. Особую близость Торпах-кала обнаруживает с поселениями этого периода Северо-Восточного Азербайджана (Серкер-тепе и др.). Очевидно, по мере археологического изучения Южного Дагестана и прилегающих районов Азербайджана встанет вопрос о выделении здесь локального варианта великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности.

Датировка поселения Торпах-кала опирается как на типологический анализ керамики, так и на данные радиоуглеродного анализа. Завершение многолетних работ на раскопе I позволяет скорректировать ранее высказанную хронологическую оценку памятника в пределах первой половины III тысячелетия до н. э. (Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г., 2002. С. 31–33). Нахождение в культурном слое образцов обмазанной керамики, с одной стороны, и высококачественной керамики типа Великент II – с другой, позволяет ставить изучаемое поселение по времени после Великента II и несколько синхронизировать его с ранними слоями Великента I, что соответствует относительной датировке в пределах конца IV – первой половины III тысячелетия до н. э. Этому не противоречит и единственная пока дата ^{14}C (Bln – 5374: 4255 ± 39 BP (1σ – 2920–2760 BC; 2σ – 2930–2690 BC), полученная в Берлинской лаборатории для образца (уголь) из раскопок 2000 г.

Сасанидское городище. Помимо раскопок поселения эпохи ранней бронзы, было предпринято и изучение собственно городища, прежде всего его оборонительных сооружений, стратиграфии и хронологии. Имеющиеся в отдельных местах обнажения вала, окружающего городище, фиксируют скрытые в них некогда мощные стены, сложенные из сырцового кирпича на глиняном растворе. Одно из таких обнажений расположено в центральной части юго-западного вала – между башнями 51 и 52,

где его прорезала грунтовая дорога (рис. 7). Произведенный здесь разрез (разрез I) позволил исследовать структуру вала и скрытую в нем оборонительную стену.

Вал был перекрыт слоем гумуса и ниже — *слоем 1*, представлявшим плотную, светло-коричневую глинобитную массу, которая образовалась в результате полного постепенного и естественного разрушения сырцовых кирпичей верхних рядов кладки, из которых была сложена выявленная в валу оборонительная стена.

Оборонительная стена, перекрытая слоем 1, занимает центральную часть вала и представляет собой сплошную кладку из квадратных сырцовых кирпичей 38–42 × 38–42 × 10–12 см различных оттенков коричневого, бежевого цветов. Кирпичи уложены плашмя цепным способом на плотном глиняном желтовато-бежевом растворе. Толщина горизонтальных швов между рядами кирпичей составляет 1–4 см, обычно — 2–3 см. Толщина вертикальных швов колеблется от 1,5 до 4 см, при норме 2,0–2,5 см. В разрезе зафиксировано на уровне от полотна дороги до верхних отметок стены 25–27 рядов сырцовых кирпичей на высоту 2,75–2,90 м. Это зафиксированная разрезом сохранившаяся высота стены. Но необходимо иметь в виду, что нижние ряды кладки стены уходят в толщу полотна дороги и общая сохранившаяся высота стены на данном участке, как показали дальнейшие исследования, составляет около 4,5 м. Ширина стены у ее основания составляет 10,20–10,25 м. Наружный фас стены имеет наклон 12°, что позволяло ликвидировать пристенное «мертвое пространство», а внутренняя грань ее вертикальна.

С обеих сторон к остаткам сырцовой стены примыкал располагавшийся ниже слоя 1 *слой 2*, представляющий собой плотную, светло-коричневую, сырцово-суглинистую комковатую массу полностью разрушившихся и сильно фрагментированных сырцовых кирпичей толщиной 10–12 см. Этот слой, образовавшийся в результате разрушения стены, наклонной лентой следует от фасов стены вниз к краям вала. Было бы заманчиво связывать образование слоя 2 с событиями середины V в., когда городище, как полагаем, было подвергнуто разрушению во время антииранского восстания под руководством Вардана Мамиконяна. Не исключено, что древнеармянский автор V в. Егишэ писал именно об этом городе-крепости «на границе албанов и хонов», разрушением которого повстанцами во время восстания 450–451 гг. «был крайне удручен» шаханшах Йездигерд II, т.к., «начав издавна, только-только смогли построить» (Егишэ, 1971. С. 118).

Вплотную к основанию наружного фаса сырцовой стены под слоем 2 примыкает *слой 3*, представляющий собой очень рыхлый, светло-коричневого цвета пылевидный грунт. Судя по структуре слоя, его стратиграфическому положению, конфигурации, можно считать, что он образовался после завершения функционирования стены, но до процесса ее активного разрушения и со временем накапливался у ее основания.

В месте расположения прилегающей к разрезу башни 52 вал имеет высоту от подошвы до вершины башни 7,0 м. Башня фиксируется по крупному полуовальной формы выступу в средней и верхней части вала, ширина которого здесь составляет около 37 м. Диаметр выступа по его основанию около 24 м, вынос — 11,5 м. С целью определения параметров данной башни и ее конструкции, здесь рядом с разрезом I был заложен раскоп II (рис. 8, 9). Заметим, что данная башня является типичной по своим внешним признакам (и, очевидно, параметрам) среди башен городища, на котором более крупными размерами выделяются угловые башни, особенно южная, представляющая собой своего рода крупный округлый бастион.

В результате произведенных работ было установлено, что башня 52 сложена в той же технике, что и прилегающая куртина, т.е. сплошь из сырцовых квадратных кирпичей со стороной 38–42 см и толщиной 10–12 см, уложенных цепной кладкой, при той же толщине вертикальных и горизонтальных швов. Зафиксировано 24–28 верхних сохранившихся рядов кирпичей на максимальную высоту 3,00–3,16 м. Нижние ряды кирпичной кладки, которые не вскрывались, с наружной стороны скрыты за облицовочной оштукатуренной поверхностью. Сохранившая максимальная высота башни составляет около 5,7 м.

В ходе вскрытия части наружного фаса башни были определены ее контур и абрис прилегающей не вскрывавшейся части ее, скрытой в выступе вала, фиксирующие форму и размеры башни: она имела полуовальную форму, близкую в плане к трапеции с сильно закругленными углами, длина башни составляет 16–17 м, вынос за линию оборонительной стены около 7,5 м. Наружная грань башни имеет небольшой наклон (5°–6°), позволявший устранить пристенное «мертвое» пространство.

В нижней части башни, как и на прилегающем исследованном участке оборонительной стены, сохранилась наружная известково-глиняная саманная штукатурка с обильной примесью рубленой соломы. Она имеет общую толщину 7–10 см, выделяются до 3–4 ее слоев. На исследованном участке оборонительной стены у ее стыка с башней она сохранилась в высоту на 82–115 см. Такой же слой штукатурки зафиксирован и по всей длине вскрытого участка башни 52. Сохранившаяся высота ее от 40 до 120 см. На южном участке башни был обнаружен in situ воткнутый в слой штукатурки железный наконечник стрелы – черешковый трехлопастной (сохранились фрагмент одной лопасти и основания остальных, острие не сохранилось). Снаружи он был закрыт примыкающим к башне массивом слоя 2 (слой разрушения стены).

Ниже данной оштукатуренной поверхности башня и оборонительная стена имеют грубую глинобитно-саманную обмазку на высоту 60–68 см, представляющую наружное покрытие цокольной части укреплений. В южной части башни он был частично снят на небольшом участке. В итоге за этим слоем вскрылись продолжающиеся ряда кладки сырцовых кирпичей башни. На вскрытом участке башня по ее периметру у самого основания имеет выступающий за ее грань мощный слой такого же грубого глинобита, замазавший стык с нивелированной материковой поверхностью. В этом слое глинобита были зафиксированы остатки 3–4 рядов кладки сырцовых кирпичей, выступающих на 40–45 см от грани башни. Эта глинобитная обмазка, как и слой штукатурки, покрывавший выше поверхность укреплений, в определенной степени предохраняли сырцовую кладку от ее разрушения под воздействием влаги, осадков. Особенно массивен слой обмазки в углу стыка башни и куртины.

Башня и прилегающая куртина установлены непосредственно на нивелированной материковой поверхности. Очевидно, что при возведении укреплений городища на данном участке и в данных условиях не было необходимости сооружать глинобитную платформу под стены и башни с целью увеличения их высоты, повышения устойчивости и предохранения от размыва и разрушения, т.к. их подстилала плотная материковая суглинистая почва, выполнявшая роль такой субструкции, а наличие рядом широкого и глубокого рва, грунт из которого шел на изготовление сырцовых кирпичей, дополнительно усиливало оборону.

Определенные в ходе работ особенности конструкцииукрепленийгородищаТорпах-кала находят широкие параллели среди памятников оборонного зодчества Переднего и Среднего Востока, где использовалась сырцовая архитектура. Ближайшими хронологическими и этнокультурными аналогами по строительным методам и материалам являются сырцовые укрепления Дербента, возведенные, как и укрепления Торпах-калы, в 440-х гг. в правление шаханшаха Йездигерда II (439–457) (Кудрявцев, 1978. С. 243–257; 1979. С. 31–43; Гаджиев М.С., 1989. С. 61–76), и укрепления 15-километровой равнинно-предгорной части Гильгильчайской стены в Северо-Восточном Азербайджане, сооруженной при шаханшахе Каваде (488–531) в начале VI в. (Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтер, Кол, Магомедов Р.Г., 2004. С. 441–465; Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Gaither, Kohl, Magomedov R.M., 2006. P. 143–177). Данные параллели с учетом местоположения памятника, его датировки на основе полученного керамического комплекса и индивидуальных находок (см. ниже), а также анализ военно-политической ситуации в регионе подтверждают предложенную версию идентификации сасанидского («царского») города Шахристан-и Йездигерд с городищем Торпах-кала, просуществовавшим весьма недолго и потерявшим свое стратегическое значение после возведения каменного Дербентского оборонительного комплекса в середине VI в.

Выясненные структура вала, параметры и конструктивные особенности стен и башен, учитывая, что на месте разрушенных укреплений не велось последующего строительства и связанных с ним перепланировок и т.п., в дальнейшем позволят на основе разработанной методики определить объем сырцово-суглинистой массы вала и высоту оборонительных стен городища, а затем провести расчеты по определению количества и объема привлеченных ресурсов, строительных материалов, затрат труда, рабочей силы, времени, т.е. решить вопросы палеоэкономики, связанные со строительством этого крупного фортификационного памятника.

На территории городища были заложены два стратиграфических раскопа (шурфа) (рис. 1), выявивших на отдельных всхолмлениях культурные напластования толщиной свыше 2 м. Характер культурных слоев на холме 2 (шурф 1) и их конфигурация, наличие значительного количества органических остатков, костей животных, отсутствие каких-либо

строительных остатков, специфическая особенность керамического комплекса, не только характеризующегося своей однородностью на протяжении всей свиты напластований, но и представленного в абсолютном большинстве образцами сасанидской посуды (рис. 10) при незначительном присутствии керамики местного происхождения (несколько фрагментов коричневолощеной и коричневоглиняной каннелюрованной посуды IV–VI вв.)(рис. 10), позволяют считать, что данный небольшой холм (30 × 50 м) представляет собой мусорную свалку времени существования городища. Расположение свалки в черте города находит объяснение как в огромных размерах самого городища, так и в значительной незастроенной и необживавшейся территории этого города, который просуществовал относительно недолго и потерял свое военно-стратегическое значение после возведения Дербентского оборонительного комплекса в середине VI в.

Так называемая сасанидская керамика из раскопок Торпах-калы резко отличается от местной (восточнокавказской) керамики как по своим формам, так и технологическим характеристикам. Аналоги ей представлены в слоях сасанидского времени (V — начало VII в.) Дербента (Гаджиев М.С., 1989. С. 68–71, рис. 4, 5; Гаджиев М.С., Магомедов А.Р., 2000. С. 235, рис. 5), на других позднесасанидских памятниках Восточного Кавказа (Беш-Бармак, Гаджмитепеляри, Сандыктепе и др.) (Ахундов, 1987. Табл. XL, XLI; Халилов, Кошкарлы, Аразова, 1991. С. 56–58, 105–106, табл. XXI, XXIIIa, XLII), в том числе среди материалов Гильгильчайской длинной стены (Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтер, Кол, Магомедов Р.Г., 2004. С. 461, рис. 18; Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Gaither, Kohl, Magomedov R.M., 2006. Fig. 19), а также на памятниках сасанидского времени на территории Ирана (см., напр.: Keal E.J., Keal M.J., 1981. Fig. 7–19) и юго-западного Туркменистана (Губаев, 1968. Рис. 19: 1–3, 6, 20: 2, 5; Губаев, Кошеленко, 1970. С. 98, 102, рис. 34: 10, 19, 21; 37: 10, 12, 14).

Среди индивидуальных находок выделим хронологически показательные костяные концевые, с пазом для крепления тетивы, накладки лука (рис. 11: 4, 5) и фрагмент верхней части светло-зеленого стеклянного сосуда (стакан, бокал) с орнаментом в виде сот, образованным овальными шлифами (рис. 11: 3). Аналогичные накладки сложного лука известны в Дагестане на ряде памятников IV–VI вв. (Круглов, 1940. С. 67; Смирнов, 1951. Рис. 43; Гмыря, 1988. С. 42, 43. Рис. 4: 4–6). А представленный стеклянный сосуд с орнаментом в виде сот, образованным овальными шлифами, имеет многочисленные аналоги IV–VI вв. на памятниках Ирана, Кавказа и других регионов (см., напр.: Ваидов, 1954. С. 130, рис. 59: 5; Сорокина, 1973. С. 187, рис. 2: 10–13; 1979. С. 61, рис. 1: 6–8, 25–29, 46, 47, 49, 50; Джанполадян, Калантарян, 1988. С. 18, табл. II: 1; XIV: 1, 2; Калантарян, 1980. С. 87–89, табл. I; Рамишвили, 2003. Табл. 116, 29; Аракелян, 2003. С. 332, 333, табл. 148: 3–6, 16, 20; Халилов, 2003, табл. 174: 6; Камелина, 2006. С. 74–76, рис. 1). Большинство исследователей считает местом их производства Иран и Месопотамию.

Укажем также на случайную находку на территории городища в одном из мест скопления обломков сасанидской керамической посуды и обнажения культурного слоя стиля (или булавки) из слоновой кости с навершием в виде кисти правой руки, сжатой в кулак и с поднятым указательным пальцем (рис. 11: 7). Костяные и бронзовые булавки с подобным навершием в виде кисти руки и в том числе с поднятым указательным пальцем известны из раскопок памятников I–V вв. Средней Азии (Толстов, 1948. С. 111, табл. 27: 1; Археология, 1999. С. 259, табл. 15: 8; Массон, 1985. С. 256, 397, 400, табл. CIX: 27; CXII: 8) и памятников V–VII вв. Кавказа (Ваидов, 1954. С. 139, рис. 59: 3; Рамишвили, 2003. С. 289, 397, табл. 111: 29, 31, 32; Халилов, 2003. С. 457, табл. 171: 39). В качестве параллели приведем и изображения верховного жреца Ирана магупата Картира на скальных рельефах в Накш-и Рустаме и Накш-и Раджабе, где он показан с приподнятой правой рукой, со сжатой в кулак кистью и поднятым указательным пальцем. И можно полагать, что, в противовес христианскому и буддийскому мануальным символам, этот («указующий перст») выступал зороастрийским знаком.

Керамический комплекс памятника, а также названные индивидуальные находки позволяют датировать городище Торпах-кала позднесасанидским временем (V–VI вв.), что подтверждает предложенную идентификацию его с «царским» городом Шахристан-и Йездигерд. Согласно сирийской хронике, поход Йездигерда II в область Чол и сооружение здесь города, названного в его честь, приходится на время после восьмого года его царствования, т.е. на 447 г. Этим годом датируется в хронике убийство им дочери, бывшей, согласно зоастрийским семейно-брачным нормам, его

женой, и большого числа знатных и богатых из его подданных (Пигулевская, 1944. С. 44). Сооружение этого городища, расположенного южнее Дербентского дефиле, было целесообразно и стратегически осмысленно только с возведением укреплений и в Дербенте (Чоре). Городище Торпах-кала могло играть стратегическую роль в обороне кавказской границы Ираншахра только вместе с сырцовыми укреплениями Дербента, сооруженными в правление Йездигерда II и перегородившими 3,5-километровый проход между морем и горами. Без последних мощные укрепления города можно было легко обойти – ширина приморской равнины в зоне Торпах-калы составляет свыше 10 км.

Возведение городища Торпах-кала было обусловлено военной активизацией гуннов, а именно предпринятым ими в 441 г. крупным разорительным нашествием на закавказские и малоазиатские провинции Ирана и Византии (Семенов, 2002. С. 15–17) и подготавливавшимся Аттилой в 448 г. новым вторжением в пределы Ираншахра (Prisc. Fr. 8). Вторжение 441 г. было одной из причин заключения между Ктесифоном и Константинополем годичного перемирия, а затем и подписания в 442 г. долгосрочного мирного договора, который подтверждал обязательство Византии по выплате Ирану ежегодных партий золота на охрану кавказских проходов в объемах, оговоренных договором 424 г. (Marc. Comit. Chron., II, 80) и составлявших, очевидно, 500 литр (160 кг) золота ежегодно (Theoph. Chron. 245, 13–26). Эти суммы пошли и на создание эшелонированной системы обороны на Восточном Кавказе – на сооружение длинной сырцовой стены и крепости в Дербентском проходе и расположенного южнее крупного опорного города-крепости Шахристан-и Йездигерд (Торпах-кала). Важная роль в обороне отводилась не только персидским гарнизонам, расквартированным в Дербенте и Торпах-кале, дружинам албанских и армянских князей, но и, как представляется, ираноязычным маскутам, обитавшим в этой зоне.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев А.А., Алиев И.Н., Гаджиев М.С., Гейтнер М.Г., Кол Ф.Л., Магомедов Р.Г., 2004. Новые исследования Гильгильчайской оборонительной стены // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск.

Аракелян Б.Н., 2003. Армения. Раннее средневековье (IV–VIII вв.). Торговля и ремесло // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М.

Археология., 1999. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.

Ахундов Т.И., 1987. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане (середина III тыс. до н. э. – середина I тыс. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. Л.

Башкиров А.С., 1927. Изучение памятников старины // Дагестанский сборник. Махачкала. Т. III.

Ваидов Г.М., 1954. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур) // КСИИМК. Вып. 54.

Гаджиев М.Г., 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.

Гаджиев М.С., 1980. К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Йездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С., 1989. Исследования сырцовой фортификации цитадели Дербента сасанидского времени: (по материалам раскопов Р-XI и Р-XIII) // Древняя и средневековая архитектура Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.С., 2001. Городище Торпах-кала // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.

Гаджиев М.С., Бакушев М.А., 2005. Исследования Белиджинского городища Торпах-кала // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа»: Материалы конференции. Баку.

Гаджиев М.С., Магомедов А.Р., 2000. Раскопки форта Горной стены (сезоны 1996, 1998 гг.) // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Материалы международной научной конференции. Махачкала.

Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г., 2002. Торпах-кала – поселение куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ессентуки; Кисловодск.

Гмыря Л.Б., 1988. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV–VI вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.

Губаев А., 1968. Изучение раннесредневековых памятников в районе Артыка // Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад.

Губаев А., Кошеленко Г.А., 1970. Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад.

Джанполадян Р.М., Калантарян А.А., 1988. Торговые связи средневековой Армении в VI–XIII вв. (по данным стеклоделия) // Археологические памятники Армении. Вып. 14. Ереван.

Егишэ, 1971. О Вардане и войне армянской / Пер. с древнеарм. И.А. Орбели; Подгот. к изд., предисл. и примеч. К.Н. Юзбашяна. Ереван.

Исаков М.И., 1941. Исчезнувший город в Дагестане // Исторический журнал. М. № 6.

Исаков М.И., 1959. Археологические памятники Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала.

Исаков М.И., 1966. Археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Калантарян А.А., 1980. Стеклоделие в Армении в V–VIII вв. // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. № 7.

Камелина Г.А., 2006. Два стеклянных сосуда из коллекции Государственного исторического музея // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000): Тез. докл. М.

Комаров А.В., 1882. Пещеры и древние могилы в Дагестане // V Археологический съезд. Труды предварительных комитетов. Т. I. М.

Котович В.Г., 1957. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1957 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1583.

Котович В.Г., 1974. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала.

Котович В.М., 1965. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы Горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III — II тыс. до н. э. Махачкала.

Круглов А.П., 1940. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции в 1939 г. // КСИИМК. Вып. V.

Кудрявцев А.А., 1978. О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. № 3.

Кудрявцев А.А., 1979. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. № 11.

Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа: (V–III тыс. до н. э.). Л.

Кушнарева К.Х., 1993. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э.: Этапы культурного и социально-экорномического развития. СПб.

Магомедов Р.Г., 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала.

Магомедов Р.Г., 2002. Работы на поселении Кабаз-кутан I // АО 2001. М.

Марковин В.И., Мунчаев Р.М., 2003. Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.

Массон В.М., 1985. Северная Бактрия // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.

Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958. Археологические памятники близ села Карабудахкент: (Дагестанская АССР) // МИА. Вып. 68.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.

Мунчаев Р.М., 1994. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Мусаев Д., 2006. Серкертепе — поселение эпохи ранней бронзы. Баку.

Очерки истории СССР, 1958. [Т.]: III–IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.

Пахомов Е.А., 1938. Археологические экспедиции по районам АзССР // Известия Азерб. ФАН СССР. № 3.

Пигулевская Н., 1944. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.

Рамишвили Р.М., 2003. Грузия в эпоху раннего средневековья (IV–VIII вв.). Материальная культура // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М.

Семенов И.Г., 2002. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала.

Смирнов К.Ф., 1951. Отчет за 1951 г. // Архив ДГОИАМ. Д. 15398.

Сорокина Н.П., 1973. Стеклянные сосуды из могильника Харакс // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Сорокина Н.П., 1979. Стеклянные сосуды IV–V вв. и хронология Цебельдинских могильников // КСИА. Вып. 158. М.

Толстов С.П., 1948. Древний Хорезм. М.

Халилов Дж., 2003. Раннесредневековая Албания в IV–VII веках. Материальная культура // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV–XIII века. М.

Aliev A.A., Aliev I.N., Gadjiev M.S., Gaither M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.M., 2006. The Ghilghilchay Long Defensive Wall: New Investigations // Ancient East and West. Vol. 5,. N. 1–2.

Cook J., 1770. Voyages and Travels through The Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia. Edinburgh. Vol. I–II.

Dasxuranci, 1961. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci / Transl. by C.J.F. Dowsett. London.

Gadzhiev M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.G., Stronach D., 1997. The 1995 Daghestan-American Velikent Expedition: Excavations in Daghestan, Russia // Eurasia Antiqua. Bd. 3. Berlin.

Gadzhiev M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.G., 2002. Between the Steppe and the Sown: Cultural Developments on the Caspian Littoral Plain of Southern Daghestan, Russia, c. 3600–1900 BC // Ancient interactions: East and West in Eurasia / Ed. by K.Boyle, C. Renfrew, M. Levine. Cambridge.

Gadzhiev M.G., Kohl Ph.L., Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M., 2005. Daghestan-American Archaeological investigations in Daghestan, 1997–1999 // Древности Кавказа и Ближнего Востока: Сб. ст., посвящ. 70-летию со дня рожд. проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала.

Hoffmann G., 1880. Auszüge aus syrischen Akten Persischer Martyrer // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Excurse. Bd. VII. N 3. Leipzig.

Kohl Ph.L., 2007. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge. (Cambridge World Archaeology).

Kohl Ph.L., Gadzhiev M.G., Magomedov R.G., Stronach D., Gadzhiev Sh.M., 2000. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99 // Eurasia Antiqua. Bd. 6. Berlin.

Kohl Ph., Gadzhiev M., Magomedov R., 2002. Connections between the Caucasus and the West Eurasian Steppes during the 3rd Millennium // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Regional Specifics in Light of Global Models / Ed. by K. Jones-Bley, D.G. Zdanovich. Vol. II. Washington D.C.: Institute for the Study of Man. (JIES. Monograph Series; N 46).

Lerche J.J., 1791. Lebens- und Reise-Geschichte. Halle.

Magomedov R.G., 2006. The Kura-Araxes "Culture" in the Northern Caucasus: Problems in its Identification and Chronology // Beyond the Steppe and the Sown: Proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology. Leiden; Boston. (Colloquia Pontica; Vol. 13).

Sagona A.G., 1984. The Caucasian Region in the Early Bronze Age. Oxford. (BAR International Series; N 214).

Marc. Comit. Chron. – Marcellinus Comes. Chronicon / ad. a. 518, continuatum ad. a. 534 cum additamento ad. a. 548 / ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auct. antiguiss. XI. 1894. P. 60–108.

Prisc. Fr. – Priscus Panites. Fragmenta / ed. Imm. Bekker et B.G.Niebuhr // Corpus scriptorum historiae byzantinae. 1829. P. 137–228; Fragmenta Historicorum Graecorum / ed. C. Miller. IV. P. 69–110; Historici graeci minores / ed. L. Dindorf. I. P. 275–352; ed. C. de Boor, Exc. de leg., 1903.

Theoph. Chron. – Theophanus Byzantius. Fragmenta.

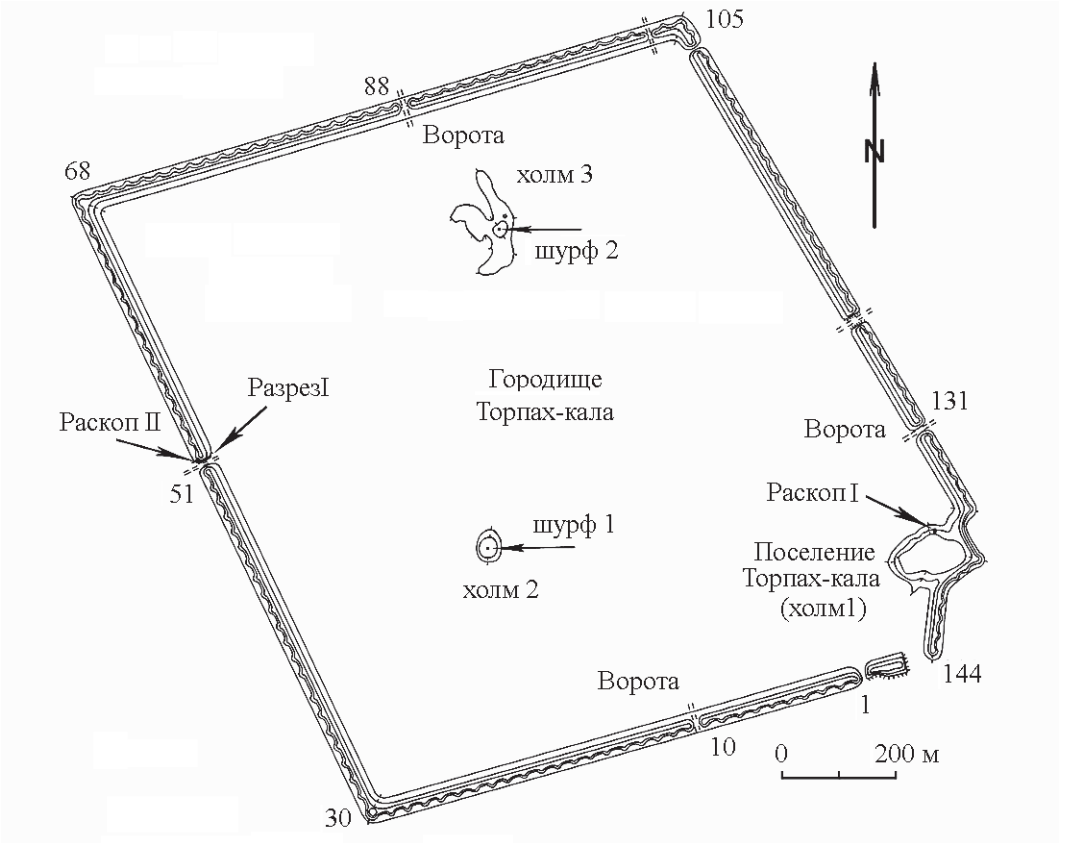

Рис. 1. План городища Торпах-кала

Рис. 2. Поселение Торпах-кала. Вид на раскоп I (с севера)

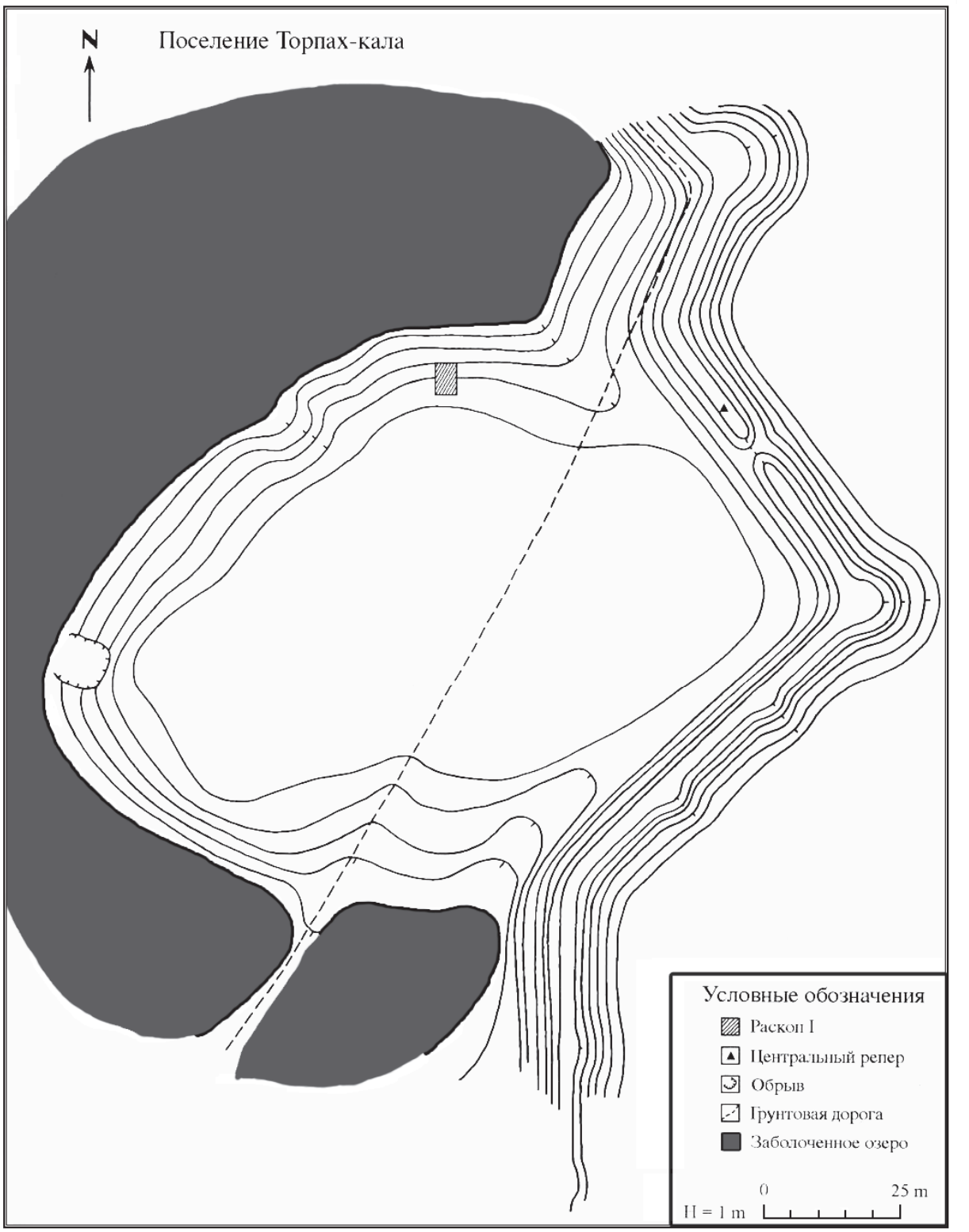

Рис. 3. План поселения Торпах-кала

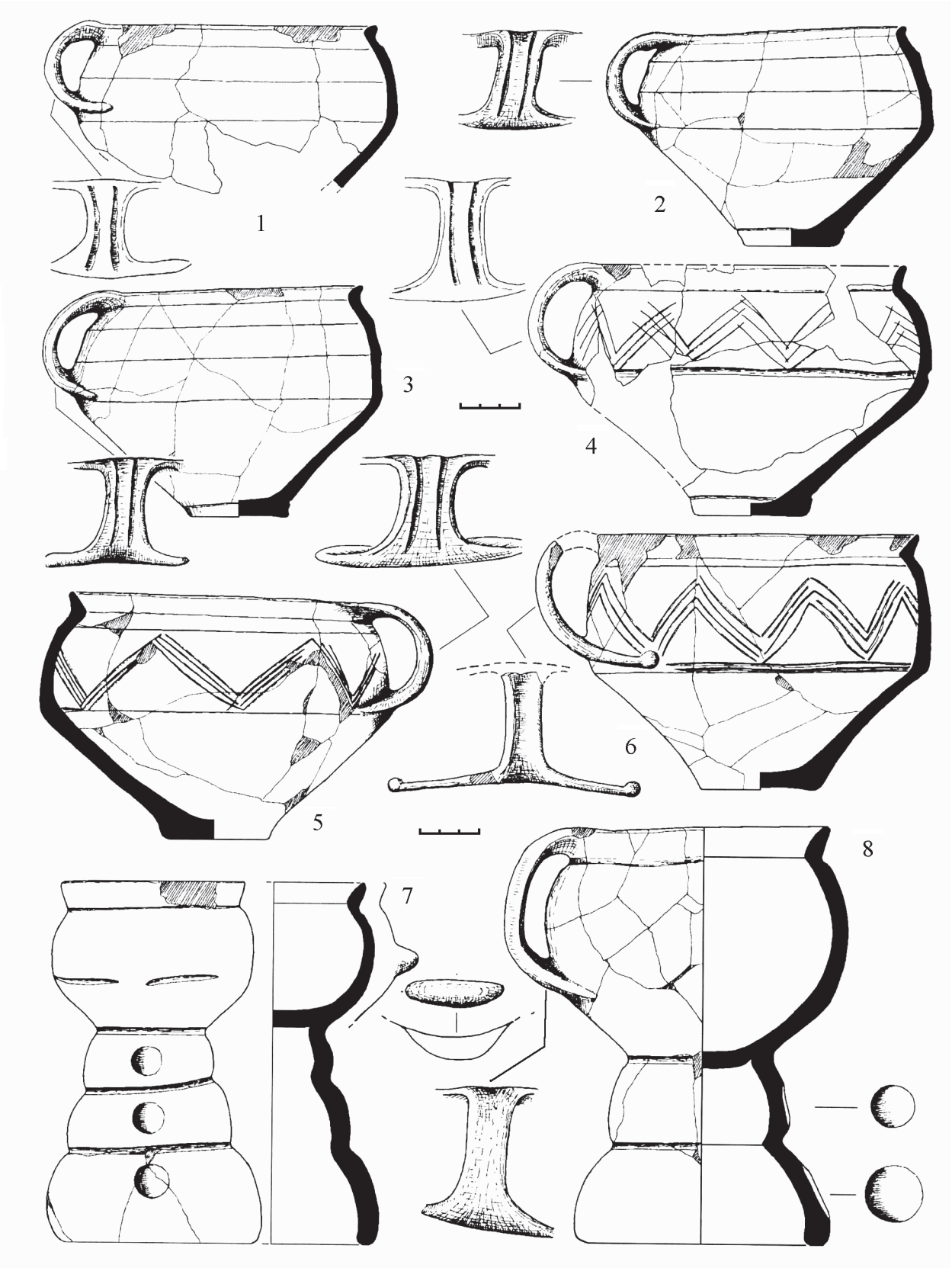

Рис. 4. Поселение Торпах-кала. Керамика РБ

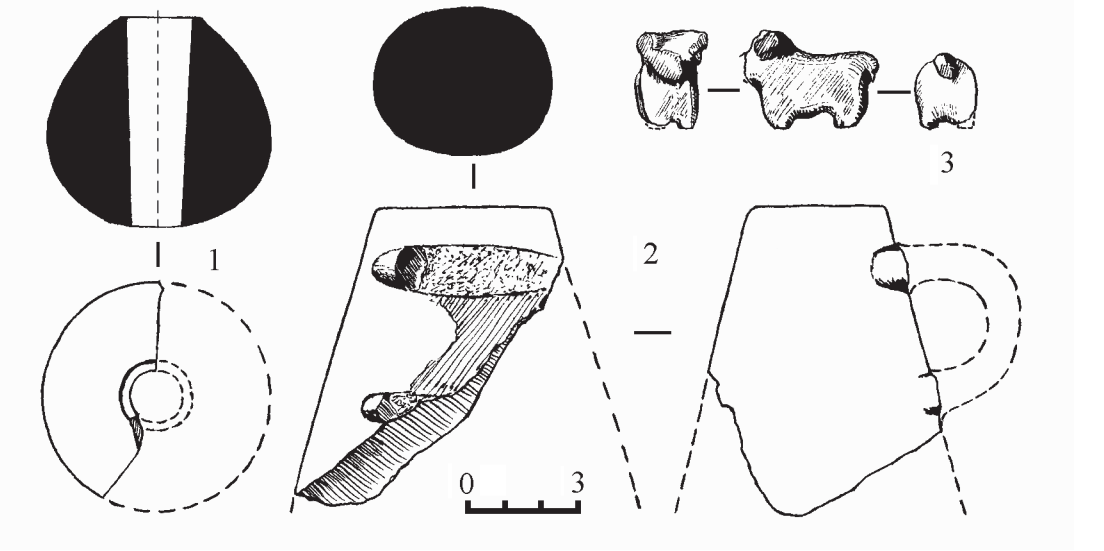

Рис. 5. Поселение Торпах-кала. Индивидуальные находки РБ: 1 — каменная булава; 2 — глиняная очажная подставка; 3 — глиняная зооморфная фигурка

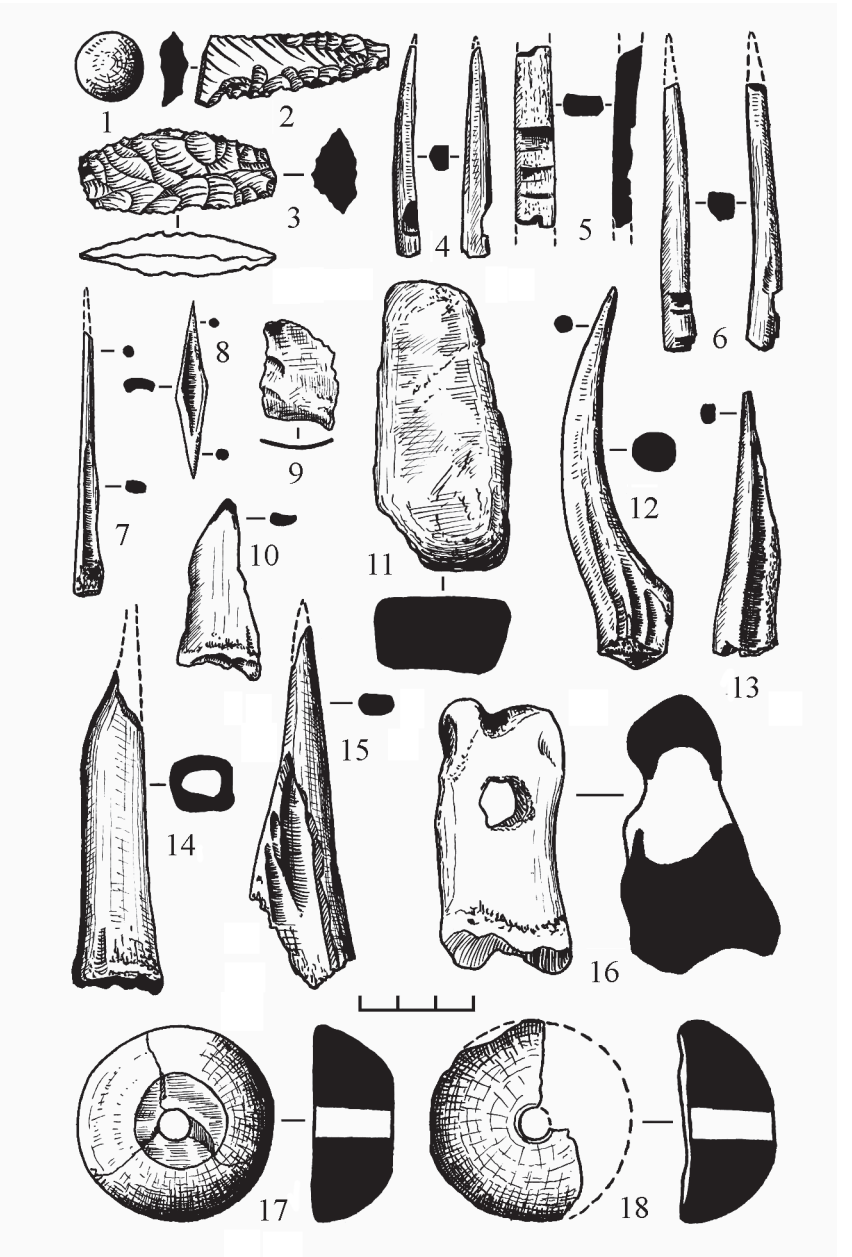

Рис. 6. Поселение Торпах-кала. Индивидуальные находки РБ: камень — 1–3; кость — 4–8, 10, 12–18; бронза — 9; гешир — 10

Рис. 7. Городище Торпах-кала. Ворота в северо-западном валу. Вид с юго-востока

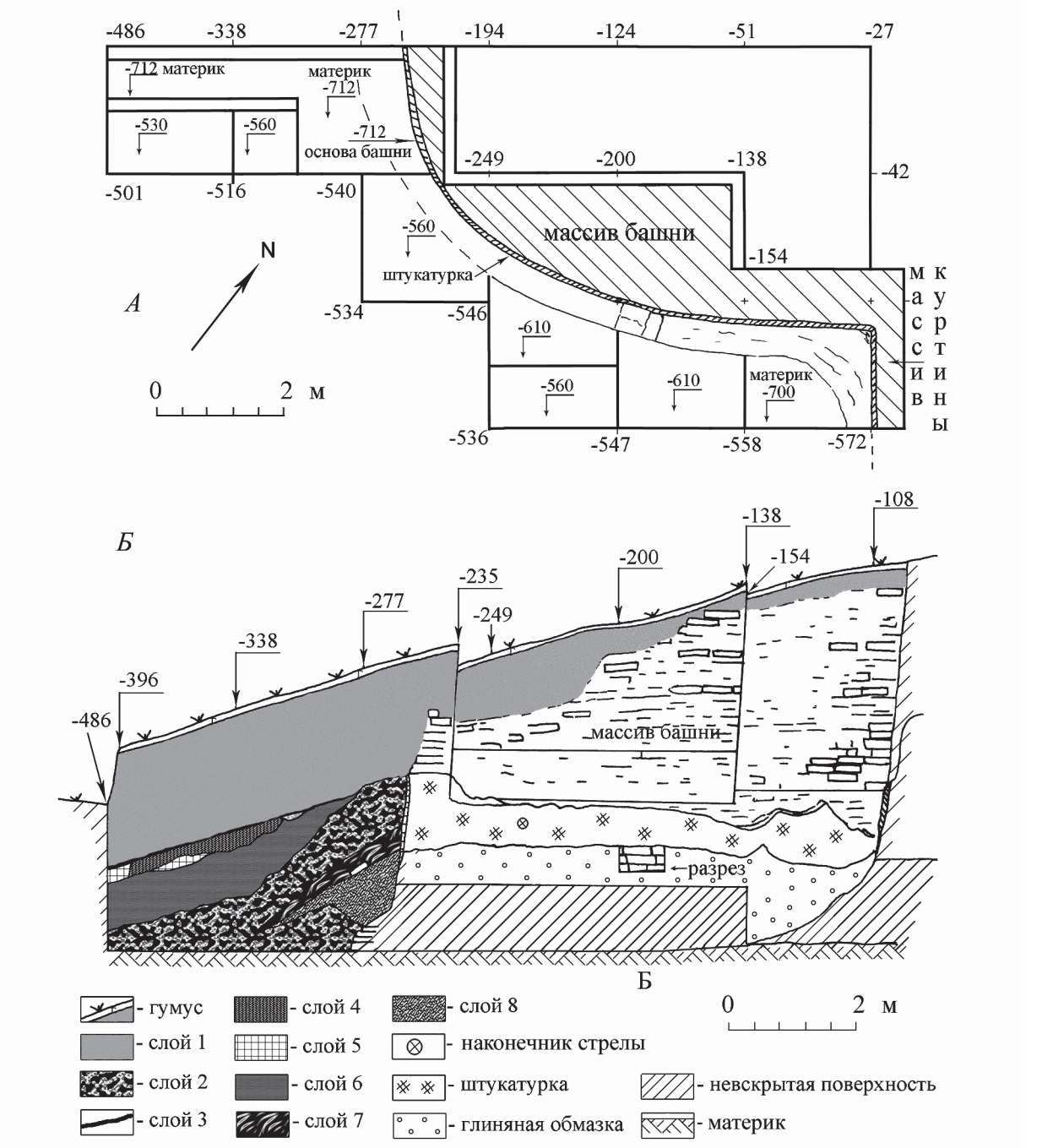

Рис. 8. Городище Торпах-кала. Раскоп II. План раскопа и профиль северо-западной стенки

Рис. 9. Городище Торпах-кала. Раскоп II. Вид с северо-запада сверху на центральный участок вскрытых остатков башни 52

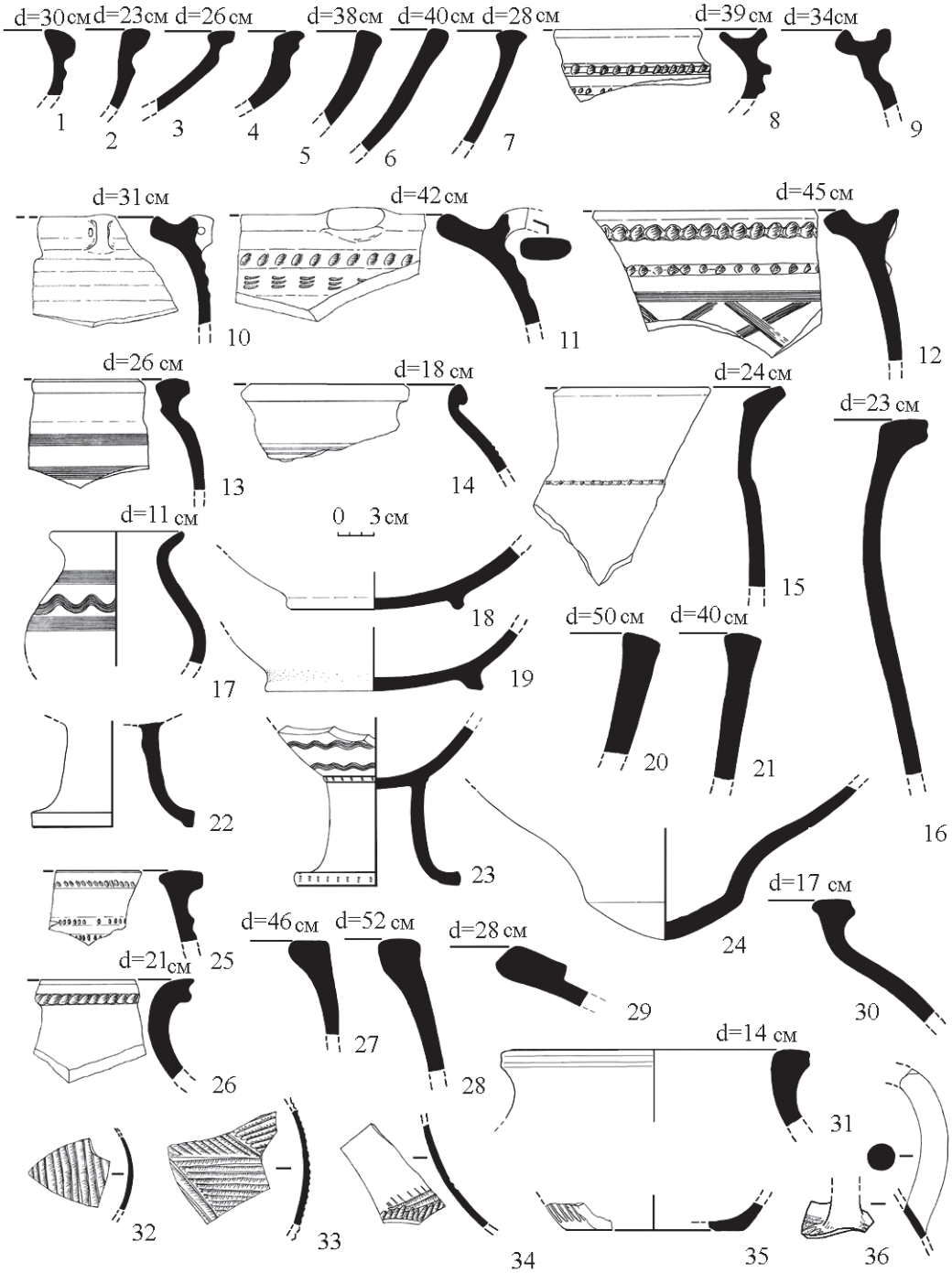

Рис. 10. Городище Торпах-кала. Керамический комплекс по материалам стратиграфических раскопов (шурфов) 1 и 2

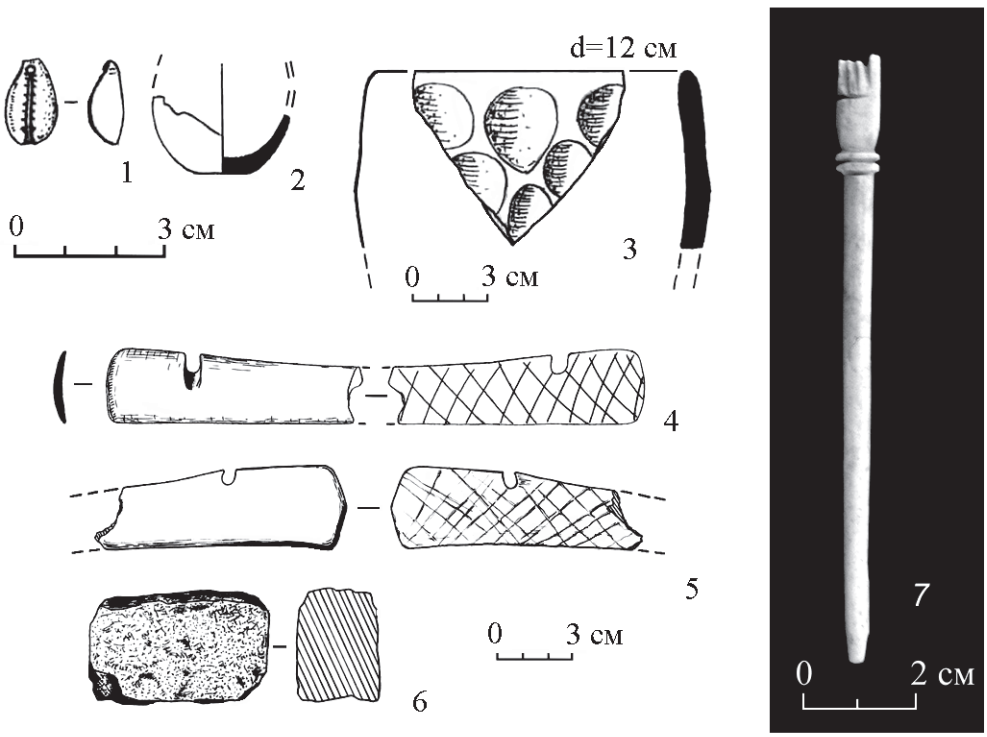

Рис. 11. Городище Торпах-кала. Индивидуальные находки: 1 — каури; 2, 3 — стекло; 4, 6, 7 — кость; 5 — камень (абразив)

М.В. Андреева

КЕНОТАФЫ ВОСТОЧНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ПОГРЕБАЛЬНО-ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Первый этап систематизации данных, полученных при массовых раскопках степных курганов энеолита — бронзового века, в настоящее время можно считать в основном законченным: выделены большие группы погребальных комплексов (археологические культуры), построена общая периодизация, накоплены и обработаны серии радиокарбонных дат. Естественно, основным (хотя и явно усеченным) объектом изучения остаются материалы собственно погребений. Полнота описания погребального обряда требует, однако, уделить внимание не содержащим останков людей комплексам, находившимся в тех же курганах. Трудность изучения последних состоит в сравнительной немногочисленности, «распыленности» по различным памятникам; часто — в слабой, по сравнению с погребениями, документированности; в случае плохо проявленной структуры (в насыпи кургана) — в трудоемкости процедур выделения; при отсутствии характерных форм артефактов — в сложности культурной идентификации; наконец, в неразработанности интерпретационных моделей, позволяющих определить место этих культовых комплексов в реконструируемой системе ритуальных действий.

Последнее из перечисленных препятствий — несмотря на то, что погруженному в конкретный источниковедческий анализ археологу оно не кажется демобилизующим в силу своей «факультативности», — пожалуй, наиболее труднопреодолимо. Это связано, в частности, с тем, что чисто археологическое деление курганных культовых комплексов на могильные и жертвенные отнюдь не всегда может быть однозначно соотнесено с действиями погребальными — с одной стороны, и жертвоприносительными — с другой. В отечественной литературе на это настойчиво обращала внимание коллег-археологов Е.В. Антонова, исследовавшая данную проблему на материалах раннеземледельческих памятников Месопотамии с опорой на данные письменных источников (Антонова, 1999; 2005). Опираясь на генерализирующее наблюдение В.Н. Топорова, что «предметная сфера обряда похорон не отличается заметно от таковой в любом жертвоприносительном обряде» (Топоров, 1985. С. 90), исследовательница заключает, что «инвентарь погребений может указывать на практику жертвоприношений вообще», а «положенный с умершим инвентарь предназначался не только ему, но и обитателям того света» (Антонова, 2005. С. 67).

Обращаясь к древностям, более близким территориально к интересующим нас степным курганам эпохи средней бронзы, отметим, что о сложности однозначного определения назначения некоторых комплексов из могильников энеолитических культур Юго-Восточной Европы (Кукутени-Триполье, Гумельница, Тисаполгар-Бодрогкерестур) писала Л.И. Авилова, акцентировавшая внимание на жертвоприносительном характере так называемых культовых ям и кенотафов (Авилова, 1986).

К этому можно добавить, что весьма условная граница между двумя видами ритуальных действий, скорее всего, определялась исполнителями обряда иначе, чем это представляется современному исследователю. Так, широкое распространенение в катакомбную эпоху совместных синхронных погребений (Гей, 1999; Андреева, 2005) ставит перед исследователями вопрос о возможном жертвоприносительном (или частично жертвоприносительном) характере этих комплексов.

Несмотря на явные сложности, процесс постепенного включения в сферу обсужде-

ния всей накопленной многоаспектной информации о курганных памятниках эпохи бронзы все же имеет место. В начале 90-х годов В.И. Мельник кратко охарактеризовал два основных вида специфических (не содержащих останков людей) комплексов ряда катакомбных культур (главным образом, предкавказской/манычской) северокавказского региона (Мельник, 1991. С. 45–55). Речь идет о так называемых кенотафах и жертвенниках. Терминологически кенотаф определяется как «погребение, в котором погребальное сооружение морфологически соответствует стереотипу (конкретного) некрополя, но не содержит останков умершего или содержит его символического заместителя» (Смирнов, 1997. С. 176). В Юго-Восточной Европе весьма яркие примеры кенотафов дает уже энеолитический Варненский могильник (начало IV тысячелетия до н. э.) (Ivanov, 1988. S. 49–66).

Среди курганных культур бронзового века наибольшее количество кенотафов содержат памятники катакомбной культурно-исторической общности.

Хотелось бы подчеркнуть, однако, что использование греческого слова «кенотаф» (дословно — «пустая могила») при составлении первичного описания материалов раскопок и в процессе источниковедческого анализа не представляется вполне нейтральным для последующей исторической реконструкции, поскольку невольно акцент делается только на одном (погребальном) аспекте изучаемых комплексов, и, соответственно, последние автоматически включаются в разряд погребений. Вместе с тем, как уже говорилось, с не меньшим основанием (а для ранних эпох — пожалуй, с бóльшим) кенотафы могут рассматриваться как жертвенные комплексы[1].

В отличие от термина «кенотаф», сохраняющего свое значение («символическое погребение») в целом неизменным при рассмотрении погребальных памятников различных эпох и культур, термин «жертвенник» приобрел узкоспециальное значение применительно к древностям степных предкавказских курганов. В данном контексте он (в противоречии с толкованием словарей русского литературного языка) обозначает определенный набор костей крупного и мелкого рогатого скота — череп/нижняя челюсть и/или нога/ноги, компактно уложенных вместе. Подобные жертвенники могут находиться и в погребениях, и в кенотафах, а также образовывать самостоятельные жертвенные комплексы на перекрытиях могильных конструкций, на выкидах, на слоях насыпи, а также в специальных ямах[2].

Понятно, что, поскольку кенотафы и жертвенные комплексы выделены на разных основаниях (в первом случае основной признак — форма сооружения, во втором — присутствие определенных костей животных), возникает проблема их разделения, усугубляемая невозможностью проследить вмещающую конструкцию в насыпи кургана (полемику по этому вопросу см.: Мельник, 1991. С. 54). Тем не менее, в полевой практике археологи, исследующие курганные памятники Северо-Восточного Предкавказья, которым посвящена настоящая статья, в большинстве случаев достаточно легко определяют внутри этой дилеммы вид вновь открытого культового комплекса катакомбного времени, руководствуясь тремя показателями:

1) место расположения (кенотафы по определению фиксируются в материке, а характерные для погребений и кенотафов артефакты — посуда, курильницы, орудия, украшения — в насыпи самостоятельно (без захоронений) встречаются очень редко; жертвенные комплексы отмечаются на древнем горизонте и в насыпи);

2) вид животного (кенотафы, как правило, содержат жертвенники из костей мелкого рогатого скота; жертвенные комплексы включают кости крупного рогатого скота и, возможно, лошади);

3) состав сопутствующих артефактов (единственным предметом, входящим время от времени в состав жертвенных комплексов пред-

[1] Общие подходы к изучению кенотафов были рассмотрены С.П. Грушиным и А.А. Тишкиным в докладах на различных конференциях (Грушин, 1996; Тишкин, Грушин, 1997).

[2] Сравнительно недавно Р.А. Мимоход указал на необходимость различения в насыпях курганов рассматриваемого региона двух групп жертвенных комплексов, учитывая способ их формирования: первая группа — комплексы с упорядоченным размещением предметов и/или структурированных останков животных (это главным образом вышеупомянутые жертвенники, однако есть и просто скопления костей животных); вторая группа — комплексы с внешне неупорядоченным размещением фрагментированных предметов и останков животных, связь между которыми устанавливается на основе страти/планиграфического анализа (Мимоход, 2000. С. 230). Впервые выделение комплексов второй группы было проведено самим Р.А. Мимоходом на материалах кургана 3-го могильника Островной (Мимоход, 2002). Дальнейшая разработка этого сюжета представляется весьма перспективной, однако она требует существенного повышения тщательности фиксации всех объектов в пределах кургана по сравнению с текущим моментом.

Таблица 1

Памятник	*Шифр*	*Комплексы в материке*		
		Погребения	*Кенотафы*	*Всего*
Архаринский	Арх	16	5	21
Восточный Маныч левый берег I	ВМЛ-I	77	10	87
Восточный Маныч левый берег II	ВМЛ-II	61	10	71
Веселая Роща II	Вр-II	5	1	6
Грушевка II	Гр-II	3	1	4
Ергенинский	Ерг	25	3	28
Жуковский I	Жук-I	4	1	5
Китаевка	Кит	11	1	12
Лола I	Лола-I	9	2	11
Остров	Остров	2	7	9
Сухая Падина I	СП-I	5	2	7
Спасское	Спас	2	1	3
Чограй I	Ч-I	9	1	10
Чограй II	Ч-II	15	1	16
Чограй III	Ч-III	12	1	13
Чограй IV	Ч-IV	2	1	3
Чограй VI	Ч-VI	1	1	2
Чограй VIII	Ч-VIII	25	1	26
Элистинский	Эл	31	6	37
	ИТОГО	315	56	371

кавказской/манычской культуры, является курильница, в то время как кенотафы дают широкий спектр находок, состоящий, помимо курильниц, из таких массовых категорий погребального инвентаря, как посуда, личные украшения – бусы, орудия из камня, бронзовые орудия – ножи и шилья).

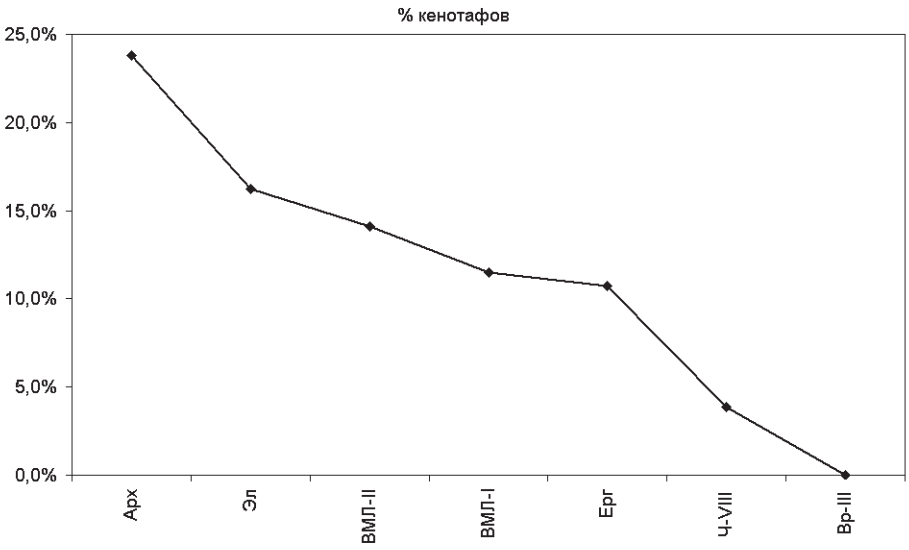
Сегодня актуальной задачей является более детальный анализ накопленных курганных материалов, сравнение характеристик кенотафов и погребений, что возможно только в рамках отдельных культурных образований. Например, объектом специального внимания уже стали кенотафы срубной КИО (Клименко, Цымбал, 2001; Цимиданов, 2004. С. 59).

В данной статье рассматривается серия кенотафов восточноманычской катакомбной культуры, распространенной в Северо-Восточном Предкавказье в середине – второй половине III тысячелетия до н. э.

Формирование выборок. База данных (общая выборка) включает сведения о 606 восточноманычских комплексах – погребениях и кенотафах – из 253 курганов 27 памятников, в том числе о 56 кенотафах, придонная часть сооружений которых выявлена в материке, и, предположительно, 1 кенотафе на уровне древнего горизонта и 1 кенотафе в курганной насыпи. Комплекс «на древнем погребенном почвенном слое» к западу от основного ямного погребения (Лола I, к. 12 к. I) состоял из жертвенника из костей 2 особей крупного рогатого скота, а также глиняной курильницы, 4 глиняных сосудов, бронзового ножа, 2 бронзовых шильев, костяной проколки, клыка медведя (?) и большого количества (около 170 экз.) пастовых бус, разбросанных по дну вмещающей конструкции, которая представляла собой плохо выявлявшуюся яму диаметром 1,65 м. И.В. Синицын отнес данный комплекс к числу жертвенных (Синицын, Эрдниев, 1963. С. 22–23). Второй комплекс (Элистинский к. 08 п. 07) находился к югу от основного северокавказского погребения, «на 2 м выше древнего горизонта», и состоял из деревянной крытой повозки, внутри которой был найден бронзовый четырехгранный «пробойник» в виде шила с тупым концом» и «костяной предмет в виде полой трубочки конусовидной формы». Повозка была ориентирована по линии север–юг (Синицын, Эрдниев, 1971. С. 75). Костяной конус является

Диаграмма 1

Концентрация кенотафов в памятниках восточноманычской культуры (комплексы в материке)

предметом, характерным для лолинских комплексов, деревянная повозка — атрибут восточноманычских погребений. Формально отнести этот комплекс к кенотафам мешает отсутствие доказательств, что повозка не была поставлена на слой насыпи без создания ямы, тем более, что яма была «изоморфной могильному сооружению». Однако исходя из общекультурного контекста и предельно краткого описания структуры насыпи, и наличие ямы, и соответствие ее стандарту могильных сооружений представляется наиболее вероятным.

Единичные находки форм восточноманычской посуды и редко фиксируемые находки отдельных костей животных в курганных насыпях также могут маркировать места «могил без погребенного», но прояснение этого вопроса требует накопления новых данных тщательных неспешных раскопок. Имеющийся материал позволяет думать, что либо большинство кенотафов сооружалось с учетом заглубления конструкции в материк, либо кенотафы в насыпи были, в отличие от «материковых», в основном безынвентарными. Полагаю, что можно использовать нашу серию 56 «материковых» кенотафов из 19 памятников для предварительной характеристики этого явления путем сопоставления этих комплексов с серией всех восточноманычских погребений с прослеженными в материке конструкциями (315 ед.)[1] из тех же памятников (табл. 1)[2].

Для определения доли кенотафов в различных памятниках из выборки отобраны представительные (с числом учтенных комплексов в материке более 20) 6 памятников и добавлен памятник Веселая Роща III (ВР-III)[3].

Распределение по памятникам. Наблюдения над концентрацией кенотафов в представительных памятниках (диаграмма 1) приводят к выводу, что доля кенотафов в различных памятниках существенно различается. Вероятно, это свидетельствует об отсутствии норм, регулирующих периодичность создания символических погребений.

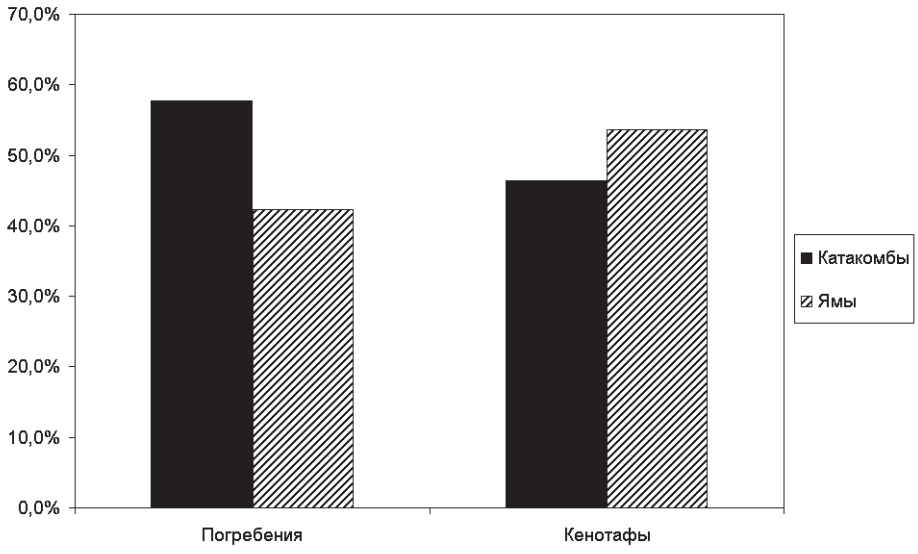
[1] Погребения в материке составляют 74,1% всех погребений этой выборки.

[2] Из числа кенотафов в материке 9 комплексов (3 — в катакомбах: Чограй III к. 02 п. 04, Элистинский к. 05 п. 06 и к. 13 п. 05; и 4 — в ямах: Сухая Падина I к. 04 п. 02, Чограй III к. 06 п. 02, Островной к. 03 п. 07, 17, 25 и 31) не содержало никаких находок, позволяющих определить культурную принадлежность. Тем не менее, по размерам и пропорциям конструкции, а также ее стратиграфическому и планиграфическому положению перечисленные комплексы можно отнести к восточноманычскому времени. Безынвентарные кенотафы из некоторых памятников (например, Чограй I к. 08 п. 03, Чограй VI к. 02 п. 06, которые не поддавались культурной идентификации в рамках катакомбного пласта (последовательно: раннекатакомбная? восточноманычская? лолинская? культуры)), не включались в выборку.

[3] 44 комплекса с прослеженными в материке конструкциями; комплексы в насыпи, включая жертвенники, в этом памятнике не зафиксированы вообще.

Диаграмма 2

Соотношение катакомб и ям в выборках материковых погребений и кенотафов

Конструкции. В выборке кенотафов катакомб меньше, чем ям, в то время как для погребений в материке характерен другой расклад (диаграмма 2). Учитывая также, что для кенотафов в ямах при отсутствии артефактов сложнее определить культурную принадлежность, можно полагать, что в действительности соотношение катакомб и ям у восточноманычских кенотафов противоположно могильным комплексам[1].

По форме как ямы, так и входные шахты катакомб у кенотафов близки друг другу и могильным конструкциям: как правило, это прямоугольные и квадратные ямы, изредка — с заплечиками. Камеры катакомб, так же как у погребений, расположены чаще параллельно, реже — перпендикулярно оси входной шахты. Размеры кенотафов также не выходят за рамки стандарта погребений. Некоторые различия, однако, видны в таком показателе, как ориентировка конструкций. В обоих случаях ориентировка по сторонам света остается преобладающей, однако перепад между основными и диагональными, меридиональными и широтными направлениями у кенотафов не столь ярко выражен. Как и у погребений, среди катакомб преобладают Н-образные. У катакомб заметно отличаются распределения ориентировок входов в камеру при сохранении, впрочем, ведущих направлений на восток и север (диаграммы 3–4).

Местоположение в кургане. Так же, как и погребения, кенотафы могут быть основными и впускными комплексами, однако доля основных оказывается разной, если учитывать только погребения в материке (кенотафы — 12,5%, погребения — 20%), и одинаковой, если сравнивать с кенотафами массив всех погребений — в материке и в насыпи (соответственно по 12,5%). При всех 7 основных кенотафах нашей выборки[2] отсутствовали впускные однокультурные кенотафы и погребения в материке; в двух курганах при основных кенотафах имелось по одному восточноманычскому погребению в насыпи. Впускные кенотафы, в отличие от погребений, никогда не попадают в центр кургана и не перекрывают основное погребение[3]. Другое отличие состоит в существенно меньшем тяготении кенотафов к курганам, возведенным в довосточноманычское время: среди курганов, содержащих впускные восточноманычские кенотафы, довосточноманычские составляют

[1] Выборка погребений в материке включает 4 каменных ящика, по-видимому, поставленные в непрослеженные ямы.

[2] Архаринский к. 17 п. 02, к. 22 п. 01, к. 30 п. 02; Жуковский I к. 05 п. 01; Ергенинский к. 01 п. 01; Сухая Падина I к. 04 п. 02; Элистинский к. 04 п. 04.

[3] На то, что это, в принципе, возможно, указывает ситуация в кургане 30 Архаринского могильника, где основной восточноманычский кенотаф был перекрыт кенотафом же последующего лолинского времени.

Диаграмма 3

Погребения. Ориентировка входа в камеру в катакомбах

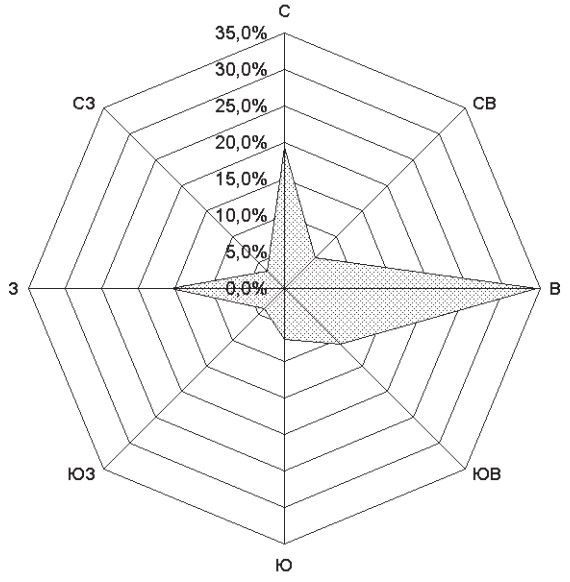
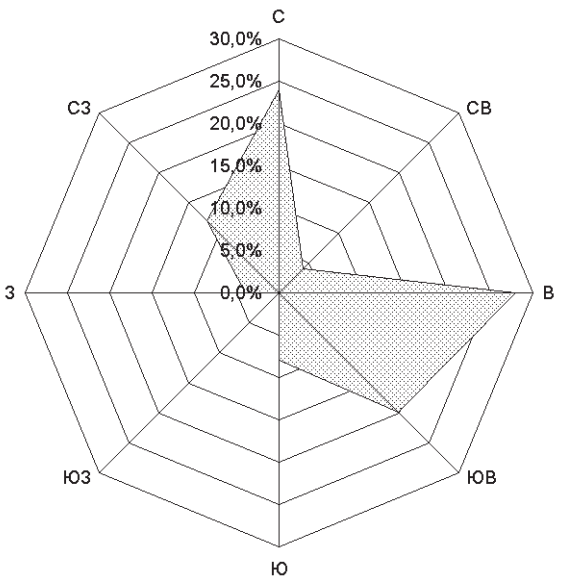

Диаграмма 4

Кенотафы. Ориентировка входа в камеру в катакомбах

меньше половины — 46,5%; напротив, среди курганов, содержащих впускные восточноманычские погребения в материке, доля довосточноманычских достигает 68,7%. Кроме того, заметно, что в довосточноманычских курганах кенотафы оказываются единственным восточноманычским комплексом в материке существенно реже, чем погребения (10% против 25%). Таким образом, можно сказать, что в пределах кургана кенотафы чаще появлялись в контексте, образованном однокультурными погребениями.

Есть свидетельства, что при впускных кенотафах, так же как и при впускных погребениях, совершались досыпки насыпи[1].

В кургане, как правило, находился один кенотаф (45 курганов), редко два (всего 2 раза)[2]. Особый случай представлен в нашей выборке курганом 3 Островного могильника, содержавшим, помимо 4 впускных материковых восточноманычских погребений, 7, по-видимому, однокультурных кенотафов (Могильник Островной, 2002). Из них 4 комплекса (погребения 7, 9, 17 и 38) находились к СВ-В, 2 комплекса (погребения 25 и 31) — к З-СЗ и 1 комплекс (погребение 8) — к ЮВ от центра кургана, причем на приблизительно одинаковом расстоянии (10–11 м) от него. Конструкции всех кенотафов, за исключением п. 8, представляли собой ямы. Комплексы, находившиеся в восточной поле, были приурочены к краю 2-й насыпи. Своеобычно расположенные в ряд группы 4 ям-кенотафов, ориентированных в направлении СВ-ЮЗ. И ориентировка («вдоль радиуса кургана»), и положение — в ряд — не свойственны восточноманычским погребениям. Это, скорее, заставляет вспомнить традицию укладки в ряд костей крупного рогатого скота в жертвенниках, где иногда насчитывалось до 7–10 особей (например, в кургане 6 Ергенинского могильника), причем именно на краю полы перекрываемой насыпи. По находкам жаровен (в п. 8 — в сочетании с типичным восточноманычским сосудом), характерных для раннекатакомбной культуры, весь комплекс кенотафов в восточном поле следует относить к началу восточноманычского времени. Это не противоречит вероятной дате погребения 27 — основного для перекрывшей кенотафы насыпи 3. В целом можно считать этот памятник не характерным для «сложившейся» восточноманычской культуры[3].

[1] Например, Восточный Маныч левый берег I к. 60.

[2] Восточный Маныч левый берег I к. 60, Элистинский к. 05.

[3] Шесть впускных кенотафов, расположенных по кругу, содержал учтенный В.И. Мельником (и не вошедший в нашу выборку) курган (к. 2), из раскопанного в 1966 г. И.В. Синицыным памятника в районе Чограйского водохранилища (Синицын, Эрдниев, 1987). В отличие от кургана 3 Островного могильника, этот курган не содержал восточноманычских погребений в материке, что позволило В.И. Мельнику предположить,

Диаграмма 5

Распределение по секторам курганов погребений в материке

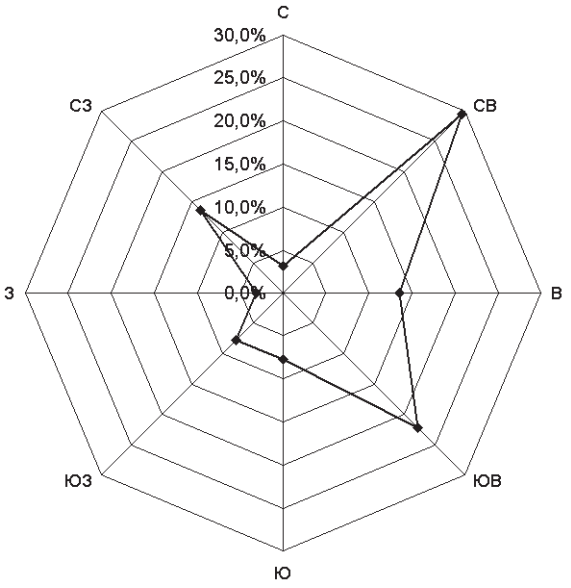
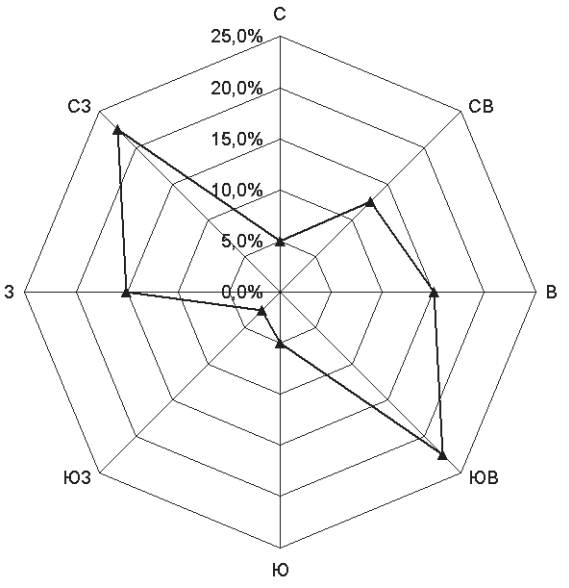

Диаграмма 6

Распределение по секторам курганов кенотафов

Впускные кенотафы располагаются в курганах по всем направлениям от центра, концентрируясь преимущественно в ЮВ и СЗ секторах. Приводимые диаграммы 5 и 6 достаточно ярко иллюстрируют различия в распределениях по секторам курганов материковых погребений и кенотафов.

Состав находок. Лишь 14,3% кенотафов и 18,0% погребений не содержало (без учета следов органики и краски) находок — артефактов и костей животных. Основные категории вещей, составляющие инвентарь погребений (глиняные посуда и курильницы), встречаются и в кенотафах, однако изделия из бронзы редки: мало ножей и шильев, полностью отсутствуют украшения из бронзы и раритеты (крюки, долота, тесла) (диаграмма 7). Меньший, по сравнению с погребениями, процент «безынвентарности» кенотафов достигается за счет меньшей концентрации находок в комплексах. Даже комплексы с повозками (Лола I к. 04 п. 04 и упомянутый в начале работы и не вошедший в выборку кенотаф Элистинский к. 08 п. 06) содержали минимум находок, что не характерно для погребений[1].

Керамический комплекс кенотафов существенно не отличается по составу и количеству (в основном 1–2 сосуда) от погребального. Основу его составляют кувшины и кружки (отдел VI по классификации катакомбной посуды С.Н. Братченко). Реже встречаются реповидные (отдел II группа Д, там же) и чугунковидные (отдел II группа Г, там же)[2] (Братченко, 1975).

Кости животных обнаруживаются в кенотафах так же часто, как и в погребениях, но это исключительно кости мелкого рогатого скота. Даже по кратким описаниям, часто ограничивающимся констатацией наличия «костей барана», можно констатировать наличие жертвенников («черепа на ножках») и жертвенной пищи («часть туши», «длинные кости»).

Особое место занимают пастовые (фаянсовые) бусы, которыми в основном представлены находки украшений в кенотафах. Украшения из бронзы и кости, которые и в погребениях встречаются не часто, здесь вообще отсутству-

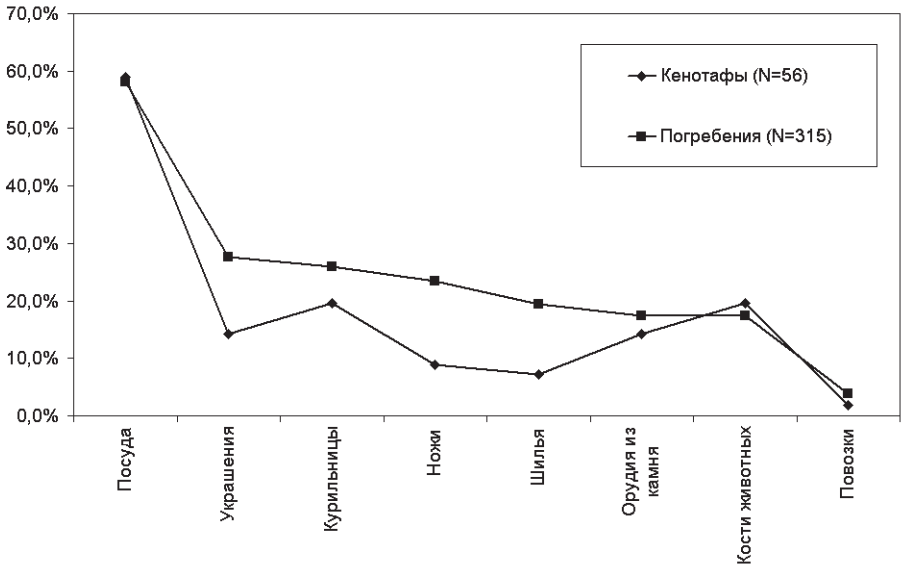
что «имелись какие-то специальные курганы, где и совершались символические погребения» (Мельник, 1991. С. 41). Однако на сегодняшний день случай этот остается уникальным.

[1] В Лоле I к. 04 п. 04 набор артефактов включал, кроме повозки, «лопатку коровы» и «бесформенный песчаниковый камень» (Синицын, Эрдниев, 1963). Восточноманычские погребения с повозками, в отличие от кенотафов, обычно содержат престижные вещи и раритеты. Лопатки (чаще встречаются лопатки мелкого рогатого скота) представляют собой предметы неясного назначения, в большей степени характерные для лолинской культуры, однако известные и в восточноманычское время.

[2] Более точные подсчеты затруднены неясностью описания и отсутствием иллюстраций в документальных материалах.

Диаграмма 7

Основные категории находок в кенотафах и жертвенниках (% содержащих находки комплексов)

ют. Обращает на себя внимание, что бусы (не бисер, более характерный для костюма погребенных) в кенотафах обнаруживаются в большом (100 и более экз.) количестве. Подобные ожерелья изредка встречаются в детских и, возможно, женских (по определению археолога) восточноманычских погребениях.

Посуда (вместилище растительной пищи и, возможно, напитков) и кости мелкого рогатого скота (в том числе — в виде жертвенников) могут размещаться ближе к стенкам камеры или занимать место посредине, там, где в погребениях обычно располагаются останки. Сюда же, в центр, в сочетании с посудой попадают и ожерелья (иногда бусы бывают рассеяны по дну камеры), а без сопровождения других вещей — курильницы. Этим, на наш взгляд, акцентируется особая роль и этих вещей, и всего комплекса в целом именно как приношений.

Основные выводы из приведенного краткого рассмотрения особенностей восточноманычских кенотафов можно сформулировать следующим образом.

1. Распространенность кенотафов, малая концентрация в них артефактов из бронзы, отсутствие раритетов, следование мерному стандарту погребений — все это не позволяет относить эти комплексы к числу «неординарных».

2. Несмотря на бесспорное морфологическое сходство конструкций кенотафов и погребений и единый, по существу, набор содержащихся в них предметов, наблюдается статистическое различие в деталях. Это побуждает акцентировать внимание на более ярко выраженной, по сравнению с погребениями, жертвоприносительной функции кенотафов. По-видимому, нельзя считать, что единственным «получателем» («адресатом») квазимогильного сооружения и его содержимого является умерший сородич, по каким-то причинам не похороненный на родовом кладбище. Более того, большая доля кенотафов в некоторых памятниках — с одной стороны, и позднеродовой характер социума, не предполагавший «выпадение» индивидуума из семейно-родового коллектива на сколько-нибудь значительные срок и расстояние — с другой, вообще ставят под сомнение связь между созданием кенотафов и смертью людей (тем более смертью, носящей экстраординарный характер). Вполне возможно, и квазимогильное сооружение, и содержавшиеся в нем приношения направлялись похороненным в кургане (и в целом — в могильнике) предкам/сородичам[1].

[1] По мнению исследователей (Андреева, 1996; Гей, 1999), могильные (у кенотафов — «квазимогильные») конструкции катакомбных культур, в том числе восточноманычской, изображали повозку — «кров» кочевника, представляли собой ее «архитектурную модель». Поэтому, возможно, приношением являлась именно символическая повозка в виде кенотафа.

Изоморфность реальным погребениям, равно как и практика досыпок насыпи в связи с созданием кенотафов и более того — возведения новых насыпей над основными кенотафами, подчеркивают заместительный характер данной жертвы, приносимой мертвым за живых.

ЛИТЕРАТУРА

Авилова Л.И., 1986. Погребальный обряд энеолитических земледельцев Юго-Восточной Европы // КСИА. Вып. 185. С. 9–14.

Андреева М.В., 1996. К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): тезисы докладов. М.

Андреева М.В., 2005. Синхронные совместные погребения восточноманычской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 4. С. 69–94.

Антонова Е.В., 1999. Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь: археологические факты и исторические свидетельства (Месопотамия) // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. С. 19–30.

Антонова Е.В., 2005. Погребения как источник реконструкции обрядово-мифологических комплексов дописьменных обществ // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 2. Донецк. С. 65–71.

Братченко С.Н., 1975. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.

Гей А.Н., 1999. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. С. 78–113.

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.

Грушин С.П., 1996. Типы кенотафов и причины их сооружения // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции: тезисы докладов международной конференции. СПб. С. 20–22.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И., 2001. Кенотафы срубной культуры Центрального Донбасса // Проблемы археологии и архитектуры. Т. 1. Донецк; Макееевка, С. 65–70.

Мельник В.И., 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М.

Мимоход Р.А., 2000. К определению понятия культовый комплекс в археологии // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Синицына. Саратов.

Мимоход Р.А., 2002. Анализ планиграфического и стратиграфического расположения находок в насыпи кургана 3 могильника Островной // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста. С. 205–211.

Могильник Островной, 2002. Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1963. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. // Труды / Калмыцкий республиканский краеведческий музй. Вып. 1. Элиста.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР: (по раскопкам 1962–1963 гг.) // Труды / Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. 2. Элиста.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) // Труды / Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Вып. 3. Элиста.

Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1987. Древности Восточного Маныча. Элиста.

Смирнов Ю.А., 1997. Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. М.

Тишкин А.А., Грушин С.П., 1997. К вопросу о комплексном подходе в изучении кенотафов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Уфа. С. 145–150.

Топоров В.Н., 1985. К проблеме реконструкции индоевропейского погребального обряда // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд»: тезисы докладов. М.

Цимиданов В.В., 2004. Социальная структура срубного общества. Донецк.

Ivanov I., 1988. Die Ausgrabungendes Gräberfelders von Varna // Macht, Herrschaft und Gold. Saarbrücken. S. 49–66, abb. 26, 27.

Древние памятники Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии

Н.О. Бадер

РАЗВЕДКИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В СЕВЕРНОЙ МЕССОПОТАМИИ

Двенадцать полевых сезонов (1969–1980 гг.) Советская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством Р.М. Мунчаева проработала на подгорной равнине Синджара в Северной Месопотамии. Больше года мы, сотрудники экспедиции, прожили вместе. Палатки заливали весенние дожди и сносили жаркие летние ураганы. Нас кусали змеи и скорпионы, а мы работали на интереснейших памятниках. Великолепная экспедиция. Незабываемые годы.

Работы имели целью изучение процесса возникновения и первоначального становления производящих форм хозяйства, развития общественных отношений в Месопотамии, в зоне так называемого Плодородного полумесяца, накануне сложения цивилизации. Работы в Синджаре, на путях традиционных культурных связей Верхней Месопотамии, Сиро-Киликии, Анатолии и Средней Месопотамии, должны были дать ценный материал для историко-культурной реконструкции этих процессов.

Экспедиция под руководством Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта великолепно исследовала три телля Ярымтепе с остатками хассунской, халафской и убейдской культур. Сегодня это эталонные раннеземледельческие памятники Месопотамии (Мунчаев, Мерперт, 1981). Одновременно в районе работ проведены археологические разведки. Телль Магзалии, Телль Сотто и Кюльтепе были исследованы стационарно (Бадер, 1989). С 1984 г. эти работы продолжаются в том же географическом регионе, в бассейне р. Хабур, к западу от Синджара (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004).

На Ближнем Востоке работает много археологических экспедиций. Их объединяют общие задачи исследования. На Ярымтепе к нам неоднократно приезжал Фуад Сафар – исследователь Телль Хассуны, глава Отдела полевых исследований Департамента древностей Ирака (Lloyd, Safar, 1945), Девид и Джоан Отс – Английская археологическая экспедиция (Oates D. and J., 1976), Д. Керкбрайт и Т. Матсутани, исследовавшие близкое нам поселение Умм Дабагия (Kirkbride, 1974) и Телюля Таласат (Fukai, Matsutani, 1981). Это были не формальные встречи. Исследования советской экспедиции органично вписались в работы на Ближнем Востоке. Мы также побывали в экспедициях на многих памятниках Месопотамии, узнали археологию Ближнего Востока не по учебникам. Телли Месопотамии дают исследователю редкий по полноте материал. Мы убедились в этом во время собственных полевых работ. Представители Департамента древностей Ирака и профессиональные рабочие – археологи из Шургата, участвовавшие в наших работах, говорили о русской археологической школе на Ближнем Востоке.

Плодородная равнина раскинулась у восточного подножия Синджарского хребта. Весной здесь сплошные зеленые поля пшеницы и ячменя, вдоль рек – поля красных маков. В десяти-пятнадцати километрах к югу пашни и пастбища переходит в сухую степь (джезиру). Небольшие речки берут свое начало на склонах гор и теряются в степи. Весной это мощные дождевые потоки, летом речки пересыхают. Со склонов гор на равнине хорошо видны десятки теллей, в джезире их становится все меньше (см. рис. 1).

Раннеземледельческие поселения расположены вдоль рек, около заливаемых весенними дождями полей на едва заметных террасах между вади. Это хорошо видно во время весенних дождей. Раз возникнув, древние телли заселялись многократно. Современные деревни

также часто стоят на археологических памятниках. Город Телль Афар расположен на месте ассирийской крепости, об этом говорит его название. По прибытии к месту работ мы остановились в поле около деревни. В первую же ночь во время сильного дождя палатки залило, и мы, археологи, по рекомендации представителей Департамента древностей Ирака разбили лагерь на периферии телля Ярымтепе 3, который впоследствии исследовали (рис. 2).

Департамент древностей Ирака составил археологическую карту Синджара. В окрестностях Телль Афара зафиксировано более 80 памятников. В действительности поселений гораздо больше. Обследованы преимущественно крупные и далеко не все мелкие телли. Обычно это многослойные памятники. В Синджаре ассирийская армия готовились к походам на Запад. Многие ранние поселения скрыты под развалинами ассирийских крепостей. Большие материалы этих разведок находились в Археологической службе Департамента древностей Ирака в г. Телль Афаре, и мы имели возможность с ними познакомиться. Памятники Синджара обследовала также Английская археологическая экспедиция, работавшая на укрепленном ассирийском поселении Телль Риммах. Работы на Ярымтепе начаты нами по рекомендации Д. Отса. К сожалению, материалы этих разведок не были опубликованы.

Работая на Ярыме, мы видели десятки теллей вокруг. Есть ли среди них хассунские и халафские поселения и как они связаны между собой? Можно ли на них проследить развитие хассунской культуры? Были ли в Синджаре более древние памятники, как произошла хассунская культура? Материал для ответа на эти вопросы должно было дать обследование соседних памятников.

Проведенные разведки никак нельзя считать полными. Прежде всего, были обследованы небольшие древние телли. По краям ассирийских крепостей также встречаются отдельные находки ранней керамики. Не было возможности провести их шурфовку. И все же собранный материал представляет несомненный интерес.

Хассунская, халафская, убейдская культуры известны по отдельным памятникам (Hours, Aurence et al., 1994). Нами выявлена система поселений в небольшом участке подгорной равнины Синджара (рис. 2). Разведки проведены по трем вади (речкам) на площади приблизительно 10 × 10 км (100 кв. км). На 34 обследованных теллях открыто одно поселение докерамического неолита, 25 хассунских, 8 халафских и 5 убейдских поселений. Все хассунские поселения дали комплекс стандартной керамики, на 15 из них собрана архаическая и стандартная керамика. Очевидно, соседние участки на равнине могут дать близкую картину. Как мы могли видеть, так было и в бассейне Хабура, к западу от Синджара (Munchaev, Merpert, 1997). Собранные материалы помогают понять процесс неолитизации, образ жизни, хозяйство и социальную организацию первых земледельцев (рис. 3).

Разведки вела вся экспедиция. Мы делали это для отдыха после напряженной работы на Ярымтепе. Инструментальную карту района работ выполнили О.Г. Большаков и В.А. Башилов с вершины Ярымтепе 3. В.И. Гуляев постоянно возглавлял походы на все соседние телли. Керамические материалы разведок описал А.В. Куза. Эталонным материалом для него служили великолепные коллекции Ярымтепе, Телль Сотто, Кюльтепе, которые позволили проследить становление хассуны, выделить протохассунский и архаический хассунский комплекс керамики. По материалам разведок они рассматривались суммарно, как архаическая хассуна. Коллекция разведок передана в Археологическую службу Телль Афара и была принята на временное хранение.

Охарактеризуем коротко собранные материалы.

Телль 1. Телль Джебел Магзалия (холм стрекоз) находится в 7,5 км к северо-востоку от Ярымтепе на северной окраине деревни Абра Наджар, на правом берегу р. Абра, в одном километре от выхода ее на равнину, 50–70 м над подгорной равниной (Бадер, 1989. С. 19). Телль частично разрушен рекой. Первоначально он занимал площадь около 0,65 га, целиком сложен остатками построек на каменных фундаментах культуры позднего докерамического неолита. Общая мощность культурного слоя около 8 м. Прослежено три периода (крупных перестройки) поселения. На последнем этапе оно было окружено оборонительной стеной. Общая площадь раскопа 625 кв. м (Бадер, 1989).

Телль 2. Телль Бакр, расположен между деревнями Абра Чибира (Телль Абра) и Абра Наджар на правом берегу р. Абры, в 800 м от берега. Маленький двойной холм, высотой 1,5 м и 1 м. Диаметр малого холма 25–30 м. На поверхности большого холма — ассирийская керамика, на малом холме — полтора десятка халафских черепков, пять кремневых отщепов.

Холм 3. Естественный холм между деревнями Абра Наджар и Телль Абра (Чибира), на изгибе вади Абра, на правом берегу реки, в 100 м к северо-востоку от телля 4.

На поверхности собрана небольшая, но характерная коллекция архаической хассунской керамики: стенка грубого толстостенного сосуда, венчик миски и стенка столовой посуды. Стандартной хассунской керамики нет.

Телль 4. Находится на дороге между деревнями Абра Наджар и Телль Абра (Чибира) на правом берегу вади Абра. Телль расположен на самом берегу вади, частично разрушен дорогой и распахивается. Высота холма около 2 м, диаметр около 55 м. От холма 3 телль отделен небольшим оврагом.

На вершине телля, на поверхности, встречается стандартная резная и архаическая хассунская керамика. Преобладает архаическая керамика: мелкие обломки стенок грубой плохо обожженной посуды с растительными примесями (15), венчики, донца таких сосудов (9), столовая посуда, в том числе венчики мисок (10). Кремневые отщепы (9) и обсидиановая пластина (1), клиновидный шлифованный каменный топор, обломок каменного терочника. Аналогичный материал был собран на Телль Сотто перед началом работ на памятнике.

Телль 5. Находится на левом берегу вади Абра, между деревнями Абра Наджар и Абра Чибира, сильно разрушен рекой и каналом для воды. Высота холма 2,5–3 м, диаметр около 40 м. В основании телля речные отложения щебня, супеси и суглинка с большим количеством мелких речных раковин. Культурных остатков в слое ракушек нами не зафиксировано, однако именно такие ракушки были встречены в нижнем культурном слое Телль Магзалии. Слой ракушек и хассунский культурный слой разделяет стерильная прослойка 10 см. К сожалению, мы не имели возможности зачистить обнажение и прошурфовать поселение.

Телль рос с юга на север. В основании южной части телля — архаическая хассуна. В северной части стандартные хассунские черепки лежат прямо над слоем ракушек. Стандартной хассунской керамики много на поверхности в восточной, не разрушенной, части телля.

Комплекс стандартной хассуны включает резную (6) и расписную (2) керамику, ангобированные фрагменты (2), венчики кувшинов (2) и чаш (1).

Архаическая хассуна: стенки и венчики грубых толстостенных сосудов (7), веялки (1), столовая посуда с росписью (7) и без росписи (6). Вместе с керамикой найдены кремневые отщепы (5) и обсидиановая пластина (1).

Телль 6. находится в километре к западу от деревни Телль Абра (Абра Чибира), в 150 м к северу от шоссе, на правом берегу небольшого вади. Высота телля — 1,5 м, диаметр около 50 м. На поверхности собран большой выразительный комплекс стандартной хассунской керамики: ангобированные фрагменты (25), с резным орнаментом (9), расписной венчик (1), венчики чаш (3), стенки грубых сосудов — хранилищ (5).

Холм 7. Естественный холм на правом берегу вади Абра в 500 м к северу от деревни Телль Абра, частично разрушен рекой. Высота холма над водой 4–5 м, диаметр около 100 м. На поверхности много кремневых отщепов, стандартной и грубой хассунской керамики.

Телли 8, 9, 10. В 4 км к северо-западу от Ярымтепе, в километре западнее поселка Телль Абра, в 200 м южнее нового шоссе Телль Афар — Белед Синджар находится группа из трех теллей. Западный холм (8) диаметром около 40 м и высотой 2 м, южный холм (9) овальной формы, диаметром около 60 м и высотой 3 м, восточный холм (10) высотой до 5 м и диаметром около 100 м. На всех трех холмах собрана выразительная стандартная и архаическая хассунская керамика.

На восточном, самом крупном, телле стандартная и архаическая хассунская керамика. Комплекс стандартной хассуны: 18 ангобированных фрагментов керамики, 7 фрагментов с резным орнаментом, 5 расписных стенок сосудов и 5 венчиков расписных чаш. Комплекс архаической хассуны: стенки грубых толстостенных сосудов (7), грубых тонких сосудов (3), столовой посуды (2), расписных стенок сосудов (10), обломок архаической веялки с днищем, выполненным тычками.

На западном телле несколько фрагментов стандартной хассуны: венчик чаши (1), фрагменты ангобированных стенок (3) и с резным орнаментом (1). Большой комплекс архаической хассуны: фрагменты грубых толстостенных сосудов (23), 2 венчика грубых сосудов, столовая посуда (1), грубые тонкие сосуды (6), обломок статуэтки (1).

На южном телле пять фрагментов стандартной хассунской ангобированной керамики с резным орнаментом и выразительный комплекс архаической хассуны: стенки (7), венчики (2) и днища (2) грубых толстостенных сосудов, венчик (1) грубого тонкостенного сосуда, фрагменты столовой посуды. Здесь же найдено

9 кремневых отщепов и ножевидная пластина. Обломок большой веялки с защипами по дну (архаичная форма) найден на вершине телля. На западном крутом склоне телля встречается только архаическая хассунская керамика.

Телль 11 находится приблизительно в 4 км к северо-западу от Ярымтепе, в 1–1,5 км к югу от шоссе Телль Афар — Белед Синджар. Холм расположен на правом берегу вади, в 100–150 м от берега. Высота холма 1,5–2 м, диаметр около 100 м.

На поверхности собрано более 20 обломков стандартной хассунской керамики, 2 кремневых отщепа и одна ракушка. Вся керамика хорошо обожжена, по преимуществу ангобирована, с резным орнаментом (5), с темно-зеленой и черной росписью по ангобу (2).

Телль 12 находится в 5–6 км к западу–северо-западу от Ярымтепе, в 200 м к западу от телля 13, на правом берегу безымянного вади. Высота холма 4–5 м. На поверхности собрана халафская керамика (8 обломков), отдельные стандартные хассунские черепки с резным орнаментом, кремневый отщеп и обсидиановая пластинка.

Телль 13 находится в 5–6 км к западу–северо-западу от Ярымтепе на левом берегу безымянного вади. Высота телля 3–4 м. На поверхности собрана убейдская и стандартная хассунская керамика. Ассирийская крепость возвышается над равниной в километре к северу от телля.

Убейдская керамика представлена всего двумя обломками расписных сосудов. Выразительный комплекс стандартной хассунской керамики: ангобированные стенки и венчики сосудов (5), стенки резных (3) и расписных (6) сосудов, венчики кувшина (1) и расписных чаш (6).

Телль 14 (Телль Сотто 2) находится в 3 км к западу от Ярымтепе на левом берегу вади. Высокий телль с мощным ассирийским слоем. В основании телля — поселение стандартной, а может быть, и архаической хассуны.

Собранный хассунский материал включает стенки ангобированных сосудов (6), расписные стенки (4) и расписной венчик сосуда (1), фрагменты грубых толстостенных сосудов (4) и тазов (2).

Телль 15 (Телль Сотто) расположен в 2,5 км к западу от Ярымтепе на краю древнего, хорошо увлажняемого, удобного для земледелия понижения. И сегодня здесь пашня. Высота холма 2,5 м. Холм целиком распахивается и имеет очень пологие склоны. Общая площадь телля 50 × 70 м, центральная, возвышенная его часть — не более 2000 кв. м. В каждый период своего существования поселение было значительно меньше (Бадер, 1989. С. 109). Общая мощность культурного слоя около 2,5 м. Восемь культурных горизонтов дают протохассунский, архаический и стандартный хассунский материал (Бадер, 1989. С. 157, 197, 198).

Телль 16 находится приблизительно в одном километре к северу–северо-западу от Ярымтепе, на дороге к хутору Мулла Али. Высота холма 4–5 м, диаметр около 100 м.

Холм имеет крутые склоны, сейчас частично застроен.

На поверхности телля среди обломков круговой ассирийской посуды, собрана выразительная коллекция стандартной хассунской керамики: с резным орнаментом (8), стенки расписных сосудов (3), венчики расписных чаш (3), ангобированные стенки сосудов (3). Роспись бледно-красная и темно-коричневая, несколько мелких обломков керамики покрыто охрой. Три обломка кремня. Стандартная хассунская керамика имеет много аналогий в Ярымтепе 1. Один фрагмент керамики с темно-коричневой росписью может быть отнесен к убейду.

Телль 17. Несколько больших, видимо ассирийских, теллей расположены на вади Абра в полутора–двух километрах к северу от Ярымтепе. Двойной телль в 1,5 км к северу от Ярымтепе, на правом берегу вади Абра, на окраине небольшого хутора не дал доисторического материала. Три ассирийских телля расположены напротив, на левом берегу вади Абра. На центральном телле найдено несколько халафских черепков.

Телль 18 находится приблизительно в двух километрах к северу–северо-востоку от Ярымтепе, в 800–1000 м к северо-востоку от хутора Теллътерхаль. Телль стоит на краю низины, связанной с древним вади, проходящим в 200 м к востоку от поселения.

Несколько фрагментов стандартной хассунской керамики на всей площади телля: хорошо обожженные стенки сосудов, покрытые желтым ангобом, ангобированный венчик миски с росписью косыми линиями, обломок сосуда с резным орнаментом. Один венчик расписной чаши был определен как халафский. Круговая ассирийская керамика на вершине телля.

Видимо, это поселение времени стандартной хассуны, перекрытое на вершине ассирийским слоем.

Телль 19 находится приблизительно в 3 км к северо-востоку от Ярымтепе на правом берегу

маленького вади на дороге из деревни Телль Терхаль в Телль Афар.

Холм высотой 1–1,5 м, диаметр не более 100 м, с пологими склонами, весь распахивается и едва заметен на равнине. Стандартная хассунская керамика на всей поверхности телля.

Керамика хорошо обожжена, розовая, покрыта зеленым ангобом по красному фону, резной орнамент (11 фрагментов), тонкостенные ангобированные чаши (7 фрагментов), венчик небольшого ангобированного кувшина (1). Два отщепа кремня.

Собранная керамика имеет близкие аналогии с комплексом стандартной хассуны Ярымтепе 1, однако это поселение меньше. По-видимому, в районе Ярымтепе была система поселений стандартной хассуны. Архаического хассунского материала на поверхности нет. Несколько обломков круговых сосудов с уплощенным венчиком могли быть принесены с соседних ассирийских поселений.

Телль 20 находится в 3,5 км к северо-востоку от Ярымтепе на дороге из Телль Терхаль в Телль Афар, около нового шоссе. Большой телль позднеассирийского времени. На поверхности собрано несколько убейдских черепков.

Телль 21 (Джанкар Тепе) находится в 3,5 км к северо-востоку от Ярымтепе, в 500 м к югу от нового шоссе Телль Аффар — Белед Синджар. Высота телля 1,6–1,7 м, вершина вытянута с севера на юг, основание круглое. Телль расположен на равнине и не связан с руслом вади. Всю центральную часть телля занимает современное мусульманское кладбище.

На поверхности собрана выразительная коллекция стандартной и архаической хассунской керамики, всего несколько обломков круговой ассирийской керамики.

Преобладает стандартная хассуна: 11 фрагментов с резным орнаментом, 22 ангобированных фрагмента, 1 фрагмент с росписью, 5 венчиков расписных сосудов.

К архаической хассуне могут быть отнесены 6 обломков грубых толстостенных сосудов, грубое ребристое днище веялки, обломок кувшина плохого обжига. Обломок сосуда из белого мрамора находит аналогии в материалах Телль Сотто.

Телль 22 (Кюльтепе 2) находится в 6 км к западу–юго-западу от Ярымтепе, в 2 км к северу от деревни Шарайя, на левом берегу вади Шарайя. Холм наполовину размыт рекой и получил название по обнажившемуся культурному слою (золистый холм). Площадь телля 1500–2000 кв. м, высота над пашней 2 м (Бадер, 1989. С. 143).

В северной части холма на поверхности встречается стандартная хассунская керамика и несколько самаррских черепков. В основании обнажения на западном склоне телля собрана архаическая хассунская керамика. У северного края телля, в обнажении реки зафиксировано скопление обломков кремня и обсидиана.

Коллекция стандартной хассунской керамики включает ангобированные стенки сосудов (7), стенки сосудов с резным орнаментом (3), ангобированные венчики чаш (3), расписные стенки сосудов (6), венчики расписных чаш (2), венчик округлого ангобированного горшочка (1), 3 фрагмента самаррской керамики.

Архаическая хассуна: 2 фрагмента грубой толстостенной кухонной посуды, 9 фрагментов столовой посуды, венчик кувшина с цилиндрическим горлом, 1 обломок стенки с росписью изнутри, 10 обломков кремня и 2 обломка обсидиана.

Телль 23 (Кюльтепе 1). Телль находится в 6 км к западу–юго-западу от Ярымтепе, в 500 м к югу от Кюльтепе 2. Холм 60 × 80 м, высота холма 2–2,5 м. Культурный слой архаической и стандартной хассуны мощностью 2,5 м. Раскопками вскрыто 125 кв. м (Бадер, 1989. С. 143–157).

Телль 24. В километре к югу–юго-западу от Кюльтепе 1 (телль 23) на правом берегу вади Шарайя находится группа из трех теллей высотой порядка 3 м. Два юго-западных телля связаны между собой. На их восточном склоне собрана стандартная хассунская резная и расписная керамика, кремневые отщепы и обсидиановые пластинки. На всех трех теллях встречается и круговая керамика.

Телль 25 (Кюльтепе 3) находится в 6 км к западу–юго-западу от Ярымтепе, около 1 км к северо-востоку от Кюльтепе 1 (телль 23). Высота холма 10–15 м, склоны крутые.

Собранная на поверхности керамика делится на три группы. Несколько фрагментов средневековой поливной керамики. Три фрагмента халафской керамики и характерные халафские вещи — расписной гвоздь и подвеска из зеленого камня с ушком. Около 20 фрагментов разновременной хассунской керамики. Несколько резных и расписных черепков явно относятся к стандартной хассуне. Обломок грубого толстостенного сосуда, несколько стенок сосудов с архаической росписью, мелкие

обломки столовой посуды могут быть отнесены к архаической хассуне. Здесь же найдено 12 кремневых отщепов и обсидиановая пластина.

Три холма Ярымтепе (26, 27, 28) исследовались экспедицией (Мунчаев, Мерперт, 1981). Название местности дано по имени телля, наполовину разрушенного рекой. Исследованные телли пронумерованы в хронологическом порядке. Здесь находилась база экспедиции. Топографическая карта местности выполнена с вершины высокого телля Ярымтепе 3.

Телль 26 (Ярымтепе 2) на дороге Телль Афар — Шерайя, на правом берегу вади Абра. Телль сильно размыт рекой. Именно он и был назван местными жителями Ярымтепе. Высота холма 5–6 м, 9 м над уровнем воды. Телль с мощным халафским слоем (Мунчаев, Мерперт, 1981).

Телль 27 (Ярымтепе 3), в 100 м к северу от Ярымтепе 2, на правом берегу вади Абра. Халафское и убейдское поселение. В основании телля — хассунские слои (Мунчаев, Мерперт, 1981).

Телль 28 (Ярымтепе 1). Хассунское поселение в 400 м к востоку–северо-востоку от Ярымтепе 2. Холм с пологими склонами радиусом около 150 м, высота не более 2,5 м. Мощность культурных отложений около 5 м. Двенадцать строительных горизонтов характеризуют преемственное развитие культуры, от архаической до стандартной хассуны. Хассунский слой перекрывает халафский могильник, видимо, жителей соседнего поселения Ярымтепе 2 (Мунчаев, Мерперт, 1981).

Телль 29 в 1,5 км к востоку от Ярымтепе на дороге Шарайя — Телль Афар. Холм высотой около 2,5 м и диаметром около 100 м слегка вытянут в меридиональном направлении. Дорога сильно разрушила восточный склон телля. На поверхности много позднеассирийской, хассунской и халафской керамики.

Стандартная хассуна: стенки ангобированных сосудов (18), венчики ангобированных чаш (2), стенки сосудов с росписью (3) и резным орнаментом (4). К архаической хассуне могут быть отнесены обломки грубых толстостенных сосудов (5), грубых тонкостенных сосудов (1), стенки и венчики столовой посуды (4). Халафская керамика: 11 стенок и 6 венчиков расписных халафских сосудов. Здесь же найдено 8 кремневых отщепов и обсидиановая пластинка.

Телль 30. Два маленьких телля в 2 км к востоку–северо-востоку от Ярымтепе, на дороге в Телль Афар, в 500 м к северо-востоку от деревни Кызыл Махраб. Высота холмов не более 1 м. На большем телле среди круговой керамики найден один маленький фрагмент керамики с росписью (красные линии по розовому фону), видимо, стандартной хассуны.

Телль 31 находится приблизительно в 3 км к востоку–юго-востоку от Ярымтепе между деревнями Кызыл Махраб и Кызыл Куйю. Холм круглый, с сильно оплывшими пологими склонами, высота — 2–2,5 м, диаметр около 100 м.

На поверхности всего телля собрана большая коллекция хассунской керамики. Более поздних слоев на телле нет. Четко выделяются комплексы стандартной и архаической хассуны, причем архаический комплекс представлен большой выразительной коллекцией. По собранному материалу телль мало отличается от Ярымтепе 1. Поселения могли сосуществовать.

Стандартная хассуна: 14 ангобированных стенок и венчиков сосудов, 3 фрагмента с резным орнаментом, 4 фрагмента расписных сосудов и чаш.

Архаическая хассуна: 2 фрагмента мраморных сосудов, 1 фрагмент FINE чаши, 12 фрагментов грубых толстостенных сосудов и тазовеялок.

Телль 32 находится в 5 км к юго-востоку от Ярымтепе на левом берегу вади Абры. Высота холма около 5 м, диаметр — порядка 150 м. На поверхности телля собрано 4 расписных халафских и 2 убейдских фрагмента керамики.

Телль 33 находится в 5 км к юго-востоку от Ярымтепе на левом берегу вади Абры, в 40–50 м к западу от телля 32. Холм слегка вытянут вдоль берега вади, высота около 2,5 м, диаметр около 50 м. На поверхности собрана стандартная хассунская керамика: один обломок стенки с резным орнаментом, три фрагмента расписной столовой посуды.

Телль 34 находится в 6 км к юго-востоку от Ярымтепе, на левом берегу Абры, частично разрушен рекой. Холм вытянут вдоль вади, диаметр холма 60–70 м. Высота над водой составляет порядка 5 м, над равниной — порядка 3 м.

Несколько фрагментов хассунской и халафской керамики на поверхности. Наиболее характерны фрагменты хассунской веялки и овального тазика, пест из куска гальки.

О характере каждого обследованного телля приходится судить по нескольким черепкам. Выявленная система многослойных памятников представляет интерес для характеристики

образа жизни, хозяйства и общества первых земледельцев, плотности населения.

Разведки на равнине показали: здесь жили земледельцы. Более древние поселения охотников и собирателей нужно было искать на границе равнины и холмистых предгорий. Самое удобное место для такого поселения было в верховьях вади Абры, в трех километрах от Ярымтепе. К этой мысли нас привели годы работы, на поездку в это место и открытие Телль Магзалии был потрачен один час. Можно сказать, что мы поняли первобытного человека.

Большое укрепленное поселение Магзалия расположено прямо над равниной. Первые признаки культивации злаков позволяют говорить о системном собирательстве (Лисицына, 1989). Складываются предпосылки производящего хозяйства, но охота и собирательство доминируют. Человек выходил на равнину для собирательства и охоты на стадных животных, однако постоянно не жил на равнине. Сегодня только одно местонахождение кремня и обсидиана на берегу вади около Кюльтепе 2 может быть понято как временное стойбище людей из Магзалии.

Все хассунские поселения расположены на равнине, на полях. Это поселения земледельцев. Складывается производящее хозяйство, оно может быть определено как полевое земледелие. Наступает завершающий этап неолитической революции. Резко возрастает плотность населения.

Большое количество мелких хассунских поселений может быть связано с особенностями организации общины первых земледельцев. Небольшие поселения архаической хассуны расположены около полей. Как показали работы на Сотто и Кюльтепе, одновременно на поселении было два-три небольших (10–12 кв. м) жилых дома, очаги и хранилища для зерна вокруг них. Люди жили здесь во время полевых работ, может быть сезонно. Это могли быть семейно-родовые общины (Бутинов, 1968), которые должны были объединяться в определенную систему, племя, может быть, вокруг центрального поселения. Такая система поселений выявляется на материалах стандартной хассуны. Обследовано не менее пяти крупных хассунских поселений, как Ярымтепе 1. Их окружали более мелкие поселения, как в верхних слоях Сотто и Кюльтепе. Во всяком случае, часть этих поселений сосуществовала.

По справедливой оценке Д. Мелларта, хассунская культура сложилась в Верхней Месопотамии. В районе Хабура могла проходить граница хассунской культуры и культуры лощеной керамики (Mellart, 1965. P. 63, 64; Mellart, 1975. P. 143; Мелларт, 1982. С. 64–69). На пятнадцати обследованных теллях слои архаической и стандартной хассуны прямо перекрывают друг друга. На материалах Телль Сотто, Кюльтепе и Ярымтепе 1 хорошо видно развитие хассуны с самых ранних ее этапов. Сегодня можно сказать, Синджар входил в район становления хассунской культуры. Работами экспедиции архаические хассунские памятники исследованы и к западу от Синджара, на Хабуре (Munchaev, Merpert, 1997).

И все же, как возникла хассунская и одновременные ей раннекерамические культуры первых земледельцев?

Ответы на эти вопросы лежат в системе общих представлений о возникновении производящего хозяйства на Ближнем Востоке. Быстрое накопление материала требует его системного анализа. А это ставит перед нами новые вопросы (Kozlowski, Aurenche, 2005). Докерамические памятники хорошо известны в Сиро-Киликии, Анатолии. В Синджаре их исследование только начинается.

Позднемезолитическое поселение Курси в гроте Курси на северных склонах Синджара — аналог кебарийской культуре Леванта и зарзийской культуре Загроса. Наши сборы на поверхности перед входом в пещеру дали мелкие ножевидные пластины, клиновидные косоплощадочные нуклеусы, обломки ретушированных пластин. Кремень преобладает, есть отдельные обломки обсидиана. К сожалению, в небольшой коллекции нет характерных геометрических вкладышей, или наконечников (Бадер, 1989).

Начато исследование докерамического поселения Кермез Дере около Телль Афара. Памятник X тысячелетия до н. э. с круглыми домами и характерными наконечниками стрел с противолежащими выемками в основании. Наконечники, круглые дома и культ черепов, прослеженные в Кермез Дере, находят прямые аналогии в одновременных памятниках Леванта. Культура Кермез Дере может рассматриваться сегодня как вариант PPNA Леванта. На поселении занимались охотой и собирательством. Культивированный ячмень еще не был известен, было развито собиртельство диких трав, в том числе бобовых (Watkins et al., 1990). Много остатков овец и коз, по-видимому, еще диких. Кости быка и онагра встречаются реже, преимущественно в нижнем слое (Watkins et al., 1987. P. 13).

Магзалия датируется VIII тысячелетием до н. э. (Бадер, 1989. P. 314) и может быть отнесена к позднейшим памятникам докерамического неолита. Характерные орудия, каменные сосуды, браслеты, бусы, фигурки из Магзалии находят широкие аналогии в Верхней Месопотамии, Анатолии, Сиро-Киликии (Kozlowski, Aurenche, 2005). Обсидиан на поселение приносили из Анатолии (Bader, Merpert, Munchaev, 1994). Приемы строительства и планировка домов Магзалии находит прямые аналогии в Джефер Гуюк и Чейеню Тепеси (Aurenche, Calley, Cauvin, Molist, 1985; Ozdogan, 1999). На одновременном Магзалии поселении Секер эль-Ахмар и других памятниках Хабура встречается небольшое количество керамики с минеральными примесями. Во время работ на Магзалии такая керамика была определена нами как халафская.

Определенные различия в культуре Телль Магзалии и Телль Сотто явно обусловлены различиями в хозяйстве. Хассунская культура появилась и развивалась в условиях быстро развивающегося земледелия. Уже само появление керамики, по которой она выделена, прямо связано с этим процессом. Общие черты культуры Магзалии и исследованных протохассунских памятников могут и не говорить о прямой преемственности в развитии.

Несомненно, интересные результаты должны дать исследования окружавших Телль Магзалию протохассунских поселений на границе равнины и холмистых предгорий Синджара, в том числе в верховьях вади Абра. В этом отношении проведенные нами разведки могут быть полезными.

Синджар находится на путях расселения палеолитического человека из Леванта в Закавказье и далее на Север. Мы не имели времени провести разведки этих памятников. Уже случайные находки говорят, как они перспективны. Приблизительно в километре к востоку от Телль Магзалии и нескольких сотнях метров к северу от старой дороги Телль Афар — Белед Синджар, на поверхности одного из небольших, окружающих равнину естественных холмов около древнего вади, В.И. Гуляев собрал несколько подтреугольных кремневых отщепов со скошенной площадкой, скорее всего, мустьерского времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер Н.О., 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии: исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях телль Магзалия, Телль Сотто, Кюльтепе. М.

Бутинов Н.А., 1968. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы развития докапиталистических обществ. Кн. 1. М.

Лисицына Г.Н., 1989. Древнейшие палеоботанические находки в Северной Месопотамии // *Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.

Мелларт Дж., 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., 1981. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна 1. Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-восточной Сирии. М.

Aurenche O., 1981. La Maison Orientale: L'Architecture du Proche Orient Ancient des Origines au Milieu du Qatrieme Millenaire. Paris.

Anderson P.C., Formenti F., 1996. Exploring the use of abraded obsidian "Cayönü tools" using Experimentation, optical and SEM Microscopy, and EDA Analysis // Archaeometry. Ankara.

Aurenche, O., Calley S., Cauvin J., Molist M., 1985. L' Architecture de Cafer Hüyük (Fouilles 1982–1983): Rapport Préliminaire // Cahiers de l'Euphrate. 4. 11–33.

Bader N., Merpert N., Munchaev R., 1994. Les importations d'obsidienne sur les sites des IXe–VIe millénaires B.P. du Djebel Sinjar // Paleorient. Vol. 20, N 2. P. 6–9.

Bicakci E., 1995. Cayonu House Models and a Reconstruction Attempt for the Cell-Plan Building // Readings in Prechistory: Studies Presented to Halet Cambel. Istanbul.

Cauvin M.C., 1996. L'obsidienne dans le Proche-Orient Prehistorique: Etat des recherches en 1996 // Anatolica. XXII. P. 2–32.

Cauvin M.-C., Chataigner C., 1996. Possible Relationschips between Geochemical Groups of Obsidian from the Near East // Archaeometry. Ankara.

Fukai S., Matsutany T., 1981. Telul Eth-Thalathat. The excavation of Tell II. The fifth season (1976) / Tokyo University. Vol. IV.

Hours F., Aurenche O., Cauvine J., Cauvine M.-Cl., Copeland L., Sanlaville P., 1994. Atlas res Sites du Proche Orient (14000–5700 B.P.). Vol. I–II. Paris.

Kirkbride D., 1975. Umm Dabaghiah: A fourth Preliminary report // IRAQ. Vol. XXXVII.

Kozlowski S.K., Aurenche O., 2005. Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East. Oxford. (BAR International Series; N 1362).

Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna, 1945 Excavations by the Iraq Government Directorate of Antiquities in 1943 and 1944 // *JANES*. Vol. 4. P. 255–289.

Mellart J., 1965. Earliest Civilizations of Near East. London. P. 63, 64.

Mellart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London. P. 143.

Munchaev R.M., Merpert N.Ya., 1997. The excavations of settelement Tell Hasna II, 1992 // Chronique Archeologique en Syrie. Vol. I: 1992. Damascus,

Oates D. and J., 1976. The rise of Civilization. Oxford.

Watkins T., Baird D., 1987. The excavation of an aceramic Neolithic settlement near Tell Afar. N. Iraq. 1987: interim report. Edinburgh. (Project Paper; N 6).

Watkins T., Baird D., Betts A., 1990. Qermez Dere and the early aceramic neolithic of N. Iraq // Préhistoire du Levant / F. Hours (ed.). Paris.

Рис. 1. Подгорный район Синджара (физико-географическая карта района между городами Джебел Синджар и Телль Афар)

Рис. 2. Подгорная равнина Синджара. Вид с пос. Ярымтепе на Телль Магзалию

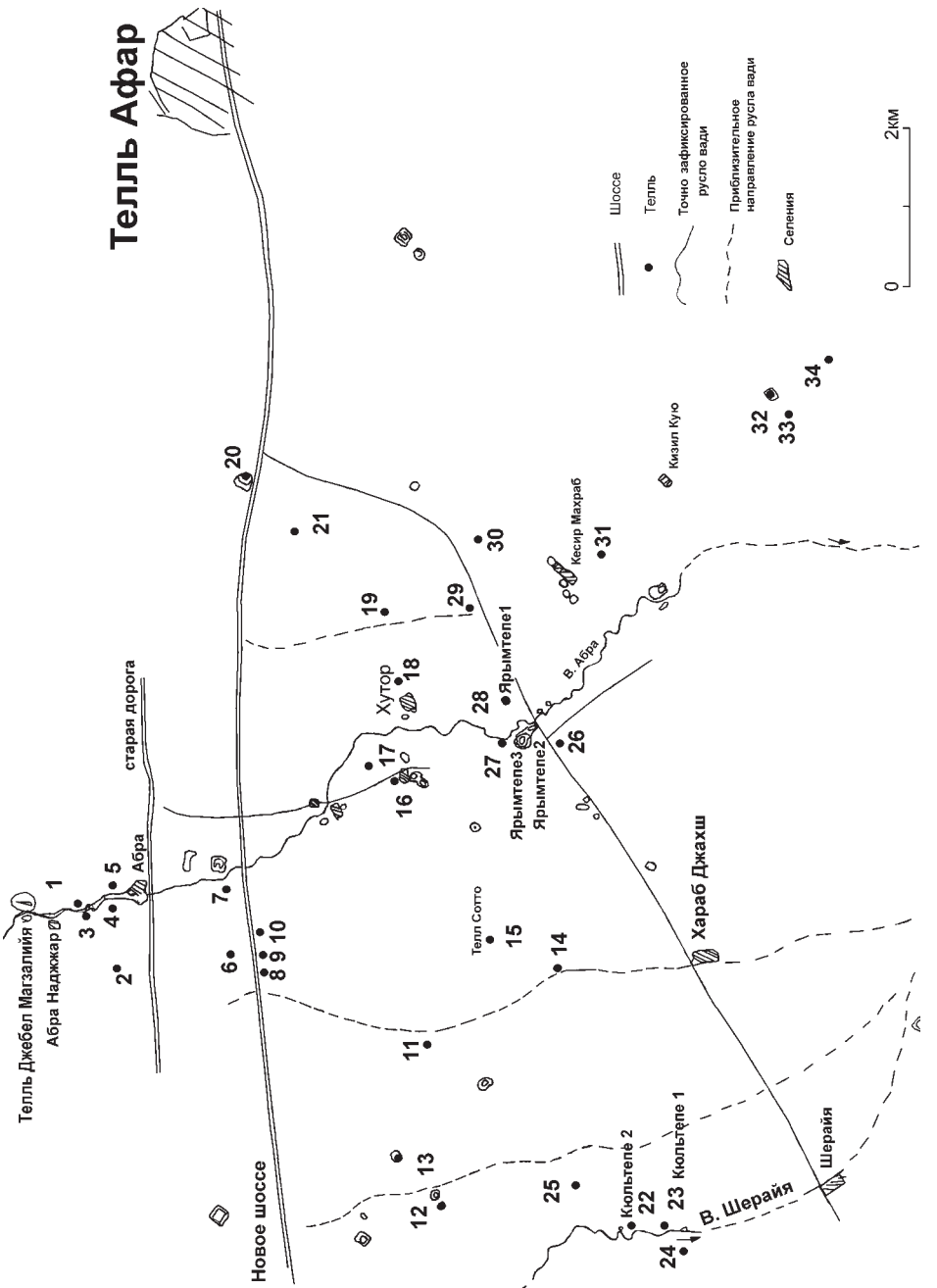

Рис. 3. Карта разведок Российской археологической экспедиции в Синджаре

Н.Я. Мерперт

ОБВОДНЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СТЕНЫ ТЕЛЛЬ ХАЗНЫ I

Основные параметры уникального культово-административного центра IV–III тысячелетия до н. э. в Северо-Восточной Сирии определены руководимой Р.М. Мунчаевым российской экспедицией в ходе широкомасштабных исследований, длящихся вот уже восемнадцать лет. Предельная плодотворность и историческая значимость этих работ явились прямым результатом четкого их планирования, выработки Рауфом Магомедовичем оптимальной по информативности методики, а точнее комплекса методик, охватывающих с максимальной полнотой самые многообразные виды информации, содержащиеся в культурном слое памятника, — от собственно археологических показателей до данных целого ряда естественных наук (палеогеографии, геологии, палеоботаники, палеозоологии и др.).

Естественно, значительное внимание было уделено архитектуре Телль Хазны I, тем более что она отмечена определенной спецификой как общей ее планировки (террасное расположение ряда строительных уровней), так и функциональными особенностями конкретных сооружений и их комплексов (храмов, целых темепасов с системой культовых сооружений, включавших гигантскую башню, — своего рода древнейший «протозиггурат», алтари, «столы» для жертвоприношений и пр.). Наряду с культовыми фиксируются хозяйственные сооружения с остатками активной хозяйственной деятельности, прежде всего очень крупные, высотой до 8,5 м, башни зернохранилища и гончарные печи различной сложности и совершенства. Отдельные немногочисленные постройки могли использоваться как жилые дома, что совершенно естественно, ибо разносторонняя деятельность культово-административного центра требовала активного участия определенного числа осуществлявших ее лиц, даже с наметившейся их специализацией (здесь можно вспомнить зафиксированный цилиндрическими печатями Месопотамии и Сузианы подсчет принятого и отпущенного зерна, многочисленные и практически постоянные строительные и хозяйственные работы, наконец, осуществление культовой практики и участие в ней).

Значительную же долю строительной деятельности составляло создание фортификационных сооружений, которым по всем показателям создатели этого уникального объекта придавали особое значение.

С самого начала следует подчеркнуть многообразие соответствующих построек Телль Хазны и необходимость систематизации их по ряду параметров: стратиграфическому, хронологическому, техническому, функциональному, планографическому и пр.

Основной материал, подлежащий рассмотрению и анализу в этой связи, относится к раннединастической эпохе, слой которой в Телль Хазне I превышает на отдельных участках 12 м. Именно к ней относится подавляющее большинство остатков фортификаций, причем в ряде случаев вскрыты целые системы их, позволяющие установить место основных элементов в этих системах, их эволюцию и роль в общей планировке оборонительного строительства Телль Хазны I. Особо подчеркнем при этом уникальную сохранность архитектуры памятника в целом и монументальных построек (в том числе фортификационных) в особенности (рис. 1–6).

Но наличие свидетельств оборонительных сооружений на месте будущего культово-административного центра при использовании в качестве основного материала глины и преж-

де всего сырцовых кирпичей, фиксируется задолго до раннединастической эпохи.

В этой связи отмечу, что превращение последних в основной вид строительного материала за пределами основных источников дерева и камня фиксируется в Южной Месопотамии, начиная с «протописьменного» — древнейшего — периода Эриду (Safar, Ali Mustafa, Lloyd, 1981. P. 168–111), несколько севернее — в убейдских слоях Ярым Тепет и Варки (Урук XVIII), в Средней Месопотамии — в замечательном памятнике самарской культуры Телль эс-Савване (El-Wailly, Abu Es-Soof, 1965). Эти памятники, как и некоторые прочие, расположенные в тех же регионах Месопотамии, близки по времени и позволяют относить начало сложения основных принципов сырцовой архитектуры к периоду убейдской и самарской культур. И чрезвычайно важны полученные в Телль Хазне I свидетельства активного участия в этом процессе и значительно более западных территорий Двуречья — прежде всего Северо-Восточной Сирии.

В четырех пунктах шестнадцатиметрового культурного слоя нашего памятника достигнут уровень материка. Внутри же слоя четко определены три его компонента: основной — раннединастический — и два подстилающих его — урукский, безусловно, генетически с ним связанный, и убейдский. Ненарушенная последовательность напластований, безусловно, определена в специальном стратиграфическом шурфе в кв. XI/20 (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 21 сл. Табл. 8). Несмотря на ограниченную площадь (25 кв. м) шурф позволил уверенно выделить три названных выше компонента культурного слоя без сколько-нибудь заметных разрывов между ними, но достаточно специфичных как по архитектурным остаткам, так и по керамическому контексту.

Нижний слой — убейдский — не превышал метровой толщины и на глубине 16,00 м от 0 достигал материка, в который был вкопан слабо обожженный сосуд грубой лепки с остатками погребения младенца (погребение № 30). Фрагменты подобных же сосудов с характерной зеленовато-коричневой росписью по зеленоватому же или розовому фону доминируют среди сравнительно немногочисленной керамики этого древнейшего слоя памятника, определяющего terminus post quem всех последующих напластований. Основным содержанием слоя является плотная глинистая забутовка с многочисленными скоплениями угля и золы. Особую же важность имеют зафиксированные внутри слоя на уровнях ~14,75–15,30 м две параллельные стены из сырцового кирпича толщиной до 30 см каждая (№ 242, 242а). Обе направлены с юга на север и разделяются интервалом в 85 см (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 21, Приложение — профили — кв. XI–XIV/18). Стены сложены из сырцовых квадратных кирпичей крупных размеров — 30 × 30 × 9 см. Сохранилось до 6 их венцов общей высотой около 50 см. Не исключена возможность продолжения стен вглубь, где слой резко нарушен рядом перекопов различных периодов. Функциональный характер сооружения не определен. Во всяком случае, указанные стены знаменуют остатки древнейших кирпичных сооружений Телль Хазны I. Значительно более четко фиксируется верхний их уровень: стены перекрывает мощный зольник толщиной от 25 до 50 см, охватывающий весь шурф и уходящий за его пределы. Он заметно спадает к югу и особенно насыщен на уровнях 14,55/14,80 м и 14,95/15,05 м. Верхняя его часть наслаивается на обе кирпичные стены — № 242 и 242а.

Зольник и по площади, и по толщине своей, безусловно, связан с завершением древнейшего убейдского этапа в существовании памятника и переходом к следующему, заметно отличному и по длительности развития, и по принципиальным культурным индикаторам. Из последних отмечу, прежде всего, четкую смену убейдской керамики урукской IV тысячелетия до н. э.: здесь уже можно говорить о массовом ее распространении, что касается прежде всего специфических форм т.н. «северного урука». Весь северо-западный участок отмеченного шурфа был охвачен кирпичной стеной, сохранившейся на уровнях 12,00/12,80 м. Ее отделяют от убейдского слоя тот же мощный зольник и слой забутовки, на который и опирались сырцовые стены, сохранившиеся, как уже было указано, на высоту семи венцов (т.е. 80 см), подстилавшихся остатками еще пяти венцов. Особо подчеркнем, что стандарт кирпичей здесь заметно отличен от убейдского слоя с его крупными квадратными «плинфами»: кирпичи урукского слоя прямоугольны, а размеры их не превышают 25 × 20 × 7 см.

Среди строительных остатков урукского слоя Телль Хазны I могут быть намечены два уровня. Нижний непосредственно перекрывает восточный зольник, знаменовавший финал убейдского слоя. Древнейшие урукские сооружения, которые должны быть отнесены к нижнему уровню, сохранились слабо, но сре-

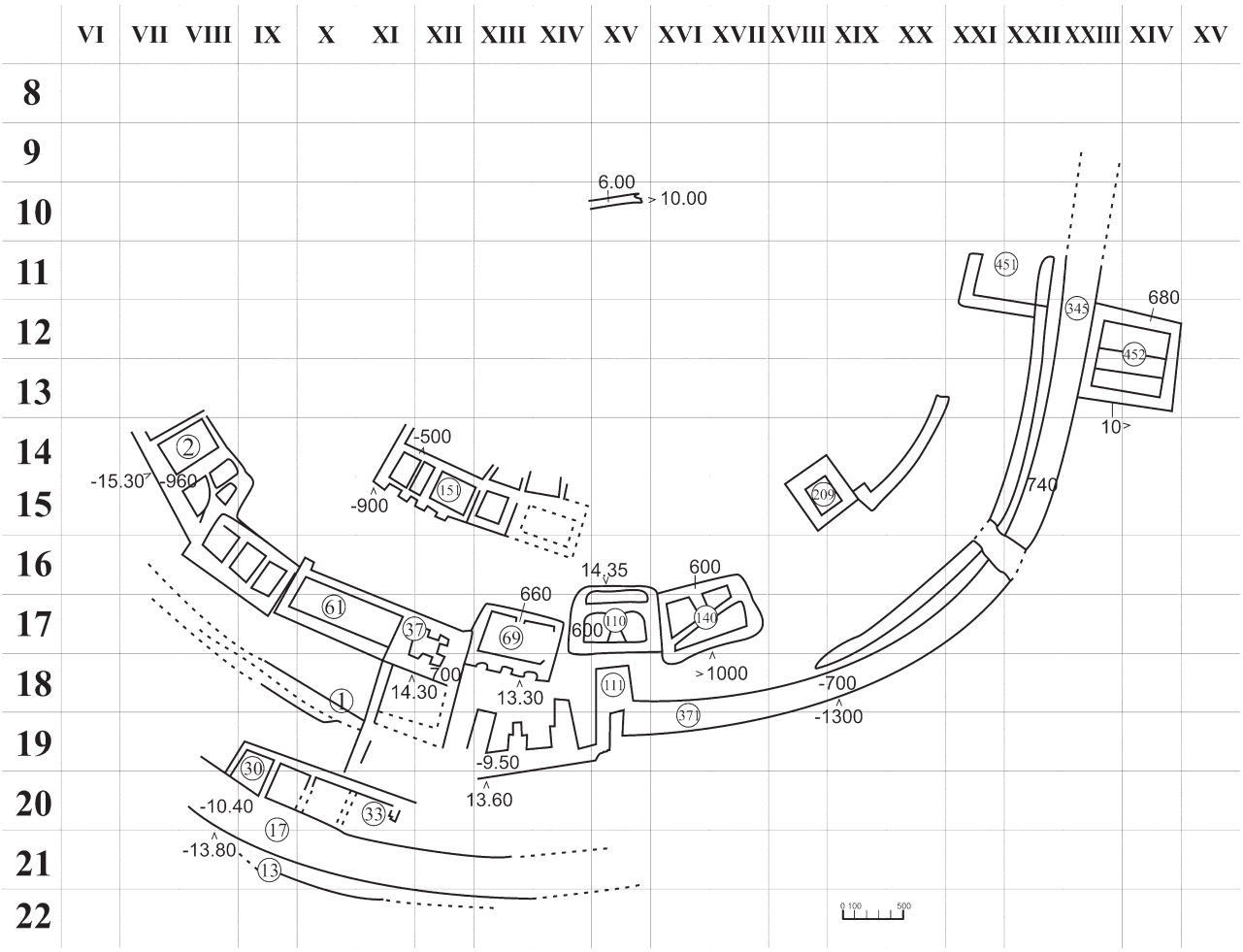

Рис. 1. Внутренние индивидуальные укрепления Общие планы: рис. 3, 6

ди них достаточно четко выделяются в восточном профиле шурфа срез стены восток–запад, сложенной из кирпича указанного стандарта и достигавшей в толщину не менее 1,00 м. В плане эта стена сохранилась очень плохо, но характерны сама ее мощность и расположение в нижней части склона, что не исключает фортификационного ее назначения.

Еще раз подчеркну, что при всей своей массивности стена № 227 подверглась сильному и специфическому разрушению. Сохранились 12 венцов ее кладки. Верхняя и южная ее плоскости срезаны дугообразным, резко расширяющимся книзу (вплоть до 1 м) слоем забутовки, перекрытой вторым, менее плотным и резко спадающим к югу слоем строительного развала толщиной от 1,00 до 1,60 м. В западном профиле этот слой прослежен на уровнях 12,80/14,00 м. Картина абсолютно идентична вплоть до уровня залегания остатков стены. В западном же профиле на уровнях 12,10/14,00 м зафиксированы остатки еще одной кирпичной стены толщиной свыше 1,50 м (№ 216), возможно, связанной с упомянутой выше стеной № 227, о чем свидетельствует расположение их как на единой линии, так и на едином уровне при близкой сохранившейся высоте кладки. К сожалению, это лишь фрагменты стен, резко нарушенных разрушениями в центральной части шурфа, но если предположение о принадлежности их единому сооружению справедливо, оно значительно усиливает возможность фортификационного характера последнего: стена достаточно массивна и прослежена в обоих противоположных профилях шурфа, отдаленных друг от друга не менее чем на 10 м.

Причина отмеченного спада слоев к югу не ясна. Во всяком случае, она могла быть связана с весьма значительным смещением их на данном

участке, обусловленным как антропогенными причинами — созданием оборонительного рва (ров столь же раннего периода известен в Телль эс-Савване: El-Wailly, Abu Es-Soof, 1964. P. 17–32), так и природными катаклизмами — сейсмическими явлениями. О последних свидетельствуют наличие в нескольких десятках километров к югу от нашего памятника потухшего вулкана, а также весьма выразительные деформации участков поверхности телля с образованием резко наклонных плоскостей при сохранении перпендикулярного расположения к ним остатков стен построек основного — раннединастического — слоя Телль Хазны I.

В целом мощность урукского слоя в шурфе кв. XI/20 нашего памятника достигает 3 м, перекрывающих убейдский слой. Полное подтверждение это находит и в наличии на вкопанных в данный слой основаниях фундаментальных раннединастических построек. Таким образом, основной для памятника двенадцатиметровый слой раннединастической эпохи подстилается четырьмя метрами слоев более ранних периодов.

Из них небольшой убейдский слой, скорее всего, должен быть признан первоначальным, знаменующим начало заселения данного участка и, судя по перемешанному характеру материала, относящемуся к его позднему этапу своего периода, что подтверждается и, безусловно, выработанными уже традициями кирпичной кладки, в том числе и фортификационного назначения.

Что касается урукского слоя, то он, несмотря на скромность вскрытой в шурфе площади и крайне неудовлетворительную сохранность связанных с ней строительных остатков, значительно более информативен в рассматриваемом ныне аспекте. И прежде всего это касается подчеркнутой выше вероятности наличия здесь мощной оборонительной стены, наиболее ранней для Телль Хазны и имеющей, безусловно, местные корни, о чем свидетельствуют приведенные выше первые опыты кирпичных кладок изначального убейдского слоя. В отличие от последнего в урукском слое можно с уверенностью говорить о выработке системы кирпичных фортификаций, хронологически не уступающих соответствующим феноменам Средней и Южной Месопотамии. Поэтому ни о хронологическом отставании Сирии, ни о заимствовании ею кирпичного фортификационного строительства из указанных регионов говорить не приходится: процесс был одновременным (по меньшей мере!) по всему Двуречью и вклад Сирии в его развитие был достаточно весомым с самого начала.

Толщина стены, открытой в урукском слое шурфа кв. XI/20, превышала метр, сохранившаяся же высота кирпичной кладки достигала 1,40 м. Постройка носила достаточно фундаментальный характер, причем кирпичная конструкция заметно усиливалась скоплениями спрессованной глиняной забутовки. Расположение же остатков стены вдоль подножья телля допускает обводный ее характер уже в урукскую эпоху.

Верхняя часть урукского слоя в шурфе, перекрывавшая остатки кирпичной стены, представлена отмеченной уже забутовкой и скоплениями золы и строительного мусора, иногда образующими мощные блоки размерами 70 × 60 × 60 см. Возможно, они связаны с подготовкой поверхности к фундаментальному строительству основного слоя памятника, принадлежащего уже к раннединастической эпохе.

Здесь масштаб исследования и насыщенность его предельно информативными материалами несоизмеримы с открытиями в нижних двух слоях (при всей принципиальной важности последних). В полной мере относится это и к проблеме оборонительных сооружений памятника. Первые соответствующие данные были получены с самого начала раскопок Телль Хазны I, когда было зафиксировано само наличие здесь фундаментальных фортификаций. Первоначально их свидетельства были достаточно ограниченны, но они сразу же получили место и во времени (начало раннединастической эпохи), и в пространстве (обводные стены, ограничивавшие овальный холм памятника с южной стороны).

Это относится прежде всего к крайней южной стене № 13, остатки которой открыты в квадратах IX–XII/20–22. На протяжении 12 м ее кирпичная кладка в основании своем вкопана в урукский слой. Она зафиксирована на уровнях 14,25–14,46 м, основание не достигнуто. Кирпичи очень крупные: 50 × 30–35 × 8–9 см. Верхний срез стены соответствует уровню оснований древнейших раннединастических построек центральных районов памятника. Все они предшествовали серьезной реконструкции первоначальной раннединастической застройки Телль Хазны I. Последняя непосредственно коснулась и южного участка обводной оборонительной системы памятника (прежде всего стены № 13) при полном сохранении ее плана. Стена № 13 была в верхней своей части срезана, что вызвало возникновение сорокапятисан-

тиметровой прослойки строительного мусора и фрагментов раннединастической керамики, золы и угля. Стена № 13 дугообразна, направлена с ЮВВ на СЗЗ, вскрыта на протяжении 12 м в квадратах X/21–22 и, безусловно, продолжается в обе стороны.

Поверх указанной прослойки на уровне в среднем 13,20/13,80 был сооружен мощный вал № 17, вскрытый в длину более чем на 50 м (кв. VIII/20–XIII/22). Он перекрывал упомянутую выше прослойку, а ниже — стену № 13 и подобно ей уходил как к СЗЗ, так и к ЮВВ. Вал состоял из последовательных слоев глины с примесью речного ила. Вполне вероятно использование при его сооружении земли, сдвинутой к краю памятника при нивелировке его поверхности в ходе упомянутой реконструкции.

При поперечном разрезе вала четко фиксируется подъем составлявших его слоев к его вершине, хотя внутренний — северный — фас сооружения выражен недостаточно ясно. Однако удалось проследить обмазку всей поверхности вала, во всяком случае, в нижней ее части, желтой глиной, резко отличной от бурокоричневого основного его массива. Толщина вала близка 4 м, высота сохранилась до 3,25 м. Еще раз подчеркну, что вал № 17 полностью повторял линию стены № 13, но был сдвинут на 1 м к северу. Можно полагать, что стена № 13 имела близкую толщину и представляла собой фундаментальное и весьма мощное оборонительное сооружение обводного характера, охватывавшее значительную часть дугообразной южной границы памятника.

Отмечу еще одну особенность вала № 17. Северная его граница (в отличие от южной) выражена недостаточно четко ввиду более пологого спуска вала в этом направлении. Но вместе с тем именно с северной стороны к валу примыкает ряд прямоугольных (близких квадрату со стороной около 3 м) помещений (казематов?). Разделяющие их стены на севере упираются в полуметровую (в высоту и толщину) стену № 5. Последняя направлена с северо-запада на юго-восток, т.е. фактически параллельно валу № 17. С северной же стороны стена № 4 укреплена системой контрфорсов. Их семь. Стена № 5 вскрыта на протяжении 15 м (в квадратах VIII/20–XI/21) и явно продолжается к ЮВ. От вала № 17 она отстоит к северу на 3,50–4,00 м. Это пространство и разделено на 4 «каземата» (№ 30–33), боковые стенки которых являлись одновременно перемычками между северным фасом вала № 17 и стеной № 5. Помимо крепежных функций эта система могла служить вместилищем, местом пребывания небольших охранных отрядов. Вал № 17 может быть признан при этом основным компонентом системы построек фортификационного характера, укреплявших подход к центру памятника с юга — с наиболее уязвимого участка квадратов VIII–XI/19–21. В свою очередь эти постройки способствовали прочности вала № 17 и системы в целом, а также их охране.

Подобные системы взаимного крепления основных стен и соединенных с ними специальных крепящих построек известны как на других участках самой Телль Хазны I, которые будут рассмотрены позже (квадраты XX–XXIII/12–17, стена № 345), так и на прочих памятниках. Примером тому может служить «Овальная постройка» раннединастического слоя поселения Телль Мэдххур в северной части Хамринского водохранилища в Сирии (Roaf, 1982. P. 40–47; Killisk, Roaf, 1979. P. 534–542; Sievertsen, 1998. Teil I. S. 153–154; Teil II. Abb. S. 184–185) с мощной обводной овальной кирпичной стеной, дополнительной более тонкой дугой на одном из соседних участков и рядом перемычек между ними. «Овальная постройка» синхронна Телль Хазне I. Отмеченный принцип представлен и поселениями того же времени с кольцевидными концентрическими стенами, соединенными перемычками. Достаточно показательны здесь примеры таких раннединастических построек, как поселение Телль Разук, также расположенное в северной части района Хамринского водохранилища (Gibson, 1987. P. 467–474). И здесь открыты два концентрических кольца стен, соединенных пятью перемычками, разделяющими пять помещений. Последние окружают круглый центральный двор, с которым каждое помещение связано специальным проходом при отсутствии подобных проходов между самими помещениями.

Постройка существовала на протяжении I и II раннединастических периодов и подверглась ряду реконструкций: первоначально фортификационный характер ее был сменен жилым (Sievertsen, 1998. Teil I. S. 158). В этой связи отмечу, что и на Телль Хазне I стена № 345 с дополнительной крепящей конструкцией тоже была позднее перекрыта серией жилых и хозяйственных сооружений.

Весьма близкую систему обоюдного крепления стен имел и т.н. «Овальный храм» в Хафадже (Тутубе) на Дияле в Средней Месопотамии — одном из памятников, по основным показателям архитектуры, планиров-

ки, хронологии и функционального характера наиболее близких Телль Хазне I (Delougaz, 1940. P. 17 ff; Delougaz, Lloyd, 1942, Lloyd, 1978. Pl. 55.2; Tunca, 1984. Vol. I. P. 165; Sievertsen, 1998. Bd. I. S. 165–170).

Здесь крепящие перемычки четко выражены между стенами «Овальных храмов» I и II.

Подчеркну, что все аналоги Телль Хазне I, отмеченные указанным приемом крепления стен, должны быть отнесены к раннединастической эпохе, а по функциональной своей нагрузке, безусловно, связаны с оборонительными системами памятников. При этом наиболее четкие примеры применения подобной конструкции связаны с памятниками сирийского ареала, хотя «Овальный храм» в Хафадже свидетельствует о наличии близких примеров и в Средней Месопотамии.

Первоначально вал № 17 рассматривался как результат перестройки предшествующих сооружений с созданием общей обводной стены, охватывавшей памятник в целом. Действительно, внутри стены фортификационные сооружения, иногда чрезвычайно монументальные, были связаны с конкретными объектами культового характера, такими как храмовые помещения № 69а–в, непосредственно примыкавшие к «протозиггурату» № 37 и огражденные с юга мощной стеной с широкими контрфорсами в верхней своей половине, а также башни — зернохранилище № 110 и др. — на первой–второй террасах, стена с пятью полупилястрами на краю третьей террасы, ограждавшая сооружения «верхнего храма» № 151–154 (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 41–44, 52–62, 63–65).

Особо отмечу, что монументальные культовые и складские сооружения I и II террас (№ 2, 4, 8, 10, 62, 61, 37, 49, 110, 149, 209, 211)(рис. 2), почти сомкнутые друг с другом, образовывали фактически еще одну линию обороны внутри обводного вала № 17, параллельную ему при разделяющей их пятнадцатиметровой полосе, также идущей дугообразно южнее, юго-западнее и юго-восточнее указанной линии построек.

Первоначально внутри этой полосы были вскрыты лишь отдельные участки, густо застроенные небольшими тонкостенными жилыми и хозяйственным сооружениями сравнительно поздних периодов существования памятника. Но дальнейшие раскопки показали, что эти постройки перекрыли остатки еще одной фундаментальной обводной стены, относительно хорошо сохранившейся и полностью вписывающейся в общую планировку сложной и весьма совершенной фортификационной системы Телль Хазны I. Она охватывает всю южную и центральную части памятника и представлена непрерывно прослеженной мощной стеной с рядом дополнительных — в основном крепящих — сооружений: параллельных стен, соединенных с основной рядом перемычек (прием, уже рассмотренный выше), фортов, бастионов, монументальных контрфорсов. Составляющая основу этой системы дугообразная стена вскрыта на протяжении более 80 м от кв. XXIII/13 на востоке до кв. XI/19 на западе. Толщина стены в среднем 2,00 м. Она сложена из прямоугольных сырцовых кирпичей наиболее распространенного стандарта 30 × 24 × 8 см, на некоторых же участках наряду с кирпичами применялась плотно спрессованная глиняная забутовка. Высота стены достигала почти 6 м, основание ее было впущено в урукский слой до глубины свыше 13 м.

Искусственные разрывы в стене (проходы, ворота, калитки, проломы) позволили выделить ряд секций, получивших отдельные номера (с востока на запад: 345, 371, 358)(рис. 4, 5).

Глубина же их залегания практически позволяет говорить об одновременности создания всех трех рассмотренных оборонительных сооружений памятника: обводного вала № 17 (а возможно, и стены № 13), обводных стен № 345, 371, 358 и дуги сомкнутых сооружений.

Не менее важно определение конца функционирования рассматриваемых стен. Верхний срез их в большинстве случаев сохраняет правильную, ровную поверхность, близкую по глубинам (практически 8–9 м) и непосредственно перекрытую совершенно новой застройкой, знаменующей новый этап в существовании памятника, что касалось, очевидно, всех рассмотренных выше общих оборонительных систем.

Во всяком случае, три фортификационные системы южной половины Телль Хазны I оказываются синхронными, связанными между собой и подчиненными единому плану. Последнее является характерной чертой основных элементов застройки Телль Хазны в целом.

Но вернемся к стенам № 345, 371, 358. На востоке она начинается между участками XXIII/11 и XXIII/12, где ее фланкируют два крупных сооружения — № 451 и 452. Западная стена последнего примыкает к обводной стене с востока в квадратах XXIV/12–13 на протяжении 7,40 м при толщине ее 0,90 м. Северная стена постройки уходит на 3,30 м к востоку от обводной (№ 345) до борта раскопа при толщине 1,30 м. Южная стена конструкции № 452

имеет толщину 1,20 м. Значительная часть сооружения, сложенного из сырцового кирпича, разрушена до уровня 9,80 м от 0. Исследование постройки не завершено, предварительно она рассматривается как пристроенная к обводной стене фундаментальная боевая башня.

Не менее массивно и сооружение № 451, примыкавшее к стене № 345 с запада на участках XXIII/11–12. Верхний срез стен его фиксируется на глубине 8,40–8,70 м от 0, что соответствует в целом верхнему срезу всех стен рассматриваемой системы (№ 345–371, 358). Уровень его колеблется между 7,8 и 9,5 м.

Совершенно очевидно, что в северо-восточной части памятника, там, где заканчивалась обводная стена, вплотную к ней были построены два массивных сооружения («бастиона»), входивших, очевидно, в систему фортификации памятника. И не случайно северо-восточное окончание стены (участка 345) было связано с упомянутыми «бастионами», рядом с которыми находился и специально оформленный проход во внутренние районы памятника (квадраты XXII/15–16).

Начиная с квадратов XXII–XXIII/12, обводная стена (№ 345) направлена к ЮЮЗ, отклонение к западу усиливается в квадратах XXI–XXII/16 и становится определяющим в кв. XVIII/18. Начиная с кв. XXII/12 до XIX/17, с внутренней стороны обводной стены в среднем в 1 м от нее, параллельно ей проходит «крепящая стена» № 412, соединенная с основной пятью перемычками. Эта система взаимного крепления, уже отмеченная для юго-западного участка памятника, здесь сохранилась с наибольшей выразительностью. Ширина «крепящей стены» до 1 м, верхний срез ее полностью повторяет показатель основной стены и также перекрыт остатками построек следующего этапа существования памятника.

Но следует учитывать возможность исполнения «крепящей стены» перемычками в сочетании с основной «Южной стеной» еще одной функции, уже подчеркнутой выше для вала № 17 и стены № 5. В обоих случаях перемычки создавали ряд небольших помещений — «казематов», вмещавших охранные отряды. С этим связаны особая тщательность кирпичной кладки и прекрасная ее сохранность.

Отмечу, что на участках XXI–XXII/16 перемычка ограничивает с юга разрыв в обеих стенах. Ширина последнего 1,50 м. Он доведен до уровня свыше 8,10 м и направлен с СЗ на ЮВ. Создан он умышленно, на указанной поверхности лежит большой фрагмент кирпичной кладки частично разобранного на участке разрыва восточного борта стены. Следовательно, разрыв создан позже последней. Подчеркну, что поперечные стенки разрыва имеют одинарную кирпичную обкладку, что еще раз свидетельствует о преднамеренности разрыва. Скорее всего, это был один из входов во внутреннюю часть памятника.

Далее к юго-западу стена вскрыта до уровня, превышающего 13 м, заметно врезавшись в урукский слой. Это позволяет относить ее создание к единому периоду с валом № 17 и дугой фундаментальных сооружений, в том числе зиггуратом № 37, сакральными постройками № 61, 69 (рис. 6), 149, зернохранилищами № 2, 110, 209 и др. К указанному выше разрыву стена № 345 сужается до 2,50 м, но далее к юго-западу вновь заметно расширяется (до 3,00 м и более). Ее участку в квадратах XX–XXI/16–18 дан № 396. На участках XX–XVIII/17 несколько меняется структура стены: при двурядном двустороннем обрамлении продольными кирпичами срединная часть стены забутована глиной и строительным мусором — в основном кирпичным ломом.

В дальнейших трех квадратах XV–XVI–XVII/18 стена (участок 371) принимает почти определенно западное направление, вновь расширившись до 4,50 м (здесь возможно сочетание двух слившихся стен). Бортовое кирпичное обрамление сохраняется, но состоит оно как из продольно, так и из поперечно положенных кирпичей.

На южном участке (№ 371) — в квадратах XIX–XVIII/18 четко прослеживается продолжение стены к западу вплоть до кв. XV/18–19, где к северному борту стены (№ 371) примыкает мощный контрфорс № 111. Размеры его 3 × 3 м, верхний срез 9,50, основание на глубине 12,50 м. Он занимает значительную часть кв. XV/18 и укрепляет данный участок стены № 371, южный борт которой имеет здесь значительную выемку, верхний срез фиксируется на глубине 7,00 м и основание глубже 13 м, следовательно, высота ее достигала 5,50–6,00 м.

С наибольшей четкостью единство описываемой стены фиксируется в профилях южных бортов квадратов XVII–XV/18, где засвидетельствованы и сочленение остатков ее на разрушенных участках, и наличие упомянутого контрфорса № 111.

Далее, начиная с западной части кв. XV/19 вплоть до кв. XIII/20, стена смещается на ~2,50 м к югу, образуя прямоугольный выступ размером 8,00 (восток–запад) × 2,50 (север–

юг). Фактически он продолжает оборонительную стену к западу, образуя своего рода южный ее бастион (№ 358). С севера в квадратах XIII–XIV/19 к нему примыкают три монументальных контрфорса, крепящих с этой стороны южную стену выступа № 358, расположенного напротив теменоса (№ 69) и преграждавшего доступ к нему с юга. Все контрфорсы вытянуты с юга на север. Размеры их 3,80 × 1,50 м (крайний восточный — № 359), 2,50 × 1,00 м (№ 351), 3,00 × 1,00 м (№ 382); верхний срез соответствует срезу стены № 371, основание на глубине, близкой 13 м или превышающей этот показатель.

Единство рассматриваемой обводной оборонительной стены и безусловная принадлежность ее прямоугольного выступа № 358 не вызывают сомнения. Но выражено это не прямым продолжением дугообразного хода стены № 371, а коленчатыми переходами, прежде всего в кв. XV/19, где «колено» образовано двумя взаимоперпендикулярными стенами метровой толщины: одна из них продолжала к западу стену № 371, но утоньшенной до 1,00 м, вторая — под прямым углом поворачивала к югу, где соединялась с южной стеной выступа, вновь несколько расширившись (до 2,0 м).

Второе колено зафиксировано в кв. XII/20. От юго-западного угла выступа № 358 отходит к северо-западу стена № 47, продолжающая основное направление обводной («Южной») стены. В пределах квадратов XI–XII/19 ее толщина не превышает 1 м. Далее же к СЗ она сливается со стеной, открытой еще в начале раскопок и получившей тогда № 1. Общая толщина «слившихся» стен 1/47 достигает 1,50 м. Несмотря на сильное разрушение участка многочисленными перекопами, остатки обводной стены прослежены к СЗ не менее чем на 20 м вплоть до кв. VII/16.

Скорее всего, они являются продолжением «Южной стены». Таким образом, дуга последней в длину превышала 100 м. Из них 85 м вскрыты, определенная часть их до основания. Последнее достигнуто в квадратах XVI–XVII/19, XII/20 на уровне в среднем 12,20–13,00 м. Верхний же срез «Южной стены» перекрыт постройками следующего этапа на уровне 6,00–6,60 м. Таким образом, высота «Южной стены» превышала 5,50 м. Северо-западное окончание стены пока не определено, но по общим показателям планировки «Южной стены» оно располагалось на близкой горизонтали с северо-восточным началом последней. Это еще раз подтверждает обводный ее характер как второго общего для всего памятника оборонительного кольца (или полукольца).

ЛИТЕРАТУРА

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Delougaz P.A., 1940. The Temple Oval at Khafajah. Chicago. (OIP; Vol. 53).

Delougaz P.A., Lloyd S., 1942. Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region. Chicago. (OIP; Vol. 58).

El-Wailly F., Abu Es-Soof B., 1965. The Excavations at Tell es-Sawwan. First Pre-Liminary Report (1964) // Sumer. Baghdad. Vol. XXI, N 1/2. P. 17–32.

Gibson, McG. 1987. The Round Building at Tell Razuk: Form and Function // Préhistoire de Mesopotamie: La Mésopotamie préhistorique et exploration récente du djebel Hamrin: Colloque international du CNRS, Paris, 17–19 Décembre 1984. Paris.

Killick R., Roaf M., 1979. Excavation at Tell Madhhur // Sumer. Baghdad. Vol. XXXV. P. 534–542.

Lloyd S., 1978. Archeaeology of Mesopotamia: from the Old Stone Age to the Persian conquest. London.

Roaf M., 1982. The Hamrin Sites // Fifty Years of Mesopotamian Discovery. The Work of the Britisch School of Archaeology in Iraq 1932–1982. London.

Safar F., Ali Mustafa T., Lloyd S., 1981. Eridu. Baghdad.

Sievertsen U., 1998. Untersuchungen zur Pfeiler-Nischen-Architektur in Mesopotamien und Syrien von ihren Anfängen im 6. Jahrtausend bis zum Ende der frühdynastischen Zeit: Form, Function und Kontext. Oxford. (BAR Internat. Series; 743).

Tunca Ö., 1984. L'architecture religieuse protodinastique en Mesopotamie. Vol. I–II. Leuven.

Рис. 2. Укрепление с южной стороны башни № 37, вид с юга

Рис. 3. Стена «верхнего храма», вид с юга

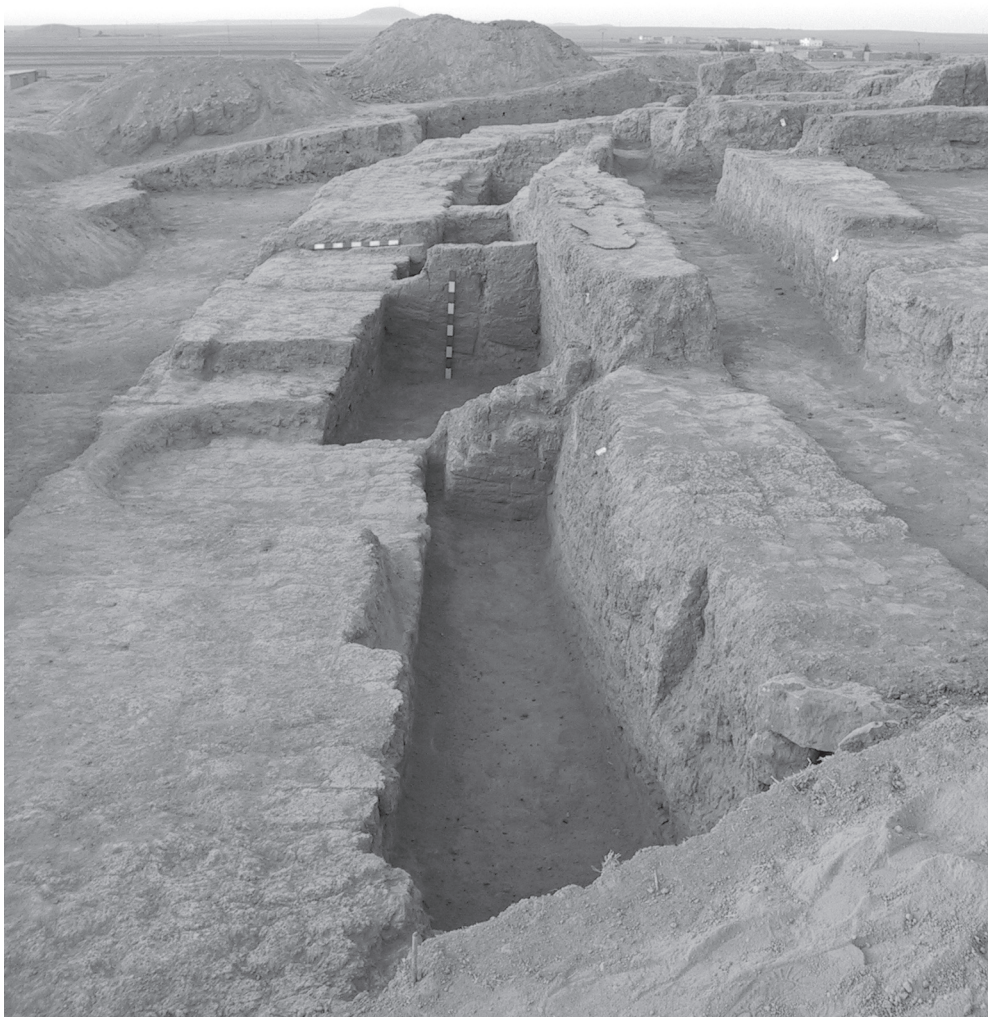

Рис. 4. Стена № 345, вид с севера

Рис. 5. Стена № 345, вид с юга

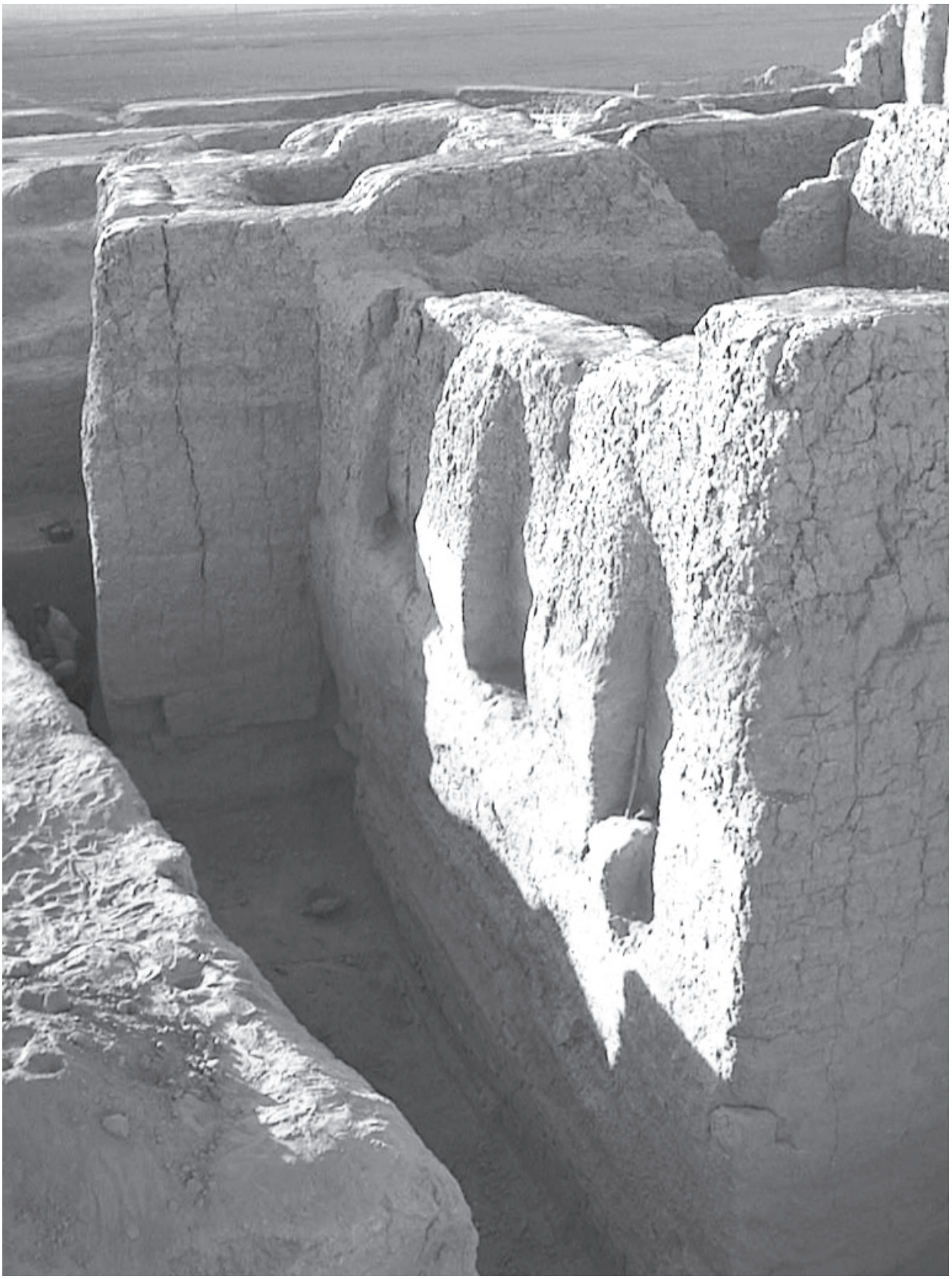

Рис. 6. Стена 69, с контрфорсами, вид с востока

Ш.Н. Амиров

«ПАРАДНАЯ» КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ ХАЗНА 1*

В ходе исследований Телль Хазны 1 последних лет корпус тонкостенной, так называемой «парадной» столовой посуды количественно вырос почти в два раза по сравнению с опубликованной ранее в монографии (Мунчаев, Мерперт, Амиров 2004). В связи с этим имеет смысл повторно обратиться к этому чрезвычайно важному источнику для периодизации памятников Северной Месопотамии первой половины III тысячелетия до н. э.

Среди тонкостенной столовой керамики первой половины III тысячелетия до н. э., обнаруженной в слое Телль Хазны 1, наиболее многочисленны так называемые сосуды категории Ниневия 5. Термин Ниневия 5 используется для обозначения хронологического периода, особой достаточно немногочисленной тонкостенной, парадной керамики, и иногда для наименования археологической культуры Северной Месопотамии первой половины III тысячелетия до н. э. Керамические сосуды разновидности Ниневия 5 имеют расписной либо гравированный орнамент. Между собой они различаются как технологически, так и характером декора и декоративными мотивами.

Керамика, которая позднее была названа Ниневия 5, была впервые осмыслена как отличающая определенный период в ходе раскопок сезона 1929–1930 г. на Телль Куюнджике цитадели древней Ниневии, тогда эти сосуды были датированы римско-парфянским периодом (Tompson, Hutchinson. 1931). В ходе полевого сезона 1931–1932 г. в Ниневии вместе с К. Томпсоном работал М. Маллован. Его полевой задачей был стратиграфический раскоп от вершины телля до материка. Маллован датировал слои снизу вверх, соответственно в 5 слое была обнаружена вместе характерная керамика, орнаментированная росписью и прочерченным орнаментом. Поскольку материалы из 4 слоя имели аналогии с поздним уруком Южной Месопотамии, а в верхней части 5 слоя были обнаружены оттиски аккадских печатей, то соответственно рассматриваемую керамику Маллован предложил датировать первой половиной III тысячелетия до н. э. (Thompson, Mallowan, 1933)

Керамика Ниневия 5 в наибольшей степени характерна для региона Ассирийской степи и прилегающих районов. Район Телль Хуэйры вероятно очерчивает западную границу распространения этой керамики (Kuhne, 1976). Сосуды этой разновидности были обнаружены в качестве импортов в Южной Месопотамии (Фара/Шуруппак), на территории Ирана (Сиалк III).

Керамика Ниневия 5 с гравированным орнаментом представлена наиболее качественными сосудами, приготовленными из тщательно отмученного теста, их отличает очень хороший обжиг. Формы представлены преимущественно небольшими чашами или кубками. По характеру декора среди гравированно декорированных сосудов выделяются две разновидности. Более ранняя разновидность представлена сосудами с прочерченным (incised), а более поздняя разновидность – сосудами с выемчатым, вырезанным (excised) орнаментом. Керамика Ниневия 5 встречается на всей территории Хабурской степи. Возможно, что в западной части Хабурского региона она встречается реже. К западу от Хабура, за исключением импортных образцов, она практически не известна.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00041-а.

В слое Телль Хазны были зафиксированы целые формы и фрагменты 91 сосуда с гравированным (рельефным) орнаментом (№№ 1–18; 28–41). Почти все они были обнаружены среди сооружений, расположенных в центральной части поселения, ограниченной обводными стенами «теменоса»

Сосуды этой разновидности, известны на поселении начиная со слоев времени сооружения массивных конструкций овала теменоса (рубеж IV–III тыс. до н. э.), и использовались до конца существования поселения (условно до 2700 г. до н. э.). Сосуды категории Ниневия 5 с гравированным орнаментом составляют 1–2% от числа всех сосудов. Количество их стабильно и практически не меняется во времени, что может говорить о специализированной обособленности этой керамики.

Если количество гравированной керамики категории Ниневия 5 оставалось довольно стабильным во времени, то некоторые декоративные элементы позволили отметить линию эволюции сосудов этой разновидности. Основная масса сосудов, декорированных гравированным орнаментом, представлена более ранней прочерченной (incised decoration) декоративной техникой, в то время как более поздняя, выемчатая (excised decoration) декоративная техника была отмечена только в наиболее поздних слоях поселения. Причем количество сосудов декорированных в выемчатой технике, в соответствующих слоях значительно меньше, нежели декорированных в традиционной прочерченной технике.

Один из керамических фрагментов этой категории был извлечен из обжигательной камеры керамического горна. Сейчас трудно сказать, был ли он обнаружен in situ или попал в обжигательную камеру после того, как горн перестал функционировать. Во всяком случае, эта находка позволяет предположить местное производство такой керамики.

Все наблюдения, сделанные над керамикой разновидности Ниневия 5 с гравированным орнаментом, показывают, что она появляется в сирийской части Джезиры и в северном Ираке в начале III тысячелетия до н. э. и существует примерно до начала периода РД III (Lebeau et al., 2000. P. 173). Распределение этих сосудов в слое Телль Хазны 1 практически подтверждает выводы о времени первоначального появления такой керамики в Хабурской степи, равно как и появление более поздней разновидности гравированного орнамента (excised decoration) в течение второй половины периода РД I.

Помимо гравированных сосудов, в слое Хазны были зафиксированы 63 фрагмента тонкостенных неорнаментированных сосудов, морфологически близкие отмеченным сосудам типа Ниневия 5 (№№ 19; 23–27; 42–45). Большая их часть (около 50 фрагментов) обнаружена в центральной части поселения.

На поселении эти сосуды появляются одновременно с описанными выше тонкостенными сосудами категории Ниневия 5 с гравированным орнаментом. В слоях начала III тысячелетия до н. э. количество этих сосудов очень незначительно, а в слоях первой половины периода РД I был отмечен их количественный рост. Вместе с упомянутыми декорированными сосудами данная разновидность керамики является самой многочисленной среди тонкостенной посуды в слоях позднего этапа жизни, составляя до 1,7% от числа всех сосудов.

В Хабурском регионе на поселениях первой половины III тысячелетия до н. э. также известна расписная керамика периода Ниневия 5. Наиболее часто сосуды этой разновидности находят в районе вокруг Хасеке, к югу от него, на поселениях среднего Хабура и к северу от него в полосе между вади Ханзир и вади Авейдж (Rova, 2000. P. 234).

В отличие от сосудов с гравированной орнаментацией, которые технологически и морфологически исключительно похожи на соответствующие аналоги из Ассирийской степи, обо всей расписной керамике этого сказать нельзя. В отличие от некоторого количества истинных расписных сосудов Ниневия 5 (возможно импортов), обнаруженных, как правило, на крупных поселениях, таких как Телль Лейлан, основная масса сосудов с росписью из Хабурского региона выглядит иначе. Ее отличает худшее качество изготовления. Роспись небрежно выполнена, а качество красителя и обжига таково, что до нашего времени роспись часто доходит в полустертом состоянии. Расписные сосуды периода Ниневия 5 на поселениях указанного района Хабурской степи представлены только одной формой. Это небольшие закрытые округлодонные сосуды со сферическим туловом и плавно отогнутым венчиком. Высота редко превышает 15 см. В хорошо отмученном тесте отмечены минеральные примеси. Внешняя поверхность этих сосудов иногда покрыта кремовым ангобом, цвет

росписи красно-коричневый. Мотивы росписи отличаются от характерных орнаментов расписного стиля Ниневия 5. Наиболее свойственны ряды залитых краской или перекрестно заштрихованных треугольников, зигзагообразные полосы, изредка ряды грубо нарисованных животных и др.

Ни морфологически, ни по характеру росписи, ни по качеству исполнения они не имеют ничего общего с расписными сосудами Ниневия 5, известными из поселений Ассирийской степи. Этот факт заставил ряд исследователей искать аналоги и генезис расписной керамике из поселений «хабурского треугольника» первой половины III тысячелетия до н. э. среди расписной керамики юго-восточной Анатолии (район Карабаба). На наш взгляд, в лице рассматриваемой расписной керамики из Хабурского региона мы имеем дело с локальной разновидностью керамики Ниневия 5, как это давно отмечал М. Маллован (Mallowan, 1937). С расписной керамикой из юго-восточной Анатолии ее связывает только небрежность росписи, и если связь между ними может быть установлена, то скорее она носила обратный характер.

Всего извлечены фрагменты 64 сосудов этой специализированной керамики (№№ 46–63). Почти все они обнаружены среди сооружений «теменоса», наивысшая их концентрация отмечена в центральной части огороженной территории.

Сосуды этой категории фиксировались в слоях Телля Хазны 1 от начала III тысячелетия до н. э. до финального периода жизни поселения. Больше всего этих сосудов обнаружено в слоях периода РД I. Сравнивая тонкостенные сосуды, можно говорить, что в слоях позднего периода жизни поселения (вторая половина периода РД I) сосуды Ниневия 5 с росписью были встречены в 3 раза реже, нежели сосуды с гравированным орнаментом. А в слоях начала – первой половины периода РД I сосудов с росписью на треть больше, нежели сосудов с гравированным орнаментом. О нижележащих слоях пока можно говорить с долей вероятности. Для слоев, датируемых началом III тысячелетия до н. э., было отмечено, что сосудов с росписью в два раза больше, чем гравированных. Исходя из имеющихся данных, можно реконструировать цикл жизни этой разновидности керамики на поселении Телль Хазна 1. Скорее всего, их первоначального появления следует ожидать в слоях датируемых рубежом IV–III тысячелетия до н. э., в дальнейшем они испытывают количественный рост, достигая максимума (около 2% от числа всех сосудов) в слоях, датируемых началом периода РД I. В слоях позднего периода жизни поселения (вторая половина периода РД I), где их зафиксировано менее 1%, они постепенно выходят из употребления.

Вероятно, сосуды Ниневия 5 с прочерченным и расписным орнаментом в слое Телль Хазны 1 существовали одновременно, но пики максимального использования у них смещены. Сосуды с росписью, как уже отмечалось, использовались наиболее часто в слоях первой половины периода РД 1 , а сосуды с прочерченным орнаментом использовались чаще, чем расписные, только в слоях позднего периода жизни поселения (вторая половина периода РД 1).

Традициям расписной керамики Северной Месопотамии III тысячелетия до н. э. посвящена специальная статья Елены Рова (Rova, 2000). Она отмечает, что кратковременное возрождение расписной керамики в течение первой половины III тысячелетия до н. э. это часть общей тенденции, охватившей различные районы Месопотамии. В южной Месопотамии она представлена керамикой Джемдет Наср и Scarlet ware, в северном Ираке и на востоке хабурского бассейна расписными сосудами Ниневия 5. Далее на северо-запад в турецкой части Евфратской долины обнаружены различные местные стили расписной керамики в районах затопления Кебан, Каракая и Карабаба. Часть сирийской Джезиры между западным Хабуром, Балихом и Евфратом была затронута этим феноменом лишь частично, в этом районе было обнаружено только некоторое количество расписных сосудов (Rova, 2000. P. 231).

Ядром формирования традиции керамической росписи периода Ниневия 5, начала III тысячелетия до н. э., был район верхнего Тигра. Его влияние в это время, похоже, не достигало Хабурского региона за исключением телля Брак. В течение следующего периода традиция Ниневия 5 достигает района восточного Хабура (Лейлан IIIa; b period) (Rova, 2000. P. 241) В этот период некоторые образцы расписной керамики из Хабурского региона, безусловно, принадлежат к традиции Ниневия 5, но демонстрируют некоторые особенности, которые не имеют аналогий в Северном Ираке и образуют особый местный вариант. Отдельные образцы на Лейлане были обнаружены также в слоях субпериода IIIc, со-

ответственно, они датируются несколько позднее, чем предшествующая группа и связаны с гравированным орнаментом Ниневия 5, представленным прочерченной и «ранней выемчатой» разновидностью.

Еще одна стилистическая разновидность керамической росписи первой половины III тысячелетия до н. э., как указывалось выше, была отмечена на ряде поселений центральной части Хабурского региона. К этой группе относятся, в частности, все расписные сосуды соответствующего периода, обнаруженные в слое Телль Хазны 1.

После периода Ниневия 5 расписная керамика перестает использоваться на поселениях Хабурской степи. Последнее, изолированное проявление расписной керамики в регионе представляют собой бихромные подставки местного производства (The Jezirah Bichrome Ware). Они известны как минимум в центральной части «хабурского треугольника» в районе вади Ханзир. В частности, подставки были обнаружены в одном из поздних погребений на Телль Хазне 1 (Мунчаев, 2002. С. 316). И далее на запад до Балихского региона. Подставки декорированы красными и черными, залитыми и заштрихованными треугольниками в горизонтальных полосах. Расцвет этой керамической разновидности приходится на конец периода РД II и непосредственно следующий за ним период. Все известные подставки этого типа были обнаружены в погребениях (Rova, 2000. P. 241, 243).

Еще одну разновидность парадной, специализированной посуды Северной Месопотамии известной, в частности в слое Телль Хазны 1, представляют так называемые сосуды «Metallic ware» или «stone ware» (№№ 64–72). Они составляют на отдельных поселениях III тысячелетия от 1% до 5% от количества всех сосудов, но никогда не достигают 10%. Наиболее отличительной чертой этой керамики является сама глина, ее естественный состав, и примеси. Сосуды категории «Metallic Ware» фактически лишены видимых примесей, почти полностью лишены известняка, что может быть объяснено только использованием специальных источников глины, возможно расположенных в предгорьях Тавра. Исключительная композиция глиняного сырья позволяла довольно высокую температуру обжига, достигавшую 1000 градусов и более. Сосуды «Metallic ware» имеют тонкостенный черепок, как правило, серого, коричневого и оранжевого цветов, плотнее и тверже, чем любая другая современная им керамика Северной Месопотамии.

Эти сосуды обнаружены главным образом в районе между нижним Хабуром и регионом Карабаба в турецкой части Евфратской долины. Восточная часть «хабурского треугольника» лежит за пределами этого региона, также как и район плотины Табка на Евфрате.

Керамика, которую сегодня называют «Metallic ware», была впервые обнаружена в 30-е годы М. Маллованом в ходе его работ в Хабурском регионе. Раскапывая Телль Брак, он связал эту керамику, которую он назвал «grey and black burnished pottery», с зданием Нарамсина и соответственно датировал ее аккадским периодом. Современные данные позволяют несколько удревнить время бытования этой посуды, от периода РД I до конца РД III.

На Телль Хазне 1 это самая малочисленная группа среди тонкостенной керамики. В слое Телля Хазны 1 были зафиксированы фрагменты 25 сосудов. Помимо этого 6 сосудов были зафиксированы в составе погребального инвентаря позднего погребения № 32, среди которого были также обнаружены характерные бихромные подставки (Мунчаев, 2002. С. 314–330), на основании которых комплекс датируется временем РД II.

В слое Телль Хазны 1 керамика «Metallic ware» серых оттенков иногда с розовой подкладкой, реально известна со слоев II яруса. Но в слоях IV яруса, на нижних полах помещений (пом. 69) храмового комплекса, были обнаружены внешне несколько напоминающие сосуды «Metallic ware» два плотных тонкостенных фрагмента сосудов с S-видным профилем, они имеют черепки зеленоватого цвета с тщательно обработанной поверхностью, разновидности, известной в литературе под названием «cyma recta» (Braidwood, Braidwood, 1960. P. 352; Schwartz, Curvers, 1992. P. 416). Сосуды категории «Metallic ware» использовались до завершения жизни на поселении. Из-за малочисленности количественная динамика этих сосудов пока не является очевидной, но вероятно, что на самом позднем этапе жизни поселения, керамика Metallic ware использовалась несколько чаще (в слоях финального этапа жизни поселения были зафиксированы фрагменты 20 сосудов).

Фрагмент S-видного сосуда, похожего на зеленоватые чаши «cyma recta», был зафиксирован в нижних, предматериковых слоях поселения Рака'й на Хабуре, в том же слое зафиксирован один черепок с росписью сти-

ля Ниневия 5 (Schwartz, Curvers, 1992. P. 416). В турецкой частии Евфратской долины чаши «cyma recta» были отмечены вместе с керамическими фрагментами Ниневия 5 в слоях поселений Хассек Хююк 2 и возможно 1, также G-12, G-12A, Курбан V, Норшун Тепе XXVI–XXV, Хан Ибрахим Шах XIII–XI (Conti, Persiani, 1993. P. 382).

Судя по всему, сосуды «Cyma Recta» выходят из употребления с распространением «Metallic ware». В частности в Норшунтепе начиная с XXIV слоя и Тепечике с 8 слоя, сосуды «Cyma recta» больше не находят (Conti, Persiani, 1993. P. 382–388).

Таким образом, сосуды категории «Cyma recta» зафиксированы как минимум от среднего течения Хабура на юге и до турецкой части долины Евфрата на севере и от Амукской долины на западе до течения вади Ханзир вади Джаг-джаг (а реально, вероятно, несколько восточнее) в центральной части «хабурского треугольника» на востоке.

Время бытования этой разновидности керамики на большинстве собранных примеров тяготеет к началу III тысячелетия до н. э., главным образом в рамках периода РД I. Малочисленные пока данные из Телль Хазны могут несколько удревнить первоначальное появление этой категории сосудов концом периода Джемдет Наср. Выходят из употребления сосуды этой редкой разновидности на Телле Хазна 1 с началом использования в слоях начала периода РД I сосудов категории «Metallic ware».

Сосуды категории «Metallic ware» были обнаружены на поселениях между нижним Хабуром и регионом Карабаба в турецкой части Евфратской долины. Они известны от Джагджага на востоке до Балиха на западе. Эти сосуды, похоже, не известны в восточной части «хабурского треугольника» и в районе плотины Табка на Евфрате (Pruß, 2000. S. 194–202) (Conti, Persiani, 1993. P. 382).

Материалы ряда поселений Хабурского региона указывают на одновременность бытования поздней (incised-excised) керамики Ниневия 5 и «Metallic ware». В более ранних слоях тех же поселений отмечена только керамика Ниневия 5 (Pruß, 2000. S. 198). По мнению некоторых исследователей (Lebeau et al., 2000. P. 172) наиболее ранние экземпляры, датируются примерно серединой периода РД II (EJ II). Они распространяются в течение периода РД III (EJ IIIa) в форме чаш или конических кубков. Они имеют цветовую гамму от оранжевого до серого цвета и представлены небольшими закрытыми сосудами со сферическим туловом и отогнутым верхом.

Наиболее часто сосуды «Metallic ware» отмечены в течение следующей субфазы (EJ IIIb), когда появляются темно-серые чаши, бутыли и кувшины с поддонами. Сосуды «Metallic ware», похоже, выходят из употребления в конце периода РД III (EJ IIIb). Они представлены в Бдери IIIa, Бейдаре III, Хуейра ID, в «older palace» в Телль Би'а, Кара Кузак IV, Самсат III, Курбан IV (все синхронные РД III или иначе EJ IIIb), но полностью отсутствуют в слоях аккадского времени в Бдери IIIb, Хуэйра IE, в зернохранилище под «younger palace» Телль Би'а, Кара Кузак III и Курбан III и сильно уменьшаются количественно в Бейдар IVA и Самсат IV. В телле Брак, похоже, есть основания передатировать некоторые материалы Маллована из раскопа CH из аккадского в РД период (Fielden, 1977. P. 250). Слой 6 раскопа CH дал хорошую керамическую коллекцию, включая «Metallic ware» (Oates J., 1982. P. 206). Сравнивая формы массовой керамики с другими поселениями Верхней Месопотамии, их преаккадская датировка выглядит более предпочтительной. (Pruß,2000. S. 198)

Начало производства «Metallic Ware» трудно определимо, первое появление «Metallic ware» в западном Хабурском регионе относится примерно к началу EJ IIIa (то есть между РД II и РД III А.Ш.) В более западных поселениях как в исследованных до настоящего времени слоях начала III тысячелетия до н. э. в Хуэйре, принадлежащих периоду IB, «Metallic ware» уже представлены и составляют от 2–3% от количества всей керамики. Они обнаружены вместе с несколькими сосудами расписной керамики Карабаба и большим количеством массовой керамики с примесью в тесте рубленой соломы. Слой Хуэйра IB может быть датирован EJ II (период РД II), то есть несколько раньше, чем упомянутые слои хабурских поселений (Pruß, 2000. S. 198). Другими словами, по мнению Александра Прусса, «Metallic Ware» появляются в Хабурском регионе несколько позднее, чем в западной части Джезиры.

Материалы Телль Хазны 1, представляющие ранний этап развития «Metallic ware» документируют реальное появление в слое памятника ограниченного количества сосудов этой категории временем начала периода РД I, что удревняет наблюдения, сделанные на других памятниках, о времени появления этих

сосудов в Хабурском регионе. Сосуды этой разновидности количественно возрастали до самого конца существования поселения Телль Хазна 1.

Как видно, сосуды двух описанных категорий «Cyma Recta» и «Metallic wake», имеющие некоторую технологическую близость (исключительная плотность черепка, высокая температура обжига), имеют примерно совпадающую территорию распространения и хронологическую преемственность в использовании, что наводит на мысль о технологическом развитии в производстве одной специализированной группы керамики.

ЛИТЕРАТУРА

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Мунчаев Р.М., 2002. Погребальный комплекс III тыс. до н.э. в Телле Хазна I (Северо-Восточная Сирия) // Проблемы археологии Евразии: сборник статей к 80-летию Н.Я. Мерперта. М.

Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. Excavations in the plain of Antioch. Chicago. (O.I.P.; LXI).

Conti A.M., Persiani C., 1993. When Worlds Collide Cultural developments in Eastern Anatolia in the Early Bronze Age // Between the Rivers and over the Mountains. Roma. P. 361–413.

Kuhne H, 1976. Die Keramik vom Tell Chuera. Berlin.

Lebeau M., Pruß A., Roaf M., Rova E., 2000. Stratified Archaeological Evidence and compared periodisations in Syrian Jezirah during the third millenium B.C. // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IV–III Millenaires / Sous la dir. de Catherine Marro, Harald Hauptmann. Istanbul. P. 167–192

Mallowan M., 1937. The Excavations at Tell Chagar Bazar and the archaeological survey of the Habur Region, second campaign, 1936 // Iraq. Vol. 4. P. 91–177.

Fielden K., 1977. Tell Brak 1976: The pottery // Iraq. Vol. 39, N 2. P. 245–256.

Oates J., 1982. Some late ED III pottery from Tell Brak // Iraq. Vol. 44. P. 205–219.

Pruß A., 2000. The Metallic ware of upper Mesopotamia: definition, chronology and distribution // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IV–III Millenaires / Sous la dir. de Catherine Marro, Harald Hauptmann. Istanbul. P. 193–203.

Roaf M.D., Killik R.G., 1987. A mysterious affaire of styles: the Ninevite 5 pottery of Nortern Mesopotamia // Iraq. Vol. 49.

Rova E., 2000. Early third millennium B.C. Painted Pottery Traditions in the Jezirah // Chronologies des Pays du Caucase et de l'Euphrate aux IV–III Millenaires / Sous la dir. de Catherine Marro, Harald Hauptmann. Istanbul. P. 231–253.

Schwartz G.M., Curvers H.H., 1992. Tell al-Raqa'i 1989 and 1990: Furher Investigations at a Small rural Site of Early Urban Northern Mesopotamia // AJA. Vol.96, N 3. P. 397–419.

Schwartz G.M., Curvers H.H., 1993/1994. Tall ar-Raqa'i (1986–1993) // Archiv fur Orientforschung. Bd. XL/XLI. S. 246–257.

Thompson R.C., Hutchinson R.W., 1931. The site of the Palace of Ashurnasirpal at Nineveh excavated in 1929–30 on behalf of the British Museum // Liverpool Annales of Archaeology and Anthropology. Vol. 18. P. 79–112.

Thompson R.C., Mallowan M.E.L., 1933 The British Museum Excavations at Nineveh, 1931–32 // Liverpool Annales of Archaeology and Anthropology. Vol. 20. P. 71–186.

Yon M. (Sous la dir. de), 1981. Dictionnaire illustre multilingue de la ceramique du Proche-Orient ancien. Lyon.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Каталог тонкостенной керамики, обнаруженной в слое Телль Хазны 1 в ходе исследований 2002–2006 годов

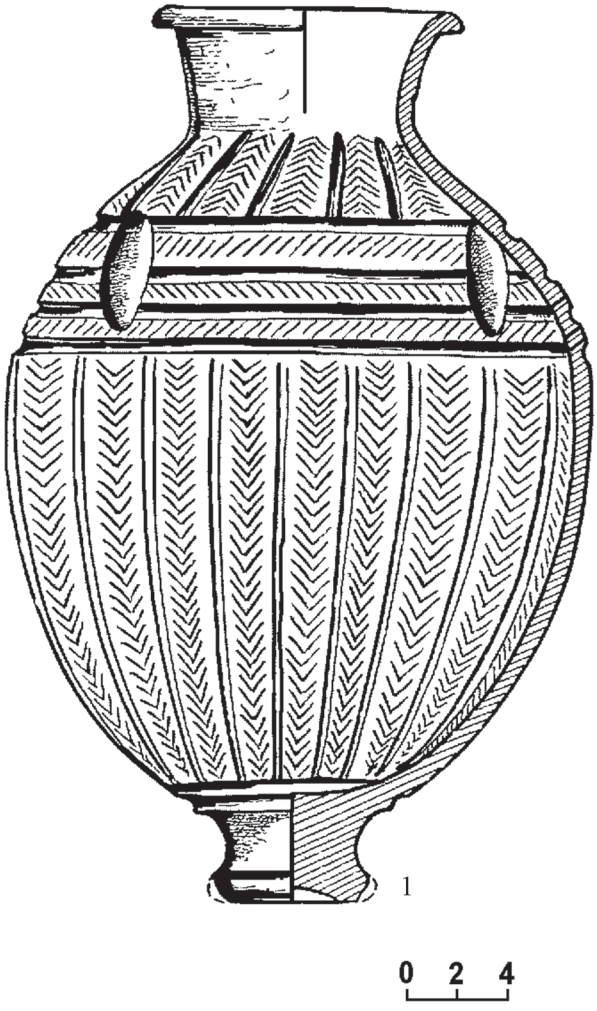

Рис. 1.

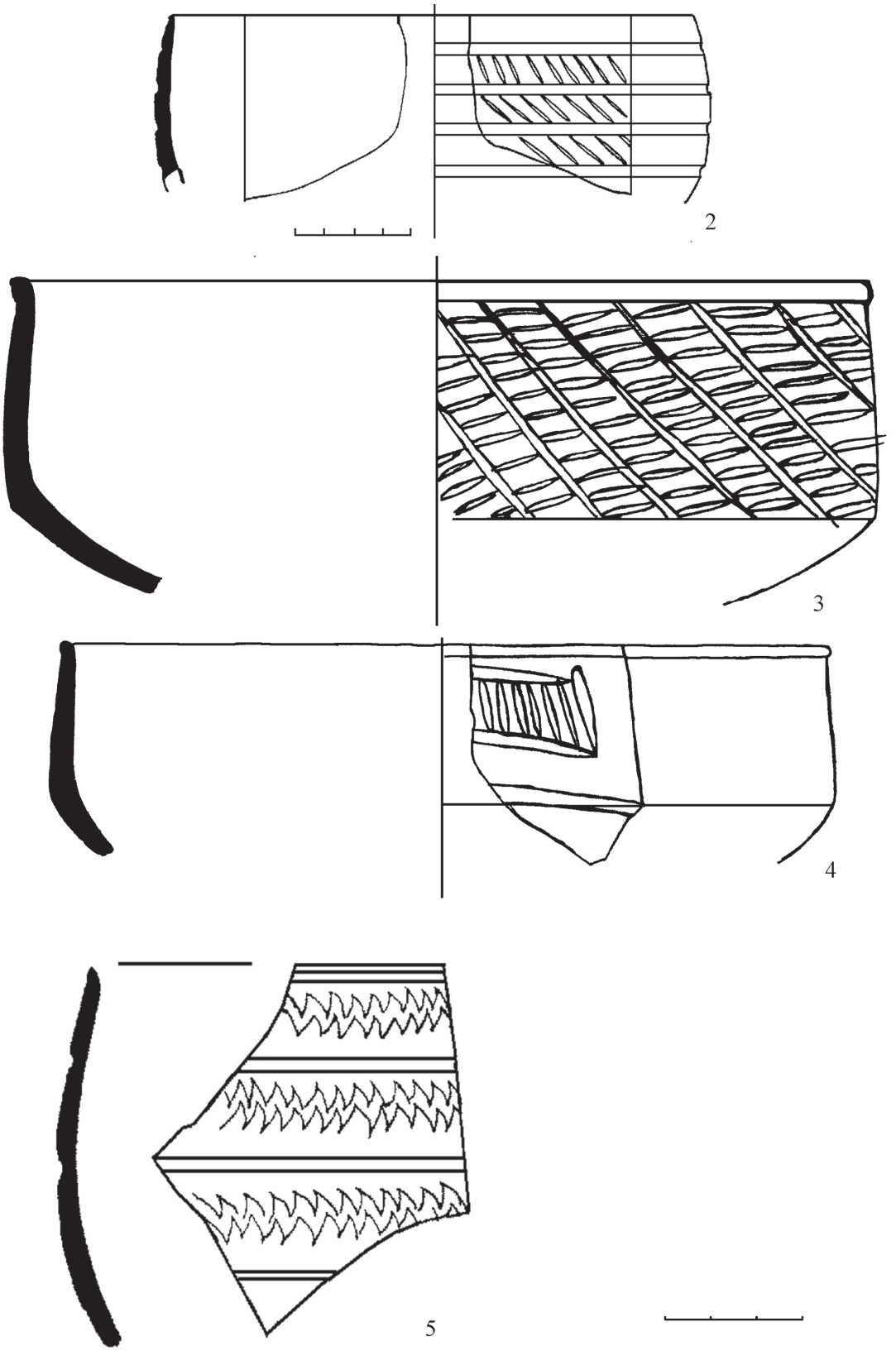

Рис. 2.

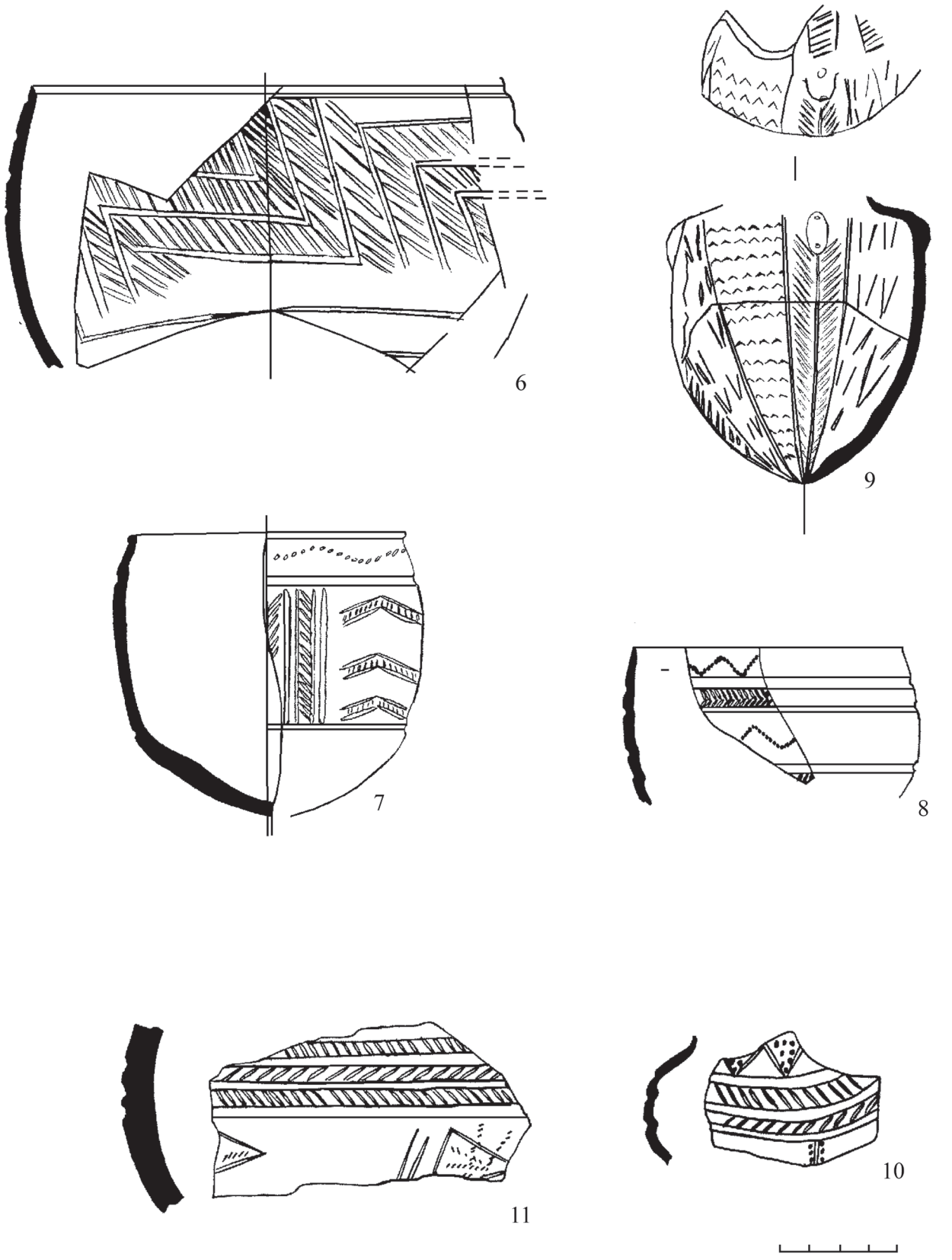

Рис. 3.

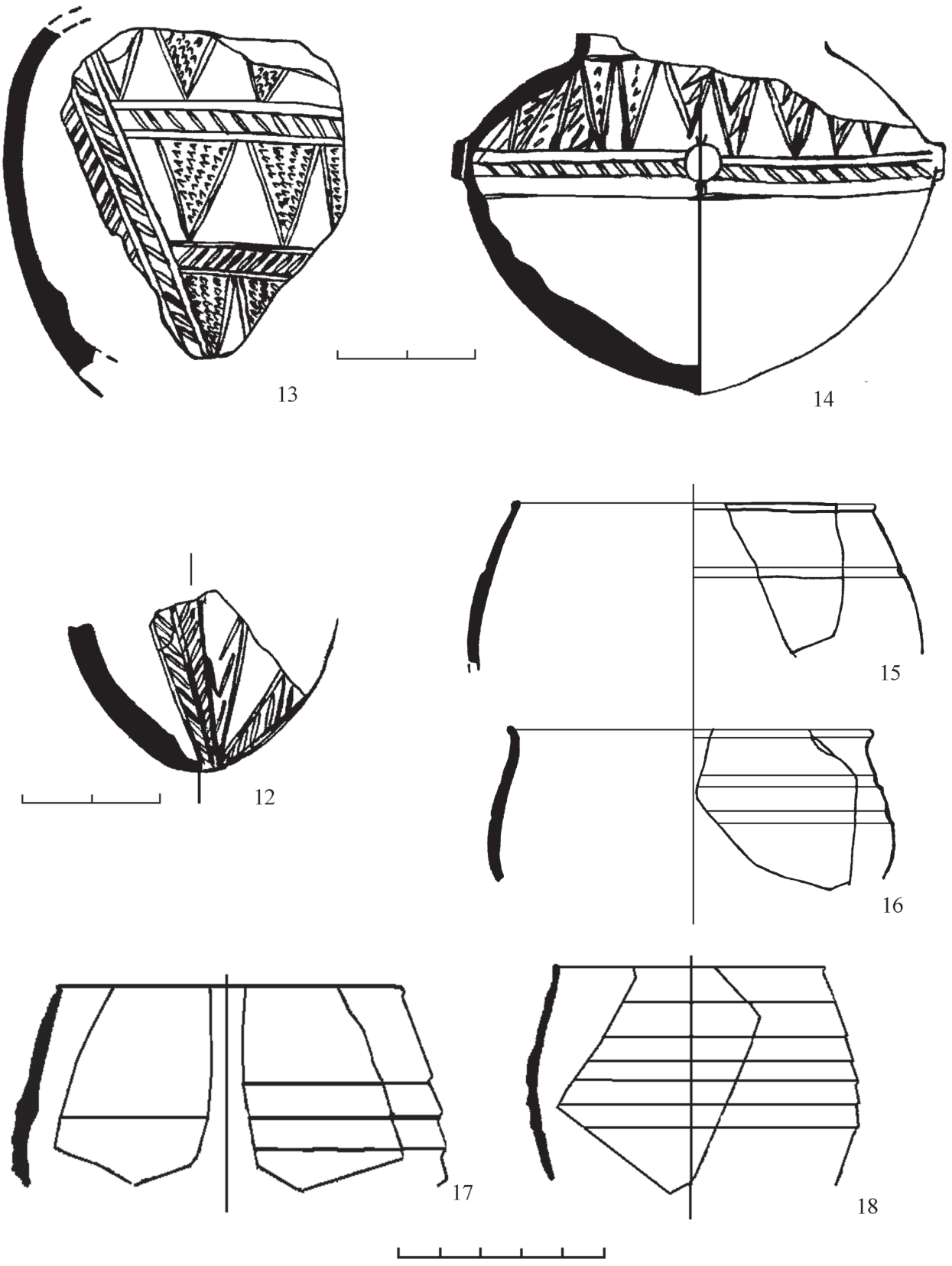

Рис. 4.

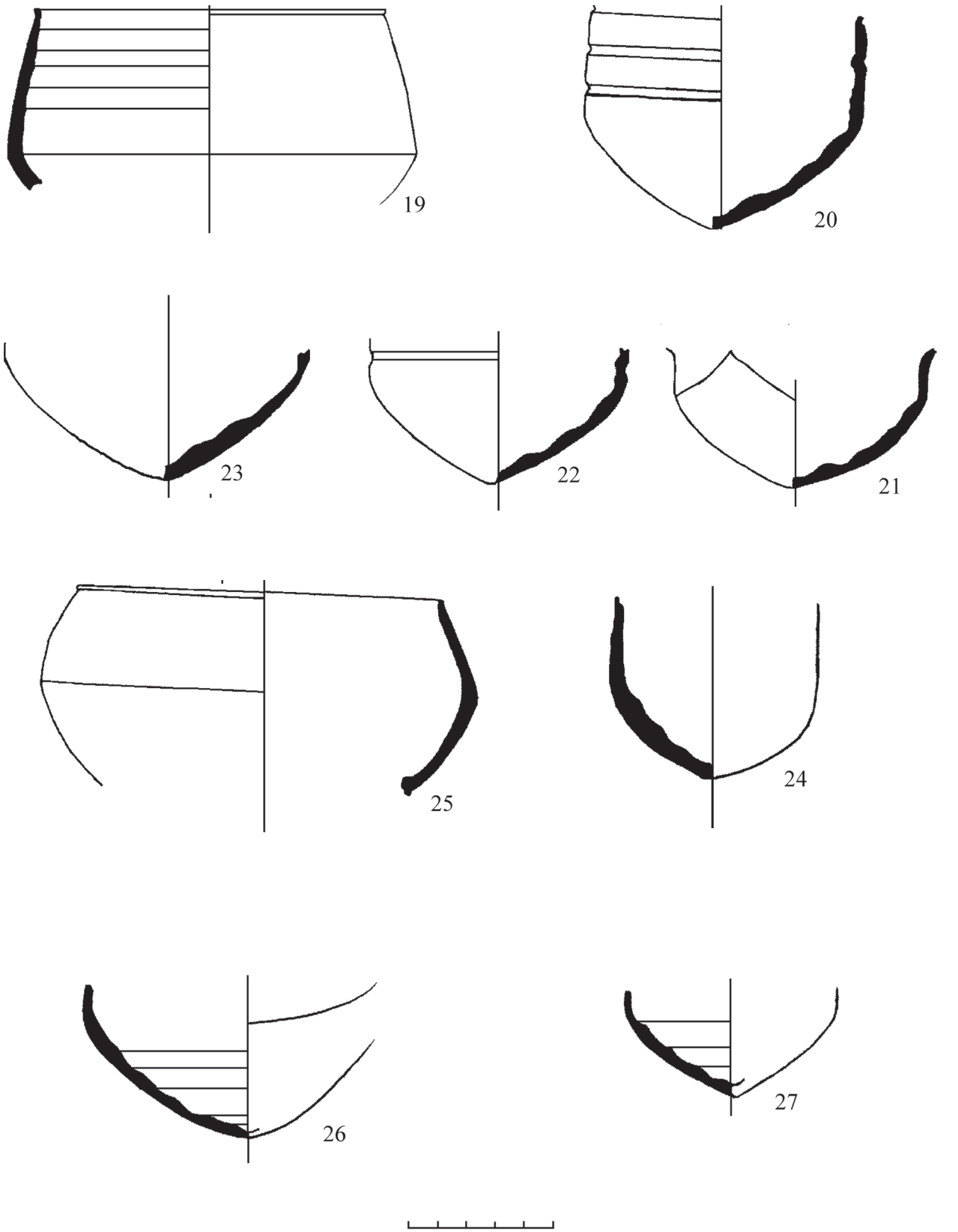

Рис. 5.

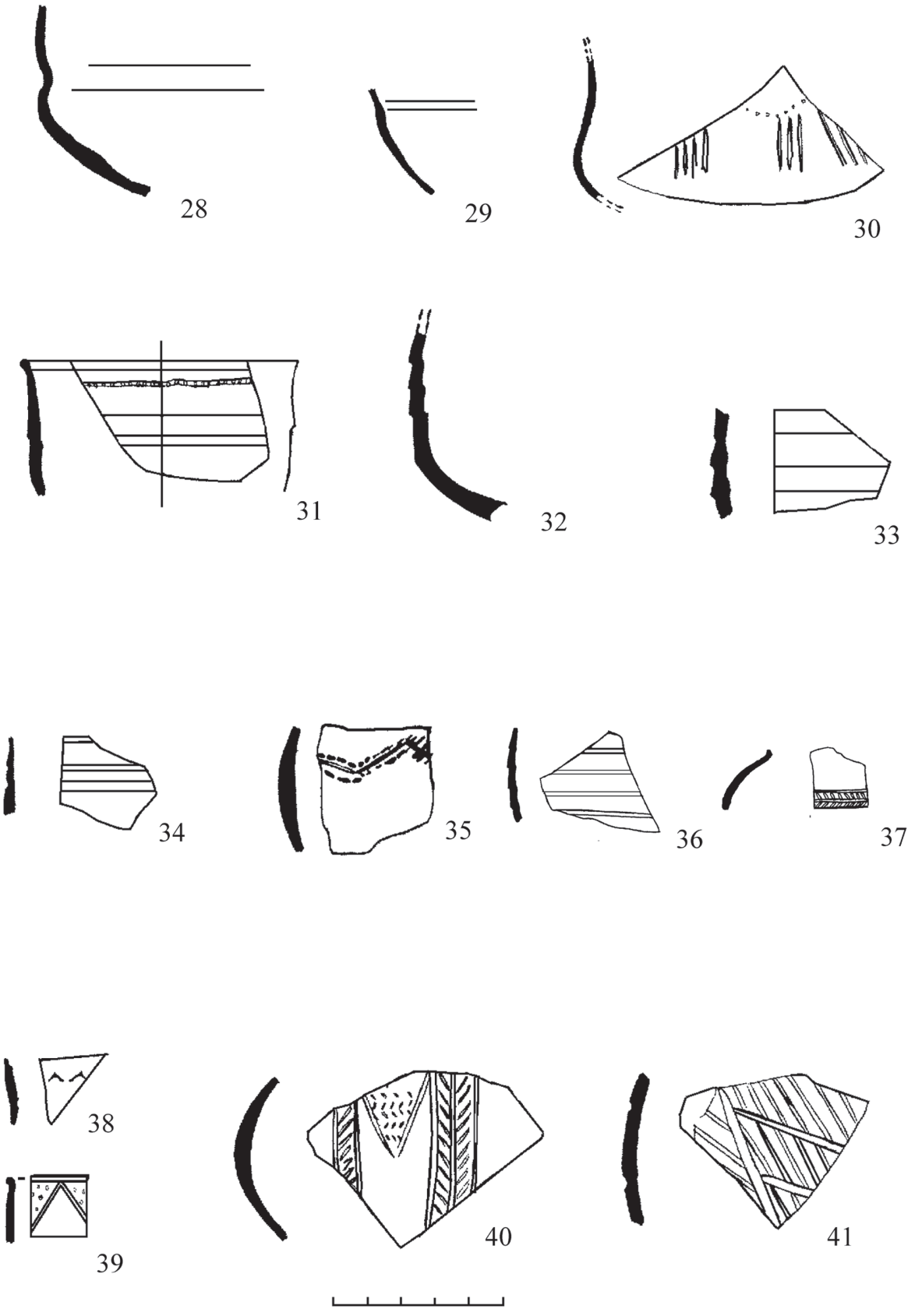

Рис. 6.

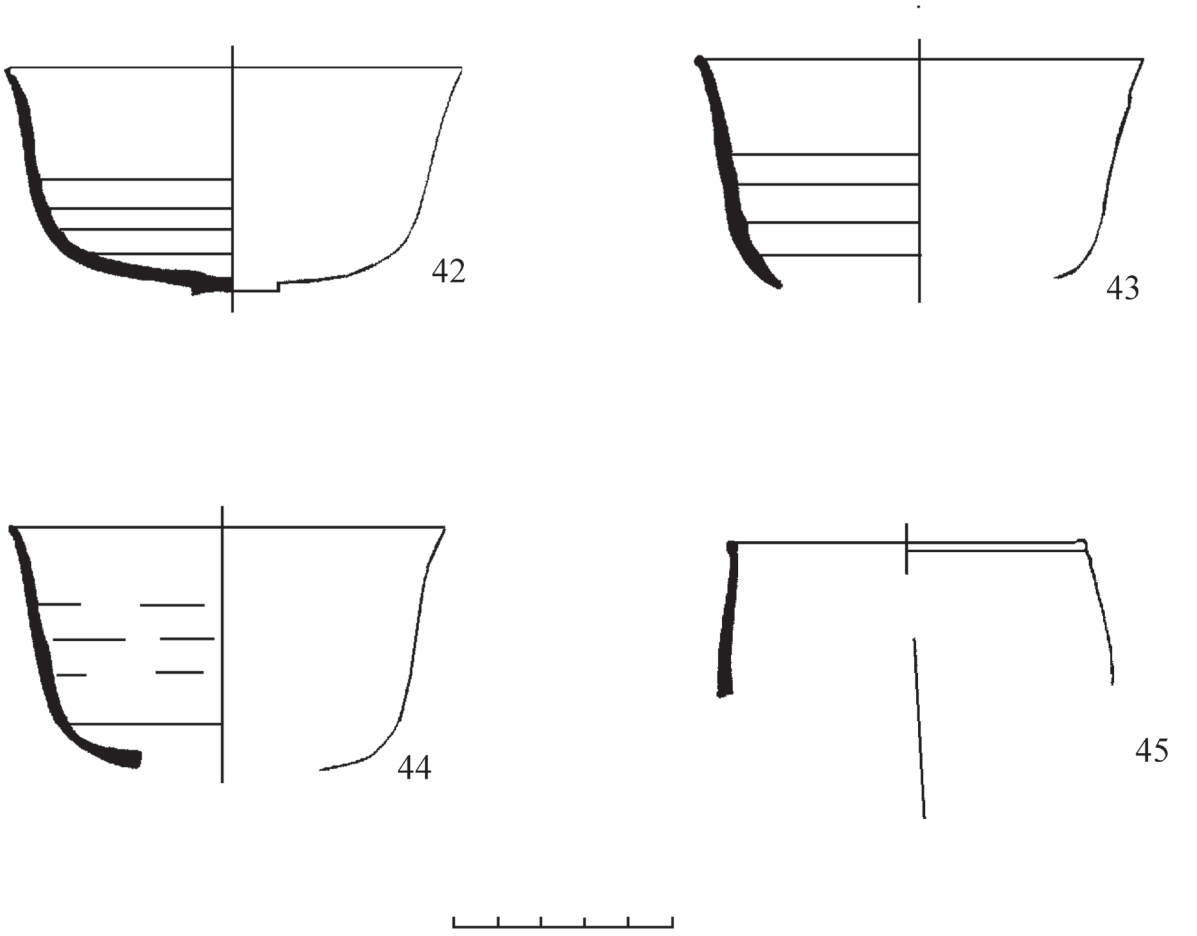

Рис. 7.

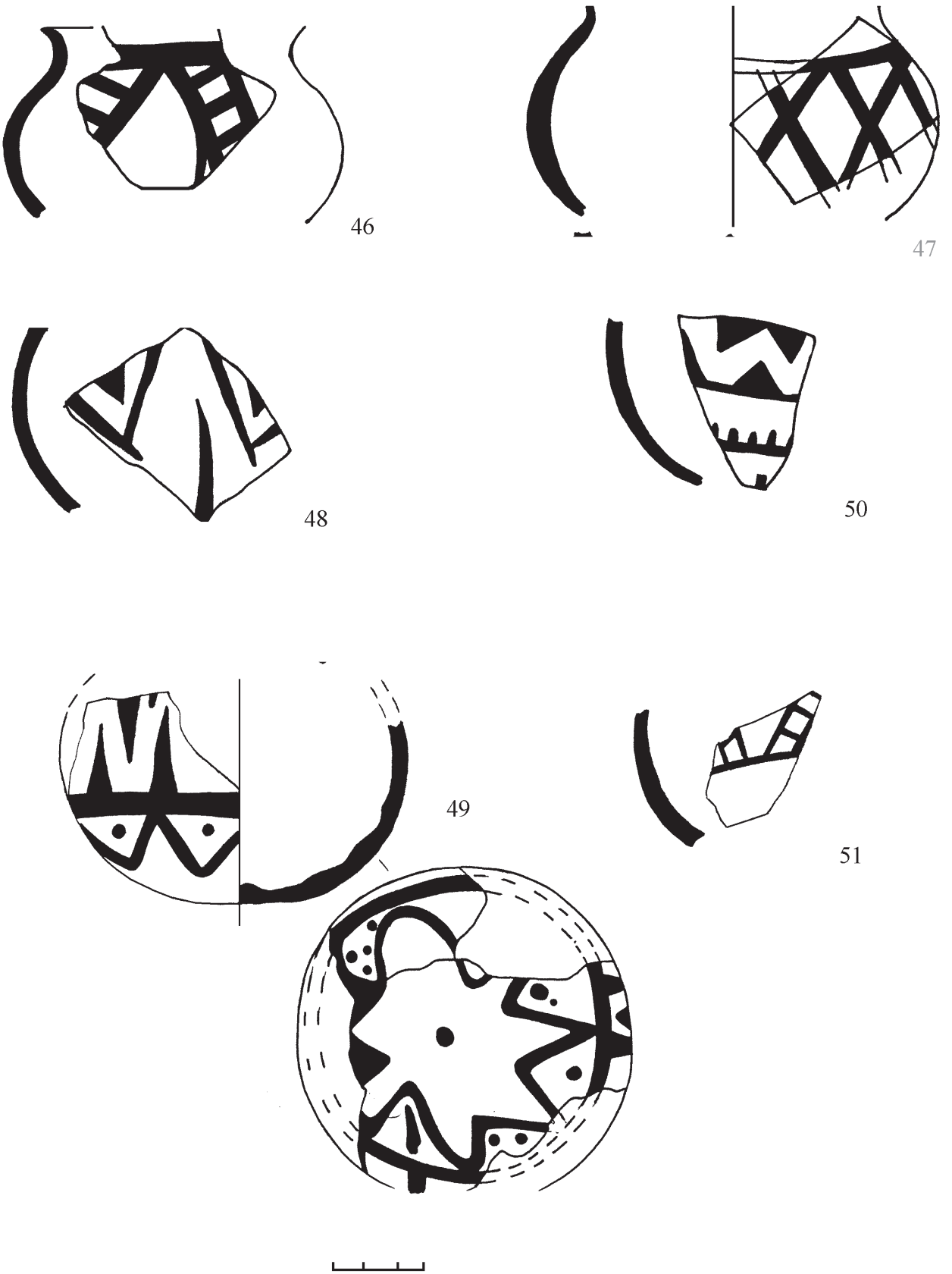

Рис. 8.

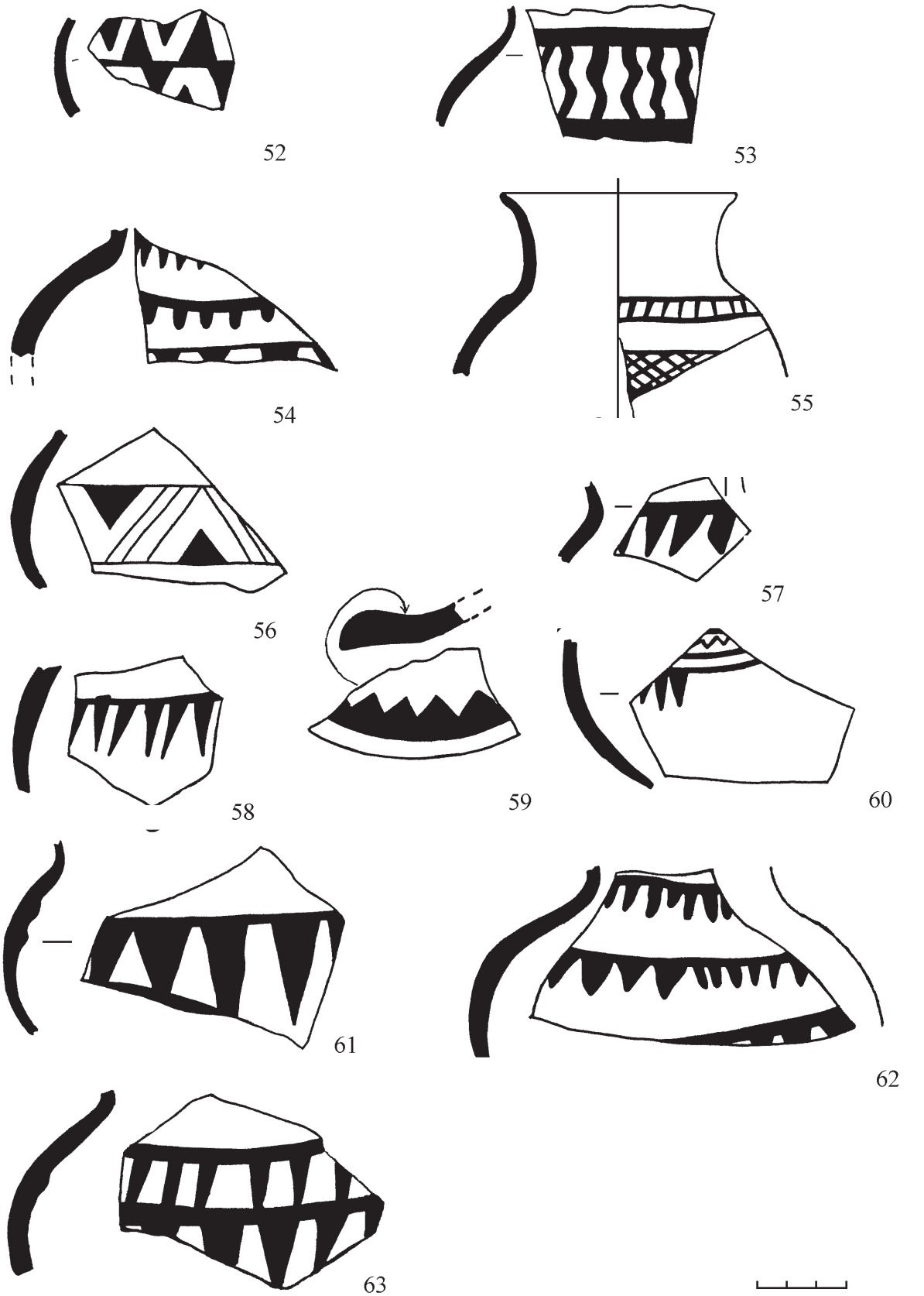

Рис. 9.

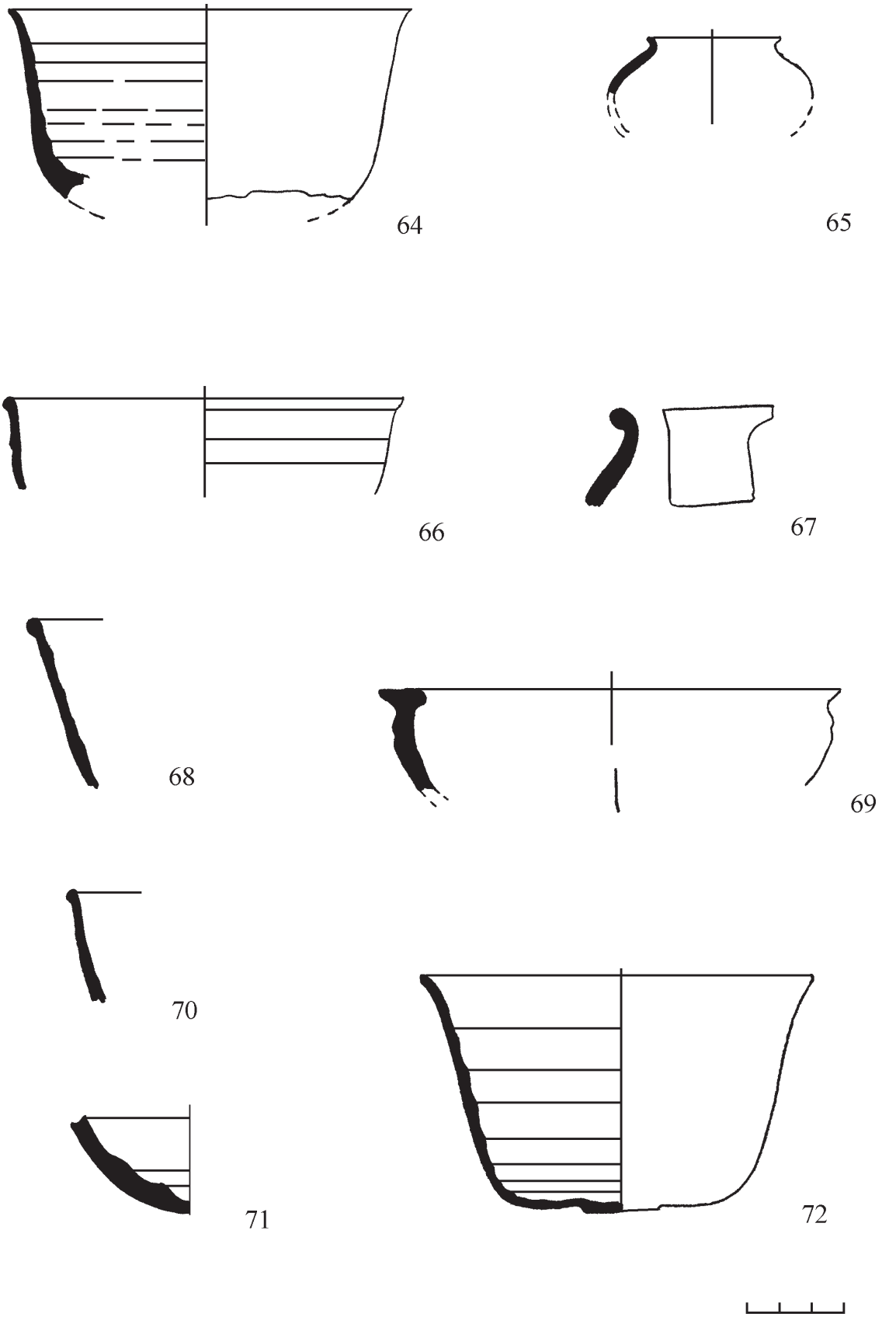

Рис. 10.

Сосуды категории Ниневия 5 с гравированным орнаментом

№ рис.	*№ пакета/ № черепка*	*Квадрат*	*Глубина от 0-точки*	*Условия обнаружения*
1	850R	XIX-13	4,90	
2	1552/4	XX-11	5,50–6,00	Заполнение помещения № 450
3	1622/11	XIV-12		Поверхностный слой
4	1629/12	XIV-12	1,80–2,20	Помещение № 462
5	1447/12	XXI-13	6,00–6,50	
6	1447/2	XXI-13	6,00–6,50	
7	1248	XX-13	4,15–4,50	
8	1360/7	XIX-14	5,80–6,00	С полов помещения № 373
9	1228/10	XVIII-13	2,50–3,00	Яма № 6
10	1388/3	XIV-20	10,20–10,40	
11	1314/6	XVIII-15	5,25–5,80	Помещение № 207
12	1654/21	XXII-12	7,50–8,30	Поверхностный слой
13	1632/14	XII-12	4,00–4,20	Помещение № 463
14	1667	XV-12	3,70–4,10	Помещение № 132
15	1617/12	XIII-12		Поверхностный слой
16	1621/21	VIII-17	11,50–12,00	Яма № 448
17	1536/11	XV-14	3,00–3,30	Помещение № 439, с полов
18	1536/12	XV-14	3,00–3,30	Помещение № 439, с полов
19	1552/9	XX-11	5,50–6,00	Помещение № 450, заполнение
20	1324/2	XIX-13	5,80	С полов помещения № 361
21	1309/14	XIV-20	7,50–8,00	Поверхностный слой
22	1324/10	XIX-13	5,80	С полов помещения № 361
23	1301/4	XVIII-14	4,50–4,70	С полов помещения № 315а
24	1466/14	XXII-12	6,70–6,80	
25	1320/12	XVIII-15	5,00–5,20	Слой к западу от помещения № 209
26	1406/6	XVII-13	4,50–5,00	Заполнение помещения
27	1416/14	XIV-20	10,40–10,50	
28	1448/3	XIII-20	10,70–10,90	Под слоем забутовки
29	1469/13	XIII-20	10,30–10,70	Слой забутовки
30	1228/7	XVIII-13	2,50–3,00	Яма № 6
31	1467/6	XVI-13	0,80–1,30	
32	1317/29	XIV-20	7,80–8,10	Золистый слой
33	1382/8	XI-13	5,70–5,80	
34	1340/14	XVI-19		Поверхностный слой
35	1370/18	XIV-20	10,00–10,20	

№ рис.	*№ пакета/ № черепка*	*Квадрат*	*Глубина от 0-точки*	*Условия обнаружения*
36	1632/8	XII-12	4,00–4,20	Помещение № 463
37	1649/12	XIV-12	1,00–1,50	Между помещениями № 132–462
38	1230/3	XV-8	5,65–7,10	Траншея, северный склон
39	1467/12	XVI-13	0,80–1,30	
40	1226/3	XIX-14	2,90–3,80	
41	1545/15	VII-17	9,60–10,00	Помещение № 448
42	1567/7	XXI-17	8,60–9,00	Помещение № 457, заполнение
43	1543/7	XVI-14	3,80–4,20	Заполнение танура
44	1560/15	XV-14	2,70–3,00	Помещение № 454, с полов
45	1408/10	XIX-12	2,50–3,00	Заполнение помещения

Расписная керамика периода Ниневия 5

№ пакета/ № черепка	*Квадрат*	*Глубина от 0-точки*	*Условия обнаружения*
1401/4	XIV-20	10,80–11,00	Слой вне помещения
1291/13	XIII-19	10,50–11,00	Помещение № 340, заполнение, зольный слой
1329/5	XIV-20	8,20–8,50	Зольный слой
1345/11	XIV-20	8,50–8,80	Зольный слой
1330/19	XVIII-14	4,20–4,60	Помещение 315б
1313/7	XVIII-14	4,30–4,60	Помещение 315а, с полов
1244/1	XVIII-14	4,40–4,70	
1466/5	XXII-12	6,70–6,80	
1268	XVII-14	3,90–4,00	
1479/6	XXII-12	7,70–7,90	Яма № 423
1149/17	XV-11	2,50–3,20	Помещение № 270, с полов
1488/1	XIII-20	12,70–13,00	
1282/2	XIX-13	4,70–5,20	
1489/2	XXII-12	8,10–8,45	
1491/9	XVI-14	1,50–2,00	
1463/10	XXI-13	6,20–6,50	
1543/10	XVI-14	3,80–4,20	заполнение танура
1632/2	XII-12	4,00–4,20	Помещение № 463

Керамика категории «Metallic ware»

№ пакета/ № черепка	*Квадрат*	*Глубина от 0-точки*	*Условия обнаружения*
1269/1	XIX-13	4,00–4,25	
1447/11	XXI-13	6,00–6,50	
1447/9	XXI-13	6,00–6,50	
1081/4	XVII-18	7,00–7,60	Помещение № 191в
1450/10	XVI-13	1,20–1,60	
1418/11	XVIII-12	1,80–2,30	
1455/6	XVIII-11	2,50–3,00	
1473/1	XXI-12	6,40	Яма № 422
1250	XX-13	4,60–5,00	

М.В. Добровольская, М.Б. Медникова

ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕЛЛЬ ХАЗНЕ I: ДАННЫЕ АНТРОПОЛОГИИ

Введение

Антропологические материалы из погребений, совершенных на культово-административном центре Северной Месопотамии Телль Хазна I, в настоящее время представлены 28 индивидами различной степени сохранности (табл. 1). Изучение этих материалов с целью выяснения происхождения данного населения, описания демографических, адаптивных особенностей группы, реконструкции состояния здоровья, характера физических нагрузок, особенностей питания представляется актуальным.

В октябре 2005 года сотрудниками группы физической антропологии ИА РАН были проведены первичные описания и измерения всех антропологических материалов, накопленных за 18 полевых сезонов работ Сирийской экспедиции ИА РАН[1]. Данная публикация представляет первые предварительные результаты проведенных работ. Возможности независимого антропологического источника позволят более полно и разносторонне представить поздние стадии существования комплекса Телль Хазны.

Демографические особенности группы

Половозрастная структура группы захороненных типична для погребальных комплексов на поселениях этой эпохи. Так, в слоях Тепе Гавры, датирующихся IV–III тысячелетиями до н. э., процент детских погребений составляет еще большую величину: 84–85% (Tobler, 1950). Взрослые и дети составляют соответственно 25% и 75%. Столь высокий процент детских погребений требует особого обсуждения. С одной стороны, высокий уровень рождаемости в обществах древних земледельцев – явление широко известное. С другой стороны, погребения детей на территории поселения, в пределах или в непосредственной близости от дома – также явление широко распространенное для эпох энеолита и бронзы. Поэтому вопрос о том, является ли полученная группа (пусть с известными допущениями!) палеопопуляцией, или мы имеем дело с искусственно сформированной выборкой, остается открытым. Нет однозначного мнения по этому вопросу и у исследователей погребальных комплексов Хазны (Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004). В данной публикации мы не беремся за решение вопроса о механизмах сложения некрополя на Телль Хазне, а потому и характеризовать обследованную группу в терминах палеопопуляционного демографического исследования не будем.

То обстоятельство, что наряду с детскими погребениями были обнаружены захоронения взрослых мужчин и женщин различных возрастов, позволяет нам характеризовать некоторые параметры продолжительности жизни взрослого населения. Индивидов в возрасте от 15 до 19 лет не было обнаружено. Обе похороненные женщины (погребения № 22 и 38) были молодого возраста: от 20 до 29 лет. Мужчины, погребенные на Хазне, в целом более старшего возраста: двое из четырех индивидов переступили порог пятого десятилетия жизни.

Средний возраст смерти взрослого населения составляет 37,5 лет для мужчин и 25,0 лет

[1] Мы пользуемся случаем поблагодарить сотрудников Сирийской экспедиции ИА РАН, возглавляемой Р.М. Мунчаевым, за всестороннюю помощь в работе с этой уникальной коллекцией.

Таблица 1

Половозрастные определения индивидов из погребений Телль Хазны

№ погребения	*Пол, возраст*
П. 5	Мужчина, 30—39 лет
П. 10	3 года ± 12 месяцев
П. 16	Мужчина, 35—44 лет
П. 22	Женщина, 25—29 лет
П. 27	3 года ± 12 месяцев
П. 28	2 года ± 8 месяцев
П. 30	Плод 5 месяцев ± 2 месяца
П. 31	11 лет ± 30 месяцев
П. 32	Взрослый индивид (20—35 лет)
П. 33	Ребенок, 6 месяцев ± 3 месяца
П. 34	Ребенок, 1—5 лет
П. 35 ск. 1	Ребенок, 6 ± 3 месяца
П. 35 ск. 2	Ребенок, 9 ± 3 месяца
П. 36	Мужчина, 25—29 лет
П. 37	Ребенок 4 года ± 12 месяцев
П. 38	Женщина, 20—24 лет
П. 39	Ребенок, 1,5 года ± 6 месяцев
П. 40	Ребенок, 2 года ± 8 месяцев
П. 41	7 месяцев внутриутробного развития ± 2 месяца
П. 42	9 месяцев ± 3 месяца
П. 43	Новорожденный ± 2 месяца
П. 44	7 ± 2 месяца внутриутробного развития
П. 45	9 ± 3 месяца
П. 46	1,5 года ± 6 месяцев
П. 47	Ребенок в возрасте 1,5 года ± 6 месяцев
П. 48	Мужчина, 35—45 лет
П. 49 ск. 1	Ребенок, 1,5 года ± 6 месяцев
П. 49 ск. 2	Ребенок, 5—10 лет?

для женщин. Однако представлять эти цифры в качестве окончательных характеристик продолжительности жизни данной группы населения представляется преждевременным. Безусловно, заслуживает внимания факт ранней смерти женщин. Ранняя смертность женщин в обществах с высокой рождаемостью — картина типичная для древних, в том числе земледельческих, обществ.

Данные краниологии

Краниологические материалы из слоев Телль Хазны представляют уникальную перспективу воссоздать антропологический облик населения, обитавшего в Северной Сирии в первой половине III тысячелетия до н. э. Как показало изучение стратиграфии погребений, особенностей погребального обряда и вещевого сопровождения, большинство погребений ассоциируется с завершающим периодом существования культово-административного центра. «Наблюдения над распределением керамики позволили датировать завершающий период жизни поселения Телль Хазна I концом раннединастического периода, что в абсолютных датах примерно соответствует 2700 г. до н. э.» (Амиров, 2006. С. 38).

Условия погребений Телль Хазны I, прежде всего, значительная амплитуда перепадов тем-

Таблица 2

Краниологические измерения материалов Телль Хазны I

Признак	*П. 16*	*П. 22*	*П. 36*	*П. 48*	*X (2) муж.*
	Муж. 35–45	*Жен. 20–29*	*Муж. 25–29*	*Муж. 35–45*	
1. Продольный диаметр	184	194!	194	198!	192,3
2. Поперечный диаметр	124	134	136	134	131,3
Черепной индекс	67,39	69,07	70,1	67,4	68,7
9. Наименьшая ширина лба		97			
10. Наибольшая ширина лба		111			
11. Ушная ширина	115				115
12. Ширина затылка					
29. Лобная хорда	111	116		114	112,5
30. Теменная хорда	113	119		132	122,5
31. Затылочная хорда		92			
45. Скуловой диаметр					
48. Верхняя высота					
47. Полная высота лица					
43. Верхняя ширина лица		100,5		102	102
60. Длина альвеолярной дуги				58	
62. Длина неба					
63. Ширина неба				32	
55. Высота носа					
54. Ширина носа			28	26	27
51. Ширина орбиты		36			
52. Высота орбиты		37			
50. Межглазничная ширина	26			26	26
66. Бигониальная ширина		103	101		101
68. Длина нижней челюсти от углов		92		101	101
68.1. Длина нижней челюсти от мыщелков				122	122
70. Высота ветви	71	48		68	69,5
69 (1).Высота тела челюсти		35	34		34
71а. Наименьшая ширина ветви	32	32	34	30	32
69 (3). Толщина тела челюсти				17,5	17,5

пературы и крайне низкая влажность, пагубно сказались на сохранности материала. Как упоминалось выше, основной корпус серии составляют детские скелеты, черепа которых не подлежат классическому краниологическому исследованию. Из всей коллекции «взрослых» краниумов всего у четырех индивидов могли быть измерены те или иные признаки.

Итак, три мужских черепа из погребений 16, 36, 48 и один женский череп из погребения 22 составляют материалы, доступные для краниологических описаний. С методической точки зрения возможность исследовать такие немногочисленные материалы представляется спорной. Уникальность памятника и актуальность проблем сложения населения Северной Месопотамии I и II раннединастических периодов побуждают нас опубликовать эти данные и высказать некоторые предположения относительно антропологического облика людей, погребенных на Телль Хазне.

Индивидуальные данные приведены в табл. 2. Мужские черепа могут быть охарактеризованы как крупные долихокранные и

гипердолихокранные с большим и очень большим продольным диаметром, малыми значениями поперечного диаметра, малой верхней шириной лица, средне- и широконосые. Для индивида из погребения 48 отмечены очень большие продольные размеры альвеолярной дуги и нижней челюсти при средних и малых поперечных размерах неба и нижней челюсти. У нас нет информации о величине высоты лица, однако обращает на себя внимание, что высота тела нижней челюсти и высота ветви нижней челюсти относятся к категориям больших и очень больших размеров. Это дает нам основание предполагать, что общая высота лица была также значительной. На этом же черепе ярко выражен альвеолярный прогнатизм.

Женский череп из погребения 22 также может быть охарактеризован как крупный долихокранный с очень большим продольным диаметром и средним поперечным диаметром. Размеры признаков «наименьшая ширина лба» и «верхняя ширина лица» находятся в пределах средних значений. Орбиты высокие, нижняя челюсть крупная, как по продольным, так и поперечным и высотным размерам.

Для того, чтобы сформулировать предположения о связи населения исследуемой группы с другими, современными ей, необходимо сопоставить антропологические серии аналогичного и предшествующего времени.

Как правило, антропологические серии эпох раннего металла с территории Ближнего Востока и связанных с ним регионов представляются в широком временном контексте с неолита до раннего железного века в связи с необходимостью собрать большой сравнительный краниологический материал. Антропологические материалы столь глубокой древности, как правило, немногочисленны. Для того, чтобы сведения были репрезентативны, принято объединять группы в пределах крупных временных периодов. Это, в свою очередь, снижает информативную ценность полученных характеристик, так как серия пусть даже из 50–60 индивидов, сформированная за 2–3 тысячи лет, не может отражать какую-то реальную группу населения.

Мы предлагаем использовать для сравнения лишь материалы более раннего времени и примерно одновременные и исключить все, датирующиеся позже середины III тысячелетия до н. э.

Ближний Восток с его пестрым культурным составом, различными хозяйственными укладами, тесными торговыми связями представляет собой особо сложный регион. Наиболее ранние антропологические материалы, с которых возможно начинать анализировать динамику населения Ближнего Востока, происходят из неолитического Иерихона. Для этой объединенной группы VII–IV тысячелетий до н. э. общей численностью 10 индивидов, характерны долихокрания, большие продольные и малые поперечные размеры мозгового отдела черепа, малые размеры скулового диаметра, малая высота лица, относительно широкий нос (при средних абсолютных значениях ширины носа), относительно низкие орбиты (Алексеев и др., 1984).

Ранние погребения из Сиалка, датирующиеся V–IV тысячелетиями до н. э., характеризуются также очень большими продольными и малыми поперечными размерами мозгового отдела черепа. Эти гипердолихокранные черепа отличаются от неолитических обитателей Леванта большей высотой и шириной лица (Алексеев и др., 1984).

К этим же, наиболее ранним группам населения можно отнести серию антропологических материалов IV тысячелетия до н. э. из Эль-Убейда. Для этой группы черепной указатель также относится к группе очень малых величин, но уже приближается к нижним границам малых. Лицо узкое, средней высоты, с относительно широким носом, при абсолютной средней ширине носа (Алексеев и др., 1984). Итак, в целом для населения ближневосточного региона периода VI–IV тысячелетий до н. э. характерна долихокрания. Межгрупповые различия проявляются в вариациях ширины и высоты лица.

Исследования краниологического своеобразия населения Армянского нагорья и Малой Азии выявили основные направления формирования антропологической изменчивости на протяжении энеолита – ранней бронзы (Алексеев, 1974; Мкртчан, 2001; Cappieri, 1972). Авторы указывают на существование двух краниологических вариантов: массивного высоколицего и грацильного низколицего (протосредиземноморского).

Как было показано предыдущими палеоантропологическими исследованиями, население эпохи энеолита – бронзового века территорий Ближнего Востока, Кавказа, Средней Азии и Индии имеет значительное сходство (Алексеев и др., 1984; Кияткина, 1987; и пр.). Поэтому мы сочли возможным для сопоставления использовать характеристику антропо-

логических материалов из некрополя эпохи бронзы с территории Южной Туркмении — Гонур. Исследователи, описывающие материал, отмечают присутствие индивидов с ярко выраженными чертами древних южноевропеоидных вариантов веддоидного облика (Dubova, Rykushina, 2004). Проявляется это прежде всего в значительной ширине носа и значительной альвеолярном прогнатизме. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что ширина носа индивидов из Хазны характеризуется как средняя и большая, а у индивида из погребения 48 выражен альвеолярный прогнатизм.

Особый вопрос: возможно ли сопоставить краниологические особенности населения Южной и Северной Месопотамии. Согласно результатам исследования В.П. Алексеева, анализировавшего краниологическое своеобразие индивидов из Киша (кладбище А, 2500–2400 гг. до н. э.), «серия из Киша целиком попадает в границы серий из восточных районов Средиземноморья» (Алексеев, 1980. С. 75). Как известно, восточносредиземноморский краниологический вариант не характеризуется ни значительной высотой лица, ни гиперморфностью, ни значительным альвеолярным прогнатизмом. Поэтому можно высказать предположение, что индивиды из погребений Телль Хазны отличаются по своему краниологическому облику от населения Южной Месопотамии и представляют население, происхождение которого связано с более древними аборигенами Ближнего Востока, влившимися в состав населения эпохи раннего металла Средней Азии и Индии.

Морфология посткраниального скелета

Особенности скелетной конституции взрослого населения Телль Хазны реконструируются на основании мозаичных наблюдений (табл. 3). Размеры и пропорции тела мужчин воссоздаются по антропологическим материалам из погребений 36 и 48. Морфология женского населения изучена по останкам из погребений 22 и 38.

В целом для жителей Хазны была характерна относительная короткорукость и длинноногость. Дистальные сегменты костей конечностей (предплечья и голени), напротив, были удлинены. Периметры и диаметры диафизов трубчатых костей развиты средне.

Длина тела заметно отличалась у разных индивидуумов (табл. 4).

Если сопоставить среднее значение длины тела у мужчин Телль Хазны с данными разных авторов по Восточному Средиземноморью, Леванту и Средней Азии, то становится очевидным, что ближайшие аналогии в продольных размерах тела наблюдаются у натуфийцев (в том числе Эйнан, Эль Вад, Нахал Орен), на стадии PPNA Иерихона, в халколитическом Библе, в Гиссаре III (табл. 5). Но, безусловно, это заключение носит условный характер из-за крайней немногочисленности наблюдений. Важно подчеркнуть, что среди мужчин Северной Месопотамии присутствовали и высокорослые, и относительно невысокие морфологические варианты.

Как мы уже отмечали выше, уникальная особенность палеоантропологической выборки из Телль Хазны заключалась в большой численности и хорошей сохранности костяков, принадлежавших индивидуумам детского возраста. Благодаря этому сложилась редкая ситуация, когда возможной стала не только возрастная идентификация, но и морфологический анализ детских костяков начиная с последнего триместра внутриутробного развития (табл. 6). Ниже приводятся результаты измерений трубчатых костей у детей Хазны. Следует отметить, что все дети находились еще в возрасте, далеком от завершения процессов продольного роста скелета. Поэтому все обсуждаемые параметры отражают размеры диафизов длинных костей, без учета размеров неприросших эпифизов.

На рис. 1–7 прослежена динамика ростовых процессов в детской выборке Телль Хазны. В целом представленная картина соответствует характеристикам ранних стадий онтогенеза. Вместе с тем мы хотели бы подчеркнуть некоторые особенности индивидуального развития и темпов ростовых процессов, по-видимому, характерных для этой группы.

Как можно видеть на примере динамики длины плечевой кости (рис. 1), на протяжении первого года жизни ее продольные размеры увеличиваются почти вдвое. С года до полутора лет намечается некоторая стагнация в увеличении размеров. Прирост размеров тела в 3–4 года по сравнению с предыдущим периодом был не столь значителен. Заметный скачок в продольном развитии намечался только после 4 лет.

Прослеженная нами динамика роста лучевой кости подтвердила наметившуюся тенден-

Таблица 3

Индивидуальная измерительная характеристика взрослых мужчин и женщин из выборки Телль Хазна

	Мужчины				*Женщины*			
	Погребение 36		*Погребение 48*		*Погребение 22*		*Погребение 38*	
Признак, № по Мартину	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*
Плечевая кость								
1. наибольшая длина	–		—	310	296	–		–
2. полная длина	–		—	308	298	–		–
3. ширина верхнего эпифиза	–		—	—	46	–		–
4. ширина нижнего эпифиза	–		60	—	62	61		56
5. наибольший диаметр середины диафиза	22		27,5	26,5	23	21		22
6. наименьший диаметр середины диафиза	20		22	20	18	18		18
7. наименьшая окружность диафиза	64		71	64	60	60		62
7а. окружность середины диафиза	69		78	78	68	68		70
9. ширина головки	–		–	–	39	–		
10. высота головки	–		–	–	41	–		
8. окружность головки	–		–	–	129			
7:1	–			20,64	20,27	–		–
6:5	90,90			75,47	78,26	85,71		81,81
Лучевая кость								
1. наибольшая длина	–	–	–	–	238	238		
2. физиологическая длина	–	–	–	–	228	228		
4. поперечный диаметр диафиза	17,5	16	19	17	15	15		
5. сагиттальный диаметр диафиза	11,5	11	11	12	13	12		
3. наименьшая окружность диафиза	42	40	44	42	42	41		
3:2	–	–	–	–	18,42	17,98		
5:4	65,71	68,75	57,89	70,59	86,66	80,0		
Локтевая кость								
1. наибольшая длина	286	–	–	–	260	–		–
2. физиологическая длина	254	–	–	–	226	230		–
11. передне-задний диаметр диафиза	13	14	14	15	13	15		13,5
12. поперечный диаметр диафиза	16	17,5	13	14	17	15		18
13. верхний поперечный диаметр	28	–	23	24	24	23		24

Таблица 3
(продолжение)

	Мужчины				*Женщины*			
	Погребение 36		*Погребение 48*		*Погребение 22*		*Погребение 38*	
Признак, № по Мартину	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*
14. верхний сагиттальный диаметр	24	–	27	24	26	24		24
3. наименьшая окружность диаметра	40	38	39	–	42	39		41
3:2	15,75	–	–	–	18,58	16,95?		–
11:12	81,25	80,0	107,69	107,14	76,47	100,0		75,0
13:14	116,6	–	85,18	100,0	92,3	95,83		100,0
Бедренная кость								
1. наибольшая длина	–	–	–	–	434			
2. длина в естественном положении	–	–	–	–	–			
21. ширина нижнего эпифиза	–	–	–	–	78			
6. сагиттальный диаметр середины диафиза	34	34	32	31	27			
7а. поперечный диаметр середины диафиза	29	30	27	28	27			
9. верхний поперечный диаметр диафиза	35	–	31	34	32			
10. верхний сагиттальный диаметр диафиза	28	–	27	27	24			
8. окружность середины диафиза	98	98	94	94	85		80	81
Вертикальный диаметр головки	–	–	–	–	45			
Горизонтальный диаметр головки	–	–	–	–	43			
Окружность головки	–	–	–	–	140			
8:2	–	–	–	–	19,76?			
6:7а	117,6	113,33	84,37	90,32	100,0			
10:9	80,0	–	87,09	79,41	75,0			
(18+19):2	–	–	–	–	20,46			
Большеберцовая кость								
1. полная длина	–		–	–		350		
1а. наибольшая длина	–		–	–		348		
5. наибольшая ширина верхнего эпифиза	–		–	–		72		
6. наибольшая ширина нижнего эпифиза	–		–	–		52		
8. сагиттальный диаметр середины диафиза	33,5	34	34	35		31	30	

Таблица 3
(окончание)

	Мужчины				*Женщины*			
	Погребение 36		*Погребение 48*		*Погребение 22*		*Погребение 38*	
Признак, № по Мартину	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*	*правая сторона*	*левая сторона*
9. поперечный диаметр середины диафиза	23	24	22	21,5		22	20	
8a. сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	–		–	40		30		
9a. поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	–		–	21		22		
10. окружность середины диафиза	90	92	92	90		–	78	
10в. наименьшая окружность	79	80	–	91		–	69	
9a:8a				52,5		73,33		
10b:1				–		–		
Малоберцовая кость								
1. наибольшая длина								
Указатели:								
R1:H1					80,40			
R1:T1						68,0		
H1:F2					68,83?			
T1:F2						81,39?		
(H1+R1): (F2+T1)								
Таз								
1. высота					288			
2. наибольшая ширина								
1:F2					66,97			
15. высота седалищной кости								
17. длина лобковой кости								
Крестец								
2. длина					100			
17. ширина					120			
Ключица								
1. длина	158				144			
6. окружность	40				39			
1:H1					48,64			
Лопатка								
1. морфологическая длина								
2. морфологическая ширина								

Таблица 4

Длина тела взрослых индивидов из погребений Телль Хазны (определение по Троттер-Глезер, см)

№ погребения	*Мужчины*	*Женщины*
Погребение 22 (определения по разным трубчатым костям)		156 154 161 159 159
Погребение 36	173	
Погребение 48	163	

цию (рис. 2): наиболее интенсивное увеличение в длину происходило в первые полгода жизни, далее до 2–3 лет включительно намечается очевидное замедление темпов развития, и только после 4 лет – отчетливый ростовой скачок. Распределение роста локтевой, бедренной, большеберцовой, малоберцовой костей также свидетельствует о том, что заметный прирост размеров тела у детей Хазны наступал только после 4 лет (рис. 3–7).

Картина детской смертности на памятнике Телль Хазна в сравнительном освещении

Памятник Адайма (Adaima) в верхнем Египте, на западном берегу Нила к югу от Луксора, был исследован начиная с середины 90-х гг. XX в. Некрополь состоит из южного могильника (периоды поздний Накада II, Накада III a, b, III тысячелетие до н. э.) и северного могильника (поздний Накада III, раннединастический период, 2800 г. до н. э.).

Для нашего исследования важно сопоставление с этими двумя могильниками, поскольку они были созданы для захоронений детей и достаточно близки по хронологии большинству детских погребений на Хазне. Хорошая сохранность костей черепа и посткраниального скелета позволила антропологам из Тулузы провести подробное палеопатологическое исследование (Dabernat H., 2005. P. 30).

Из южного могильника происходят останки 272 индивидуумов. Они распределяются по возрастным категориям следующим образом: новорожденные – 8 человек, 0–3 месяца – 8 человек, 3–6 месяцев – 24 человека, 6–12 месяцев – 45 человек, 1–3 года – 109 человек, 3–5 лет – 41 человек, 5–10 лет – 35 человек, 10–15 лет – двое.

Из северного могильника были изучены останки 116 детей. Как отмечают специалисты, возрастное распределение костяков в обоих могильниках соответствует картине естественной смертности.

На основании исходных данных, приводимых французскими исследователями, мы рассчитали некоторые базовые палеодемографические показатели в палеопопуляции из Адаймы, решив использовать ее за эталонную для данной эпохи и обширного региона, включавшего север Африки и Ближний Восток (табл. 7, рис. 8).

По-видимому, типичной можно считать картину невысокой смертности в первые 3 месяца после рождения, с постепенным ее повышением до года. Возраст от одного до трех лет был наиболее уязвим, на него приходится до сорока процентов смертных случаев среди египетских детей. С точки зрения физиологии это период, когда происходит отказ от грудного вскармливания. После 3 лет можно видеть резкое падение детской смертности с абсолютным снижением после 10 лет.

В исследованной нами скелетной выборке из Телль Хазны самый высокий процент детской смертности наблюдался на протяжении первого года жизни (табл. 8). На втором и третьем году жизни относительное число скончавшихся детей последовательно уменьшалось. Некоторый рост числа смертных случаев наблюдается среди детей в возрасте от 4 до 5 лет. Особенность выборки из Телль Хазны при сравнении с близкими по хронологии египетскими материалами пока заключается в полном отсутствии детей, скончавшихся в возрастном интервале 6–9 лет.

Мы сгруппировали распределение случаев смерти детей по возрастным категориям, аналогичным делению выборки из Адаймы (рис. 10).

Как видно, на протяжении первого года жизни смертность детей на Хазне несколько превышает смертность детей в Адайме. Но в

Таблица 5

Длина тела у древних жителей Восточного Средиземноморья, Леванта, Сирии, Средней Азии*

Восточное Средиземноморье, мезолит	172,5
Восточное Средиземноморье, ранний неолит	169,6
Восточное Средиземноморье, поздний неолит	161,3
Восточное Средиземноморье, ранняя бронза	166,3
Натуфийцы (суммарно)	167
Эль Вад	168
Шукбах	160
Эйнан	168
Нахал Орен	167
Хайоним	165
Иерихон, PPNA	167
Иерихон, PPNB	171
Абу Гош	174
Бейзамун	170
Южный Синай	160
Иерихон (халколит)	170
Библ (халколит)	167
Джебель Каакиир	164
Саса	169
Иерихон (бронза)	171
Сапаллитепе	163
Кара-Депе, Геоксюр	171,4
Алтын Депе	169,4
Гонур	171,31
Анау	170
Тепе Сиалк (1–4, неолит)	174
Гиссар II	164
Гиссар III	168
Шахр и Сохта	175
Хараппа	176,2
Телль Хазна	168

* Сравнительные данные по: Angel, 1984; Smith et al., 1984; Dubova, Rykushina, 2004; Rathburn, 1984.

1–3 года она остается стабильной, а в Адайме возрастает. Наиболее отчетливые различия между месопотамской и египетской выборками затрагивают возрастной интервал 3–5 лет: смертность детей на Хазне в этом возрасте почти в два раза выше, чем в Адайме (примечательно, что по нашим данным, воссоздаваемым, например, по материалам погребений 27 и 37, у детей 3–5 лет проявляются на скелете последствия интенсивных физических нагрузок). Напротив, возраст 6–9 лет был для юных жителей Северной Месопотамии наиболее благоприятным: в антропологической выборке отсутствуют останки детей этого возраста.

Таким образом, невзирая на небольшую численность имевшихся в нашем распоряжении материалов, сопоставив их с контрольной выборкой, мы можем предположить некоторые отличия культурных традиций, затрагивавшие «качество жизни» в период раннего детства. Не исключено, что в группе населения, хоронившей своих детей на покинутом культовом центре Телль Хазна, была распространена традиция пролонгированного грудного корм-

Таблица 6

Динамика продольного роста детей в палеопопуляции Телль Хазна по данным скелетной морфологии (диафизарная длина, мм)

Возраст	*Длина плеча*	*Длина лучевой*	*Длина локтевой*	*Длина бедренной*	*Длина б. берцовой*	*Длина м. берцовой*	*Длина ключицы*
П. 30 5 мес. плод				56			
П. 41 7 мес. плод	59			64	55	53	
П. 44 7 мес. плод или новорожд.	60		58	72			
П. 43 0+2 мес.	74	60	65	88	70	68	40
П. 33 6+3 мес.			75				
П. 35 6–9 мес., ск. 1		75	80				
П. 35 ск. 2 9 мес.		76					62
П. 42 9+3 мес.	96	74	82	116	98		57
П. 45 9+3 мес.	76	60	68	95	82	78	56
П. 39 1–1,5 года	94	73	84				54
П. 46 1,5 года	92						
П. 40 2–3 года		74	82			90	
П. 27 3–4 года	111	82	93	142	118	114	
П. 37 4–5 лет	156	120		236	187		
П. 31 11 лет + 12 мес.	230		204				

Таблица 7

Распределение смертных случаев среди детей Адаймы, %

Возрастной интервал	*Смертность*
Новорожденные	2,94
0–3 месяца	2,94
3–6 месяцев	8,82
6–12 месяцев	16,54
1–3 года	40,07
3–5 лет	15,07
5–10 лет	12,87
10–15 лет	0,73

Таблица 8

Распределение смертных случаев среди детей Хазны, %

Возраст	*Смертность*
0–1 год	35,29
1–2 года	23,53
2–3 года	11,76
3–4 года	11,76
4–5 лет	17,65
6–9 лет	0
10–14 лет	5,9

ления. Переход на взрослый рацион питания, по-видимому, осуществлялся только после 3 лет, вызывая отложенную вспышку детской смертности.

Патологии в детской выборке

При рассмотрении детских останков с поселения Телль Хазна нами были выявлены последствия физиологических стрессов и возможных заболеваний (табл. 9).

Множественная эмалевая гипоплазия на закладках постоянных зубов, отражающая кратковременное прерывание ростовых процессов, зафиксировала резкое неблагоприятное воздействие, испытанное некоторыми индивидуумами в возрасте около 3 лет (погребения 10 и 37).

Присутствие эмалевой гипоплазии на молочных зубах ребенка из погребения 49 (№ 1), отражает серьезное негативное влияние, пережитое его матерью в последнем триместре беременности (фото 1).

В целом признаки эпизодических нарушений роста в раннем детстве на детских материалах в Хазне встречаются достаточно часто – частота эмалевой гипоплазии доходит до 18,4%.

Частота встречаемости анемических состояний, определяемых по поротическим и криброзным изменениям на внутреннем крае глазниц (cribra orbitalia), достигает у детей Хазны 15,4%. В частности, признак без следов заживления выражен у ребенка 4–5 лет из погребения 37 (фото 2), у ребенка 2–3 лет из погребения 40 (в последнем случае отмечено и отставание темпов физического развития).

Как отмечают французские исследователи, cribra orbitalia – наиболее распространенная палеопатология, наблюдавшаяся у 26,5% детей из южного некрополя в Адайме. По данным П. Смит и соавторов (Smith et al., 1984. P. 121), в эпохи халколита и бронзы частота признака у детей на территории Леванта доходила до 100%. Таким образом, выявленная нами частота анемических состояний у детей Хазны заметно ниже.

В одном случае (п. 10) отмечены васкулярные изменения на внутренней поверхности затылочной кости. Возможно, это результат менингиальной инфекции (фото 3), которая могла быть причиной смерти ребенка.

В египетских материалах прединастического периода был выявлен высокий процент встречаемости субпериостальных реакций костной ткани на посткраниальном скелете. Подобные нарушения интерпретировались как проявления ответной реакции на пищевой стресс и инфекционные заболевания. В частности, в египетской серии за 3000 лет до н.э. наблюдалось присутствие туберкулеза. Необходимо подчеркнуть, что ни в детских, ни во взрослых антропологических материалах с Телль Хазны не было выявлено периостальных реакций на костях посткраниального скелета. Судя по всему, эпидемиологическая ситуация в Северной Месопотамии в этот период была намного благоприятнее по сравнению с Египтом.

Палеопатологии у взрослого населения Телль Хазны

Невзирая на немногочисленность взрослых костяков в выборке с Телль Хазны, набор проявлений физиологического стресса, встреченный нами в костных и зубных фрагментах, привносит вполне определенную информацию об образе жизни этого населения (табл. 10).

Высокий процент эмалевой гипоплазии (85,7), во всех случаях множественной, отра-

Таблица 9

Маркеры физиологического стресса на черепах детей

Погребение	*Эмалевая гипоплазия*	*Кариес*	*Прижизненная утрата зубов*	*Одонтогенный остеомиелит*	*Парадонтопатия*	*Зубной камень*	*Cribra orbitalia**	*Васкулярная реакция (VIP)*
П. 10, 3–4 года	Множ., 3 года	0	0	0	0	0	0	+
П. 27, 3–4 года	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 28, 2–3 года	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 30, плод 5 мес.	—	—	—	—	—	—	—	—
П. 31, 11 лет	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 33, 0–6 мес.	—	—	—	—	—	—	0	0
П. 35, ск. 1, 6–9 мес.	0	0	0	0	0	0	—	—
П. 35, ск. 2, 9 мес.	0	0	0	0	0	0	0	—
П. 37, 4–5 лет	Множ., 3 и 4,5 года	0	0	0	0	0	+	0
П. 39, 1–1,5 года	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 40, 2–3 года	0	0	0	0	0	0	+	0
П. 41, 7 мес. внутриутробного развития	—	—	—	—	—	—	—	0
П. 42, 9+3 мес.	0	0	0	0	—	—	—	—
П. 43, новорожд.	0	0	0	—	—	—	—	—
П. 44, 7 мес. плод + 2 мес.	0	0	0	0	—	—	—	—
П. 45, 9 + 3 мес.	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 46, 1,5 года	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 47, 1,5 года	0	0	0	0	0	0	0	0
П. 49, 1–1,5 года	Множ.*, 7 мес. внутриутробного развития	0	0	0	0	0	0	0
%	18,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	15,4	7,7

* Эмалевая гипоплазия на коронке молочного зуба.

жает степень неблагоприятного воздействия, имевшего место, судя по нашим определениям, преимущественно в возрасте около 3 лет. Таким образом, окончательно подтверждается высказанное выше предположение о наибольшей уязвимости детей 3–5 лет, что согласуется с картиной детской смертности и с частотой индикаторов стресса на детских скелетах. Вспомним также, что заметный прирост размеров тела наступал у детей Хазны только после 4 лет (рис. 2–7), что также, по-видимому, было связано с неблагоприятным воздействием на более раннюю возрастную категорию. По частоте встречаемости эмалевой гипоплазии выборка из Хазны сближается с населением халколитического Азора (80%), с серией Саса эпохи бронзы (91%). Джебель Каакиир и Иерихон в эпоху бронзы демонстрируют более низкие показатели, связанные с нарушением ростовых процессов (59% и 53% соответственно) (Smith et al., 1984. P. 123).

В группе из Хазны не встречен кариес, но вместе с тем высок процент встречаемости зубного камня (85,7%), прижизненной утраты зубов (57,1%), относительно часты были болезни десен (парадонтопатия – 28,6%) и даже одонтогенный остеомиелит (14,3%). Следует подчеркнуть, что подобное сочетание зубо-челюстных патологий в целом не является характерным для населения, в рационе питания ко-

Таблица 10

Маркеры физиологического стресса на черепах взрослых индивидов

Погребение	*Эмалевая гипоплазия*	*Кариес*	*Прижизненная утрата зубов*	*Одонтогенный остеомиелит*	*Пародонтопатия*	*Зубной камень*	*Cribra orbitalia**	*Васкулярная реакция (VIP)*
Без №, М., 35–45	Множ., 3 года	1	0	0	0	+	0	0
П. 32, 20–35 лет	3 года	0	0	0	0	0	0	0
П. 22, Ж 25–29	Множ., 3 года	0	0	0	0	+	+	0
П. 36, М., 25–29	Множ., 3 года	0	+	+	+	+	0	+
П. 5, М, 30–39	Множ., 3 года	0	+	0	0	+	—	—
П. 38, Ж., 20–24	0	0	+	0	+	+	+	0
П. 48, М., 35–45	Множ., 1,5–3 года	0	+	0	0	+	0	0
Частота встречаемости признака, %	85,7	14	57,1	14,3	28,6	85,7	33,3	16,6

* У взрослых индивидов Телль Хазны наблюдалась cribra orbitalia со следами заживления.

торого преобладают растительные компоненты. Напротив, сходная картина неоднократно отмечалась в палеопопуляциях скотоводческой хозяйственной ориентации.

Примечательно, что в Иерихоне эпохи бронзы кариес встречался у 20% населения, но прижизненное выпадение зубов происходило реже (44%) (Smith et al., 1984). По обобщенным данным Ратбуна (Rathbun, 1984. P. 152), на территории Ирана и Ирака процент кариеса достиг 33 и в эпоху металла (бронза и железо суммарно) практически не изменился (36%). Антропологические материалы с Телль Хазны свидетельствуют о большом локальном своеобразии показателей здоровья местного населения, отражавшего, прежде всего, их пищевые традиции.

Морфологическая выраженность контрфорсов на нижней челюсти и акцентированное развитие мест прикреплений жевательной мускулатуры говорит о том, что пища была достаточно грубой и волокнистой (№ 5, № 16, № 22, № 36, № 38, № 48). У мужчины из погребения 48, помимо возрастной стертости, зубы демонстрируют сильную функциональную стертость, распространяющуюся на верхние и нижние резцы (фото 4).

Индикатор анемии cribra orbitalia в серии взрослых индивидуумов из Хазны составил 33,3%. Он был встречен только у двух женщин, которые скончались до 30 лет (погребения 22 и 38). Впрочем, в обоих случаях наблюдается заживление краев поротических изменений. Частота значений признака в серии из Хазны ниже, чем в левантийских сериях халколита и бронзы – соответственно 100% и 63% встречаемости (Smith et al., 1984. P. 121). Одновременно встречаемость cribra orbitalia несколько выше при сравнении с обобщенной характеристикой (23%), приведенной Тедом Ратбуном для Иранского плато и Месопотамской долины (Rathbun, 1984. P. 149). По мнению Ратбуна, в Месопотамии не наблюдалось достоверных различий между урбанизированными группами по этому признаку, обусловленному связью малярии с распространением ирригации. Все же отметим, что криброзные изменения на верхнем крае глазниц могут быть отражением самого широкого спектра причин, а не только малярии.

Степень изношенности посткраниального скелета определялась интенсивным характером физической активности. Например, у молодого мужчины из погребения 36 дегенеративно-дистрофические изменения в позвоночнике (фото 5), так же как и узел Шморля на поверхности тела третьего шейного позвонка, могли возникнуть в результате подъема и переноски тяжестей. Для данного индивидуума были характерны исключительные физические нагрузки на пояс верхних конечностей, о чем свидетельствуют изменения в поверхности локтевого сустава, гипертрофия мест прикрепления мышц на плечевых костях и костях предплечья.

У зрелого мужчины из погребения 5 на позвонках шейного отдела заметен остеофитоз (фото 6).

У зрелого мужчины из погребения 48 степень выраженности патологических изменений позвоночника достигает максимальных величин. Костные разрастания наряду с поливкой суставных поверхностей, вне всякого сомнения, вызывали болезненные ощущения и ограничивали подвижность этого человека (фото 7). В то же время гипертрофия рельефа от повышенной мускульной активности «прочитывается» не только в чрезвычайном развитии рельефа плеча и предплечья (фото 8), но и в рельефе поверхности ребер и лопаток. Следы рабочей гипертрофии костной ткани присутствуют на костях кисти. Дегенеративно-дистрофическим изменениям подверглись суставы фаланг правой стопы.

У молодой женщины из погребения 38 также наблюдалось начальное поражение локтевого сустава, гипертрофия элементов рельефа плечевой и локтевой костей.

Наши данные подтверждают сведения о широком распространении остеоартритов в эпоху металла на территории Ирака и Ирана (Rathbun, 1984. P. 156). Причем, как отмечали наши предшественники, исследовавшие эту проблему, дегенеративные поражения суставов были связаны не с преклонным возрастом, а с интенсивными физическими нагрузками месопотамского населения. Чаще всего патологическим деформациям подвергался позвоночник, затем — коленные, локтевые, плечевые, тазовые, челюстные суставы.

Травматизм у населения, захороненного в Телль Хазне, носил, по-видимому, преимущественно бытовой характер и проявлялся в виде ограниченных локальных поражений.

Так, к последствиям микротравм, связанных с напряженной физической активностью, можно отнести появление костных разрастаний в области прикрепления m. gastrocnemius (caput mediale) (женщина из погребения 22, левая бедренная кость; мужчина из погребения 48 — правая бедренная).

Частота встречаемости травм головы (признак, используемый как косвенный индикатор агрессивности социальной среды) невысока. У мужчины из погребения 36 нами была встречена травма носа со смещением перегородки, а у мужчины из погребения 48 — следы возможного подвывиха в челюстном суставе справа. Эти повреждения вполне могут быть проявлениями обычного бытового травматизма.

Наследственно обусловленные аномалии

Регистрация частоты встречаемости некоторых анатомических признаков, передающихся по наследству, в ряде случаев способна пролить свет на близкие родственные связи между погребенными в пределах одного могильника людьми. Однако при малой численности выборки эта система признаков, к сожалению, не столь информативна.

Ниже мы перечислим некоторые генетически детерминированные аномалии, присутствовавшие у некоторых индивидуумов и, возможно, отражающие их более тесное родство.

Пальцевидные вдавления на эндокране, бывшие следствием повышенного внутричерепного давления, обнаружены у мужчины из погребения 16 и у мужчины из погребения 48.

Межмыщелковые отверстия на плечевых костях встречены у женщины из погребения 22, у одиннадцатилетнего ребенка из погребения 31.

Наиболее высока концентрация наследственных аномалий на скелете мужчины из погребения 48, что можно расценить как результат близкородственного брака его родителей. У него присутствуют не только уже упомянутые пальцевидные вдавления на эндокране, но и доброкачественное образование — остеома на лобной кости; вставочные кости в лямбдовидном шве; отсутствует третий моляр (впрочем, недоразвитие или отсутствие третьего моляра — признак, часто встречающийся у ближневосточного населения, начиная с натуфийцев — Smith, 1970).

Результаты изучения химического состава минеральной части костной ткани

В ходе исследования антропологических материалов были отобраны образцы костной ткани 5 индивидов различного пола и возраста (см. табл. 11, рис. 11) для проведения количественного определения элементов — индикаторов питания. Проведенный анализ позволяет в целом судить о том, что значительная часть рациона питания была представлена животными белками. Об этом свидетельствуют достаточно высокие концентрации цинка при умеренно высоких концентрациях стронция.

Так как в нашем распоряжении были индивиды в возрастном диапазоне от 0 до 30 лет, то представляется возможным проследить элементы возрастной динамики питания. Так, концентрации стронция — маркера растител-

Таблица 11

Концентрации химических элементов в костной ткани взрослых и детей (ppm)

Погребение	*Пол*	*Возраст*	*Zn*	*Cu*	*Sr*
П. 10	?	3 года	144	23	111
П. 31	?	11 лет	129	22	127
П. 33	?	6 мес.	102	14	103
П. 36	Муж.	20–29 лет	130	13	118
П. 38	Жен.	20–24 года	145	19	122
X			130	18,2	116,2
S			15,5	4,0	8,4

ной пищи – увеличиваются от младенчества к взрослому возрасту. Есть основание предполагать, что это увеличение связано с переходом от грудного вскармливания к «взрослой» пище. Если индивид 6-месячного возраста характеризуется величиной концентрации стронция около 100 ppm, то 3-летний ребенок – величиной около 110 ppm, а взрослые индивиды (включая 11-летнего подростка) – около 120 ppm. На основании этих фрагментарных фактов можно предположить, что переход к взрослому питанию, содержащему растительную пищу, а не только материнское молоко, проходил постепенно, и в возрасте около 3 лет еще не был завершен.

Результаты анализа подтверждают ожидаемый вывод о том, что переход от детской к взрослой пищи состоял в увеличении растительного компонента в каждодневном рационе, однако мы не наблюдаем значительного понижения доли животных белков. К сожалению, сохранность материала не позволила собрать представительную выборку взрослых мужчин и женщин, поэтому вопрос о гендерных отличиях в питании остается открытым. Для одного молодого мужчины и одной молодой женщины определены примерно равные концентрации стронция. Величина концентрации цинка больше в костной ткани женщины, что позволяет предполагать, что ее рацион содержал большее количество животных белков.

Полученные результаты представляются, в известной мере, парадоксальными, так как мы не наблюдаем растительной специализации в пищевом статусе земледельческого населения. Между тем, в той или иной мере, сходная реконструкция типа питания была сделана исследователями на основании изучения зубных патологий и содержания стабильных изотопов для неолитического населения Передней Азии, Леванта (Lösch et al., 2006). Результаты остеоархеологического исследования на Телль Хазне также подтверждают, что население памятника употребляло в пищу мясо различных видов домашних и диких животных (Антипина, 2004). Возможно, для обществ Северной Месопотамии зерно представляло не только утилитарный интерес, но играло важнейшую роль в культовой практике, поэтому разведению, сбору и хранению зерновых растений уделялось столь большое внимание.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.

Алексеев В.П., 1980. Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии // Советская этнография. № 4. С. 70–79.

Алексеев В.П., Ходжайов Т., Халилов Х., 1984. Население верховьев Аму-Дарьи по данным палеоантропологии. Ташкент.

Амиров Ш.Н., 2006. Северо-Восточная Сирия в IV – первой половине III тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / ИА РАН. М.

Антипина Е.Е., 2004. Археозоологические материалы из Телль Хазны I // *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М. С. 463–474.

Кияткина Т.П., 1987. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе.

Мкртчан Р.А., 2001. Палеоантропология Оромского могильника. Ереван.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Angel J.L., 1984. Health as crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the eastern Mediterranian // Paleopathology at the origin of agriculture / M.N. Cohen, G.J. Armelagos (eds.). London. P. 51–73.

Cappieri M., 1973. The Iranians of the Cooper/Bronze Ages. Miami.

Dabernat H., 2005. Palaeopathology in Adaima // L'Egipte pré- et protodynastique. Les origins de l'Etat., Toulouse (France) 5–8 sept. 2005. Livret des Résumés. Toulouse. P. 30.

Dubova N.A., Rykushina G.V., 2004. Necropolis and area 5 of Gonur-Depe: some anthropological data // У истоков цивилизации // Ред. Косарев М.Ф., Кожин П. М., Дубова Н.А. М. С. 317–336.

Lösch S., Grupe G., Peters J., 2006. Stable isotopes and dietary adaptations in humans and animals at pre-pottery Neolithic Nevall 1 Çori, Southeast Anatolia // Americal Journal of Physical Anthropology. Vol. 131, issue 2. P. 181–193.

Rathbun T., 1984. Skeletal pathology from the Palaeolithic through the Metal Ages in Iran and Iraq // Paleopathology at the origin of agriculture / M.N. Cohen, G.J. Armelagos (eds.). London. P. 137–167.

Smith P., 1970. Dental morphology and pathology in the Natufians: the dental evidence for dietary speeialisation. Ph. D. thesis. University of Chicago, Chicago.

Smith P., Bar-Yosef O., Sillen A., 1984. Archaeological and skeletal evidence for dietary change during the late Pleistocene: Early Holocene in the Levant // Paleopathology at the origin of agriculture / M.N. Cohen, G.J. Armelagos (eds.). London. P. 100–136.

Tobler A.J., 1950. Excavation at Nepe Gawra. Vol. II. Philadelphia.

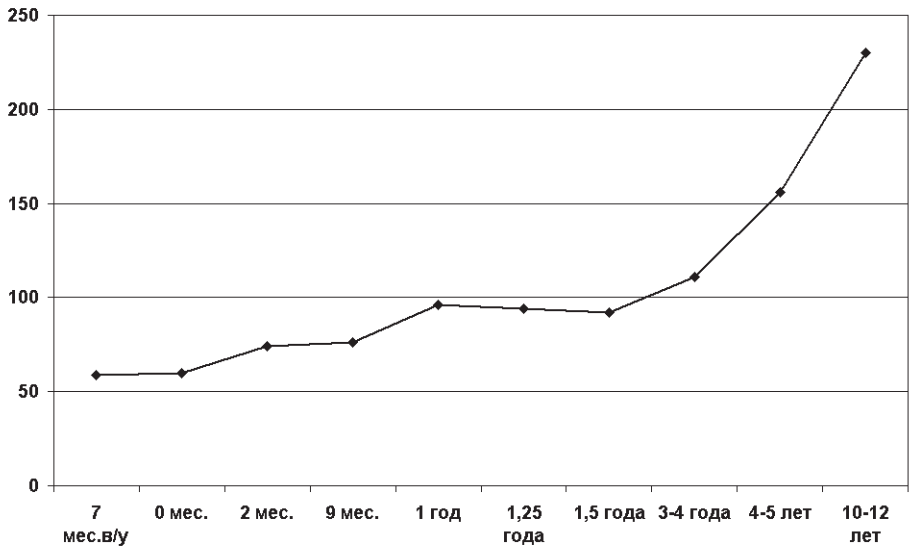

Рис. 1. Динамика роста плечевой кости

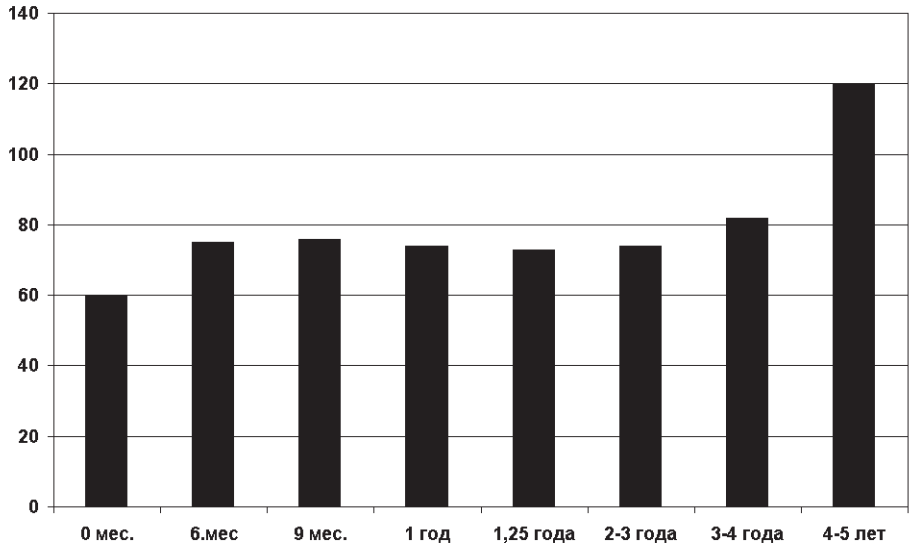

Рис. 2. Динамика роста лучевой кости

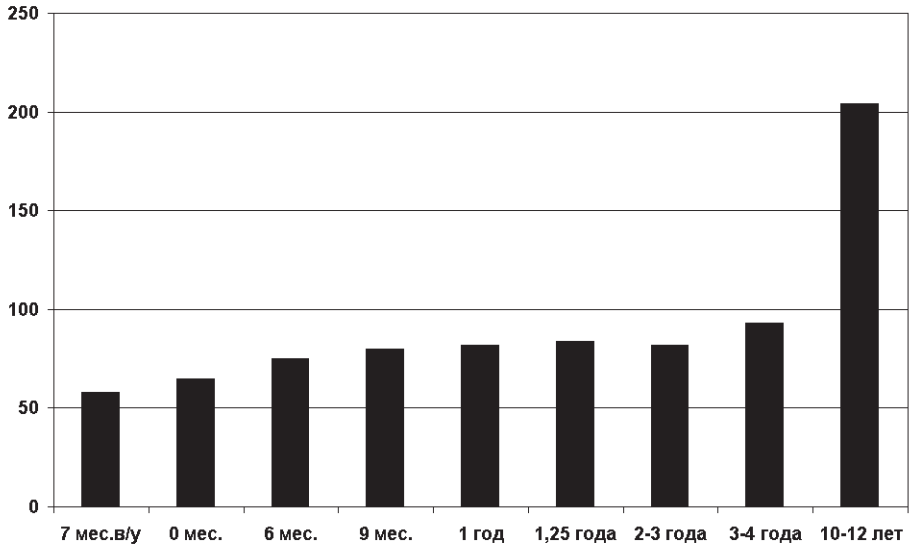

Рис. 3. Динамика роста локтевой кости

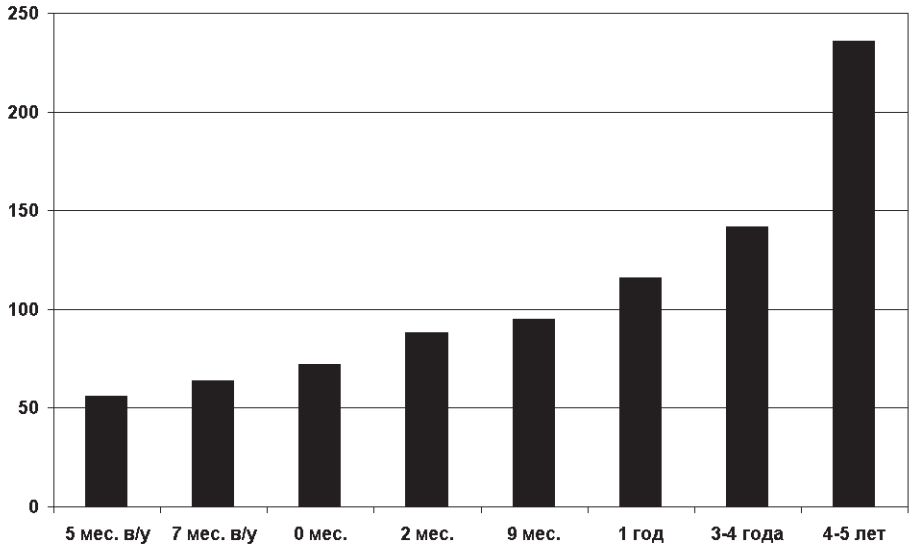

Рис. 4. Динамика роста бедренной кости

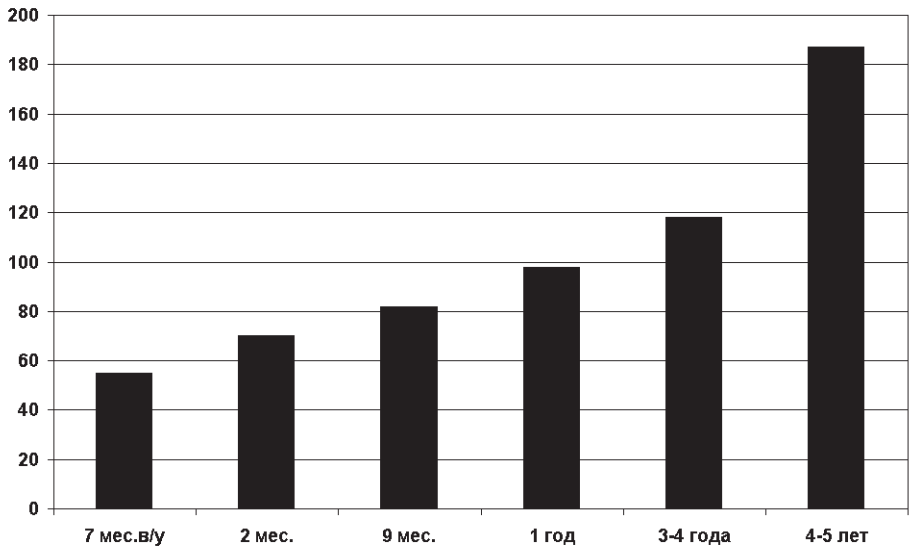

Рис. 5. Динамика роста большеберцовой кости

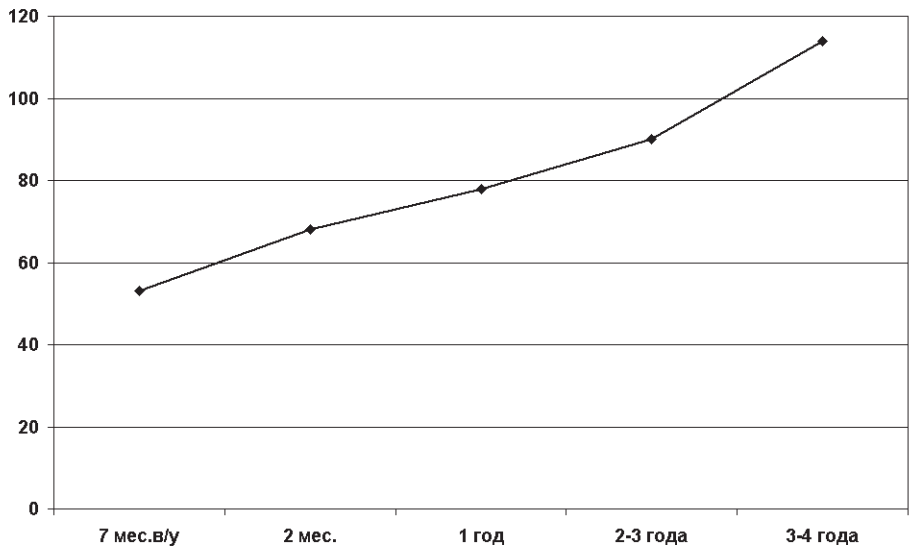

Рис. 6. Динамика роста малоберцовой кости

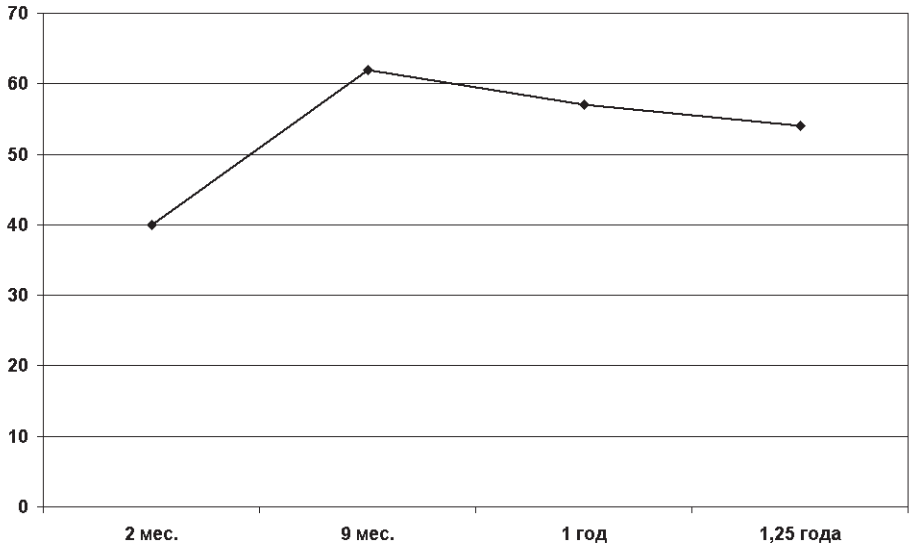

Рис. 7. Динамика роста ключицы

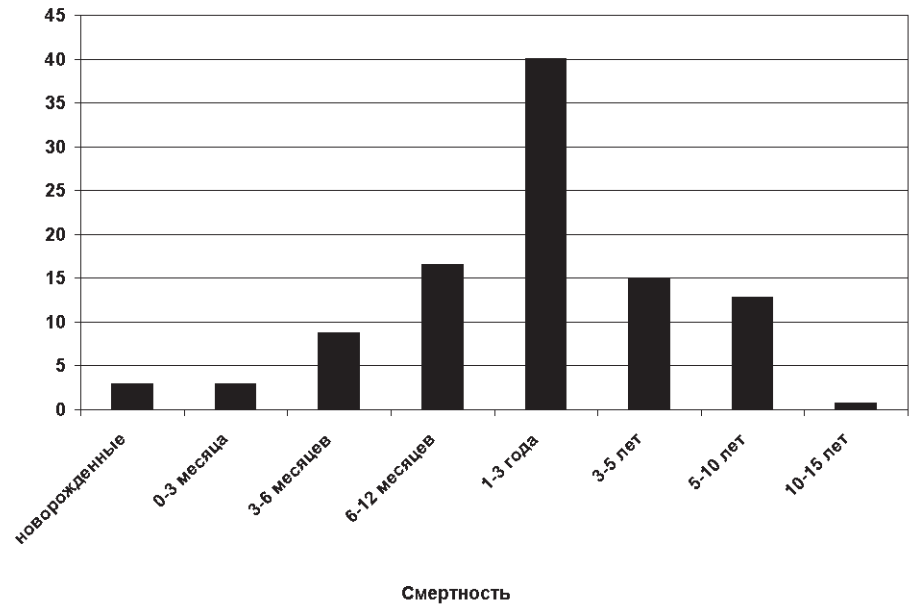

Рис. 8. Распределение смертных случаев среди египетских детей прединастического периода (3000 лет до н. э.)

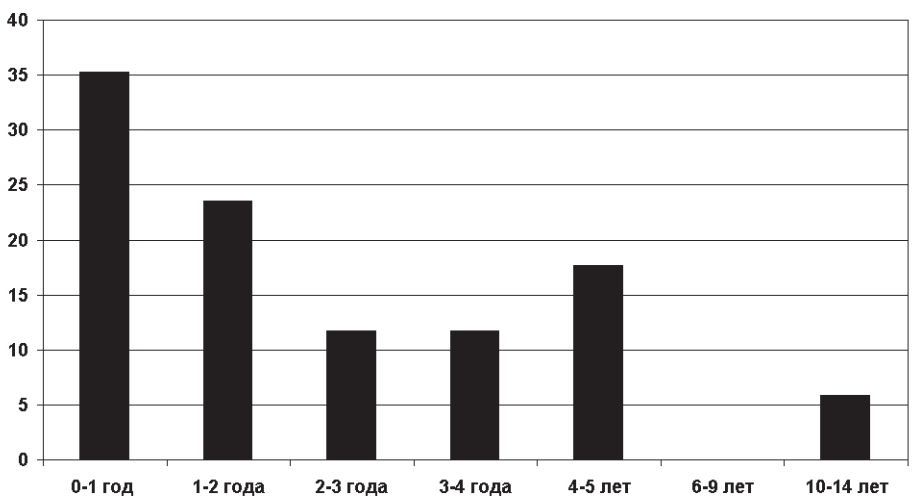

Рис. 9. Распределение смертных случаев среди детей Телль Хазны

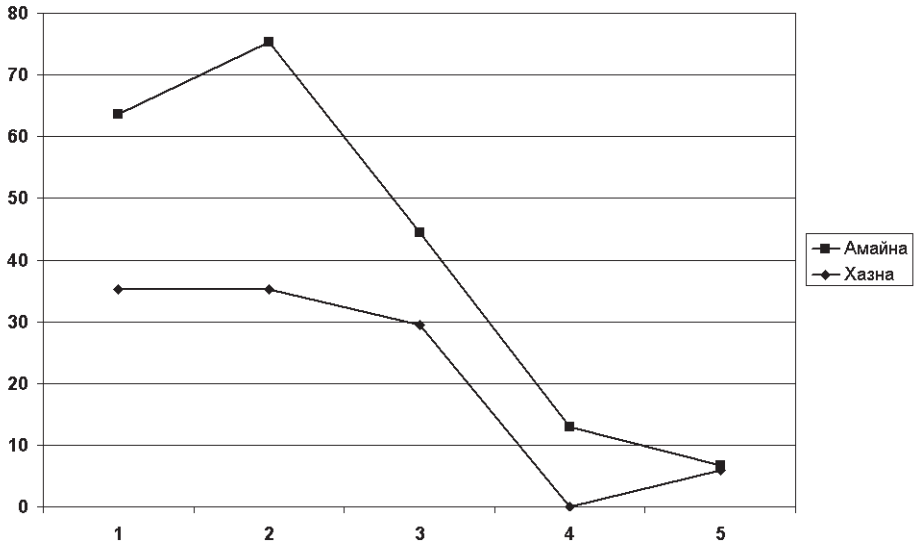

Рис. 10. Распределение смертных случаев среди детей Телль Хазны и Адаймы по возрастным категориям, % (1. 0–1 год; 2. 1–3 года; 3. 3–5 лет; 4. 6–9 лет; 5. 10–14 лет)

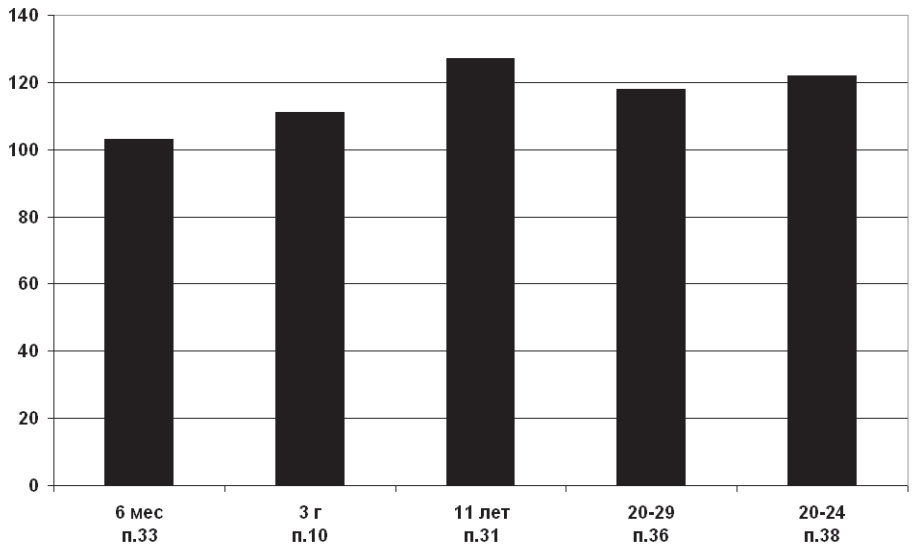

Рис. 11. Возрастная динамика накопления стронция (ppm)

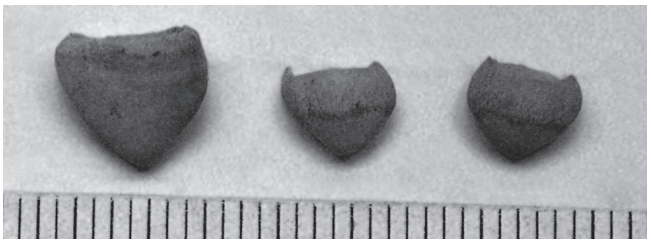

Фото 1. Погребение 49, индивид № 1 (младший). Множественная эмалевая гипоплазия на закладках постоянных зубов

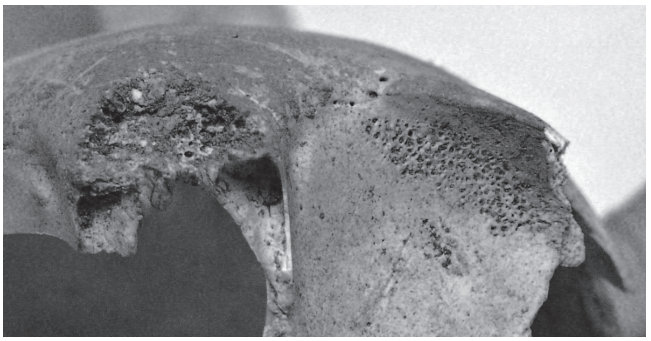

Фото 2. Погребение 37. Cribra orbitalia

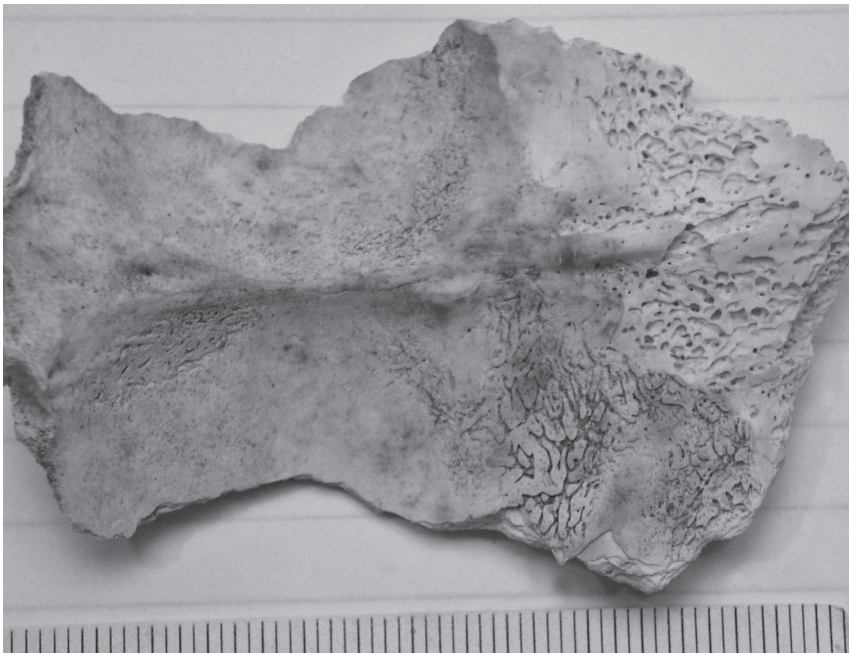

Фото 3. Погребение 10. Васкулярная реакция на затылочной кости

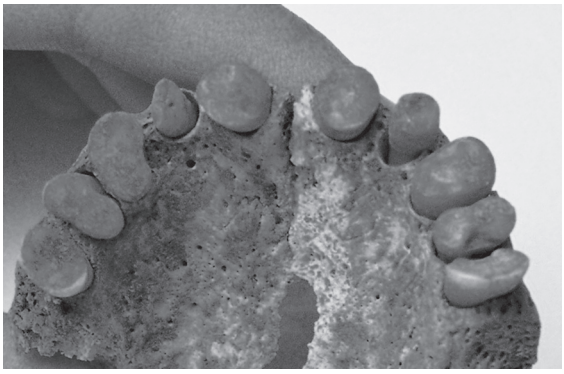

Фото 4 (а, б). Погребение 48. Функциональный износ передних зубов

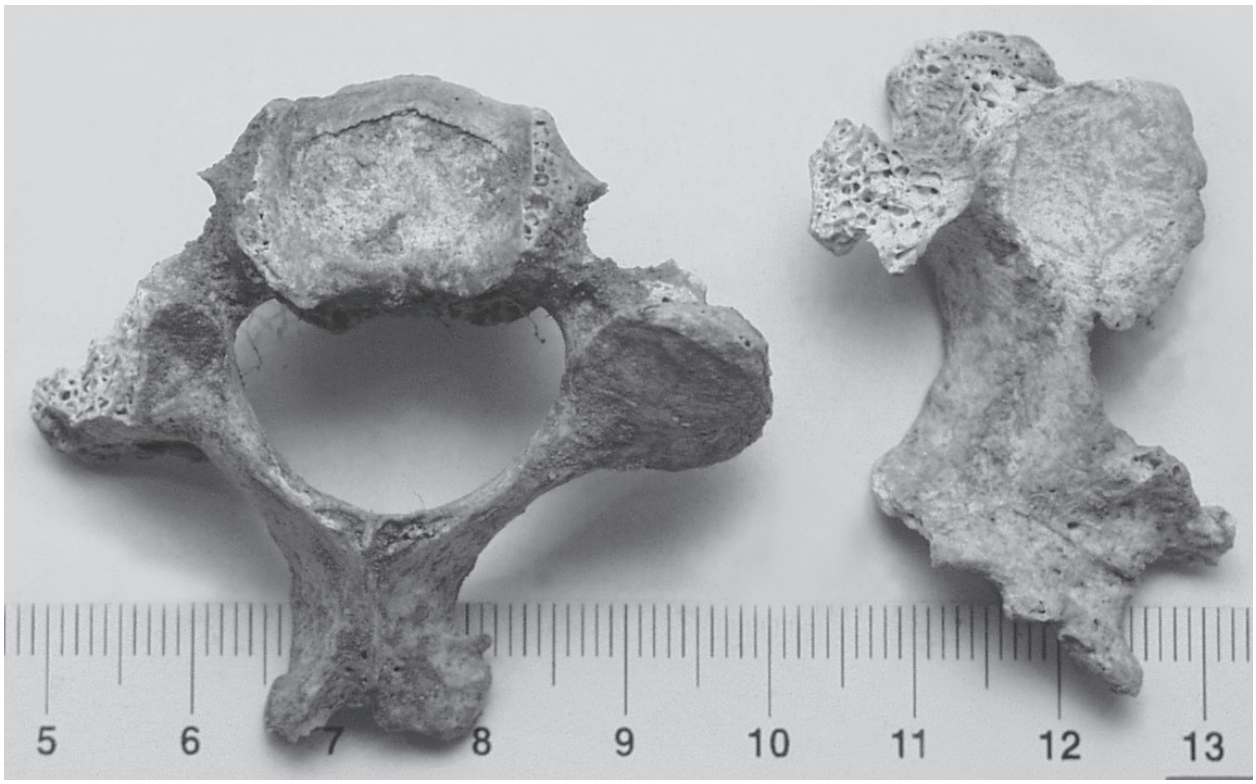

Фото 5. Погребение 36. Остеохондроз шейных позвонков

Фото 6. Погребение 5. Остеофитоз на теле поясничного позвонка

Фото 7. Погребение 48. Следы стертости хрящевой ткани на внутренней поверхности надколенника

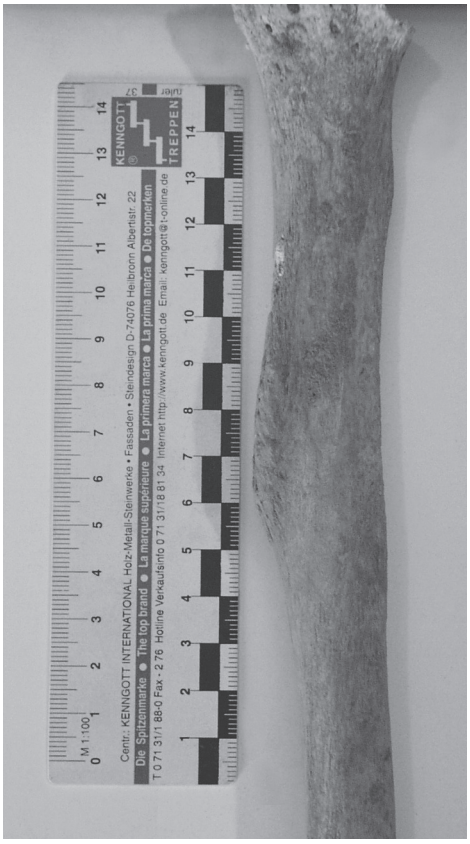

Фото 8. Погребение 48. Костный рельеф плечевой кости

Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева

ПРОДУКЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И СКОТОВОДСТВА НА ТЕЛЛЬ ХАЗНЕ I

(археобиологическая реконструкция)*

В истории Северной Месопотамии начало III тысячелетия до н. э. характеризуется как переломный момент. По археологическим данным, происходит многократное увеличение числа поселений как сельского, так и протогородского облика, особенно активно изучаемых в последние десятилетия. В их ряду исследуемый российскими археологами памятник Телль Хазна I занимает особое место: он интерпретируется как культовый (храмовый) комплекс (Мунчаев и др., 2004).

Не менее активными стали в эти годы и археобиологические исследования в регионе, являющиеся основой для реконструкции экономической структуры Северной Месопотамии. К сожалению, публикация результатов подобных исследований существенно запаздывает по сравнению с археологическими данными, материалы публикуются спорадически, небольшими сериями, что вызвано, безусловно, сложностью обработки (и интерпретации) объемных ближневосточных археобиологических коллекций. Более того, методические основы подобных исследований еще не выработаны, что существенным образом ограничивает возможности сравнительного анализа данных с различных памятников.

В лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН проводятся комплексные археобиологические исследования древней производящей экономики Северной Евразии. Многолетние сборы и исследования привели к созданию рабочих баз данных по земледелию и скотоводству, которые позволяют сейчас перейти на новый уровень обобщений и реконструировать структуру хозяйства древних народов.

Телль Хазна I стала одним из первых модельных памятников в наших исследованиях. Но полученные результаты были представлены в очень кратком, едва ли не тезисном виде (Антипина, Лебедева, 2005). Поэтому основной задачей настоящей статьи является детальный анализ происхождения и значения сельскохозяйственной продукции на Телль Хазне в рамках предложенной авторами раскопок интерпретации этого памятника. Общие характеристики археобиологических материалов уже опубликованы нами (Антипина, 2004а; Лебедева, 2004). Здесь мы будем использовать лишь данные из этих публикаций. К сожалению, пока остаются необработанными те многочисленные археоботанические материалы, что были собраны нами в 2001 г.**, а также все новые, ежегодно собираемые коллекции.

Археоботанические материалы и их характеристики

В ходе полевых работ Сирийской археологической экспедиции Института археологии РАН на Телль Хазне I в 1989 году, а также в 1997–2000 гг. участниками раскопок осуществлялся отбор проб для археоботанического анализа. Хотя эти сборы не были системными, они тем не менее охватили различные участки раскопанной площади памятника. Для нас очень важно, что объем проб всегда был примерно одинаковым и соответствовал

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 06-06-80270.

** Мы выражаем искреннюю признательность Р.М. Мунчаеву за приглашение на Телль Хазну, где эффективность нашей работы обеспечивалась теплой и дружественной атмосферой в коллективе экспедиции.

стандарту пробоотбора, принятому в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН[1]. В распоряжении авторов оказалась коллекция из 36 образцов, полученных методом флотации культурного слоя, результаты исследования которых уже полностью опубликованы (Лебедева, 2004).

В настоящей работе используются материалы из 34 образцов, относящихся к началу строительства и времени процветания храмового комплекса на Телль Хазне, а также к финальным этапам обитания на телле, т.е. преимущественно к первой половине III тысячелетия до н. э. (Мунчаев и др., 2004). К сожалению, различные стратиграфические горизонты памятника были отражены в археоботанических сборах весьма неравномерно: 17 образцов относятся к 1 ярусу, 11 — ко второму, всего один — к третьему и 5 — к четвертому. Таким образом, из ранее опубликованной коллекции мы исключили два образца, собранных в напластованиях уракского времени (ярусы 5 и 6).

Практически все наши материалы, по сути, являются мусорной составляющей культурного слоя памятника. Поскольку основным археологическим контекстом палеоботанических находок из Телль Хазны I являются золисто-углистые слои, то можно предполагать, что основная их масса сгорела либо в очагах (случайно просыпавшись при сушке, уже будучи мусором, или же как составляющая навозного топлива), либо в результате пожаров, а возможно, и религиозных процедур; нельзя исключать при этом также и чистки сгоревших зернохранилищ. В любом случае мы имеем дело со смешанными и переотложенными (возможно, и неоднократно) результатами различных видов человеческой деятельности, связанной с растениями (McCorriston, 1995. P. 37). Это основное отличие материалов флотации от «чистых» зерновых скоплений (найденных *in situ*) делает их наиболее независимым и достоверным источником для статистической обработки и дальнейших палеоэкономических реконструкций.

Ниже мы рассмотрим полученные археоботанические данные по уже отработанной авторами методической схеме (Антипина, Лебедева, 2005), с тем лишь отличием, что будем постоянно проводить сравнение с синхронными памятниками Северной Месопотамии, чтобы понять, как выделяется (или нет) Телль Хазна на их фоне. К великому сожалению (и это большая проблема археоботаники как научной дисциплины), не существует единой методики сбора образцов, их исследования и презентации конечных результатов в публикациях. Поэтому мы не всегда можем использовать при сравнительном анализе полную информацию по всем интересующим нас параметрам, которые характеризуют археоботанические коллекции каждого из памятников. Зачастую эти данные бывают сильно редуцированными для нас, поскольку публиковавший их исследователь ставил перед собой иные задачи. Тем не менее, мы включили в эту работу пять поселений, с которыми и будем сравнивать Телль Хазну: Телль Брак (Colledge, 2001), Телль Лейлан (Wetterstrom, 2003), Телль Рака'й (Van Zeist, 2003), Телль Атидж и Телль Керма (McCorriston, 1995; McCorriston, Weisbert, 2002)[2]. Из опубликованных археоботанических коллекций мы выбрали материалы только тех слоев, которые синхронизируются с Телль Хазной первой половины III тысячелетия до н. э. (т.н. период Ниневия 5). Все эти памятники расположены в бассейне реки Хабур, в зоне т.н. хабурского треугольника. По отношению к Хазне Лейлан находится в 60–70 км к северо-востоку, Керма, Рака'й, Атидж — в 25–30 км к югу (ниже г. Хассеке по течению Хабура), а Брак — в непосредственной близости, к востоку от Хазны.

1. Результативность флотации на Телль Хазне, как и на подавляющем большинстве севромесопотамских памятников, была 100-процентной. Это означает, что во всех без исключения образцах были обнаружены карбонизированные археоботанические макроостатки и, в том числе, культурные растения. По имеющейся информации, только в Телль Рака'й среди собранных образцов были отмечены пустые или слабонасыщенные растительными остатками пробы (Van Zeist, 2003.

[1] При сборе почвенных образцов на Хазне, как и во многих ближневосточных экспедициях прошлых лет, использовались замбили (резиновые корзины), размеры которых заметно различаются. Поэтому правильнее, наверное, говорить об объеме проб от 10 до 15 литров. Однако, осознавая некоторую условность, мы рассматриваем эти образцы как стандартные 10-литровые. Возможно, исследование проб из сборов 2001 года, проведенных авторами статьи по стандартной методике, уточнят и откорректируют результаты, публикуемые ниже.

[2] Из всех перечисленных здесь публикаций нами были использованы первичные археоботанические данные, которые были занесены в базу данных и пересчитаны по интересующим нас параметрам.

P. 7). В целом с Телль Хазны I получена коллекция, насчитывающая 10 671 экз. различного рода археоботанических макроостатков.

2. В структуре археоботанических макроостатков, зафиксированных в образцах из Телль Хазны, зерна и семена культурных растений[1] составляют 39% находок, отходы обмолота хлебных злаков (различного рода колосовые фрагменты) — 15%, семена сорных и дикорастущих трав — 46%. Если рассматривать эту структуру в хронологическом аспекте (рис. 1), то мы увидим, что только на ярусе 2 доля зерновых находок будет заметно превосходить остатки колоса и даже семена сорняков (57% — 15%–28%). Но и на остальных ярусах доля зерна остается все равно очень значительной (16–25%), а процент колосовых фрагментов — на удивление стабильным (15–16%).

Пожалуй, именно по структуре археоботанических макроостатков Хазна в наибольшей мере выделяется среди других поселений. Во-первых, это проявляется при рассмотрении соотношения находок зерен культурных растений и семян сорняков (рис. 2). Здесь Хазна демонстрирует самые низкие показатели после Телль Керма, коллекция которого приводится здесь исключительно в качестве фоновой[2]. Следует заметить, что семена сорных растений почти всегда доминируют в ближневосточных археоботанических коллекциях, и связано это не только с очисткой урожая от полевых сорняков, но в значительной мере с использованием навоза в качестве альтернативного древесному источника топлива (см. подробнее: Лебедева, 2004). Поэтому невысокая доля семян сорняков, в сравнении с другими памятниками, может означать ограниченное использование навозного топлива на Хазне. В таком случае мы можем предположить, что сюда не только доставлялось зерно, очищенное от сорняков, но вероятно и древесина, в том числе и для религиозных процедур и ритуальных действий (Мунчаев и др., С. 78). Трудно судить, добровольно или в административном порядке осуществлялись такие поставки, но такая гипотеза выглядит достаточно реальной для объяснения выявленного нами соотношения семян сорных и культурных растений.

Об относительной «чистоте» найденного на Хазне зерна свидетельствует и соотношение его с другой категорией археоботанических макроостатков — колосовыми фрагментами. Обилие отходов обмолота злаков в слоях археологических памятников фиксирует интенсивность и масштабы деятельности, связанной с обработкой зерна. На рис. 3 видно, что самые низкие их показатели демонстрирует Хазна и соответственно сильно превосходит все остальные памятники по доле зерна в коллекции. Даже в хранилищах Телль Керма доля зерен злаков ниже, чем отходов их обмолота. Высокий процент последних совершенно естественен, на наш взгляд, для небольших теллей Рака'й и Атидж (Керма также входит в их число), которые рассматриваются исследователями как земледельческие сельские поселения, связанные с производством и хранением зерна (Schwartz, Curves, 1992). Для городских (или в рассматриваемый период — еще протогородских) крупных центров типа Телль Брака или Телль Лейлана нормальной представляется обратная пропорция, когда зерна в коллекциях больше, чем колосовых фрагментов. Поэтому аномальной выглядит позиция, которую занимает Лейлан на нашей диаграмме. Нельзя исключать, что это может быть связано с нерепрезентативностью выборки по этому памятнику: материалы из 16 опубликованных образцов характеризуют здесь всего 43 литра промытого культурного слоя; собраны они были, правда, на различных участках (Wetterstrom, 2003. P. 388), но, как будет показано ниже, этого явно недостаточно для достоверной археоботанической характеристики такого памятника.

Таким образом, специфика структуры археоботанической коллекции с Телль Хазны I явно выделяет ее из числа рядовых маленьких теллей Северо-Восточной Сирии и, как нам кажется, может служить дополнительным аргументом, подтверждающим интерпретацию памятника в качестве храмового и административного центра (Мунчаев и др., 2004. С. 77–78).

[1] При этом не принимались в расчет неопределимые мелкодробленые (1–3 мм) фрагменты, преимущественно злаковые, идентификация и статистический учет которых невозможны из-за плохой сохранности. Более того, при обилии дикорастущих злаков в регионе (и в нашей коллекции в частности) часть подобных обломков может принадлежать последним.

[2] Поскольку почти все пробы здесь были собраны в зернохранилищах, они отражают не культурный слой поселения в целом, а очень узкий и специфический археологический контекст (McCorriston, 1995) и поэтому не могут рассматриваться по всем остальным археоботаническим параметрам. Телль Брак не внесен в эту диаграмму из-за того, что в доступной нам публикации приводятся данные только по культурным растениям.

3. Для палеоэкономических реконструкций важнейшим археоботаническим параметром является также индекс насыщенности культурного слоя древних поселений остатками культурных растений (Лебедева, 2005; Антипина, Лебедева, 2005). При стандартизированном пробоотборе (каждая проба = 10 литров) индекс вычисляется делением общего числа макроостатков этой категории на количество всех промытых образцов, включая и «пустые» пробы. Поскольку на всех рассматриваемых здесь памятниках объемы почвенных проб были различными, индексы вычислялись исходя из общего объема подвергнутых флотации образцов и приравнивания их к 10-литровому стандарту. При этом мы понимаем некоторую условность подобной процедуры.

И здесь снова Телль Хазна держит пальму первенства, демонстрируя наивысшие показатели. Насыщенность слоя остатками культурных растений составляет в среднем 169 единиц (при диапазоне от 9 до 668) на 10 литров почвы. Значения этого индекса для остальных поселений следующие: в Телль Браке — 89, в Телль Рака'й — 86, в Телль Атидже — 48. Для Телль Керма и Телль Лейлана мы не вычисляли индексы, поскольку в первом случае речь идет почти исключительно о зернохранилищах, а во втором — из-за минимального объема промытого слоя.

4. Теперь обратимся к видовому составу культурных растений, обнаруженных на Телль Хазне и в исследуемом регионе. Здесь учитывались только определимые (хотя бы до рода) зерна и семена культурных растений[1]. Палеоэтноботанический спектр (ПБС) Телль Хазны включает выборку из 3975 зерен и семян. Распределение по ярусам основных групп культурных растений фиксирует не очень значительные колебания между этими группами — в пределах 5–9%, при максимальных расхождениях между 1 и 2 ярусами (рис. 4). Все это позволяет рассматривать нам палеоэтноботанический спектр телля совокупно.

Ячмень составляет основу ПБС — 76,7% (3047 экз.). Большинство зерновок ячменя — пленчатые. Среди них встречаются как стройные симметричные зерна, так и искривленные, асимметричные. Последние свидетельствуют о присутствии многорядного ячменя *Hordeum vulgare, vulgare*. Неудовлетворительная сохранность и фрагментарность значительной доли ячменных зерен во многих образцах из Телль Хазны I не позволяют четко установить количественное соотношение между симметричными и асимметричными зерновками. Можно отметить лишь, что среди хорошо сохранившихся зерен асимметричные не доминируют, как это было бы в популяции многорядного ячменя, а составляют от 20% до 50%. Поэтому очевидно, что в нашей коллекции представлена смесь двурядных и многорядных пленчатых ячменей, при явном преобладании первых. Именно *Hordeum distichum* был основным культурным растением на большинстве поселений Северной Сирии бронзового века.

В коллекции из Телль Хазны I помимо пленчатых присутствуют и голозерные формы многорядного ячменя *Hordeum vulgare, nudum*. По своей представительности они значительно уступают пленчатым, лишь в нескольких пробах составляя от четверти до половины ячменных зерен. Подчеркнем, что и в данном случае речь идет только о зерне с более или менее удовлетворительной сохранностью. В основной же массе материала выделить голозерные формы крайне затруднительно. Голозерный ячмень традиционно считается культурой орошаемого земледелия на Востоке, тогда как пленчатые формы присущи богарному (неполивному). Нельзя исключать, что в зоне с годовым количеством осадков в 250–300 мм, где расположена Телль Хазна, голозерный ячмень мог высеваться в наиболее благоприятные годы и выращиваться без орошения. Цикличность колебаний уровня среднегодовых осадков, наблюдающаяся в наши дни (Амиров, 2000. С. 10–11), скорее всего, была хорошо известна и древним жителям. Совершенно справедливо Ш.Н. Амиров предполагает и возможность сооружения в древности небольших дамб-запруд для сбора паводковых вод, как это практикуется ныне местным населением (Там же. С. 16). Такие мероприятия не требовали столь значительных коллективных усилий, как для организации полноценной ирригационной системы, но могли весьма существенно повышать урожайность зерновых. Примечательны в этом отношении находки голозерного ячменя в неолитической Телль Букре, распола-

[1] Они представлены не только целыми экземплярами, но и определимыми фрагментами, которые были реконструированы до целых. В крупных пробах в расчет принимались только обломки нижней части зерновки с зародышем, а в образцах, где количество зерен невелико, — минимально возможное число целых экземпляров реконструировалось на основе визуального сравнения фрагментов (равно как и для бобовых культур).

гавшейся на Евфрате ниже впадения Хабура, где годовой уровень осадков составляет всего 125 мм (Van Zeist, Waterbolk-Van Rooijen, 1985. P. 142–143).

Пшеница занимает второе место по числу зерновых находок, ее доля в коллекции — 21,5%. В отличие от ячменя зерновки пшеницы в среднем имеют лучшую сохранность. По крайней мере, среди них нет сильно пористых экземпляров с нарушенным или вовсе отсутствующим покровным слоем. Пшеница представлена в материалах из Телль Хазны также несколькими видами.

Самая многочисленная в образцах — пленчатая пшеница двузернянка, или эммер, *Triticum dicoccum* (11,7%; 464 экз). Другая пленчатая пшеница — однозернянка *Triticum monococcum* обнаружена всего в шести образцах в виде единичных зерен, а чаще — фрагментов (0,4%; 15 экз.). Считается, что в Сирии в бронзовом веке она уже не играла самостоятельной роли как посевная культура, а лишь засоряла посевы двузернянки и голозерных пшениц (Van Zeist, Bakker-Heeres, 1985 (1988). P. 273). Единичные зерновки однозернянки встречаются на многих сирийских памятниках эпохи бронзы, но только в Телль Браке они составляют довольно весомую часть ПБС — около 8% из числа достоверно определенных зерен и какую-то часть из тех, что определены как однозернянка/двузернянка (11,7%)[1].

Почти так же часто, как двузернянка, фиксируются в наших образцах и голозерные пшеницы. До сих пор у палеоботаников нет уверенности, являются ли ископаемые голозерные пшеницы ближневосточного региона мягкими или твердыми (*Triticum aestivum* или *Triticum durum*). Последние наиболее приспособлены к средиземноморскому климату. Поэтому традиционно их обозначают двойным именем *Triticum durum/aestivum*, которое характеризует по сути лишь принадлежность найденных зерен к голозерным видам. Эта пшеница занимает 5,7% археоботанического спектра (235 экз.). Всего лишь в одном образце она почти в четыре раза превосходит эммер; в большинстве остальных — заметно уступает последнему. По причине плохой сохранности — главным образом, фрагментарности — часть зерен пшеницы осталась не верифицированной до вида (3,4%, или 142 экз.).

Колосовые остатки злаков встречены в большинстве образцов. Наиболее многочисленны среди них — отходы от обработки ячменя (53,5% среди этой категории находок; 861 экз.). Большая часть этих находок относится к пленчатому двурядному ячменю, достоверных колосовых фрагментов многорядного существенно меньше. По сравнению с зерновками удельный вес колосовых остатков пшеницы почти вдвое выше (41,6%). Преобладают отходы обмолота пленчатых пшениц: двузернянки и однозернянки (35%). Кроме того, в материалах Телль Хазны I было выделено около двух десятков колосовых фрагментов, позволяющих с некоторой долей уверенности верифицировать их принадлежность еще одному виду пленчатых пшениц — спельте *Triticum spelta.* (Лебедева, 2004. С. 427). Доля голозерных пшениц в колосовых материалах почти вдвое ниже, чем в зерновых, — 2,8% (44 экз.).

Бобовые растения значительно уступают злакам в своей представительности в образцах, хотя встречаются довольно часто. Их доля в коллекции всего 1,8%. Подавляющее большинство семян бобовых фрагментировано (в лучшем случае — это семядоли, но чаще — еще более мелкие обломки), поэтому примерно третью часть не удалось идентифицировать даже до рода (не включены в расчеты). Среди определимых семян самые многочисленные (54 экз.) относятся к чине *Lathyrus sativus*, 11 семян принадлежат чечевице *Lens culinaris*, единично представлены горох *cf. Pisum sativum*, вика эрвилия *Vicia ervilia* и конские бобы *Vicia fabia* (мелкосеменные формы).

Если семена, предположительно определенные нами как сафлор, действительно представляют *Carthamus tinctorius*, как предполагал Ван Цайст (с коллегами) для аналогичных находок из Селенкахие и Хамам эт-Туркмана, то это растение следует также отнести к культурным (дикорастущие формы не известны) и можно предположить, что оно выращивалось в качестве масличной культуры (семена содержат до 60% пищевого масла) или для извлечения красной краски из сухих цветков (Van Zeist, Bakker-Heeres, 1985 (1988). P. 273; Van Zeist et al., 2003. P. 69–70).

[1] Расчеты произведены авторами этой статьи на основе статистических таблиц, приведенных С. Колледж в сводном отчете по раскопкам Телль Брака в 1994–1996 гг. (Colledge, 2001). К сожалению, нам пока не доступна публикация М. Чарльза и Э. Богаард в монографическом издании раскопок этого телля (Charles, Bogaard, 2001), чтобы сравнить их с данными С. Колледж.

Почти все перечисленные здесь виды культурных растений фиксируются и на остальных поселениях, с которыми мы проводим сравнение. В этом смысле наблюдается некоторое единство, присущее всей зоне неполивного земледелия. На фоне этого сходства самой примечательной особенностью ПБС Телль Хазны следует признать разнообразие форм ячменя (пленчатые – двурядный и многорядный, а также многорядный голозерный). На других поселениях отмечается полное господство двурядного пленчатого ячменя[1] – основной культуры богарных посевов на протяжении всего бронзового века.

Некоторые различия можно наблюдать при рассмотрении уже не отдельных видов растений, а их основных групп: ячмень, пшеницы и бобовые (рис. 5). При всем сходстве в иерархии этих групп (исключая Телль Лейлан[2]) нетрудно заметить, что доля ячменя на рядовых земледельческих поселениях (Рака и Аттидж) существенно выше (а пшеницы – ниже), чем на более крупных (Брак и Лейлан). Хазна занимает некое промежуточное положение между ними. С одной стороны, это может маркировать большую социальную значимость в ряду небольшого размера памятников, явно выделяя Хазну среди них. В соответствии с этим высокий процент пшеницы на Хазне, в Браке и Лейлане также подчеркивает «элитный» характер структуры зернового потребления. И напротив, завышенные по сравнению с более крупными поселениями той эпохи показатели доли ячменя на Хазне могут подчеркивать ее статусное положение как храмового комплекса, с присущими ему административно-распределительными функциями.

5. Последний археоботанический параметр связан с оценкой исследованной выборки в качестве репрезентативной для каких-либо заключений экономического характера. Далеко не всегда объем археоботанической коллекции (в абсолютных показателях макроостатков) может гарантировать ее представительность для достоверных выводов. Поэтому нами было введено понятие стабильности (или устойчивости) палеоэтноботанического спектра. ПБС может считаться стабильным, если в нем при регулярном пополнении коллекции новыми образцами не изменяется иерархия культурных растений и долевой сегмент, который они занимают в спектре. Равным образом, удаление любых образцов из ПБС не должно приводить к изменению процентных показателей сельскохозяйственных культур в рамках, превышающих возможную статистическую погрешность (Антипина, Лебедева, 2005).

Из рассмотренных выше памятников стабильными мы можем признать спектры Хазны, Брака и Рака'й. ПБС Атиджа относятся пока к категории условно стабильных (возможны колебания по основным культурам на 10–12%), что связано, наиболее вероятно, с небольшим числом исследованных образцов. Для Лейлана определить этот параметр практически невозможно, т.к. в публикации образцы представлены не порознь, а сгруппированы по стратиграфическим фазам. Все это позволяет считать, что большинство использованных нами материалов в целом репрезентативно и пригодно для палеоэкономических реконструкций.

Археозоологические материалы и их характеристики

Сборы остеологических материалов в 1995–2001 гг. привели к появлению относительно многочисленной коллекции общим объемом около 2200 единиц, подавляющее большинство которых относится к первой половине III тысячелетия до н. э. Изучение коллекции осуществлялось по методической схеме, успешно применяющейся в ИА РАН в течение последних 15 лет. Кроме общепринятых в археозоологии видовых определений, регистрации половозрастных и размерных характеристик животных, она включает менее известные методы фиксации: естественную сохранность костных остатков, наличие на костях следов искусственного воздействия (разрубы, разломы, надрезы, погрызы собаками, грызунами, обожженность огнем и т.п.), патологий и индивидуальных особенностей (Антипина, 2004б). В результате определения таксономической принадлежности остатков оказалось, что поч-

[1] Только для Телль Брака мы не имеем более точной информации: в сводных таблицах весь ячмень идет под именем *Hordeum sativum.*

[2] Археоботанический спектр Телль Лейлана настолько отличается от всех рассматриваемых здесь (рис. 4) и многих других сирийских памятников бронзового века, что вновь мы можем предполагать нерепрезентативность полученной выборки для периода III. Впрочем, возможно, здесь сказываются и лучшие климатические условия, т.к. памятник расположен в зоне, где среднегодовое количество осадков составляет 400–450 мм.

ти все они представлены костями млекопитающих. Среди последних до видового и родового уровня были идентифицированы 72% фрагментов (Антипина, 2004а). Именно они и стали основой данного исследования и будут охарактеризованы ниже пятью индикаторными параметрами (Антипина, Лебедева, 2005).

1. Коллекции костей животных из поселений Северной Месопотамии III тысячелетия до н. э. характеризуются, как правило, незначительным количеством. На ряде теллей бассейна реки Хабур, для которых имеются доступные нам хронологически близкие остеологические данные, кости хозяйственно значимых млекопитающих насчитывают от несколько десятков до сотен единиц. Например, наиболее значительной из них оказалась выборка из раннединастических слоев Телля Бейдар, включавшая 740 костей (Van Neer, 2000). На таком фоне наши материалы выглядят более представительными. Малые объемы из синхронных поселений в непосредственной близости от Хазны, наряду с различиями в методических подходах к их обработке, ограничивают возможности проведения корректного сравнительного анализа. Однако подчеркнем, что насыщенность культурного слоя остеологическими остатками отражает масштабы потребления мяса на поселениях. И в этом плане очевидно, что мясная пища не была доминирующей в пищевом рационе обитателей Хазны, как и на большинстве поселений бронзового века в Северной Месопотамии.

2. Основной методической проблемой видовой идентификации костного материала, с которой сталкивается любой исследователь памятников Ближнего Востока, является разделение домашних и диких форм для одомашненных в древности животных. К моменту появления и функционирования Телль Хазны I (IV–III тысячелетия до н. э.) по остеологическим коллекциям уже достоверно фиксируются яркие последствия этого процесса в виде существенного измельчания домашних животных в сравнении с дикими предками (Bökönyi, 1969). Именно это обстоятельство упростило верификацию домашних или диких форм указанных видов на изучаемом памятнике.

Все кости свиньи в наших материалах отнесены к домашней форме Sus forma domestica, потому что они имеют чрезвычайно мелкие размеры, и вопрос о присутствии дикой формы просто не встает. Мелкими размерами характеризуются остатки и самцов, и самок свиней, фрагменты клыков которых обнаружены в коллекции. Кости представителей крупных бычьих Bovinae по небольшим размерам их скелетов и остеофитам на фалангах, характерным для тягловых животных, определены как крупный рогатый скот (КРС) Bos taurus. А среди костей мелкого рогатого скота (МРС) Ovis aries/Capra hircus, напротив, оказалась очень крупная лучевая кость от животного из рода овец Ovis, размеры которой превысили соответствующие параметры домашних овец в изучаемой коллекции. Эта кость была предположительно идентифицирована как принадлежащая дикой форме (Антипина, 2004а).

Выявленные на Телль Хазне I остатки лошадиных — эквид Equidae показали достоверное присутствие только двух форм: дикой — кулана, или онагра, Equus hemionus, и домашней — мелкого осла Equus asinus. Костей настоящей лошади Equus caballus в материале не обнаружено.

Все кости газели — джейрана Gazella subgutturosa — отнесены к диким животным, хотя в научной литературе имеются указания на вероятность доместикации газели в древности на Ближнем Востоке (Legge, 1972). Основой для подобных предположений стали древние египетские и переднеазиатские рельефы с изображениями групп газелей. Однако поведенческие особенности этого копытного заставляют сомневаться в правильности интерпретации таких изображений газелей, как стад домашних животных. Сходные сомнения и дискуссия по этому вопросу уже давно опубликованы в специальных археозоологических статьях (Clutton-Brock, 1978).

В соответствии с такой идентификацией в коллекции из Телль Хазны I оказались представленными остатки практически всех семи видов животных, одомашненных в ближневосточном регионе к III тысячелетию до н. э., — козы, овцы, крупного рогатого скота, свиньи, осла, собаки и верблюда (Reed, 1960; Green, 1980), и четырех видов диких животных. Кости диких животных составляют около 10% от определимых до вида остатков млекопитающих. Вместе с тем два вида диких копытных — кулан и джейран, наряду с тремя сельскохозяйственными видами — свиньей, крупным рогатым скотом и мелким рогатым скотом, оказались наиболее многочисленными в коллекции. Эти пять видов составили выборку объемом около 1500 фрагментов, или 95% от определимых остатков млекопитающих. Остеологический спектр по этой выборке дает наиболее значимую археозоологическую информацию.

3. Остеологический спектр указанных видов для всей коллекции раскрывает следующую иерархию (по убыванию): свинья (32%), МРС – овца/коза (30%), КРС (27%), джейран (7%) и онагр (4%). Кости этих животных, на первый взгляд, распределены по культурным напластованиям Хазны достаточно равномерно. Однако сравнение материалов по хронологическим ярусам показывает несколько иную картину (рис. 6). Данные по ярусу 2 резко выделяются значительной долей костей свиньи (около 44%). Различия же по другим видам не достигают 10%, т.е. не превышают уровень, характеризующий ошибку метода идентификации археозоологического материала. К сожалению, мы не можем ответить на вопрос, насколько достоверны эти различия. Прежде всего это связано с трудностями точной привязки археобиологических материалов к той или иной стратиграфической единице на таких сложных памятниках, как телли, что всегда оставляет сомнения в правильности выделенных выборок. На облик спектров также существенным образом влияют количественные объемы получаемых выборок: при небольшом числе остеологических единиц повышается роль случайных факторов в формировании соотношения видов. И наконец, различия в спектрах могут отражать смешение остеологических материалов разных категорий – например, кухонных и ритуальных. Последний фактор мы попытались исследовать для Хазны более детально. Однако в любом случае в остеологических спектрах Телль Хазны три вида домашних копытных обнаруживают безусловное количественное превосходство и поразительно сходные доли по ярусам.

Изучение разрозненных костей указанных пяти видов копытных показало, что большая их часть является, несомненно, кухонными остатками. На 40% костных фрагментов фиксируются все типичные для такой категории материалов характеристики: средняя степень раздробленности костей, наличие следов кухонной разделки туш и срезания мяса, а также следы погрызов собаками. На первом месте среди таких следов оказались именно погрызы костей собаками (65% от числа костей со следами искусственного воздействия: Антипина, 2004а). Следов кухонной разделки туш обнаружено меньше – всего около 13%, однако они оказываются поразительно сходными на костях разных видов животных. Реконструируемая по ним схема разделки туши овцы, когда позвонки перерубаются вдоль и поперек, ребра – поперек и на несколько частей, кости конечностей – только посередине, а череп рассекается поперек по мозговой коробке, наблюдается и в настоящее время на Ближнем Востоке и Кавказе. К категории кухонных остатков также можно отнести и немногочисленные сочленявшиеся между собой кости КРС, овец/коз и джейрана, маркирующие разделку передних и задних окороков или грудинки.

Интерпретация остальных следов менее очевидна. Так, около 19% от числа костей всех пяти видов со следами искусственного воздействия были либо частично, либо полностью сожженными. Это могло происходить и в процессе приготовления пищи, и при ритуальных манипуляциях с костями. Кроме того, в небольшом количестве обнаружены остатки сочленяющихся костей свиней, которые происходят от целых тушек молочных поросят без следов их кухонной разделки. Обнаружены также суставы от дистальных частей конечностей коров и онагра, на которых нет мяса. Они могли быть и отходами от кухонной разделки туш, и ритуальными объектами. И наконец, на астрагалах КРС, свиньи и джейрана обнаружены насечки от лезвия ножа, оставленные в процессе вычленения целой этой кости из сустава. Опять же такие следы могли возникнуть при срезании мяса, и тогда они могут считаться следами кухонной разделки, или они появлялись на астрагалах при намеренном вычленении их из конечности как ритуальных объектов. Ритуальные манипуляции с костями отражены даже в анатомическом составе костей джейрана: треть всех костей этого вида составляют рога и метаподиальные кости самцов. При этом на метаподиальных костях зафиксированы следы работы тонким лезвием, в виде подрезки и насечек, а на остатках костных стержнях рогов – глубокие пропилы. Необходимо обратить также особое внимание на довольно многочисленные костяные изделия, обнаруженные на Хазне, хотя следы их изготовления по нашим материалам не фиксируются. Основная часть этих изделий представляет собой так называемые «проколки» из локтевых костей овец, коз и джейранов. Однако их функциональное назначение до сих пор не имеет однозначного определения. Их форма противоречит утилитарному использованию как прокалывающих кожу инструментов, что оставляет возможность рассматривать их в качестве ритуальных предметов.

Таким образом, изучение следов на разрозненных костях показывает, что мясо всех пяти видов копытных животных было включено в обычный рацион обитателей Хазны. Одновременно все эти виды — и прежде всего свинья, онагр и джейран — могли выступать и как жертвенные животные. К сожалению, по разрозненным материалам из культурного слоя достоверно разграничить такие разные категории остатков оказалось невозможным. Вместе с тем, даже если в этих материалах присутствуют кости жертвенных животных и остатки ритуальной пищи, они не могут изменить структуру мясного рациона обитателей Хазны. В явном виде жертвенные комплексы были зафиксированы археологами дважды: ниже фундамента башни № 37 (Мунчаев и др., 2004. С. 32–33, рис. 1) и в крупной яме, обнаруженной при раскопках 2001 года. В первом случае жертвоприношение было определено нами по фотографии[1] как остатки двух скелетов средних копытных, а во втором — были идентифицированы скелеты двух молочных поросят.

Невозможность достоверно разграничить остатки ритуальной и обычной мясной пищи затрудняет сравнение полученного для Хазны остеологического спектра с материалами из других памятников. Однако мы все же провели такое сравнение, понимая, что и на других поселениях, как правило, остатки ритуальной и обыденной мясной пищи остаются не разграниченными. К сожалению, нам не удалось воспользоваться остеологическими данными по тем же поселениям, для которых был проведен сравнительный анализ археоботанических коллекций[2]. Мы располагаем лишь результатами изучения костей сельскохозяйственных животных из одного памятника северной степи «хабурского треугольника», где расположена и сама Хазна. Это коллекция из раннединастических слоев Бейдара — протогородского центра в 30 км западнее Хазны (Van Neer, De Cupere, 2000). Привлечена также фаунистическая информация по поселению Бдери — крупному центру середины III тысячелетия до н. э., расположенному в 40 км к югу от Хазны рядом с небольшими сельскими поселениями, по которым как раз и анализируются археоботанические данные. Несмотря на более поздний хронологический период формирования археозоологической коллекции Бдери, она характеризует местные скотоводческие традиции, сохраняющиеся в регионе на протяжении тысячелетий (Zeder, Arter, 1990). И наконец, мы включили в сравнительный анализ сведения о сельскохозяйственных животных из протогородских центров, расположенных уже в других экологических условиях месопотамской степи: Ум-эль-Марра — примерно в 300 км к юго-западу и Лейлан — в 60–70 км к северо-востоку от Хазны. Эти коллекции относятся к близким хронологическим периодам 2700–2300 гг. до н. э. (Schwartz et al., 2000) и 2600–2400 гг. до н. э. (Weiss et al., 1993).

Остеологические спектры трех памятников — Бейдара, Бдери и Ум-эль-Марра — обнаруживают значительное сходство между собой по иерархии сельскохозяйственных видов копытных животных и доминирующей доли MPC (рис. 7). На этом фоне выборка Хазны резко выделяется повышенной долей костей свиньи и соответственно противоположной иерархией видов в спектре, демонстрируя при этом поразительное сходство с материалами из далекого и в территориальном, и в хронологическом отношении протогородского центра Лейлан.

Хотя остеологические спектры являются лишь первой, но базовой ступенью в изучении археозоологических материалов, они сразу же выделяют Телль Хазну среди прочих памятников.

4. Следующим и обязательным шагом в археозоологическом исследовании являются подсчеты мясного потребления. Они меняют представление о значении видов, которое создается по остеологическим спектрам. Так, на Телль Хазне I первое место в питании населения занимала не свинина, как можно предполагать по количеству костей, а говядина. Объемы ее потребления в три раза превышали совокупный объем мяса всех остальных копытных животных. Напомним, что расчеты потребления мяса разных видов строятся на определении весовых показателей туш этих животных. По

[1] Остатки скелетов этих животных, к сожалению, были безвозвратно утеряны.

[2] Остеологические материалы по сельским поселениям, также как и отдельная публикация фаунистических коллекций по Лейлану, оказались нам недоступны. По последнему памятнику мы смогли использовать только краткую информацию о сельскохозяйственных видах из статьи Х. Вайса с коллегами (Weiss et al., 1993). Более того, мы не смогли пока получить очень важную для нас археозоологическую информацию по Телль Браку, которая уже опубликована (Dobney, Jaques, Van Neer, 2003).

промерам костей на Хазне экстраполированы следующие показатели веса животных: для коров и быков – от 150 до 250 кг (средний вес 200 кг), для свиней, овец и коз – от 30 до 50 кг (средний вес 40 кг), для онагра – от 100 до 150 кг (средний вес 120 кг) и для джейрана – средний вес 20 кг (Антипина, 2004а). Если принять вес овцы/козы или свиньи за единицу, то кратность веса одной туши животных другого вида к этой точке отсчета будет: для крупного рогатого скота – 5, для онагра – 3, а для джейрана – 0,5. Умножая долю этих видов в остеологическом спектре на кратность их веса по отношению к весу, принятому за единицу, получим соотношение неких условных объемов мясного потребления. Выраженные в процентах, эти объемы можно назвать спектром мясного потребления. Такие расчеты потребления мяса относятся к взрослым особям, достигшим указанного выше усредненного расчетного веса. Однако проведенный анализ возрастной структуры остатков КРС и МРС показал, что именно взрослые особи были съедены на Телль Хазне I. В то же время среди свиней было не менее 8% молочных поросят (Антипина, 2004а). Естественно, что это должно внести некоторую поправку в подсчеты и поставить мясо МРС (козлятину и баранину) по его значению на второе место после говядины в рационе. Итак, жители Хазны потребляли прежде всего говядину и в меньших объемах мясо мелкого рогатого скота и свинину. На таком фоне объемами потребления мяса диких копытных можно пренебречь.

Соотношение в рационе мяса сельскохозяйственных копытных, зафиксированное на Хазне, совершенно не типично для большинства сельских поселений Северной Месопотамии. Засушливые степи и в III тысячелетии до н. э. благоприятствовали разведению здесь лишь овец и коз, что и было наиболее рентабельным направлением местного скотоводства. В таких экологических условиях особенности мясного рациона на Хазне, несомненно, маркируют некий особый статус обитателей этого телля.

Мы проделали аналогичные расчеты мясного потребления по остеологическим спектрам сельскохозяйственных животных для остальных рассматриваемых здесь памятников (рис. 8). Понимая всю условность этих подсчетов, нельзя не заметить, что сходство Хазны с протогородами по спектру мясного потребления становится еще более очевидным. Потребление говядины в них составляет не менее половины мясного рациона. Эта необычная характеристика Хазны подчеркивается и спектром мясного потребления, полученным для крупного центра Бдери, который как раз достаточно точно отражает потребление мясных продуктов традиционного скотоводства засушливых степей Ближнего Востока.

5. Возрастная структура забитых на мясо сельскохозяйственных животных характеризует интенсивность изъятия особей того или иного возраста из стада и возможность его воспроизводства в рамках отдельного хозяйства. Она указывает также на вероятные формы прижизненной эксплуатации домашних животных.

Возраст забитых на Хазне сельскохозяйственных животных свидетельствует об использовании в пищу говядины преимущественно от взрослых и старых коров и быков, уже потерявших хозяйственную ценность (рис. 9). Баранина и козлятина также в основном включала мясо взрослых и старых животных. А вот возраст основной массы забитых свиней был существенно моложе и составлял 1–1,5 года, хотя в этом возрасте свиньи считаются уже вполне взрослыми животными. Подчеркнем, что такая структура забоя, как правило, является следствием разведения и сохранения в собственном хозяйстве максимального числа животных для получения от них прижизненных продуктов – молока и шерсти, а также использования их как тяглового скота. Более того, при такой стратегии потребления скотоводческой продукции коровы, овцы и козы, составляя маточное стадо, обеспечивают устойчивое собственное воспроизводство в рамках одного хозяйства.

Обсуждение

Представленные выше археобиологические материалы, несомненно, показывают, что земледельческая продукция доминировала на Телль Хазне I, тогда как продукты скотоводства были представлены в незначительном количестве. Подобная ситуация не является уникальной и характерна для подавляющего большинства ближневосточных памятников. Вопрос о происхождении сельскохозяйственной продукции детально, как правило, не обсуждается в литературе. Отчасти это связано с трудностями выделения составляющей собственного сельскохозяйственного производства и продуктов, привнесенных на поселение извне.

Если бы нам пришлось заниматься изучением материалов с Телль Хазны «вслепую», без какой-либо информации как о самом памятнике, так и о его соседях по региону, то комплексный анализ полученных археоботанических и археозоологических данных привел бы нас к следующей модели. Мы реконструировали бы типичное аграрное поселение, где земледельческая отрасль в сравнении со скотоводством явно доминировала бы и определяла структуру экономики. Однако мы всегда подчеркивали важность археологической составляющей в палеоэкономическом моделировании (Антипина, Лебедева, 2005. С. 76–78). Без учета археологической специфики, функционального назначения поселения любая модель может оказаться несостоятельной при более тщательном исследовании. Поэтому в этой статье мы постарались рассмотреть разнообразные варианты интерпретации археоботанических и археозоологических данных с Телль Хазны I и продемонстрировать их отличие от материалов синхронных памятников Северной Месопотамии, занимающих различные иерархические позиции в экономической структуре региона.

Справедливо считается, что археоботанические материалы небольших поселений вероятнее всего отражают местное земледельческое производство. Археоботаническая выборка с Телль Хазны уже по своей структуре заметно отличается от коллекций с памятников, интерпретируемых в качестве сельских. Прежде всего это проявляется в высокой концентрации зерна по отношению к другим категориям макроостатков (колосовым и сорным), маркирующим обработку урожая на поселении и использование навозного топлива (рис. 2–3). Можно предположить, что процессы домашней обработки зерна осуществлялись здесь в незначительном объеме, что согласуется с археологическими данными об ограниченности и невыразительности рядовой жилой застройки на Хазне (Мунчаев и др., 2004. С. 77). В этой связи совершенно естественным выглядит и более скромное, чем на других поселениях, использование навоза в качестве топлива в бытовых целях; а высказанное выше предположение о поставках древесины для ритуальных действий получает дополнительное логическое обоснование.

Далее. Видовой спектр культурных растений выделяется на Телль Хазне большим разнообразием, в первую очередь за счет различных видов представленного здесь ячменя. Последнее с равной вероятностью может отражать либо внешние поставки, поскольку на большинстве окружающих Хазну памятников фиксируется, как правило, один вид этой культуры, либо специальное возделывание нетрадиционных культур на храмовых землях.

Напомним, что по доле ячменя в спектрах всех рассматриваемых памятников Хазна занимает промежуточную позицию: его здесь меньше, чем на небольших поселениях — основных производителях земледельческой продукции, но больше, чем на крупных теллях. Ячмень являлся основным мерилом ценностей на Ближнем Востоке в древности, и значительная его масса концентрировалась часто именно в храмах, которые одновременно являлись и административными центрами с присущими им функциями распределения. Насколько можно судить, и Брак и Лейлан, привлекавшиеся нами для сравнения, становятся урбанистическими центрами региона лишь во второй половине III — начале II тысячелетия до н. э. (Weiss et al., 1993), то есть уже после того, как культовый центр на Телль Хазне прекращает свое существование.

Скотоводческая продукция, как показали археозоологические материалы, была представлена на Хазне в виде мяса различных животных, которое составляло обычный рацион обитателей телля. Однако этот рацион резко отличался от структуры мясного потребления, зафиксированной для большинства сельских поселений засушливой степи Северной Месопотамии. На них именно мелкий рогатый скот был главным объектом скотоводства и основной мясной пищей. В противоположность этому для крупных центров протогородского типа реконструируются значительные объемы потребления говядины, что, несомненно, отражает их особый статус в экономической структуре региона. Спектр мясного потребления на Хазне сближает ее с подобного типа памятниками: здесь также фиксируется преобладание говядины, которое сопровождается меньшим, но стабильным употреблением баранины и свинины.

Подобная структура мясного потребления невозможна на сельском поселении Северной Месопотамии. Поголовье крупного рогатого скота в этом регионе всегда было незначительным из-за трудностей и нерентабельности содержания этого вида в засушливых степях. Его разведение здесь в первую очередь было обусловлено потребностями земледелия. Поэтому даже если жители небольших поселков и содержали некоторое количество коров и бы-

ков, то главным образом как тягловый скот и для получения молока. И только лишь мясо выбракованных по возрасту животных поступало, наиболее вероятно, на городской рынок.

Таким образом, только при интерпретации Телль Хазны как культово-административного центра можно принять реконструкцию существования здесь небольшого скотоводческого хозяйства с преобладанием поголовья крупного рогатого скота и молочным направлением его эксплуатации, которую диктует нам археозоологический материал. В то же время археоботанические данные позволяют говорить как о существовании собственного (храмового) земледельческого хозяйства, так и о внешних зерновых поставках.

* * *

Опыт работы с археобиологическими материалами с Телль Хазны показывает, что интерпретация полученных данных может быть неоднозначной. Именно поэтому ее анализ должен проводиться в определенных рамках в соответствии с археологическим контекстом. Последний должен не просто учитываться, а направлять нашу интерпретацию, получая при этом подтверждение. Таким образом осуществляется «обратная связь», которая корректирует как исходную археологическую реконструкцию, так и археобиологические выводы. Перечисленные здесь особенности археобиологических материалов с Телль Хазны подтверждают нестандартность данного поселения и, с нашей точки зрения, полностью соответствуют археологической интерпретации памятника в качестве храмового и административного комплекса. В нашей практике имеются примеры, когда независимые археологические построения не выдержали проверки естественнонаучными методами (Антипина, Моралес, 2006).

ЛИТЕРАТУРА

Амиров Ш.Н., 2000. Природная среда верховьев Хабура // РА. № 3. С. 5–17.

Антипина Е.Е., 2004а. Археозоологические материалы из Телль Хазны I // *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М. С. 463–473.

Антипина Е.Е., 2004б. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М. С. 7–33.

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., 2005. Опыт комплексных археобиологических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. № 4. С. 70–78.

Антипина Е.Е., Моралес А., 2006. Археозоологический подход к изучению устройства общества: кости животных из двух поселений горняков и металлургов восточной и западной окраин Европы // Археология, этнология и антропология Евразии. № 3. Новосибирск. С. 67–81.

Лебедева Е.Ю., 2004. Палеоэтноботанические материалы из Телль Хазны I: новые данные по истории земледелия в Северной Сирии // *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М. С. 425–440.

Лебедева Е.Ю., 2005. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. № 4. М. С. 50–68.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н., 2004. Телль Хазна I. Культово-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Bökönyi S., 1969. Archaeological problems and methods of recognizing animal domestication // The domestication and Exploitation of plants and Animals / P.J. Ucko, G.W. Dimbleby (eds.). London. P. 219–229.

Charles M., Bogaard A., 2001. Third-millennium BC Charred Plant Remains from Tell Brak // *Oates D.J., Oates J., McDonald H.* Excavations at Tell Brak. Vol. 2: British School of Archaeology in Iraq. London. P. 301–326.

Clutton-Brock J., 1978. Bones for the zoologist // Approaches to Faunal Analysis in the Middle East / Meadow R.H., Zeder M.A. (eds.). Cambridge (Mass.) P. 49–51. (Peabody Museum Bulletin, Harvard University; N 2).

Colledge S., 2001. Final Report on the Archaeobotanical Analyses // *Matthews R.J., Postgate J.N.* Contextual analysis of the use of space at two Near Eastern Bronze Age sites // http://ads.ahds.ac.uk/catalogue/projArch/TellBrak/downloads.cfm#tbExc.

Dobney K., Jaques D., Van Neer W., 2003. Diet, economy and status: Evidence from the animal bones // Excavations at Tell Brak / Matthews R. (ed.).

Green M.W., 1980. Animal husbandry at Uruk in archaic period // Journal of Near Eastern Studies. 39. Chicago. P. 1–19.

Legge A.J., 1972. Prehistoric exploitation of the gazelle in Palestine // Papers in Economic Prehistory / E.S. Higgs (eds.). 1. Cambridge. P. 119–124.

McCorriston J., 1995. Preliminary Archaeobotanical Analysis in the Middle Habur Valley, Syria and Sudies of Socioeconomic Change in the Early Third Millennium BC // Bulletin of the Canadian Society for Mesopotamian Studies. 29. P. 33–46.

McCorriston J., Weisbert S., 2002. Spatial and Temporal Variation in Mesopotamian Agricultural Practices in the Khabur Basin, Syrian Jazira // Journal of Archaeological Science. 29. P. 485–498.

Reed C.A., 1960. A review on the archaeological evidence on animal domestication in the prehistoric Near East. // *Braidwood R.J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago. P. 119–145. (Studies in ancient oriental civilizations; 31).

Schwartz G.M., Curves H.H., 1992. Tell Raqa'I 1989 and 1990: Further Investigations at a small rural site of early urban northern Mesopotamia // American Journal of archaeology. Vol. 96, N 3. P. 397–419.

Schwartz G., Curvers H., Gerritsen F., MacCormack J., Miller N., Weber J., 2000. Excavation and Survey in the Jabbul Plain: The Umm el-Marra Project 1996–1997 // American Journal of Archaeology. Vol. 104. P. 419–462.

Van Neer W., De Cupere B., 2000. Faunal remains from Tell Beydar: (excavation seasons 1992–1996 and 1997 partim) // Technical and Environmental Studies / K. Van Lerberghe., G. Voet (eds.). Turnhout. P. 53.

Van Zeist W., 2003. The Plant Husbandry of Tell al Raqa'i // Reports on Archaeobotanical Studies in the Old World / edited by W. van Zeist. Groningen. P. 7–31.

Van Zeist W., Bakker-Heeres J.A.H., 1985 (1988). Archaeobotanical studies in the Levant. 4: Bronze Age on the North Syrian Euphrates // Palaeohistoria. 27. P. 247–316.

Van Zeist W., Waterbolk-Van Rooijen W., 1985. Palaeobotany of Tell Bouqras, Eastern Syria // Paléorient. Vol. 11, N 2. P. 131–147.

Van Zeist W., Waterbolk-Van Rooijen W., Palfenier-Vegter R.M., de Roller G.J., 2003. Plant cultivation at Tell Hammam et-Turkman // Reports on Archaeobotanical Studies in the Old World / ed. by W. van Zeist. Groningen. P. 7–31.

Weiss H., Courty M.A., Wellerstrom W., Guichard F., Senior L., Meadow R., Currow A., 1993. The genesis and collapse of Third Millennium north Mesopotamian Civilization // Science. 291. P. 995–1088.

Wetterstrom W., 2003. Ninevite 5 Period Agriculture at Tell Leilan: Preliminary Result // The Origins of North Mesopotamian Civilization: Ninevite 5 chronology, economy, society / E. Rova, H. Weiss (eds.). Brussels. P. 387–400.

Zeder M., Arter S., 1990. Animal utilization in Khabur Basin from the 8-th to the 2-nd millenium B.C. // Preliminary report on the Joint American-Danish Archaeological Sampling of Sites in the Khabur Basi / ed. by F. Hole. P. 16–21.

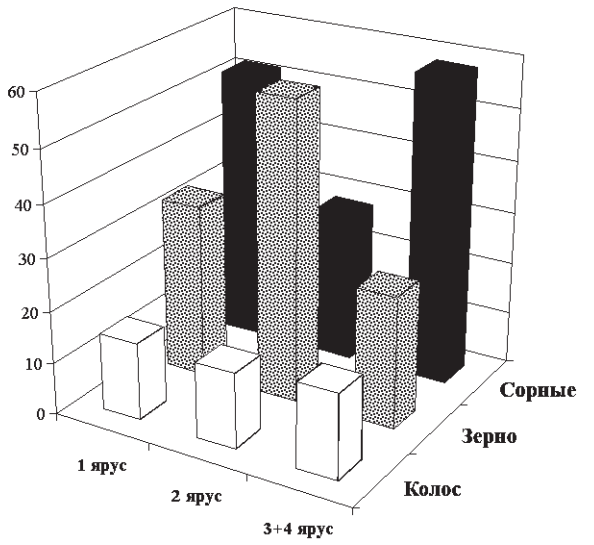

Рис. 1. Телль Хазна I. Структура археоботанических выборок по ярусам

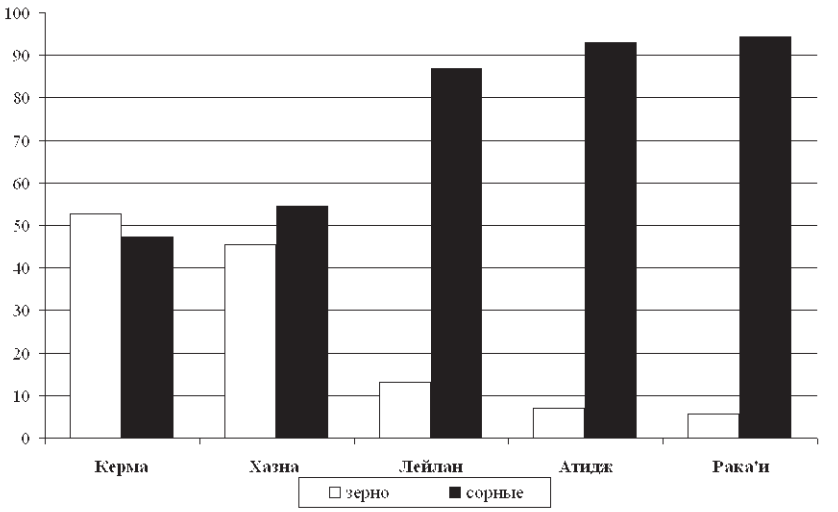

Рис. 2. Соотношение зерна и семян сорняков в структуре археоботанических коллекций памятников Северной Месопотамии

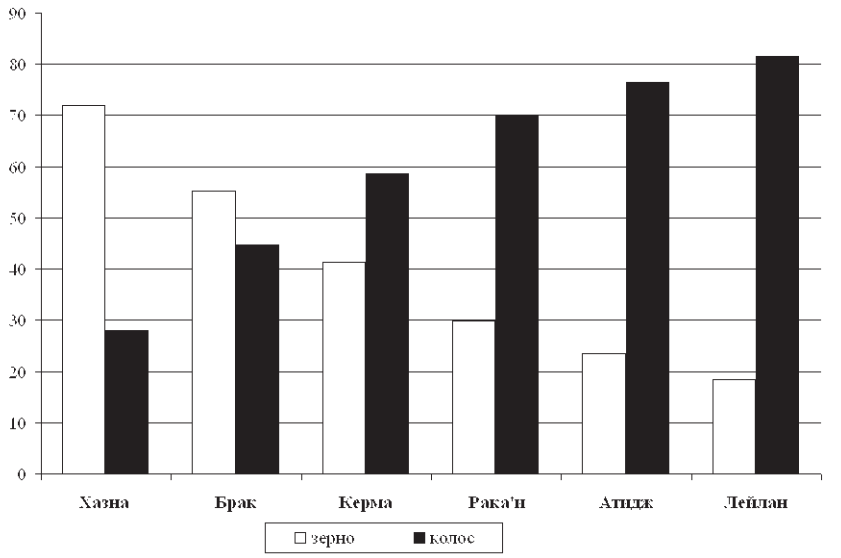

Рис. 3. Соотношение зерна и колосовых фрагментов в структуре археоботанических коллекций памятников Северной Месопотамии

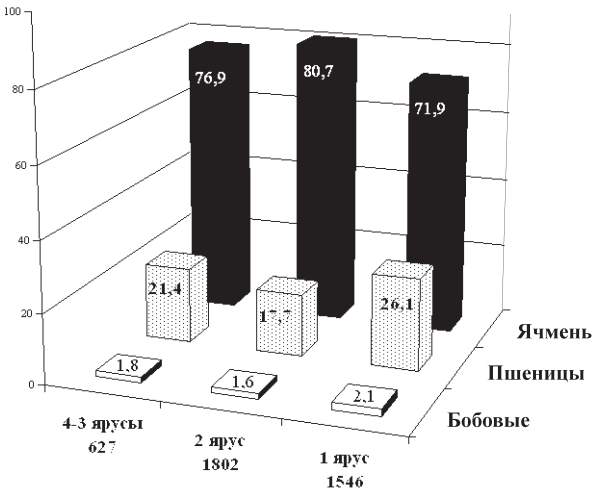

Рис. 4. Телль Хазна I. Распределение основных групп культурных растений по ярусам. (*Примечание:* цифры рядом с названием яруса обозначают объем археоботанической выборки)

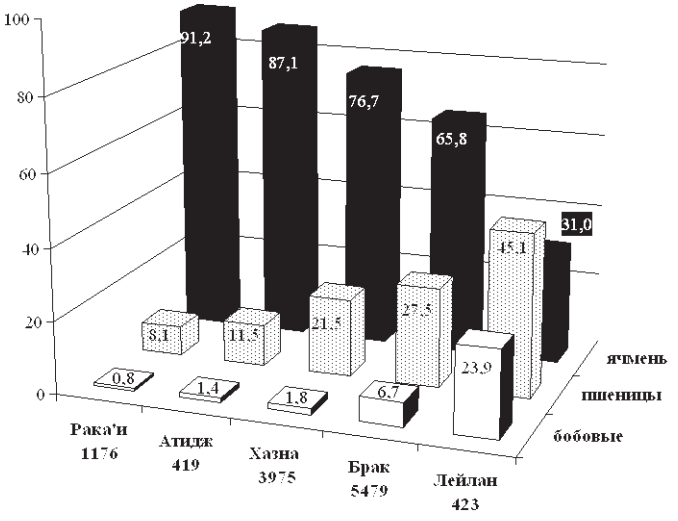

Рис. 5. Основные группы культурных растений на памятниках Северной Месопотамии. (*Примечание:* цифры рядом с названием памятника обозначают объем археоботанической выборки)

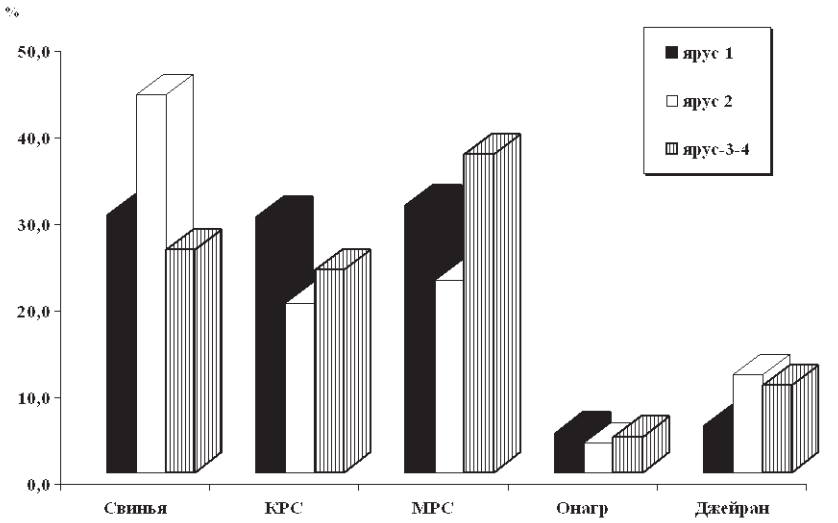

Рис. 6. Остеологические спектры пяти видов копытных животных на Телль Хазне I (*Примечание:* Коллекция из раскопок 1995–2001 гг.)

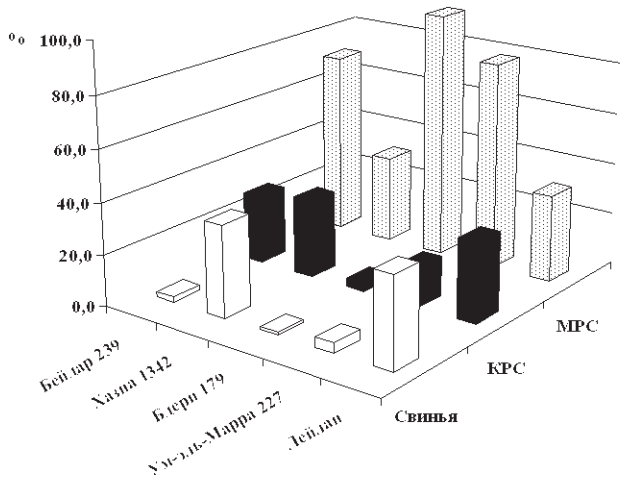

Рис. 7. Остеологические спектры сельскохозяйственных животных на поселениях Северной Месопотамии. (*Примечание:* после названий памятников приведен объем выборки костей этих видов; для Лейлана объем выборки неизвестен)

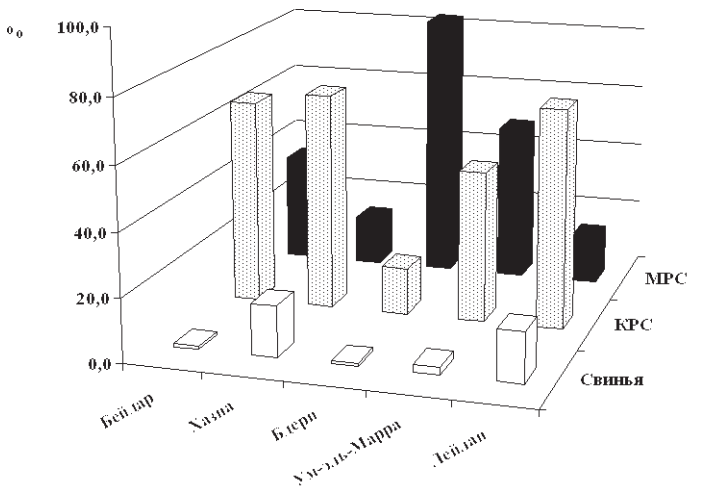

Рис. 8. Спектры потребления мяса сельскохозяйственных животных на поселениях Северной Месопотамии

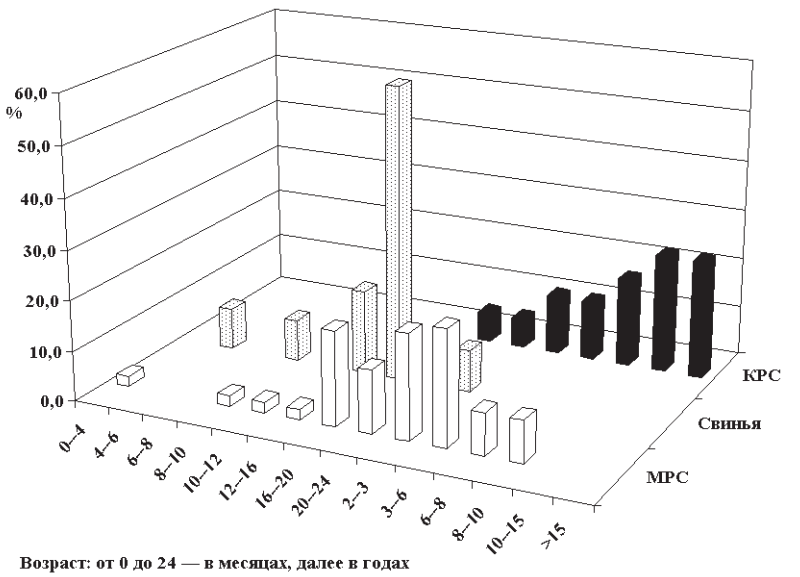

Рис. 9. Возрастная структура забоя сельскохозяйственных животных на Телль Хазне I

Г.М.Бонгард-Левин, В.А.Гаибов, Г.А.Кошеленко

МАТЕРИАЛЫ НУМИЗМАТИКИ О РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ В ГРЕКО-БАКТРИИ*

Самым важным событием в истории археологического изучения Афганистана в прошлом столетии стало открытие и исследование городища Ай-Ханум – первого бесспорно греческого эллинистического города в Бактрии и вообще в среднеазиатском регионе. Молодые археологи, очевидно, не знают, что к этому открытию был причастен и Р.М. Мунчаев, который принимал непосредственное участие в первом сезоне раскопок на этом прославленном памятнике, исследуя главное сооружение города – царский дворец.

И сама страна, и ее памятники произвели огромное впечатление на тогда молодого археолога, и он уже не утрачивал глубокого интереса к истории и культуре Афганистана, особенно к Ай-Ханум. С руководителем раскопок этого города известным французским археологом П. Бернаром (ныне иностранным членом РАН) его связала дружба на многие годы. Р.М. Мунчаев продолжал следить за раскопками в Афганистане, откликаясь на наиболее интересные публикации своими рецензиями. Когда пришла пора создавать Советско-Афганскую экспедицию, Р.М. Мунчаев – тогда уже заместитель директора Института археологии АН СССР – активно продвигал этот проект, а позднее, когда экспедиция начала работать, всемерно помогал ей, в том числе и в самые трудные для нее времена.

Все эти обстоятельства побудили авторов выбрать для юбилейного сборника в честь Р.М. Мунчаева сюжет, который напрямую связан с Бактрией эллинистической эпохи, эпохи, которая всегда интересовала и интересует юбиляра.

Главным объектом нашего исследования является особая группа монет, выпущенная в Греко-Бактрийском царстве, которая может дать очень ценную информацию не только по политической и экономической истории этого государства, но и прояснить ряд проблем религиозной ситуации в стране и государственной политике в этой сфере жизни общества.

В данную группу монет входят некоторые эмиссии трех царей: Антимаха I, Агафокла и Панталеона (см.: Bopearachchi, 1991. P. 183–187 – монеты Антимаха I; P. 172–180 – Агафокла; P. 181–182 – Панталеона). Прежде всего, отметим их место в общей истории государства, следуя наиболее убедительной в настоящее время хронологической схеме О. Бопеараччи: Агафокл, согласно его расчетам, царствовал приблизительно в период от 190 по 180 г. до н.э., Панталеон – от 190 до 185 г. до н.э., правление же Антимаха I было более длительным: от 185 по 170 г. до н.э. (Bopearachchi, 1991. P. 59). Они явно были связаны родственными отношениями и принадлежали к династии, созданной Евтидемом и продолженной сыном последнего Деметрием I (Кошеленко, Сердитых, 1986. С. 10).

В монетном чекане этих трех правителей имеется несколько особенностей, сильно отличающих его от чекана всех предшествующих царей Греко-Бактрии. К их числу относятся: 1) появление двуязычных монет (аверс имеет греческую легенду, реверс – индийскую), которые чеканились наряду с монетами чисто греческого облика; 2) использование для таких монет индийского весового стандарта; 3) наличие в составе эмиссии монет, имеющих прямоугольную форму, что отвечает индийским, а не греческим традициям; 4) появление впервые в греко-бактрийском монетном чека-

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

не в составе легенд эпиклез, прославляющих царя; 5) наличие в легенде некоторых выпусков слова ΘΕΟΣ, что позволяет говорить о претензиях на божественность царя, выпускавшего данную монету; 6) наличие среди чекана этих царей серий с упоминанием имен царей, ранее правивших в Бактрии; 7) появление на монетах изображений индийских божеств.

Конечно, все упомянутые особенности в полном «наборе» не присутствуют в чекане всех трех правителей, но у каждого из них наличествует несколько таких «взаимопересекающихся» черт. В монетном чекане Агафокла присутствуют первая, вторая, третья, четвертая, шестая и седьмая особенные черты; Антимаха — вторая, третья, пятая и шестая; Панталеона — первая, вторая, третья и седьмая. Это, кажется, позволяет с достаточной долей уверенности считать чекан этих правителей достаточно гомогенной группой[1].

Попытаемся понять и объяснить те особенности, на которые мы обратили внимание. Достаточно легко объясняются первые три: индийские легенды, индийская весовая система и типичная для Индии форма монет. Эти особенности, что вполне естественно, появились в результате завоеваний бактрийских царей на территории Индийского субконтинента. Как известно, вопрос о времени и масштабах этих завоеваний долгое время являлся объектом горячих дискуссий. Первые походы за Гиндукуш осуществил сын царя Евтидема — Деметрий. В. Тарн рисовал картину грандиозных успехов этого царя на Индийском субконтиненте (Tarn, 1980. P. 131f), с другой стороны, А.К. Нарайн, напротив, полагал, что Деметрий I вообще никаких завоеваний к югу от Гиндукуша не совершал (Narain, 1957. P. 17 f.). Сейчас можно считать установленным, что Деметрий, перейдя Гиндукуш, завоевал Арахосию и Дрангиану, но не смог проникнуть в собственно индийские области (Bernard, 1994. P. 101). Эта задача выпала на долю следующего поколения потомков Евтидема, к которому относятся и три упомянутых нами правителя.

Естественно, что бактрийские греки, поставившие под свой контроль часть индийских территорий, должны были приспосабливаться к существовавшим там уже долгое время денежным системам с их устоявшимися за века традициями: весом, формой, изображениями, привычным языком легенд. Полный отказ от ранее существовавших монетных систем и введение взамен новой, принесенной завоевателями, привело бы к экономическому хаосу, что, естественно, не могло отвечать интересам завоевателей. Результатом стал своеобразный компромисс: наряду с монетами типичного греко-бактрийского облика наследники Евтидема и Деметрия стали выпускать монету, напоминающую традиционные индийские монеты, т.е. монеты, более приспособленные к условиям местного рынка.

Формой такого приспособления стала чеканка монет, на которых помимо греческих появляются и индийские легенды (язык — пракрит, письмо — брахми), а также использование индийской весовой системы и привычной формы монет. У Агафокла к этой категории относятся серебряные прямоугольные монеты (серия 9) и две серии бронзовых (также прямоугольных) монет (серии 10, 11: Bopearachchi, 1991. P. 175–176). В чекане Панталеона присутствуют только бронзовые прямоугольные монеты с индийскими легендами (серия 6: Bopearachchi, 1991. P. 182). В чекане Антимаха монет с индийскими легендами не зафиксировано, хотя среди его бронзовых выпусков есть несколько квадратных по форме (серии 6–8: Bopearachchi, 1991. P. 186).

Эта особенность в монетном чекане вскоре стала весьма широко распространенным явлением в чекане последующих греко-бактрийских и индо-греческих царей. Хотя часть монетных серий имела только греческие легенды, основная масса их стала двуязычной.

Эти новые явления в греко-бактрийской нумизматике нельзя недооценивать. В этом отношении показательно сравнение с селевкидским чеканом, где на протяжении почти всего периода существования государства местные локальные черты отсутствовали в общегосударственном чекане. Греческим был язык легенд, греческими были боги, изображаемые на оборотной стороне монет. Хотя подавляющее большинство подданных селевкидских царей не были греками и македонянами, их языки и их культы не находили отражения в монетном деле государства в период его расцвета. Редчайшие случаи использования арамейской графики и изображений семитских богов только подтверждают это правило. Лишь в период упадка государства на некоторых монетных дворах стали чеканить монету, на оборотной стороне которой появились изображения местных божеств, но язык легенд всегда оставался греческим (см.: Zahle, 1990. P. 125–139).

[1] Мы не говорим о сходстве наборов монограмм, на что обращал внимание О. Бопеараччи.

Другая особенность, которая отличает чекан этой группы правителей от предшествующих, — появление в составе монетных легенд эпиклез[1], прославляющих данного правителя. В чекане Диодота I[2], Диодота II, Евтидема I, Деметрия I и Евтидема II[3] в легенде присутствует только титул (в форме ΒΑΣΙΛΕΩΣ) и имя царя[4]. В чекане рассматриваемой группы царей характер легенды меняется. У Агафокла часть выпусков серебра имеет традиционную легенду из титула и имени царя, но затем легенда начинает выглядеть по-иному: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ (справедливого царя Агафокла) (Bopearachchi, 1991. P. 173. Серии 3–4). Медно-никелевые и бронзовые монеты сохраняют краткую форму легенды (Bopearachchi, 1991. P. 173–175. Серии 4–8); то же самое можно сказать и о двуязычных монетных сериях, где краткая легенда присутствует и в греческом, и в индийском варианте (Bopearachchi, 1991. P. 175–176. Серии 9–11). Близкую картину мы видим и в чекане Антимаха: на бронзовых монетах мы видим легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ (Bopearachchi, 1991. P. 185–187. Серии 5–8), в то время как в его серебряном чекане (тетрадрахмы, драхмы, гемидрахмы и оболы) легенда дана в расширенном варианте: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ (царя бога Антимаха) (Bopearachchi, 1991. P. 183–185. Серии 1–4).

К. Прео, изучая царские культы эллинистической эпохи, обращала особое внимание на различие понятий «сакральность» и «божественность». Появление различных эпиклез свидетельствует об определенной сакрализации царской власти, однако она не была равнозначна обожествлению царя (Preaux, 1978. P. 238–239). Только появление термина «Бог» может свидетельствовать о действительном обожествлении.

Оставляя в стороне рассмотрение этой проблемы, отметим лишь, что в более позднее время монетные легенды царей стали, как правило, снабжаться различными эпиклезами: ΑΝΙΚΗΤΟΥ (победитель)?, ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ (победоносный)?, ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ (благодетель),? ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ (явленный) и т.д., что свидетельствует о постоянно присутствующей идее сакральности царской власти в Греко-Бактрии.

Необходимо отметить, что очень трудно найти «источник вдохновения» для подобного нововведения. В селевкидском чекане, традициям которого следовали первые греко-бактрийские цари, в период более ранний и одновременный с данным периодом истории Греко-Бактрии практически не встречается ничего похожего, за единственным исключением. Мы имеем в виду чеканку (золото, серебро и бронза), которую относят ко времени так называемого «междуцарствия» после смерти Антиоха II. На монетах этого класса (в отличие от всех остальных выпусков монет ранних Селевкидов, которые несут легенду, включающую только имя царя и его титул) имеется легенда ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ (Антиоха Спасителя). Каковы бы не были причины появления этого класса монет, они были явным исключением, и на протяжении очень долгого времени ничего подобного в селевкидском чекане не наблюдалось (см.: Newell, 1941. (Reprint 1977 with a summary of recent scholarship, additions, and corrections by O. Mørkholm). № 1144; Waage, 1952. P. 7; Le Rider, 1999. P. 80–84; Houghton, Lorber, Kritt, 2002. P. 227–228).

С другой стороны, эпиклезы селевкидских царей постоянно упоминаются в нарративной традиции: Селевк I Никатор (App. Syr. 57; Iust. XLI, 4, 3), Антиох I Сотер (App. Syr. 65; Pomp. Trog. Prol. XVI), Селевк II Калинник (App. Syr. 66; Pomp. Trog. Prol. XVI), Антиох II Теос (App.

[1] Э. Бикерман предпочитал пользоваться термином «божественный эпитет». См.: Бикерман, 1985. С. 221.

[2] Поскольку до сего времени никому из ученых не удалось четко отделить чекан Диодота I от чекана Диодота II, то наше выделение является, в сущности, достаточно условным. Последние, насколько мы знаем, попытки такого подхода были предприняты Ф. Холтом (Holt, 1999) и С. Коваленко (Kovalenko, 1995/96. P. 17–74), но их нельзя признать полностью удачными: концепция Ф. Холта, хотя и была принята Б. Киртом (Kirt, 2001. P. 7–31), подверглась критике со стороны П. Бернара (Bernard, 1990. P. 21–34), а концепция С. Коваленко — со стороны Б. Кирта (Kirt, 2001. P. 11, 33). При этом, видимо, общий вывод Ф. Холта и С. Коваленко о существовании двух монетных дворов в распоряжении первых правителей независимой Бактрии является обоснованным.

[3] Выделение чекана Евтидема II — результат исследований О. Бопеараччи (Bopearachchi, 1991. P. 168–171). Некоторые нумизматы, однако, считают, что те монеты, которые он относил к чекану этого правителя, на самом деле выпускались Евтидемом I. Ф. Холт, заново исследовавший проблему, доказывает, что нумизматические материалы свидетельствуют о существовании двух царей, носящих имя Евтидем (Holt, 2000. P. 81–91. Здесь же приведена вся предшествующая литература по данной проблеме).

[4] Имеется единственное исключение: тетрадрахма, которая несет легенду ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ. О. Бопеараччи (совершенно справедливо, с нашей точки зрения) считает данную монету посмертным выпуском (Bopearachchi, 1991. P. 153. Серия 16), что, естественно, предполагает ее исключение из рассмотрения.

Syr. 65), Антиох III Великий (App. Syr. 1; 15; Pomp. Trog. Prol. XXXII), Антиох IV Эпифан (App. Syr. 45; 66; Pomp. Trog. Prol. XXXV), Антиох V Эвпатор (App. Syr. 46; 66) и т.д.

Можно полагать, что данные эпиклезы являлись результатом божественных почестей, которые воздавались этим царям, но не в рамках общегосударственного культа (см. ниже), а того культа, который определялся решениями отдельных греческих полисов (Бикерман, 1985. С. 221 сл). Однако, в Греко-Бактрии до сего времени не зафиксировано существования автономных полисов, которые бы могли оказать подобную честь царям. Следовательно, можно думать, что появление таких титулов является результатом политики правящей династии.

Особого внимания заслуживает тот факт, что эпиклезы на бактрийских монетах появляются ранее (в крайнем случае — одновременно), чем на селевкидских. Обычно считается, что отправной точкой для этого явления (распространившегося затем на монетное дело царей эллинистического Востока и Малой Азии) стал монетный чекан Антиоха IV, когда впервые в селевкидском чекане в составе легенд появились культовые эпитеты. Около 172 г. до н.э. в составе легенд его монет появился титул ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥ (явленного бога), а тремя годами позднее добавилось еще слово ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ (победоносного) (Mørkholm, 1991. P. 30–31). Э. Бикерман относил первое появление эпиклез к 169 г. до н.э. См.: Бикерман, 1985. С. 205.

Наше утверждение относительно эпиклез в целом верно и в отношении такой специфической как ΘΕΟΣ. И в этом случае употребление этого бесспорно культового титула в Греко-Бактрии начинается раньше, чем у Селевкидов. Как мы отмечали выше, в чекане Антимаха в легендах на некоторых монетах присутствует этот термин. Исходя из этого, мы с полной уверенностью можем утверждать, что в Греко-Бактрии (во всяком случае, в пределах территорий, контролируемых этим царем) существовал настоящий царский культ.

Хорошо известно, как мало документальных материалов дошло до нас от Греко-Бактрии, однако в отношении Антимаха и его обожествления мы располагаем одним весьма важным документом. Это пергамен, происходящий из Афганистана и сравнительно недавно опубликованный (Bernard, Rapin, 1994. P. 261–294; Rea, Senior, Hollis, 1994. P. 261–280). Не входя сейчас в рассмотрение всех вопросов, связанных с этим документом, отметим только его датировочную формулу, находящуюся в начале текста. Хотя здесь имеются некоторые повреждения, тем не менее восстановление текста совершенно бесспорно: βασιλευόντων θεοῦ Ἀντιμάμαχου καὶ Εὐμένους καὶ Ἀντιμάχου (в царствование бога Антимаха и Эвмена и Антимаха). Далее следует указание на четвертый год (видимо, царствования Антимаха) и месяц. Таким образом, мы имеем абсолютно точное соответствие в письменном документе и в легенды монеты. Следовательно, можно говорить об официально введенном и функционировавшем культе правящего царя.

Как известно, в Селевкидском государстве, которое являлось своего рода «прототипом» для Греко-Бактрии, существовал культ царей (в данном случае мы говорим об общегосударственном культе, а не о культе, установленном в том или ином автономном полисе)[1], но это был культ умершего правителя, который обожествлялся после смерти. Эта практика появилась сразу же после гибели Селевка I. Согласно свидетельству Аппиана, сын погибшего царя Антиох I «похоронил их [останки Селевка] в Селевкии Приморской и воздвиг в его честь храм и священный участок, и этот участок называется Никаторием» (ὃ δ' ἐν Σελευκείᾳ τῇ πρὸς θαλάσσῃ ἀπέθετο, καὶ νεὼν αὐτῷ ἐπέστησε καὶ τέμενος περιέθηκε, καὶ τὸ τέμενος Νικατόρειον ἐπικλήζεται — App. Syr., 63). Подобная система посмертного обожествления функционировала на протяжении достаточно длительного времени. Прижизненное обожествление зафиксировано тремя надписями времени Антиоха III, тексты которых представляют собой копии одного и того же документа: указа царя о введении культа его жены в дополнение к его собственному культу. Предусматривается наличие специальных жрецов в каждой сатрапии и некоторые другие необходимые мероприятия. Однако, никаких документов подобного типа ни от более раннего, ни от более позднего времени не сохранилось (Бикерман, 1985. С. 230–232). Правда, на монетах, выпущенных царскими монетными дворами, и в посвятительных надписях, выполненных от имени царя и по его приказу, термин «Бог» употреблялся неоднократно и в более позднее время. В то же время в греко-бактрийской нумизматике этот термин никогда более не встречается.

Можно предположить, что, восприняв от Антиоха III практику собственного прижиз-

[1] О различиях общегосударственного культа и городских культов см.: Бикерман, 1985. С. 226 сл.

Таблица 1.

Лицевая сторона	*Оборотная сторона*
Голова Александра (в виде Геракла) с львиной мордой на ней[1]; легенда: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΟΥ ΦΙΛΙΠΠΟΥ (Александра, сына Филиппа)	Зевс, сидящий на троне с орлом на вытянутой правой руке и со скипетром в левой; легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ (в царствование Справедливого Агафокла)
Голова Антиоха II в диадеме; легенда: ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ (Антиоха Победителя)	Идущий Зевс с молний в одной руке и эгидой — в другой, и орлом у его ног; та же легенда
Голова Диодота I в диадеме; легенда: ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ (Диодота Спасителя)	Изображение, как на предыдущем экземпляре; та же легенда
Голова Диодота II в диадеме; легенда: ΔΙΟΔΟΤΟΥ ΘΕΟΥ (Диодота Спасителя)	Изображение, как на предыдущем экземпляре; та же легенда
Голова Евтидема I с диадемой; легенда: ΕΥΘΥΔΗΜΟΥ ΘΕΟΥ (Евтидема Бога)	Сидящий на скале Геракл, опирающийся одной рукой на скалу, в другой руке дубина; та же легенда
Голова Деметрия I, украшенной скальпом слона; легенда: ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΑΝΙΚΗΤΟΥ (Деметрия Непобедимого)	Стоящий Геракл, держащий в одной руке дубинку, а второй — увенчивающий себя диадемой (или венком); та же легенда
Голова Панталеона в венке; легенда: ΠΑΝΤΑΛΕΟΝΤΟΣ ΣΩΤΗΡΟΣ	Сидящий Зевс, в одной руке скипетр, на другой — Геката с двумя факелами[2]; та же легенда

ненного обожествления, Антимах попытался ввести этот институт и в Греко-Бактрии, однако после его смерти последующие правители не стали повторять этот опыт или, по крайней мере, не «объявляли» об этом на своих монетах. Еще одна черта, резко отличающая чекан этих правителей от чекана всех остальных, состоит в наличии среди монетных серий таких, которые обычно называются “pedigree coins” (см., в частности: Tarn, 1980. P. 446–451; Holt, 1984. P. 69–91).

В чекане Агафокла монеты этого типа представлены несколькими сериями: в память Александра Македонского (Lahiri, 1965. P. 74–75. N 1; Mitchiner, 1975. P. 78. Тип 142; Bopearachchi, 1991. P. 177. Серия 12), Антиоха II (Mitchiner, 1975. P. 78. Тип 143; Lahiri, 1965. P. 75. N 2; Bopearachchi, 1991. P. 177–178. Серия 13; Rtveladze, 1984. P. 65. N 49), Диодота I (Mitchiner, 1975. P. 78. Тип 144; Lahiri, 1965. P. 75. N 3; Bopearachchi, 1991. P. 178. Серия 14), Диодота II (Bopearachchi, 1991. P. 178. Серия 15), Евтидема I (Mitchiner, 1975. P. 78. Тип 145; Lahiri, 1965. P. 75–76. N 4; Bopearachchi, 1991. P. 179. Серия 16. См. также: Francfort, 1975. P. 19–22; Rtveladze, 1984. P. 65–66, N 50), Деметрия I (Mitchiner, 1975. P. 79. Тип 145; Lahiri, 1965. P. 76. N 5; Bopearachchi, 1991. P. 179. Серия 17) и Панталеона (Bopearachchi, 1991. P. 179–180. Серия 18). Все монеты представляют собой тетрадрахмы по аттической весовой системе.

Все монеты выполнены по одной модели: на лицевой стороне изображение того царя, в память которого чеканится данная монета, и легенда, указывающая на этот факт; на оборотной — воспроизведение типа оборотной стороны монет вспоминаемого царя, но с указанием на то, что монета выпущена в царствование царя Агафокла Справедливого (ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ).

Учитывая факт большой однотипности монет, представим их в форме таблицы (см. табл. 1).

В чекане Антимаха I коммеморативных серий гораздо меньше. Он вспоминает только двух правителей: Диодота I (Mitchiner,

[1] М. Бибер, специально исследовавшая данную монету, твердо убеждена в том, что здесь представлен именно македонский царь, а не герой. (См.: Bieber, 1949. P. 414, fig. 63. Bellinger, 1963. P. 14). Однако существует и прямо противоположное мнение. Р. Фляйшер считает, что данный портрет очень далек от того портрета, который представлен на подлинных монетах Александра, но зато очень схож с портретом Агафокла. (См.: Fleischer, 2002. P. 68).

[2] Сомнения в том, что здесь изображена именно Геката, см.: Audouin, Bernard, 1973. P. 31.

Таблица 2.

Лицевая сторона	*Оборотная сторона*
Голова Диодота I в диадеме; легенда: ΔIOΔOTOY ΣΩTHPOΣ (Диодота Спасителя)	Идущий Зевс, держащий в одной руке молнию, а в другой — эгиду; легенда: BAΣIΛEYONTOΣ ΘEOY ANTIMAXOY (в царствование Бога Антимаха)
Голова Евтидема I в диадеме; легенда: EYΘIΔHMOY ΘEOY	Геракл, сидящий на скале и опирающийся одной рукой на скалу, в другой руке у него — дубинка; легенда, как на предыдущей монете

1975. P. 74. Тип 128; Lahiri, 1965. P. 87–88. N 1; Bopearachchi, 1991. P. 187. Серия 9) и Евтидема I (Mitchiner, 1975. P. 74. Тип 129; Lahiri, 1965. P. 87–88. N 2; Bopearachchi, 1991. P. 187. Серия 10; Кастальский, 1940. С. 339–347). Эти монеты, как и в чекане Агафокла, все являются тетрадрахмами аттического веса.

Их также лучше представить в таблице (см. табл. 2).

Прежде чем начать анализ этих монет, отметим некоторые явно бросающиеся в глаза особенности. Появление среди них экземпляров в память Панталеона заставляет думать, что к началу чеканки этого типа монет он уже умер. Все остальные персонажи, представленные в этих сериях, уже давно (или относительно недавно, как Деметрий I) были мертвы, и совершенно естественным является предположение, что и монеты в память Панталеона имели такой же характер[1].

Не подлежит сомнению тот факт, что выпуск «памятных» монет двух правителей был частью единого «проекта». В нашем распоряжении имеются монеты того и другого правителя, посвященные памяти Диодота I и Евтидема I. Их лицевые стороны абсолютно идентичны, одинаковы и типы оборотных сторон, различие состоит только в легендах, которые называют правителей, выпустивших эти монеты. Соответственно, не подлежит сомнению тот факт, что Агафокл и Антимах совместно принимали решение о том, кого из предшествующих правителей необходимо вспоминать и каким образом[2].

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении типов памятных монет с реальным чеканом. Что касается монет Александра, то тип лицевой стороны и оригинальной александровской монеты, и памятной очень схожи. Однако легенды различаются достаточно сильно. В реальном чекане Александра присутствуют только два варианта легенды: «Александра» и «царя Александра» (причем последний вариант — только в посмертных выпусках) (О монетном деле Александра Македонского см.: Le Rider, 2003). Той формы легенды, которая представлена на памятной монете («Александра, сына Филиппа»), в монетном деле великого завоевателя не зафиксировано. У нас, к сожалению, нет никаких материалов, которые могли бы объяснить эти различия в подлинных и памятных монетах.

Определенные сложности вызывает и проблема соотношения типов, использовавшихся в реальном чекане Антиоха II и в «памятных» монетах. В реальном чекане монетных дворов в Бактрии при Антиохе II присутствовал тип сидящего на скале Геракла, а на памятной монете представлен идущий Зевс. Этот тип был характерен для первой серии монет Диодота, когда он, сохраняя на аверсе изображение головы царя Антиоха и на реверсе — его имя, ввел новый «говорящий тип» — изображение Зевса (Bopearachchi, 1991. P. 147. Серия 2), что было первым шагом к провозглашению им своей независимости от Селевкидов. Надо также отметить, что в чекане Антиоха никогда не присутствовал тот вариант легенды, который представлен на памятной монете. Как и в предыдущем случае, у нас нет серьезных оснований для надежных выводов об этих различиях[3].

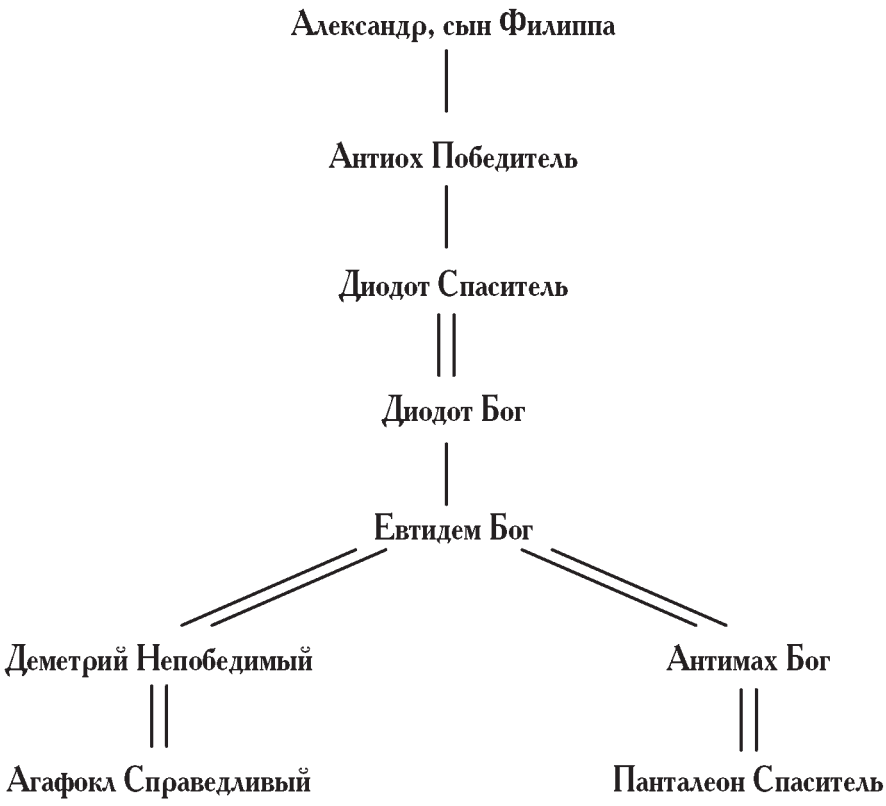
Более простая ситуация с монетами обоих Диодотов. Коммеморативные и подлинные монеты по своим типам лицевой стороны

[1] Это обстоятельство объясняет и меньшее количество монетных серий в чекане Панталеона по сравнению с чеканом Агафокла и Антимаха.

[2] Это наблюдение, как нам кажется, заставляет отказаться от предположения О. Бопеараччи о соперничестве между Агафоклом и Антимахом. (См.: Bopearachchi, 2003. P. 93).

[3] Можно предполагать, что в это время уже не было в обращении реальных монет Антиоха II, но столь же возможно, что за давностью лет стерлась память о том, какие — собственно антиоховские, а какие — уже начало чекана Диодота. (См.: Кошеленко, Сердитых, 1986. С. 13).

Схема 1.

очень похожи, различия присутствуют только в легендах. При этом в одном случае — в посмертном чекане (Bopearachchi, 1991. P. 153. Серия 16) — совпадают даже легенды, принадлежащие типу Диодота, но они присутствуют на разных сторонах монеты.

Сходные результаты получаются и при сопоставлении подлинного чекана Евтидема с памятными монетами Агафокла и Антимаха. Они достаточно точно воспроизводят тип подлинных монет, однако на этих монетах никогда не появляется термин «Бог», который присутствует на памятных монетах (Кошеленко, Сердитых, 1986. С. 13).

Аналогичные результаты получаются и при сопоставлении реальных монет Деметрия I и памятных, выпущенных Агафоклом. Памятные монеты точно воспроизводят тип реальных, но с отличием в легенде: на монетах этого правителя никогда не присутствует термин «Непобедимый», он присутствует только на памятной монете[1]. То же самое можно сказать и о монетах, выпущенных в память Панталеона, где также единственное различие — в легенде.

Подводя итог этому этапу исследования, можно утверждать, что степень сходства памятных монет с оригиналами в основном определяется временем: чем меньше временной промежуток, тем большее сходство. Однако необходимо обратить внимание на иное обстоятельство: главное отличие оригинальных типов от памятных монет состоит в том, что на всех них представлены эпиклезы, которых не было на оригинальных монетах. Особенно показательно появление слова «Бог». Как мы уже отмечали, в чекане этой группы царей впервые появляются эпиклезы, в том числе и такая, как «Бог». Создается впечатление, что свое нововведение Антимах и Агафокл стремятся поддержать, создавая впечатление, что и у их предшественников существовала такая же практика.

Можно предположить, что эти монеты являются свидетельством создания династического культа. Такой культ — один из достаточно

[1] Вслед за Р. Одуэном и П. Бернаром (Audouin, Bernard, 1973. P. 35) мы считаем, что эта эпиклеза впервые появляется только в чекане Деметрия II.

Рис. 1. Тетрадрахма царя Антимаха с титулатурой «Бог» (1), Тетрадрахма царя Агафокла в память Александра Македонского (2), Тетрадрахма царя Агафокла в память Диодота (3), с изображениями божеств Санкарашаны и Васудевы-Кришны (4), Медно-никелевая монета Панталеона. Л.с.:женское божество и легенда на брахми; о.с.: лев и надпись «Царь Панталеон» на греческом (5), Тетрадрахма царя Евкратида в память его родителей Гелиокла и Лаодики (6)

обычных институтов эллинистического мира (Cerfaux, Tondriau, 1957). Однако то явление, которое вырисовывается на основании рассматриваемых нами монет, достаточно сильно отличается от привычных стандартов. Основное отличие состоит в том, что в данном случае в единую систему включены представители нескольких правящих домов: Александр Македонский, Антиох II из династии Селевкидов, оба Диодота и, наконец, предшествующие представители династии, к которой принадлежали Агафокл и Антимах, — основатель династии Евтидем I, его сын Деметрий I и Панталеон. Создается впечатление, что Агафокл и Антимах хотели поставить в ряд своих предков представителей всех правящих домов, осуществлявших власть в Бактрии после падения Ахеменидов. При этом игнорировался, например, такой деликатный момент, что Евтидем сверг Диодота II.

Появление во главе списка Александра Македонского вполне естественно. В эллинистическом мире он рассматривался как своего рода идеальный прообраз царя и в этом качестве включался в династийный культ отдельных государств. Создание культа Александра — творчество Пердикки и Евмена, затем он распространился по всему эллинистическому миру (Bohm, 1989). Кроме того, существовали легенды, делавшие Селевкидов потомками Александра (Tarn, 1929. P. 138).

Присутствие в качестве «представителя» Селевкидов именно Антиоха II достаточно легко объяснимо, поскольку он был последним из царей этой династии, который реально контролировал Бактрию, и именно при нем произошло отпадение, осуществленное Диодотом.

В результате сопоставления монет можно представить и то «генеалогическое древо», ко-

торое пытались создать Антимах и Агафокл; при этом весьма отчетливо вырисовываются и родственные отношения между самими членами дома Евтидема (Кошеленко, Сердитых, 1986. С. 11). На схеме, отображающей это древо, реальные родственные отношения показаны двойной линией, мнимые — одинарной (в схеме использованы эпиклезы памятных монет).

Таким образом, перед нами генеалогическое древо, в котором реальные родственные отношения соединены с мнимыми. Фиктивные генеалогии — явление достаточно обычное для античного мира. Многие знатные роды возводили свое происхождение к богам и героям. Сам Александр Македонский предпочитал считать себя не столько сыном Филиппа, сколько — Зевса–Аммона[1]. Подобные идеи зачастую наблюдаются и у других эллинистических правителей.

Фиктивные генеалогии служили инструментом легализации и сакрализации власти. Ярким примером подобного подхода является скульптурный декор знаменитого Галикарнасского Мавзолея, где на одной стороне представлены образы правителей той династии, для выдающегося члена которой — Мавсола — было и создано это сооружение, а на другой — образы правителей предшествующего века (династии Лигдамидов). В целом эта скульптурная галерея служила «доказательством» величия правящей династии и непрерывности ее власти на протяжении веков (Jeppesen, 2002. P. 43–48). Харизма предков должна была продолжать действовать и в потомках (Völcker-Janssen, 1993. S. 49–51).

К сожалению, не сохранилось ни одной статуи из большой группы (примерно 20 портретных статуй) предков Антигона Гоната. Эти изображения стояли в святилище Аполлона на острове Делос на единой базе длиной в 21 м (Hintzen-Bohlen, 1990. S. 130–140; Hintzen-Bohlen, 1992. S. 88–89; Fleischer, 2002. P. 72).

Другим более поздним примером подобной «монументальной пропаганды» служит знаменитый памятник в Нимруд Даге, где также в скульптурных формах представлена фиктивная генеалогия правящей династии, восходящей, как старались показать ее создатели, с одной стороны, к Ахеменидам (конкретно к Дарию III), а с другой — к Селевкидам и даже к Александру (Fischer, 1972. S. 141–144; Jacobs, 2000. S. 27–35; Jacobs, 2002. S. 75–88). Надписи и скульптуры Нимруд Дага сравнивал с памятными монетами Агафокла еще В. Тарн (Tarn, 1980. P. 448).

Число примеров можно было бы увеличить, но и приведенных, думается, вполне достаточно. Агафокл и Антимах действовали в рамках обычных для эллинистического мира представлений, создавая генеалогию, в которой соединялись реальные и фиктивные элементы. Вполне вероятно, что существовал и династийный храм, где были представлены все скульптурные изображения предков. Особенностью их акции было только неожиданно массовое «тиражирование» образов предков с помощью памятных монет.

Давно было замечено, что потребность в легитимизации посредством привлечения памяти о предшественниках особенно велика в моменты династических кризисов или появления узурпаторов (Fleischer, 2002. P. 61). Нам представляется, что и в данном случае именно эта причина заставила потомков Евтидема предпринимать такого рода экстраординарные усилия по укреплению своей легитимности. Именно на этот период времени приходится выступление Евкратида, расколовшего Греко-Бактрийское царство.

Характерно, что и Евкратиду было необходимо обращаться к монетам как средству пропаганды, доказывающему его право на власть. При этом он, как и его противники, также обращался к предшествующему поколению.

Среди достаточно многочисленных монетных серий Евкратида имеется несколько коммеморативных, в которых упоминаются Гелиокл и Лаодика (Bopearachchi, 1991. P. 209–210. Серии 13–16). Тетрадрахмы и драхмы имеют на лицевой стороне изображение бюста Евкратида в шлеме с диадемой, легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΗΣ (Царь Великий Евкратид). На оборотной — два бюста: мужской и женский. Находящееся на первом плане изображение мужчины лишено диадемы, но женская голова украшена диадемой. Легенда: ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ ΚΑΙ ΛΑΟΔΙΚΗΣ (Гелиокла и Лаодики).

При всех различиях в деталях объяснений этого изображения, практически все иссле-

[1] Обычно в монетном деле сыновья-наследники правителей в своих изображениях на монетах следуют образам отцов (в портретных чертах и прическе). Но Александр поломал эту традицию. В его образе на монетах нет ни одной черты, унаследованной им от Филиппа. В его иконографии явственно проступают черты иконографии Ахилла и Геракла. (См.: Hölscher, 1971; Lauter, 1988. S. 717–743; Smith, 1988. P. 58–62; Ridgway, 1990. P. 108–124; Fleischer, 2002. P. 59–60).

дователи сходятся в том, что на реверсе изображены родители Евкратида (Tarn, 1980. P. 196). При этом тот факт, что его мать имеет диадему, свидетельствует о том, что она была принцессой (или из дома Евтидема, или из дома Диодота)[1], и именно в царском происхождении своей матери Евкратид видел одно из оснований своих прав на власть в Греко-Бактрии[2].

Таким образом, разразившийся в Греко-Бактрийском царстве кризис провоцировал борющиеся династии на обращение к образам предков, что должно было подкрепить их право на власть.

Наконец, мы должны обратиться к уникальной монетной серии, выпущенной Агафоклом (Bernard, 1970. P. 439–446; Mitchiner, 1975. P. 80. Тип 149; Bopearachchi, 1991. P. 175. Серия 9). На лицевой стороне изображен индийский бог Самкаршана и легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ (царя Агафокла). На оборотной стороне изображение индийского бога Васудевы-Кришны; легенда на пракрите, письмо — брахми: Rajana Agathuklayasa.

Значение этих монет для изучения ряда аспектов культуры древней Индии очень велико. Они сразу же привлекли внимание индологов (см., например: Filliozat, 1973. P. 114–123; Narain, 1973. P. 73–77). Нам же важно то, что никогда более в греко-бактрийском чекане не появлялись индуистские божества, лишь в бронзовом чекане только у Агафокла (Bopearachchi, 1991. P. 176. Серия 10) и Панталеона (Bopearachchi, 1991. P. 182. Серия 6) имеются монеты, на которых представлено индийское женское божество.

Подводя итоги, можно высказать некоторые общие соображения о характере рассмотренного нами явления. В конце первой четверти II в. до н.э. Греко-Бактрийское царство переживало один из критических моментов своей истории. С одной стороны, налицо были несомненные успехи. Началось и успешно разворачивалось завоевание территории Индии. Однако эта экспансия была сопряжена со значительными сложностями. Прежде всего, надо было обеспечить лояльность местного населения, постараться более или менее органично включить эти области в государственную структуру. Предыдущий этап завоеваний в этом отношении был проще. Например, в Арахосии имелось значительное греческое население, которое потенциально могло быть союзником пришедших из-за Гиндукуша сородичей[3]. На индийских же территориях всякое присутствие греков окончилось очень скоро после смерти Александра Македонского.

Наследники Евтидема (Агафокл, Антимах и Панталеон) попытались решить эту проблему. О большинстве мероприятий мы, естественно, не знаем в силу крайней скудности источников. Однако, некоторые данные, нашедшие свое отражение в монетном чекане, нам известны. Была сделана попытка создать такие типы монет, которые были бы приемлемы для новых подданных, но в то же самое время были бы понятны и грекам. Появление нового весового стандарта, обычных для индийцев форм монеты, двуязычные легенды — таковы новые стандарты монеты, которая стала чеканиться наряду со старой, привычного облика монетой. Все эти нововведения оказались жизненными и созданная потомками Евтидема система правления просуществовала достаточно долго.

Однако у этой реформы был еще один аспект. Была сделана попытка включить в репертуар монетных типов изображения индийских божеств вишнуитского направления. Возможно, Агафокл, выпускавший эту монету, рассчитывал на определенное сближение между старыми и новыми подданными и в религиозной сфере. Однако эта попытка полностью провалилась. Во всяком случае никто из последующих греческих правителей, правивших в Бактрии и Индии, никогда не повторял этого опыта.

Другой проблемой, с которой столкнулись правители Греко-Бактрии этого времени, стал глубокий внутренний конфликт. Если устране-

---

[1] В. Тарн (Tarn, 1980. P. 196–201) делает Лаодику дочерью Селевка II, Гелиокла — одним из восточных селевкидских сатрапов. Тем самым, по его мнению, Лаодика являлась сестрой Антиоха III, а Евкратид — двоюродным братом Антиоха IV. Отталкиваясь от этих предположений, В. Тарн рисует картину грандиозных планов Антиоха IV, которые должны были осуществляться в тесной координации с Евкратидом. Однако все последующие исследователи воспринимали эти построения В. Тарна как чистейшую фантазию и жестоко критиковали его за это. (См. Mørkholm, 1963. P. 166–172; Narain, 1957. P. 17–25).

[2] Видимо, другое основание — право победителя, признаваемое в эллинистическом мире как высшее основание для власти. Евкратид первым из греко-бактрийских царей ввел в монетную практику изображение себя как воина: в шлеме, иногда даже с копьем в руке.

[3] О роли греческого элемента в этой области и степени эллинизации Арахосии см.: Bernard, 2005. P. 13–34.

ние от власти Диодота II произошло, как кажется, более или менее безболезненно, то восстание Евкратида против потомков Евтидема вызвало глубочайший раскол. Монетный чекан Агафокла и Антимаха показывает их попытки справиться с этой проблемой. Они стремились к сколь возможно большей сакрализации власти. Этому служили и эпиклезы, придававшие сакральный оттенок титулатуре, этому служило и создание фиктивной генеалогии, возводящей потомков Евтидема к Александру Македонскому, наконец, крайним средством стало прижизненное обожествление одного из царей и, кажется, создание династического культа. Однако и эта сторона в деятельности этих правителей оказалась успешной только в малой мере. Если эпиклезы вошли в титулатуру последующих царей, то о прямом обожествлении царей мы свидетельств не имеем. Ни один из последующих правителей никогда не использовал в своих монетных легендах термина «Бог». В этом отношении очень показательно сравнение с практикой Селевкидов, которые после Антиоха IV, впервые введшего этот термин в свои монетные легенды, широко его использовали.

ЛИТЕРАТУРА

Бикерман Э., 1985. Государство Селевкидов. М.

Кастальский Б., 1940. Неизданная греко-бактрийская тетрадрахма-медаль Антимаха I, битая в честь Евтидема I // ВДИ. № 3/4.

Кошеленко Г.А., Сердитых З.В., 1986. Царский культ в Греко-Бактрии // Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях: Межвуз. сб. науч. трудов. М.

Audouin R., Bernard P., 1973. Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan) // Revue numismatique. T. XVI.

Bellinger A.R., 1963. Essays on the Coinage of Alexander the Great. New York.

Bernard P., 1970. La campagne de fouilles de 1970 à Aï Khanoum (Afghanistan) // CRAI.

Bernard P., 1990. Alexandre et l'Asie Centrale: reflexions à propos d'un ouvrage de F.L. Holt // Studia iranica. T. 19, fasc. 1.

Bernard P., 1994. The Greek Kingdoms of Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. II: The development of sedentary and nomadic civilizations: 700 B.C. to A.D. 250. Paris.

Bernard P., 2005. Hellenistic Arachosia. A Greek Melting Pot in Action // East and West. Vol. 55.

Bernard P., Rapin C., 1994. Un parchemin gréco-bactrien d'une collection privé // CRAI.

Bieber M., 1949. The Portraits of Alexander the Great // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 93, N 5.

Bohm C., 1989. Imitatio Alexandri im Hellenismus. München.

Bopearachchi O., 1981. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques: Catalogue raisonné. Paris.

Bopearachchi O., 2003. Les successeures d'Alexandre le Grand en Asie Centrale et en Inde: les Gréco-Bactriens // De l'Indus à Oxus. Archéologie de l'Asie Centrale: Catalogue de l'exposition. Rédacteur publié O. Bopearachchi, Ch. Landes, Ch. Sachs. Lattes.

Cerfaux L., Tondriau J., 1957. Le culte des souverains dans la civilisation gréco-romaine. Paris; Tournai.

Filliozat J., 1973. Représentation de Vasudeva et Samkarsana au IIe siècle avant J.C. // Arts asiatiques. T. XXXI.

Fischer Th., 1972. Zum Kult des Antiochos I. von Kommagene für seine seleukidiscen Ahnen // Istambuler Mitteilungen. 22.

Fleischer R., 2002. True Ancestors and False Ancestors in Hellenistic Rulers' Portraiture // Images of Ancestors. Ed. by J.M. Højte. Aarhus.

Francfort H.-P., 1975. Deux nouveaux tétradrachmes commémoratifs d'Agathocle // Revue numismatique.

Hintzen-Bohlen B., 1990. Die Familiengruppe – ein Mittel zur Selbstdarstellung hellenistischer Herrscher // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 105.

Hintzen-Bohlen B., 1992. Herrscherrepräzentation im Hellenismus. Köln.

Hölscher T., 1971. Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen. Heidelberg.

Holt F., 1984. The So-called "Pedigree Coins" of the Bactrian Greeks // Ancient Coins of the Graeco-Roman World. The Nickle Numismatic Papers. Waterloo (Ontario).

Holt F., 1999. Thundering Zeus. The Making of Hellenistic Bactria. Berkeley; Los Angeles.

Holt F., 2000.Did King Euthydemus II really exist? // The Numismatic Chronicle. Vol. 160.

Houghton A., Lorber C., 2002. Kritt B. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. P. I. Seleucus I through Antiochus III. Lancaster, PA.

Jacobs B., 2000. Das Heiligtum auf dem Nimrud Dağı. Zur Baupolitik des Antiochos I. von Kommagene und seines Sohnes Mithradates II // Gottkönige am Euphrat. Neue Ausgrabungen und Forschungen im on Kommagene rsg. Wagner J. Mainz.

Jacobs B., 2002. Die Galerien der Ahnen des Königs Antiochos I. von Kommagene auf dem Nimrud Dağı // Images of Ancestors — Ed. by J.M. Højte. Aarhus.

Jeppesen K., 2002. Were Images of Ancestors Represented in the Maussolleion at Halikarnassos? // Images of Ancestors. Ed. by J.M. Højte. Aarhus.

Kirt B., 2001. Dynastic Transitions in the Coinage of Bactria. Antiochus — Diodotus — Euthydemus. Lancaster (Pen).

Kovalenko S., 1995/96. The Coinage of Diodotus I and Diodotus II, Greek Kings of Bactria // Silk Road Art and Archaeology. 4.

Lahiri A.N., 1965. Corpus of Indo-Greek Coins. Calcutta.

Lauter H., 1988. Alexanders wahres Gesicht // Zu Alexander dem Grossen Festschrift G. Wirth; Hrsg. von W. Will. Bd. II. Amsterdam.

Le Rider G., 1999. Antioche de Syrie sous les Séleucide. Corpus des monnaies d'or et d'argent. I. De Séleucos I à Antiochos V c. 300–161. Paris. (Mémoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle série; T. XIX).

Le Rider G., 2003. Alexandre le Grand. Monnaie, finance et politique. Paris.

Mitchiner M., 1975. Indo-Greek and Indo-Scythian Coinage. Vol. I. The Early Indo-Greek and their Antecedents. London.

Mørkholm O., 1963. Studies in the Coinage of Antiochus I of Syria. Copenhague.

Mørkholm O., 1991. Early Hellenistic coinage from the accession of Alexander to the peace of Apamea (336–188 B.C.) / Ed. by Ph. Grierson and U. Westermark. Cambridge; New York.

Narain A.K., 1957. The Indo-Greeks. Oxford.

Narain A.K., 1973. The Two Hindu divinities on the coins of Agathocles from Ai-Khanum // The Journal of the Numismatic Society of India. Vol. XXXV.

Newell E.T., 1941. The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, (Numismatic Studies; 4).

Preaux Cl., 1978. Le monde hellénistique. La Grèce et l'Orient de la mort d'Alexandre à la conquête romaine de la Grèce (323–146 av. J.-C.). T. I. Paris.

Rea J.R., Senior R.C., Hollis A.S., 1994. A Tax receipt from Hellenistic Bactria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 104.

Ridgway B.S., 1990. Hellenistic Sculpture. The Styles of ca. 331–200 B.C. Madison.

Rtveladze E.V., 1984. La circulation mon taire au Nord de l'Oxus à l'époque Grèco-bactrienne // Revue numismatique. 6e série. T. XXVI.

Smith R.R.R., 1988. Hellenistic Royal Portraits. Oxford.

Tarn W., 1980. The Greeks in Bactria and India. New Delhi.

Tarn W.W., 1929. Queen Ptolemais and Apama // Classical Quarterely. XXIII.

Völcker-Janssen W., 1993. Kunst und Gesellschaft an den Höften Alexanders dem Grossen und seiner Nachfolger. München.

Waage D.B., 1952. Greek, Roman, Byzantine and Crusaders' Coins //Antioch-on-the-Orontes. Princeton. Vol. 4. Pt. 2.

Zahle J., 1990. Religious motifs on Seleucd Coins // Relogion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom/ Ed. by P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L. Hannestad and J. Zahle. Aarhus.

Г.Е. Афанасьев

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

(по поводу книги А.А. Тортики «Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы»)

С накоплением археологических материалов возникает очень много вопросов, на которые пока нет ответа. Одним из наиболее значимых является вопрос об этническом составе и преемственности населения южнорусских степей и лесостепи. От правильного и аргументированного ответа на него зависит корректность применения археологами этнонимов «болгары», «угры», «аланы», «хазары», «печенеги», «половцы» в отношении этнической принадлежности захороненных в тех или иных погребальных памятниках. Если мы считаем, что особенности погребального обряда являются признаком, маркирующим определенный этнос, то как в таком случае, к примеру, интерпретировать подкурганные подбойные погребения середины I-го тысячелетия – первой трети II-го тысячелетия? Ведь и в южнорусском, и в северокавказском регионах они известны и для раннеаланского времени, и для хазарского времени, и для печенежского времени, и для половецкого времени. Что это: генетически родственные популяции с единым или очень близким погребальным обрядом, но с материальной культурой, отражающей разные хронологические этапы, или это генетически неродственные популяции? Тогда какова степень значимости археологически выделенных подбойных подкурганных погребений в качестве этномаркирующего признака погребального обряда? Это только один из многих возникающих вопросов в современной салтовской археологии.

В конце 80-х – первой половине 90-х гг. прошлого века в Отделе охранных раскопок Института археологии АН СССР активно работал научно-методический семинар под названием «Социальная дифференциация общества. Поиск археологических критериев». В процессе увлекательных научных споров постоянно возникали вопросы: какие археологические признаки свидетельствуют о социальной неоднородности общества, а какие – о его этнической неоднородности. Уже тогда было очевидно, что ответить на эти вопросы невозможно, если использовать традиционные методы анализа археологического материала. Слишком спорные и неоднозначные были выводы. К тому же широкомасштабные охранные археологические исследования 70–90-х гг. способствовали накоплению громадного по объему материала. Необходимо было исследовать очень большие выборки артефактов, описанных большим количеством признаков. Сделать это «на глазок», вручную нельзя. Другой особенностью этого времени был приход в активную научную деятельность нового поколения исследователей, которых уже не удовлетворяли традиционные историко-культурные «штампы» археологических интерпретаций. Их не удовлетворяла простая декларация исторических трактовок археологического материала, их не удовлетворяли простые ссылки на высокие научные авторитеты без изложения исследовательских аргументов. Они требовали доказательств и четкого, ясного представления для всеобщего научного обсуждения не только собранных материалов, но, что не менее важно – самого исследовательского процесса, исследовательской «кухни». На помощь пришли новые технологии. Внедрение в практику археологических работ компьютерных процедур для хранения и обработки информации наметили пути выхода из уже явно проявившегося методико-интерпретационного кризиса отечественной археологии. Сразу несколько сотрудников отдела охранных раскопок приступили к созданию тематических

баз данных (информационно-поисковых систем, систем управления базами данных), имея в виду их дальнейшее исследование методами многомерного статистического анализа (кластерный, факторный, дискриминантный, корреспондентный). Г.Е. Афанасьев разработал базу данных «Burtas», в которой были описаны более 1100 погребений в катакомбах салтово-маяцкой культуры, Д.С. Коробов подготовил информационно-поисковую систему «Alan», в которую включил более 1600 погребений. М.В. Андреева совместно с И.А. Сорокиной и Г.Г. Джаникян приступили к созданию банка данных «Arl-Tree/Tumulus» по материалам раскопок степных курганов. А.С. Смирнов разработал программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений. Н.И. Сударев приступил к созданию базы данных «Боспор», а А.Н. Сорокин — базы данных «Ока». В это новое в то время в нашей науке направление по созданию систем управления тематическими базами археологических данных включился А.Г. Атавин. Он взялся за разработку базы данных «Nomad» с информацией о погребениях печенежского-половецкого времени в Волго-Донском междуречье. Планировалось, что она будет сделана и обработана по тем же принципам, что и базы «Burtas» и «Alan», а это даст возможность в будущем сопоставить социальную структуру раннесредневекового населения предгорий Северного Кавказа и лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья с социальной структурой раннесредневекового населения степного Волго-Донского междуречья. В процессе работы А.Г. Атавин не смог пройти мимо погребений золотоордынского времени, хазарского времени или времени Великой Болгарии, поэтому создание и исследование базы данных затянулось на годы и, к сожалению, так и не было завершено.

Насколько важно четкое понимание дискуссионности этномаркирующих признаков, бытующих в салтовской археологии, наглядно свидетельствует вышедшая недавно книга по истории Хазарского каганата, написанная кандидатом исторических наук, доцентом Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина А.А. Тортикой. Автор следующим образом определил свою задачу: «...проведение комплексного исследования, в котором данные как археологических, так и письменных источников были бы использованы для построения исторических обобщений» (Тортика, 2006. С. 5). В данной статье мне хотелось бы остановиться на оценке только археологической части работы, оставляя для специалистов-востоковедов оценку анализа информации арабо-персидской географической литературы. Автор монографии — историк, который вольно оперирует этнонимами «аланы», «болгары», «тюрки», «угры» и т.д. применительно к археологическим данным. Возможен ли такой подход к источнику на современном уровне наших знаний?

Уже в начале 90-х гг. прошлого века специалистам в области алано-болгаро-хазарской археологии было очевидно, что схема, в соответствии с которой праболгары, переселившись из Приазовья на Балканы, принесли туда элементы своей этнической культуры, не работает. Она является надуманной прежде всего потому, что мы фактически ничего не знаем об археологической культуре собственно оногуро-булгар в Приазовье. Да, там открыты погребальные памятники эпохи Великой Болгарии. На некоторых Таманских поселениях известны культурные слои времени Великой Болгарии. Но кто были обитатели этих поселений: местное приморское население, сохранившееся с ранневизантийских времен и воспринявшее элементы материковой культуры своего времени, или это были пришельцы-степняки? Даже если это были степняки, то мы все еще не знаем, какими археологическими или антропологическими этномаркирующими и этнодифференцирующими признаками можно отделять оногуров от сарагуров, псевдоаваров (огоров), савиров, барсилов, тюрков, абасгов, зихов, касогов, брухов, хазар, кабар, гуннов страны Алп-Илитвер и других племенных объединений или конфедераций, оседлых или находящихся в движении в предгорьях и степях Черноморо-Каспийского междуморья. Без этого знания предложенные А.А. Тортикой реконструкции в области исторической географии Великой Болгарии и соседних регионов остаются неаргументированными. Прав Р. Рашев, когда пишет, что множественность этнонимов в степях Восточной Европы в VI–VII вв. все же ассоциируется у исследователей с фактически однообразным погребальным обрядом (Рашев, 2002. С. 86, 87).

Второй аспект, вызывающий принципиальное возражение, — это характеристика природных условий и связанное с нею моделирование социально-экономических и демографических параметров. Автор исходит из того, что климатические условия в Черноморо-Каспийском

междуморье в I тысячелетии н. э. были такими же, как в настоящее время. На этом он строит все свои расчеты. На самом деле это глубокая ошибка. На Таманском полуострове удалось выделить специфическую фазу субатлантического периода, датируемую VII–XII вв. н. э. Она отличалась самой значительной аридизацией климата за весь период голоцена на протяжении последних 6 000 лет (Болиховская и др., 2002. С. 265). Резкое потепление и значительное иссушение климата в VII–XII вв. привело к почти полному исчезновению лесных экотопов и господству злаковых и полынно-маревых степей. Палеопочвы под курганами в степной Осетии свидетельствует о том, что со второй половины V в. климат меняется и становится очень сухим (Khokhlova, Golyeva, Khokhlov, 2004. P. 9, 10). Это подтверждают исследования датированных погребенных почв в Кисловодской котловине, в Калмыкии и на Нижнем Дону, а также компьютерное моделирование биопродуктивности Кисловодской котловины (Афанасьев, Коробов, 2007). Даже лесостепь не осталась в стороне от аридизации климата степей. Палеопочвы Маяцкого селища показали, что в середине IX в. наступает сухой и теплый интервал (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 121). Вывод о сильной аридности климата в VII–XII вв. подтверждается и исследованиями в области колебаний уровня Каспия. Установлено, что в VI в. уровень моря был на 4–5 м ниже современного (по некоторым данным на 7–8 м). Такая комбинация климата в степной зоне, в лесной зоне и на Каспии возможна только тогда, когда циклоны двигаются на восток к Белому и Карскому морям. Волга и Каспий мелеют, степи превращаются в полупустыни, суховеи врываются в лесную зону (Гумилев, 1966. С. 28–30). Ясно, что ни о каких цветущих степях, создавших условия для процветания болгаро-хазарского «кочевничества», цветущих степях как основы для расчетов в области экономики и демографии болгаро-хазар не может быть и речи.

Много нерешенных проблем остается и в археологии лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья, которые автор-историк не видит в своей монографии, но обязан видеть, если использует археологический материал для исторических построений. Автор не проявляет в книге понимания того, что вопрос об этнической принадлежности населения, практиковавшего ту или иную традицию погребального обряда, является дискуссионным. Специалисты смежных дисциплин не перестают удивляться способностью некоторых археологов — «хазароведов-болгароведов» уверенно давать этническую интерпретацию материалу. В 1986 году мы с академиком В.П. Алексеевым обсуждали рукопись монографии «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв.», где я критически разбирал бытующую в салтовской археологии формулу: брахикран + ямное погребение = праболгарский этнос; долихокран + катакомбное погребение = аланский этнос. Удивлению этого ученого не было предела: неужели действительно в археологии и сейчас все еще оперируют такими формулами? Как можно определять этноним или язык по соотношению нескольких параметрических характеристик черепа умершего человека или по форме могильной ямы, распространенной в погребальной практике во все времена и по всему миру? Прошло 20 лет, но иногда в научной литературе продолжает тиражироваться «антропологический» этномаркирующий признак праболгар — брахикранность как признак «тюркоязычных пришельцев-кочевников». Мне уже приходилось обращать внимание на некорректность такого подхода (Афанасьев, 1987. С. 149–150). В частности, это касается Нетайловского могильника, который А.А. Тортика в своей книге называет «праболгарским», а захороненных там людей — тюркоязычными». На самом деле антропологические исследования Г.П. Зиневич показали, что население, оставившее этот могильник, характеризуется тем же морфологическим типом, что и в верхнесалтовском катакомбном могильнике (Зиневич, 1967. С. 152), — долихокефальные аланы с узким и высоким лицом. Современные антропологические исследования подтверждают мысль о том, что ямные погребения салтоидных культур в бассейне Дона принадлежали носителям разных морфологических типов. К примеру, представители морфологического типа, представленного в ямном Волоконовском могильнике, то это — широколицые с небольшой уплощенностью в области скул. Они обладают сходством с некоторыми популяциями Среднего Поволжья. Но самое важное это то, что и те, и другие сохранили физический тип местного европеоидного населения сарматского времени (Ефимова, 1999. С. 190), резко отличаясь от хазар Правобережного городища, то есть совершенно нельзя говорить о генетическом родстве этих псевдоболгар с хазарами, которые согласно генеалогическим преданиям состояли в родстве с оногуро-булгарами.

Что же касается погребенных в Зливкинском могильнике VIII–IX вв., то они действительно сходны с хазарами Правобережного городища. Все это говорит о том, что осуществлять этническую идентификацию салтовских погребенных, основываясь только на ямной форме могилы и без учета данных антропологии, невозможно.

Совсем надуманно выглядит тезис автора книги о смешении аланского и болгарского этносов в лесостепи. Для того, чтобы исследовать этот вопрос, нужно знать этномаркирующие признаки этнической культуры праболгар, этномаркирующие признаки этнической культуры алан. Ни археологические данные на настоящем уровне наших знаний, ни антропологические данные, ни данные арабо-персидской географической литературы не позволяют это сделать. У археологов не вызывает споров точка зрения о принадлежности катакомбных захоронений аланам (Афанасьев, 1993). Что же касается принадлежности ямных захоронений салтовского времени праболгарам, то эта гипотеза подвергается очень серьезной критике из-за сильно устаревшей археологической аргументации и в связи с появлением новых антропологических данных. Напомню, что изначально основным археологическим эномаркирующим признаком для зоны «праболгарских» погребений Нижнего Дона и Северного Кавказа являлась сопряженность ямных погребений с зоной распространения котлов с внутренними ручками, которые априорно считали признаком праболгар. Дальнейшие исследования показали, что наиболее ранние формы этих котлов встречены не в Приазовье, а на аланских поселениях и в аланских катакомбах Предкавказья (еще один очаг распространения котлов в предболгарское время сейчас намечается на Дону). Ясно, что маркировать праболгарский этнос они не могут. Такие котлы известны даже в энеолитических памятниках Верхней Нормандии. Но это не значит, что мы должны удревнять праболгарский этнос и выводить его из этого региона Франции. Данный тип кухонных сосудов функционально был предназначен для использования над открытыми очагами, он должен был обладать конструктивными элементами для подвешивания. Котлы с внутренними ручками имели разные источники происхождения и были распространены так широко (и территориально, и хронологически), что они не могут служить в качестве археологического этномаркирующего признака праболгар.

Существует точка зрения, что одним из этномаркирующих признаков праболгар являются горшки, в которых в качестве отощающей примеси использовался песок (Плетнева, 2000. С. 18), в отличие от алан, у которых якобы в качестве отощающей примеси применялась только мелкомолотая дресва или шамот. На основании этого находки такой керамики на поселениях степного и лесостепного Дона, Предкавказья, Тамани, Восточного Приазовья, Крыма, Румынии, Болгарии часто некритически связываются с проникновением туда болгаро-хазар, а сами памятники автоматически включаются в круг салтово-маяцкой культуры. Очевидно, что это глубокое заблуждение, но сделанные на нем выводы косвенно некритически принимаются и используются автором монографии для своих построений. Проведенная А.А. Бобринским технико-технологическая экспертиза салтово-маяцкой керамики полностью отрицает подобную постановку вопроса. А практика моих работ на аланских поселениях Предкавказья показывает, что салтоидные горшки с примесью песка бытовали там начиная с V в., когда салтово-маяцкая культура еще не существовала, и вплоть до XII в., когда даже позднеаланская культура заканчивает свое существование. Аналогичная картина наблюдается и в Донецко-Донской лесостепи. Разведки, проведенные автором этой статьи по Осколу, Тихой Сосне, Короче, дают очень высокий процент фрагментов псевдоболгарских горшков с примесью песка, найденных на поселениях, сопряженных с аланскими катакомбными могильниками.

Если у нас так много неясного в методиках этнокультурной интерпретации салтовских ингумаций, где сохранился антропологический материал, то что же говорить о салтовских кремациях, где нет антропологического материала. В этом случае в распоряжении исследователей остается пока только вещеведческий и локализационный метод исследования. Что касается последнего, то в процессе выделения двух этнотерриториальных районов в лесостепной зоне (Афанасьев, 1987. С. 150–155) мне уже приходилось обращать внимание на интересный факт. Могильники с салтовскими кремациями в бассейне Сев. Донца территориально сопряжены с зоной, где для предшествующего времени фиксируются пеньковские поселения и пеньковские кремации. Последние известны и в аланских катакомбных могильниках, а катакомбы иногда содержат погребения с пеньковским материалом (Приходнюк, 2001. Рис. 118). Я был

и остаюсь сторонником пеньковско-славянской версии происхождения салтовских кремаций в бассейне Сев. Донца. Но существуют и другие версии, одна из которых – праболгарская принадлежит В.С. Аксенову, выделившему недавно, как он полагает, этномаркирующий тип зеркал. Следует обратить внимание на тот факт, что в археологии Северного Кавказа мы встречаемся с многочисленными случаями, когда однотипные зеркала находят в катакомбах, скальных могильниках, грунтовых ямах, каменных ящиках, полуподземных и подземных склепах и т.д., то есть в могилах, где захоронены представители самых разнообразных этносов этого региона. Следовательно, в данном случае этномаркирующие способности таких зеркал минимальны. Другое дело – культурная близость. И в этом аспекте исследования В.С. Аксенова очень интересны, так как они, намечая связи и с новинковскими погребениями Самарской Луки (где также имеются кремации и предшествующая им именьковско-славянская культура), и с подкурганными погребениями Нижнего Дона, очерчивают родственное культурное пространство в хазарское время. Тематически исследования В.С. Аксенова дополняют работы А.В. Пьянкова и В.А. Тарабанова, проделавших сравнительный анализ погребального обряда и специфических черт материальной культуры населения, оставившего трупосожжения в бассейне Сев. Донца и на Северо-Западном Кавказе. Надо признать, что сходство в погребальной традиции и в погребальном инвентаре очевидное. Но вот что за ним кроется: общность взглядов на погребальный обряд и общность ряда специфических элементов материальной культуры в одну историческую эпоху или все же этногенетическое родство? Это очень трудноразрешимый вопрос, сложность и дискуссионность которого А.А. Тортика не видит в своей книге. Можно спорить о принадлежности таких погребений уграм, тюркам, адыго-абхазам или славянам, но пока все это будут лишь догадки. А истина, вероятно, откроется нам только тогда, когда в распоряжении исследователей будут результаты современных антропологических анализов по новейшим методикам (в идеальном случае дополненные анализами ДНК, диеты и т.д.) с последующим сравнительным изучением материалов из биритуальных могильников типа Абрау-Дюрсо и биритуальных могильников апсилов из Цебельды на Северо-Западном и Западном Кавказе, биритуальных могильников типа Красногорский или Пятницкий в бассейне Сев. Донца, биритуальных могильников именьковского и новинковского типов в лесостепном Поволжье. Только разобравшись до конца в генетическом родстве населения внутри каждого из биритуальных могильников и внутри микрорегионов, мы сможем перейти на следующий уровень исследования, изучать генетическое родство популяций, оставивших разные могильники на разных территориях интересующего нас региона. А уж затем, после этого антропологического исследования, подкрепленного всесторонним культурологическим изучением, можно очень осторожно переходить к постановке вопроса собственно об этнониме, о языке населения в том или ином регионе и моделировать этнополитическую географию региона на том или ином историческом этапе эпохи раннего средневековья, определяя их контекст в истории Восточной Европы.

Особо хочется обратить внимание коллег на другое, бытующее в литературе, заблуждение, которое также не видит автор рецензируемой книги. А.А. Тортика хоть и косвенно, но явно некритически использует (в рассуждениях об алано-болгарском культурном и этническом взаимопроникновении) публикации некоторых археологов, где сделаны попытки использовать строительный материал, из которого возводились городища, в качестве признака для этнической дифференциации населения, входившего в состав Хазарского каганата. Это спорный вопрос, который требует особого обсуждения. Мне представляется, что использование строительного материала зависит от конкретных природных условий того места, где возводилась та или иная салтовская крепость, и от экономических возможностей заказчика (государство или община). В лесостепной зоне мы фиксируем крепости (заказчик государство), построенные из меловых блоков там, где пласты известняка практически выходят на поверхность, – Маяцкое и Верхнеольшанское городища. Если же известняк лежит достаточно глубоко, а перекрывающие его глины выходят на поверхность, то там мы находим крепости из сырцового или обожженного кирпича – Красное и Алексеевское городища. Но если крепость строилась в той зоне, где на поверхность выходят и пласты известняка, и глина, то там мы встречаем использование обоих строительных материалов – Колтуновское городище. Вероятно, аналогичная ситуация была и в Нижнем Подонье. Семикаракорское и Левобережное Цимлянское городища расположены на левом пологом берегу Дона, где нет

выходов известняка на поверхность, их стены построены из кирпича. И наоборот, городища Правобережное Цимлянское и Камышинское, разместившиеся на правом высоком берегу Дона, где близко к поверхности выходят пласты известняка, строились из меловых блоков. Глубокое понимание сущности и специфики фортификационного зодчества у раннесредневекового населения Восточной Европы зависит от полноты наших знаний в этой области, которые постоянно расширяются и углубляются в связи с новыми открытиями. Но вместе с тем они заставляют нас задавать друг другу все новые вопросы: какую конструктивную или технологическую функцию выполняла, к примеру, прослойка меловой крошки и щебня в центре вала (заказчик община); какую функцию выполняли деревянные конструкции внутри вала; могла ли сырцовая глиняная прослойка (по техническим характеристикам самой глины) выполнять функцию фундамента? А может быть, все же здесь мы встречаемся с описанной Витрувием заливкой «римским» бетоном на меловой основе, деревянные конструкции — конструктивная обвязка или опалубка для бетона или глинобита (землебита), глиняная прослойка — глинобит (землебит) — заполнитель опалубки вала в его нижней части. Все эти строительные приемы были широко распространены в раннем средневековье на Евразийском пространстве, а степень их этномаркирующих и этнодифференцирующих возможностей (если она вообще существует) нам всем еще предстоит исследовать. Насколько важно глубоко, всесторонне и исчерпывающе исследовать и строительную технику и строительные материалы, из которых возводились салтовские укрепления, в преддверии последующих этнических и исторических реконструкций показывает ситуация, сложившаяся вокруг Левобережного Цимлянского городища (Саркела). Напомню, что уже в первые годы изучения этого памятника было высказано утверждение, что византийские мастера не играли какой-либо заметной роли в постройке крепости, поскольку саркельские кирпичи были якобы невизантийского стандарта (Раппопорт, 1959. С. 9–39). Эта точка зрения некритически излагается и сейчас в публикациях материалов раскопок Саркела (Плетнева, 1996). Но ведь это явная исследовательская ошибка. Существуют нарративные источники с описанием техники производства и размеров позднеантичных–ранневизантийских кирпичей. К примеру, по Витрувию, кирпичи формата «педалис» были величиной в римский фут (29,5 см), что соответствует второму саркельскому формату. Саркельский кирпич как первого, так и второго формата фигурирует в многочисленных византийских сооружениях в Константинополе, Абхазии, Италии и на Ближнем Востоке. Таким образом, утверждение о невизантийском характере кирпичей Саркела является ошибкой, на базе которой сделаны далеко идущие исторические выводы о том, что Саркел это памятник хазарского крепостного зодчества и был построен хазарами, а не памятник византийской фортификации, построенный византийскими мастерами для хазар.

Важное место в работе А.А. Тортика отводится понятиям «кочевники» и «оседающие кочевники». Следовательно, для выполнения задачи по исторической интерпретации археологического фона автор монографии должен обладать знанием признаков в археологической культуре, которые маркируют «кочевничество» или «оседающее кочевничество» носителей этой культуры. В книге этого нет. Автор просто приписывает одним племенам кочевание, другим — начало оседания, третьим — завершение оседания, четвертым — оседлость. Но что за этим скрывается в аспекте понимания конкретных археологических признаков, обозначающих эти процессы, остается неясным. К сожалению, эта проблема актуальна для всей археологии, а не только для работ А.А. Тортики. В 60-х годах в салтовскую археологию были введены новые термины «кочевье» и «стойбище» (Плетнева, 1967. С. 13–19). Под ними подразумевалась ситуация, когда на какой-то территории (речные или морские террасы, пойменные возвышенности и т.д.) найдены немногочисленные фрагменты керамики и кости животных при отсутствующем культурном слое. Предполагалось, что эти черепки и остатки пищи принадлежали кочевникам. Эта идея (но уже как аксиома) быстро нашла последователей, и в дальнейшем они некритически стали маркировать подобными памятниками экономическую территорию, владение которой приписывалось кочевникам: если есть кочевья, то были и кочевники. Но давайте зададим себе вопрос: разве при придомном пастушеском скотоводстве не остается остатков пищи и разбитых сосудов, без формирования культурного слоя? Чем же в таком случае «кочевья» или «стойбища» отличаются от пастбищ оседлого населения, от стоянок деревенских пастухов? В те же

годы в салтовскую археологию было введено понятие «юрта» применительно к круглоплановым постройкам (Плетнева, 1967. С. 51–58). Некоторые археологи некритически приняли это понятие и любые остатки круглоплановых жилищ стали называть юртами, подразумевая, что юрта это типичная форма жилья для кочевников: если есть юрты, то были и кочевники. Но ведь круглоплановая постройка не обязательно должна быть юртой (тем более, что юрты никогда не углублялись в землю и археологически их можно было бы зафиксировать, только проведя фосфатный анализ). Как показывают данные этнографии, нет ни одного континента, где бы у оседлого населения не практиковалось использование круглоплановых жилищ. Таким образом, старые археологические признаки кочевничества уже не работают. В раннесредневековой археологии все актуальнее становится проблема поисков новых археологических критериев для маркировки номадов.

Хочу подчеркнуть, что не имею никакого отношения к приписываемым мне А.А. Тортикой взглядам, по которым донские аланы (ясы, асии, буртасы) не входили в состав Хазарского каганата. Наоборот, еще занимаясь северокавказской проблематикой, мне приходилось неоднократно высказывать мысль (начиная с 1975 г.) о переселении при участии Хазарского каганата аланского подразделения аш-тигор из Кисловодской котловины в бассейн Среднего Дона. Причина этого события заключалась не только в демографическом взрыве среди аланского населения и резком увеличении плотности населения в предгорьях Кавказа в условиях аридизации региона. Однако только после того, как в долине Тихой Сосны была открыта целая серия хазарских крепостей византийского облика, после того как впервые мною была дана историческая оценка этого явления (Афанасьев, 1985б), в науке появились реальные археологические доказательства определения смысла этого переселения для Хазарского каганата — охрана государственных границ. Со временем отношения донских алан и хазар менялись. В период строительства византийских крепостей (в первой половине IX в.) они были конфедеративными, а вот во времена правления хазарского царя Вениамина (880–900 гг.) ситуация изменилась. Донские аланы (асии-буртасы) входили в коалицию пяти стран, воевавших с хазарами (Голб, Притсак, 1997. С. 159).

Отдельный опус А.А. Тортика посвятил анализу места Дона в системе историко-географических реалий хазарского времени по данным раннесредневековых авторов. Возникает вопрос: а где же археологический фон, которому автор в предисловии к монографии обязался дать историческую интерпретацию? Как сопряжена информация арабо-персидской географической литературы IX–X вв. с современной археологией? Ведь говоря о Хазарии, о ее месте в истории Восточной Европы, нужно четко представлять: где же были центральные земли этой самой Хазарии. Современных исследователей уже не удовлетворяет популярный несколько десятилетий назад алгоритм исторических интерпретаций, бытовавший в раннесредневековой археологии евразийских степей, в соответствии с которым, если мы не находим археологических остатков хазарских городов, фортификационных сооружений, жилищ, мастерских, синагог, церквей, мечетей и т.д., то это не значит, что их не было. Это значит, что они были кочевыми (Плетнева, 1982). Сейчас с такими взглядами трудно согласиться, на что уже обращал внимание П. Голден (Голден, 2005. С. 45). Нужны артефакты и их анализ, только на них и базируется наша наука. В низовьях Волги мы не можем обнаружить не только столицу Хазарского каганата, но даже сопутствующих ей поселений 1-го, 2-го, 3-го–n-го рангов, что обязательно должно было бы быть при сгруппированной модели расселения в соответствии с законами социально-экономической географии, неоднократно проверенными на археологических материалах. Там нет никаких следов тех ремесленных, торговых, культовых объектов или сельскохозяйственных угодий, о которых нам так ярко сообщают нарративные источники. Более того, мы не находим там даже сформировавшихся могильников, которые свидетельствовали бы вообще о наличии каких-то постоянных мест обитания в хазарское время. Пока есть только очень редкие и территориально разбросанные одиночные погребения хазарского времени и надежда, что достоверные культурные слои хазарского времени все же будут найдены на городище Самосделка или где-то рядом.

Автор не замечает, что в последние годы опубликованы несколько сводок подкурганных захоронений Волго-Донского междуречья, которые археологии связывают с хазарским этносом (Иванов, 2000; Флерова, 2001. С. 71–82). Эти сводки были пополнены новой информа-

цией, которую А.Г. Атавин собрал при моем методическом участии по состоянию на 2000 г. В итоге база данных о подкурганных захоронениях хазарского времени сейчас составляет около 300 записей. Если традиционно разместить их на карте, то они покроют регион Черноморо-Каспийского междуморья, и просто подтвердят очевидное: хазарский домен располагался где-то в этих местах, что мы знали и раньше из работ М.И. Артамонова. Однако проведенный автором рецензии локализационный анализ плотности подкурганных погребений на единицу площади в Волго-Доно-Кубанском междуречье методами гис-технологий показывает, что основная зона распространения данного обряда — это не Нижнее Поволжье и даже не современная Калмыкия. Основной зоной распространения подкурганных погребений хазарского времени является территория, очерченная радиусом в 175 км с центром в районе Большой Орловки Мартыновского района Ростовской области (в этой же географической точке был найден самый богатый вещевой погребальный комплекс на территории исторической Хазарии). Низовья Волги и Калмыкия — это далекая периферия обряда подкурганных погребений хазарского времени. Как же сопряжены эти выводы с информацией о размерах хазарского домена в письме царя Иосифа? Принимая за точку отсчета расстояний район Большой Орловки, а длину фарсаха за 5–6 км, мы получаем следующие границы этнической территории хазар. На севере (30 фарсахов) — это район впадения р. Большая в р. Калитву, на западе (40 фарсахов) — это устье р. Миус, побережье Таганрогского залива, устье р. Дон, на юге (30 фарсахов) — это место, где р. Кубань принимает западное, широтное направление течения, на востоке (20 фарсахов) — это истоки р. Сал в месте слияния Кара-Сала и Джурак-Сала. До Гурганского (Каспийского) моря, с которым якобы граничит Хазария, расстояние 75 фарсахов. Налицо противоречие между указанным в письме Иосифа протяжением хазарского домена на восток и указанным в том же источнике географическим ориентиром — Каспийским морем. Все остальные три направления полностью соответствуют результатам исследования процедурами гис-технологий наиболее полной базы данных о хазарских погребениях. Более того, проведенный мною с помощью тех же гис-технологий анализ полигонов Тиссена показывает, что на площади с высокой плотностью подкурганных погребений хазарского времени на Нижнем Дону выделяются четыре территориальные группы памятников: Усть-донская, Усть-манычская, Нижне-сальская и Верхне-сальская. В каждой из них захоронения хазарского времени группируются внутри зоны, очерченной радиусом в 25–35 км. И примерно такое же расстояние отделяет соседние группы друг от друга. На территории этих групп известны и подкурганные погребения предсалтовского времени, а в некоторых случаях и более ранние. В центре двух территориальных групп находятся хазарские городища византийского облика. В одной — Семикаракорское городище, в другой — сразу три: Левобережное городище (Саркел), Правобережное городище и Камышевское городище. Нельзя не заметить сопряженности этих выводов с информацией в письме Иосифа о трех городах (вместе с прилегающими деревнями), расположенных в его царстве. Итак, археологические данные, которыми наша наука располагает в настоящее время, во-первых, позволяют четко локализовать хазарский домен, а во-вторых, никак не свидетельствуют в пользу того, что он тяготел к Поволжью. Наоборот, есть все основания говорить о его сопряженности с районом Таганрогского залива близ устья Дона — Волго-Донской переволоки. Мысль о том, что даже столица Хазарии — Итиль — располагалась не в устье Волге, а западнее его, высказывалась А.В. Гадло (Гадло, 1979. С. 190).

Можно разобрать еще ряд связанных с археологическим наследием замечаний к этой части монографии А.А. Тортики. Среди них — непонятное замалчивание археологической локализации города ал-Байда по М. Голдельману (Goldelman, 1998–1999. P. 63–71), который пытается решить эту проблему, базируясь на том, что слово «белый» встречается в названии города ал-Байда — Саркел — Велая Вежа. Суть построений М. Голдельмана состоит в дальнейшем развитии идеи В.Ф. Минорского о том, что военная операция Мервана связана с Доном, поэтому ал-Байда можно отождествить с Саркелом. П. Голден уже отмечал ранее очевидную хронологическую неувязку этого предположения: Саркел построен в 838 г., а кампания Мервана относится к 737 г. (Golden, 1980. P. 243). М. Голдельман находит выход из этой ситуации, предлагая называть ал-Байда не Левобережное городище (Саркел), а Правобережное Цимлянское городище. Кто же прав? Вероятно, здесь следовало бы обратиться к археологическим материалам

раскопок Правобережного городища, определиться с хронологией культурного слоя, но А.А. Тортика не берет на себя этот труд.

От глаз внимательного читателя не скроется и непонятное замалчивание автором рецензируемой книги предложенного С.Г. Кляшторным (Кляшторный, 2005. С. 68–72) решения проблемы ас-сакалиба в контексте именьковской культуры на Волге. Автор монографии глубоким молчанием обходит сам факт существования именьковской культуры, чьи памятники охватили регион от нижней Камы до Самарской Луки, а их известно уже более 600. Сравнительный анализ материалов именьковской и волынцевской культур привел исследователей (А.П. Смирнов, О.А. Щеглова, Г.И. Матвеева, В.В. Седов и др.) к выводу о том, что они имеют генетическую связь на базе славянского этноса. Историческая реконструкция этого явления выглядит следующим образом. В конце IV в. значительная часть антов после гуннского погрома переселяется в Среднее Поволжье, где они проживают до рубежа VII–VIII вв. Затем под напором тюркоязычных кочевников носители именьковской культуры переселяются в Днепро-Донское междуречье, где они создают волынцевскую культуру (Седов, 1999. С. 59–62), чья славянская принадлежность не подлежит сомнению. Славянская атрибуция носителей именьковской культуры находит подтверждение и в материалах лингвистики, предложенных В.В. Напольских (Седов, 2002. С. 248–253). К этому можно добавить, что не знает А.А. Тортика и о существовании могильников с трупосожжениями боршевского облика на среднем течении Хопра, открытых автором данной рецензии еще в начале 80-х гг. (Афанасьев, 1985а). С тех пор их количество увеличилось. Ясно, что, отправляясь на поиски ас-сакалиба в Центральное Предкавказье, автор рецензируемой монографии вступает на ошибочный путь. Поэтому очень трудно принять его тезис: ас-сакалиба = черкесы.

Чувствуется, что автор книги имеет сюрреалистическое представление о географии и природе окрестностей станицы Суворовской Предгорного района Ставропольского края, верхнего и среднего течения Кумы, которую он пытается отождествить с рекой славян арабо-персидской географической литературы. Мне приходилось неоднократно бывать там для выполнения археологических задач. Могу заверить и автора монографии, и ее читателей, что ничего подобного на нарисованную А.А. Тортикой картину ландшафта там нет. Река Кума в районе станицы Суворовской, где в нее впадают мелкие речушки — Дарья, Горькая, Киркиль, имеет глубину от 0,2 м до 0,4 м, и только в затонах она достигает 1,5 м. И это в условиях современного влажного климата. Что же тогда говорить о ее глубине в условиях аридности климата в раннем средневековье. Никаких крутых берегов (гор в представлении А.А. Тортики) здесь нет. Общий подъем к югу от уровня реки составляет примерно 80 м на 2 км расстояния, к северу — 80 м на 4 км. Ширина блуждающей реки колеблется от 10 м в районе затонов до 50 метров на мелководье. Сейчас здесь нет никаких лесов и нет никаких данных о том, что они вообще могли быть в условиях аридности климата раннего средневековья. Археологические памятники рассматриваемой эпохи там не обнаружены. Ближайшие раннесредневековые объекты — это памятники аланской культуры в Кисловодской котловине, расположенной в 30 км к югу (Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004), и памятники аланской культуры в верховьях Кумы (30 км к юго-западу). Они не имеют ничего общего с адыгами VII–IX вв. Достоверно можно говорить о расселении адыго-абазинских племен в этом регионе (и то не на Куме, а в долине Подкумка) только в XIII–XIV вв. (Нагоев, 2000), когда климат резко меняется в сторону похолодания и увлажнения.

Значительная часть монографии отведена критике гипотезы об отождествлении носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры с буртасами. А.А. Тортика — сторонник поволжской локализации буртасов, хотя, как уже было показано выше, современная археологическая донская локализация хазарского домена не только допускает, скорее, отдает преимущество донскому варианту размещения буртасов. Он пытается реанимировать старую идею о мордовском происхождении буртасов и делает это путем решения двух задач: локализации хозяйственно-культурного типа буртасов и идентификации реки Буртас. С точки зрения методики это — «два шага назад»: отказ от мультидисциплинарного решения проблемы. Автор совершенно прав в том, что хозяйственно-культурный тип буртасов связан с лесостепной зоной. Но почему это мордва? Для обоснования своей идеи А.А. Тортика использует упомянутую у Масуди и Димашки реку Буртас. Очень много места он уделил доказательству очевидного факта, что нижняя

часть Дона называлась Танаис. После этого он декларирует: река Буртас — это та часть Волги, которая примыкает к землям мордвы. Но ведь массив археологических памятников мордвы в VI–XV вв. приходится на междуречье Суры — Цны — Оки (Голубева, 1987. Карта 21), где и сейчас сконцентрирован мордовский этнос (Атлас народов мира, 1964. С. 20). Напрасно читатель будет искать какие-нибудь аргументы, доказывающие эту идею автора, — их в книге нет. А.А. Тортика, видимо, чувствует шаткость своих построений. Действительно, даже если назвать эту часть Волги рекой Буртас, то как в таком случае быть с памятниками волжских булгар Самарского Поволжья: они находятся здесь же, только значительно ближе к меридиональному течению Волги. Получается, что волжские булгары жили к реке Буртас ближе, чем сами буртасы, и ниже их по течению Волги, а это уже в корне противоречит Каспийскому Своду, по которому волжские булгары располагались выше по течению реки Итиль (Заходер, 1967). Из этой тупиковой ситуации автор находит выход, но методически он очень странный. Чтобы оставить между мордвой и булгарами хоть какое-то пространство, А.А. Тортика говорит о булгарах Волго-Камья, как бы не замечая массива булгарских памятников, протянувшихся до Самарской Луки, о существовании которых нельзя не знать (Богачев, 2000). Трудно согласиться с такой процедурой в решении буртасской проблемы. В комментариях к переводу Худуд ал-Алам В.Ф. Минорский допускал, что река Буртас это часть Волги (А.А. Тортика почему-то не оговаривает, что данное предположение он позаимствовал у В.Ф. Минорского). Но в отличие от автора рецензируемой книги В.Ф. Минорский подходил к этому вопросу более осторожно, допуская идентификацию реки Буртас не только с отдельным отрезком Волги, но и с Доном, и даже с Окой (Minorsky, 1978. P. 462).

Автор монографии утверждает, что ни аланы, ни славяне не знали названия реки Буртас и не пользовались им по отношению к указанным Г.Е. Афанасьевым рекам бассейна Дона. Судя по этому утверждению, А.А. Тортика не смог в процессе написания работы ознакомиться с соответствующими трудами И.Г. Добродомова, О. Притсака, Т. Левицкого и О.Б. Бубенка (хотя в списке использованной литературы они значатся). Напомню, что в настоящее время известно несколько переводов этнонима «буртас-фуртас» на базе иранских языков. Это — речные асы, дети асов, отделившиеся асы, рыжие асы. Если принять перевод «фурт» + «ас» со значением речные асы или река асов, то в бассейне Среднего Дона мы находим реку Оскол. Этимология этого названия осуществлена на основе этнического самоназвания аланов (ясов, асиев) «ас» и тюркского названия реки, долины «кол»: «ас» + «кол» со значением «река асов». Оскол был для тюрков Аланской рекой (аланскую принадлежность местного средневекового населения доказывают и катакомбные могильники, и антропологический материал — Н. Лубянки, Ютановка, Афоньевка), и именно тюркское название было усвоено русскими (Добродомов, 1985. С. 154, 155; 1986. С. 123–127).

Особое внимание автор уделяет теме «Северо-Западная Хазария и Доно-Донецкий торговый путь в середине VIII — середине X вв.». И опять возникает все тот же вопрос: а где же археологический фон, которому автор обязался дать историческую интерпретацию? В процессе исследования этой темы А.А. Тортика вскользь оперирует информацией только об амфорной керамике и монетных находках, взятой из работ других авторов. Этого явно недостаточно. Он оставил без внимания большой исследованный и опубликованный информативный материал: бусы (Ближний Восток, Византия, Кавказ, Индия, Иран, Прибалтика), морские раковины (Мальдивы), стеклянные сосуды (Византия, Ближний Восток), зеркала (Китай, Кавказ) и многое другое. В итоге автор получил совершенно несостоятельные выводы о торговле населения лесостепи. Вызывает удивление то обстоятельство, что А.А. Тортика практически нигде не дает оценку работам Т. Нунана, хотя в списке использованной литературы некоторые из них указаны. Этот недавно ушедший из жизни американский ученый большую часть своей научной деятельности посвятил исследованию именно проходящих через Хазарию торговых путей, тщательно собирая труднодоступную для него археологическую информацию о хазарском импорте. Он опубликовал глубокие специальные сочинения (Noonan, 1995–1997. P. 253–318; 1998), в которых исследовал те проблемы, за изучение которых взялся А.А. Тортика.

Следующий вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться, это судьба донских аланов. Автор справедливо указывает на ряд археологических признаков в культуре мордвы, свидетельствующих об аланском влиянии, на

самом деле их значительно больше, а влияние было взаимным. Но почему А.А. Тортика не пишет об исследованиях антропологов? Ведь известно, что они давно отмечали аланский след в некоторых краниологических сериях из раннесредневековых памятников Поволжья. А.А. Тортика не видит и другие яркие факты: аланский след обнаружен в памятниках золотоордынского времени региона, которому и посвящена его собственная книга, — бассейну Среднего Дона. Выводы антропологов показательны: «...в данном случае мы имеем достаточно веское основание для заключения о том, что в краниологической серии из Новохарьковского могильника представлены потомки аланского населения Хазарского каганата». Аналогичные наблюдения сделаны и для более восточных территорий (Алексеева, Козловская, 2002. С. 117, 118). Это свидетельствует о том, что даже через 300 лет после прекращения существования салтово-маяцкой культуры какого-либо яркого инородного следа в популяции донских алан не наблюдается. Это еще раз подчеркивает беспочвенность рассуждений о смешении аланского и праболгарского (псевдоболгарского) этносов в IX–X вв. на территории Северо-Западной Хазарии.

Известно, что для исследования динамики исторических процессов (кочевание-оседание, домостроительство, торговля, политические взаимоотношения и т.д.), происходивших в среде населения Северо-Западной Хазарии, базируясь при этом на археологическом источнике, необходимо иметь надежную хронологию материальной культуры. Вопросы датировок археологического материала всегда актуальны. А хронологические маркеры особенно нужны в настоящее время для построения салтовской хронологии, которую, к сожалению, так никто и не создал в аргументированном виде, несмотря на почти что вековое и очень активное полевое накопление материалов салтово-маяцкой культуры. И здесь хотелось бы обратить внимание коллег на этический аспект в нашей работе, на корректное цитирование или точное изложение чужих точек зрения. К сожалению, в дискуссиях о проблемах хронологии хотя и очень редко, но все же иногда приходится встречаться с формой полемики, весьма далекой от той, которая принята в академической науке. К примеру, недавно коллега Е.В. Круглов приписал мне точку зрения (а затем, растиражировав ее, стал активно оспаривать) о том, что я отрицаю датирующие возможности сасанидских монет из Мокрой Балки (Круглов, 2002. С. 80), хотя я всегда придерживался и продолжаю придерживаться диаметрально противоположенных взглядов, о чем неоднократно писал (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 11–53). Складывается впечатление, что мой оппонент просто не смог прочесть в первоисточнике то, с чем вступает в дискуссию, путая при этом погребальную обрядность: называя катакомбные погребения Мокрой Балки подкурганными и так далее. Но такие случаи редки и для всех нас более важно другое: в методическом плане отечественные работы в области раннесредневековой хронологии, на мой взгляд, сильно нуждаются в критическом осмыслении и коренной методической модернизации. И здесь необходимо начинать с создания компьютерного банка данных, с их последующим многомерным статистическим анализом для объективного создания относительной хронологии. Конечно, имея в виду объем накопленного материала (только в лесостепной зоне около 1300 погребений в катакомбах), это очень большая и очень трудная задача, но мы знаем примеры успешного решения подобных задач. Можно вспомнить, что наш австрийский коллега П. Штадлер разработал великолепную хронологию аварских древностей, после того как создал компьютерную базу данных, включающую несколько тысяч аварских погребений Центральной Европы, и обработал их многомерным статистическим анализом (методом сериации). В этом же методическом ключе работают французские исследователи меровингской хронологии — Р. Лего, П. Перен, Ф. Вале. Они обработали компьютерную матрицу из 1200 меровингских погребений, где было учтено 457 элементов погребального инвентаря, и в итоге смогли выделить семь хорошо датированных хронологических этапов в рамках 450–710 гг. (Legoux, Perin, Vallet, 2004). Но похоже, что ситуация постепенно начинает меняться и у нас. О.В. Лопан работает над составлением каталога погребальных комплексов с монетами, синхронными салтово-маяцкой культуре, что позволит исследователям в будущем опираться на исчерпывающую сводку хронологических маркеров. Хочется надеяться, что эти усилия приведут к закрытию белых пятен в хронологии археологических памятников VIII–X вв. в Донецко-Донском междуречье и будут способствовать появлению новых фундированных исторических реконструкций.

Подводя итог, можно сказать, что книга А.А. Тортики «Северо-Западная Хазария в кон-

тексте истории Восточной Европы» с точки зрения археолога оставляет неоднозначное впечатление. Несмотря на это, она, безусловно, полезна уже тем, что дает повод напомнить коллегам историкам, антропологам и представителям других смежных дисциплин, что археологи, занимающиеся исследованием салтово-маяцкой культуры, вовсе не обладают какой-то таинственной способностью точно определять этноним или язык по остаткам материальной культуры. Книга полезна уже тем, что изложенные в ней логические построения, степень широты и глубины охвата археологического материала, уровень понимания дискуссионности используемого археологического источника в процесс этнических и социально-экономических реконструкций, — все это еще раз напоминает нам, археологам, о необходимости очень осторожного, всесторонне взвешенного обращения с археологическими данными. Напоминает нам о необходимости критического отношения к их интерпретации предшественниками в процессе новых этнических построений. Напоминает нам о необходимости современного комплексного, мультидисциплинарного подхода (историческая география, этнология, археология, палеоантропология, палеозоология, палеоклиматология и т.д.) к этно- и социально-экономическим реконструкциям.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Т.И., Козловская М.В., 2002. Антропологический облик населения // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж.

Атлас народов мира. М., 1964.

Афанасьев Г.Е., 1985а. О культуре населения Донского левобережья середины VIII — начала X в. // Проблемы археологии и этнографии. Л. Вып. 3.

Афанасьев Г.Е., 1985б. Социальная интерпретация городищ лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры // Тезисы докладов всесоюзной археологической конференции «Достижения советской археологии в XI пятилетке». М.

Афанасьев Г.Е., 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. М.

Афанасьев Г.Е., 1993. Донские аланы. М.

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С., 1999. Первые шаги «космической археологии» в России: (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. № 2.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П., 2001. Мокрая Балка. М.

Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.

Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., 2007. Использование ГИС в изучении системы расселения аш-тигоров и выделений зон биопродуктивности в VII–XII вв. на Северном Кавказе // Археология и геоинформатика. Вып. 4. М.

Болиховская Н.С., Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Мюллер К., Поротов А.В., Парунин О.Б., Фуаш Э., 2002. Изменения ландшафтно-климатических условий Таманского полуострова на протяжении последних 6000 лет // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.; Магнитогорск.

Богачев А.В., 2000. Кочевники лесостепного Поволжья V–VIII вв.: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб.

Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа, IV–X вв. Л.

Голб Н., Притсак О., 1997. Хазаро-еврейские документы X века. М.; Иерусалим.

Голден П., 2005. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. М.; Иерусалим.

Голубева Л.А., 1987. Мордва // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. Гл. 2: Поволжские финны. (Археология СССР).

Гумилев Л.Н., 1966. Открытие Хазарии. М.

Добродомов И. Г., 1985. Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Проблемы русской ономастики. Вологда.

Добродомов И. Г., 1986. Оскол // Русская речь. № 3.

Ефимова С.Г., 1999. Восточнославянский ареал на антропологической карте средневековой Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.

Заходер Б.Н., 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I–II. М.

Зиневич Г.П., 1967. Очерки палеоантропологии Украины. Киев.

Иванов А.А., 2000. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII — первой половины IX в. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Волгоград.

Кляшторный С.Г., 2005. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. СПб.

Круглов Е.В., 2002. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков.

Нагоев А.Х., 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.

Плетнева С.А., 1982. Кочевники средневековья. М.

Плетнева С.А., 1996. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж.

Плетнева С.А., 2000. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим.

Приходнюк О.М., 2001. Степове населення України та східні слов'яни. Київ; Чернівці.

Раппопорт П.А., 1959. Крепостные сооружения Саркела // МИА. № 75. М.; Л.

Рашев Р. Множество этнонимов и однообразие погребального обряда в степях Восточной Европы в VI–VII вв. // Хазары. Второй международный коллоквиум. М. 2002.

Седов В.В., 1999. Древнерусская народность. М.

Седов В.В., 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.

Тортика А.А., 2006. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков.

Флерова В.Е., 2001. Хазарские курганы с ровиками: Центральная Азия или Восточная Европа // РА. № 2.

Goldelman M., 1998–1999. On the Location of the Khazarian City of Al-Bayda // Archivum Eurasiae Mediiaevi. N 10.

Golden P.B., 1980. Khazar Studies. Vol. 1. Budapest.

Khokhlova O.S., Golyeva A.A., Khokhlov A.A., 2004. Paleopedological and biomorph analyses: potentialities at joint use by the example-study of paleosols buried under kurgansin the Northern Caucasus, Russia // The Phytolitharien. Bulletin of the Society for Phytolith Research. November. Vol. 16, N 3.

Legoux R., Perin P., Vallet Fr., 2004. Chronologie normalisee du mobilier funeraire merovingien entre manche et lorraine // Bulletin de liaison de l'Association francaise d'Archeologie merovingienne. N hors serie.

Minorsky V., 1978. The Turks, Iran and the Caucasus in the Middle Ages. London.

Noonan T.S., 1995–1997. The Hhazar Economy // Archivum Eurasiae Mediiaevi. N 9.

Noonan T.S., 1998. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900. The Numismatic Evidence. Norfolk, Great Britain.

Редакторы-составители
профессор, доктор исторических наук *Н.Я. Мерперт,*
доктор исторических наук *С.Н. Кореневский*

Корректор *О.А. Пруцкова*

Дизайн обложки *Ю. Федяева*

В дизайне обложки использована
фотография *Д. Мадурова*

Научное издание

Археология Кавказа и Ближнего Востока

Сборник
к 80-летию члена-корреспондента РАН,
профессора Р.М. Мунчаева

Подписано в печать 11.05.2008 г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат 60×90/8
Усл. печ. л. 52,00. Уч.-изд. л. 43,63. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Таус»
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: taus@mail.ru
http: www.tayc.ru